

О.В. Волосяк

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ В XVIII ВЕКЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ ИСПАНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ**

O. Volosiuk

**LA POLÍTICA EXTERIOR DE ESPAÑA EN EL SIGLO XVIII:
EL ESTABLECIMIENTO DE LAS RELACIONES HISPANO-RUSAS**

Москва
Российский университет дружбы народов
2011

О.В. Волосюк

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ИСПАНИИ В XVIII ВЕКЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ ИСПАНО-
РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ**

**Москва
Российский университет дружбы народов
2011**

ББК 66.4(4)+63.3
В 68

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России *Л.С. Окунева*,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории международных отношений МГЛУ *А.А. Сагомонян*

Волосюк, О.В.

В 68 Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений: монография / О.В. Волосюк. – М. : РУДН, 2011. – 628 с.: ил.

ISBN 978-5-209-03581-7

В монографии рассмотрены вопросы становления и развития испано-русских отношений в XVIII в., их роль и место в рамках общего внешнеполитического курса Испании, начиная с посольства стольника П.И. Потемкина в конце XVII в. Особое внимание уделено развитию отношений Испании и России во второй половине XVIII в.: их участию в Семилетней войне, взаимоотношениям во время Войны за независимость США. Рассмотрены причины охлаждения, связанного с созданием в России «северной системы» и началом Русско-турецкой войны, а также их сближения в годы Французской революции. Только выход Испании из антифранцузской коалиции и заключение Базельского союзного договора с Францией в 1796 г. привели к разрыву дипломатических отношений и объявлению войны. Но войны не было – уже в 1801 г. после вступления на российский престол Александра I отношения между двумя государствами были восстановлены.

Читатель не только «окунется» в атмосферу XVIII в., увидит ключевые проблемы испанской истории, внешней и внутренней политики Испании, ее место в системе «европейского равновесия», реформы просвещенного абсолютизма, развитие торговли с Россией глазами российских дипломатов, находившихся в те годы в Мадриде, но и узнает о жизни и деятельности С.Д. Голицына, И.А. Щербатова, П.И. Репнина, П.А. Бутурлина, О.М. Штакельберга и С.С. Зиновьева.

Для специалистов по истории Испании и международным отношениям XVIII в. и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-209-03581-7

ББК 66.4(4)+63.3

© Волосюк О.В., 2011

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНИИ К НАЧАЛУ XVIII в. и УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И РОССИЕЙ	84
1.1. Первые испано-русские контакты XV-XVII вв.	84
1.2. Международное положение Испании к 1714 г.	105
1.3. Установление постоянных дипломатических отношений в начале XVIII в.	115
1.4. Миссия герцога де Лириа	160
1.5. Торговые отношения в первой половине XVIII в.	183
Глава 2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И РОССИЕЙ (60-е гг. XVIII в.)	196
2.1. Международное положение и внешняя политика Испании к 1759 г.	196
2.2. Внешняя политика Испании в начале правления Карла III и основные проблемы восстановления отношений между Россией и Испанией	216
2.3. Охлаждение в испано-русских отношениях во второй половине 60-х гг. Посольство Штакельберга	269
2.4. Торговые отношения и восстановление консульства в Кадисе	313
Глава 3. ИСПАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 70-80-е гг. XVIII в.	330
3.1. Дипломат С.С. Зиновьев	330
3.2. Внешняя политика Испании и отношения с Россией в 1770-1780-е гг.	343
3.3. Испано-русские торговые отношения в 1770-1780-е гг.	407
3.4. «Просвещенная политика» Карла III в оценке С.С. Зиновьева	425

Глава 4. Испания и Россия в годы Великой Французской Революции	446
4.1. Политика Флоридабланки в отношении Франции и переписка с Екатериной II	446
4.2. Нейтралитет Аранды и отношения с Россией	467
4.3. Война Испании с Францией 1793-1795 гг.	485
4.4. Испано-французский союз 1796 г. и отношения с Россией	507
Глава 5. Отношения Испании и России в годы правления Павла I	521
5.1. О дипломатической миссии в Россию Г.М. де Ховельяноса	524
5.2. Разрыв испано-российских отношений в 1799 г.	547
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	561
RESUMEN	577
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	578
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	598

ВВЕДЕНИЕ

Народы Испании и России, несмотря на дальность расстояния между двумя странами, всегда испытывали взаимное притяжение, внимание и любопытство друг к другу. Интерес к обычаям, духовной культуре, быту уходит в далекое прошлое. Уже в конце XV в. в Москве слышали о «шпанской земле» и введении там Фердинандом Арагонским инквизиции. Начало политических и торговых связей с Испанией также можно отнести к этому периоду, когда оба государства переживали период политического объединения, связанного в Испании с завершением Реконквисты, а в России – с освобождением русских земель от татаро-монгольского ига. Эти связи несли и долю культурной информации, слабо поддававшейся контролю государственной и церковной власти¹. Одними из первых эту информацию воспринимали те, кто в силу сложившихся обстоятельств непосредственно оказывался в Испании, – это путешественники, купцы, дипломаты. Соприкосновение с жизнью, бытом, познание прошлого породило ощущение общности судеб народов двух стран, расположенных на крайних рубежах – восточном и западном – Европы и сыгравших в ее долгой истории, по образному выражению С.П. Пожарской, роль «часовых на бастионах» христианской цивилизации².

¹ См.: *Алексеев М.П.* Этюды из истории испано-русских отношений // *Культура Испании.* – М.-Л., 1940. – С. 353; *Клибанов А.И.* У истоков русско-испанских взаимосвязей (XV-XVI вв.) // *Россия и Испания: историческая ретроспектива.* – М., 1987. – С. 5-6, 16-17.

² *Пожарская С.П.* Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XIX в. (факторы интереса) // *Россия и Испания: историческая*

Во многом этому сближению и взаимному познанию способствовало установление дипломатических отношений между Испанией и Россией. История этих отношений почти за три столетия существования переживала разные времена: были между двумя странами и этапы сближения, и периоды приостановления и даже отсутствия связей. Но какую бы позицию ни занимали обе страны в системе европейских союзов и блоков и в XVIII, и в XIX, и в XX вв., в отношениях России и Испании никогда не доходило дело до открытых военных столкновений.

В этом смысле достаточно актуальным представляется исследование зарождения этих отношений, их начального развития и формирования принципов их дальнейшего функционирования. Истоки дипломатических отношений между двумя странами относятся к крайне важному в истории европейской цивилизации периоду – периоду перехода во внешней политике стран от интересов династических к интересам государственным, национальным, геополитическим, то есть эпохе, когда закладывались новые принципы функционирования системы международных отношений европейских государств, обусловившие ее дальнейшее развитие в последующие столетия.

В начале XVIII в. в Европе одновременно шли две войны: Северная война и война «за испанское наследство». Они связывались в один международный узел, влияли друг на друга, каждая европейская страна в своей внешней политике должна была учитывать наличие этих двух войн. Но если Северная война привела к укреплению позиций России на европейском континенте, то война «за испанское наследство» и завершивший ее Утрехтский мир вынудили Испанию отказаться от многих своих владений и от влияния на конти-

ретроспектива. – М., 1987. – С. 48; *Она же*. Испания глазами российских послов конца XVIII – начала XIX в. // Россия и Европа. Дипломатия и культура. – М., 1995. – С. 30.

нентальную политику. Традиционное соперничество Бурбонов и Габсбургов, которое в результате Тридцатилетней войны привело к абсолютному доминированию в Европе Бурбонов, после войны «за испанское наследство» завершилось установлением определенного баланса: Бурбоны распространили свою власть и усилили свое влияние на новые территории, но юридически большая часть этих территорий откололась от их владений и перешла к их соперникам – Габсбургам. С начала нового столетия утверждается новый принцип в европейских межгосударственных отношениях – принцип «равновесия сил». В преамбуле договора, подписанного Испанией и Англией в июле 1713 г., который являлся составной частью Утрехтского мирного договора, этот принцип впервые был зафиксирован юридически¹.

Однако система европейского равновесия, установленная после Утрехта, вскоре была нарушена появлением нового и важного элемента в международных отношениях: после Северной войны на европейской «сцене» заявляет о себе Россия, как потенциальная великая держава, стремящаяся активно включиться в «концерт» европейских государств и играть решающую роль в делах континента. Начиная с этого времени ведущие европейские страны вынуждены учитывать в системе создания своих союзов и «российский фактор».

Внимание к истории XVIII в. достаточно символично и потому, что это эпоха становления испанского государства после полуторавекового застоя, эпоха второго испанского «возрождения» – периода, в котором зародились истоки «современной Испании» (*la España contemporánea*). Начало века знаменовало для Испании важный рубеж в ее истории. 1 ноября 1700 г. бездетным умирает испанский король Карл II, что уже само по себе означало для государства новый этап –

¹Anderson M. The Rise of Modern Diplomacy 1450-1919. – London-N.Y., 1993. – P. 164.

окончание правления династии Габсбургов и начало правления династии Бурбонов. Смена династии, хотя и важна сама по себе, но для Испании она имела гораздо более широкое историческое значение. Она перестала быть центром католической империи Габсбургов, включавшей в себя крайне разнородные по своему составу, экономике, национальному и религиозному фактору земли; она перестала претендовать на роль мировой державы, на которой лежал груз ответственности за судьбы народов, находившихся под ее властью, а короли из новой династии, хотя и продолжали сохранять титул «Его Католического Величества», уже не являлись символами распространения христианства в мире – из менталитета испанских правителей исчезли идеи о гегемонии на континенте, и они могли сосредоточиться на решении проблем непосредственно испанского государства¹.

Коренным образом меняются и внешнеполитические ориентации страны. Империя Габсбургов из основного союзника превращается в начале века в основного соперника бурбоновской Испании, и, соответственно, основная внешнеполитическая задача Испании теперь сводится к тому, чтобы покончить с диктатом Утрехта и вернуть отобранные после войны «за испанское наследство» территории.

Политика испанских королей в XVIII в. была направлена на экономическое возрождение страны, а без эксплуатации единственного источника благосостояния – продукции американских колоний – это было бы невозможно. Испанские Бурбоны имели глубокое убеждение, что крайне необходимо укреплять свои права на американские владения, чтобы более эффективно использовать их для возрождения экономики самой метрополии. Поэтому крайне остро стоял вопрос о том, чтобы сохранить монополию торговли с Америкой, без которой испанское экономическое возрождение не

¹ Период 1700-1714 гг. Г. Камен называет «началом территориальной общности Испании». *Kamen H. Golden Age, Spain. 1988. P. 1.*

состоялось бы¹. Именно потому некоторые историки определяли восемнадцатый век как период «возврата в Америку»². Значение колоний определяло и второй приоритет в испанской внешней политике того времени – борьбу с Англией за господство на американском континенте.

Россия не входила в сферу непосредственных интересов Испании, но новая испанская династия учитывала ее возрастающее влияние в европейских делах. При Филиппе V стали создаваться первые постоянные испанские представительства за границей³, но процесс этот шел очень медленно: если в 1715 г. насчитывалось 10 испанских посольств за рубежом, то в 1737 г. – только 14⁴. Среди них было и посольство в России. Однако российская сторона активнее повела себя в этом вопросе, и первое российское постоянное дипломатическое представительство в Испании было открыто Петром I еще в 1723 г. Предпосылкой для сближения двух стран стало стремление Испании заручиться поддержкой России в своей борьбе против Австрии. Союз не состоялся, но Петр

¹ Такая позиция основывается на анализе работ, посвященных экономике Испании и ее зависимости от американских колоний. Одной из последних работ по этой теме является: *Ringrose D. Spain, Europe and the Spanish Miracle*. Cambridge, 1996. В 1686 г. испанский экспорт состоял только на 5,5% из товаров метрополии, все остальное давали колонии. *Ibid.* – P. 84.

² *Woodfine Ph. Britannia's Glories: the Walpole Ministry and 1739 War with Spain*. – London, 1998. – P. 43.

³ М. Андерсон считает, что первые постоянные посольства в Европе зародились еще в XV в. в итальянских государствах, которые ревниво следили за политикой соседей. Крупные европейские державы, меньше заинтересованные в сборе информации о своих более слабых соседях, открыли такие представительства намного позднее. В Россию первые дипломатические миссии из западноевропейских стран направлялись в конце XV – начале XVI в., но «постоянные и систематические контакты начались только с приходом к власти Петра Великого». *Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy*. – London, 1998. – P. 52-58.

⁴ *Ozanam D. La diplomacia de los primeros Borbones (1714-1759)* // *Cuadernos de Investigación Histórica*. – 1982. – P. 178.

настоял на открытии посольства – ему нужна была информация о далекой по меркам того века Испании. Установление дипломатических отношений между Россией и Испанией завершило систему формирования европейского равновесия в начале XVIII в. и создание единого дипломатического пространства Европы от крайних западных до восточных ее границ.

Посольство, правда, просуществовало всего 8 лет. В 1730 г. Россия, уступая требованиям Австрии, с которой Испания разорвала Венский союзный договор, отозвала из Мадрида своего представителя. Одновременно из Москвы выехал и испанский посланник. Дипломатические отношения между Россией и Испанией были разорваны на долгие 30 лет, и только после вступления на испанский престол Карл III, как и много лет назад Петр I, инициировал восстановление отношений и обмен дипломатическими представителями. Наконец, между двумя странами установились долговременные отношения. Но были ли они прочными? Пожалуй, нет. В течение второй половины XVIII в. они переживали взлеты и падения, но никогда эти «падения» не были обусловлены взаимными претензиями, а только изменением отношений с теми державами, которые связывали в единый узел европейские международные отношения – Англией, Францией и Австрией. Именно этой «опосредованностью» проблем и объясняется та взаимная терпимость, которая никогда не доводила отношения между двумя странами до открытого конфликта.

Во взаимоотношениях России и Испании в XVIII в. можно выделить пять основных этапов, связанных с глобальными событиями европейской истории этого столетия:

– с 10-х гг. XVIII в., ознаменовавшихся изменением внешнеполитического курса Испании, что было связано с окончанием войны «за испанское наследство» и установлением дипломатических отношений с Россией, – до 30-х гг., когда отношения с Россией были приостановлены;

– с начала 60-х гг. XVIII в., когда были восстановлены дипломатические отношения двух стран, – до начала 70-х гг., когда после создания Паниным «северной системы» и отхода России от бурбонских держав отношения между Испанией и Россией охладились настолько, что оказались в годы Русско-турецкой войны на грани разрыва;

– 70 – 80-е гг. XVIII в. – сближение двух государств, связанное с изменением политики Испании новым министром графом Флоридабланкой, участием европейских стран в войне за независимость США и провозглашением Екатериной II декларации о вооруженном нейтралитете, ознаменовавшей отход России от традиционного союза с Англией;

– первая половина 90-х гг. XVIII в. – совместная борьба двух монархий против французской революции, окончившаяся подписанием Испанией совместного мира с Францией, который означал выход Испании из антифранцузской коалиции;

– вторая половина 90-х гг. XVIII в. – изменение отношений двух стран в связи с выходом Испании из антифранцузской коалиции, совпавшей со вступлением на престол Павла I и его участием в деятельности Мальтийского ордена.

Историография

В истории изучения внешней политики Испании, а в первую очередь испано-русских отношений, можно выделить два принципиально разных подхода: российской историографии и зарубежной, в первую очередь испанской.

1. Российская историография

В середине XIX в. вопрос о судьбах России, ее историческом предзнаменовании оказался на острие идейной жизни общества. Разные концептуальные подходы к его решению вызвали бурную дискуссию между западниками и славянофилами об отношении России к странам Западной Европы,

об исключительности ее развития. В большей степени, нежели во всех других типах сочинений, эти дискуссии отразились в исторических трудах, и одно из первых сочинений по отношениям России с Испанией создано именно в русле этой дискуссии. Следуя традиции М.П. Погодина, В.А. Ламанский указывал, что «Петр удивительно ясно понимал, что Россия, входя в систему европейских государств, выступает с особым характером, с своим призванием, как представительница Славянских интересов, на охрану и защиту которых в то время все более оказывались несостоятельными другие народы Славянские...». Говоря о причинах установления отношений с Испанией, автор подчеркивал, что славяне стремились «с одной стороны к взаимным союзам, а с другой – к сближению с племенами Романскими...». Как и все славянофилы, он критикует Петра за его внутреннюю политику, но признает его заслуги во внешней: «Петр Великий, подкосивши внутри государства много славянских обычаев, по внешней политике является прямым оберегателем интересов славянского мира»¹. В целом эту работу вряд ли можно назвать полноценным историческим исследованием – это, скорее, сопровождаемая комментариями публикация отдельных документов.

Большая работа, проделанная в середине и второй половине XIX в. по публикации архивных документов, в том числе дипломатических², подстегнула исследовательский ин-

¹ Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке, в Испании. – СПб., 1859. – С. 189-190.

² В первую очередь начатая в 1867 г. публикация документов по международным отношениям и внешней политике России в Сборнике Российского Исторического Общества, насчитывающего более 150 томов. См.: Сборник Российского Исторического Общества. (Далее – СРИО). – СПб., 1867-1913. М.С. Андерсон, известный английский исследователь внешней политики Европы нового времени, анализируя существующие в Европе публикации дипломатических источников, уделяет сборнику особое внимание, отмечая, что он является «наиболее значительной из всех су-

терес и позволила сформулировать новые концепции по истории России в целом и по международным отношениям. Однако практически все капитальные труды, созданные во второй половине XIX в. и посвященные истории внешней политики России, отличает одна особенность: они касаются отношений России только с великими державами либо с теми странами, с которыми, так или иначе, Россия сталкивалась по польскому и восточному вопросам. Русско-испанские отношения эти авторы практически не затрагивают, внешней политики Испании касаются мимоходом, в основном при анализе французской политики.

Именно такой подход характерен и для фундаментального исследования А. Брикнера по истории Екатерины II. Автор, главным образом, рассматривает польский и восточный вопрос во внешней политике России, и, соответственно, отношения России с теми державами, в сферу интересов которых эти вопросы входили. При этом довольно мало внимания уделено даже Франции, о которой сказано, что «Екатерина не обнаруживала большого расположения к Франции», а следовательно, «политические отношения между Россией и Версальским двором оставались холодными» (речь о Франции идет лишь в связи с турецкими делами), причем автор не раз подчеркивает, что государыня сама определяла внешнеполитический курс, т. е. это была ее линия по отношению к Франции, а ее министры и приближенные «служили лишь исполнителями воли императрицы и должны были довольствоваться ролью ее помощников»¹. Об отношении России к Испании не сказано практически ничего. В разделе о вооруженном нейтралитете Брикнер утверждает, что Екатерина не хотела брать на себя посредничество между Испанией и Францией, с одной стороны, и Англией – с другой; что ее

ществующих публикаций». *Anderson M.S. Europe in the Eighteenth century, 1713-1783. – London – New York, 1987. – P. 10.*

¹ *Брикнер А. История Екатерины II. – СПб., 1885. – С. 268, 275, 285-286.*

декларация имела в виду обеспечить права русских купцов и мореплавателей во время войны этих держав. Автор также отмечает, что отношения России и Франции улучшились именно после принятия этой декларации¹.

Вопросы внешнеполитической истории России получили глубокую исследовательскую разработку в многотомном сочинении одного из крупнейших российских историков XIX в. С.М. Соловьева. Автор строит свою концепцию на анализе взаимоотношений России с крупнейшими европейскими державами, построенном на основе изучения дипломатической переписки российского, английского, прусского, австрийского и других дворов². Русско-испанским отношениям внимания практически не уделяется. В разделе об эпохе Петра I он упоминает о шагах испанской дипломатии, предпринятых для заключения союза с Россией и Швецией, который позволил бы Испании вести успешную борьбу с Габсбургским домом. Говоря о политике Екатерины, он противопоставляет «северную систему» Панина «Южному союзу между Францией, Испанией и Австрией»³. Соловьев идеализирует «северную систему» Панина и постоянно указывает на враждебность по отношению к России со стороны Франции, Испании и Австрии, не особенно вдаваясь в особенности политики каждого из этих трех государств и не рассматривая эволюцию их отношений между собой. Об испано-русских отношениях он не упоминает, а о самой Испании пишет только «в связке» с Францией, причем, «о враждебности» этих государств по отношению к России говорится только тогда, когда автор останавливается на тех или иных переговорах российского правительства с английскими дипломатами (Кн. XIII. С. 376, 398, 401, 405, 469-470). Нет ни-

¹ Брикнер А. История Екатерины II. – С. 477, 479.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. – М., 1998.

³ Соловьев С.М. История... Кн. XIII. – С. 197.

чего удивительного в том, что англичане, пользуясь любым удобным случаем, «нагнетали» в Петербурге вопрос о «враждебности» бурбонских дворов (и, кстати, об этом не раз предупреждал своих дипломатов в России испанский государственный секретарь Флоридабланка), и Панин охотно откликался на эти намеки, поскольку они оправдывали его «систему». Но вопрос о «враждебности», рассмотренный впервые подробно Соловьевым, стал неоднократно повторяться в российской историографии, когда речь заходила о русско-испанских отношениях.

Эта позиция оказала влияние и на исследование Н.Д. Чечулина, посвященное начальному этапу внешней политики Екатерины. Он сосредоточивает свое внимание на трех основных направлениях деятельности императрицы: курляндский вопрос, польский и восточный, и в рамках этих проблем рассматривает отношения России со странами северного блока: Англией, Швецией и Данией. «Отношения екатерининского правительства с другими западно-европейскими державами не имели особенно важного значения», – констатирует автор¹. Автор считает ошибочной позицию Брикнера, указывавшего на то, что Екатерина исключительно единолично определяла внешнеполитическую линию, указывая, что «ближайшего, непосредственного участия Панина в ней отрицать невозможно» (С. 86).

В.А. Бильбасов также рассматривает начало царствования Екатерины и также концентрирует внимание на исследовании курляндского и польского вопросов. В дискуссии о роли Екатерины и Панина во внешней политике он солидаризируется с позицией Брикнера².

Исключением из этого списка работ стала публикация Н.Н. Бантыша-Каменского по внешней политике России до

¹ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762-1774. – СПб., 1896. – С. 185.

² Бильбасов В.А. История Екатерины II. – СПб., 1890-1891. – Т. 1-2.

начала XIX в. Автор изучил и систематизировал документы АВПРИ, и хотя, в большей степени, его труд является хронологическим перечислением событийной стороны отношений, нежели научным анализом, – это первое издание, в котором прослежены этапы становления и развития отношений с Испанией¹. В.А. Уляницкий сосредоточил свое внимание на материалах, относящихся к торговым отношениям двух стран и организации российских консульств в Испании². Это прежде всего консульство в Кадисе в два периода его существования: в начале XVIII в., когда консулами были Вешняков и Евреинов, и во второй его половине, когда торговые дела были сосредоточены в руках Ф.-И. Бранденбурга. До настоящего времени исследование русско-испанских торговых связей В.А. Уляницкого является наиболее фундаментальным научным изданием.

Советская историография внешней политики России и международных отношений в целом следовала традициям российской, сконцентрировав свое внимание на политике великих держав или тех государств, которые входили в сферу интересов Российской империи. Одним из репрезентативных с этой точки зрения является издание курса лекций А.Л. Нарочницкого, который ведет речь о взаимоотношениях тех стран, внешняя политика которых была связана с Россией: Англии, Франции, Пруссии и Австрии, а также США. Об Испании он упоминает всего лишь раз: подробно останавливаясь на роли Франции в Войне за независимость США, автор отмечает, что Испания также принимала в ней участие, а по Парижскому миру «Франция и Испания получили ком-

¹ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). – Ч. 1: Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. – М., 1894.

² См.: *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII в. – Кн. 1-2. – М., 1899.

пенсации. Флорида вновь перешла в руки испанцев»¹. Даже, говоря о вооруженном нейтралитете России, автор указывает, что направлен он был против Англии², хотя в рескрипте, который Екатерина II отправила по этому вопросу к лондонскому, версальскому и мадридскому двору, ясно сказано о задержках нейтральных кораблей именно испанской стороной³. В конце концов автор приходит к выводу, что державы, самые могущественные в начале века, отступили на второй план к его концу. В состоянии упадка пришли Польша, Швеция, Турция⁴. И снова он не упоминает об Испании, хотя аналогия напрашивается сама собой: как и все вышеперечисленные государства, Испания была одной из ведущих в Европе, и только после войны «за испанское наследство» начала терять свою роль и постепенно к началу XIX в. перешла в разряд второстепенных держав⁵.

Особое место в советской историографии международных отношений занимают труды Е.В. Тарле. В ряде работ⁶ он упоминает об отношениях России и Испании, рассматривая

¹ Нарочницкий А.Л. Международные отношения накануне и во время французской буржуазной революции конца XVIII века (1763-1794). – М. 1946. – С. 40-42.

² Там же. – С. 38.

³ См.: Россия и Испания: Документы и материалы 1667-1917. Т. 1. 1667-1799. – М., 1991 (Далее – Россия и Испания...). – С. 281.

⁴ Нарочницкий А.Л. Международные отношения... – С. 19. Подобный подход отличает и фундаментальное издание «Истории дипломатии», и это неудивительно, ведь главы, посвященные дипломатии XVIII в., написаны С.Д. Сказкиным и А.Л. Нарочницким. История дипломатии. Т. 1. – М.-Л., 1941.

⁵ Схожей точки зрения придерживаются и авторы работ по внешней политике России, вышедших позднее. См.: Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. – Л., 1986; Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725-1739 гг. – М., 1976.

⁶ Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. Ч. 1-2. – М., 1945; Он же. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774) // Собр. соч.: в 12 т. – М., 1959. – Т. 10.

их сквозь призму интересов Англии и Франции, с которыми оба государства были связаны гораздо теснее. Говоря о стремлении Англии втянуть Россию в войну против Франции, он указывал, что за это Англия даже была готова подарить России остров Менорку, чтобы заманить в Средиземное море на пребывание русский флот и тем самым обеспечить российскую дипломатическую и военную помощь англичанам «уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела малейших мотивов к ссоре (курсив наш. – О.В.)»¹. Этот тезис автора – довольно обобщенный, но в целом тенденция взаимоотношений двух стран, отмеченная им, представляется нам достаточно правомерной.

Подобной позиции придерживается и С.П. Пожарская, автор введения к сборнику русско-испанских дипломатических документов. Она заключает, что «какую бы позицию ни занимали наши страны в системе европейских союзов, какие бы трудности ни возникали между ними, в отношениях России с Испанией дело никогда не доходило до военных столкновений – редкий пример миролюбия в системе международных отношений Европы нового времени»².

Однако отсутствие конфликтов не означало отсутствия общих интересов, иногда сходных, а иногда противоположных, что отразилось в изысканиях, посвященных исследованию отдельных вопросов русско-испанских связей. Начало XVIII в., эпоха Петра I и его последователей, стало объектом

¹ Тарле Е.В. Чесменский бой... – С. 13.

² Россия и Испания... – С. 5. Эта же концепция лежит в основе и других ее работ по испано-русским отношениям: Пожарская С.П. Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XIX в. (факторы интереса) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. – М., 1987; Она же. Испания глазами российских послов конца XVIII – начала XIX в. // Россия и Европа. Дипломатия и культура. – М., 1995.

изучения Т.К. Крыловой и В.С. Бобылева¹. Статья Крыловой, в которой рассмотрен вопрос об установлении дипломатических отношений и развитии торговли в начале XVIII в. между двумя странами, послужила отправной точкой для дальнейших исследований вопроса. В.С. Бобылев в кандидатской диссертации рассматривает эти отношения с позиции России: в годы Северной войны, после Ништадского мира и в рамках Венского союза (1725-1730). Автор приходит к справедливому выводу о том, что внешнеполитические задачи обоих государств «не перекрывались их географическим диапазоном», а потому между ними не существовало каких-либо серьезных противоречий. Объединяла же их борьба против диктата Англии в европейской политике (С. 22)². Вместе с тем в развитие своих выводов он делает показавшееся нам несколько странным противопоставление. «Если внешняя политика России соответствовала ее дальнейшему поступательному развитию, то средиземноморский экспансионизм испанских Бурбонов не только не отвечал национальным интересам страны, но стал существенным препятствием на пути формирования предпосылок для политического объединения Италии» (С. 22). Нисколько не сомневаясь в той части тезиса, которая касается России, хотелось бы уточнить постулат об Испании: этот «экспансионизм» отвечал династическим интересам Испании, которые тогда полностью отождествлялись с национальными, этот «экспансионизм», как показывают документы, с радостью был встречен и в

¹ См.: Крылова Т.К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. // Культура Испании. – М.-Л., 1940; Бобылев В.С. Русско-испанские отношения в начале XVIII в. (1715-1730) Автореф. дис. ... к.и.н. – М., 1981. *Он же*. Документы Центрального Государственного Архива Древних Актов о русско-испанских отношениях периода Северной войны // Вопросы историографии и источниковедения социально-политической истории России. – М., 1982.

² Здесь и далее в скобках приводятся номера страниц, относящиеся к указанному выше изданию.

Парме, и в Неаполе, поскольку освободил их от тяжелого для них австрийского владычества.

Однако внимание к русско-испанским отношениям не получило дальнейшего развития в советской историографии. М.А. Алпатов, рассматривая взаимоотношения держав в ходе Утрехтского конгресса, который был созван для раздела «испанского наследства», ни словом не обмолвился об Испании – он упоминает только Францию как единственную державу, воевавшую против Англии, Голландии и Империи – хотя война шла с участием Испании и даже на ее территории. И далее, говоря о союзниках Франции на международной арене в этот период, он называет только Швецию и Турцию, хотя именно реальность союза и дальнейшего объединения двух бурбонских держав и стала причиной этой войны. Рассматривая деятельность Куракина в Гааге, он также обходит молчанием вопрос о том, что именно Куракин проводил переговоры, которые привели к установлению дипломатических отношений между Россией и Испанией¹. Н.Н. Молчанов в монографии, посвященной дипломатии Петра I (1986), следует этой традиции и не выходит на вопрос о русско-испанских отношениях². С этой точки зрения выгодно отличает работу В.С. Бобылева о внешней политике Петра (1990) то, что автор, опираясь на материалы своей диссертации, «вписывает» проблему русско-испанских отношений в общую концепцию российской внешней политики, останавливаясь подробно, правда, только на деятельности Альберони по подключению России к союзу с Испанией, направленному против Англии (С. 95-130), и завершая свое повествование как раз перед заключением дипломатических отношений между двумя странами³. К сожалению, цитаты в работе приво-

¹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. – М., 1976. – С. 225.

² Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. – М., 1986.

³ Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990.

дятся без точного указания их происхождения, что упрощает подачу материала, но снижает его научную ценность.

В трудах российских испанистов также практически не затрагивается вопрос об отношениях Испании и России, но они важны тем, что в них подняты проблемы внешнеполитических интересов Испании в целом. А.С. Трачевский в первых главах «Испании XIX в.» обзорно останавливается на анализе испанской внутренней и внешней политики в предшествующий период и дает оценки деятельности ведущих политических деятелей того времени, в частности Флорида-бланки¹. Более подробно он рассматривает проблему политики испанского правительства в годы Великой французской революции. На основе донесений Зиновьева и Бицова (которые охотно цитируют иностранные исследователи) он прослеживает изменения этой политики, хотя в целом статья напоминает больше публикацию донесений, снабженную отдельными комментариями².

В.К. Пискорский³ в «Истории Испании и Португалии» уделяет всего несколько страниц истории Испании XVIII в. и, тем не менее, дает свое понимание и основных ее внешнеполитических интересов, и особенностей ее отношений с Россией. Автор отмечает сходство во внутреннем положении этих народов, «живших на противоположных концах Европы

¹ *Трачевский А.* Испания девятнадцатого века. – М., 1872.

² *Tratchevsky A.* L'Espagne a l'epoque de la Revolution française // *Revue Historique.* – 1886. – Vol. XXXI.

³ В.К. Пискорский в большей степени является исследователем-медиевистом. Его труды: «Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени» (Киев, 1897), «Крепостное право в Каталонии в средние века» (Киев, 1901), «Филипп II и падение вольностей Арагона» (1893) «явились, – по мнению М.А. Алпатова, – основополагающими в русской науке в изучении испанской истории». Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1960. – Т. 3. – С. 448.

и оставшихся почти неизвестными друг другу». Он упоминает о начале дипломатических отношений между двумя странами, о развитии торговых отношений, о первых посольствах Голицына и Щербатова, о миссии де Лириа в России. Говоря о внешних приоритетах Испании, он указывает на соперничество с Австрией в начале века из-за Италии, на желание вернуть Гибралтар и на сближение с Францией во второй половине, отразившееся в подписании Фамильного пакта¹.

В первой главе монографии об Испании XIX в. И.М. Майский также делает обзор внешнеполитических отношений Испании, хотя некоторые его оценки представляются нам несколько категоричными. Так, говоря о том, что главным фактором внешней политики Испании стали противоречия с Англией, автор подчеркивает, что это было обусловлено тем, что «Испания попала в орбиту международных интересов Франции», которую Майский называет «старшим братом». Остановившись на том, что во время правления Карла III, который «пытался сохранить свою самостоятельность на международной арене», улучшились отношения Испании с Россией, он указывает, что это произошло только потому, что Флоридабланка, пытаясь облегчить «тяжесть “дружеских объятий Франции”», искал возможность опереться на Россию, играя тем самым на противоречиях великих держав. И как пример он приводит дружественную позицию Испании, занятую по отношению к России во время Русско-турецкой войны 1788 г.² Однако вряд ли Россия была в XVIII в. с точки зрения Испании государством, отношения с которым испанский двор мог бы противопоставить отношениям с Францией. Отношения с Россией могли бы завершить круг внешнеполитических союзов Испании, а их развитие,

¹ Пискорский В.К. История Испании и Португалии. – СПб., 1902. – С. 154-155, 158.

² Майский И.М. Испания 1808-1917. – М., 1957. – С. 30.

скорее, можно было бы противопоставить укреплению позиций в Европе Англии.

С.П. Пожарская рассматривает позицию Испании по отношению к Войне за независимость в США, опираясь на российские архивные материалы (донесения российского посланника в Мадриде Зиновьева), а также испанские и американские источники (записки Джефферсона, записки испанских министров Мускиса, Риклы, Гальвеса и Гримальди). Автор подробно разбирает миссию в Испанию американского эмиссара А. Ли и последовавшие позднее переговоры Д. Джея с Флоридабланкой¹. С.П. Пожарская справедливо указывает, что Аранда был активным сторонником вмешательства Испании в конфликт (С. 84), показывает, как изменилась политика Испании с приходом Флоридабланки (С. 85) и приходит к выводу, что Испания, не желая открыто начинать войну с Англией, стремилась к тому, чтобы конфликт этот продолжался, ослабляя обе стороны, а следовательно, усиливая позиции Испании в колониях (С. 88). И, поскольку в центре ее внимания отношение Испании к независимости США, то проблемы взаимоотношений Испании с Англией и Францией остаются вне поля зрения ее научных интересов.

Особого внимания заслуживает вопрос о политике вооруженного нейтралитета и отношении к нему Испании. Н.Н. Болховитинов в монографии «Россия и война США за независимость» указывал, что истории вооруженного нейтралитета, происхождению принципов декларации России и их значению посвящена «труднообозримая литература»². При этом исследователи советского периода вслед за представителями российской дореволюционной историографии –

¹ См.: Пожарская С.П. О признании Испанией независимости США // Новая и новейшая история. – 1975. – № 1; Она же и др. Союзники и противники // Война за независимость и образование США. – М., 1976.

² Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость. – М., 1976. – С. 41.

и Н.Н. Болховитинов не является исключением – обходят стороной взаимоотношения по этому вопросу России с Испанией.

В 1990-е гг. были изданы некоторые работы М.С. Альперовича, посвященные взаимоотношениям России с испанскими колониями Америки¹. Естественно, автор останавливается и на отношениях России с метрополией, прежде всего торговых. Он подчеркивает, что в Петербурге не могли не считаться с позицией Великобритании, являвшейся тогда главным торговым партнером России. Это оказало влияние на политику Екатерины, которая проявляла сдержанность в вопросе о развитии отношений с Испанией. Немаловажное значение имела и зависимость последней от Франции – традиционного противника России на международной арене, обеспокоенной российскими победами на Средиземном море в ходе Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и крайне недовольной заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Говоря о восстановлении отношений в 1760-е гг., ученый приходит к выводу, что сближение России и Франции создавало благоприятный международный климат для возобновления связей «между послушной союзницей Франции Испанией и елизаветинской Россией»². Последний постулат о «послушной союзнице» вызывает сомнения, поскольку союз между Испанией и Францией был заключен в августе 1761 г., всего за 4 месяца до смерти Елизаветы.

В 1997 г. в Санкт-Петербурге вышло учебное пособие «Проблемы новой истории Испании: Курс лекций»³. Эта пер-

¹ Среди них: *Альперович М.С.* Русско-испанское соперничество в Америке в последней трети XVIII в. // *IBÉRICA AMERICANS. Culturas Novo-go и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии.* – СПб., 1991; *Он же.* Нутка-Зундский кризис и Россия // *Американский ежегодник.* – 1993. – М., 1994; *Он же.* Россия и Новый Свет. – М., 1993.

² *Альперович М. С.* Россия... – С. 29.

³ *Евдокимова Н.П., Петрова А.А.* Проблемы новой истории Испании: Курс лекций. – СПб., 1997.

вая обобщающая работа по истории Испании XV – начала XX в. в российской послереволюционной историографии. Обратимся к истории XVIII века. Авторы большое внимание уделяют реформаторской деятельности первых испанских Бурбонов, особенно Карла III, которому посвящена отдельная глава (лекция), развитию в стране общественной мысли и творчеству испанских посветителей. К сожалению, совсем выпущен раздел о внешней политике Бурбонов в XVIII в.: всего несколько слов сказано о войне «за испанское наследство» и участии Испании в борьбе против французской революции. Отдельная глава при этом рассматривает отношения России и Испании, но мы не можем дать критическую оценку материала, поскольку он целиком базируется на составленных нами комментариях к I тому сборника документов «Россия и Испания». Тем не менее, несмотря на то что никакого нового материала в этом разделе не представлено, сам факт написания краткого очерка испано-русских отношений с XVI по XVIII в., да и в целом появления на русском языке, пусть даже обобщающего и немного поверхностного, описания основных проблем испанской истории XVIII в. крайне важен в плане привлечения внимания историков к этой проблеме.

Тем не менее по некоторым вопросам мы не разделяем точку зрения авторов. Например, реформы Карла III названы «радикальными», «почти революционными» (С. 27), «революцией сверху» (С. 28). Действительно, они сыграли большую роль в развитии испанского общества. При том, что они были более или менее удачными, более или менее завершенными, их можно определить как «прогрессивные», «модернизирующие», но вряд ли можно усмотреть там «революционность»¹. Тем более, что далее сами авторы утверждают,

¹ Также нельзя не заметить, что работа страдает целым рядом фактологических небрежностей. Приведем некоторые: Скилаччи назван «премьер-министром», хотя на самом деле он был министром финансов, Аранда,

что «в основном словесная, аграрная политика Карла III не принесла ощутимых результатов» (С. 31), «результаты реформ были весьма противоречивыми и скорее гипотетическими, чем окончательными» (С. 34), «реформы “сверху”, зачастую не совсем продуманные», «реформы XVIII в., далеко не во всем последовательные, почти не затронули политическую систему страны» (С. 35).

В самом начале 1997 г. вышла монография О.В. Волосюк «Испания и российская дипломатия в XVIII веке», в которой впервые были рассмотрены испано-русские отношения в XVIII в.¹ В конце того же года была опубликована работа В.С. Бобылева². Автор выбрал тему и источниковую базу в целом ту же, которая уже была использована в монографии «Испания и российская дипломатия в XVIII в.», но структура и содержание книги достаточно отличаются. В монографии рассмотрены взаимоотношения двух стран с точки зрения российской внешней политики, но структура книги следует за монографией А.М. Шоп Солер (см. о ней с. 29-30). Поэтому, кроме тех вопросов, которые рассмотрены в монографии и других публикациях О.В. Волосюк об испано-русских отношениях второй половины XVIII в., автор останавливается на проблеме отношения Испании к Русско-

который занимал пост президента Кастильского совета, назван «главой правительства», хотя главой правительства в этот период был Гримальди, Кампоманес также являлся президентом Кастильского совета, а не «министром финансов». В числе «прочих» упомянут граф Флоридабланка, хотя именно он был первым министром Испании с 1777 по 1792 г., сменив на этом посту Гримальди (С. 28). Говоря о начале революции во Франции, авторы утверждают, что Испания разорвала с ней дипломатические отношения (С. 49), хотя это произошло лишь в начале 1793 г. после казни Людовика XVI. Договор в Сан-Ильдефонсо между Испанией и Францией был подписан в 1796, а не в 1795 гг. (С. 49).

¹ *Волосюк О.В.* Испания и российская дипломатия в XVIII веке. – М., 1997.

² *Бобылев В.С.* Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века (1759-1799). – М., 1997.

турецкой войне 1768-1774 гг., борьбе России с турецко-шведским блоком в 1787-1792 гг. В целом заметен «налет» российской дореволюционной историографии (особенно С.М. Соловьева) с ее недооценкой самостоятельности испанской внешней политики и нежеланием вникнуть в особенности взаимоотношений между Францией и Испанией во второй половине XVIII в.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о степени разработки в российской историографии проблемы роли личности, взаимосвязи объективных и субъективных причин на том или ином этапе событий – того, что М. Блок называл «зрелищем человеческой деятельности». В дипломатической истории, на сцене которой действует множество персонажей, а результат их усилий складывается не только из указов государей и инструкций министров, это особенно актуально. К сожалению, в работах российских историков эти сюжеты до последнего времени оставались за рамками исследований или затрагивались мимоходом. С.М. Троицкий в статье «Русские дипломаты в середине XVIII в.» отмечал, что биографии многих российских дипломатов за некоторым исключением еще не изучены¹.

Эта «лакуна» стала более или менее заполняться с 1990-х гг. Однако в появившихся новых исследованиях внимание авторов в большей степени привлекают дипломаты XIX в. либо руководители внешней политики России XVIII столетия, такие как Н.И. Панин, А.П. Бестужев-Рюмин и т.д.² В 1996 г. вышло трехтомное миниатюрное издание Г.Л. Кессельбреннера «Российские дипломаты», каждый том

¹ Троицкий С.М. Русские дипломаты в середине XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972. – С. 398. Статья самого автора посвящена в основном анализу социального состава КИД в середине 50-х гг. XVIII в.

² См.: Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. – М., 1989; Портреты российских дипломатов. – М., 1991; Российская дипломатия в портретах. – М., 1992.

которого посвящен соответственно XVII, XVIII и XIX вв.¹ Позднее оно было дополнено сборником «Министры иностранных дел Российской Империи»².

С 1995 г. Институт всеобщей истории РАН издает серию сборников «Россия и Европа. Дипломатия и культура». В них встречаются статьи, в которых раскрываются взаимные представления российских и испанских послов об Испании и России³. Продолжается работа по исследованию «личностей»: в этом плане представляет интерес статья А.С. Лаврова, посвященная деятельности в России герцога де Лириа⁴. В 2005 г. выходит монография А.В. Манько, посвященная шести видным дипломатам России: И.М. Висковатому, А.Л. Ордину-Нащокину, В.В. Голицыну, Н.И. Панину, А.А. Безбородко и А.М. Горчакову, возглавлявшим центральное дипломатическое ведомство в XVI-XIX вв.⁵

Биографии российских дипломатов можно обнаружить в Википедии⁶ и на специальном сайте «Дипломаты Россий-

¹ Кессельбреннер Г.Л. Российские дипломаты XVI-XVIII вв. – М., 1996. – Т. 1-3.

² Кессельбреннер Г.Л. Известные дипломаты России: Министры иностранных дел Российской Империи. – М., 2002. (Переиздано в 2007 г.).

³ См.: Пожарская С.П. Испания глазами российских послов конца XVIII – начала XIX века // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – М., 1995. – С. 30-38; Пожарская С.П. Россия и Испания в годы наполеоновских войн // Россия и Европа... – Вып. 2. – М., 2002. – С. 63-74; Медников И.Ю. Династический кризис в Испании в начале XIX в. и реакция России // Россия и Европа... – Вып. 3. – М., 2004. – С. 28-56; Пожарская С.П. Образы Испании и России глазами испанских и российских послов // Россия и Европа... – Вып. 3. – М., 2004. – С. 75-84. Пожарская С.П. Испанские дипломаты о российском революционном движении в 70-80-е гг. XIX в. // Россия и Европа... – Вып. 4. – М., 2007. – С. 66-76; Медников И.Ю. Россия и Испания накануне августа 1914 г. // Там же. – С. 40-65.

⁴ Лавров А.С. Россия при Анне Иоанновне глазами испанского дипломата // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). – СПб., 2001. – С. 428-446.

⁵ Манько А.В. Выдающиеся дипломаты России. – М., 2005.

⁶ Дипломаты России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

ской империи (автор: Виталий Соловов)»¹, но, к сожалению, и в том и другом случае отсутствуют биографии российских послов и посланников, служивших в XVIII в. в Испании.

Появление этих работ свидетельствует о возрастании исследовательского интереса к вопросу о роли человека, о деятельности конкретных людей во внешнеполитической истории, тем не менее среди них до сих пор не появилось ни одного исследования, посвященного судьбам российских и испанских дипломатов, развивавшим в XVIII в. отношения между двумя странами, пребывание в которых было либо ступенью в их дальнейшей службе, либо завершением их многолетней дипломатической деятельности.

Зарубежная историография

Анализируя в конце 1980-х гг. состояние исторической науки по вопросу о внешней политике Испании XVIII в., проф. Ж.-Р. Эме (Парижский ун-т) отмечал, что историография ее дипломатической истории вряд ли нуждается в обновлении, за исключением того, что относится к испано-русским отношениям, впервые глубоко исследованным по периоду, который охватывает «просвещенную» эпоху, Анной-Марией Шоп Солер². Перу этой исследовательницы, многие годы работающей в Мюнхене, принадлежат три монографии по испано-русским отношениям в XVIII и начале XIX в.³ Ее работы построены на материалах испанских архивов и доступных ей опубликованных русских документах. Основная идея, «пронизывающая» все три исследования, за-

¹ Дипломаты Российской империи (Соловов Виталий Геннадьевич – автор текста). URL: <http://www.rusdiplomats.narod.ru>

² *Aymes J.-R.* España en movimiento (1766-1814). Ensayo bibliográfico // *La Revolución francesa y el mundo ibérico.* – Madrid, 1989.

³ См.: *Schop Soler A.M.* Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. – Wiesbaden, 1970; *Idem.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. – Barcelona, 1971; *Idem.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733-1833. – Madrid, 1984.

ключается в том, что испанский кабинет в трудные, критические периоды всегда обращался за помощью к России с целью нейтрализовать путем заключения с ней союза возможное давление на него со стороны Англии и Франции. В качестве примеров автор приводит политику Альберони (1717-1718), Флоридабланки (1779) и Годоя (1803, 1806). В работах рассмотрены ключевые моменты взаимоотношений: переговоры Альберони и Рипперды, участие Испании и России в войне «за польское наследство», в Семилетней войне, проблема вооруженного нейтралитета и Русско-турецкая война. Шоп Солер заключает, что в отношениях между двумя странами не всегда все было безоблачно: «проблемы были многочисленны, и испанская дипломатия оказывалась часто в довольно щекотливой ситуации»¹.

Следует упомянуть также и Х.М. Санчеса Диану, занимавшегося внешней политикой Испании по отношению к «северным державам», среди которых важное место отводится и России². Автор мимоходом упоминает о посольстве де Лириа в России и сосредоточивает свое внимание на проблемах, которые связывали оба государства во второй половине XVIII в. Отношения между двумя дворами, по его мнению, были корректными, но не слишком близкими, поскольку у каждого государства были свои интересы. «Позиция испанского кабинета по отношению к русскому являлась отражением его западноевропейских союзов». Поясняя свой тезис, автор указывает, что озабоченность Испании атаками русских в Турции и Швеции была вызвана тем, что они могли

¹ Schop Soler A.-M. Las relaciones... – P. 20.

² См.: Sánchez Diana J.M. Relaciones diplomáticas entre España y Rusia en el siglo XVIII, 1780-1783 // HISPANIA. Revista española de historia. – 1952. – № 12; *Idem*. Relaciones de España con Suecia en el siglo XVIII // HISPANIA. Revista española de historia. – 1962. – № 22; *Idem*. España y el norte de Europa durante la revolución francesa, 1788-1803. – Valladolid, 1963.

осложнить отношения внутри Фамильного пакта, что «австромания» Бурбонов отдаляла их и от России, и от Пруссии¹.

Что же касается общих работ по истории Испании XVIII в. либо истории внешней политики Испании, то здесь сохраняется подобная тенденция, что и в российской историографии, только противоположная ей: отношения с Россией не рассматриваются вовсе или упоминаются мимоходом. В испанской историографии XIX в. существовало несколько основных школ, и их оценка внешней политики собственного государства в век Просвещения имеет принципиальные различия.

Представитель либерального направления, М. Лафуэнте многословен и велеречив. Автор многотомной «Истории Испании» сводит ее внешнюю политику к частным интересам испанских королей или их министров². Особое внимание он уделяет Карлу III, называя его «Великим», противопоставляя его внутреннюю, «славную» политику и внешнюю, которую автор довольно часто критикует. По его мнению, наиболее мудрую политику проводил Фердинанд VI, в правление которого Испания сохраняла нейтралитет и тем самым «благородно поддерживала свою независимость». Фамильный пакт, подписанный Карлом III, он расценивает как жертву этой независимости, которая должна была быть принесена «по благородству души и привязанности к семейным узам», хотя это было «неразумно и невыгодно» с политической точки зрения, поскольку поставило судьбу испанского народа в зависимость от другого (Т. 21. Р. 148-150). Тем не менее автор усматривает «благородство» решения испанского короля, поскольку целью его была в конечном счете борьба с Англи-

¹ *Sánchez Diana J.M.* España... – P. 15.

² Так, например, причину завоевательной политики в Италии в правление Филиппа V он видит в желании герцога де Монтемара отправиться туда в качестве посла. *Lafuente M.* Historia de España desde los tiempos mas remotos hasta nuestros días. – Madrid, 1857. – Т. 19. – P. 454.

ей и возврат Менорки и Гибралтара (Т. 21. С. 151). Второй крупнейшей неудачей испанской политики этого периода Лафуэнте считает вступление Испании в войну против Англии на стороне ее американских колоний. Именно этот шаг и стал непосредственной причиной последовавшего вскоре отделения от Испании ее собственных колоний (Т. 21. С. 154). Несмотря на эти неудачи, монарх как бы не имеет к ним отношения, и Лафуэнте не устает восхвалять его мудрую и великую политику.

В связи с вопросом об участии Испании в Войне за независимость США автор впервые поднимает вопрос об отношениях с Россией. Теперь его панегирик распространяется и на испанского государственного секретаря графа де Флоридабланку, который, по мнению автора, и был истинным автором вооруженного нейтралитета. Основывает свое суждение Лафуэнте на словах самого графа из его «Записки» Карлу III в 1788 г., где он, рассуждая о роли России в этом вопросе, не устает повторять, что именно Флоридабланка вынудил Екатерину принять декларацию, которая стала результатом его давнего хитроумного плана¹. Нам же кажется, что автор выдает желаемое за действительное: естественно, что через несколько лет после событий, в «записках» королю Флоридабланка желал, если не преувеличить свою роль, то, по крайней мере, сделать ее более значительной, и со стороны исследователя речь в данном случае может идти только о некритическом отношении к источнику. Другие документы периода начала 80-х гг. (например, инструкции посланникам в Петербург) говорят о том, что он желал нейтралитета Рос-

¹ *Lafuente M. Historia...* – Т. 21. – Р. 158. Отметим, что эту позицию поддержала и упоминавшаяся выше А.М. Шоп Солер, которая выражает удивление, что исследователи не отдали должного внимания этой гениальной инициативе Флоридабланки, и в доказательство приводит цитату из этой же «Записки», а также «Инструкцию» 1787 г. и его же «Записки» 1792 г., в которых говорится примерно одно и то же. *Schop Soler A.-M. Las relaciones...* – Р. 25-26.

сии и боялся ее союза с Англией, но выдавать его за инициатора идеи вооруженного нейтралитета – это, на наш взгляд, не совсем корректно.

Совершенно иная оценка звучит в работах испанского историка и философа, основоположника «католической школы» в историографии М. Менендеса Пелайо¹. Автор противопоставляет великую династию Габсбургов, распространившую католичество по всему миру, и Бурбонов, вступление на престол которой принесло катастрофу единству испанского государства. «Никогда не сваливались на нашу расу столь многочисленные несчастья! Как не хватало новой династии характера и достоинства!» – восклицает автор и перечисляет их: во главе правительства оказались иностранцы, а сама Испания превратилась в «жалкого сателлита Франции», чтобы в угоду ей побеждать или быть побежденной и потерять свои лучшие владения в Европе². Совершенно противоположна и его оценка Карла III, который был «недалек умом» и способен заниматься только охотой³.

Историк-позитивист Р. Альтамира⁴ в своей многотомной «Истории Испании» внешней политике уделяет достаточно много внимания, тщательно перечисляя события, имена действующих лиц и содержание международных договоров. Работа Альтамиры представляет ценность скорее с точки зрения собирания воедино многочисленных важных и неважных фактов – он не выводит из них причинно-следственную связь и не дает никаких своих оценок.

¹ *Menéndez Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. – Madrid, 1880-1882; *Idem.* Historia de España. – Madrid, 1958. – VII-a ed. (1-a ed. 1933).

² *Menéndez Pelayo M.* Historia de España... – P. 175-178.

³ *Menéndez Pelayo M.* Historia de los heterodoxos... – Т. VI. – P. 157-158. Причиной этой оценки стала политика Карла, направленная на ограничение влияния церкви и изгнание иезуитов.

⁴ *Altamira R.* Historia de España y de la civilización española. – Barcelona, 1928. – Т. IV.

Авторы общих работы по истории XVIII в. следуют одной или другой указанной выше историографической тенденции. Так, А. Феррер дель Рио также многословен и «грешит» обильным цитированием, как и Лафуэнте. Сходятся и их оценки основных внешнеполитических событий. Единственное, что отличает позицию Феррера дель Рио – он не склонен столь категорично проводить прямую между политикой Испании по отношению к английским колониям Америки и борьбой за независимость ее собственных¹. Влияние Лафуэнте сказалось и еще на одном многотомном труде, целиком посвященном правлению Карла III, автора М. Данвилы и Коллядо².

Из работ по эпохе Бурбонов, изданных в XX в., следует выделить обобщающую монографию Г. Анеса «Старый режим. Бурбоны». Автор – один из крупнейших испанских специалистов по социально-экономической истории, и в данном труде оказался верен себе: насколько блестяще изложены разделы, касающиеся экономики и внутренней политики Бурбонов, настолько схематичен оказался его внешнеполитический раздел. Автор выделяет три периода внешней политики: «итальянская политика» Филиппа V, связанная с интересами его жены Изабеллы Фарнезе, нейтралитет Фердинанда VI и профранцузская политика Карла III, причиной которой была его борьба с Англией на американском материке. Анес поднимает и вопрос о роли Карла III и его министров, считая, что заслуга этого короля была в том, что он сумел окружить себя опытными и талантливыми помощниками (эту же проблему о взаимоотношениях Екатерины и ее приближенных поднимали и российские историки)³. О взаимоотношениях с Россией в разделе не сказано ничего. Также не затронут этот вопрос в исследованиях по эпохе Филиппа V и

¹ *Ferrer del Rio A.* Historia del reinado de Carlos III. – Vol. 1-4. – Madrid, 1856.

² *Danvila y Collado M.* Reinado de Carlos III. Vol. 1-6. – Madrid, 1891.

³ *Anez G.* El Antiguo Régimen. Los Borbones. – 1975.

Карла III каталонского историка Ф. Волтеса Боу¹. В. Паласио Атард упоминает о посольстве Альмодовара, но лишь цитирует его донесения о политике Петра III в Семилетней войне².

В середине 80-х гг. вышли два издания «Истории Испании»³. Несмотря на обзорный характер этих работ, в них использованы интересные архивные материалы. Авторы приходят к разным оценкам правления Бурбонов, но в целом они более аргументированы по сравнению с преимущественно отрицательными суждениями сильно ориентированной на внешние события литературы, изданной в XIX – начале XX в. Самый лучший и компактный анализ структурно-исторических аспектов эпохи предлагает Д. Линч в вышедшей в 1989 г. «Испании Бурбонов, 1700-1808»⁴.

Завершить обзор общих работ хотелось бы анализом труда, который в определенной степени подводит итоги многочисленных дискуссий. Испанский историк А. Домингес Ортис (Ун-т Гранады, Королевская Академия истории), автор многочисленных фундаментальных трудов по истории Испании XVII-XVIII вв., в работе, казалось бы, обзорного характера⁵ ставит серьезные проблемы теоретического пла-

¹ *Voltes Bou P.* Carlos III y su tiempo. – Barcelona, 1964; *Idem.* El archiduque Carlos de Austria, rey de los catalanes. – Barcelona, 1952.

² *Palacio Atard V.* El Tercer Pacto de Familia. – Madrid, 1945. – P. 213-214.

³ *Historia de España* (R. Menéndez Pidal). – Т. XXIX. «La época de los primeros Borbones» (J.M. Jover Zamora). Madrid. 1985; *Historia general de España y América*. – Т. X: «La España de las reformas. Hasta el final del reinado de Carlos IV». – Madrid, 1984; *Historia de España – La época de la Ilustración, las Indias y política exterior*. Т. XXXI. – Madrid, 1988.

⁴ *Lynch J.* Bourbon Spain, 1700-1800. – Oxford, 1989. Д. Линч начал свои исследования по истории Испании и ее колониальной политике XVI-XVIII вв. еще в начале 1950-х гг. В 90-е гг. в Оксфорде вышли еще три его монографии, посвященные истории Испании XVI-XVII вв.

⁵ А. Домингес Ортис указывает в предисловии, что хотел бы просто показать роль личности Карла III в истории Испании XVIII в., подвести неко-

на. Он поднимает вопрос о характере внешней политики Бурбонов: что в ней преобладало – интересы династические или геополитические. Рассматривая различные этапы истории страны, он указывает, что целью войны «за испанское наследство» было избежать расчленения монархии, но в последующих войнах интересы национальные перепутались с другими. К первым можно отнести потерю Гибралтара и Менорки, а также защиту своих колониальных владений в Америке. Но длительные и дорого стоившие войны в Италии, хотя, на первый взгляд, и могло показаться, что это войны за отстаивание бывших когда-то испанскими территорий, на самом деле велись только для того, чтобы освободить троны для сыновей Изабеллы Фарнезе. «Апатия короля, его подчинение более сильному характеру приводили к тому, что постоянно существовала путаница между интересами государственными и интересами династическими», – приходит к выводу автор¹.

А. Домингес Ортис указывает, что, на первый взгляд, все европейские монархи XVIII в. боролись за то, чтобы укрепить свою династию, увеличить свои владения. Но эти интересы смешивались с геополитическими, и практически невозможно провести между ними разделительную линию. Если Изабеллу Фарнезе интересовала только судьба своих детей, то Филипп V размышлял о национальных проблемах: как вернуть земли, потерянные по Утрехтскому договору. Другие монархи – Людовик XIV, Фридрих II – идентифицировали свои интересы с государственными и готовы были пожертвовать семейными связями, если это было необходимо. В результате автор формулирует свою позицию следующим образом: войны «за наследство» XVIII века не были чисто династическими; в войне «за австрийское наследство»

торые итоги и не претендует на какие-либо открытия. *Domínguez Ortíz A. Carlos III y la España de la Ilustración. – Madrid, 1988. – P. 12.*

¹ *Ibid.* – P. 15.

Испания была солидарна с Францией не только по династическим мотивам – колониальным владениям обеих угрожала Великобритания¹.

Говоря о нейтралитете Фердинанда VI, он подчеркивал, что тот поддерживал равновесие в отношениях с Англией и Францией, но, подчиняясь влиянию жены, португальской принцессы Барбары де Браганса – а Англия всегда была надежным союзником Португалии – в конце своего правления дистанцировался от Франции, наиболее явным свидетельством чего стала отставка Энсеняды, сторонника профранцузской политики². В споре о приоритетных интересах Испании автор придерживается «золотой середины». «Приоритетный интерес, который Испания имела к американским делам, – указывает он, – не означает, что ее не интересовали дела европейские».

В этой монографии, одной из немногих, Домингес Ортис упоминает и об отношениях Испании с Россией. Он утверждает, что «внешняя политика России вызвала подозрительность Испании. Ее продвижение на тихоокеанском побережье Америки создавало угрозу англо-русского альянса против испанских интересов в Америке. ...Но присутствие русских в Средиземном море еще меньше радовало англичан. Возможный союз не только не состоялся, но лига нейтральных государств, возглавляемая Россией, препятствовала попыткам англичан контролировать морские пути во время войны»³.

Особое внимание уделяют исследователи эпохи Бурбонов отношениям Испании с Францией. Любопытно то, что «католический» историк М. Менендес Пелайо и французский «либерал» Ж. Саррай⁴ были удивительно едины в точке зре-

¹ *Domínguez Ortíz A.* Carlos III y la España de la Ilustración. – P. 27.

² *Ibid.* – P. 56-57.

³ *Ibid.* – P. 110-111.

⁴ *Sarrail J.* L'Espagne éclairée de la seconde moitié du XVIII siècle. – Paris, 1954.

ния, что французское влияние на Испанию XVIII в. было огромным. Оно проявлялось во всем: в духовной жизни, в быту, в политических отношениях. Сложилось даже название «*el siglo afrancesado*» – «офранцузенный век». Только Менендес Пелайо считает это следствием слабости Испании, а Сарай подчеркивает благотворное влияние, которое оказало французское влияние на испанцев. Что касается политических отношений двух стран, то подобная точка зрения о «близости» двух стран зародилась во французской историографии середины XIX в. Наиболее репрезентативной в этом плане является монография М. Капфига о дипломатических отношениях Испании и Франции после прихода к власти Бурбонов. Автор указывает, что все правление Людовика XV было направлено на достижение самых близких отношений Франции с Испанией, чтобы «слиться в одну нацию, в одну единую семью», передать королевство Неаполь одному испанскому инфанту, а Парму – другому. «Вооружение было общим, флот также был единым»¹. Вот такой панегирик «руководящей роли» Франции. Эта историографическая тенденция была характерна и для работ испанских авторов первой половины XX в.², а впоследствии и эпохи франкизма, которые подчеркивали это влияние, однако только чтобы заклеить его как одну из форм «опасного идеологического империализма»³. В последние годы франкизма (период, который исследователи называют «эрозией франкизма») стали появляться работы, отвергающие идею полного подчинения Испании соседней державе и критикующие само понятие «*el*

¹ *Capefigue M. Diplomatie de la France et de l'Espagne depuis l'avenement de la maison de Bourbon.* – Paris, 1846. – P. 124.

² Так, один из крупнейших испанских философов Х. Ортега-и-Гассет писал, что правление Карла III является «наиболее антииспанским из всей истории монархии». Цит. по: *Aymes J.-R. España en movimiento...* – P. 84.

³ Особо это отразилось в книгах, опубликованных в испанском издательстве RIALP.

*siglo afrancesado»*¹, что в полной мере относится и к политическим отношениям между двумя странами.

В общих работах по Испании XVIII в. внешнеполитические проблемы рассматриваются достаточно обобщенно. Основные концепции и теории внешней политики формулируются в специальных трудах, посвященных отдельным внешнеполитическим проблемам или периодам. Таких проблем, по которым до настоящего времени продолжаются научные дискуссии, можно выделить несколько:

1. *Эпоха Филиппа V: противоречия с Австрией из-за Италии и противоречия с Англией из-за Гибралтара. Эпоха Фердинанда VI: устойчивый нейтралитет Испании в европейских делах.*

Основным трудом для тех, кто занимается эпохой Филиппа V все еще остается монументальная (несмотря на то, что издана она была почти сто лет назад) с опорой на архивные источники работа А. Бодрийя «Филипп V и французский двор»². Это скорее не биография, а политико-историческое описание испано-французских отношений с 1701 по 1748 г. У испанских историков специальный интерес этот период вызвал только в середине XX века. Это работа каталонского историка Л. Наксонеры³, написанная в русле официальной франкистской историографии. В 1969 г. выходит работа английского историка Х. Кэмена, посвященная войне «за испанское наследство»⁴, которая до сегодняшнего дня остается

¹ Так, Ф. Лопес писал, что необходимо «разрушить абсурдную легенду об «офранцузенном веке». Цит. по: *Aymes J.-R. España en movimiento...* – P. 83.

² *Baudrillat A. Philippe V et la cour de France.* – Vol. 1-5. – Paris, 1890-1901.

³ *Naxoner L. de. Felipe V. Fundador de una dinastía y dos veces rey de España.* – Barcelona, 1956.

⁴ *Kamen H. The War of Succession in Spain. 1700-1715.* – London, 1969. Кэмен, профессор университета Уорвика, работавший также в университете штата Нью-Йорк и в Калифорнийском университете (Сан-Диего), напи-

классической по этой теме. В 1953 г. была издана работа ректора университета Саламанки М.Д. Гомес Мольеды по проблеме Гибралтара в правление Филиппа V¹.

2. Эпоха Карла III: отказ от политики нейтралитета, подписание третьего Фамильного пакта (1761) и развитие в связи с этим испано-французских отношений; испано-португальские отношения и их борьба за преобладание в Южной Америке; обострение отношений с Англией из-за колоний, торговли, Гибралтара и вступление Испании в Войну за независимость США.

В 1988 г. вышел труд испанского историка Ф. Агилара Пиньяла «Библиография исследований о Карле III и его эпохе»². Издание насчитывает около 8 тысяч наименований. Такое изобилие литературы по вопросу побуждает нас остановить свой анализ только на фундаментальных трудах, которые с течением времени не потеряли своего значения.

Фамильный пакт 1761 г.

По этой проблеме основные работы принадлежат перу французских и испанских историков. Во французской историографии доминирует точка зрения, что Фамильный пакт был целиком плодом французской дипломатии и заключался в необходимости расширить основу системы континентальных договоров Франции, после заключения союза с Австрией и Россией. А. Соланж-Боден считал, что договор с Испанией для Франции был нужен лишь как дополнение ее договора с Австрией, потому что его надо было расширить договором с какой-либо морской державой³. А. Бурге – поклон-

сал около 20 монографий, посвященных истории Испании XVI – начала XVIII в.

¹ *Gómez Molleda M.D.* Gibraltar, una contienda histórica en el reinado de Fernando V. – Madrid, 1953.

² *Aguilar Piñal F.* Bibliografía de estudios sobre Carlos III y su época. – Madrid, 1988.

³ *Soulange-Bodin A.* Diplomatie de Louis XV et le Pacte de Famille. – Paris, 1880.

ник герцога Шуазеля – утверждал, что договор был заключен исключительно благодаря его инициативе и таланту последнего, он преувеличивает значение Марии-Амалии на Карла III, утверждая, что она была сторонницей нейтралитета, и Карл подписал союз с Францией только после ее смерти. Автор делает вывод, что симпатии к Франции, а не зрелая политика перед лицом английской угрозы побудили Карла III заключить этот договор¹.

Позиции испанских историков менее единодушны. Марч-и-Гелаберт полагает, что Испании следовало сохранять нейтралитет, и обвиняет Карла за то, что, отказавшись от дружбы одной, страна попала в цепкие объятия другой державы, разрушив тем самым ситуацию политического равновесия, тем более, что, по его мнению, между Испанией и Англией не существовало никаких разногласий, и, заключив союз с Францией, Карл III руководствовался только чисто семейными привязанностями. Отсюда следует вывод, что пакт – это гибельное событие для Испании, поскольку он привел только к бессмысленной и проигранной войне, предательству Франции в критический момент и еще одной войне². Факундо Гоньи утверждает, что Франция этим пактом желала подчинить себе Испанию, которая попала в «плачевную зависимость», и, как и предыдущий автор, упрекает Карла III, что он не следовал политике своего предшественника³. Подобного взгляда придерживался и Феррер дель Рио⁴.

«Сломал» эту историографическую традицию М. Данвила, утверждавший, что «не было ни *affaire de coeur*, ни соответственно *pacto de familia* – это был союз между двумя коронами с целью объявить войну Англии, приостановить ее

¹ Bourguet A. Le Duc de Choiseul et l'alliance espagnole. – Paris, 1906.

² Цит. по: Ferrer del Rio A. Historia... – P. 288.

³ Ibid. – P. 289.

⁴ Ibid.

амбиции и силой заставить ее остановить свое продвижение в Америке. Вот что было реальной целью Карла III»¹. В. Паласио Атард в основу своего анализа ставит постулат, что необходимо разделять политическое событие и военное поражение², и восклицает: «Если бы война была удачной, насколько по-другому бы оценивали Семейный пакт»³. Он утверждает, что видеть причину заключения третьего Семейного пакта только как продолжение пактов 1733 и 1743 гг. – это «как путать красную тряпку с другой, просто залитой кровью, только потому что на первый взгляд они кажутся одного цвета»⁴.

По мнению автора, первые договоры помогали Карлу утвердиться в Италии, но вряд ли подобной цели мог служить третий пакт. Мотивы, которыми руководствовался испанский король, основывались на особенностях международного положения в тот момент, а не на капризах королевы Амалии или сердечных привязанностях самого монарха. «Испанию интересовал союз с Францией прежде всего для создания прочной системы внешней политики, которая бы гарантировала возможность избежать изоляции в будущем. Этой изоляцией могла бы с легкостью воспользоваться Англия для нападения на наши владения». Таким образом, по мнению автора, договор с Францией преследовал две цели: 1. Иметь в будущем союзника; 2. Приостановить продвиже-

¹ *Danvila y Collado M. Reinado...* – Т. II. – P. 123.

² Паласио Атард в доказательство своей позиции приводит цитату из письма самого Карла Государственному совету, в котором говорилось, что «Семейный пакт, хотя по своему названию и обозначает родственный союз, а также возвеличивает священный Бурбонский дом, на самом деле является оборонительным и наступательным союзом, как многие из тех, которые существуют между европейскими государствами». *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 286.

³ *Danvilla y Collado M. Reinado...* – Т. II. – P. 167.

⁴ *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 101-102.

ние англичан путем активной помощи Франции, будь то на дипломатическом, либо военном поприще¹.

В. Родригес Касадо придерживался противоположной точки зрения: для судеб колоний оказалась пагубной продолжительная политика нейтралитета Фердинанда VI, поскольку Испания была пассивной, когда Англия начала активную борьбу за колонии. Эта политика привела Испанию к изоляции, и ей нужен был союз, который бы гарантировал поддержку в защите своей колониальной империи. Парижский мир он называет «катастрофой» для Испании, особенно в отношении ее американских владений².

Совсем с другой позиции оценивают этот мир американские историки С. Бемис и Д. Кортада³. Они убеждены, что Парижский мир имел решающее значение в упрочении англосаксонской цивилизации в Северной Америке и, главное, в возникновении через несколько лет нового государства США, а пакт следует расценивать как свидетельство начала соперничества между США и Испанией⁴. Браун В.Л. пришел к ошибочному выводу, что после Парижского мира Карл III перестал считать Америку важным пунктом своих национальных интересов, сосредоточив все свое внимание на Ста-

¹ *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 110. О Гримальди: «с огромным энтузиазмом, как никто другой, он следовал франкофильской политике, но в последние свои годы у власти, после инцидента 1770 г., он оставил эту линию. Никогда он не ставил выше никакие интересы, нежели испанские. Поддерживал союз с Францией, пока считал его необходимым и подходящим для Испании».

² *Rodríguez Casado V. Primeros años de la dominación española en la Luisiana.* – Madrid, 1942. – P. 30-35.

³ См. о них подробнее в разделе историографии, касающемся отношений Испании и США.

⁴ См.: *Bemis S. The Diplomacy of the American Revolution.* – Bloomington, 1957; *Cortada J. Two Nations over Time: Spain and the United States, 1776-1977.* – Westport, 1978.

ром Свете, где двумя главными целями Испании были «захват Португалии и возврат Гибралтара»¹.

А. Домингес Ортис (1988) как бы подводит итоги этой многолетней дискуссии. Он пишет, что многие историки считают большой ошибкой Карла III то, что он оставил политику нейтралитета, проводимую его отцом, и вступил в войну только после смерти Марии-Амалии, однако «антианглийская деятельность Карла шла не от сердца, а от разума: это не была его личная позиция, а результат сложившейся международной обстановки». Сложилась такая новая международная обстановка, когда Испания оказалась естественной союзницей Франции не из-за династических связей, а потому, что оба государства оказались перед угрозой британского экспансионизма. Из этой геополитической реальности и родились Фамильные пакты, хотя первые два Изабелла Фарнезе сумела повернуть так, чтобы они отвечали ее фамильным амбициям. «Не вызывают сомнения симпатии Карла к французской ветви своей семьи, но при принятии важных решений им никогда не руководили личные мотивы. Он всегда спрашивал, в чем состоит интерес Испании, и действовал в этом направлении»².

Отношения Испании и Португалии

Взаимоотношениям двух стран посвящено немало изысканий как с испанской, так и с португальской стороны. В меньшей степени исследован конфликт между двумя странами в годы Семилетней войны. Этот вопрос обычно рассматривается в рамках исследования самой Семилетней войны³. Больше внимания уделено их отношениям в Новом Свете, юридически оформленным Тордесильясским договором

¹ *Brown V. L.* Anglo-Spanish Relations in America in the Closing Years of the Colonial Era // *Hispano-American Historical Review*. V. 5. – Aug. 1922. – P. 47.

² *Domínguez Ortíz A.* Carlos III... – P. 58.

³ *Palacio Atard V.* El Tercer Pacto... – P. 216-223.

1494 г. Из обильного количества работ, существующих в обеих национальных историографиях, выделим две, наиболее фундаментальные и репрезентативные¹. Кошта Режу рассматривает историю колонии Сакраменто от ее возникновения до передачи испанцам по Сан-Ильдефонскому договору 1777 г. Это – очевидный «португальский взгляд» на историю: он оправдывает ее основание португальцами, указывая на неопределенность границ в этом районе, и утверждает, что по праву основания поселения эта территория юридически должна принадлежать Португалии, и все попытки Испании отобрать ее, в том числе и сам договор 1777 г., являются несправедливыми.

Испанская монография А. Санса Тапия являет собой комплексное исследование испано-португальского конфликта в Южной Америке, в котором рассмотрена эволюция испано-португальского противостояния в Южной Америке, в первую очередь, в Рио де Ла Плата; политическая и дипломатическая деятельность дворов Мадрида, Лондона и Лиссабона по вопросу этого противостояния; подготовка военной экспедиции Севальоса и развитие боевых действий; создание вице-королевства Ла-Плата и разрешение конфликта с Португалией². Автор рассматривает эту проблему в рамках глобальной региональной проблемы – экспансии Англии против Испании в Америке (следующий этап – Война за независимость США) и защиты Испанией своих территорий. Он подходит к ней с точки зрения Испании, оправдывая ее политику, указывая на агрессивный характер действий Португалии и постоянно подчеркивая, что Португалия активизировала в этом районе свои действия только благодаря поддержке Анг-

¹ См.: El Tratado de Tordesillas y su proyección. V. 1-2. – Valladolid, 1973-1974; *Costa Rego J. da. A colonia do Sacramento (1680-1777)*. – Porto Alegre, 1937.

² *Sans Tapia A. El final del Tratado de Tordecillas: la expedición del virrey Cevallos al Rio de la Plata*. – Valladolid, 1994. – P. 10.

лии, доминирующую роль которой он считает определяющей. Как только Англия вынуждена была сосредоточиться на своих делах, т.е. войне с колониями, и Португалия осталась с Испанией один на один, столкновение тут же было проиграно¹. Таковы общие позиции по вопросу, характерные в целом для обеих национальных историографий.

Участие Испании в Войне за независимость США

Как и в предыдущих случаях, взаимоотношения Испании и США в первую очередь стали объектом изучения в этих двух странах соответственно. Стимулом для появления первых исследований стала война 1898 г. Поражение Испании в этой войне инициировало усилия испанских историков по переосмыслению собственного прошлого, и самой важной их целью стало напомнить своим соотечественникам, «неблагодарным» американцам и всем остальным великим державам, что именно Испания сыграла решающую роль в возникновении того государства, которое само выросло из колонии, а чуть более века спустя лишило Испанию ее последних владений за океаном.

В Испании в 20-е гг. практически одновременно появляются два исследования по этому вопросу. М. Конротте рассматривает испано-французские отношения во время Войны за независимость и приходит к выводу, что Испания вынуждена была принять участие в войне под давлением обязательств Фамильного пакта². Вторая работа – докторская диссертация, защищенная в Мадридском университете в 1922 г. Ее автор, Х. Ела Утрилья, критикует труд своего предшественника, обращая внимание на то, что работа недостаточно документирована и страдает отсутствием библиографического аппарата. Он концентрирует свое внимание

¹ *Sans Tapia A.* El final del Tratado de Tordecillas: la expedición del virrey Cevallos al Rio de la Plata. – Valladolid, 1994. – P. 18, 20-21.

² *Conrotte M.* La intervención de España en la independencia de los Estados Unidos de la América de Norte. – Madrid, 1920.

на анализе политики Карла III, построенном на испанских архивных материалах, которые автор обильно цитирует. Он занимается дипломатической историей, мало уделяет внимания военным событиям и критикует испанское правительство за непоследовательность, считая, что Испания либо должна была сохранять нейтралитет по отношению к Англии (а может, даже и помогать ей усмирить взбунтовавшиеся колонии), либо решительно помогать им в борьбе¹.

Большинство американских авторов или совсем не упоминает, или практически не упоминает об испанской помощи США. Даже в работах, которые специально посвящены международным проблемам конфликта, внимание прежде всего сосредоточено на участии в войне Франции². Ф. Чадвик, также создавший свой труд на волне 1898 г., преследовал совсем иную цель: доказать превосходство США над Испанией. Его исследование дипломатических отношений двух стран поэтому крайне тенденциозно³. В американской историографии первым взаимоотношения Испании и США в период Войны за независимость рассмотрел профессор Йельского университета, С. Бемис⁴. Его работы по этому вопросу занимают особое место в мировой историографии. Они основаны на англо-американских и французских источниках, анализируя которые, он рассматривает помощь Испании, но не

¹ *Yela Utrilla J. F.* España ante la independencia de los Estados Unidos. – Lerida, 1925. – P. 14.

² Этой теме, естественно, уделяется большое внимание во французской историографии, но назовем лишь один монументальный 5-томный труд, который не потерял своего значения и до настоящего времени: *Doniol H.* Histoire de la participation de France a l'établissement des Etats-Unis d'Amérique. Correspondance diplomatique et documents. – Paris, 1886-1892.

³ *Chadwick F.E.* The Relations of the U.S. and Spain. – N-Y., 1909.

⁴ Работал на кафедре дипломатической истории и межамериканских отношений. Издал около 15 монографий по внешней политике США, две из которых были удостоены Пулитцеровской премии. Его называли «отцом американской дипломатической истории».

считает, что она сыграла решающую роль в войне Соединенных Штатов¹.

К 200-летию Американской революции в США вышло большое число юбилейных изданий, в которых стал заметен отказ от тенденциозных позиций в оценке роли Испании и признание ее вклада довольно существенным. Так, в монографии Б. Томсон с характерным названием «Испания, забытый союзник Американской революции» подчеркивается, что Испания по объективным причинам не могла оказывать восставшим колониям открытую помощь – она сохраняла дипломатические отношения с Англией, а до 1777 г., будучи вовлеченной в войну с Португалией, она не могла разорвать с Англией эти отношения: это сразу же привело бы к блокаде испанских портов, потере возможности подписать мир с Португалией и, соответственно, «закрыло бы дверь для помощи американцам»². Но подобная позиция в американской историографии далеко не была единодушной. Американский историк, автор нескольких работ по дипломатической истории Испании³, Дж. Кортада предлагает общую историю дипломатических отношений двух стран, особо рассматривая вопрос о помощи Испании США в годы Войны за независимость. Кортада в целом следует тезису Бемиса о том, что «Испания никогда не желала независимости США» и была вынуждена помогать колонистам. Автор подчеркивает нерешительность испанской политики, проявлявшейся только то-

¹ Назовем среди них только две, целиком посвященные исследуемому вопросу: *Bemis S.F. The Hussey-Cumberland Mission and the American Independence: an Essay in the Diplomacy of the American Revolution.* – Princeton, 1931; *Idem. The Diplomacy of the American Revolution.* – Bloomington, 1957 (Первое издание вышло в 1935 г.).

² *Thomson B.P. Spain, Forgotten Ally of the American Revolution.* – Massachusetts, 1976. – P. 19.

³ По исследуемому вопросу см.: *Cortada J. Two Nations...*

гда, когда на Испанию давила Франция¹. Существуют принципиальные разногласия среди исследователей и по отдельным вопросам темы. Так, Родригес Касадо оценивал Версальский мир как успех испанской политики², а Эрнандес Санчес-Барба называл его «печальным дипломатическим поражением»³.

Новейшие научные споры по внешней политике Испании в период правления Карла III нашли отражение в издании докладов международного colloquium «Карл III и его век», проходившего под эгидой Мадридского университета Комплутенсе, основной темой которого был анализ современного состояния историографии по различным вопросам испанской истории XVIII века⁴. В издании результаты своих исследований представили более ста, преимущественно испанских специалистов. Эти важнейшие публикации юбилейного года демонстрируют, что в последние десятилетия интерес расширился географически, что усилило способность к синтезу связанного с Карлом III исторического развития Италии, Испании и Латинской Америки, т.е. регионов, где правление Карла III оставило заметный след.

¹ Иногда, правда, Дж. Кортада противоречит сам себе. Так, анализируя причины вступления в войну Испании, он заявляет, что североамериканские проблемы были важнее для Испании в тот период, чем Гибралтар (С. 10). Но чуть дальше рассуждает о том, что именно желание вернуть Гибралтар и стало главной причиной, а возврат Флориды – достаточно второстепенной (с. 13), поддерживая позицию В.Л. Брауна, который утверждал, что европейские дела всегда являлись краеугольным камнем внешней политики Карла III. См.: *Brown V.L. Anglo-Spanish Relations in America in the Closing Years of the Colonial Era // Hispano-American Historical Review. – V. 5. – August, 1922.* Очевидно противоречие и в оценке им военной помощи Испании: то он оценивает ее очень высоко, то считает ее недостаточно эффективной (с. 10, 11).

² *Rodríguez Casado V. Los primeros...* – P. 48.

³ *Hernández Sánchez-Barba M. La última expansión española en América. – Madrid, 1957. – P. 89.*

⁴ *Actas de Coloquio Internacional «Carlos III y su siglo».* – Madrid, 1990.

3. Эпоха Карла IV: испано-французские отношения в годы Великой французской революции.

Достаточно тенденциозна работа А. Муриэля по истории Карла IV: он противопоставляет правление Карла III и Карла IV, утверждая, что эпоха Карла IV – это разрыв с прошлым; все неудачи внешней и внутренней политики Испании объясняет отношениями Марии-Луизы и Годоя, сводя их к любовным интригам. Муриэль положил начало историографической традиции в исследовании правления Карла IV: он критикует Годоя, утверждая, что его нахождение у власти было национальной катастрофой, которая завершилась только в 1808 г.¹

Первое серьезное исследование по периоду, появившееся в годы франкизма, принадлежит испанскому историку К. Короне². Учитывая место и время его издания, отметим, что автор довольно сдержанно относится к влиянию французской революции на Испанию, критикует революционную пропаганду французов и поддерживает Флоридабланку, выступавшего против революции. Тем не менее это первая работа, построенная не на сомнительных «Мемуарах» Годоя, а на архивных материалах, которые автор обильно цитирует.

В монографии К. Секо Серрано, посвященной анализу политики и личности Годоя³, отражен новый взгляд на эпоху, три характерные особенности которой он выделяет: 1) ликвидация политической традиции, относящейся к правлению Карла III; 2) ненормальное продолжение дипломатической традиции Фамильного пакта; 3) экономический кризис, ставший логичным результатом постоянной войны с англичанами. Автор отходит от «клише», которому следовали его предшественники, и пытается оценить курс Годоя с

¹ *Muriel A. Historia de Carlos IV. – Madrid, 1893-1894.*

² *Corona C. Revolución y Reacción en el reinado de Carlos IV. – Madrid, 1955.*

³ *Seco Serrano C. Godoy, el hombre político. – Madrid, 1978.*

точки зрения политической целесообразности, а не «амурных» отношений с королевой. Во второй половине 1980-х гг. появляются работы, в которых происходит переоценка роли Годоя¹, нас же они интересуют не с этой точки зрения, а с точки зрения его политики в отношении Франции и начала войны с республикой.

Испано-французские отношения этого периода начали разрабатываться первоначально французскими историками. Здесь особое место занимает 4-томный труд А. Сореля «Европа и французская революция», в котором отношениям двух стран уделяется достаточно пристальное внимание². Его традиции следовали А. Муссе, который построил свою работу на изучении донесений испанского посла в Париже Фернана Нуньеса³, и Ж. Шомы, который на основе документов из испанских и французских архивов анализирует испанскую политику середины 1791 – начала 1793 гг. и приходит к выводу, который резюмирует следующей фразой: «История испанской политики от Вареннского кризиса до смерти Людовика XVI это конфликт между двумя идеологиями – Дон Кихота и Санчо Пансы. Одну отражают те, кто не желал войны с непредсказуемым результатом, другие – мечтали о «крестовом походе» против революции»⁴.

Особое место в историографии испано-французских отношений данного периода занимают работы, посвященные войне между двумя государствами 1793-1795 гг. Их выходи-

¹ *González Santos L.* Godoy, príncipe de la Paz, siervo de la guerra. Madrid. 1985; *Hilt D.* The Troubled Trinity: Godoy and the Spanish monarchs. – Alabama, 1987.

² *Сорель А.* Европа и Французская революция. – Т. 1-4 / Пер. с фр. и предисл. Н.И. Кареева. – СПб., 1892.

³ Это издание: *Mousset A.* Un témoin ignoré de la révolution: le comte de Fernan Nuñez. – Paris, 1924. Оно более ценно как публикация документов, чем как самостоятельное исследование.

⁴ *Chaumié J.* Les relations diplomatiques entre l'Espagne et la France de Varennes à la mort de Louis XVI. – Bordeaux, 1957. – P. 187.

ло не очень много, и следует отметить следующее. Во французской историографии господствует точка зрения, что испанцы после поражений 1794 г. «чуть ли не на коленях просили мира у французов»¹. В Испании в 1959 г. был завершен выход 5-томного издания, опубликованного под эгидой генерального штаба, посвященного войне 1793-1795 гг. Этот монументальный труд отличается двумя особенностями: 1) в нем детальнейшим образом рассматривается ход военных действий; 2) в худших традициях франкистской историографии (а это еще и военные историки) авторы пытаются оправдать военные поражения Испании 1794-1795 гг., категорически отрицают воздействие революционных идей на менталитет испанского общества, в частности той его части, которая оказалась под оккупацией французов².

Американский историк, профессор Калифорнийского университета (Беркли) Р. Герр рассматривает всестороннее влияние революции на Испанию. И хотя его труд написан в то же время, что и предыдущий, автор исследовал те же испанские архивы и также приходит к выводу о ничтожном влиянии революции на Испанию вследствие ее католицизма и традиционализма, но насколько разнятся оба этих издания. Для нас особенно важны были разделы, в которых говорится о политике Флоридабланки, касающейся Франции, и отношениях двух стран³.

В 1989 г. выходит ряд изданий, посвященных 200-летию Великой французской революции. Среди них сборники статей: «Испания и французская революция» (под ред. М. Артолы), который в основном затрагивает проблемы внутренней политики испанского правительства в годы

¹ *Marcillac P. L. Histoire de la guerre entre la France et l'Espagne pendant les années de la révolution française 1793, 1794 et partie de 1795.* – Paris, 1808.

² *Estado Mayor Central del Ejercito. Campaña de los Pirineos a finales del siglo XVIII.* – Madrid, 1949-1959. – Vol. 1-5.

³ *Herr R. The Eighteenth Century Revolution in Spain.* – Princeton, 1958.

французской революции, и «Испания и Иберийский мир», вышедший под эгидой Испанского национального общества по 500-летию открытия Америки и касающийся влияния французской революции на страны Пиренейского полуострова и Латинской Америки в XVIII-XIX вв.¹

***Зарубежная историография
последнего десятилетия XX – начала XXI в.***

В последние годы появилось значительное количество работ, в которых рассматриваются вопросы внешней политики Испании XVIII в. и отражены последние тенденции в историографии исследуемой проблемы.

Общие работы по истории Испании и ее внешней политики XVIII в. В 1992 г. выходит обзорная работа Ф. Оливье по истории внешней политики Испании, главная задача которой показать, какое место занимает Испания в настоящее время в мировом сообществе. И начинается он решение этой задачи с анализа внешней политики страны в XVIII в., поскольку именно в это время Испания стала политически единым целым – она перестает быть центром испанокатолической империи Габсбургов и становится «Атлантической империей испанских Бурбонов»². Именно в это время, по мнению автора, начинается новый период в истории международных отношений в Европе: гегемония одного государства и его ответственность за сохранение мира на континенте сменяется балансом власти между рядом государств, схожих по экономическому и военному могуществу (С. 31). Именно в это время на первое место среди европейских стран выры-

¹ См.: España y Revolución Francesa. – Madrid, 1989; La revolución francesa y el mundo ibérico. – Madrid, 1989, а также: Aymes J.L. (ed.). España y Revolución francesa. – Barcelona, 1989; Diego E. De, Gutiérrez S.L., Bullon de Mendoza A y Contreras R. (coord.). Las repercusiones de la Revolución francesa en España. – Madrid, 1990; Gil Novales A. (coord.). La Revolución francesa y la Península Ibérica // Historia Social. – 1987. – № 36-37.

² Olivie F. La herencia de un imperio roto. – Madrid, 1992. – P. 28, 32.

вается Англия, которая к середине столетия начинает теснить Испанию уже не столько на континенте, сколько в колониях. Именно с этого времени начинается новый период в истории Испании: она отказывается от попыток вернуть утраченные территории в Европе и сосредоточивает свои усилия на защите своих американских владений (С. 40). В 1993 г. во Франции выходит обзорный труд И. Ботино по истории испанских Бурбонов XVIII в.¹

В 1997 г. появляется монументальное издание Х. А. Вака де Осмы, посвященное Карлу III. Хотя труд носит обзорный характер, тем не менее многие оценки автора заметно отличаются от устоявшихся в последнее время позиций в историографии, и их следует обозначить. Смену династии на престоле Вака де Осма считает катастрофой, которая принесла больше отрицательных последствий, чем положительных. По его мнению, у Испании не было мотивов противостоять монархии Габсбургов, с которой ее столько связывало, как, впрочем, и Англии, вместе с которой можно было бы успешно бороться за поддержание порядка в колониях. Напротив, Испания попала под влияние «империалистической политики Людовика XIV», которая привела страну к союзу, обошедшемуся Испании слишком дорого, и который завершился в конце концов катастрофой у Трафальгара². Автор, не называя фамилий оппонентов, вступает в дискуссию с Оливье и его теорией «Атлантической империи». «Некоторые, – пишет он, – считают, что Испания, потеряв свои владения, стала более однородной, ...что начался период атлантизации монархии, и она смогла сосредоточить свое внимание на колониях...». Автор категорически не согласен с этим: он считает, что ничего хорошего Утрехт не принес стране, за его последствия вынуждены были расплачиваться Фердинанд VI и Карл III (и в течение целого столетия Испания должна была

¹ *Bottineau I.* Les Bourbons d'Espagne. – Paris, 1993.

² *Vaca de Osma J.-A.* Carlos III. – Madrid, 1997. – P. 20.

бороться за возврат утраченных территорий), и «мы расплачиваемся до сих пор»¹.

Один из ведущих исследователей внешней политики Испании Х.М. Ховер Самора обобщил свои многолетние изыскания в теоретическом труде, посвященном месту Испании в международной политике, и, как и Оливье, ограничил себя рамками XVIII-XX вв.² Он особо подчеркивает, что рассматривает не дипломатическую историю Испании, а международное положение в Европе, развитие международных отношений (С. 14), и в этой связи рассуждая о политике Бурбонов, приводит один главный тезис: политика новой династии определялась исключительно национальным, а не династическим интересом. Главной причиной стали возросшие после войны за Испанское наследство аппетиты Великобритании, стремившейся к абсолютной гегемонии в Европе путем создания на континенте системы «баланса сил», что привело к «замене политики коалиций, направленных против Людовика XIV, политикой континентальной гегемонии Британии» (С. 20). В политике Филиппа V и Фердинанда VI он выделяет два основных направления: атлантическое (американские колонии) и средиземноморское (итальянские территории). Дипломатию Карла III он называет «классической дипломатией» не только потому, что основные внешнеполитические решения принимались исходя не из эмоциональных «династических» побуждений, а основывались на господствовавших в обществе Просвещения идеях «разума» (С. 90-91), но и потому, что она целиком сосредоточилась на решении своих национальных проблем, наиболее жизненно важной из которых во второй половине XVIII в. стала проблема американских колоний.

¹ *Vaca de Osma J.-A.* Carlos III. – Madrid, 1997. – P. 27-28.

² *Jover Zamora J.M.* España en la política internacional; siglos XVIII-XX. – Madrid, 1999.

В мае 2000 г. в Мадриде состоялся международный коллоквиум, посвященный 200-летней годовщине правления Бурбонов в Испании¹. Доклады двух французских участников – Д. Озанама² и Л. Бели³ – посвящены исследованию династических проблем в Европе XVIII в. и влиянию их на политику, проводившуюся испанскими Бурбонами.

В рамках празднования 200-летия испанских Бурбонов в 2002 г. в Испании выходят два обобщающих труда по истории династии в XVIII в.⁴ Если внимание автора первого из них (Ф. Санчес-Бланко) в основном сконцентрировано на исследовании «просвещенной политики» Карла III, то авторы второго (Р. Гарсия Карсель и др.) во главу угла ставят вопрос: что нового принесла новая династия Испании – и в этом «новом» внешняя политика играет не последнюю роль. Авторы указывают, что Утрехт породил в стране «настоящий кризис собственной территориальной идентичности» (С. 9). Учитывая это, Бурбоны построили новое государство: «вертикальная Испания», Испания «государственно-национальная» возобладала над «горизонтальной Испанией» Австрийского дома (С. 13), а внешняя политика перестала быть «ин-

¹ Los Borbones: dinastía y memoria de nación en la España del siglo XVIII: actas del coloquio internacional celebrado en Madrid, mayo de 2000. – Madrid, 2001.

² Озанам рассматривает династические связи и рассуждает, как состоявшиеся и несостоявшиеся союзы влияли на политику европейских государств. *Ozanam D. Dinastía, diplomacia y política exterior // Los Borbones: dinastía y memoria... – P. 18;*

³ Бели отвергает некоторые устоявшиеся позиции, связанные с Утрехтом: об экономических преимуществах, которые получила по договорам Англия, об устойчивости системы «баланса сил» и пр. *Bély L. Casas soberanas y orden político en la Europa de la paz de Utrecht // Los Borbones: dinastía y memoria... – P. 91-95.*

⁴ *Sánchez-Blanco F. El absolutismo y las luces en el reinado de Carlos III. Madrid. 2002; Historia de España, siglo XVIII: la España de los Borbones. (Dir. R. García Cárcel). – Madrid, 2002.*

тернационалистской», сосредоточившись на отвоевании принадлежавших ранее Испании итальянских земель (С. 20).

Отдельные проблемы внешней политики Бурбонов. По эпохе Филиппа V за последние годы вышли три серьезных исследования¹. В то время как Кальво Пойато акцентирует внимание на личных недостатках монарха, Волтес Боу считает, что во времена правления Филиппа были заложены основы модернизации Испании. Свои исследования по истории Бурбонов Волтес Боу завершил в 1996 г. изданием истории Фердинанда VI².

В монографии Волтеса Боу рассматривается позиция Испании и по отношению к России. Автор вспоминает «брачный проект» Альберони и пишет, что «Изабелла Фарнезе склонялась к мысли о женитьбе испанского принца на дочери русского царя с тем, чтобы вовлечь эту страну в освобождение итальянских земель»³. Идею союза с Россией он целиком приписывает Изабелле Фарнезе, которая «попыталась сблизиться с Россией, к которой она относилась как к возможному могущественному союзнику». Мадрид желал привлечь Россию к Венскому договору, и ко двору царя был направлен первый испанский посол герцог де Лириа⁴.

К этому же периоду, но с совершенно иной позиции подходит английский автор Ф. Вудфайн: он защищает политику Англии в ее борьбе с Испанией. Конфликт между Испанией и Англией конца 30-х гг., утверждает автор, можно рассматривать как неизбежный взрыв, вызванный экономическим ростом и торговым соперничеством, добавляя, что «британская процветающая, но не всегда легальная торговля

¹ *Voltes Bou P.* Felipe V: fundador de la España contemporanea. Madrid. 1991; *Idem.* La Guerra de Sucesión. – Barcelona, 1990; *Calvo Poyato J.* Felipe V, el primer Bourbon. – Barcelona, 1992.

² *Voltes Bou P.* La vida y la época de Ferdinando VI. – Barcelona, 1996.

³ *Voltes Bou P.* Felipe V... – P. 284.

⁴ *Ibid.* – P. 314.

с этими (испанскими. – *О.В.*) колониями, пресекалась, часто очень жестоко, испанскими кораблями охраны»¹.

Участникам Семилетней войны посвящена монография Т. Покока (1998). Говоря о причинах вступления Испании в Семилетнюю войну, он утверждал, что «Испания не была заинтересована в войне с Англией, поскольку ее благосостояние зиждилось на благополучном прибытии грузов из испанских владений в Америке и Азии, которые в случае войны оказались бы в большой зависимости от английского королевского флота»².

Э. Бирман (Калифорнийский университет) сосредоточил свое внимание на изучении испанских архивов. Вышедшая в результате в 1992 г. монография в основном касается военных аспектов взаимоотношений Испании и США в 70-80-е гг. XVIII вв., и, исходя из их анализа, автор приходит к выводу, что сухопутные и морские операции Испании оказали большую помощь США в деле достижения независимости. В целом же он считает, что помощь Испании была жизненно необходима США³. В монографии Э. Бирмана упоминается о том, что в конце 1775 г. испанские послы в Лондоне и Париже информировали Мадрид о возможном выступлении России на стороне Англии против колоний. Ее позиция крайне интересовала испанское правительство, которое само определяло свою позицию по отношению к назревающему конфликту. Но Бирман касается его мимоходом, так как вопрос об участии России и отношении к этому Испании выходил за рамки его научных интересов⁴.

¹ *Woodfine Ph.* Britannia's Glories... – P. 1.

² *Pocock T.* Battle for Empire: the Very First World War, 1756-1763. – London, 1998. – P. 184.

³ *Beerman E.* España y la independencia de Estados Unidos. – Madrid, 1992. – P. 14-15.

⁴ *Beerman E.* España... – P. 20.

Американец испанского происхождения Т. Чавес указывает во введении к своей работе (2002), что заняться этой темой его побудило то, что «в США практически не знают о том, что Испания принимала участие в их борьбе» и что «испано-американцы также являются потомками тех, кто принес их стране независимость»¹. Странное заявление, особенно если учитывать обильную испанскую и американскую историографию, посвященную этой теме. Работа довольно поверхностна: в основном автор повторяет устоявшиеся идеи – пожалуй, наиболее ценными являются его материалы о финансовой помощи жителей испанских колоний в Америке, где были введены особые налоги для сбора денег для помощи США и т.д.

В 1996 г. в Испании была издана монография Х.М. Альендесаласара об испано-американских отношениях 1763-1895 гг. Автор полагает, что падение Орлеана в 1759 г. ознаменовало «конец французской империи в Америке, созданной, может быть, слишком легко и быстро и оказавшейся непрочной, как карточный домик». В результате английские колонисты, которые остро ощущали нехватку территорий, остались лицом к лицу с двумя соперниками, с которыми они впредь будут бороться за новые земли: испанцы и индейцы². Американская революция, по мнению автора, была «игрой интересов и эгоизмов» не только в случае отношений колоний и Англии, но и всех держав, которые принимали в ней участие. Испания и Франция полагали «ошибочно или нет, что это соответствует их национальным интересам», и смотрели на события в Америке «европейскими глазами, не инте-

¹ *Chavez T.E.* Spain and the independence of the United States. Albuquerque. – USA, 2002. – P. VIII, 213.

² При этом он подчеркивает, что именно испанцы стали основными противниками англичан в Америке. *Allendesalazar J. M.* Apuntes sobre la relación diplomática Hispano-Norteamericana, 1763-1895. – Madrid, 1996. – P. 17-18, 20.

ресуясь причинами самой независимости»¹. Автор пытается подвести итоги дискуссии об участии в войне европейских держав, обобщая точки зрения национальных историографий следующим образом: американцы всегда подчеркивали значение французской помощи, хотя не в такой степени, как этого желали бы французские историки, и практически до последнего времени игнорировали участие Испании, что вызывало негодование испанской школы и желание представить роль Испании гораздо более решающей, чем это было на самом деле. На самом деле, считает автор, у Испании в тот момент не было другой альтернативы, и она сделала то единственное, что могла в столь щекотливой ситуации. После стольких поражений в войнах от Англии она не могла упустить возможность восстановить хоть что-нибудь из своих потерь, но она не могла, как Франция, выступить открыто и подать пример своим собственным колониям².

В последние годы появляются работы, авторы которых обращаются к вопросам, менее исследованным в историографии. По теме «Французская революция и Испания» это проблема войны 1793-1795 гг., Базельского мира и его последствий для дальнейшей истории Испании. На эту тему выходит монография французского историка, профессора Парижского университета (Ш) Ж.Р. Эймеса. Она посвящена изучению событий, связанных с войной Испании против Французской республики. Автор не только останавливается на ходе военных действий, т.е. «войны традиционной», – напротив, он подчеркивает, что уделяет им минимальное внимание – но рассматривает зарождение феномена «герильи», который в гораздо большей степени будет характерен для войны испанцев против Наполеона 1808-1814 гг., обращается к официальной испанской пропаганде и анализирует ее

¹ *Allendesalazar J. M. Apuntes sobre la relación diplomática Hispano-Norteamericana, 1763-1895. – Madrid, 1996. – P. 26.*

² *Ibid. – P. 26-27.*

влияние на народные массы районов, оказавшихся в зоне боевых действий, изучает влияние революционной агитации французов на ход войны¹. В следующем году выходит монография молодого испанского историка Ла Парры Лопеса, который считает ее продолжением работы Эймеса². В ней рассматривается внешняя политика Испании после подписания Базельского мира, а в частности отношения с Францией, и последствия союза, который подписали оба государства в 1796 г. Автор показывает, что этот договор оказался на практике выгоден только для Франции, поскольку Бонапарт отказался соблюдать те условия, которые Директория обещала своему союзнику, что политика Годоя была непредусмотрительна и привела к пагубным для страны последствиям.

В 1997 г. выходит книга Р. Прието, которая вызвала у нас несколько странное чувство: это перевод с французского языка исследования французского автора А. Муссе³, однако в предисловии об этом не сказано ни слова: автор перечисляет имена нескольких авторов: Перес де Гусман, Муссе, Шоми, которые исследовали данную тему, однако, говоря о Муссе, упоминает только, что «это исследование наиболее близко нам в отборе документов», но Муссе переводил донесения Фернан Нуньеса на французский, «мы же оставили оригинальную версию документов... и привели их полностью»⁴. Несколько изменено только название, все остальное – один к одному перевод книги французского автора.

Двусторонние отношения Испании с европейскими странами в XVIII веке. В этом разделе внимания заслуживает

¹ *Aymes J.-R.* La guerra de España contra la revolución francesa (1793-1795). – Alicante, 1991.

² *La Parra López E.* La alianza de Godoy con los revolucionarios: España y Francia a finales del siglo XVIII. – Madrid, 1992. – P. 13-16.

³ *Mousset A.* Un témoin ignoré de la révolution: le comte de Fernan Nuñez... – Paris, 1924.

⁴ *Prieto R.* La Revolución francesa vista por el embajador de España Fernan Nuñez. – Madrid, 1997. – P. 8-9.

монография А. Уолш, посвященная отношениям испанской и французской монархий в XVI – первой половине XVIII в.¹, а также работы П. Санса Каманьеса и М.-Ф. Макар о соответственно англо-испанских и франко-испанских отношениях в XVII в.²

Испанская дипломатия и дипломаты XVIII в. Выше уже говорилось о том, что в последние годы в российской исторической науке все большее внимание уделяется вопросу о роли личности в истории, в результате чего заметно увеличилось число работ, посвященных российской дипломатии и ее отдельным представителям. Складывается впечатление, что подобная тенденция все более и более доминирует и в европейской историографии, свидетелем чего стал «всплеск» публикаций биографического характера. Наиболее репрезентативной можно назвать «Предысторию Министерства иностранных дел» Б. Бадоррей Мартин, в центре внимания которой не только изучение функционирования и развития основных служб дипломатического ведомства в Испании в XVIII в., но и анализ внешней политики государства с точки зрения того курса, который проводил каждый из министров иностранных дел (государственных секретарей)³. Безусловной заслугой автора является скрупулезная точность, с которой изучены перипетии жизненного пути высших испанских государственных чиновников, некоторые из которых (Рипперда, Аранда, Флоридабланка) часто становились объектом научных изысканий, другие же (Патиньо) были обойдены вниманием исследователей.

¹ *Walch A.* Les monarchies française et espagnole du siècle d'or au grand siècle. – Paris, 2000.

² См.: *Sanz Camañes P.* Diplomacia hispano-inglesa en el siglo XVII: razón de estado y relaciones de poder durante la Guerra de los Treinta años, 1618-1648. – Almagro, 2002; *Maquart M.-F.* L'Espagne de Charles II et la France: 1665-1700. – Toulouse, 2000.

³ *Badorrey Martín B.* Los orígenes del Ministerio de Asuntos Exteriores, 1714-1808. – Madrid, 1999.

Вслед за этим фундаментальным исследованием французский историк Д. Озанам – один из крупнейших современных исследователей внешней политики Филиппа V и Фердинанда VI – выпускает в свет «Испанских дипломатов XVIII века»¹. Автор собрал воедино уникальные архивные данные и опубликованные материалы, на основе которых впервые воссоздал биографии всех испанских представителей, работавших в различных странах Европы и Азии, проанализировал «кадровую политику», изучил функционирование посольств и консульств.

В круг этих же исследований входят монографии М.А. Очоа Бруна «Посольства и послы в истории Испании»² и Х.П. Алсины Агилара «Послы Испании в Лондоне»³, а также ряд трудов, посвященных биографиям отдельных дипломатов и государственных деятелей⁴. Особое место среди них занимают научные издания, опубликованные в связи с 200-летием со дня смерти графа Аранды⁵.

Немецкая историческая наука, представители которой в течение многих лет занимают одну из ведущих позиций в латиноамериканистике, в последнее время обратилась также и к истории Испании XVIII в. Расширение сферы исследований и на метрополию привело к изданию в 1997 г. под руко-

¹ *Ozanam D.* Les diplomats espagnols du XVIIIe siècle: introduction et repertoire biographique, 1700-1808. – Madrid-Bordeaux, 1998.

² *Ochoa Brun M.A.* Embajadas y embajadores en la historia de España. – Madrid, 2002.

³ *Alzina Aguilar J.P.* Embajadores de España en Londres: una guía de retratos de la embajada de España. – Madrid, 2001.

⁴ См.: *Delgado Barrado J.M.* El proyecto político de Carvajal; pensamiento y reforma en tiempos de Fernando VI. – Madrid, 2001; *Un español en la corte de Luis XV: cartas confidenciales del embajador Jaime Masones de Lima, 1752-1754* / Ed. D. Ozanam. – Alicante, 2001.

⁵ *Albiac Blanco M.-D.* El conde de Aranda: laberintos del poder. – Zaragoza, 1998; *El Conde de Aranda y su tiempo* / Dir. J.A. Ferrer Benimeli. – Zaragoza, 2000.

водством В. Бернекера и Х. Питшманна «Истории Испании»¹ и коллективного издания «Испанские короли» (1997)². Обратимся только к некоторым концепциям авторов. Э. Мауэрер в статье «Филипп V» говорит о войне за испанское наследство как «первой мировой войне»³. Х. Питшманн, анализируя подписание Карлом Фамильного пакта, вновь возвращается к устаревшей концепции, в соответствии с которой Мария-Амалия была убеждена, что лишь последовательная политика нейтралитета Фердинанда VI была выгодна Испании в Семилетней войне. «Возможно, Карл не совершил бы впоследствии ошибки и не вступил бы в войну на стороне Франции, если бы его супруга была жива», – утверждает автор, который, похоже, не знаком ни с позицией Паласио Атарда, ни Домингеса Ортиса⁴, а основывается на работе Феррера дель Рио. Что же касается статьи Герреро Латорре А. о Карле IV, то вызывают сомнения некоторые положения автора, касающиеся положения Испании во время революции во Франции:

– автор утверждает, что в донесениях аккредитованных в Мадриде послов сообщалось разве что о «царящем здесь глубоком спокойствии»⁵, что ни в коей мере не подтверждается источниками: донесения Зиновьева, как, впрочем, и донесения неаполитанского посла, говорят совсем об обратном;

– вызывает сомнение тезис, что Аранда, будучи послом в Париже, занимался там только интригами против Гримальди и позднее Флоридабланки (С. 273-274);

– не совсем понятна оценка автором роли Годоя: автор поддерживает позицию Секо Серрано (С. 279) о том, что его

¹ *Bernecker W.L., Pietschman H. Geschichte Spaniens.* – Studgardt, 1997.

² Издано в 1997 г. В 1998 г. оно было переведено на русский язык и издано в Ростове-на-Дону. См.: *Испанские короли: 18 исторических портретов от средних веков до современности.* – Р.-н-Д., 1998.

³ *Мауэрер Э. Филипп V // Испанские короли...* – С. 199.

⁴ *Питшманн Х. Карл III // Испанские короли...* – С. 250-251.

⁵ *Герреро Латорре А. Карл III // Испанские короли...* – С. 276.

назначение было связано не только с его амурными делами, но и с желанием королевской четы найти новый политический курс, однако далее постоянно подчеркивает его полную бездарность как государственного деятеля¹.

В США в 2004 г. выходит фундаментальный труд английского исследователя Х. Кэмена, автора более 20 монографий по различным периодам испанской истории, «Империя: как Испания стала мировой державой, 1492-1763»². Хотя автор основное внимание уделяет не столь истории метрополии, сколь всех ее владений на протяжении более чем двух столетий, защищая тезис, что «не испанцы создали империю», а «империя создала великую Испанию» (С. XXV), тем не менее в рамках этой проблемы он довольно подробно рассматривает международное положение Испании в начале XVIII столетия, анализируя ее территориальные потери и приобретения с точки зрения ее имперских позиций. Примечательно, что он касается и испано-русских отношений, но не традиционных проблем, которые связывали или разъединяли обе державы на европейском континенте, а отношений между имперской Испанией и Россией: их столкновений в ходе открытия калифорнийского побережья Америки. Испанский посланник в России маркиз де Альмодовар еще в 1761 г. отправил донесение в Мадрид об экспедициях Беринга и открытиях россиян на Тихом океане, но не придал тому большого значения. «Это был не первый случай, когда дипломаты ошибались», – отмечал Кэймен (С. 469).

Большое внимание зарубежной историографии начала нового столетия было уделено и 300-летию войны «за испанское наследство». В течение последних лет вышло более 20 работ в европейских странах, посвященных различным аспектам проблемы, по большей части таким наболевшим,

¹ *Герреро Латорре А.* Карл III // *Испанские короли...* – С. 279-280.

² *Kamen H.* Empire: how Spain became a world power, 1492-1763. – N.-Y., 2004.

как англо-испанские отношения вокруг Гибралтара¹, а также некоторым другим².

Завершить обзор зарубежной историографии следует упоминанием работ, вышедших в 2008-2010 гг. В университете Бильбао выходит издание, посвященное месту Испании в Европе в XVI-XVIII вв.³, в Барселоне – Войне за испанское наследство⁴, в Астурии фонд Ховельяноса публикует труд, посвященный деятельности Флоридабланки⁵. Йельский университет издает последовательно две монографии английских историков: Г. Кэмена о спорных проблемах истории Испании⁶ и Дж. Эллиотта⁷. Кроме того, в США У. Молтби выпускает работу по эпохе Габсбургов и Бурбонов⁸, а также выходят исследования по испано-американским отношениям

¹ См.: Gibraltar, 300 años. Alejandro del Valle Galvez, Inmaculada González García (editores). – Cadiz, 2004; *Rodriguez Gonzalez R.* Trafalgar y el conflicto naval anglo-español del siglo XVIII. San Sebastian de los Reyes, 2005; *Garcia Fernandez M. N.* Comerciando con el enemigo: el trafico mercantile anglo-español en el siglo XVIII (1700-1765). Prologo de A. Guimera Ravina. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Cientificas, 2006.

² La correspondencia entre Felipe V y Luis XIV: estudio histórico, informático y traductológico. – Córdoba, 2006.

³ La proyección de la monarquía hispánica en Europa: política, guerra y diplomacia entre los siglos XVI y XVIII (Ribot García, L. A.). – Bilbao, 2009. Кроме того, переиздается фундаментальный труд арагонского историка П. Сабала и Леры: *Zabala y Lera P.* España bajo los Borbones. – Zaragoza, 2009.

⁴ *Albareda i Salvadó J.* La Guerra de Sucesión de España (1700-1714). – Barcelona, 2010.

⁵ José Moñino y Redondo, Conde de Floridablanca (1728-1808): estudios en el bicentenario de su muerte (Menéndez Peláez J.). – Gijón, 2009.

⁶ *Kamen H.* Imagining Spain: historical myth & national identity. – New Haven – London, 2009.

⁷ *Elliott J. H.* Spain, Europe and the wider world, 1500-1800. New Haven – London, 2009.

⁸ *Maltby W.* The rise and fall of the Spanish empire. – N. Y., 2009.

в период и после Войны за независимость в США¹. В Англии появляется монография о международной обстановке в Европе в середине XVIII в.²

Анализ историографии вопроса показывает, что по истории международных отношений XVIII в. написано огромное число работ. Ограничиваясь лишь теми, которые связаны с внешней политикой Испании и России, можно прийти к определенным выводам. Издания, посвященные внешней политике Испании (в основном это испанские, но есть большое количество работ французских, английских и американских исследований), практически не затрагивают взаимоотношений с Россией. Аналогичная ситуация сложилась и в российской историографии внешней политики России XVIII в. – авторы не касаются вовсе или касаются мимоходом отношений с Испанией, при этом существуют различные оценки характера этих отношений.

Что же касается оценки внешней политики Испании в XVIII в. в целом, то среди авторов, занимающихся этой проблемой, существует нескончаемый калейдоскоп мнений. Разные оценки характера взаимоотношений с Францией и Англией, прямо противоположное понимание приоритетных внешнеполитических интересов Испании сохранились и в трудах, изданных в последнее время, поэтому нам представляется, что исследование этих интересов и того, какое место в них занимала Россия, приобретает особую актуальность.

¹ *McMichael F.A.* Atlantic loyalties: Americans in Spanish West Florida. Athens, Ga. 2008; *Raab J. W.* Spain, Britain, and the American Revolution in Florida, 1763-1783. Jefferson, N.C. 2008.

² *Pearce E.* Pitt the Elder : man of war. – London, 2010.

Обзор источников

Использованные в работе источники можно разделить на две большие группы: архивные материалы и опубликованные материалы.

Для освещения внешней политики Испании в XVIII в. главными источниками могут и должны служить документы испанского правительства, определяющие эту политику на каждом конкретном ее этапе и по каждому конкретному вопросу, а также донесения иностранных дипломатов из Мадрида, в которых дается оценка этой политики. Поскольку из всего комплекса внешнеполитических отношений Испании, мы выделяем ее отношения с Россией, то основным источником для написания диссертации стали донесения российских дипломатов из Испании¹. По этой причине большая часть работы была проделана автором в Архиве Внешней Политики Российской Империи МИД РФ, где был тщательнейшим образом исследован фонд «Сношения России с Испанией», в котором находится переписка российского правительства со своими представителями в Испании, начиная с 20-х гг. XVIII в.

Дипломаты, находившиеся за границей, были глашатаями и личными представителями своих дворов, людьми, которые в ту эпоху – эпоху медленной связи – должны были

¹ М.С. Андерсон, автор многих исследований по дипломатической истории Европы, указывал, что в XVI-XVIII вв., эпохе, которую он охарактеризовал как «зарождение современной дипломатии», когда впервые европейские страны стали обмениваться постоянными представительствами, а не краткосрочными миссиями, главной задачей дипломатов за рубежом стало не ведение переговорного процесса, а сбор информации о стране пребывания и ее передача к своему двору. Именно поэтому иностранных дипломатов при многих дворах считали простыми шпионами и осложняли их пребывание. *Anderson M.S. The Origins of the Modern European State System, 1494-1618. – London – New York, 1998. – P. 53-68.* См. также на эту тему его работу: *Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy. – London – New York, 1993.*

пользоваться неограниченным доверием своих государей. Они снабжали государство новостями всевозможного содержания с места их пребывания и служили основными источниками информации для своих правительств и своих государей о той стране, где они находились. Для написания диссертации были использованы донесения российских дипломатов С.Д. Голицына, И.А. Щербатова, П.И. Репнина, П.А. Бутурлина, О.-М. Штакельберга, С.С. Зиновьева, которые находились в Мадриде с середины 20-х до середины 90-х гг. XVIII в. (за исключением 1730-1760 гг., когда дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны), что позволяет проследить их оценку внешней политики Испании на протяжении всего XVIII в.

В этих донесениях отражена вся история международных отношений XVIII в.: последствия для Испании и других европейских стран Утрехтского мира, Семилетняя война, война Англии со своими колониями в Северной Америке, революция во Франции. Много внимания уделено конфликтам, в которые непосредственно была втянута Испания, как, например, споры с Римской империей из-за владений в Италии, осложнения с Англией из-за Мальвин и из-за Нутки, военные столкновения с Португалией на границах их американских владений. В течение всего столетия российские дипломаты следили за развитием взаимоотношений Испании и Франции, связанных фамильными узами, а позднее и тремя Фамильными пактами.

Обе страны были заинтересованы в укреплении торговых отношений, и на протяжении столетия они развивались с большей или меньшей интенсивностью. Этот вопрос также получил достаточно полное освещение в донесениях российских представителей при мадридском дворе.

Переписка российских представителей с Петербургом, инструкции, рескрипты и указы, которые они получали, отражают и внешнеполитический курс России, позицию петербургского двора по отношению к Испании в тот или иной

период, позволяя тем самым показать двусторонность этих отношений. Так, например, сравнение инструкций Панина и Безбородко, отправляемых их представителям в Мадрид, позволило прийти к выводу, что именно Панин был инициатором сдержанной политики России по отношению к Испании в 60-70-е гг. и успешно проводил ее в жизнь, несмотря на постоянные, начиная с 1777 г., упоминания Зиновьева в донесениях, что Испания вовсе не является «прислужницей Франции и ее тенью». Разногласия Панина с Екатериной после провозглашения декларации о вооруженном нейтралитете и постепенное удаление от дел привели к замене его Безбородко, который изменил и позицию России по отношению к Испании.

В документах, отправляемых из Петербурга в Мадрид, отражены и первоочередные интересы Российского государства, и методы их претворения в жизнь: большое место здесь занимают вопросы, связанные с войнами с Турцией и со Швецией, политикой России в Польше и ее разделами. Даже, когда Испания оказывалась вне сферы внешнеполитических деяний России – а это на протяжении XVIII в. было чаще всего, – «просвещенную» императрицу Екатерину интересовало мнение этой державы, и она требовала от своих дипломатов преподносить ее демарши в нужном ключе, подстилать под них «дипломатический коврик» и в максимально возможных случаях заручаться если не поддержкой, то, по крайней мере, нейтралитетом Испании.

Переписка российских дипломатов с Петербургом – это богатейший источник не только по истории дипломатии и политики, двусторонним отношениям и международной обстановке в целом – на основе этих документов можно составить представление о положении в стране, ее экономике, внутренней политике, религии, культурных обычаях и традициях, нравах и привычках. Жизнь при дворе и восстания народных масс, наиболее прогрессивные реформы, с одной стороны, суеверие и невежество – с другой, портреты коро-

лей и политических деятелей, прославивших XVIII век, – все это примечает внимательный глаз дипломата, все попадает на его перо. В реляциях большое место уделено проводимым в Испании преобразованиям в рамках политики просвещенного абсолютизма: борьбе с иезуитами, созданию мануфактур, развитию внутренней и внешней торговли, открытию школ, университетов, научных академий и просветительских обществ «друзей отечества».

Зачастую донесения, как дневники, раскрывают характер, привычки, лица тех, кто их составлял, и являют собой незаменимый источник для создания галереи портретов российских дипломатов, служивших в Испании в XVIII в. Так, например, донесения Репнина и Бутурлина были кратки, малоинформативны, в основном вращались вокруг протокольных вопросов и своих собственных проблем. Екатерина после вступления на престол сама взялась за изучение дипломатических реляций, причем подлинников, а не их экстрактов, хранившихся в Коллегии иностранных дел. Как отмечал исследователь первых лет ее деятельности В. Бильбасов, «реляции представляли собой род канцелярских отписок и по ним нельзя было составить определенное понятие о положении иностранных дворов. Этими реляциями могла довольствоваться Коллегия, но не Екатерина». И тогда ко всем дворам был отправлен рескрипт, в котором указывалось, что она «желает знать состояние всякаго двора, какие негоциации ныне производятся, так же как и внутренние распоряжения»¹. Донесения Штакельберга и Зиновьева отличаются большей информативностью и аналитичностью – это, безусловно, было следствием распоряжения императрицы. Но, кроме того, сравнение биографий двух первых дипломатов, для которых назначение в Мадрид было всего лишь «вояжем», и последних, для которых их дипломатическая карьера была крайне важна, свидетельствует и о характере их авторов, их уме и

¹ Цит. по: *Бильбасов В. История... – С. 102-103.*

добросовестности. Это важно, в первую очередь, потому, что достоверность и точность отправляемых ими в Петербург сведений зависела от их ловкости, умения налаживать нужные связи и их поддерживать, внимательности и аналитических способностей, т. е. личности каждого из них. А от результатов их информации, более или менее глубокой, правдивой, отражавшей реальную обстановку в стране пребывания, зависела и внешняя политика российского правительства.

Особое место среди российских дипломатов в Испании принадлежит тонкому политику и исполнительному чиновнику С.С. Зиновьеву, который находился там почти 20 лет. Высокую оценку его донесениям дал русский историк А.С. Трачевский, обративший внимание на глубину его анализа, на изысканный и тонкий стиль письма: «Степ. Степ. Зиновьев занимал дипломатический пост в Мадриде 20 лет с 1774 по 1794. В его депешах обнаруживается наблюдательность, меткость суждений и глубокое знание быта испанской нации, особенно ее двора... Они могут служить руководящей нитью при изучении испанской политики последней четверти прошлого века»¹.

Достаточно важным представляется и выявление неизвестных ранее документов. Материалы фонда являются в некоторых, пусть даже крайне редких случаях источниками новой информации. Так, например, нами были обнаружены сведения о в результате не состоявшемся намерении направить в 1780 г. в Россию посланником крупнейшего испанского просветителя Г. де Ховельяноса. Хотя это очень мелкий факт, но данная информация сохранилась только в одном из донесений Зиновьева², а для исследователей деятельности

¹ Трачевский А. С. Испания... – С. 14-15.

² См. об этом подробнее статью: *Volosiuk O. Jovellanos y Rusia // HISPANIA. Revista española de historia. T. XLVIII. Eneroabril. – 1988. – №. 168.*

Ховельяноса (а всего о нем насчитывается более полутора тысяч работ) этот неизвестный ранее факт оказался новым дополнением к его биографии.

В АВПРИ нами были изучены также дела, относящиеся к фонду «Сношения России с Португалией». В этих документах отразилась переписка российского двора с С.С. Зиновьевым, когда его планировали направить посланником в Португалию, и они являются ценным свидетельством, позволяющим дополнить биографию этого российского дипломата, а также показать предпосылки установления отношений между двумя странами.

Важные документы отложились в фондах «Секретнейшие дела. Испания», «Внутренние коллежские дела», «Сношения России с Англией». Документы начала XVIII в., переписка российских представителей за рубежом с Коммерц-коллегией, а также отдельные документы частной переписки отложились в Российском Государственном Архиве Древних Актов (фонды «Кабинет Петра I», «Голицыны», «Дипломатический отдел», «Госархив. Переписка разных лиц», «Сенат. Комиссия по торговым и внутренним пошлинам»). Они позволили дополнить картину, особенно в сфере торговых отношений, и воссоздать более объективную панораму деятельности российского консульства в Кадисе.

Департаментом, с которым должен был переписываться российский консул Бранденбург, была Коммерц-коллегия, но он посылал донесения и в Коллегию иностранных дел, причем в Коммерц-коллегию он докладывал о торговых делах, а с КИД переписывался главным образом по предметам политического значения или таким, которые имели непосредственное отношение к вопросу о правах русских подданных и их торговле в Испании, поэтому его переписка с Петербургом отложилась как в АВПРИ, так и в РГАДА. Он докладывал о международном положении Испании и ее внешнеполитических демаршах, в первую очередь, когда они касались

ее отношений с Францией и Англией, сообщал известия об Алжире и Тунисе, так как нападения алжирских и тунисских пиратов и борьба с ними при начинавшейся торговле России с областями Средиземноморья представляли интерес и для российского правительства. Довольно подробно он информировал о морских силах Испании, об испанском флоте, его составе, вооружении и экспедициях, о финансах Испании, об издававшихся испанским правительством распоряжениях и указах относительно внутренней и внешней торговли. В 1782 г. по требованию КИД он отправил копии со всех эдиктов о запрещенных к ввозу в Испанию товарах и предметах военной контрабанды, о правах иностранцев и иностранной торговли в Испании, об испанской промышленности, торговле и судоходстве, о правах иностранных консулов в Испании. В 1788 г. он представил в виде проекта, состоявшего из 87 пунктов, свои замечания об условиях заключения торгового договора с Россией. Причем до 1781 г. он присылал реляции в КИД, а потом – донесения на имя вице-канцлера Остермана.

Систематическому изучению была подвергнута и дипломатическая переписка испанского двора, с которой мы имели возможность ознакомиться при работе в Национальном Историческом Архиве (*Archivo Histórico Nacional*) в Мадриде и Главном Архиве Симанкас (*Archivo General de Simancas*).

Интересующие нас документы и в том и в другом испанском архиве находятся в фонде «*Estado*» и содержат переписку испанского правительства со своими представителями в Петербурге, Париже и Лондоне. Что касается 60-80-х гг. XVIII в., то для этого периода основным хранилищем документов оказался Архив Симанкас – в Национальном Историческом архиве находятся копии донесений испанских дипломатов и распоряжений правительства (и то не полно-

стью), а оригиналы отложились в архиве Симанкас¹. Донесения испанских послов Масерано из Лондона и Аранды из Парижа содержат информацию о позиции английского и французского правительств в годы борьбы американских колоний за независимость, их попытках перетянуть на свою сторону Испанию, а распоряжения, посылавшиеся из Мадрида, являются лучшим свидетельством той дипломатической игры, которую вела Испания с обоими дворами, прежде чем вступить в войну. Из них можно почерпнуть и сведения о позиции России и возможности ее вступления в войну на стороне Англии. Донесения испанских дипломатов из Парижа служат важным дополнением для исследования и испано-португальских отношений. Как отмечал испанский историк А. Санс Тапия, во время урегулирования военного конфликта между Испанией и Португалией в Америке «переговоры между Мадридом и Лиссабоном шли через Париж и Лондон»².

Переписка испанского двора со своими посланниками в Петербурге в 90-е гг. XVIII в. сконцентрирована в Национальном Историческом Архиве Испании. Здесь в первую очередь вызвали интерес не столько донесения дипломатов из Петербурга, которые содержали информацию о жизни двора, новостях внутренней политики и внешнеполитических интересах России (исключение составляли лишь те, где говорилось о политике Екатерины в отношении Французской революции), сколько разъяснения испанским правительством своей политической линии и указания, как ее следует проводить в Петербурге. Следует добавить также, что письмо Екатерины II, отправленное через Зиновьева мадридскому двору, с которого собственно и началась ее переписка с Флоридабланкой о совместных действиях против революции, нам не

¹ Шмурло Е. Значение Симанкского архива для русской истории // Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. – Т. 3. – Вып. 2. – Пг., 1915. – С. 216-224.

² Sans Tapia A. El final... – P. 46.

удалось обнаружить ни в одном из российских архивов – его единственный экземпляр оказался только в испанском Национальном Историческом архиве.

Важным дополнением стали сообщения из Мадрида неаполитанского посла Луцци, которые находятся в Государственном Архиве Неаполя (Archivio di Stato di Napoli) в фонде «Stato degli affari esteri». Эти донесения могут служить ценным источником при проверке достоверности информации, которую отправлял Зиновьев из Мадрида в Петербург: они подтверждают (или нет) его сведения о политике Испании. Кроме того, они дают ценный, часто уникальный материал о поведении в Мадриде самого Зиновьева и его отношениях с испанским правительством.

Архивные документы, на которые мы опирались при работе над монографией, были написаны на русском языке XVIII в., французском, испанском и итальянском языках, которые, в отличие от русского, гораздо более близки к современной орфографии. Иногда перевод этих документов был сделан в Коллегии иностранных дел. Орфография и стиль русского языка в данном случае были сохранены. Даты указаны по новому стилю (разница между старым и новым стилем составляла 11 дней). Мы сохраняли двойную дату, если она была проставлена в документе.

Ко второй группе источников относятся опубликованные документы. Следует отметить, что практически не существует систематизированных изданий источников по времени правления испанских Бурбонов. Методологически сопоставимые и прокомментированные издания текстов источников отсутствуют, хотя опубликованы отдельные документы: тексты законов, памятные записки и т.д. с более или менее подробным введением, но без критического аппарата.

Использованные нами опубликованные документы можно разделить на следующие группы:

- официальные документы – дипломатическая переписка;
- документы личного характера – письма;
- дневники и воспоминания.

К первой группе следует отнести вышедший в 1991 г. сборник русско-испанских дипломатических документов¹. Для него отобраны документы принципиальной важности, отражающие основные этапы отношений между двумя странами в XVII-XVIII вв. Хотя с большинством этих документов мы были знакомы из работы в архивах, тем не менее некоторые из них (например, из Центрального Государственного архива военно-морского флота) оказались ценным дополнением к уже известным. Все собранные нами архивные документы, которые были впоследствии опубликованы в этом сборнике, цитировались по нему.

Сборник «Международные отношения в начале французской революции» содержит документы из различных фондов АВПРИ, относящиеся к 1789 г., в которых содержится информация об оценке российскими дипломатами в разных странах событий во Франции и той политики, которую проводили правительства стран их пребывания². Эти донесения позволяют сравнить политику Испании в отношении революции с политикой других европейских стран.

В эту же группу следует включить и переписку американских представителей в Испании и Франции со своим правительством по вопросу о позиции Испании в отношении США и ее отношениях с Англией и Францией³. Эти письма и донесения служат прекрасным дополнением к переписке испанского правительства с Арандой и Масерано, позволяют подтвердить или опровергнуть достоверность отправляемой ими информации, а сравнение их с донесениями Зиновьева в Петербург дает возможность представить реальную картину

¹ Россия и Испания: Документы и материалы. 1667-1917. – Т. 1: 1667-1799. – М., 1991.

² Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789). – М., 1989.

³ The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States. – Washington, 1889.

политики Испании этого периода, проанализированную на основе сравнения донесений испанских дипломатов из Парижа и Лондона и российских и американских дипломатов из Мадрида. Кроме того, в письмах американцев встречается и важная для нас информация с оценкой деятельности самого Зиновьева.

Донесения Фернана Нуньеса, испанского посла в Париже с 1787 по 1791 г. в той части, в которой они касаются событий Французской революции и взаимоотношений в связи с этим двух стран, опубликованы Альбером Муссе¹ с небольшими комментариями и «связками» между документами. Фернан Нуньес тщательно анализирует этапы и причины революции, которая началась у него на глазах, описывает основные группировки, которые сложились в Национальном собрании, революционные клубы, отразившие особенности французского общества, положение Людовика XVI и его семьи, отношения монарха с Национальным собранием, но, главное, в них отражена позиция испанского правительства в отношении феномена революции и его страх перед распространением революционной «заразы» на Испанию.

Важным дополнением к донесениям Репнина стала корреспонденция из Петербурга испанского посланника маркиза де Альмодовара². Он подробно останавливается на анализе политики русского двора, описании нравов, быта, характеристике крупнейших государственных деятелей. Из всего изобилия информации, которую можно почерпнуть из его донесений, нас интересовала прежде всего та, которая проясняла особенности восстановления взаимоотношений

¹ *Mousset A. Un témoin ignoré de la révolution: le comte de Fernan Nuñez.* – Paris, 1924.

² *Almodóvar, marqués de. Correspondencia diplomática del marqués de Almodóvar, ministro plenipotenciario cerca de la corte de Rusia, 1761-1763.* – Madrid, 1893.

между двумя дворами, в частности вопрос о признании императорского титула российских государей.

В целом к этой же группе можно отнести и документы, опубликованные в Сборнике Российского Исторического общества¹, – это переписка иностранных дипломатов со

¹ Сборник Российского Исторического Общества. – Спб. Т. 1: Рескрипты и письма императрице Екатерине II на имя графа А.П. Орлова-Чесменского. 1867; Т. 3: Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии (из дел Саксонского гос. Архива в Дрездене). 1868; Т. 10: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Гос. Архиве МИД. 1872; Т. 11: Указы, письма и бумаги Петра Великого. 1873; Т. 17: Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом. 1876; Т. 19: Дип. переписка английских послов и посланников при русском дворе. 1876; Т. 20: Дип. материалы, относящиеся к царствованию Петра Великого. 1877; Т. 23: Переписка Екатерины II с Ф.М. Гриммом; Т. 28: Финансовые документы царствования Екатерины II; Т. 34: Донесения французских посланников при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 г.; Т. 46: Донесения графа Мерси д'Аржано императрице Марии-Терезии и гос. канцлеру графу Кауницу-Ритбергу. 1885; Т. 49: Донесения французского консула в Петербурге Лави и посланника Кампредона с 1722 по 1724 г. 1885; Т. 57: Дип. переписка императрицы Екатерины II, 1766-1767 гг. 1887; Т. 66: Дип. переписка английских посланников при русском дворе, 1728-1733. 1888; Т. 72: Дип. переписка Фридриха II с графом Сольмсом, посланником при русском дворе. 1891; Т. 91: Дип. переписка английских посланников при русском дворе, 1741. 1895; Т. 96: Донесения французского посла при русском дворе маркиза де Шетарди, 1741. 1895; Т. 97: Дип. переписка императрицы Екатерины II. 1769-1771. 1896; Т. 99: Дип. переписка английских посланников при русском дворе. 1897; Т. 100: Донесения французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди, 1742-1743. 1898; Т. 103: Дип. переписка английских посланников при русском дворе, 1744-1749. 1899. Т. 106: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1900; Т. 108: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1901; Т. 110: Дип. переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1746 г. 1901; Т. 117: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731-1740. 1904; Т. 118: Дип. переписка императрицы Екатерины II, 1772-1773. 1904; Т. 126: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1906;

своими дворами. Благодаря огромной ценности колоссального документального материала, включенного в это издание, оно и теперь сохраняет большую научную значимость. Мы использовали и документы частной переписки, из которых почерпнута ценная информация об отдельных моментах биографий российских дипломатов, в этих документах были обнаружены сведения, которые не встречаются ни в одном из других источников.

Ко второй группе относится опубликованный «Архив князя Воронцова», в котором собрана документация (в основном это личная переписка) членов семьи Воронцовых¹. Прежде всего, это сведения о П.А. Бутурлине, женой которого была Мария Романовна Воронцова, племянница канцлера М.И. Воронцова, сестра Александра и Семена Романовичей Воронцовых, Елизаветы Воронцовой и Екатерины Дашковой. Их личная переписка явилась уникальным источником, из которого, как по крупицам, удалось составить биографию дипломата, о котором нет сведений ни в одном опубликованном издании. Кроме того, из дневников Дашковой, также включенных в сборник, можно почерпнуть сведения и о Зиновьеве, с которым она была знакома и даже дружна.

Т. 140: Дип. переписка французских представителей при дворе Екатерины II, 1762-1765. 1912; Т. 143: Дип. переписка французских представителей при дворе Екатерины II, 1769-1772. 1913.

¹ Архив князя Воронцова. М. Т. 5: Бумаги графа А.Р. Воронцова. 1873; Т. 7: Бумаги гос. канцлера графа М.Л. Воронцова. 1874; Т. 13: Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Письма князя Безбородко. 1878; Т. 16: Письма графа С.Р. Воронцова к разным лицам (1759-1816). 1880; Т. 18: Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Письма князя Кочубея, Д.П. Татищева, Н.Н. Новосильцова. 1880; Т. 20: Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Письма графа Маркова, барона Гримма, Лизакевича. 1881; Т. 24: Бумаги разного содержания. 1881; Т. 26: Бумаги разного содержания. 1882; Т. 29: Письма к графам Воронцовым. 1883; Т. 31: Бумаги графа А.Р. Воронцова. 1885; Т. 32: Бумаги графов Воронцовых. 1886; Т. 34: Бумаги гос. канцлера графа М.Л. Воронцова, 1744-1758. 1887.

Как дополнительный источник, позволяющий оценить политику Испании по отношению к французской революции в последний период перед началом войны 1793 г., следует указать «Мемуары» испанского политика, государственного секретаря с ноября 1792 г. Мануэля Годоя¹. Они были составлены в 30-е гг. XIX в. и впервые опубликованы во Франции. На испанском языке они появились только в 1956 г. в серии «Библиотека испанских авторов». Основной их целью является оправдать свою внутреннюю и внешнюю политику в 90-е гг., в частности политику по отношению к Франции и начало войны с ней, оградить себя от обвинений в желании уничтожить республиканскую Францию и ликвидировать любые проявления демократических настроений в испанском обществе. Эти обвинения исходили как от современников Годоя, так и от исследователей, изучавших его деятельность. В «Мемуарах» Годой ведет с ними перманентную полемику, пытаясь доказать, что Франция сама вынудила его начать эту войну. «Мемуары» носят крайне тенденциозный характер и являются, если так можно сказать, «апологией» самого себя. Тем не менее в дополнение к дипломатическим документам российского и неаполитанского посланников в Мадриде, а также испанского – Париже, они позволяют составить более законченную картину политики Испании в этот период.

Еще одним дополнительным источником стали «Дневники» крупнейшего испанского просветителя Г. де Ховельяноса². По ним можно проследить настроения, царившие в испанском обществе в 90-е гг., в период революции во Франции. Но для нас важнее было его отношение к назначению посланником в Россию в 1797 г. – один из характерных примеров отношения испанской элиты к России конца XVIII в. как крайне удаленной, малознакомой стране, направление куда расценивали как ссылку.

¹ Godoy M. *Memorias*. – Madrid, 1956. – Т. 1.

² *Jovellanos G. de. Diarios*. – Oviedo, 1953-1956. – Т. II.

Комплексное использование указанных выше документов позволяет представить исчерпывающую картину внешней политики Испании в XVIII в. и показать, как в ее рамках развивались испано-русские отношения. Учитывая также, что вопросы становления и развития испано-русских отношений в XVIII в. не получили сколь-нибудь подробного и документированного освещения, а по целому ряду проблем, касающихся внешней политики Испании, до последнего времени существуют споры, разногласия, а также встречаются тенденциозные оценки, важность всестороннего объективного исследования представляется обоснованной.

В исследовании на основе синтеза документов из российских и зарубежных архивов и других источников сделана попытка провести комплексный анализ дипломатических взаимоотношений Испании и России, «вписать» эти отношения в общую картину европейской политики XVIII в.: документально проследить процесс восстановления отношений между двумя странами в начале 60-х гг. XVIII в., проанализировать тонкости взаимоотношений между двумя странами и позицию Испании по отношению к России во время Русско-турецкой войны, подход исследователей к которой был ранее достаточно поверхностным; всесторонне рассмотреть внешнюю политику Испании в период войны за независимость США, особенно ее отношения с Россией после провозглашения Екатериной II декларации о вооруженном нейтралитете; выявить этапы сближения и расхождения двух государств, а также причины совместных действий в период Великой французской революции.

Учитывая роль личностного фактора в дипломатической истории и придавая ему большое значение, особое внимание уделяется позиции российских дипломатов и их роли в установлении и развитии связей между двумя странами: реконструированы биографии российских дипломатов, находившихся на службе в Испании, сделана попытка проанализировать

зировать их личности, их характеры и отразить, как их оценивали современники.

Большинство документов как из российских, так и из испанских архивов, а также все донесения из неаполитанского архива впервые вводятся в научный оборот. Другая же часть этих документов уже использовалась исследователями, но для анализа других исторических проблем (например, переписка испанского правительства со своими представителями в Париже и Лондоне никогда не служила источником для оценки позиции России в отношении Войны за независимость США и, соответственно, испано-русских отношений в этот период). Мы подходим к этим памятникам с новой точки зрения, заставляя их раскрыться по-новому, осветить аспекты жизни прошлого, которые раньше не интересовали историческую науку.

В ходе работы в архивных хранилищах были обнаружены уникальные документы, представляющие новые, неизвестные ранее исторические факты, например, о предполагаемом посольстве Ховельяноса в Россию в 1780 г. Были обнаружены и документы, о существовании которых было известно исследователям, например, послание Екатерины II испанскому двору летом 1791 г. о совместных действиях против Франции, но текст самого документа удалось найти только в Национальном Историческом Архиве Испании.

Глава 1

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНИИ К НАЧАЛУ XVIII в. И УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И РОССИЕЙ

1.1. Первые испано-русские контакты XV-XVII вв.

Контакты народов, населяющих Россию и Испанию, уходят в далекую древность¹, однако первые попытки непосредственных дипломатических контактов между Россией и Испанией, бывшей тогда частью Священной римской империи, относятся к XVI в. Через некоторое время после вступления на престол Карл V направил Московскому великому князю Василию III «дружественное письмо». В ответном послании от 26 мая 1522 г. Василий III заверил нового императора в своих намерениях развивать добрые отношения с Империей, как это было и при императоре Максимилиане². Это

¹ См. об этом: *Милютин В.* Обзор дипломатических сношений Древней Руси с Римскою империей // *Современник*. Т. XXVIII. – 1851. – № 7-8. Отд. 2. – С. 1-28; *Крузе Ф.* Об отношениях руссов, вторгнувшихся в 844 году в Испанию и опустошавших Севиллу, и о связях их с Россиею. – СПб., 1839; *Фехнер М.В.* Испано-русская торговля XII века // *История и культура Евразии по археологическим данным*. – М., 1980. – С. 124-130.

² См.: *López de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // *Cuadernos de historia de España*. – 1946. – Т. 5. – P. 111-128; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. – М., 1980. – С. 167, 216. А.И. Клибанов, исследуя испано-русские отношения этого периода, подчеркивает,

письмо доставил в 1523 г. в Вальядолид, резиденцию Карла V, Яков Полушкин, первый официальный представитель русского двора, прибывший в Испанию¹. Подчеркивая значение этой миссии Полушкина, российский историк А.И. Клибанов обращает внимание на то, что тот познакомился в Испании с известным гуманистом и официальным историографом Карла V Педро Мартиром, от которого узнал о великих географических открытиях Магеллана, Васко де Гама, Колумба и привез эти «мировые сенсации» в Россию. Ответное посольство было отправлено во главе с графом Антонио де Конти, ранее выполнявшим в Москве дипломатические поручения императора Максимилиана I, целью которого было примирение Московского и Литовского княжеств. До России это посольство добиралось долго. В мае 1523 г. оно покинуло Испанию и только через год достигло Москвы. В обратный путь осенью 1524 г. испанцы отправились вместе с представителем русского князя – Иваном Ивановичем Засекиным и Семеном Трофимовичем Борисовым. В Мадрид они прибыли в апреле 1525 г., а 29 апреля русские послы были приняты в Толедо императором Карлом V.

Как отмечал А.И. Клибанов, Империя стремилась привлечь Россию к участию в коалиционном союзе против Тур-

что «отсчет времени установления дипломатических связей между нашими странами следует вести с 80-х гг. (XV в. – *О.В.*)», хотя «они не были непосредственными». Он приводит в пример миссии имперского посла Никласа фон Поппеля 1486 и 1488 гг., когда он имел аудиенцию у Ивана III. «Если принять во внимание тесные династические связи Имперского дома с Испанией, как и связи между Испанией и папством, то отношения, связывавшие их с Россией, имели значение для всех контрагентов». *Клибанов А.И. У истоков... – С. 26-27, 33.*

¹ *Клибанов А.И. У истоков... – С. 25-26.* Об этом же посольстве упоминает и В. Ламанский в приложении к книге «О славянах в Малой Азии, в Африке, в Испании», которое называется «Некоторые данные из истории отношений России к Пиренейскому полуострову до к. XVIII в.». *Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – СПб., 1859. – С. 185.*

ции, расширявшем сферу ее влияния в Средиземноморье. Россия же воздерживалась от прямых конфликтов с Турцией, но после опустошительного похода крымского хана летом 1521 г. стала более заинтересована в укреплении отношений с Империей¹. Пробыв в Испании четыре месяца, в августе 1525 г. русское посольство отправилось в обратный путь.

Следующее русское посольство появилось в Испании в июле 1527 г. Возглавляли его те же князь Засекин и дьяк Борисов. А во время посольства, отправленного в 1528 г., в Толедо был возобновлен договор с Империей². Через девять лет еще одну миссию направил взошедший на русский престол Иван IV. Ее целью опять было восстановление союза с Империей. В Средиземном море на корабль напали пираты, спастись и добраться до Испании удалось только четверым. 31 января 1548 г. император направляет Ивану Грозному послание из Аугсбурга, которое передает с представителем русского двора Гансом Слитте. В послании говорилось, что император восхищен цивилизаторскими идеями царя. В это же время в самой России среди иностранных торговцев встречается имя испанца, которого В. Ламанский называет «Иван Девах Белоборода», который «торговал у нас драгоценными камнями и пользовался большим благоволением Грозного, к неудовольствию англичан»³.

Вступление на испанский престол Филиппа II, сына Карла V, расширило политические и дипломатические контакты между обоими государствами, но они усложнились и обострились. В сферу испано-русских отношений были вовлечены Англия и Нидерланды, которые боролись с испан-

¹ *Клибанов А.И. У истоков...* – С. 34. См. также: *Алексеев М.П. Московский подьячий Яков Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // Культурное наследие Древней Руси.* – М., 1976. – С. 127-136.

² Этот договор был заключен Максимилианом I и Василием III в 1514 г. и направлен против Польши. *Клибанов А.И. У истоков...* – С. 34. *López de Meneses A. Las primeras embajadas...* – P. 124-128.

³ *Ламанский В. О славянах...* – С. 185.

ским господством в международных, политических и торговых делах. Англия все больше начинала теснить Испанию на международной арене, и в конечном счете желание России сохранить дружественные отношения с Англией помешало возможному осуществлению русско-испанского союза¹.

Таким образом, вследствие отдаленности стран друг от друга и отсутствия общих интересов эти контакты имели спорадический характер и осуществлялись в рамках отношений великого княжества Московского, а впоследствии – Русского государства со Священной Римской империей. Непосредственно же дипломатические отношения России и Испании начинаются во второй половине XVII в., в период правления в России царя Алексея Михайловича.

Изменения, произошедшие в России в годы его правления: кодификация законов, религиозный раскол, экспансия в Азии, борьба с казаками и пограничными народами Великого княжества Московского, укрепили основы государства, стремившегося оказаться на равных в кругу европейских держав, не теряя при этом своей исторической и культурной самобытности. В годы этого царствования была начата политика, которая позже, уже в XVIII в., в правление Петра I и Екатерины II, приведет к укреплению позиций России как европейской державы.

Борьба России и Турции за выходы в Средиземное море, угроза, исходившая от Турции южным границам России, вынуждала российских монархов искать поддержки у средиземноморских держав. По этой причине в 1656 г. Россия направляет посольство в Венецию, а в 1667 г., после заключения в январе Андрусовского перемирия с Польшей, которое

¹ Подробнее дипломатические перипетии этого периода рассматривает А.И. Клибанов. «Накал политических страстей в 60-80-е гг. XVI в. в борьбе сторон за привлечение к себе России, оказался еще более велик, чем это можно было предполагать». *Клибанов А.И. У истоков... – С. 37-43.*

привело к прекращению военных действий на тринадцать с половиной лет, было решено направить посольство в Испанию, а также посетить и другие европейские страны с намерением найти союзников в возможно предстоящей войне с Турцией. Во главе посольства, отправленного в Мадрид, стоял царский стольник, один из «ближних бояр» Алексея Михайловича, П.И. Потемкин.

Петр Иванович Потемкин (1617 – ок. 1700) происходил из старинного боярского рода. В своей карьере он занимал должности стряпчего, воеводы, стольника, наместника Боровского и окольного. В 30 лет Потемкин, будучи стряпчим, был назначен «дневать и ночевать на государевом дворе», а в 1651 г. оказался в числе лиц, предназначенных сопровождать государя в походах на богомолье. Во время русско-польской войны в 1655 г. войска под его командованием взяли Люблин, после чего он был отправлен к государю с вестью об удачных военных действиях. В русско-шведской войне 1656–1658 гг. он взял город Шанцы в устье Невы и овладел островом Котлин. Впоследствии Потемкин сделал блестящую дипломатическую карьеру. Он представлял русского царя в Испании и Франции в 1667–1668 гг., в Империи Габсбургов в 1674 г., в Испании в 1680 г., во Франции и Англии в 1681 г. Умер он в звании окольного около 1700 г.¹

Получив инструкцию главы Посольского приказа боярина А. Ордина-Нащокина, в конце августа 1667 г. Потемкин отплыл из Архангельска, сопровождаемый секретарем посольства Семеном Румянцевым, семью боярами – членами миссии, переводчиком, тремя писарями. По традиции посольство сопровождал священник. В Кадис они прибыли 4 декабря по старому стилю (эту дату указывает Потемкин), где их принял губернатор дон Мартин де Сайас Басан, которому они сообщили о том, что направляются к мадридскому

¹ См.: Русский биографический словарь. – Т. XIV. – СПб., 1905. – С. 682.

двору¹. В январе 1668 г. посольство достигло Севильи, в феврале – Кордовы и Толедо, а в конце месяца приехало в Мадрид².

Исследователь этой миссии Потемкина Ф. Фернандес Искьердо уделяет немало внимания восприятию испанцами российских посланников. Большое удивление вызывали одежды россиян – «таких не носили ни греки, ни турки, хотя что-то в них было и от тех, и от других»³. Испанцы отметили и большое количество драгоценных камней и жемчуга на одеждах, и ценные подарки в виде редких мехов. Об их манерах указывается: «Они осмотрительны, сдержанны, вежливы и учтивы, но с очевидной склонностью к внешней пышности... причем посол говорит, что стремится ко всему этому только ради славы своего государя и репутации своего посольства. Если с ними хорошо обращаться, то им больше ничего и не надо; если с ними не кривить душой, то они подчиняются необходимости»⁴.

Появление «москвитов», как отмечает Ф. Фернандес Искьердо, было полной неожиданностью и вызвало немалое удивление: испанцы и не подозревали о прибытии посольства. Испанское правительство не имело никакого понятия, как принимать русского посла. Азиатская манера одеваться и отдаленность России от Испании привели их к тому, что на заседании Государственного совета было решено принять за

¹ Потемкин в своем отчете отмечал, что Мартин де Сайас Басан высоко оценил врученные ему россиянами подарки: «Никому их [соболей] нести не дал и сам понес». Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 гг. в Испании и Франции // *Сын Отечества*, Кн. XI. – СПб., 1850. – С. 9.

² См.: *Алексеев М.П.* Этюды... – С. 362.

³ *Фернандес Искьердо Ф.* Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667-1668 гг. // *Проблемы испанской истории* 1992. – М., 1992. – С. 103.

⁴ *Там же.* – С. 99.

образец протокол приема представителя турецкого султана¹. Тем не менее чтобы оценить, каково было международное положение России, запросили сведения у венского двора: как они принимали посланников царя, которые время от времени прибывали к императору.

Русские же, со своей стороны, также продемонстрировали полную неосведомленность о положении при мадридском дворе: они привезли подписанные Алексеем Михайловичем в июне 1667 г. грамоты, адресованные королю Филиппу IV, который скончался двумя годами раньше, 17 сентября 1665 г. «Все это показывает, – по словам автора, – что к этому моменту прямых или даже косвенных контактов между обеими странами вообще не существовало»².

Целью посольства было решение вопроса о возможности посредничества Испании в переговорах о мире между Россией и Польшей и о союзе против турок. «И с чего пограничные соседи наши, яко салтан турецкой и иные, уведав наши христианской и богоугодной совет и подвижность х крепчайшей дружбе и к обороне, насилие и кровопролитие на христиан страхом Божиим отложат и в дружбе соседственной со всеми христианы здержательны будут», – говорилось в грамоте Алексея Михайловича, подписанной 4 июня 1667 г.³ Еще один вопрос поднимался в царской грамоте: о готовности принять в Москве испанского посла, ознаменовав тем самым начало постоянных отношений между обеими странами⁴.

¹ Фернандес Искьердо Ф. Первые испано-русские дипломатические контакты... – С. 97-98.

² Там же. – С. 96-97. Об этом же посольстве писал и К. Державин. См.: *Derjavin C. La primera embajada rusa en España // Boletín de la Real Academia de Historia. – 1930. – Т. 96. – P. 877-896.*

³ Россия и Испания... – С. 14.

⁴ «И многие окрестные великие государи любительную и спомочную ссылку с нами, великим государем, с н. ц. в-в-ом, имеют. А с вами, великим государем, братом нашим, с в. к. в-вом, любительные ссылки даже и

Российским послам был оказан в Испании пышный прием. «Уместно было бы проявить, – указывалось в заключении Государственного совета королеве-регентше Мариане Австрийской, – величие и королевскую власть в в-ва самым приличествующим образом, что будет соответствовать достоинству столь великого короля»¹. Потемкин получил несколько аудиенций у короля и его королевы-матери, в ходе которых были зачитаны две грамоты от Алексея Михайловича, в которых было высказано пожелание установления дружественных контактов и обмена посольствами, просьба о посредничестве Испании в переговорах о мире между Россией и Польшей, предложение о создании союза против Турции, а также о начале торговых отношений между двумя странами.

От имени короля Карла II и королевы-регентши Марианы царю Алексею Михайловичу было направлено ответное послание, в котором говорилось, что Испания была готова выступить посредником в переговорах с императором Леопольдом, высказывала пожелание установлению дружбы между двумя странами; относительно торговли было сказано, что в испанских портах подданным русского царя будет оказан хороший прием, хотя никаких конкретных обещаний испанская сторона не давала². В отчете о посольстве Потемкин отмечал, что 19 апреля к ним приехал государственный секретарь Фернандес дель Кампо, который заявил, что, если российские купцы пожелают начать торговлю и прибудут в испанские города, то «во всех городах будет всякая поволь-

до времени сего или за отдалением страны, или по воле великаго Бога... во ожидание лучшаго времени удержаны были». Эта же мысль звучит и в другой грамоте (31.5), отправленной с Потемкиным. Россия и Испания... – С. 12-13.

¹ Россия и Испания... С. 16. О приеме русского посольства см. подробнее: *Фернандес Искьердо Ф.* Первые... – С. 98-103.

² Россия и Испания... – С. 19-21. См. также: *Масальский К.* Русское посольство в Испанию и Францию в 1667 и 1668 годах // Библиотека для чтения. – 1838. – Т. 31. – Отд. III. – С. 161-174.

ность и свобода, ...и пошлину искать с них будут по тому же, как и иных государств с торговых людей в испанском государстве пошлину емлют». А если испанские купцы, продолжил дель Кампо, «похотят ехать в Российское великое государство», то им будет позволено свободно туда отправляться, как и в иные государства¹. В ответах испанской стороны видна незаинтересованность в контактах с Российским государством. По мнению А.М. Шоп Солер, «желания русских не нашли отклика по причине антивоенной политики Карла II и ужасного состояния испанской казны»². О направлении в Москву испанских послов также ничего конкретного сказано не было. Проведя в Мадриде более трех месяцев, 7 июня 1668 г. посольство покинуло Испанию и направилось во Францию³.

По результатам посольства Потемкин составил отчет – «Статейный список»⁴. Структура и стиль повествования «Статейного списка» в целом соответствуют принятым в

¹ Ламанский В. О славянах... – С. 187.

² Schop Soler A.M. Un siglo... – P.24.

³ Нападение Турции на Польшу и затем на Россию привело к тому, что в 1673 г. Винниус заехал из Франции в Испанию и предложил ей вступить в коалицию против Турции. Карл II ответил, что по родству с королем польским он готов помочь ему деньгами, но войска послать не может из-за дальнего расстояния. Об этом см.: Крылова Т.К. Отношения... – С. 327.

⁴ Статейные списки были обязаны своим названием тому, что послы в них отвечали на «статьи» данных им наказов, определявших содержание посольской миссии. Согласно сложившемуся еще в XIV в. формуляру, посольские Статейные списки носили дневниковый характер. Обязательными их частями были подробное описание пути посольства, пребывания его за границей и возвращения на родину. Центральной их частью являлась запись переговоров, составляющих цель посольства. Сведения о посещаемой стране включались по ходу повествования о выполнении дипломатической миссии, в конце списка могли помещаться лишь краткие обзоры внешнеполитических связей посещаемой страны, так как такой информацией особо интересовался Посольский приказ. Казакова Н.А. Статейные списки русских послов в Испании XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. – М., 1986. – С. 143.

XVII в., однако имеется одна особенность: сведения об Испании не только располагаются вкраплениями по ходу изложения событий, но и сосредоточены в конце списка в особом разделе, который состоит из трех частей. В первой дается краткий обзор внешнеполитических связей страны («О дружбе испанского короля»), вторая включает в себя перечисление основных титулов Испанского государства с комментариями («О чинах великородных»), последняя, хотя и названа «О вере Испанского государства», содержит не только сведения о религиозной ситуации и описание церквей, но также некоторую информацию об экономике, природе Испании, нравах и обычаях ее жителей. Н.А. Казакова полагает, что информация о различных сторонах жизни Испании была специально отобрана и систематизирована, чтобы дать представление о стране, с которой Россия вознамерилась установить дипломатические отношения. Поскольку более ранние связи между этими странами имели лишь спорадический характер, Посольский приказ обладал об Испании довольно скудными сведениями. А посему Потемкин и Румянцев могли получить от его главы А.Л. Ордина-Нащокина специальное предписание собрать сведения о столь малоизвестном для России государстве¹.

Статейный список заключал прежде всего географические данные: маршрут путешествия обозначен по календарю с занесением в него названий всех местностей, через которые проезжали «московиты», всех остановок в пути, равно как и имен всех должностных лиц – «приставов», это посольство встречавших. Однако «изюминка» изложения состоит не просто в описании увиденного по дороге – автор останавливается лишь на практических и значимых для посольства вещах: когда и сколько раз навестили посланников те или иные должностные лица, кто и сколько верст провожал их из горо-

¹ Казакова Н.А. Статейные списки... – С. 141, 143.

да, как их приняли и т. п. Документ иллюстрирует упорство посланников в отстаивании ими своего статуса, требовательность к иностранцам в проявлении уважительного отношения к нормам поведения, принятым в России. Так, Потемкин дипломатично, но настойчиво дает понять испанцам, что обращение с посольством должно соответствовать принятию посольств в России. «...Которые послы и посланники Великого Государя нашего... бывают у Великих Государей христианских и у мусульманских, и им честь бывает великая, корм и подводы им дают и всякое вспоможенье чинят и дворов не наймут...»¹, – говорят Потемкин и Румянцев, из чего заключают: «За кареты и за лошади, на которых нам ехать в Мадрид... и за двор заплаты, где мы будем стоять от нас не будет»².

Следует обратить внимание на рассказ посланников о пребывании их при дворе короля. Поражает упорство в отстаивании ими правил посольского церемониала, принятого на Руси. Инструкции по поведению российских послов во время пребывания за границей устанавливали строжайшим образом, что они должны быть приняты в других государствах также, как принимали в Москве послов иностранных³.

¹ Тайный наказ... – С. 6.

² Там же. – С. 8.

³ Вот лишь некоторые из важнейших моментов, описанных в «Очерке истории Министерства иностранных дел». Если русские послы отправлялись на аудиенцию, присланную грамоту мог нести какой-либо подьячий посольства, однако на аудиенции государю ее подавал лишь первый посол. Такое же внимание обращалось на то, чтобы грамота от русского царя была принята самим государем, равно как и ответная должна быть передана им самим. Послы отказывались принимать грамоту из рук сновников. Они также внимательно следили за правильностью написания в грамоте царского титула, в случае неисправности настаивали на исправлении ошибки, в противном же случае отказывались принять грамоту. Бывали прецеденты, что послы, получив отказ на свои неоднократные требования, уезжали без ответных грамот, не взяв неисправных, ибо хорошо знали, как строго Московское правительство относилось к вопросу

И отчет Потемкина является ярким примером ревностного соблюдения послами принятого церемониала. Стольник добился того, чтобы царские титулы в грамоте были написаны исправно, «хотя и не по извычаям Ишпанского государства»¹ (как говорили испанцы), а также чтобы ответную грамоту послам вручали при самом короле – согласно русскому дипломатическому этикету и чтобы государь пожаловал послов к руке. Хотя в Испании и не было так принято, «из любви и дружбы» были выполнены пожелания представителей русского царя. Больше того, в грамоте Алексею Михайловичу от испанского короля подчеркивается, что «они хорошо показали себя как послы столь великого князя, выполняя свою миссию при нашем дворе с достоинством и прилежностью, и вполне достойны благоволения и милости со стороны Вашего Величества»². Таким образом, русские послы не только добились соответствующей их статусу формы приема, но смогли выразить свои требования дипломатично и корректно, заслужив похвалу испанской стороны.

В своем отчете Потемкин приводит немало конкретных фактов, касающихся разных сторон жизни Испании, климатических и географических условий страны. Сведения об Испании посланники получают как путем собственных визуальных наблюдений, так и с помощью расспросов испанских сановников, что свидетельствует о стремлении русских дипломатов узнать больше о доселе незнакомой стране. Поскольку политическое положение Испании являлось информацией, весьма интересующей Посольский приказ (в Тайном Наказе Стольнику Петру и дьяку Семену дается задание

о написании царского титула. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802-1902. – М.: Международные отношения, 2002.

¹ Тайный наказ... – С. 13.

² Россия и Испания... – С. 17.

«проведывать себе тайно о ссылках испанского короля»¹), Потемкин посвящает ему значительную часть своих отчетов.

В разделе «О дружбе испанского короля» достаточно подробно излагаются внешнеполитические связи Испании. Потемкин тонко подметил приверженность испанского короля католицизму и, соответственно, римскому папе и тесные связи испанских Габсбургов с австрийскими. Касаясь вопросов взаимоотношений Испании с ближайшим соседом – Францией, Потемкин верно уяснил причины войны 1667–1668 гг., в ходе которой Людовик XIV пытался захватить испанскую Фландрию, используя в качестве повода вопрос о приданом своей жены – дочери испанского короля Филиппа IV. Мир, заключенный по настоянию английского короля, римского папы, императора и Голландских штатов, не мог быть прочным, на что и указал российский посол.

Из документа видно также, что с Англией, Польшей, Венецией испанский монарх находится «в дружбе и любви», «в любви и ссылке» он с персидским шахом, а с Турцией дружбы никогда не было, о чем, впрочем, в России знали и ранее, отправляя именно в Испанию посольство с целью создания союза европейских держав против турок.

Упоминает Потемкин и об отношениях Испании со своим соседом – Португалией, недавно входившей в состав Испанского королевства, кратко объясняя, что вследствие войны, длившейся 27 лет, Португалия обрела независимость.

Не остается без внимания и еще одно направление внешней политики Испании – политики по отношению к колониям в «Западной Индии»: «Под державою Испанского короля Западная Индия, и в той де Западной Индии много

¹ *Масальский К.П.* Русское посольство в Испанию и Францию в 1667-1668 гг. // Библиотека для чтения. – 1838. – Т. 31. – С. 162.

руд золотых и серебряных в горах копают, и переплавливают, и привозят морем в Андалузское государство...»¹.

Касается Потемкин и вопроса о внутривластном положении Испании. Вслед за генеалогической справкой о королях из династии Габсбургов (начиная с Карла V) характеризуется современное состояние верховной власти в Испании: так как королю Карлу II всего семь лет, за него правит мать – королева Мариана, которая «такова владетельна, как и Королевское Величество»², и «без ее ведома никакие великие дела вершить нельзя»³. При малолетнем монархе существует совет из шести человек, на который «положены всякие государственные дела».

Посланники указывают на испанскую территорию с особым правовым статусом – Бискайскую землю, через которую к тому же пролегал их путь. По их словам, пограничное положение этой территории обусловило освобождение ее от налогов в пользу испанского короля, для того чтобы население Бискайской земли защищало границу от врагов. Очевидно, здесь имеется в виду одна из привилегий, которые получили баски после попадания под сюзеренитет Кастилии (баски долгое время сохраняли местную автономию и привилегии в областях торговли, налогообложения и военной службы, которые были включены в состав традиционного баскского кодекса законов, известного как «фуэрос») ⁴.

В разделе «О вере Ишпанского королевства» обратил он внимание и на религиозность испанского народа: «Вера у них католическая, – писал Потемкин, – и крепки в вере своей... и если кто похочет в государстве их жить иногo государства

¹ Древняя Российская Вивлиофика. Ч. IV. – М., 1778. – С. 452. См. также: Алпатов М.А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. – М., 1966.

² Тайный наказ... – С. 26.

³ Древняя Российская Вивлиофика... – С. 446.

⁴ Там же. – С. 452.

человек и веры иные, немочно тому человеку жить в государстве испанском, если не будет с ними в католицкой вере и к их костелу приходиться»¹.

Об испанцах Потемкин говорит следующее: они «во нравах своеобычны, высоки... неупьянчивы: хмельного питья пьют мало, и едят по малу ж. ...все посольские люди в шесть месяцев не видали пьяных людей, чтоб по улицам валялись или, идучи по улице, напився пьяны, кричали». Потемкин описывал традиционный костюм испанцев – черное платье, отмечал своеобразие их обычаев и гордость. Он писал, что испанцы – «домостройные люди, наипаче всего домашний покой любят. В иные земли для купечества мало ездят, потому что изо всех земель привозят им товары всякие, которые им надобны, а у них за те товары золото и серебро емлют, и на масло деревянное меняют, и на ишпанское вино, и на лимоны»², указывая на товары, характерные для испанского экспорта. Основными иностранными купцами, занимающимися коммерцией в Испании, являются голландцы, которые там «живут домами». И первые корабли, которые увидели посланники около Кадиса, были именно голландскими.

Потемкин поражается количеству разнообразных фруктов и овощей, выращиваемых в Испании («Много добра в Ишпании родится»³), подробно перечисляет все, что подавали из них на стол: «виноград, миндальные ядра, свежие гранаты, оранцы, яблоки, груши, оливки, из которых масло деревянное бывает, дули, цытроны, орехи грецкие...»⁴. Упоминает Потемкин и о возделываемых злаках – пшенице двух сортов, ячмене. Стольник сделал наблюдения относительно сроков уборки урожая, а также упомянул важный фактор развития земледелия в Испании – мягкость климата, в част-

¹ Тайный наказ... – С. 14.

² Алексеев М.П. Этюды... – С. 362-363.

³ Тайный наказ... – С. 15.

⁴ Там же. – С. 13.

ности зимы, благодаря чему «трава зеленеет и сады цветут и растут круглый год»¹. С помощью записей стольника можно представить себе и стол зажиточных испанцев по описанию приема в Мадриде: «Яствы у них были по их извычаю рыбные и из трав разных, устроены с деревянным маслом, а после ставили сахар и разные овощи; вместо вина подносили водку порошную, пить подносили воду вареную лимонную и коришную с сахаром, ишпанское вино и пиво...»². Однако отмечается, что продукты в стране продают «самую дороною ценою... И пошлину со всего того собирают на короля»³.

Коснулся Потемкин и демографической ситуации в Испании, основываясь на своих наблюдениях в пути: в городах «многолюдство большое», каменные дома, много церквей, «а сел и деревень великих мало; которою дороною шли посланники, и в тех местах не многолюдно»⁴.

Несмотря на свою краткость, записи Потемкина позволяют составить общее представление об экономической ситуации в Испании второй половины XVII в. Верно подмечен пассивный характер внешней торговли (купцы в другие земли мало ездят), засилье голландских купцов, вследствие этого утечка из страны золота и серебра, необычайная дороговизна, являвшаяся к тому же следствием высоких налогов, опустение сельских местностей в связи с кризисом сельского хозяйства⁵.

О плачевном состоянии государственной казны свидетельствовало упорное желание испанцев переложить большую часть расходов по пребыванию посольства в стране на самих россиян, стремление сократить время их пребывания в Испании (объявление москвитам на церемонии их принятия

¹ Цит. по: Казакова Н.А. Статейные списки ... – С. 145.

² Тайный наказ... – С. 20

³ Там же. – С. 5.

⁴ Цит по: Казакова Н.А. Статейные списки... – С. 146.

⁵ Там же.

королем, что «их прекращают содержать за счет короля и им выделяют расходы по 300 дукатов в день, с тем чтобы они могли оставаться в течение одного месяца после окончания посольства»¹), заявление Государственного совета королеве о том, что проявление перед послами величия королевской власти не будет тщеславным *по нынешним временам*.

Потемкин, попав сначала в южные земли Испании, в Андалусию, обратил внимание на мавританский стиль, заметный в обычаях, языке, в одежде, в архитектуре, и спросил у пристава: «не бывало ль испанское государство за арапы?» В ответ он услышал: «Испанское государство великое с давних лет, только по некоему случаю было испанское государство за арапы. Владели цари арапские лет 600 испанским государством, и римляне владели прежде арапов и тому де тысяча лет. А после того, как испанское государство очистилось, и которое арапы в испанском государстве жили, и тех арапов с женами и детьми отпустили в их арапскую землю многие тысячи»².

Посольство 1667–1668 гг. – первая дипломатическая миссия Потемкина, состоявшего ранее в должности воеводы, поэтому следует отдать должное как его умению держать себя при встречах с иностранными должностными лицами, так и искусному ведению записей, открытости новым впечатлениям. «Статейный список» показывает Потемкина хорошим дипломатом, корректно, но упорно добивающимся проявления со стороны иностранцев отношения, соответствующего его статусу представителя государя великой страны. Однако огромное значение, придаваемое Потемкиным, как и другими русскими дипломатами, правильности церемониала и титулов свидетельствует лишь о стремлении ставить честь своего государства превыше всего, а отнюдь не об ограниченно-

¹ Россия и Испания... – С. 18.

² Цит. по: Ламанский В. О славянах... – С. 186.

сти их взглядов. Очевидно, что Потемкин был заранее подготовлен к посольству, хорошо разбирался в современной ему политической ситуации, был способен делать правильные выводы. Стольник замечает и расспрашивает не только о политических особенностях страны, ее дипломатических связях, но и об истории и архитектуре храмов, обычаях народа, климате и т.д.

Преданная служба государю у Потемкина неразрывно связана с христианской верой. Вся обстановка, окружавшая российских дипломатов с момента пересечения границы, была приспособлена для сохранения и выражения определенных религиозных чувств и обрядов. С посольскими миссиями посылались почитаемые иконы, необходимые не только для соблюдения православного молитвенного обряда, но и служившие защитой от иноверцев. Глубокую религиозность русских посланников отмечает и Като – чиновник, сопровождавший посольство во Франции. Вот что пишет Като о религиозности посланников: «В доме, где остановилось посольство, один из священников поставил на стол золоченый крест, а вокруг креста – изображения Спаса Вседержителя, Богоматери, Св. Николая и других святых, три толстых молитвенника и четыре подсвечника, в которых зажигал во время молитвы свечи. Эта церемония повторялась на протяжении всего путешествия»¹.

Итак, первое российское посольство в Испанию не имело особых успехов. Отсутствие сколь-нибудь значительных точек соприкосновения, сосредоточенность интересов России в основном на приграничных регионах стали камнем преткновения для развития отношений двух стран. Это на-

¹ Цит. по: *Володина Т.В.* Русский человек в Западной Европе: (по материалам «Статейного списка П.И. Потемкина» и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – № 24. – С. 77.

глядно демонстрируют и результаты последующих российских миссий в Испанию в XVII в.

Следующее российское посольство было направлено в Испанию во главе с тем же П.И. Потемкиным и дьяком С. Полковым в 1680 г. царем Федором Алексеевичем. Официально послы должны были известить испанского монарха о смерти царя Алексея Михайловича. Основная же дипломатическая цель миссии состояла в том, чтобы найти союзников в войне против Турции, сообщить о продлении перемирия с Польшей еще на 13 лет и договориться о свободной торговле с Испанией, о чем и было сказано в письме, врученном Потемкиным королю¹. Испанский король опять ограничился общими обещаниями, однако, согласно отчету российского дипломата, «своей королевской указ послати в города свои, которые у пристанищ карабельных, и в иные свои города, чтоб е. к. в-ва подданные купецкие люди с товары своими, которые надлежат Московскому государству, ехали на караблях...»².

Второе посольство Потемкина было встречено так же пышно, как и в первый раз, однако во время этого визита возникли недоразумения финансового характера. Испанцы желали сократить как можно больше само пребывание, русские же, напротив, затягивали его. В результате в заключении, представленном Государственным советом Карлу II, особо подчеркивалось, что из-за финансовых издержек, которые ложатся на казну, Совет считает неуместным продление пребывания посольства и просит отправить его как можно скорее³. В результате второе посольство Потемкина оказалось гораздо более коротким: миссия прибыла в город

¹ Россия и Испания... – С. 30-32.

² Там же. – С. 40.

³ Там же. – С. 32-34. См. также об этом: *Фалкон Рамирес Х.* Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории 1992. – М., 1992. – С. 104-111.

Ирун на испано-французской границе 16 июля 1681 г., а в ноябре того же года пересекла ту же границу и направилась во Францию.

В 1681 г. в Бахчисарае между Россией и Турцией было заключено 20-летнее перемирие, однако войска крымского хана продолжали совершать нападения на южные границы России. Сам султан направил свои силы против европейских государств¹. Возникшая антитурецкая коалиция (Австрия, Польша и Венеция) стремилась присоединить к себе и Россию, которая поставила основным условием вступления заключение «вечного мира» с Польшей, подтверждающего условия Андрусовского перемирия. Мир был заключен в 1686 г. и способствовал объединению двух государств в борьбе против Турции, а также их попыткам вовлечь в коалицию и другие «христианские» государства, в частности Испанию². Этой цели и было посвящено третье российское посольство, отправленное в Испанию и во Францию летом 1687 г. взойшедшими на престол молодыми царями Иваном и Петром. В их грамоте, направленной королю Испании, подчеркивалось: «Мы, великие государи... искали доброго пути и способных случаев к согласному христианскому совету и с чего урон, страх и печаль неприятелю Креста Святого, то есть турскому салтану, и всегдашнему ево надежному помощнику крымскому хану ко прекращению их, а ко освобождению ис той поганской неволи множественно загнанных

¹ «И учинил (турецкий султан. – *О.В.*) с нами покой временной, а силы свои обратили военные на государства братии наших, великих государей царского в-ва римского и к. в-ва полского, – говорилось в грамоте, отправленной в Испанию царями Петром и Иваном Алексеевичами. И (началось. – *О.В.*) на оные государства того неприятеля сильное и жестокое воинское наступательство». Россия и Испания... – С. 43.

² «Мы... благоизволили... з братом нашим, с к. в-вом полским, счастливой мир учинить на нерозорванную и нерушимую вечную крепость, при том же и союз на того ж вышепомянутого всего христианства неприятеля». Там же.

христиан»¹. Посольство, состоявшее из 73 человек, возглавляли стольники князь Я.Ф. Долгоруков, князь Я.Е. Мышецкий и дьяк К. Алексеев. В Мадрид они прибыли 5 декабря, а 11-го состоялась церемония вручения верительных грамот. Это посольство находилось в Испании чуть больше месяца: в начале января 1688 г. оно покинуло Мадрид. Миссия его не увенчалась успехом – в ответной грамоте Карл II не дал России никаких конкретных обещаний в оказании помощи против турок².

Как видим, в Испании времен Карла II отсутствовал конкретный интерес к развитию двусторонних отношений. Россия была далеким, плохо известным в Испании государством, которое не имело тогда никакого влияния ни на средиземноморские, ни на американские дела. Испанская внешняя торговля целиком обеспечивалась своими колониями, а в российской – «хозяйничали» враги Испании – англичане и голландцы. Все это делало маловероятным торговое сближение Испании и России. Эти интересы станут более прочными и целенаправленными уже в начале следующего столетия в связи с изменением положения обоих государств на политической карте Европы³.

¹ Россия и Испания... – С. 42-43.

² Там же. – С. 44-45, 62-63.

³ К концу XVII в. резко возрастает дипломатическая активность России. Если с конца XV до начала XVII в. в Посольском приказе хранилась документация по переговорам с 13 государствами, то в конце XVII – начале XVIII в. их число увеличивается до 24. *Чистякова Е.В.* Международные связи во второй половине XVII в. (по материалам Статейного списка П.И. Потемкина) // Россия в мировом политическом процессе. Материалы второй международной научно-теоретической конференции. – М., 1997. – С. 21.

1.2. Международное положение Испании к 1714 г.

В начале XVIII в. в Европе одновременно шли две войны: Северная война и война «за испанское наследство». Эти войны связывались в один международный узел, влияли друг на друга, каждая европейская страна в своей внешней политике должна была учитывать наличие этих двух войн.

Вооруженное противостояние, обострившееся из-за «испанского наследства»¹, назревало уже давно. С тех пор, как стало очевидно, что немощный Карл II не оставит наследников, в европейских кабинетах занялись поиском урегулирования вопроса престолонаследия. Он обострялся тем обстоятельством, что в качестве самых серьезных кандидатов на испанскую корону выступали глава австрийской линии дома Габсбургов император Леопольд I и французский король Людовик XIV. Оба были племянниками и в то же время зятьями Филиппа IV Испанского.

Для морских держав – Англии и Нидерландов – при данной политической конъюнктуре для сохранения равновесия сил в Европе необходимо было не допустить вступления в общее наследство ни одного из главных претендентов, но разделить его на несколько частей, а также поставить во главе Испании какого-либо представителя третьей стороны, имевшего право на наследство, и удовлетворить остальных претендентов. На этой основе был составлен первый договор о разделе между Англией, Францией и Нидерландами (11.10.1698), когда наследником был назначен правнук Филиппа IV, баварский курфюрст Иосиф Фердинанд, но в феврале 1699 г. он умер и договор утратил свое значение. По

¹ А «наследство» это, будучи весьма обширным, включало в себя территории самой метрополии, испанских Нидерландов, Верхней Италии с герцогством Миланским, Неаполем, Сардинией и Сицилией, а также заморских владений.

второму договору о разделе (11.6.1699) наследником объявлялся второй сын императора, эрцгерцог Карл, а Франция получала испанские владения в Италии, но с условием обмена с герцогом Лотарингским Милана на Лотарингию¹. Но этим планам не суждено было сбыться. Австрийцы, которые не участвовали в подписании соглашения, были крайне недовольны – они открыто добивались владения всей Испанией, а итальянские территории интересовали их в наибольшей степени: они были богаче, находились близко от Австрии и ими было легче управлять. Кроме того, международный престиж Австрии и степень её влияния в Европе возросли после чрезвычайно выгодного для неё Карловицкого мирного договора. В Испании возмущение этим соглашением было ещё больше. Двор единодушно выступал против разделения владений, однако с тем, кого поддерживать – Габсбургов или Бурбонов, – единства не было.

Из дипломатической борьбы, которой были отмечены последние месяцы жизни короля Карла, победителем вышла французская партия. За месяц до своей смерти Карл II составил завещание, согласно которому назначил своим наследником второго сына дофина, внука Людовика XIV, герцога Анжуйского Филиппа и в котором с целью минимального нарушения равновесия в Европе указывалось, что Испания никогда не должна объединяться с французской монархией². Несмотря на эти гарантии, последовавшие вскоре события показали, что последняя воля Карла II, так или иначе, приве-

¹ *Маурер Э.* Филипп V // Испанские короли... – С. 200-201.

² Карл предпринял шаги по предотвращению слияния Франции и Испании; по его решению в случае наследования Филиппом Анжуйским французского престола, испанский переходил бы к его младшему брату, герцогу де Берри. Далее в списке наследования после герцога Анжуйского и его брата шёл эрцгерцог Карл. В случае отказа от завещания австрийские Габсбурги должны были унаследовать неразделенное имущество.

ла бы к европейскому кризису, который едва ли возможно было решить мирным путем. По словам немецкого историка И. Куниша, «вопрос о праве на наследство стал главным и государственным актом общеевропейской политики»¹.

Молодой Филипп де Бурбон вступил в наследство и в мае 1701 г. короновался в Мадриде под именем короля Филиппа V². Практически вся Европа, за исключением Австрии, признала его как короля Испании, но Людовик XIV, уверовав, что его внук уже прочно сидит на испанском троне, вынудил парижский парламент признать его и наследником французской короны³. Этот демарш, допускавший в будущем объединение Франции и Испании под скипетром одного монарха, что нарушило бы «*balance de l'Europe*», здорово напугал морские державы, и уже в конце 1701 г. Англия, Голландия и Австрия создали антииспанскую коалицию, объявившую войну Людовику XIV и Филиппу V.

Союзники объявили королем Испании австрийского эрцгерцога Карла, сына императора Леопольда Габсбурга. Когда в марте 1704 г. он высадился на территории Португалии, военные действия перекинулись на полуостров⁴. В 1705 г. войска коалиции заняли Барселону, эрцгерцог воцарился там под именем Карла III и оттуда правил теми ис-

¹ Цит. по: Маурер Э. Филипп V... – С. 201-202.

² 8 мая 1701 г. его признала и принесла присягу Кастилия, в январе 1702 г. он добился согласия Барселоны. В апреле его жена Мария-Луиза Савойская приняла присягу Арагона, а сам он в Неаполе – итальянских подданных.

³ Он отправил французские войска в испанские Нидерланды и взял в плен находившиеся там голландские гарнизоны. Французам была разрешена торговля в испанских колониях. Гвинейская компания получила в 1701 г. монопольное право на поставку чернокожих африканских рабов в испанские колонии. *Voltes Bou P. Felipe V: fundador de la España contemporanea.* – 1991. – P. 28.

⁴ Pérez C. La Guerra de Sucesión en Velez-Malaga. – 1997. – P. 14.

панскими территориями, которые присягнули ему на верность¹.

Хотя официальной причиной войны было то, что европейские государства не хотели допустить соединение французской и испанской короны и тем самым сохранить равновесие в Европе, в действительности речь шла о том, кто захватит Испанию с ее огромными владениями в Европе и ее колониальной империей, расположенной в Старом и Новом Свете – это была, действительно, война «за испанское наследство» и мировую гегемонию.

Война «за испанское наследство» продолжалась с мая 1702 г. до июля 1713 г., охватив несколько очагов военных действий. Англичане с голландцами воевали против французов в районе Нижнего Рейна. Австрийцы сражались с испанцами в Италии. Сама Испания разделилась на два враждующих лагеря, и на ее территории начались военные действия: Каталония, Валенсия и Майорка восстали против Филиппа V, присягнув на верность австрийскому претенденту. Восставшие провинции были поддержаны англичанами и португальцами, а французы выступили на стороне Филиппа V. Отряды французов возглавлял английский герцог Бервик, побочный сын бывшего английского короля Якова II Стюарта². Одновременно с этим началась и испано-английская война, разразившаяся на американском континенте, во время которой английский губернатор Мур попытался захватить Флориду, но был разбит губернатором г. Сан-Августина, который в свою очередь попытался захватить Каролину. Англи-

¹ В 1711 г., когда умерли его отец и старший брат, и перед ним маячил трон Империи Габсбургов, он забыл о своих испанских претензиях и короновался под именем императора Карла VI. Но перспектива, что он объединит испанское государство с германскими землями Габсбургов никак не вписывалась в идею европейского равновесия – и великий союз распался, а чаша весов окончательно склонилась в пользу Бурбона.

² И отец будущего первого испанского посланника в России, герцога де Лириа-и-Бервика.

чане попытались оккупировать и Пуэрто-Рико, где получили отпор от испанцев, но в конце концов захватили Багамы¹. Однако наибольшие политические последствия получила другая военная операция англичан – они захватили у испанцев Менорку и Гибралтар, начав владычествовать в западном Средиземноморье. Только в 1713 г. император отозвал свои войска из Испании. Каталонцы же сопротивлялись вплоть до падения Барселоны 13 сентября 1714 г.

Одновременно с этой войной в другой части Европы также шла война – Северная, которая началась в 1700 г. Перелом в ней наступил после 1709 г. – Полтавской битвы, в которой русская армия наголову разгромила армию шведов. После этого сражения международный вес России значительно возрос. Вскоре после Полтавы русские войска вышли к балтийскому побережью, и в руках России оказались не только Нарва, но Рига и Ревель. Задача пробиться к морю, потребовавшая от России тяжких полуторавековых усилий и большой крови, была решена. Создавалась возможность проложить новый торговый путь на Запад через Балтику, а главными партнерами России на Балтике были Англия и Голландия. Несмотря на сопротивление английского правительства, купцы этой страны всячески добивались возможности возобновить прерванную Северной войной торговлю с Россией². В Голландии не только купцы, но и правительство были готовы развивать торговлю с Россией, но воротами для гол-

¹ Испанский историк Ф. Оливье называет ее «первой мировой войной», поскольку в нее, по его мнению, был вовлечен весь известный тогда мир. *Olivie F. La herencia de un imperio roto.* – Madrid., 1992. – P. 33.

² «Может показаться удивительным, – пишет исследователь русско-английской торговли А.В. Демкин, – но даже в периоды взаимной политической вражды, а это было, увы, нередко в XVIII в., русско-британская торговля в целом сохраняла свой высокий уровень. Именно британское купечество являлось той силой, которая и делала это сотрудничество реальным». *Демкин А.В. Британское купечество в России XVIII в.* – М., 1998. – С. 4.

ландской торговли в Балтийском море был Зундский пролив, и двумя сторонами этих ворот – Швеция и Дания, а выделять военные конвои для торговых судов в тот период Голландия была не в состоянии: она участвовала еще и в войне «за испанское наследство», которая шла не только на суше, но и на море.

Однако западные страны вовсе не хотели допускать усиления России и всячески боролись с этим. Еще до Полтавы Петр I предложил англо-голландской стороне свой союз и десять тысяч «доброй инфантерии» против Франции. Взамен он хотел получить посредничество англичан и голландцев в поисках мира со Швецией. Ему было отказано. Затем последовало выступление Турции против России. Она боялась, что союзная с русскими Польша, а также Империя и Венеция «годны будут народ турецкий из Европы выгнать»¹. Турцию, при явном сочувствии Англии, толкали против России Швеция и Франция, сторонники Лещинского. Чтобы парировать эту враждебность Англии и Голландии и добиться их посредничества в примирении с Турцией, Петр I выступил перед ними с новым предложением союза и обещает им представить 30 тыс. человек для войны с Францией. И на этот раз ответа не последовало².

Российский посол в Гааге Б.И. Куракин писал на родину, что попытки добиться союза с Англией и Голландией нереальны, поскольку обе они раздражены усилением Петра I; напротив, следует искать союза с Францией и Испанией. Они являются в войне «за испанское наследство» более слабой стороной, а если Россия выступит на стороне более сильных их противников, это будет способствовать тому, что война «за испанское наследство» окончится раньше, чем Северная

¹ Так докладывал в Россию посол в Гааге Б.И. Куракин. Цит. по: *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль... – С. 221.

² Там же.

война, что крайне невыгодно для России. В этом случае Англия и Голландия, развязав себе руки, вмешаются в Северную войну как посредники, чем очень помогут Швеции. Тогда станет реальной и угроза того, что Станислав Лещинский окажется на польском престоле¹. Однако действительность не оправдала расчетов Куракина – война «за испанское наследство» завершилась гораздо раньше, чем Северная война, а сам Куракин в качестве русского наблюдателя оказался на конгрессе для подписания мирного договора о разделе «испанского наследства», который открылся 29 января 1712 г. в Утрехте².

Следует подчеркнуть, что Людовик XIV еще до открытия конгресса подписал в Лондоне мир с англичанами (8 октября 1711 г.), признав захваченные ими у испанцев Гибралтар и Менорку. Х.М. Ховер Самора рассматривает этот договор как основной, указывая, что вся последующая система договоров строилась на принципах, заложенных именно в Лондоне³. В официальном документе указывалось, что Людовик XIV не будет добиваться объединения испанской и французской монархии под одним скипетром, в секретном протоколе же были затронуты следующие вопросы: признание королевы Анны и гарантии по династической линии, что отвергало всякие притязания Стюартов; признание Францией

¹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль... – С. 222-223. Следует подчеркнуть, что во всех этих рассуждениях Алпатов ни словом не обмолвился об Испании – он упоминает только Францию как единственную державу, воевавшую против Англии, Голландии и Империи – хотя война шла с ее участием и на ее территории. И далее, говоря о союзниках Франции на международной арене в этот период, он называет только Швецию и Турцию. Там же. – С. 225.

² Первые мирные переговоры начались еще в 1709 г., но они провалились, поскольку союзники предъявили Людовику оскорбительные требования: он должен был выгнать из Испании своего внука. Затем в доме Габсбургов произошла династическая перемена, которая проложила путь к миру. Маурер Э. Филипп V... – С. 207-208.

³ Jover Zamora J.M. España en la política... – P. 20-21.

торговых интересов Англии и заключение равноправного торгового договора, признание Людовиком от имени Филиппа V захвата Англией Гибралтара и Менорки.

На Утрехтском конгрессе Франция представляла интересы Испании, и последняя была вынуждена впоследствии признать то, что уже было подписано Людовиком XIV. Утрехтский мир, подписанный 11 апреля 1713 г., полностью изменил политическую карту Европы. Испанские Нидерланды отошли к Австрии, в результате чего Испания потеряла опорные пункты на южном побережье Ла-Манша. Испанские владения в Италии были поделены между Австрией и Савойей. Герцог Савойский, Виктор Амадей II получил Сицилию, а император – Неаполь, Сардинию и Милан. Великобритания отобрала Гибралтар и Менорку. Португалия в ходе конгресса попыталась заполучить Галисию и часть Эстремадуры. Эта ее попытка провалилась, но в качестве компенсации она заработала колонию Сакраменто, которая довела границы португальских владений вплоть до р. Ла-Плата. Таким образом, Филипп V за право остаться королем Испании вынужден был отказаться практически от всего наследия Габсбургского дома. «Испанию после Утрехта, – писал Х. Гарсия Карсель, – постигла участь Польши конца XVIII в.»¹. Вот такой роковой для страны оказалась приписываемая Людовику XIV фраза, что «нет больше Пиренеев».

По образному выражению испанского историка Ф. Оливье, в результате Утрехтского мира «Испания была выкинута из Европы»², что, по его же мнению, пошло ей только на пользу, поскольку, лишившись своих европейских владений, которые требовали контроля, внимания и бесконечного финансирования, она могла на оставшейся территории создать новый политический организм – «Атлантиче-

¹ Historia de España, siglo XVIII: la España de los Borbones / Dir. R. García Cárcel. – Madrid., 2002. – P. 9.

² *Olivie F.* La herencia... – P. 30.

скую империю Бурбонов»¹, т.е. империю, владения которой простирались по обе стороны Атлантики, население которой составляли различные расы и народы, но на территории которой к XVIII в. уже сложилось, и это можно утверждать безоговорочно, культурное и религиозное единство.

* * *

Таким образом, уже к концу войны «за испанское наследство» стало заметно оформление нового соотношения сил в Западной Европе. Возрастание могущества России, превращение ее в великую державу; потеря Францией политической гегемонии в Европе; резкое сокращение удельного веса Швеции, нередко игравшей роль младшего партнера Франции; быстрое усиление Пруссии, создавшей противовес Австрии в Германии, – все это сделало невозможным для этих стран занять главенствующее положение на европейском континенте. Это позволило Британской империи сделать большой шаг вперед к «английскому преобладанию» в мире. Она не очень стремилась расширять свои владения в Европе, предпочитая сохранять дистанцию между своей политической жизнью и чисто континентальными конфликтами, что дало ей возможность исполнять роль арбитра в этих конфликтах. Она довольствовалась захватом ключевых баз на морях, добившись тем самым исключительно благоприятных условий для своей морской и торговой гегемонии. Одновременно с тем, как Испания перестала быть одной из морских держав Северного моря, Англия стала контролировать Средиземное. Гибралтар, Менорка, Мальта, Корфу, Кипр в Средиземном море, разрушенный французский Дюнкерк в Северном, договор с Португалией, открывавший ей путь в Южную Америку, приобретение Новой Шотландии и Террановы, позволившее контролировать подступы к территории французской Канады, – все это свидетельствовало о

¹ *Olivie F. La herencia...* – P. 32, 42.

том, что основной победительницей войны «за испанское наследство» стала именно Великобритания¹, чья конституционная протестантская монархия была признана во всей остальной Европе. Вне сферы английского контроля оказывалось только Балтийское море².

Утрехтский мир знаменовал конец французской мировой гегемонии и ее замену гегемонией английской. Хотя на испанский трон был посажен Бурбон, Англия добила главного – ее соперник, Франция, была лишена права на «испанское наследство», она поступилась в пользу Англии частью своих собственных владений, а главное, она уже не «повелествовала» ни в Европе, ни в Америке. Однако, несмотря на то что мир был заключен, война между отдельными ее участниками еще продолжалась. Больше года шла война между Испанией и Голландией, к которой Испания предъявляла территориальные претензии. Снова вспыхнула война между Францией и Австрией, которая закончилась только в 1714 г. подписанным Раштадским миром. Изменение соотношения сил в Европе, необходимость пересмотра старых союзов и установление новых способствовали и сближению политических интересов Испании и России.

¹ 1 августа 1714 г. умерла английская королева Анна, во время правления которой Англия превратилась в Великобританию. Из-за отсутствия прямых наследников, британская корона перешла внучке Якова I, Софии, бывшей замужем за электором Ганновера, который короновался и как английский король Георг I, основавший в Британии Ганноверскую династию.

² См.: Молчанов Н.Н. Дипломатия... – С. 334; Centralismo, ilustración y agonía del Antiguo Régimen (1715-1833) // Historia de España / Dir. por Tunon de Lara M. – Barcelona, 1987. – Т. VII. – P. 177-178.

1.3. Установление постоянных дипломатических отношений в начале XVIII в.

Дипломатические контакты, прерванные в 1687 г., были восстановлены только через 30 лет. Подписанные в результате войны «за испанское наследство» Утрехтский (1713 г.) и Раштадский (1714 г.) мирные договоры оформили новое соотношение сил в Западной Европе.

Война окончилась признанием права Филиппа V на испанский престол, но его правление было почти непрерывной последовательностью войн, вызванных двумя основными причинами:

1) попытками Испании отменить «диктат Утрехта», вновь утвердиться в Италии и вернуть себе прежнее положение;

2) политическим и торговым противостоянием Англии, рождавшим конфликты в заокеанских колониях и в Западном Средиземноморье и, соответственно, подталкивавшим Испанию к новому сближению с Францией.

Однако отношения между двумя бурбонскими дворами после смерти Людовика XIV в 1715 г. заметно охладились¹. Политика Франции стала фактически противоположной той, которую проводил Людовик XIV, и свелась к утверждению личных целей ее правителя, герцога Орлеанского, тесно сблизившегося с королем Англии Георгом I на почве враждебного отношения к Испании, также и потому, что Филипп V не признал права герцога Орлеанского на регентство при ма-

¹ Озанам указывает, что реально фамильные узы связывали Филиппа V с Францией только до смерти Людовика XIV, который принимал активное участие в делах внука. Вступление на престол Людовика XV, которого Филипп никогда не видел, и его женитьба на Изабелле Фарнезе «развернули» интересы испанской ветви Бурбонов в сторону Италии. *Ozanam D. Dinastía, diplomacia y política exterior // Los Borbones: dinastía y memoria de nación en la España del siglo XVIII: actas del coloquio internacional celebrado en Madrid, mayo de 2000. – Madrid, 2001. – P. 18.*

лолетнем Людовике XV. Англия же, более всего озабоченная развитием морских сил Испании, настраивала герцога Орлеанского против Филиппа V как возможного претендента на регентство и французский престол¹. Россия, в противовес усилению Англии, сделала попытку к новому сближению с Францией. Русский посол в Гааге Б.И. Куракин писал Петру I, что, несмотря на все трудности в отношениях с Англией, Францией, Австрией и другими державами Европы, следует продолжать курс постепенного и терпеливого проникновения России в европейскую систему международных отношений². 15 августа 1717 г. в Амстердаме был заключен оборонительный договор между Россией, Францией и Пруссией. Но «великие державы» стремились изолировать Россию и не без успеха влияли в этом направлении на Францию³.

Война лишила Испанию и многих ее владений, большинство из которых отошло к Австрии. Однако Испания считала эти потери «вынужденными и временными» и ставила своей целью возвращение утраченных итальянских территорий, которые сотни лет находились во владении Испании и в защите которых император не мог рассчитывать на поддержку потенциальных союзников.

Первая попытка ревизии «диктата Утрехта» связана с именем кардинала Альберони⁴, который возглавлял испан-

¹ В Мадриде надеялись, что в случае смерти Людовика XV, который в детские годы часто болел, французский престол перейдет к Филиппу V. История Европы. – Т. IV: Европа нового времени (XVII-XVIII вв.) / Под ред. М.А. Барга и др. – М., 1994. – С. 438; *Baudrillat A. Philippe V...* Т. II. – P. 207-228, 258-296.

² См.: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия... – С. 360.

³ Подробнее об этом см.: *Крылова Т.К.* Отношения... – С. 331.

⁴ Альберони родился в Пьяченце в 1664 г. Сын садовника и швеи, он с 12 лет учился в приходской школе, а далее – в духовной семинарии. В 1690 г. стал священником. Человек талантливый и неординарный, он сумел сблизиться с графом А. Ронковери, который был представителем Пармы при герцоге Вандоме, генерале французской армии в Италии. Добившись доверия герцога, Альберони отправился в качестве его личного

скую внешнюю политику после женитьбы в 1714 г. Филиппа V на пармской принцессе Изабелле Фарнезе¹. Именно благодаря ей, заявлявшей наследственные права на Парму, Пьяченцу и Тоскану, итальянские интересы приобрели конкретное направление в испанской внешней политике того периода. За короткое время Альберони сумел восстановить армию и флот, и летом 1717 г. Испания начала войну за возврат итальянских территорий: испанцы захватили Сардинию и начали вытеснять австрийцев из Сицилии, что и заставило Испанию искать союзников в Европе².

Интерес Петра I к возможности установления торговых и политических связей с Испанией проявился еще в 1715 г. Резкое увеличение потребностей страны в серебряной монете заставило русское правительство обратить внимание на далекую Испанию с ее сказочными сокровищами, которые она вывозила из своих владений в Америке. Высокопробное серебро очень ценилось в России. В этом отношении интересно письмо секретаря Петра I А. В. Макарова русскому посланнику в Венеции Беклемишеву, в котором рекомендовалось

капеллана во Фландрию, Францию и Испанию, и состоял при герцоге до его смерти в 1712 г. Альберони прибыл в Париж, чтобы известить Людовика XIV о печальном событии. Оттуда он направлял герцогу Пармы донесения о состоянии дел во Франции и Испании, и последний решил назначить его своим представителем в Испании. *Badorrey Martín B. Los orígenes del Ministerio de Asuntos Exteriores, 1714-1808. – Madrid, 1999. – P. 39.*

¹ Этот брак, строго говоря, сам был делом рук Альберони, когда тот в 1714 г. был представителем Пармы в Мадриде. Когда умерла испанская королева, он сумел убедить принцессу дез Юрсен, как она сама называла себя на французский манер, что наиболее подходящим вариантом будет дочь последнего герцога Пармы, Изабелла Фарнезе. С помощью новой королевы Альберони превратился из иностранного дипломата в государственного секретаря по иностранным делам. *Ibid.*

² См.: История Европы... – С. 438; *Harcourt-Smith S. Alberoni or the Spanish Conspiracy. – London, 1943. – P. 172-175.* Изабелла Фарнезе рассчитывала передать права на престол Пармы и Тосканы своему старшему сыну Карлу. *La érosa...* – P. 584-586.

«выменивать серебро гишпанское, которое... может быть полезно к прибыли»¹.

О выгоды русско-испанской торговли говорит и докладная барона Геллера на имя Петра I. «Ваше величество возможет предложить какой-нибудь трактат о торговле при гишпанском дворе, – писал Геллер, – дабы там иметь те же прерогативы как французы, англичане, датчане, шведы и голландцы. Понеже большая часть товаров вашей Империи транспортированы в торговые гишпанские и португальские места от иностранных народов, которые их там продают с великой прибылью»². Предложения, сделанные Геллером, не остались без внимания русского правительства, поэтому уже в начале 1715 г. в Париж был направлен К. Н. Зотов, который установил контакты с испанскими торговыми агентами. Глава испанского правительства кардинал Альберони в это время готовился к войне за возвращение своих земель, утраченных по Утрехтскому мирному договору, поэтому Испания нуждалась в материалах для флота, а именно в «поставке леса, железа, пушек и снарядов на три корабля, а именно один в 70, другой в 60, а третий в 50 пушек»³. Из реляции Зотова: «если два корабля российских придут в Кадис с товарами, удобными к вооружению, то немедленно купить их соизволят и погрузить корабли гишпанскими товарами, если в России к охоте их имеют»⁴. В Испании достаточно хорошо было известно о возможностях России в этой области, так как по указам Петра I к 1715 г. было построено и освоено несколько железорудных шахт, несколько заводов по переработке железа и отливанию пушек и разнообразных снарядов и, кроме того, Россия была богата лесом и на протяжении всей своей истории его экспортировала. России же «от сей тор-

¹ Бобылев В.С. Документы... – С. 84.

² Там же.

³ Там же. – С. 85.

⁴ Там же. – С. 84.

говли к нам также будут летать гишпанские пьестры, как и во Францию, от чего она так разбогатела»¹.

Петр I благосклонно отнесся к предложению испанских торговых агентов и велел Зотову передать им, что «не только 5 кораблей позволит послать с товарами, удобными к строению и к вооружению кораблей на имя господ Маркелли и Ноли, а 18 – если мир будет со Швецией».

Летом 1717 г., когда Испания начала войну против Австрии за возвращение итальянских владений, потерянных в ходе войны за испанское наследство, Альберони стал рассматривать Россию не только как поставщика вооружения и стратегических материалов, но и как потенциального союзника. Впрочем как и противника России – Швецию². Возникшая ситуация в какой-то степени моделировала политическую обстановку в Европе в начале XVIII в., что имело немаловажное значение для успешной борьбы России в начале Северной войны. В этих условиях правительство Петра I сочло необходимым пойти на установление дружеских отношений с Мадридом, чтобы использовать борьбу Испании и Австрии в интересах Русского государства. «К этому моменту, – считает Т.К. Крылова, исследовавшая русско-испанские отношения этого периода, – следует относить установление прочных русско-испанских дипломатических связей»³.

Переговоры между Россией и Испанией были начаты в Гааге летом 1717 г. с участием испанского посла Беретти-Ланди и российского Б.И. Куракина⁴, который указывал, что «сколь долго Гишпания будет вооружена и с цесарем в войне, столь времени потенции морские, как и Франция, будут

¹ Бобылев В.С. Документы... – С. 85.

² Marqués de Mulhacén. Política Mediterránea de España 1704-1951. – Madrid, 1952. – P. 30.

³ Крылова Т.К. Отношения... – С.334.

⁴ Петр учредил в 1699 г. постоянный дипломатический пост, на который в 1712 г. был назначен Б.И. Куракин.

иметь руки связаны замешаться в дела северны». 1 ноября 1717 г. Куракин известил Беретти-Ланди, что «по вступлении в 1700 г. короля Филиппа V на гишпанский престол грамотою в России не объявлено» и что «отзыв гишпанского короля весьма приятен будет е. ц. в-ву». В реляции от 15 ноября Куракин писал, что «по указу в.в. послу гишпанскому от себя внушил пристойным образом, что со стороны двора его корреспонденция будет весьма приятна и что из того немалый плод принесет обеим нациям в коммерции»¹. Испанский посол в Голландии Беретти-Ланди с удовлетворением отнесся к намерениям Петра I и доверительно сообщил Куракину, что «...двор гишпанский, а особливо кардинал Альберони, намерение имеет в войну с цесарем далее вступить»². Важность этой информации заключалась в том, что русское правительство теперь было твердо уверено, что, несмотря на обострение отношений с Австрией, вызванное бегством царевича Алексея в Вену, император не отважится на конфликт с Россией, имея войну с Турцией и Испанией. А Альберони этим соглашением добился не только торговых отношений с Россией, которые приносили огромную выгоду Испании во время войны, но и получил союзника на востоке, чья граница была близка к территориям враждебных для Испании Турции и Австрии. К тому же у Петра I также были далеко не самые теплые отношения с этими странами.

Еще во время своего пребывания в Париже в 1717 г. Петр I имел встречу с Челламаре, послом Испании во Франции. На этой встрече были затронуты вопросы установления дружественных отношений между Россией и Испанией. После этого разговора Челламаре отметил в письме к Куракину от 24 декабря 1717 г., что «король мой мне особливо повелевал сообщить Вам о великой эстимации, которую он имеет от сил счастливых и полезных диспозициях, что такой вели-

¹ Бобылев В.С. Документы... – С. 86.

² Там же.

кий и мочный государь, как Ваш, впредь хотел с королем моим установить добрую дружбу и корреспонденцию, а что принадлежит до коммерции, то король мой желает оную иметь»¹.

Новый 1718 г. Западная Европа встретила в тревожных ожиданиях испанскою вторжения в Сицилию. Все попытки английской дипломатии разрешить испано-австрийский конфликт мирным путем были отвергнуты кардиналом Альберони. А через две недели Челламаре под «высшим секретом» уведомил Куракина, что «экспедиция войск имеет быть вскоре, и не боясь-де Англии, король его в состоянии ту войну продолжать»². Разумеется, что такой ход событий в Западной Европе вполне устраивал русское правительство.

Петр I рекомендовал Куракину препятствовать примирению Турции с Австрией и не допустить ратификации голландским правительством англо-франко-голландского союзного договора от 4 января 1717 г. Во исполнение указа Петра I Куракин доносил, что в этом «деле буду обязан наибольшей и тесной дружбе с послом гишпанским, как уже до сего дела с ним обще со всякой прилежностью трудимся, чтоб не допустить сию республику вступить в тот алианс...»³. Куракин и Беретти-Ланди составили «обращение» к правящим кругам Голландии, в которых указывалось, что присоединение к Тройственному союзу не соответствует интересам республики. Обращения были «напечатаны формой письма, а другие рассуждением, и напечатано со стороны посла гишпанского и разослано ко всем господам правительствующим и городам»⁴. Дипломатическое давление России и Испании на голландское правительство имело определенный успех. Несмот-

¹ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор... – С. 164; *Бобылев В.С.* Документы... – С. 87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 88.

ря на прямые угрозы со стороны Англии, Голландия примкнула к Тройственному союзу лишь в 1719 г.

Испанские дипломаты в Париже и Гааге хлопотали о том, чтобы после заключения русско-шведского мира – в это время начался Аландский конгресс и создавалось впечатление, что Северная война близилась к концу, – оружие обеих северных держав было бы обращено против Англии. А тут подвернулся и повод для отправления грамоты: 31 марта 1718 г. у Филиппа V родилась дочь инфанта Анна-Мария-Виктория. В донесении от 13(24) мая 1718 г. Куракин докладывал Петру I о том, что его посетил испанский посол, вручивший ему грамоту короля Испании, в которой тот извещал об этом событии и о желании «возставить добрую корреспонденцию» и «утвердить добрую дружбу, которая де видится быть не бесполезна обоим монархиям». В ответной грамоте королю Филиппу V русский царь выражал ответное стремление «чрез добрую коррешпенденцию дружбу между нами возставить и утвердить»¹.

В Европе широко распространились слухи о заключении союза России, Швеции, Испании и якобитов, направленного против Англии. Но испанская внешняя политика в русском вопросе оставалась колеблющейся и медлительной: Испания продолжала войну, которая складывалась для нее очень неудачно². В результате подписания ряда двусторонних соглашений 2 августа 1718 г. в Лондоне был создан Четверной союз между Францией, Англией, Голландией и Австрией с целью помешать планам Мадрида. Английский флот, разбив испанцев у мыса Пассаро, отрезал их войска в Сицилии. Австрия, в обмен на передачу Испании Сицилии, вернула себе Сардинию. Только после разгрома испанской эскад-

¹ Грамота Петра I от 5.7.1718 г. // Россия и Испания... – С.64-65.

² См.: Никифоров Л.А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. – М., 1973. – С. 32; Centralismo... – P. 181-182.

ры, Беретти-Ланди, да и то от своего имени, заявил русскому послу, что союз будет направлен против Австрии и Англии, об остальном же он запросит свое правительство¹. А потому указывал исследователь внешней политики Петра I Н.Н. Молчанов, «надежды на Испанию и на кардинала Альберони, направлявшего ее внешнюю политику, потерпели крах в августе 1718 г., когда англичане пустили ко дну весь испанский флот»². В сентябре Петр I получил послание Куракина с описанием разгрома испанцев. В ответном письме он указывал, что, по донесениям из Вены, подтверждается готовность Испании заключить союз с Россией и что для скрепления этого союза «король их намерен свататца дочью за своего сына³, а вместо приданого желает шести кораблей, а за то обещает сумму по два миллиона на год, с кем война будет»⁴. Петр поручал Куракину прозондировать достоверность этой информации, рассуждая далее: «Толко тому верить мочно, что им в нынешнее время союзники и корабли надобны, что обое от нашей стороны получить могут»⁵. Вместе с тем, по мнению В.С. Бобылева, и «Россия была заинтересована в дружественных отношениях с Испанией, которая связывала основные силы держав, враждебных России»⁶. А потому Куракин требовал уточнения условий предлагаемого договора, и в ноябре испанский посол сообщил ему план кардинала Альберони, определявшего в тот период политический курс Испании: 40 тыс. испанского войска будут действовать в Италии против австрийцев; 20 испанских кораблей соединятся с русской и шведской эскадрами для изгнания короля Георга из Англии; русско-шведский десант в ко-

¹ *Schop Soler A.M.* Las relaciones... – P. 9.

² *Молчанов Н.Н.* Дипломатия... – С. 360.

³ Проблема брачного союза получила развитие в российско-испанской переписке в 1723-1724 гг.

⁴ Цит. по: *Ламанский В.* О славянах... – С. 192.

⁵ *Там же.*

⁶ *Бобылев В.С.* Внешняя политика... – С. 113.

личестве 14 тыс. человек должен высадиться в Шотландии, где Альберони поддержат приверженцы Стюартов¹. В конце 1718 г. Беретти-Ланди сообщил Куракину, что испанский король не только желает вступить с российским государем в переписку, но и заключить «союз противу цесаря и Англии, но не отречется дать России 30 военных кораблей противу шведского короля»².

Этот план мог быть приведен в исполнение только при одном условии: предварительном заключении мира между Россией и Швецией. Однако после смерти Карла XII переговоры на Аландском конгрессе были прерваны, и Швеция в 1719 г. заключила с Англией оборонительный союз. До этого в январе 1719 г. в Вене был подписан союз Австрии, Саксонии и Ганновера против России, за спиной которого стояла Англия. Таким образом, созрел план совместного военного выступления Четверного союза и ряда других держав против России.

Альберони и Куракин предприняли также меры с целью сорвать подписание мирного договора между Австрией и Турцией. Однако усилия русской и испанской дипломатии не принесли желаемого результата. 21 июля 1718 г. в Пожареваце был подписан австро-турецкий мирный договор. Испанский министр рассчитывал привлечь на свою сторону Швецию и Россию против Англии и Австрии, чтобы создать благоприятную обстановку для успеха испанского оружия в Италии. В донесении от 29 июля Куракин писал, что «король гишпанский дал субсидии великие королю шведскому на том, чтоб с королем английским миру не чинил и войсками

¹ См.: Крылова Т.К. Отношения... – С. 335; Schop Soler A.M. Las relaciones... – P. 10-11.

² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор... – С. 165; Harcourt-Smith S. Alberoni... – P. 176-189. Куракин скептически относился к идее союза с Испанией ради реставрации Стюартов в Англии. Ввязываться в дело Стюартов значило бы встать перед опасностью новой войны, а это было не в интересах России. Алпатов М.А. Русская... – С. 236-237.

своими вступил в Империю». Вместе с тем Альберони прекрасно понимал, что рассчитывать на военную помощь Швеции и России против Англии можно будет лишь при условии восстановления мирных отношений между северными державами¹.

После разгрома испанского флота 11 августа 1718 г. у берегов Сицилии положение Испании резко ухудшилось. В этой обстановке кардинал Альберони все настойчивее искал союза с Россией. В депеше от 23 сентября Куракин докладывал, что «по всем обстоятельствам можно предусмотреть, что сей зимы до предбудущей весны кардинал Альберони, конечно, в негоциацию мирною не вступит и будет до весны проманивать... К тому ж не без надежды двор гишпанский на в.в., что по заключении с королем шведским миру обще будете в имперские дела мешаться в интерес... гишпанский. В подтверждении тому свои разговоры с послом гишпанским вчерашнего дня».

С целью скорейшего заключения мира между Россией и Швецией кардинал Альберони направил летом 1718 г. в Стокгольм маркиза Пособуэно. В связи с этим Куракин писал, что Беретти-Ланди сказал ему, «что от короля его посланный в Швецию уже приехал, который имеет стараться как о примирении при том дворе с в.в., так и о других интересах...». Также имеются сведения и о миссии в Швецию дона П. Лавлесса, который был задержан в Дании, но благодаря вмешательству русской дипломатии «посланный их Лавлес был взят от датчан и от них отправлен в Санкт-Петербург». Однако усилия Альберони склонить шведского короля к миру были уже напрасны. В ночь с 30 ноября на 1 декабря 1718 г. Карл XII был убит при загадочных обстоятельствах под стенами крепости Фридрихсталль в Норвегии.

Политика же Петра I по отношению к Испании была чрезвычайно гибкой. С одной стороны, России была выгодна

¹ *Бобылев В.С.* Внешняя политика... – С. 88.

война Испании с Австрией, так как она оттягивала на себя взгляды и умы всех европейских держав, и российский монарх старался помочь Альберони в этих проблемах, к тому же победа Австрии в этой войне сильно усилила бы и укрепила бы позиции последней на мировой арене, что было чрезвычайно невыгодно ни Петру, ни Альберони. В 1718 г. Петр I отправил рескрипт русскому послу во Франции барону Шлейницу, прекрасно характеризующий позицию русского правительства в отношении испано-австрийского конфликта. «Зело полезно будет, – писал Петр I, – цесаря в Италию против прибыточных кондиций миру не исходатайствовать, но иного лучше с Гишпанией в войне оставить и последней партию усилить, дабы цесарь по заключению турецкого мира... другим державам сильным и устрашительным не был». С другой стороны, Россия была уже втянута в войну со Швецией за Балтийское море, и поэтому, кроме как расширять свои торговые связи с европейскими державами, у нее не было возможности¹.

В июле 1718 г., когда военно-политическая обстановка в Средиземноморье складывалась в пользу Испании, Петр просил Шлейница довести до сведения Челламаре, что «нам зело приятно с таким великим монархом в тесную дружбу и союзобязательный союз вступить». Но как только в Петербурге стало известно о разгроме испанского флота, Петр I решил не спешить с «гишпанской альянцией». Он писал Шлейницу, что поражение испанцев «в делах Европе великую отмену причиняет... и не можем мы ближайшим образом на прежние гишпанские пропозиции себя изъяснять, пока мы усмотрим, какие меры от них после сего урону восприняты будут». Вместе с тем Петр считал необходимым продолжать диалог с испанскими послами в Гааге и Париже.

Русское правительство было заинтересовано поддерживать дружественные отношения с Испанией, которая сдержи-

¹Бобылев В.С. Внешняя политика... – С. 89-90.

вала основные военно-морские и сухопутные силы держав, враждебных России. Однако принимать на себя какие-либо обязательства в данной обстановке было крайне рискованно. Поэтому Петр I пришел к решению заставить кардинала Альберони поверить, что у него якобы есть намерение заключить такой союз. Тем самым Петр I не только мог рассчитывать на стойкость Испании в войне против Тройственного союза, но и заручиться ее дипломатической помощью в вопросе русско-шведского мира.

Эта линия русского правительства в отношении Испании находит свое отражение в рескрипте Петра I Куракину от 1 декабря 1718 г. «Имеете Вы послу гишпанскому объявить, что ежели королевское величество гишпанской совершенно желает с нами согласия и твердый союз учинить..., чтоб обстоятельное нам объявление или проект о том сообщить повелел с подробностями кондиций... и старались бы они ту корону (Швецию) по ускорению с нами миру и к пресечению негоциации с Англией склонить. И трудитесь Гишпанию от скорого мира удержать, ибо в том есть наш интерес»¹.

В 1718 г. испанское правительство особенно настойчиво пыталось навязать России союз, преследуя при этом исключительно собственные интересы. Так, в заявлении Челламаре от 21 октября отмечалось, что «основание оной альянции имеет быть к употреблению силы обеих корон против общих врагов и особливо, чтоб силу черезмирную дома аустрийскому преодолеть... и надлежит вспомогать друг другу диверсиями, содержащая войну со своей стороны, понеже дальнейшее расстояние обеих королевств не позволяет иным способом действовать. И надобно утвердить оную альянцию одним артикулом, что некоторой из обеих государей может мир заключить без именного согласия и апробации другой». Кроме того, Челламаре неоднократно призывал русское правительство ввести свои войска в германские княжества «про-

¹ *Бобылев В.С.* Внешняя политика... – С. 90-91.

тив цесаря к рассеянию силы и войск цесаря в Империи»¹. Эти факты убедительно свидетельствуют о намерении Альберони втянуть Россию в войну против Австрии.

В сентябре 1718 г. во Франции победила проанглийская партия. Поэтому уже в рескрипте от 16 ноября 1718 г. А.И. Остерману, русскому представителю на Аландском конгрессе, Петр I указывал, что теперь в этом «...обязаться не можем, ибо при нынешних конъюнктурах надлежать будет не токмо против цесаря и Англии, но и против Франции действовать», которая «при правлении регента противно своему истинному интересу в пользу Англии и цесаря ныне крепко обязалась, как мы ведомости подлинные получили. И хотя прежде была надежда, что консилий французский не допустить будет регента, что чинить в противность нашим интересам, но ныне уж как чаю, что оной все в полную власть свою взял и учредил своей партии министров и в том до тех пор ни малой отмены не чает...».

И все же Альберони считал Россию своей союзницей, что доказывает предоставление следующей информации послом Испании во Франции Челламаре русскому послу. Так, 28 июля он предупредил Шлейница, что «Англия умедлением до сего времени негоциациями на Атланте пользуется и возобновляет свои негоциации со Швецией. Советник Шредер уже действительно у короля шведского обретается и инструкции пишет крайние, дабы его от мира с в.ц.в. и от ближайшего соединения удержать». Кроме того, испанский посол сообщил, что в Вене ведутся переговоры по созданию направленного против России союза Австрии, Саксонии и Ганновера, что англо-австрийская дипломатия будет провоцировать Турцию на войну с Россией и что часть английского средиземноморского флота будет переброшена на Балтику для усиления эскадры Норриса. В дополнение к этому Челламаре в записке от 21 октября указывал, что у Англии «на-

¹ *Бобылев В.С.* Внешняя политика... – С. 90-91.

мерение есть Ваш флот как гишпанский атаковать, ибо в кабинете в Лондоне постановлено ни царя, ни Гишпанию не допускать на Балтическом и на Медитерранском море и чрез то коммерцией в Эвропе овладеть». Благодаря этой стратегической информации правительство Петра I не только было осведомлено об истинных намерениях правящих кругов западных держав, но и смогло принять соответствующие контрмеры.

Французское правительство очень враждебно относилось к сближению Испании с Россией. Это видно из демарша аббата Дюбуа от 30 января 1719 г., в котором он дал понять, что «сколь опасны для в.в., таковы пропозиции, ибо к союзу противу Вас причину подает и чрез то Вы себе в северных делах вредить будете». А в беседе 15 декабря 1719 г. он открыто заявил Шлейницу, что если переговоры с Испанией не прекратятся, то «тройная алияция в северных делах противу в.в. себя объявит»¹.

4 декабря 1719 г., при встрече голландского посла с Альберони кардинал дал принципиальное согласие на заключение мира с державами Тройственного союза. Тогда Петр I Петр под видом обучения навигации российских гардемаринцов решает направить в Испанию графа А.Л. Нарышкина, которому было предписано выяснить, каковы конкретные пожелания Испании в плане заключения союза с Россией, как долго продлится ее война с Габсбургами, Англией и Францией. Реальной задачей Нарышкина было убедить кардинала Альберони продолжать войну. Не давая графу никаких полномочий на заключение союза с Испанией, Петр вместе с тем рекомендовал ему всячески демонстрировать «склонность к учинению ближайшего сотрудничества и союза с его королевским величием». Кроме того, граф должен был информировать, какие действия с их стороны «против цесаря и короля аглицкого чинится будут. Також нет ли их

¹ *Бобылев В.С.* Внешняя политика... – С. 93-94.

прямого намерения к прекращению войны и примирению с цесарем и королем аглицким и с регентом. Також нет ли у них согласия с Турцией, и не надеется ль, что они взочнут войну против цесаря. Також какую надежду имеют во Франции. И ежели в силе нашей будет и конъюнктуры допустят, то в том ему вспомогать будем. И трудиться сколь мочно, дабы их побуждать к продолжению войны...»¹. При присоединении Испании к Тройственному союзу Англия становилась особенно опасной для России, так как и так на лицо была антирусская политика британских правящих кругов и ведущая роль Англии в создании коалиций, направленных против России. Часто Лондон стремился дезориентировать русское правительство с целью осложнить его переговоры на Аландском конгрессе, выиграть время и довершить военный разгром Испании. Веселовский писал, что Георг I и его министры «не так охотны быть могут к интересам в. в-ва, когда мир с Гишпанией воспоследствует»².

Эти же вопросы поручалось прозондировать в Гааге князю Куракину. «Понеж ныне англичаня в союз со шведами вступили, того роду надлежит вам всемерно гишпанской стороны искать, – наказывал ему Петр I в рескрипте от 20 сентября 1719 г., – ...только требуем обнадеживания перво, подлинно ль они войну станут продолжать до возраста короля французскаго, буде не могут со всеми, то хотя с англичаня не помирятся ль до тех мест»³. Таким образом, Россия старалась получить гарантии, позволившие бы ей ней-

¹ Россия и Испания... Т. 1. – С.67.

² В поддержку Швеции Англия даже дала свой флот против России на Балтике в 1718 и 1719 гг., однако он был значительно ослаблен войной с Испанией, и поэтому адмирал Норрис не решился на активные действия против русской эскадры – «хотя англичане имели викторию получить (в сражении с испанским флотом у мыса Пассаро), однакож не без урону для себя находят, и будто весьма тринадцать кораблей линейных требуют починки». *Бобылев В. С.* Внешняя политика... – С. 95.

³ Этот рескрипт приводится в: *Ламанский В.И.* О славянах... – С. 188.

трализовать двух своих основных противников: Швецию и Турцию. Однако затянувшаяся Северная война связывала руки России, дальность расстояния затрудняла возможность непосредственной военной поддержки, а успехи Англии в северных делах и полное подчинение Франции ее политике мешали российской дипломатии действовать в пользу Испании. В результате Нарышкин был возвращен с пути, и переговоры отложены. В 1720 г. Петр I решил отправить в Испанию графа Головкина, однако Испания подписала в Гааге мирный договор, и это назначение было отменено. Согласно этому договору, были признаны права инфанта Карла на герцогства Пармы, Пьяченцы и Тосканы, на чем так настаивала Изабелла Фарнезе, однако Австрия выступала против его инвеституры, и конгресс в Камбре, назначенный на октябрь 1720 г., до начала которого следовало урегулировать этот вопрос, не был открыт вовремя¹. 13 июня 1721 г. Испания подписала Мадридский трактат с Англией. Таким образом, Испания присоединилась к Четверному союзу, а кардинал Альберони был смещен со своего поста.

В 1721 г. Петр I в плане общего расширения внешнеполитических и торговых связей с западноевропейскими странами отправил во Францию, Испанию и Голландию капитана П. Бределя с грамотами к правительствам этих государств, извещавшими их об окончании Северной войны и заключении мира со Швецией. В январе 1722 г. он был уже в Париже, а 8 февраля прибыл в Мадрид. Бредель вручил грамоту Петра I государственному секретарю маркизу де Гримальдо²

¹ La érosa... – P. 593-597.

² Хосе де Гримальдо и Гутьеррес де Солорсано сделал блестящую карьеру при мадридском дворе. Он родился в Мадриде в 1660 г. в семье чиновника, родом из Бискайи. В 14 лет он был взят на должность ученика в совет по делам Индий, в 1696 г. занял младшую чиновничью должность в Совете по иностранным делам, а впоследствии – в Военном совете. Маркиз де Каналес, возглавлявший Военный совет, назначил его секретарем по военным и хозяйственным делам, а в 1714 г. возглавлявший прави-

и, дождавшись ответной, уже 25 февраля покинул Испанию. В грамоте, которую Бредель привез испанскому королю Филиппу V, говорилось: «Мы желаем с вами дружбы и доброй корреспонденции..., между нашими государствами может процветать доброе купечество к приращению обоих государств и к пользе подданных наших»¹. Русский посланец был весьма дружественно принят в Испании: он имел беседу с Гримальдо и сообщил ему мнение российского правительства о том, что «...ныне случай есть между обеими нациями иметь доброе купечество»². В ответной грамоте, адресованной русскому государю, испанский король заверял, что имеет «истинное старание» заслужить «дружбу и корреспонденцию» и выражал желание «способствовать впредь к наивысшему благу и пользе обоих государств»³. В записке, поданной в КИД, Бредель сообщил о готовности испанского правительства установить дипломатические отношения с Россией. Об этом же сообщал и российский посланник в Гааге Б.И. Куракин⁴.

Основываясь на полученных сведениях, Петр I принял решение отправить в Испанию постоянного дипломатического представителя России, и выбор его пал на представителя влиятельнейшего на рубеже XVII-XVIII вв. рода князя Сергея Дмитриевича Голицына (10.6.1696 – 1.7.1738).

тельство Орри сделал его секретарем только созданного Секретариата по государственным делам. С появлением на политической сцене Испании кардинала Альберони, который взял в свои руки реальное управление государственными делами, Гримальдо стал кем-то вроде личного секретаря Филиппа V. *Badorrey Martín B. Los orígenes...* – P. 36, 39.

¹ Архив Внешней Политики Российской Империи (Далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Испанией (Далее – СРИ). Д. 58. Л. 1.

² Там же. Д. 62. Л. 1-5.

³ Там же. Д. 12. Л. 1-2.

⁴ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор...* – С.164.

Род Голицыных вел свое начало от великого князя Литовского Гедимина, а основателем фамилии считался боярин Михаил Иванович Голица, прославившийся в годы правления царя Ивана Грозного¹. Его сын, Юрий Михайлович Голицын, был боярином и наместником псковским, участвовал во многих походах Ивана Грозного и отличился при взятии Казани. Его сыновья, внуки и правнуки также были боярами уже при Федоре Ивановиче, Борисе Годунове и Михаиле Федоровиче Романове. Боярином царя Алексея Михайловича был и дед Сергея Дмитриевича Михаил Андреевич Голицын (1630-1687), из семерых детей которого двое были отмечены особым влиянием и известностью в годы правления Петра I².

Отец Сергея Дмитриевича Дмитрий Михайлович Голицын (3.6.1665 – 14.4.1737), крупнейший государственный деятель петровской эпохи, по определению Е.П. Карновича, «один из умнейших и образованнейших людей в тогдашней России»³, прожил жизнь яркую и бурную. Выросший и воспитывавшийся в условиях и традициях старой боярской среды в эпоху всемогущества своего двоюродного брата князя Василия Васильевича Голицына⁴ он до конца дней своих ос-

¹ В битве под Оршей (10.4.1514 г.) он был взят в плен и тридцать восемь лет пробыл в неволе, получив свободу только в 1552 г. Польский король Сигизмунд, отпуская его, писал Ивану Грозному, что, «почитая себя обязанным уважать величие душевное не только в своих вельможах, но и в чужеземных, дарует свободу знаменитому воеводе отца его, а все прочие знатные пленники, полоненные в битве под Оршей, давно лежат в могиле». Царь с великим почетом встретил кн. Голицу, но престарелый боярин, изнуренный многолетним заточением и долгим путем, удалился в Троице-Сергиеву лавру, где постригся под именем Ионы. *Спиридов М.Г.* Сокращенное описание служеб благородных российских дворян. – М., 1810. – С. 76.

² Род Голицыных в истории России // Материалы I Голицынских чтений. – Большие Вяземы, 1994. – С. 19-21.

³ *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. – СПб., 1874. – С. 91.

⁴ Род Голицыных... – С. 23-27.

тался защитником этих родословных традиций, с презрением относившимся к иноземцам и случайным людям своего времени. Во многом не симпатизируя петровским реформам, он сумел воспользоваться лучшими их плодами¹. Его библиотека и музей, по свидетельствам очевидцев, были самыми богатыми в то время после библиотеки графа Брюса. По его поручению были переведены многие из политических и исторических европейских писателей. В 1718 г. он был назначен президентом Камер-коллегии, а в 1722 г. пожалован тайным советником и сенатором. Екатерина I, взойдя на престол, пожаловала его титулом действительного тайного советника, а в январе 1727 г. наградила орденами Св. Апостола Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. Дмитрий Михайлович был одним из наиболее влиятельных вельмож в правление Петра II, а после смерти последнего, входя в Верховный Тайный совет, являлся одним из инициаторов избрания Анны Иоанновны².

¹ В 1694 г. в чине капитана он был зачислен в Преображенский полк, а в 1697 – отправлен в Италию, где обучался навигации. В 1701 г. Петр направил его посланником в Константинополь, а по возвращении в 1704 г. был снова назначен посланником, на этот раз в Польшу и Саксонию. Вернувшись на родину в 1707 г., он получает пост киевского воеводы, а затем и губернатора. Там при содействии киевской Академии наук он продолжил свое образование и собирание библиотеки, которую по возвращении в 1718 г. в столицу отправил в свое имение в Архангельском. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства... С. 91; *Долгоруков П.* Родословная книга. – СПб., 1856. – Ч. 1. – С. 311.

² Но через шесть лет она не пощадила его. В 1736 г., престарелый и больной, он был привлечен к суду по делу своего зятя князя К. Кантемира и приговорен к смертной казни, которая была заменена на заточение в Шлиссельбургской крепости с конфискацией всех его владений, в том числе и Архангельского, которое было пожаловано кн. Б.Г. Юсупову. В крепости он и умер в апреле 1738 г. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства... – С. 92. Не менее известен был его брат, фельдмаршал М.М. Голицын, ставший во времена Петра II президентом Военной коллегии, сенатором и членом Верховного Тайного совета.

В 1695 г. Дмитрий Михайлович женился на княжне Анне Яковлевне Одоевской. У них было трое детей, старший из них – Сергей. Подобно своему отцу, дети получили блестящее образование за границей¹. Сергей Дмитриевич, вернувшись на родину, в 1722 г. женился на Прасковье Ивановне Нарышкиной, и в том же году, в возрасте 26 лет, был назначен первым российским постоянным представителем при мадридском дворе². Во многом этому способствовали связи отца и дяди.

При его назначении была выработана инструкция (14.7.1722), из которой следует, что сама Испания, потерявшая после войны «за испанское наследство» бывшее могущество, мало интересовала Россию. Ему не было дано никаких политических поручений, если не считать задачи достигнуть признания испанским двором императорского титула российского государя. Признание императорского титула за русскими царями было неотделимо от признания новых границ России после Северной войны и свидетельствовало о ее возросшем международном авторитете. Вопрос о признании императорского титула стал для Петра I и его наследников формально принципиальным при установлении и развитии отношений с другими государствами. В 1722 г. Пруссия и Голландия признали титул нового императора, в 1723 – Швеция, в 1724 – Дания, в 1741 – Турция, в 1742 – Англия, в 1744 – Франция³. Значительно большее внимание руководители русской внешней политики уделяли вопросам, связанным с ее отношениями и возможными союзами с такими

¹ В РГАДА находится одно письмо (18.4.1718 г.), которое С.Д. Голицын, направленный в числе других недорослей на учение, написал царскому комиссару в Данциге П.Н. Готовцеву. РГАДА. Ф. Госархив. Переписка разных лиц. Д. 168. Л. 10.

² Об этом уже в марте 1722 г. писал французский посланник в России Кампредон кардиналу Дюбуа. – Т. 49. – 1885. – С. 78, 81.

³ Некрасов Г.А. Роль России... – С. 308.

державами, как Англия и Франция. Инструкция предписывала С.Д. Голицыну «розведывать... в какой дружбе и обезательствах король гишпанской обретается с другими державами, а наипаче с Франциею. И не намерен ли оной начать войну в Италии с цесарем или с Англиею для получения от оной Гибралта и порта Могона»¹.

Голицын пересек границу Испании в начале мая 1723 г. и 15 мая прибыл в Мадрид. Он направил письмо маркизу де Гримальдо с уведомлением о прибытии. 21 мая, получив ответ государственного секретаря, он отправился в загородную резиденцию испанских королей дворец Аранхуэс. На 23 мая ему была назначена аудиенция у Филиппа V, королевы и членов королевской семьи². Молодой российский посланник внимательно относился к поручениям, данным ему правительством. В донесении, описывавшем эти аудиенции, Голицын подчеркивал, что российского государя именовали «против прежняго обычая, а имянно Царское в-во»³. В ответном письме на это донесение вице-канцлер граф А.И. Остерман наставлял его: «Не в указ, но из особливаго моего к в. св-ти доброжелательства, мнение мое предлагаю: что надлежит в. св-ти при гишпанском дворе о признании е. в-ва за императора стараться таким образом, как о том в данной вам инструкции отображено»⁴.

Донесения Голицына 1724-1725 гг. содержат анализ внешней политики Испании, и прежде всего ее отношений с Англией, Францией и Австрией. Он прибыл в Испанию, когда завершался Камбрейский конгресс, который должен был урегулировать отношения Испании с членами Четверного

¹ Россия и Испания... – С. 71-76.

² См. переписку Голицына с КИД в: Россия и Испания... – С. 110-111.

³ Там же. – С. 111.

⁴ Письмо Остермана Голицыну от 24.7.1723 г. Опул. в: Оснадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым. – М., 1869. – Кн. 3. – С. 135-136.

союза. Испания настаивала на возврате ей Гибралтара и на инвеституре инфанта Карла на Парму, Пьяченцу и Тоскану. Император всячески противился этому, а герцог Орлеанский, подписавший в 1721 г. договор с Испанией, лениво подталкивал Англию и Австрию к уступкам. Англия же обещала вернуть Гибралтар только в обмен на часть испанских владений в Санто-Доминго или Флориде. Скорейшего решения вопросов желала только Испания. Подобная ситуация на Камбрейском конгрессе продолжалась до начала 1724 г. Это и подметил Голицын, приехавший в Мадрид весной 1723 г. «Мнение о войне имелось здесь генерално, – сообщал он Петру I, – а имянно, между господами алиятами Четверного алиансу, понеже ради протяжности Камбрейского конгрессу и тягостей стороны цесарской в даче инвеститур известных принцу Карлу на княжении в Италии поставляли зато, якоб со стороны цесарской токмо искано время выиграть, а намерения по оному не имелось. Також и Португалия якоб находилоя в некоторой опасности со стороны Гиспании, хотя здесья ничего откровенного¹ не видимо было»².

Начиная с конца 1723 г. еще одна тема получила развитие в отношениях двух стран. Речь шла о браке сына Филиппа V, наследника испанского престола, Фердинанда и дочери Петра Наталии. По условиям брачного контракта, предложенного испанской стороной, Петр должен был выделить Наталии в самостоятельное государство часть прибалтийских территорий России, а в случае смерти Алексея Петровича объявить принца Фердинанда наследником российского престола. Филипп направил Петру личное послание, в котором просил руки дочери Петра и обещал «учредить крепкой союз и трактат о комерции». Филипп предложил герцогу Пармы Франциско Фарнезе – а интересы испанского и пармского дворов после женитьбы Филиппа V на его племяннице Иза-

¹ АВПРИ. Оп. 58. Ф. СРИ. Д. 70. Л. 10-12.

² Донесение от 17(28).2.1724 // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 76. Л. 76-64.

белле Фарнезе совпадали – стать посредником при заключении этого брака. А поскольку испанского посланника в России еще не было, то выполнение этой миссии было возложено на пармского посланника в России патера Ф. Арчелли¹. Петр был заинтересован в этом браке. 16 января 1724 г. он пишет Куракину: «...того ради зело б мы желали, чтоб сей жених нам зятем был...»². Официальный ответ Петра I был вручен В. Долгоруковым Ф. Арчелли 4 апреля 1724 г. В ответе выражалось его согласие на брак, но указывалось, что чисто по религиозным причинам он сможет поддержать кандидатуру Фердинанда лишь на польский престол³.

Российский посланник указывал, что в конце 1723 г. резко изменилось положение Испании по отношению к другим европейским странам, причиной чему стала смерть герцога Орлеанского (2.12.1723). Он тут же был заменен своим основным противником, герцогом Бурбонским, активным сторонником близкого сближения с Испанией. Результатом этих перемен стало то, что 7 января 1724 г. император Карл VI наконец-то решил пожаловать инвеституру сыну Изабеллы Фарнезе. Таким образом, последнее препятствие к открытию Камбрейского конгресса было устранено⁴. Но тут произошло еще одно событие «сколь неожиданное, столь и ошеломляющее для всех европейских дворов»⁵ – 24 января 1724 г. король Филипп V отрекся от престола в пользу своего старшего сына Луиса I. Все противоречия между державами

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 76. Л. 12-14.

² Ламанский В. О славянах... – С. 202.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 70. Л. 22. Переговоры продолжались до февраля 1725 г., а 17 марта Екатерина I направила герцогу Фарнезе послание, в котором сообщала о смерти принцессы Наталии (Л. 27-28), и переговоры потеряли всякий смысл. В мае 1725 г. Ф. Арчелли вынужден был покинуть Россию, а в 1729 г. Фердинанд женился на португальской принцессе Барбаре де Браганса.

⁴ Baudrillat A. Philippe V... – P. 513-535.

⁵ La época... – P. 596.

«угасли, вначале чрез смерть дука Орлеанса, к тому же и чрез прошедшую здесь ныне перемену в правлении государства сего, и весма ныне по силе время приметится трудно, – заключал Голицын, – куда дела сии обратятся могут»¹. Европейские дворы полнились слухами – в чем причина этого поступка короля: то ли в сомнении в законности своих прав на испанский престол, то ли в холодном расчете – в надежде быть свободным к тому моменту, когда освободится французский трон, то ли в неврастении и отвращении к власти. Этими же слухами питался и Голицын. «Что касается до причин, для каких такая чрезвычайная перемена в Гишпании учинилась, оных ведать велми трудно, однакож генерално везде сие поставлялось за не какую двора сего неизведомую политику и надеялись видеть вскоре конца оные, хотя без всякаго фундаменту, ибо сие время никакого еще отнюдь виду к сему не является», – сообщал он шифром в Петербург².

Отречение Филиппа V было основано на личных, скорее религиозных мотивах. Оно было принято давно и откладывалось королем только до момента, когда инфант Луис достигнет совершеннолетия³. По свидетельству французского посла в Мадриде князя Сен-Симона, испанский король был человеком «холодным, молчаливым, печальным, сдержанным... он боялся окружающего его мира и боялся самого себя...»⁴. Изабелла Фарнезе же, напротив, по мнению современников, была «амбициозной, цепкой, волевой итальянкой, воспитывавшейся в пармском “захолустье” и более похожей на немку-мать. Она была создана для того, чтобы командовать и чтобы ей все подчинялись»⁵. Голицын неоднократно

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 76. Л. 64

² Донесение Голицына Петру I от 23.3/3.4.24 // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 76. Л. 81. См. также: *Domínduez Ortiz A. Carlos III...* P. 19.

³ *Baudrillat A. Philippe V...* – V. 2. – P. 550-571.

⁴ *La época...* – P. 579.

⁵ *Jacquet J.-L. Les Bourbons d'Espagne.* – Lausanne, 1968. – P. 79.

писал, что король во всем слушается королеву¹, которая собственно и является главной движущей силой испанской политики. Дипломат указывал, что они никогда не разлучаются друг с другом и их всегда можно встретить только вдвоем. Тем большее волнение при дворе вызвал факт болезни короля и то, что королеву по этой причине разлучили с супругом². Она очень опасалась падения на него своего влияния и того, что ее сыну, инфанту Карлу не достанется в Европе достойного его трона.

Вступив на престол, Луис I сменил государственного секретаря, назначив на это место Х.Б. де Орендайна³, чья активная деятельность не осталась незамеченной. «Совет кабинетной, – писал российский посланник, – часто по дважды в день собирается и прилежно трудится возставить флот здешней и привести в доброе состояние морские дела сего государства, но еще по сие время ничего не видится». В его донесениях встречается и картина полной разрухи, царившей в Испании – разрухи в армии, где недостает офицеров и «солдаты множеством разбегаются», разрухи во флоте, где «кораблей налицо едва около 15 числом находится, и из оных большая половина негодных»⁴.

В донесении от 29.5/25.6.1724 г. он докладывал о намерении испанского двора направить «министра» в Россию⁵.

¹ Об этом же позже сообщал и Щербатов. «Король здешней велми склонен х королеве». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 76. Л. 248.

² Донесение Голицына Петру I от 23.11/4.12.1724 // *Там же*. Д. 76. Л. 215.

³ Хуан Баутиста де Орендайн и Аспиликуэта, родом из баскской провинции Гипускоа, начал свою административную карьеру у Гримальди, переходя вместе с ним из Совета по делам Индий в Военный, а далее – в Совет по государственным делам, где он уже занимал официальную должность. *Badorrey Martín B. Los orígenes...* – P. 50.

⁴ Донесение Голицына от 11/22.5.1724 г. // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 76. Л. 99.

⁵ *Там же*. Л. 121.

Об этом же он сообщал и в донесении от 31.8/11.9.1724¹, однако тогда это назначение не состоялось.

Луис I продолжил переговоры на Камбрейском конгрессе. В апреле 1724 г. Испания и Австрия через посредничество Англии и Франции предъявили друг другу требования. Однако к согласию они не пришли – напротив, их отношения настолько испортились, что все боялись разрыва. Его удалось избежать только из-за внезапной смерти Луиса I (31.8.1724) от оспы, а на испанский трон снова вернулся Филипп V.

К этому времени отношения между Испанией и Францией заметно потеплели. Герцог Бурбонский направил в Испанию послом старого знакомого Филиппа V маршала де Тессе. Тот пользовался большим влиянием на испанского монарха и, как считал Голицын, «оной не токмо такую власть имел в правлении дел всех во время государствования короля преставившегося, но и ныне ничто яко важное без его совету не чинится и при нынешнем случае оной чрез свои предложении не токмо короля сюда из своего уединения приехать склонил, но и чрез немалые свои труды е. в-во преодолел воспрять корону». Филипп колебался, а «маршал отбивал мнение, которое король имел объявить сына своего принца Фердинанда королем, а сам паки желал возвратица по-прежнему»².

Прошел год его пребывания в Испании, и уже в начале августа 1724 г. молодой дипломат отправил Остерману письмо, в котором сообщал о своем желании покинуть Испанию и возвратиться в Россию³. Однако тогда его желанию не

¹ «И сие могло конечно состояца, ежели б не смерть короля владеющаго заступила, ибо как заверно о сем известно, оное намерение в кабинетном совете располагаемо было надвое». *Там же*. Л. 161.

² *Там же*. Л. 161-162. Об этом упоминает также: *Domínguez Ortíz A. Carlos III... – P. 20.*

³ В ответе на это письмо Остерман писал ему 15 сентября 1724 г. из Санкт-Петербурга: «...усмотрел я паки ваше требование об отъезде в св-

суждено было исполниться: в январе 1725 г. Петр I скончался, а взошедшая на престол Екатерина I пожелала, чтобы он продолжал занимать свой пост¹. Но Остерман настойчиво продолжал добиваться обещанного семье Голицыных. Он составил докладную записку, в которой утверждалось, что Россия не может извлечь никакой пользы из союза с Испанией и не нуждается в поддержании с ней дипломатических отношений². Рассмотрев эту записку, Верховный тайный совет 30 марта 1725 г. постановил: «С гишпанским двором корреспонденцию продолжать, а министра оттуда отозвать». Но при апробации постановления совета императрица повелела «министру в Гишпании еще б побыть»³. Только через год она рассмотрела прошение Голицына и 5 февраля 1726 г. подписала рескрипт и его отзывные грамоты. Он оставался в Мадриде до конца апреля 1726 г. Получив прощальную аудиенцию у Филиппа V и отпускные грамоты у нового государст-

ти из Гишпании сюда, в чем я по совету с родителем вашим, милостивым моим государем кн. Д.М. во истину старания своего иметь не оставлю; но потребно к тому, как я вам наперед доносил, изыскивать удобное время; а ежели в. св-ть желаете, чтобы оное конечно без продолжения исполнено было, то извольте о том написать доношение к е. и. в-ву, означа в оном имянно причины, для которых вы тамо больше жить не в состоянии, и оное прислать на мои руки, а я, посоветовав с родителем вашим, употреблю то доношение ваше к докладу е. и. в-ву и буду трудиться, дабы в. св-ти в прошении желаемое удовольствие воспоследовало». Оснадцатый век: Исторический сборник. (Изд. П. Бартенева). – 1869. – Кн. 3. – С. 143.

¹ О чем ему сообщалось рескриптом от 13.2.1725 г. Россия и Испания... – С. 114-115.

² Что, кстати, совпало с окончанием переговоров о предполагаемой женьитьбе инфанта Фердинанда на дочери Петра Наталии.

³ Эта позиция российского правительства излагается М.С. Альперовичем, хотя, нам кажется, что вряд ли в данном случае речь шла, как утверждает автор, о том, что «правительство Екатерины I первоначально склонялось к свертыванию русско-испанских связей». См.: *Альперович М.С. Россия... – С. 8-9.*

венного секретаря герцога де Рипперды, он отправился в Россию и прибыл в Петербург в ноябре 1726 г.¹

Голицын вернулся на родину, когда его отец и дядя находились в зените своего могущества, и потому занял довольно заметное положение при дворе нового российского государя Петра II. В ознаменование его вступления на престол в 1727 г. он был пожалован камергером², а в 1728 г. удостоен ордена Св. Александра Невского. Враги Голицыных, Долгорукие, используя свое влияние на Петра II, постарались удалить молодого князя из Москвы, и в 1729 г. ему было предложено управление Сибирью, от чего он отказался. В ноябре 1729 г., когда власть Долгоруких достигла наивысшего предела, его направили посланником в Берлин³. Он находился там до 1731 г., а по возвращении, до переезда двора в Петербург, являлся президентом Финанс-коллегии и выполнял некоторые дипломатические поручения Анны Иоанновны⁴. В августе 1734 г. он был направлен послом в Персию⁵, где 10 марта 1735 г. в лагере под г. Генжею заключил с Тахмасом Кулиханом трактат, возвращавший под прежнее владение Персии города Баку и Дербент с уездами. Когда он вернулся из Персии, то снова был при дворе, но в июле 1737 г. в связи с опалой своего отца был назначен губернатором Казани. Пробыл Голицын там недолго: 1 июля 1738 г. он отпра-

¹ Россия и Испания... – С. 115.

² Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. – СПб., 1900. – С. 7, 10; СРИО. – Т. 3. – С. 470-471.

³ Оснадцатый век... Кн. 3. – С. 133. «Полагают, – писал секретарь английского консула К. Рондо, – что это уладили Долгорукие из опасения, как бы умный молодой Голицын не полюбился царю». СРИО. – Т. 66. – 1889. – С. 96.

⁴ СРИО. – Т. 66. – С. 324, 510.

⁵ «Отец его, – писал К. Рондо лорду Гаррингтону из Петербурга, – всячески старался упротить государыню отправить кого-либо другого, но старания его остались напрасными. Некоторые думают, что отправят именно Голицына, не потому ли, что у него слишком много друзей в Москве». Там же. – С. 603; Т. 108. – 1900. – С. 341.

вился на охоту и был убит ударом молнии, пережив, таким образом, своего отца всего на два с половиной месяца¹.

* * *

В Европе к этому времени коренным образом изменилась расстановка сил, которая привела к появлению двух враждебных лагерей. В 1721 г. в результате секретных переговоров было достигнуто соглашение о возобновлении альянса между Парижем и Мадридом, который должен был скрепить двойной брак: Людовика XV с испанской инфантой Анной-Марией-Викторией и инфанта Луиса с Марией-Луизой Орлеанской. Потому, говоря о внешней политике Испании этого периода, Голицын писал, что страна «во всем намерениям Франции угождать желает». Что же касается планов и замыслов Испании, то русский дипломат сообщал, что «Испания находится в весьма худом состоянии, не может ничего начать ни против кого... ибо не токмо на кого действовать наступно, но и себя защищать не может...»². Однако после смерти Луиса I в отношениях между двумя государствами стала заметна некоторая прохлада. Обещанная Францией поддержка притязаний инфанта Карла на итальянские владения не была сколько-нибудь действенной. В ответ на требование Испании поддержать его права военным путем и Англия, и Франция заявили, что они готовы сделать это только мирными способами. А главное, французское прави-

¹ Древняя Российская Вивлиофика. – М., 1791. – Т. 17. – С. 246; СРИО. – Т. 114. – 1902. – С. 351-352.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 68. Л. 114-122. Зависела от Франции, которая в этот период переживала не лучшие свои времена, и испанская торговля. «Немало купечество здешнее во Францию торгующее скучает и в разорение себе поставляет необычное в Франции в денгах умаление, – сообщал посланник Петру, – и весьма не могут применится, на чем имеет французская торговля содержатся, ибо без того кредит во Францию в денгах меж купечеством в немалом упадке обретається». Секретное донесение Голицына Петру I от 13/24.4.24. Там же. Д. 76. Л. 90.

тельство боялось, что женитьба Людовика XV на Анне-Марии-Виктории основательно повысит притязания Филиппа V на версальский трон, а потому испанская инфанта была отвергнута. Испания в ответ пошла на решительные меры: она выслала из страны французских дипломатов, отправила назад во Францию Марию-Луизу Орлеанскую и вернула своих представителей из Парижа и Камбре. Мадридский двор совершил крутой дипломатический поворот¹.

Именно в это время на сцене испанской внешней политики появился барон Рипперда². В секретном донесении от 23.11(4.12).1724 г. Голицын писал в Россию: «Минувшей недели барон Риперда, которой был прежде сего здесь послом от Республики Голландии, и, оставя свое отечество, и приняв службу при министерстве кардинала Альберони, отъехал отсюда, а куда – неведомо, токмо разглашается, якоб в Голландию с некоею миссиею»³. Рипперда, бывший тогда советником Филиппа V по экономическим вопросам и членом коро-

¹ *Baudrillat A. Philippe V... – V. 3. – P. 143-170.*

² Иоханн Вильгельм, восьмой барон Рипперда, родился в Гронингене 7 марта 1680 г. Его отец занимал высокий чин в армии Голландской республики. Будучи крещеным в католической вере, он учился в Кельне в школе иезуитов. Единственный сын, он по настоянию родителей вернулся на родину, где женился на одной из самых богатых дам Голландии. Добавив к этому полученное после смерти матери наследство, Рипперда превратился в одного из наиболее состоятельных людей страны. Человек довольно честолюбивый, для того чтобы иметь возможность сделать государственную карьеру, он перешел в протестанство. Он являлся членом законодательного собрания республики от своей провинции, в 1713 г. представлял Голландию на Утрехтском конгрессе. В 1715-1718 гг. был послом Голландии в Испании, а в 1719 г. принял испанское подданство и переехал в Испанию, где занимался предпринимательской деятельностью. *Badorrey Martín B. Los orígenes... – P. 55-56.* См. о нем также: *Syveton G. Une cour et un aventurier au XVIIIe siècle, le baron de Ripperda. – Paris, 1896; Voltes Bou P. Felipe V... – 1991. – P. 282-283.*

³ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 76. Л. 233.

левского Государственного совета, на самом деле отправился в Вену, где до марта 1725 г. вел секретные переговоры, которые завершились подписанием 30 апреля 1725 г. испано-австрийского договора, направленного против Англии и Франции¹. Этим договором император де-факто признавал Филиппа испанским королем, а его сын Карл при открытии наследства получал Парму и Тоскану. Договор означал резкий поворот во внешней политике Испании, ознаменованный отказом от альянса с Англией и Францией. Более того, Венский оборонительный договор грозил им войной против объединенных австро-испанских сил. Англия и Франция сделали попытку сблизиться с Испанией, но Гримальдо заявил англичанам: никаких переговоров без возврата Гибралтара². По возвращении в Испанию после подписания Венского договора Рипперда был назначен государственным секретарем.

А потому летом 1725 г. английское правительство организовало (в противовес Венскому союзу) новый «концерт» с Францией и Пруссией. Созданный этими государствами в сентябре того же года Ганноверский союз, предвещал дальнейшее усиление англо-французского блока и еще большее подчинение Франции задачам английской дипломатии, что снова нарушило политическое равновесие в Европе. Между венскими и ганноверскими союзниками завязалась острая дипломатическая борьба, сопровождавшаяся подготовкой к военным действиям. Оба союза стремились привлечь к себе новые государства (Россию, Голландию, Швецию и Данию). В формировавшейся новой политической системе России принадлежало важное место: в зависимости от того, к какой группировке она примкнет, создавался тот перевес сил, кото-

¹ Примирение противников позволило распустить в мае 1725 г. Камбрейский конгресс. Centralismo... – P. 187-190.

² См.: *Schop Soler A.M.* Las relaciones... – P. 11-12; *Gómez Molleda M.D.* Gibraltar... – P. 121-133.

рый требовал восстановления «европейского равновесия» и соответствующей перестройки союзов¹.

Поэтому Рипперда активизировал действия по привлечению к Венскому союзу России. В начале 1726 г. были начаты переговоры через российского посланника в Мадриде. 3 февраля 1726 г. Рипперда направил Голицыну письмо, в котором говорилось: «Король, мой государь, желает предложить русскому народу союзный договор, и с целью достичь столь высоко ценимой им дружбы он уже послал свои королевские указания своему послу при венском дворе»².

В конце апреля 1726 г., когда Голицын покинул мадридский двор, испанское правительство решило продолжить переговоры. В Симанкском архиве сохранилась подлинная грамота короля Филиппа V от 26 апреля 1726 г., в которой он уведомляет императрицу Екатерину о посылке к ее двору дона Педро, графа Ламбилли. К грамоте прилагались инструкции, датированные тем же числом и подписанные бароном Рипперда, который поставил своему посланнику совершенно определенную задачу. «На первой же личной аудиенции вам следует предложить ей заключить оборонительно-наступательный союз между королем, нашим государем, императором Римской империи и царицей, при условии, что данный союз не будет уже заключен к моменту вашего прибытия в Петербург». По замыслу барона Рипперды Ламбилли должен был убедить российскую государыню, что в случае начала Англией войны с Испанией ей следует «собрать в Архангельске мощный флот и... высадить войска на берегах Великобритании, для того чтобы таким образом мог вернуться на трон король Яков и могло быть восстановлено равнове-

¹ См.: Некрасов Г.А. Роль России... – С. 12-13; Schop Soler A.M. Las relaciones... – P. 12-13.

² Archivo General de Simancas (Далее – AGS). Estado. Leg. 6. 610.

сие в Европе»¹. Однако Ламбилли не доехал до России: положение Рипперды при дворе заметно пошатнулось, и 14 мая 1726 г. указом Филиппа V он был смещен со всех своих постов², а посол возвращен на родину. Россия же 6 августа 1726 г. присоединилась к Венскому союзу.

Еще одним важным событием апреля 1726 г. стало назначение нового российского посланника в Испанию. Им стал князь Иван Андреевич Щербатов (1696 – 2.9.1761), который уже находился в Кадисе и 14 мая 1726 г. прибыл в Мадрид.

Род Щербатовых считался в России еще более древним, чем Голицыных, и вел свое начало от самого Рюрика. Его родоначальником считался князь Василий Андреевич Оболенский-Щербатый, живший в XV в. У его внука, Василия Васильевича, было шесть сыновей, и все они оставили потомков, служивших воеводами, окольных чинами, стряпчими, стольниками, боярами. Прапрадед Ивана Андреевича, Савва Дмитриевич Щербатов, получил известность в Смутное время. В 1607 г. он был взят в плен мятежниками и замучен в Путивле за то, что не хотел подчиниться самозванцу³. А самого Ивана Андреевича П. Долгоруков называет «мужем

¹ Россия и Испания... – С. 107-108. См. также: Шмурло Е. Поиски, произведенные в Симанкском архиве // Сборник Академии Наук «Россия и Италия». – Т. 3. Вып. 2. – 1915. – С. 246; Carpio M.J. Relaciones de España con últimos Estuardos. – Madrid, 1952. – P. 38-44.

² В донесении от 9/20.5. 1726 г. новый российский посланник И.А. Щербатов докладывал: «Сие упадение или оставление рипердова министерства ненадежно было, чтоб так скоро показалось, хотя многие недруги его уже давно то искали...». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 95. Л. 28. Gómez Molleda M.D. Gibraltar... – P. 137-164. Далее судьба Рипперды совершила еще более крутой вираж. Он был посажен в крепость в г. Сеговия, откуда в 1728 г. смог бежать и через Португалию, Англию и Голландию попал в Марокко, где принял ислам и командовал войсками марокканцев против испанцев в сражении при Сеуте, где был разбит. Умер Рипперда в 1737 г. в г. Тетуане. См.: Voltes Bou P. Felipe V... – P. 292-293.

³ Всемирная Иллюстрация. – 1875. – Т. 13. – № 323. – С. 209.

большого ума и обширных познаний»¹. В 1712 г. он был назначен в солдаты в Преображенский полк, а позже послан для обучения в Англию, где находился до сентября 1721 г. Он жил там на свои собственные средства, изучая французский и английский языки, математику, астрономию и навигацию. В 1719 г. Щербатов решил пройти практику на военном английском корабле и попросил русского резидента Веселовского, чтобы его приняли во флот, отправлявшийся под командой Беркли, но получил отказ на том основании, что английское правительство будто бы решило впредь не разрешать иностранцам обучаться в Англии каким-либо наукам. Щербатов писал об этом Петру I, заверяя, что постарается не потерять времени и будет основательно изучать языки и «вступать в глубочайшие части математики»².

В 1720 г. он перевел на русский язык «*Considerations sur le numeraire et le commerce par J. Law*» под заглавием «Деньги и купечество, разсуждено с предложениями к присовокуплению в народе денег через г. Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банка в Париже» и 27 февраля 1720 г. направил письмо Петру I, в котором писал, что «дерзает поднести ему перевод книги Ляуса (Джона Лоо), побуждаемый к тому желанием услужить царю», так как знает его склонность «ко установлению художеств и купечества, також де как и наук»³.

Щербатов вернулся в Россию в сентябре 1721 г. и был определен на службу в КИД, а в начале следующего года в Коммерц-коллегию, где получил должность советника. В но-

¹ Долгоруков П. Родословная книга... – С. 119.

² Русский биографический словарь. – СПб., 1912. – Т. 24. – С. 98; СРЮ. Т. 11. – 1873. – С. 233.

³ По мнению Щербатова, из перевода этой книги можно усмотреть главные причины, способствовавшие развитию торговли во Франции и увеличению государственных доходов. Причины эти, или, как выражается Щербатов, – «предлоги», – учреждение банков и купеческих компаний. Там же.

ябре 1723 г. Петр I, стремясь к расширению внешней торговли России, решил направить его в Испанию своим представителем, чтобы выяснить возможности торговли с ней, добиться предоставления России права благоприятствующей нации¹.

Щербатов оказался в Мадриде в самый разгар скандала, связанного с бароном Риппердой. Тот, вернувшись из Вены в Мадрид, заявил о договоренности с императором на брак инфанта Карла с австрийской эрцгерцогиней. Однако на деле оказалось, что Испания, подписав договор с Веной, пошла на серьезные уступки, главной из которых стал отказ от прав инфанта Карла на наследственные владения его матери. Одновременно он пытался оторвать Францию от Ганноверского союза, вступил в контакт с якобитами и начал концентрацию войск и флота в районе Бискайи и Галисии. В ответ Англия в апреле 1726 г. направила три эскадры: в Балтийское море, Средиземное и к берегам Америки². В одном из донесений Щербатов писал: «Слышно, что флот аглинской, назначенной в Медитеранское море, 30 июня вышел, на котором якоб три тысячи солдат посажено, а куды идет и с каким намерением, время покажет». И далее: «Хотя в Каталонии войски собираются, но не вижу, чтоб война произошла сего лета, ибо с стороны французской в тех местах собранию войск не имеется»³. Щербатов считал, что Испания совершенно не готова

¹ См.: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. – Т. I. – Варшава, 1897. – С. 28.

² См.: *Gómez Molleda M.D.* Gibraltar... – P. 119-133, 137-164; *Centralismo...* – P. 190-191; *Voltes Bou P. Felipe V...* – P. 289-293.

³ От 4/15.7.1726. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 95. Л. 111. Но уже в следующем донесении он указывал: «Здесьняя королева велми склонна содержать оное с цесарем согласие, и хотя, как слышу, что король показывает ей свои резоны, что не в состоянии содержать войну, однакож якоб королева не склоняется к премирению с Францией, чему, по мнению моему, вящая причина – злоба королевина на Францию за прислание инфанты в Гишпанию». *Там же.* Л. 124.

к войне ни с точки зрения состояния своей армии, ни – общеполитической ситуации. «Здесь не только на содержание войны денег не имеется, но и ныне войске платить сполна нечем и собранные войска в Каталонии, не мню, чтоб великую победу учинили, ибо, когда б война от Франции с той стороны началась, то мнится, что сами каталонцы, будучи склонны к бунтам и неприятностям нынешнему правлению за отнятие у них многих привилегий примут оружие, не только за Францию, но и за кого б нибудь, кто б здешнюю короною стал воевать»¹.

Испания в ответ начала притеснения английской торговли как на полуострове, так и в Америке, потребовала отозвать оттуда эскадру, а в январе 1727 г. вернула своего посла из Лондона и начала концентрацию войск в районе Гибралтара². В феврале испанские войска начали осаду Гибралтара, а Англия отозвала своего посла из Мадрида³. В донесении от 6(17).2.1727 г. Щербатов сообщает об обострении отношений между Испанией и Англией. «Здесь слух происходит, – пишет он, – якоб аглинской посол подал знать гишпанскому министерству, что он имеет указ от короля, как скоро выстрел первой учинен будет против Жибралтаря, и якоб на то ему ничего не ответствовано». Испания же, по его наблюдениям, готова была начать военные действия: хотя «худые дороги умедлили прибытие пушек и амуниции в лагерь, но не сумневаются, что атака начнется вскоре»⁴. Рассуждая о по-

¹ От 4/15.7.1726. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 95. Л. 125.

² Уже в декабре 1726 г. Щербатов писал о том, что «войска из Каталонии и Арагона перебрасываются к Жибралтарю». В следующем донесении он подтверждал этот слух, но подчеркивал, что «пока не нашли способу к содержанию войск, збирающихся к Жибралтарю». Там же. Л. 253, 264.

³ La ёроса... – Р. 605-606.

⁴ При этом он не только анализирует международную обстановку, но и описывает состояние испанской армии. По его сведениям, в Кадисе уже готовы 4 линейных корабля, 3 фрегата и 6 галер. Но «в кампе их гишпанском великая мизерия. От неимению денег солдаты бегут всякой день по

зиции других европейских государств в случае обострения конфликта, он пишет, что англичане очень надеются, что Франция не останется безучастной и поднимет восстание в Каталонии и Наварре, «но мы ведомы, – продолжает далее дипломат, – что даже донныне никакого приуготовления со стороны французской нет на границах». По сведениям, поступившим из Португалии, Щербатов осведомился, что «оная корона не приступит ни к Венскому, ни к Ганноверскому трактатам, но пребудет неутре или ни на которую сторону»¹. Анализируя полученные сведения, российский посланник приходит к заключению: «Вести, полученные из Англии о резолюции парламента дать королю все субсиды, нужные для содержания компании будущей, понудили двор здешней повелеть атаку Жибралтарю учинить без всякаго замедления»².

В мае 1727 г. Англия, Франция и Австрия подписали прелиминарный договор. Когда новость об этом достигла Мадрида, в болезни короля наступил кризис³, и королева должна была признать договор и прекратить осаду⁴. Результатом этого кризиса стало изменение ситуации при мадридском дворе, о которой дипломат счел необходимым проинформировать свое правительство. «Слух здесь есть, якоб известной короля гишпанского последней тестамент между другими содержит: дабы по королевской воле королева была регент или правителница государства и разделить Гишпанию

двадцать и по тридцать человек, да множество помирает от худой пищи и воды, а гошпиталь полевой зело скудной, толко на двести человек, и в том нет постелей, ни доволного числа лекарств» // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 103. Л. 46-47.

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Л. 48.

³ У него начался очередной приступ неврастении, о чем не раз писал в Петербург российский посланник: «...будучи хотя телом здоров, но мыслею временем так слаб, что вне себя бывает». Там же. Д. 103. Л. 273.

⁴ La éроса... – Р. 607.

на две части». Щербатов поясняет эту новость так: «Старшему ево принцу Фердинанду быть королем кастильским с принадлежащими к тому государству землями, а второму сыну ево от нынешней королевы, инфанту Каролюсю – королем арагонским с принадлежащими к тому государству землями, а именно Арагон, Валенция, Каталония, Малорка и Менорка». «Что же до Напля принадлежит, – продолжал далее посланник (ибо к Арагону приписан был прежде, как римской цесарь во владении своем имел), – о том слух есть, якоб римско-цесарское в-во как Напель, так и Милан, и Сицилию намеревается возвратить во владение гишпанское на той кондиции, чтоб оной инфант Карл женился на дочери его римско-цесарского в-ва»¹. Действительно, Изабелла Фарнезе уже разработала новый план: женить Карл на австрийской принцессе с тем, чтобы впоследствии получить для него императорский трон. Результатом этих переговоров стал подписанный секретный трактат, по которому две из троих дочерей императора были обещаны испанским инфантам в жены².

Щербатов поясняет полученные им сведения. Он подтверждает информацию, которую передавал ранее Голицын, об определяющей роли королевы в политических решениях испанского двора, указывая, что она, «несмотря на все prelimинарные артикулы, и поныне содержит на сердце отмищение Франции и Англии... и склонна чрез алиацию с римско-цесарским двором как отмищение Франции учинить, так и сына своего Каролюса в намеренном учреждении по теста-

¹ Секретное донесение Щербатова от 26.6/7.7. 1727 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 103. Л. 247-248. Эта идея уже приходила в голову Филиппу V. Так, в июле 1726 г. российский посланник сообщил на родину, что король желает отречься от престола, но королева отговаривает его, поскольку, по мнению дипломата, он вряд ли сможет отречься в ее пользу. *Там же*. Д. 95. Л. 126. Через год он пишет примерно то же самое: «Королева вели беспокойна... ибо якоб она отчаивается удержать короля от ренунциации». *Там же*. Д. 103. Л. 273.

² *Domínguez Ortíz A. Carlos III... – P. 20-21.*

менту утвердить»¹. «По мнению генералному, – продолжает он, – что во исполнении вышеозначенных намерений по тестаменту, немалая трудность и невозможность находится. Ибо не только здешней народ, но и соседи гишпанские не пожелают разделения Гишпании, то есть в начале Франция все возможные меры и помехи примет»².

Окончание этой войны, с помощью которой Изабелла Фарнезе пыталась устроить матримониальные дела, сделало неактуальным союз с Империей. Потепление отношений с Францией и смерть английского Георга I привели к тому, что Испания не сняла осаду Гибралтара. Одновременно наступило охлаждение отношений с Карлом VI – он никак не торопился решать вопрос с инфантом Карлом, что вызвало необходимость в поддержке Испании Францией и Англией³. В декабре 1727 г. Щербатов наконец узнал, что «здешней двор принял резолюцию... от Жибралтаря велеть войскам гишпанским отступить»⁴.

Щербатов сообщал еще об одной важной реформе, которую провел король в области государственного управления: он отменил обычай, когда гранды занимали все высшие посты в государстве, и на должности государственных секретарей назначал дворян средней руки. Дипломаты при испанском дворе общались в основном с государственным секретарем по иностранным делам, который занимался проблемами внешней политики и имел право решать все дела непосредственно с королем. С 1714 г. секретарем по государственным делам был маркиз де Гримальдо⁵, которого с 1726 г.

¹ Секретное донесение Щербатова от 26.6/7.7. 1727 г. // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 103. Л. 248.

² Там же. Л. 250.

³ La érosa... – P. 607-609; *Voltes Bou P. Felipe V...* – P. 317-319.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 103. Л. 353-354.

⁵ Следует учесть, что были периоды, когда государственная власть была сконцентрирована в руках фаворитов Альберони (1717-1721) и Рипперды

сменил маркиз де Орендajn. Оба из басков, они имели репутацию покровителей интересов своей провинции, особенно в ее сближении с Англией¹. Эту особенность подметил и Щербатов, анализируя ситуацию при испанском дворе и позиции государственных секретарей. «Многие о нынешнем здешнем правлении производят глухие или тайные разговоры и от гишпанцов непокорность кажется и недовольство, будучи оные больше склонны к дружбе с Франциею, нежели инако толко ж до сего времени мало действительны те разговоры о неимении грандэспан в правлении силы и участия, да и почесть оных неково, ибо по правде можно сказать, что они как мнят о себе разумны и велики, то так глупы и малы»².

Венский договор 1725 г. не приблизил Испанию к достижению ее целей. Из сближения с Австрией ничего не вышло. Главной причиной стало то, что в феврале 1729 г. Карл VI дал окончательный отрицательный ответ³. Русское правительство отклонило испанский проект о всеобъемлющем участии в этой коалиции. Пропагандируя австро-русскую коалицию, А.И. Остерман одновременно был против союза с Францией, придерживаясь принципа сохранения политического «равновесия» между Австрией и Францией как самыми могущественными государствами на континенте. Одновременно он желал восстановить дипломатические связи с Англией, Швецией и Данией⁴. Таким образом, в России союз с Австрией мыслился больше для борьбы против ту-

(1722-1726), которые формально не занимали должности секретаря по государственным делам.

¹ La éроса... – P. 444; *Voltes Bou P. Felipe V...* – P. 289.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 103. Л. 249.

³ La éроса... – P. 610. А в январе 1729 г. состоялось двойное бракосочетание инфанта Фердинанда с португальской принцессой Барбарой де Браганской и португальского инфанта Жозе (будущего короля Жозе I) с испанской инфантой Анной-Марией-Викторией, отвергнутой Людовиком XV. *Voltes Bou P. Felipe V...* – P. 320.

⁴ Некрасов Г.А. Роль России... – С. 204.

репкой агрессии, а не против Ганноверского союза. Противоречия внутри этого союза привели к его распаду, а его участникам удалось оторвать Испанию от Австрии, и Испания вновь вернулась к идее союза с Францией. 9 ноября 1729 г. она подписала с Англией и Францией Севильский оборонительно-наступательный союзный договор. Договор подтверждал старые торговые привилегии англичан и французов в обмен на поддержку итальянских амбиций¹. «Королева думала только о фамильных союзах и об утверждении своего сына Карла в Италии, – заключал американский историк С. Кон. – Когда она поняла, что нет никакой возможности добиться этого союзом с Австрией, она без колебаний пожертвовала Гибралтаром и торговлей с Индиями, чтобы заручиться дружбой и помощью Англии»². Таким образом, династические интересы испанского двора возобладали над интересами государственными.

Венский договор был разорван, в феврале 1730 г. Австрия прекратила дипломатические отношения с Испанией, а в апреле Анна Иоанновна, уступая требованиям Австрии, направила грамоту Филиппу V, уведомляя его об отзыве И.А. Щербатова. В донесении, отправленном в Испанию 3 июля 1730 г., де Лириа сообщал: «Я узнал положительно, что причиной отозвания от нашего двора князя Щербатова было желание угодить Венскому двору, который хотел этого, чтобы показать всем, в каком тесном союзе находится он со здешним двором»³. Его собирались назначить на место Голицына в Берлин, но он просил разрешения вернуться в Мо-

¹ В августе 1731 г. английская эскадра доставила инфанта Карла в его владения в Парме и Тоскане. *Voltes Bou P. Felipe V...* – P. 322-327.

² *Conn S. Gibraltar in Spanish Diplomacy in the XVIII Century.* – New Haven, 1942. – P. 111.

³ Цит. по: *Оснадцатый век...* – Т. 3. – С. 89. «Оно (отозвание. – *О.В.*) было сделано так секретно, что герцог де Лириа узнал о нем только дня два три тому назад, чем крайне недоволен», – писал К. Рондо. СРЮ. – Т. 66. – С. 204-205.

скву. 29 августа Щербатов выехал из Мадрида, а 9 февраля 1731 г. прибыл в Москву, где на следующий день был представлен императрице.

По возвращении в Россию его карьера развивалась крайне успешно. В том же году Щербатов был отправлен чрезвычайным посланником в Константинополь¹, где пробыл около года. Оттуда он регулярно писал Бирону и Остерману и просил Бирона, чтоб «и его содержать в своей милостивой протекции»², и в 1732 г. вернулся на родину. В 1733 г. он был произведен в статские советники и назначен вице-президентом Коммерц-коллегии, а осенью того же года принял участие в рассмотрении проектов о торговле с Англией. С 1734 по 1739 г. он являлся президентом Юстиц-коллегии и членом комиссии для составления нового Уложения³.

В мае 1739 г. он был направлен полномочным посланником в Великобританию. Незадолго до этого он женился на Прасковье Ивановне Стрешневой, родной сестре жены А.И. Остермана, и пользовался расположением своего нового родственника. В связи с этим 6 июня 1739 г. секретарь саксонского посольства в России Зум писал саксонскому королю: «Князь Долгорукий не едет более в Англию, а на его место назначен князь Щербатов. Он долго был за границею и владеет языками: французским, английским и испанским. Он президент Юстиц-коллегии и, женившись на сестре графини Остерман, сделался свояком е. с-ва графа Остермана»⁴. При

¹ Цит. по: Оснадцатый век... – Т. 3. – С. 239, 331.

² Письмо Бирону от 16.12.1731 // РГАДА. Фонд XI. Госархив. Переписка разных лиц. № 493. Л. 1.

³ Как президент Юстиц-коллегии он принимал решение о заточении в Шлиссельбургскую крепость отца С.Д. Голицына. СРИО. – Т. 106. – 1899. – С. 161-162; Т. 108. – 1900. – С. 24, 110; Т. 117. – 1904. – С. 9-10.

⁴ СРИО. Т. 20. – 1877. – С. 114. Однако К. Рондо давал ему несколько другую характеристику: «Здесь он считается знатной особой, как родственник графу Остерману по жене. Он пьет и болтает много, но редко кстати». Там же. – Т. 80. – 1892. – С. 503.

назначении в Англию Щербатов был пожалован в действительные камергеры, а 12 августа 1741 г., в день рождения малолетнего императора Иоанна Антоновича, был произведен в тайные советники¹.

Вступившая на престол Елизавета Петровна послала ему рескрипт, чтобы он старался разведывать обо всем, что происходит в Лондоне и какие бывают в парламенте толки о положении дел в России по случаю ее воцарения. Однако вскоре она решила вернуть его в Россию², и 5 августа 1742 г. он покинул Лондон³, однако уже 20 июня 1743 г. императрица решила отозвать Нарышкина и вернуть туда Щербатова, «яко тамо уже лучше всякаго другаго знакомаго и у милорда Картерета в конфиденции находящегося»⁴. 20 июня был подписан указ КИД, а 15 июля – верительная грамота. Получив прежнее жалованье в 6000 рублей в год и 5000 рублей на экипаж, в октябре 1743 г. Щербатов снова приехал в Лондон.

¹ Волков Н.Е. Двор... – С. 176; СРИО. – Т. 91. – 1894. – С. 238; Т. 96. – 1896. – С. 327; Т. 126. – 1907. – С. 589.

² 26 декабря 1741 г. английскому королю была направлена отзывная грамота Щербатова, а на его место назначен князь Нарышкин, который в начале февраля прибыл в Лондон. Слухи о его отставке ходили еще осенью 1741 г. Шетарди писал, что это состоится «вследствие распутства, которому он предается, ежедневно напиваясь допьяна». – СРИО. – Т. 91. 1894. – С. 305, 346, 362; Т. 100. – 1897. – С. 29, 71.

³ После отъезда Щербатова из Лондона лорд Картерет встретил Нарышкина такими словами: «Хотя ваш приезд сюда приятен, только король очень был доволен князем Щербатовым». *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты... – Т. I. – С. 28. См. также: СРИО. – Т. 99. – 1897. – С. 35.

⁴ Цит. по: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты... – Т. I. – С. 29. Английский полномочный министр К. Вейч писал Картерету: «Князь вполне способен поддержать добрые отношения между дворами великобританским и русским. Вице-канцлер держится того же мнения, и мы вместе хлопотали о таком назначении». СРИО. – Т. 99. – 1897. – С. 363, 368.

На этот раз он пробыл там три года (до августа 1746 г.), но с новым государственным секретарем лордом Гаррингтоном у него сложились совершенно иные отношения, чем те, какие были у него с лордом Картеретом, и князь Щербатов даже жаловался на дурное обхождение с ним Гаррингтона¹. В результате в Лондон был назначен граф Чернышев, а осенью 1747 г., когда речь шла уже о его замене, английский полномочный посол при русском дворе лорд Гиндфорд писал из Петербурга в Лондон лорду Честерфилду: «...так как князь Щербатов назначается скоро к Дрезденскому двору, то, если в. с-ву желательно возвращение этого честного человека к вам, замена графа Чернышева легко может совершиться в непродолжительном времени»². Но в третий раз назначение Щербатова в Лондон не состоялось. В мае 1748 г. Елизавета Петровна предложила ему пост сенатора³, а 5 сентября, в именины императрицы, он получил орден Св. Александра Невского. В 1757 г. она произвела его в действительные тайные советники.

¹ СРИО. – Т. 103. – 1897. – С. 5. Но не только это стало причиной отставки дипломата. Щербатов жаловался в Петербург на поведение канцеляриста Н. Некрасова, и в апреле 1746 г. из Петербурга пришел рескрипт с указанием выслать его оттуда по причине «мотовства и шалостей». Однако канцелярист не остался в долгу и сам настроил императрице и всем министрам несколько доносов на Щербатова «о нерадении его в делах государственных, о частых пирушках и пьянстве». *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор... – С. 147; *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты... – С. 29.

² СРИО. – Т. 103. – С. 335, 438.

³ «И я надеюсь, – писал лорд Гиндфорд А.П. Бестужеву, – это будет шагом к дальнейшим отличиям этого честного человека». СРИО. – Т. 110. – 1901. – С. 29.

1.4. Миссия герцога де Лириа

В 1726 г. Россия присоединилась к Венскому договору, который рассматривался Россией как средство предотвращения агрессии со стороны Османской империи, а не борьбы с Ганноверской лигой. Наличие же России в качестве «венского» союзника изменило соотношение сил на европейской арене в пользу стран договора, что и было использовано Испанией для попытки возвращения Гибралтара. В связи с возможностью объявления Англией войны Испании Мадрид решил активизировать программу барона Рипперда, целью которой было вовлечение Российского государства в орбиту испанской политики и подписание союзного и торгового договоров. Практической реализацией этой программы стало назначение в Россию постоянного дипломатического представителя.

Через полгода после назначения Щербатова, в конце 1726 г. испанское правительство назначает на этот пост Хакобо Франсиско Фитца Джеймса Стюарта, герцога де Лириа-и-Херика, графа Тинмута, барона Босворта, испанского гранда первого класса, кавалера ордена Золотого руна, фельд-маршала и первого придворного королевского двора.

Герцог де Лириа (1696–1738) был прямым потомком королевы Марии Стюарт. Отец его, маршал Бервик, побочный сын Якова II Стюарта, бежал во Францию вместе с ним. Там, в эмиграции, родился и получил образование будущий герцог де Лириа. Во время войны за испанское наследство маршал Бервик, командуя французской армией, одержал победу над соединенными англо-австро-португальскими войсками в сражении при Алмансе, которая способствовала укреплению владычества Бурбонов в Испании. В знак благодарности испанский король Филипп V наградил его титулом герцога де Лириа и испанского гранда первого класса и вместе с тем принял на службу его старшего сына Якова, которому присвоил титул герцога де Лириа-и-Бервика. Военная

карьера молодого Лириа продвигалась стремительно: в 1718 г. 22-летнему полковнику был пожалован патент бригадира, а через 6 лет – чин генерал-майора. В 1727 г. его направляют в Россию в качестве первого испанского дипломатического представителя при императорском дворе. По окончании миссии в 1730 г. герцог становится испанским посланником в Вене, затем участвует в военных действиях в Италии. После окончания войны Лириа был назначен испанским представителем в Неаполе, где и скончался в 1738 г. на сорок третьем году жизни¹.

Цели посольства подробно разъяснены в «Инструкции», врученной герцогу королем Испании Филиппом V. Основное назначение посольства – заключение испано-русского оборонительного договора. «Мы повелеваем вам, – говорилось в ней, – приложить всю свою активность и усердие, чтобы склонить царицу и ее министров к успешному завершению переговоров на благо нас и нашего государства, поскольку это и является главной целью Вашей миссии при санкт-петербургском дворе»². Испания также желала заручиться «поддержкой русских кораблей для защиты наших (испанских) владений, флота и торговли и обещанием объявить войну тому, кто посмеет оскорбить» испанскую корону.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 104. Л. 1-62. Помимо самого герцога в состав его миссии входили шесть кавалеров, священник Бернардо Рибера, личный секретарь дон Хуан Каскос, а также слуги. Ему полагалось жалование 8000 дублонов в год (около 400 рублей), однако, как видно из писем Лириа, на достойную, по его мнению, жизнь его не хватало, более того, деньги не всегда выплачивались, обрекая дипломата на вынужденное жалкое существование. См.: *Hargreaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century Spain, 1700-1788 // A Political, Diplomatic and Institutional History*. – Totowa, 1979. – P. 22-29, 40-41, 66-67.

² В Мадриде даже продумали план, по которому должна выступить Россия. «Царица могла бы втайне или под каким-либо предлогом снарядить в Архангельске или в каком-либо другом порту мощный флот и высадить армию на берегах Англии, чтобы вернуть трон королю Якову и восстановить равновесие в Европе». Россия и Испания... – С. 118.

Испанское правительство понимало свой союз с Россией только в рамках решения этой проблемы – по всем остальным оно не желало брать на себя обязательств, подчеркивая, что «Московия из-за отдаленности имеет мало общего в делах и интересах с делами и интересами, а ее силы, хотя сами по себе значительные, не могут серьезно влиять на наши», хотя и «надлежит поддерживать с ней дружбу и доброе согласие». Это породило следующее указание: в трактате, который должны были подписать оба государства, «взаимные обязательства» должны быть сформулированы в «выражениях, более соответствующих отдаленности друг от друга наших владений и различиям интересов», а именно Испания не собиралась поддерживать притязания герцога Голштинского на Шлезвиг, как это сделали Россия и Австрия¹. Положение Испании в первой четверти XVIII в. осложнялось затяжным экономическим кризисом и почти не прекращавшимися войнами (1701–1714 – война за Испанское наследство, 1717–1720 – война против Англии, Австрии и Франции за возвращение владений в Италии). Таким образом, связывать себя лишними обязательствами, тем более военными, она не имела возможности.

Дипломату предписывалось достаточно сдержанно отнестись к идее отправления русского флота к берегам Испании. Единственное, в чем ему следовало свободно идти навстречу российскому правительству, – это в вопросах торговли, особо расхваливая ее преимущества². «Нам угодно, чтобы во всем, что не наносит ущерба нашим интересам и интересам наших подданных, а также не противоречит ранее заключенным трактатам между нашей короной и другими государствами, Вы бы шли навстречу царице и ее подданным, особенно в вопросах торговли Испании»³. Развитие

¹ Россия и Испания... – С. 117.

² Там же. – С. 117-118.

³ Там же.

торговых отношений и подписание торгового трактата было желательно, но не первостепенно. Испанская сторона осознавала, что Россия не получала никакой выгоды от отдельного союзного договора с Испанией, поэтому торговый трактат мог бы служить компенсацией.

Значительное внимание в инструкции уделялось деятельности Лириа при дворе, где следовало «постичь политику, которую осуществляют или могут осуществить в Московии посланники других государей», установить «близкие и доверительные отношения с правительственными кругами», для того чтобы быть в курсе всех переговоров и препятствовать действиям, противоречащим интересам Испании¹. Как и в указаниях другим дипломатам, отдельно оговаривается церемониал, в котором за образец следует брать императорского посла или послов других коронованных особ, но «независимо от данных ранее повелений, придерживаться этикета, существующего при московском дворе»².

Таким образом, посольство было отправлено в Россию с целью подписания выгодного Испании союзного договора и приобретения поддержки Петербурга в возможной войне с англичанами. Тем не менее от герцога де Лириа требовалась воздержанность в отношении уступок и привилегий России и соответствие содержания проектов *взаимной отдаленности государств*. Слабая заинтересованность испанской стороны заметна уже на этапе отправки посольства и позволяет видеть в этом одну из причин его неудач.

22 января 1727 г. инструкции и верительные грамоты были подписаны королем и посольство отправилось в путь. Через несколько дней он встретился с Щербатовым, которому «сказал, что он дней в 15 отсюда отправится в путь свой

¹ Россия и Испания... – С. 117.

² Там же.

к России»¹. 12 ноября испанский посланник прибыл в Петербург, а 19 декабря вручил Петру II верительные грамоты.

При отправлении герцогу выдали два экземпляра грамот – в ранге посла и в ранге посланника (полномочного министра). Вопрос о статусе испанского представителя и позже, уже в России, поднимался не раз. При том что в Испании Россия к тому времени была представлена всего лишь посланником, направление испанского представителя в Петербург в ранге посла подняло бы отношения двух государств на новый уровень. В своем дневнике Лириа отзывается об этом достаточно самоуверенно: «Царица была немало исполнена тщеславия от того, что король посылает к ней официальное посольство, а в качестве посла – человека с моим происхождением»². Тем не менее все три года в России Лириа проводит в ранге полномочного министра, несмотря на постоянные намеки русской стороны. «Русские желают, – писал он, – чтобы я принял характер посла, они воображают, что это зависит от моей воли, и так как я не принимаю его, это ставит меня в чрезвычайно щекотливое положение, они думают, что я этого не желаю по скарденничеству, чтобы избежать лишних расходов»³.

Уже через несколько дней после отправки Лириа Испания начала боевые действия под Гибралтаром, однако благодаря твердой решимости России оказать военную помощь ей и Австрии испано-английский конфликт не перерос в полномасштабную войну. В мае 1727 г. испанская армия сняла осаду Гибралтара, а Англия и Франция отказались от своих

¹ Донесение Щербатова от 30.1(10.2).1727 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. Л. 29.

² Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского 1727-1730 годов. – СПб., 1845. – С. 23.

³ Письма о России в царствование Петра II в Испанию Дука де Лириа, бывшего первым Испанским посланником при нашем дворе / Пер. с исп. священника К.Л. Кустодиева // Оснадцатый век. – М., 1869. – Т. II. – С. 47.

планов разгрома соперника. В июне герцог получил известие о том, что в Париже приняты прелиминарные условия мира. Завершение этого конфликта повлияло и на дальнейшее развитие русско-испанских отношений. Необходимость в заключении союзного оборонительного договора отпала, о чем сразу же задумался и Лириа. «Московия, – замечает он, – нам нужна только в войне с англичанами... Но во время мира их союз бесполезен»¹.

Приезд герцога де Лириа в Россию совпадал с началом царствования нового государя – Петра II – и переменой правительства, попавшего «в руки московитов», многие из которых настаивали на отказе от бесполезного союза с малоизвестной для них страной. Так как и Мадрид уже отказался от идеи связывать себя подобными обязательствами, дипломат получил указание «отложить его заключение так, чтобы не давать повода ни к неудовольствию, ни к подозрению в разномыслии»². Хотя эта цель его миссии становится уже неактуальной, он внимательно следит за политической линией Англии, которую та осуществляет в России. Так, по его мнению, именно стремление Англии ослабить Россию и отдалить ее от Венского союза способствовало переезду молодого императора Петра II из Петербурга в Москву, что он, как и многие европейские и русские последователи Петра I, считал отказом от политики Петра Великого, которое приведет к ослаблению России как великой морской и континентальной державы, и возвращению к старым, допетровским порядкам. «Нужно опасаться, – пишет он, – чтобы деньги Англии не заставили царя навсегда поселиться в Москве, тогда бы я не дал и четырех плевков за его союз... и пускай его себе возит с персами и татарами; ведь государствам Европы он не может сделать ни добра, ни зла... Обитатели новых завоеваний царя тяготятся его владычеством... Лишь только он уда-

¹ Письма о России в царствование Петра II... – С. 16.

² Там же. – С. 157.

лится, они поднимутся, и мы будем свидетелями всеобщей революции: флот и торговля погибнут... вследствие всего этого Московская монархия возвратится к своему прежнему варварству»¹. Действительно, тема могущества денег Англии характерна для записок Лириа, который почти в каждом подозрительном и противостоящем интересам Испании событии – будь то внутренние дела государства или его внешняя политика – видит руку соперника². Для возвращения Петра в Петербург Лириа прибегал к уговорам и увещаниям как его самого, так и его приближенных, а также установил слежку за действиями английского посла К. Рондо, чтобы препятствовать сближению России и Англии.

В связи с обострением испано-австрийских отношений летом 1729 г. и заключением Мадридом Севильского союза Россия и Испания оказываются фактически в противоположных лагерях. Лириа замечает перемену в отношении к нему при дворе и возросшую роль графа Вратислава, ставшего «термометром, с которым... сообразуются» другие иностранные министры³.

Де Лириа анализирует международное положение в изменившихся условиях. Он отмечает нервозность шведского двора, который «не может равнодушно наблюдать, что русские владеют всей шведской Ливонией, Эстонией, Ингрией

¹ Письма о России... – С. 20. С.М. Соловьев отнесся к этому весьма скептически, считая, что «житель Пиренейского полуострова Лириа привык приписывать английским деньгам страшное могущество, и потому первая мысль, пришедшая ему в голову, была та, что английские деньги заставят русского царя поселиться навсегда в Москве». Сам же историк склонен видеть основную причину в интригах старого дворянства, желающего вернуться к допетровским порядкам. *Соловьев С.М. История России с древнейших времен // ХРОНОС. URL: http://www.hrono.ru/libris/solov1_06.html*

² Так, деньги Англии указываются и как одно из обстоятельств падения Меншикова.

³ Письма о России ... – Т. III. – С.56.

и частью Финляндии, которую они называют Карелией». По этой причине, рассуждает он, шведский король может заключить союз против России с королем прусским, дружба которого «с этим двором сильно охладела». «Если удастся объединить эти две державы с Турцией, – размышляет далее он, – здешней монархии будет угрожать потеря ее новых завоеваний»¹. Однако сам герцог де Лириа мало верит в осуществимость подобных проектов, о чем он настойчиво предупреждает испанского государственного секретаря, поскольку Швеции для нападения на Россию нужны сильные союзники, в первую очередь – Дания, Пруссия и Польша. Однако Дания вряд ли возжелает усиления Швеции, Пруссия побоится выступления против нее Австрии, Польша никоим образом не хочет войны².

В этих условиях Лириа старается воспрепятствовать подготовке тридцатитысячного русского корпуса в помощь Австрии для военных действий на территории Италии³. А поскольку Россия твердо придерживалась союза с Австрией, продолжение русско-испанских отношений оказалось невозможным. Испанский посланник, выступавший за союз с Австрией, просил свое правительство отозвать его, считая свою миссию законченной, и вскоре после отзыва из Мадрида русского резидента Щербатова последовал приказ о возвращении на родину герцога де Лириа. Уступая его просьбам и вследствие факта отзыва российского посланника, в Мадриде было принято решение приостановить дипломатические отношения с Россией.

¹ Х. де Лириа Х.Б. де Орендайну, маркизу де ла Пас. 30.12.1728/10.1.1729 // Россия и Испания... – С. 129.

² Там же.

³ С этой целью герцог распространяет при дворе записку, в которой подробно излагает причины, по которым Россия не должна выставлять свой корпус (потеря лучших войск, ухудшение отношений с Англией, Францией, Голландией, отсутствие денег в казне ее в-ва и пр.). Отправка русских войск действительно не состоялась, однако опять по внешним причинам: Польша отказалась пропустить корпус через свою территорию.

В целом дипломатическая деятельность Лириа, несмотря на ее многогранность и активность самого герцога, не принесла Испании сколько-нибудь ощутимой выгоды, однако со времен примирения Испании с Англией отношения с «Московией» уже не представлялись Мадриду столь ценными, как раньше, поэтому их развитие всецело зависело от международной обстановки. Таким образом, Лириа был прав, утверждая, что бесполезен при русском дворе как дипломат. Что касается более перспективной сферы – торговли, то здесь герцога также ожидала неудача.

Торговый договор, не будучи первостепенной целью посольства, казался испанскому правительству достаточно важным пунктом. Однако в документах можно обнаружить двойственность в отношении к торговым связям России и Испании. С одной стороны, Лириа говорит о том, что испанское «королевство горячо желает завязать торговлю с данным государством»¹, к тому же выгоды от такой торговли действительно значительны. С другой стороны, ввиду отрицательного отношения к «московской коммерции»² противодействие договору оказывает государственный секретарь Испании маркиз де ла Пас, считавший, что «с другими нациями по тем же товарам можно вести торговлю удобнее»³. Не проявляет особой активности и русская сторона: вице-канцлер Верховного Совета Остерман, с которым Лириа вел переговоры, давал довольно неопределенные обещания.

Тем не менее Лириа добросовестно изучил все возможности торговых связей с Россией, о чем отправил подробный отчет маркизу де ла Пас. Он показывает преимущества заключения подобного договора. Во-первых, это позволит значительно экономить средства испанской казны за счет пря-

¹ Х. де Лириа Х.Б. де Орендайну, маркизу де ла Пас. Июнь (июль) 1730 г. // Россия и Испания... – С. 136.

² Письма о России ... – Т. II. – С. 163.

³ Там же. – С. 131.

мых закупок; во-вторых, покупать отборный товар непосредственно в стране; в-третьих, готовить моряков¹. Он заключал, что Испании было бы выгодно закупать в России, избегая посредников, следующие виды товаров: корабельный лес, доски для палубного настила, парусину, пеньку, корабельную оснастку, скипидар, льняное полотно, паклю, щетину, ворвань и рыбу, конопляное и льняное масло, лесные орехи. В Россию можно импортировать вина, анисовую водку, миндаль, изюм и другие продукты южного пояса. Завязать торговлю с Россией можно двумя способами: либо это делается и финансируется непосредственно короной, либо следует создать торговую компанию в Бискайе. Во второй вариант Лириа вносит интересную идею – связать торговлю с Россией и китобойный промысел, четко прописывая алгоритм действий и возможные преимущества. Герцог предлагает также составить открытую компанию торговцев на 5 лет, затем низвести ее в закрытую на 20 лет, и, наконец, сделать торговлю свободной для нации. Такие действия будут способствовать развитию интереса у испанской нации к торговле с русскими².

Как видим, Лириа приложил немало усилий для организации подписания договора. Тем не менее и это дело не было доведено до конца по политическим причинам: договор был убыточен для Англии и Голландии – основных посредников в торговле Испании, и русская сторона предпочла сохранить экономические связи с этими странами, тем более что первые торговые контакты с Испанией оказались весьма неудачными³.

¹ «Совершенно очевидно, – пишет герцог, – что для подготовки моряка одно путешествие из Испании в Архангельск даст больше, чем четыре путешествия в колонии» (Цит. по: Х. Де Лириа Х.Б. де Орендайну, маркизу де ла Пас. Июнь (июль) 1730 г. // Россия и Испания... – С. 137).

² Там же. – С. 137-138.

³ Де Лириа предупреждает о возможном противодействии со стороны этих держав, отмечая: Не может быть сомнений, что эти две державы

Попытка заключения торгового договора между Россией и Испанией показывает, что, несмотря на понимание очевидных выгод, международная обстановка и консервативность обоих государств не способствовали благополучному исходу дела. Тем не менее эта сторона миссии де Лириа раскрывает прекрасные личные качества дипломата: его компетентность во многих сферах, активность, изобретательность.

Помимо выполнения непосредственных целей посольства Лириа проявил себя в решении и других вопросов. Религиозная деятельность Лириа имела два направления: 1) улучшение положения католиков в России и 2) рассмотрение возможностей осуществления проекта православной и католической унии¹. Герцог получил указание из Мадрида разобраться с положением католиков в России. В документе отмечалось, что находящиеся в России «католики настолько бедствуют, что многие из них предпочитают покинуть страну».² Лириа опровергает это мнение. Католики-иностранцы в Русском государстве, по его словам, «ни в коей мере не испытывают затруднений из-за исповедуемой ими религии. Наоборот, им позволено жить в условиях максимальной свободы. ...Дела нашей церкви идут хорошо, и ее интересы должным образом защищаются...»³ Де Лириа соглашается, что католики, проживающие в России, «в самом деле очень

сделают все возможное, чтобы подорвать торговлю, которая нанесет такой ущерб их собственной». Россия и Испания... – С. 137.

¹ Религиозная сторона миссии Лириа хорошо документирована: помимо огромной главы в 30 листов в «Донесении о Московии», свои труды оставили два видных католических деятеля, связанных с посольством Лириа – Бернардо Рибера и Жубе де ла Кур. *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне глазами испанского дипломата // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / Сост. В.Е. Багно. – СПб., 2001. – С. 435.

² Х. Де Лириа послу Испании в Австрии Х. де Вяне-и-Эгилусу // Россия и Испания... – С. 133.

³ Там же. – С. 132

бедны, и особенно бедствуют, когда двор приезжает в Москву»¹. Лириа сожалеет, что в условиях иностранного государства католики лишены таинства конфирмации и предлагает для этого монаха-доминиканца, доктора богословия Бернардо Риберу в качестве католического епископа², которого характеризует, как «достопочтенного монаха» и «человека истинно глубоких познаний»³.

В главе «О религии в России» герцог разбирает православную церковную иерархию, отмечает церемонии, священные книги, секты, одним из первых характеризует старообрядчество, устанавливает «четыре заблуждения в учении греческой церкви». Итоговая оценка Лириа такова – «столь хорошо управляемая церковь в столь обширной и абсолютной империи, имеющая притом несколько заблуждений, некоторые из которых серьезны и с трудом поддаются лечению»⁴. Что касается самих верующих, то отношение к ним складывается в русле восприятия герцогом ошибок греческой церкви и «варварства» русского народа вообще: Лириа делает вывод о том, что, «несмотря на такое точное исполнение обрядов, среди русских вовсе не встречается того, что принято называть истинным благочестием»⁵.

Православно-католическая уния не была новой идеей. Слухи об объединении церквей появились уже после «открытия окна в Европу» Петром I. Герцог де Лириа, осуществлявший переписку по этому вопросу с австрийской императрицей, и стал одним из инициаторов подобного проекта.

¹ Х. Де Лириа послу Испании в Австрии Х. де Вьяне-и-Эгилусу // Россия и Испания... – С. 132.

² Письма о России ... – Т. II. – С. 148.

³ Х. Де Лириа послу Испании в Австрии Х. де Вьяне-и-Эгилусу // Россия и Испания... – С. 134.

⁴ Письма о России ... – Т. II. – С. 437.

⁵ Там же. – С. 440.

Судя по содержанию письма, адресованного послу Испании в Австрии Хосе де Вьяне-и-Эгилусу, объединение будет возможно только при выполнении следующих условий:

– удаление от дел стоящего во главе Синода митрополита Новгородского, «проявляющего большую склонность к лютеранству, смелого и образованного, врага католической религии, ...имеющего почти неограниченное влияние на русский клир»;

– содействие австрийского императора, испанского и польского королей и самого папы римского;

– поддержка ряда русских вельмож, в том числе Остермана;

– женитьба русского царя на католической принцессе¹.

План Лириа хорошо продуман и многосторонен, однако утопичен, учитывая множество факторов, необходимых для его выполнения, и неравноценность церквей, заранее заложенную в проекте.

Де Лириа, человек «умный, обладавший, – по словам герцога Сен-Симона, – чувством чести и достоинства, был любим, его уважали и принимали в расчет в Испании, как и всюду, куда бы он ни направлялся. ...Он был сотворен для общества свободного, разнообразного, приятного...». «Его беседа была превосходна и весела, поучительна, когда он касался того, что он наблюдал – и наблюдал очень хорошо – в разных странах, – продолжал герцог². Обратимся к его наблюдениям, тем более о России де Лириа оставил обширные записи.

Посольство в далекую холодную и совершенно не знакомую страну всегда было тяжелым испытанием для дипло-

¹ Х. Де Лириа послу Испании в Австрии Х. де Вьяне-и-Эгилусу // Россия и Испания... – С. 132-135.

² *Saint-Simon duc de*. Mémoires complets et authentiques. Т. 20. – Paris, 1830. Цит. по: *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне... – С. 428-429.

матов и их сопровождающих¹. Уже в первых письмах Лириа выражал тревогу за секретаря посольства дона Каскоса, который «боится и говорит, что он умрет в этой стране»². Погода во время пребывания посольства в столице не раз выдавалась суровой, так что «сами туземцы говорят, что этого не бывало давно»³, зимой в столице, по словам Лириа, было больше трети жителей, больных лихорадкой с кашлем. Впоследствии один из кавалеров Лириа не вынес климата и был вынужден вернуться в Испанию раньше. Жизнь оставшихся, в том числе и самого герцога, представляла собой череду трудностей и препятствий, сохранять деловую активность в разных областях (политической, экономической, литературной) при этом мог только сильный духом человек, каким, без сомнения, был Лириа.

Жизнь Лириа и его поведение при дворе определялись посольским этикетом, более того, на плечи герцога ложилась ответственность быть первым испанским дипломатом в России, по которому будут судить о новом политическом и торговом партнере. Поэтому Лириа, стараясь ни в чем не уступать здешнему двору, который «своею роскошью и великолепием превосходит даже самые богатейшие»⁴, живет на широкую ногу и, по его выражению, «только что не выбрасывает деньги из окна»⁵. Постоянные расходы на приемы и обеды, одежду и подарки несоразмерны с жалованием Лириа, в связи с чем его с самого начала проживания в столице преследуют финансовые проблемы, усугубляющиеся невыплатой денег испанской казной. О размере трат Лириа позволяет

¹ Так, граф Вратислав, посол Австрии, находившийся в России в тот же период, что и Лириа, говорил о своем посольстве как о «ссылке в отдаленную страну».

² Письма о России ... – Т. II. – С. 22.

³ Там же. – С. 149.

⁴ Письма о России ... – Т. II. – С.70.

⁵ Там же. – С. 46.

судить тот факт, что на празднество по случаю бракосочетания испанского принца и португальской инфанты (с фейерверками и фонтанами вина) было потрачено около семи тысяч рублей. Для сравнения, этой суммы хватало на месячное содержание двора Петра II¹. Ко всему прочему добавляется «страшная дороговизна Петербурга», на которую жалуется и австрийский посол Вратислав. Неудивительно поэтому, что в сообщениях Лириа часто появляются горькие фразы о том, что ему пришлось брать в долг «у Жида», затем заложить все свое серебро и Руно с бриллиантами. Во многих своих письмах, официальных и конфиденциальных, герцог пытается напомнить о выплате жалования и погашении чрезвычайных расходов, однако жалкое состояние испанской казны и то, что Россия со времен примирения с Англией перестает быть основным объектом дипломатической активности Испании, позволяют Мадриду «забывать» о своем посланнике и сосредоточиться на более важных проблемах. Показатель этого – многие просьбы и требования Лириа остаются без ответа долгое время. Однако затруднительное положение как нельзя лучше раскрывает особенности характера посла – гордого, везде стремящегося быть первым человека, который, несмотря на унижительное для него положение безденежья, не только выполняет своей долг, но и преуспевает в других делах. Борьбу гордости и желания выйти из бедствующего положения хорошо иллюстрируют фразы с напоминанием о выплате жалования, каждый раз образные, встречающиеся в письмах словно бы ненароком².

¹ См.: *Ермолаев А.А.* Герцог де Лириа в Петербурге // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: Материалы 10-й Межд. конференции молодых ученых. 22-28 декабря 1999 г. – СПб., 1999. – С. 166.

² Вот лишь некоторые из фраз Лириа о его бедственном положении: «В моем доме весьма много больных и к этому еще присоединяется болезнь моего кармана, который умирает чахоткою»; «Холода проходят, так что почти нет на земле снега, как нет денег в моем кармане»; «Мой Каскос и я, как иудеи ждут Мессии, так и мы ждем, когда-то вспомнит нас прези-

Осознание своей фактической ненужности при русском дворе, материальные затруднения могли бы компенсироваться интересным обществом и опытом общения с людьми другой культуры. Во всех трех типах материалов, оставленных Лириа, можно найти его описание как представителей высшего сословия – того круга, в котором он вращался, так и низшего сословия (очевидно, Лириа исходил из своих наблюдений и мнений других иностранных министров). Печально, что в рассуждениях герцога о русских людях едва ли можно найти несколько положительных отзывов. Две основные характеристики, которые даются Лириа всему русскому народу – его варварская сущность и «ужасная ненависть, которую туземцы питают ко всем иностранцам, причем это относится и к дворянской верхушке, и к простому люду».

Прием, оказанный Лириа при дворе по его приезду и большую часть времени его пребывания, был достаточно теплым, что являлось показателем серьезности намерений России в отношении Венского союза и расширении отношений с Испанией. При вручении верительных грамот ему были оказаны почести, каких, по его мнению, не удостоивались другие послы, в частности австрийский¹. На коронации Петра II герцог первый получает аудиенцию², ему делают отличие по месту, занимаемому в церкви, по количеству сопровождающих лиц. Посла не раз удостоивает личным посещением юный император, наградивший его в марте и августе 1728 г. высшими русскими орденами Святого Андрея Первозванного и Святого Александра Невского. В целом отношение к Лириа со стороны императора и правящей верхушки (до за-

дент Счетного трибунала»; «Я и Каскос так бедны, так бедны, что почти что можем идти просить супа св. Франциска».

¹ Х. де Лириа Х.Б. де Орендаину, 30.12.1727/10.1.1728 // Россия и Испания... – С. 123-124.

² «Этот поступок со мною беспримерен», – восхищается он. Письма о России ... – Т. II. – С. 48.

ключения Испанией Севильского договора) благожелательное, уступчивое. Как человек общительный и открытый, интересный собеседник, герцогу удается поддерживать дружеские отношения не только со многими дворянами и иностранными министрами, английским и французским консулами в Москве, но даже одновременно с враждебными друг другу Остерманом и Иваном Долгоруким. Тем не менее общая обстановка такова, что всякие почести и отличия, оказанные Лириа, теряются в его отрицательных отзывах о царящей при дворе атмосфере и характере русских.

Посольство Испании попадает в Русское государство в эпоху сложного переходного периода, когда общество еще не рассталось со средневековыми «варварскими» обычаями и мировоззрением, но в то же время в стране появляется новый пласт людей – «птенцов гнезда Петрова» и старается укорениться новый тип мышления и культуры, более близкий Западу. Противостояние мировоззрений усугубляется быстрой сменой государей и правительств, постоянной борьбой внутри правящей верхушки. Общественные тенденции, дух противоречия, смута в умах – все это нашло свое отражение в записях Лириа, который называет русский двор самым непостоянным в Европе¹.

Видение Лириа русского народа и тенденций развития Русского государства неразрывно связано с понятием «варварства», которое красной нитью проходит через все его работы, и достижениями Петра I. Отношение герцога (а вместе с ним и всей Западной Европы, потому что в своем понимании России он является типичным представителем Западной Европы) к истории допетровской России и ее дальнейшему развитию хорошо иллюстрируют первые главы его «Донесения о Московии», посвященные русским государям, начиная с Петра I. Такая точка отсчета неслучайна – все, что было до этого периода, считалось «старинным варварством» и даже

¹ Письма о России – Т. III. – С. 35.

не заслуживало внимания. Петр, которого Лириа называет не иначе, как Великим, первый «увидел, что на его народ можно смотреть как на варварский, в сравнении с другими европейскими народами»¹ и положил начало грандиозным событиям, «полностью изменив образ монархии»². Лириа с особым удовлетворением обращает внимание читателя на то, что Петр «нежно любил иностранцев», а с «таким варварским народом, который ежедневно злоумышлял против его жизни»³, был жесток и суров.

«Чтобы лучше понять положение здешнего двора, – писал он, – нужно знать, что здесь существуют две партии». К первой он относит ближайшее окружение молодого царя и называет ее «царской», возглавляющую которую Голицыны и Долгорукие и «к которой принадлежат все русские, которые желают выгнать отсюда иностранцев». Вторая – «партия великой княжны», которую возглавляет воспитатель царя барон Остерман, которая является хранительницей прозападных идей Петра I⁴.

Нетрудно заметить пренебрежительное отношение герцога к нациям, не относящимся к европейским (в их числе как русские, так и турки, татары, китайцы), поэтому людей, в том числе и правителей, Лириа оценивает согласно их приятию или неприятию европейского и «заветов Петра». Так, Меньшиков, Остерман, Екатерина I и Анна Иоанновна, продолжавшие политику своего великого предшественника, получают от Лириа положительные отзывы, в царевиче Алексее Петровиче, наоборот, проявились «дикий нрав и большая

¹ Фитц Джеймс Стюарт герцог де Лириа-и-Херика Х. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории. – 1997. – № 5. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Lirijskij/framepred2.htm>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Х. де Лириа Х.Б. Орендаину 30.12.1728/10.1.1729 // Россия и Испания... – С. 125-127.

склонность к старинному варварству», за что тот и был наказан.

Интересна трактовка Лириа фразы из письма Петра своему сыну, в котором император пригрозил Алексею лишением престола за недостойное поведение. «Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный», – пишет Петр, что впоследствии будет осуществлено в виде «Указа о престолонаследии» – отмене древнего обычая передавать престол прямым потомкам по мужской линии и назначении наследником любого достойного человека по воле монарха. Лириа же допускает несколько иную трактовку высказывания Петра, перекликающуюся с его отношением к русским и иностранцам: «Я предпочту передать свою корону иностранцу, который будет достоин носить ее, нежели своему сыну, вовсе ее недостойному»¹.

Несмотря на заявление герцога о том, что государь «оставил Россию, по крайней мере, в таком состоянии, что ей вроде бы невозможно уже вернуться к своему прежнему варварству»², все его дальнейшие рассуждения и оценки указывают на сильные сомнения и постоянные опасения в худшем исходе событий. Причина этого – характер русских людей, достаточно подробно описанный во всех работах Лириа, особенно в «Донесении о Московии». Основные качества, которые выделяет герцог в русском человеке, следующие: недоверчивость, жестокость, честолюбие и тщеславие, невоспитанность. «Они оскорбляют друг друга безо всякого стыда, и это сходит между ними за ловкость. Они очень ленивы... откуда следует большая склонность к пьянству, которая у них есть и от которой никто не свободен, так что многие почти губят себя». В делах они хитры и скрытны, кроме того, это

¹ Фитц Джеймс Стюарт герцог де Лириа-и-Херика Х. Донесение о Московии в 1731 году. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Lirijskij/framepred2.htm>

² Там же.

«первые воры на свете»¹. Преобразования Петра еще не означают отход от варварства, оно живет у народа в крови, так как это люди «невежественные по природе и склонные ко всему дурному»². «Они вовсе не воспитаны, – пишет герцог, – так что не следует удивляться тому, как мало внимания они обращают на иностранцев. Они тщеславны и горды в превосходной степени, презирая всех на свете и полагая, что ни один народ не может сравниться с ними»³.

Для лучшего понимания образа России у герцога де Лириа, необходимо учитывать, как и с помощью каких источников складывалось у него видение страны и ее народа.

¹ Цит. по: *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне... – С. 440-441

² Фитц Джеймс Стюарт герцог де Лириа-и-Херика Х.. Донесение о Московии в 1731 году. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Lirijskij/framepred2.htm>

³ Цит. по: *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне... – С. 441. В своих столь нелестных характеристиках Лириа не один. Так, прусский посланник, служивший в России одновременно с Лириа, Аксель фон Мардефельд пишет: «Следует в России опасаться всех, однако же виду не подавать, и вообразить, что и у стен есть уши... Надобно слыть здесь человеком честным, хотя слова этого в российском языке не сыщешь и русские дворяне о честности своей не заботятся нимало». Его преемник на посту Карл фон Финкенштейн дает следующую характеристику: «Плутовство, обман, трусость, неблагодарность, гордыня и недоверчивость – вот свойства, на коих замешен характер большинства русских. Как ни старался Петр I их воспитать, труды его лишь на внешности отразились... Русские – пьяницы и лентяи, прежним своим невежеством дорожат, а старания, кои употребил Петр I, дабы их от него избавить, проклинают. Ненависть их к иностранцам так велика, что и вообразить невозможно, а с тех пор, как пришлось им сносить господство иностранное, сделалась она еще сильнее, сегодня же, вообразивши, что в иностранцах более не нуждаются, творят они все, что могут, лишь бы огорчение им причинить и от себя их выжить». См.: *Мардефельд А. фон.* Записка о важнейших персонах при дворе русском // *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740-1750. – М.: ОГИ, 2000 // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Mardefeld/text.phtml>; *Финкенштейн К.В.* Финк фон. Общий отчет о русском дворе // *Там же.*

Пребывание и деятельность Лириа при дворе дали ему, безусловно, богатый материал о способе управления страной, жизни и характерах русских вельмож. Лириа подчеркивает развращенность двора того времени, стремление верхушки только к своей выгоде и поэтому ее полную неспособность управлять государством. Для Лириа это особо чувствительно: будучи человеком ответственным и исполнительным, он с трудом переносит обстановку хаоса при дворе, мешающую ему принимать какие-либо решения и тем самым выполнять свои функции посланника. «Интриги, ложь, сплетни и выдумки»¹ составляют сущность этого двора. От клеветы и интриг, ксенофобии среди вельмож не раз страдает и сам герцог. Жизнь дворянства, с которой Лириа был, безусловно, знаком благодаря многочисленным визитам, также поражает его пережитками варварства. Герцог обращает внимание на плохо обставленные и содержащиеся «в такой нечистоте, которую только можно себе представить»², дома и экипажи вельмож, за которыми очень плохо следят. Этого нельзя сказать о карете самого Лириа, которую читатель может увидеть на гуашах: он аккуратен, белые лошади покрыты сеткой, защищающей их от комьев летящей грязи.

Жизнь простого народа менее доступна наблюдению герцога, однако некоторые вещи он мог наблюдать сам, а в остальном получить информацию от других иностранных министров или сведущих людей. В главе «Об обычаях и склонностях русских» приводятся весьма подробные описания деревянного дома и русской бани, образа жизни бедного люда.

Следует обратить внимание на то, что когда герцог переносит свои характеристики «русских» на все общество, он оказывается неточен. А.С. Лавров отмечает, что «страх, который успело внушить “регулярное государство”, ошибочно

¹ Письма о России ... – Т. III. – С. 76.

² Цит. по: *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне... – С. 450.

принят за подобострастие, а последнее объявлено некоей константой, выражением рабства, на котором основано будто бы все общество»¹. Рабскую сущность отмечает и Карл фон Финкенштейн: «Рожденные рабами, способны они на самые ужасные низости»². Тем не менее, когда Лириа разделяет высшие слои общества и простой народ, описывая два разных культурных типа на этапе переходного периода, он показывает себя тонким наблюдателем.

В целом рассуждения и наблюдения герцога весьма верны, что подтверждают все исследователи его работ, хотя имеют место забавные преувеличения: так, Лириа утверждал, что «во время мелководья Волга до того переполнена рыбой, что, положив доски, можно совершенно безопасно перейти через реку»³.

Анализируя негативные отзывы Лириа о стране и ее народе, не следует забывать, что на душевное состояние Лириа наложило свой отпечаток невыполнение целей миссии и поэтому постоянное осознание ненужности своего пребывания в стране, многочисленные материальные затруднения и неприятности, погодные условия, гнетущая атмосфера при дворе, который герцог называет не иначе, как адом. Мольбы Лириа о возвращении домой, просьбы вытащить его «из этой тюрьмы» появляются в его письмах уже с конца 1728 г. и становятся все настойчивее. Однако нельзя отказать Лириа в правильности суждений относительно хаоса при дворе, ненависти ко всему иностранному – в условиях переломного периода, ломки многовековых устоев общества все эти явления действительно присутствовали. Что касается «варварской

¹ Цит. по: *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне... – С. 434.

² Карл Вильгельм финк фон Финкенштейн. Общий отчет о русском дворе // Франсина-Доминик Лиштенан. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740-1750. – М.: ОГИ, 2000 // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Finkenstein/text.phtml>

³ Письма о России... – Т. II. – С. 23.

сущности» русских, то рассуждения герцога, быть может, в несколько гипертрофированной форме, отражают сложность и мучительный процесс реформирования общества, консервативность духовного сознания народа.

Таким образом, с одной стороны, в размышлениях Лириа видна озабоченность судьбой молодой перспективной державы, боязнь за потерю достижений, полученных с большим трудом, с другой стороны, эта озабоченность не выходит за рамки стороннего наблюдателя и объясняется, по большей части, утилитарным походом – возможностью или невозможностью использовать могущество России для осуществления целей Испании.

* * *

30 октября 1730 г. де Лириа получил отпускную аудиенцию у Анны Иоанновны и выехал из Москвы, оставив в России секретаря посольства де Каскоса¹. В конце 1730 г. русско-испанские дипломатические отношения были приостановлены.

Так, завершился первый этап дипломатических отношений между двумя странами. Они были установлены благодаря инициативе и настойчивости Петра I, стремившегося активно продвинуть интересы России на Запад. Хотя они просуществовали менее десяти лет и были свернуты его последователями по причине расхождения в политических интересах, на самом деле наследники петровской короны не оказались наследниками его дела, считая маловажными взаимоотношения со столь далекой и незнакомой страной, как Испания.

¹ Уже после его отъезда Каскос сообщал секретным донесением Х.Б. де Орендайну, что герцог де Лириа пользовался особым расположением российской «царицы и на прощальной аудиенции был отмечен такими почестями, какие на его памяти не доставались никому и никогда». Archivo General de Simáncas (далее – AGS). Estado. Leg. 6.615. S.n.

1.5. Торговые отношения в первой половине XVIII в.

Идею развития торговли с Испанией российский император Петр I вынашивал давно. Еще в 1715 г. находившийся в Петербурге официальный агент французского правительства Лави докладывал своему правительству, что русский царь считает торговлю с Францией и Испанией наиболее выгодной для своих подданных¹. Направленный в том же году во Францию Конон Зотов познакомился там со своим коллегой Бонмазарием и рекомендовал его Петру для ведения торговых дел и содействия заключению с Испанией торговых трактатов². Зотов установил также связь с купцами Нолли и Маркелли. Последние составили памятную записку о целесообразности посылки в Испанию двух русских кораблей с материалами для оснащения испанского флота. Получив ее, Петр I заявил, что, как только будет заключен мир со Швецией, он готов направить до 18 кораблей с материалами, необходимыми для строительства флота³. В 1717 г. оба купца приехали к Зотову в Париж, где он вел переговоры о торговле с испанским послом Челламаре с предложением построить в Петербурге для Испании три «больших» корабля, закупая для этого у России не только строительные материалы, но и пушки. Как указывала Т. Крылова, «главный стимул, побуждавший в эти годы испанцев к установлению прямой торговли с Россией, заключался в надежде получить дешевые русские кораблестроительные материалы для восстановления военного флота»⁴.

¹ Цит. по: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 60. Он ссылается на: СРИО. – Т. 34. – С. 106.

² РГАДА. Каб. Петра I. Отд. II. Кн. 27. Л. 901-902. Подробнее см.: Крылова Т.К. Отношения... – С. 338-339.

³ РГАДА. Каб. Петра I. Отд. I. Кн. 56. Л. 178-179.

⁴ Крылова Т.К. Отношения... – С. 339.

Одновременно с этим российское правительство вело с испанским переговоры об установлении прямых дипломатических отношений. Среди вопросов, которые надлежало поставить перед испанским послом в Гааге, князю Куракину предписывалось сообщить, что «мы к установлению между обоими нациями комерции склонны»¹. В 1721 г. французский консул в Петербурге Лави сообщал своему правительству, что Петр I намеревается в виде опыта направить несколько кораблей в Испанию, Италию и Португалию, а также послать туда консулов².

Летом 1721 г. в Кадис из Любека был направлен русский дипломатический и торговый агент Петр Беклемишев с целью сбора информации о состоянии испанской торговли, особенно с американскими колониями. В своих донесениях он указывал, что иностранцам торговля с Америкой строгойше запрещена, и рекомендовал учредить русскую торговую контору в Кадисе с целью скорейшего установления прямых отношений между обеими странами³.

В этот период вопрос об установлении торговли между Россией и Испанией стал предметом переговоров между двумя правительствами. Так, посланного в 1722 г. капитана Бределя Гримальдо спрашивал, не имеет ли он инструкции заключить торговый трактат с Испанией, и если имеет, то он, Гримальдо, «получит указ от короля тому начало положить»⁴. Бредель таких инструкций не имел, но зато Голицыну, которому не было дано никаких конкретных политических поручений, за исключением добиться признания испанским двором императорского титула российского государя,

¹ Эта мысль повторяется в рескриптах к Куракину от 1718, 1719 и 1720 гг. Их приводит в своей статье В.А. Уляницкий. См.: *Уляницкий В.А. Русские консульства...* – С. 111.

² *Там же.* – С. 112.

³ РГАДА. Каб. Петра I. Отд. II. Кн. 54. Л. 388-394. Подробнее о его миссии см.: *Крылова Т.К. Отношения...* – С. 341.

⁴ Цит. по: *Уляницкий В.А. Русские консульства...* – С. 113.

вопросу об установлении торговых отношений между двумя странами уделялось достаточно много внимания.

Испания, ее народ, природные богатства, обычаи и потребности были еще мало известны русским, поэтому ему предписывалось сообщать, «какие там российские товары и материалы потребны и что против того из Гишпаниии получать дешевле других государств». Там было прямо указано объявить испанскому правительству, «что е. и. в-во желает, дабы между обоими государствами доброе купечество восстановлено было»¹. Однако испанские купцы, плохо представлявшие себе возможности торговли с Россией, не проявляли никакой активности. Единственным исключением стал, пожалуй, кадисский купец Симон Бреганте. 22 июля 1723 г. он вручил Голицыну письмо, в котором просил разрешения построить в Петербурге торговый дом, который бы занимался коммерцией с Италией, Испанией и Левантом и поставлял бы в Россию товары, происходящие из этих земель, а вывозил бы российские товары². После этого свидания российский посланник направляет донесение кабинет-секретарю А.В. Макарову и такое же – в КИД. Это был первый его доклад, содержащий сведения об испанской торговле. Он указывал, что все народы пользуются в Испании по мирным трактатам равными торговыми привилегиями, а размер пошлины определяется особыми оценщиками³.

В рескрипте от 27.9.1723 г. Голицыну было объявлено о благосклонном отношении е. и. в-ва к проекту Бреганте, однако осенью, как предполагалось, корабли отправлены не были⁴. Этот вопрос еще раз поднимает в письме к нему канцлер Г.И. Головкин: «Что же касается до купца, которой намерен сочинить компанию и торговать в России, о том к

¹ Россия и Испания... – С. 73-74.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 68. Л. 42-43.

³ Россия и Испания... – С. 77-78.

⁴ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 114.

вам указ послан, в котором оному купцу в Россию ехать и торговать позволено»¹.

Российское правительство подтвердило испанцам свою готовность начать с ними переговоры о заключении торгового договора. 19 августа 1723 г. в письме к Голицыну А. Остерман сообщал: «Реляция в. св-ти... о возстановлении коммерции с Гишпаниею, здесь исправно получена, и по оной е. и. в-ву о всем донесено будет. Я при сем разсудил запотребно в. св-ти сим напоминать, дабы вы изволили прилежно разведывать и смотреть о обращении гишпанского флота и о том в реляциях своих всегда доносить, ибо сии ведомости здесь всегда потребны; також де изволите потрудиться подлинно проведать, совершенно ль между гишпанским и французским двором трактат, зовомой ассиенто, заключен; и ежели сие конечно учинено, то из того мочно видеть, что чрез оное Гишпания с Франциею тесно обязались, с выключением Англии»². 8 ноября 1723 г. Петр I издал именной указ об открытии прямых торговых сношений с Испанией и назначении консула в г. Кадис³. Туда был направлен с временной миссией от Сената князь И.А. Щербатов, занимавший должность советника Коммерц-коллегии для организации консульства и изучения возможностей торговли⁴.

¹ Оснадцатый век... – Т. 3. – С. 140.

² Там же. – С. 134.

³ Этот указ опубликован в: *Ламанский В.И.* О славянах... – С. 197-198.

⁴ *Уляницкий В.А.* Русские консульства... С. 114-115. Во время пребывания в Кадисе Щербатов написал работу «*Введение о торговле российской*». В ней в алфавитном порядке и отдельными статьями изложены различные известия о русской торговле, причем источниками для автора послужило собрание указов, напечатанное в 1719 г., тогдашний регламент об управлении адмиралтейством, морской торговый устав и тариф. В начале работы он поместил статью «О торговле России». Русский биограф. словарь... – Т. 24. – С. 99.

Под руководством Щербатова российскими консулами в Кадис направлялись Алексей Вешняков и Яков Евреинов¹. Оба получили одинаковые патенты из КИД с назначением и одинаковые инструкции². Однако предусматривалось, что консулом будет один из них по выбору и назначению Щербатова. Его он должен направить в Мадрид для представления при дворе и утверждения в консульской должности. Сам же Щербатов должен был собрать в Кадисе сведения об испанских товарах, завести там нужные знакомства среди купцов и потом вернуться в Россию³, оставив в Кадисе консула.

Правительство Испании одновременно делало ответные шаги. 24 января 1724 г. Голицын получил письмо от Гримальдо вместе с приложенным к нему проектом торгового договора между Испанией и Россией⁴. На устроенной на следующий день аудиенции Гримальдо заявил российскому посланнику, что испанское правительство ожидает соображения из России, «может ли такой быть благополучен России и какими бы образы оное начать». Голицын ответил, что немедленно переправит этот важный документ в Россию, и в ближайшем донесении на имя Петра I запрашивал: «... Всеподданнейше прошу мне приказать объявить в в-ва высоким указом о резолюции, какую я могу им объявить в ответствие на сие, не пропуская многого времени, дабы такое рвение здешнего двора, какое оной ныне с горячности во исполнении

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 69. Л. 1-14.

² Оба документа опубл. в: Россия и Испания... – С. 78-81.

³ Подробнее об этой миссии Щербатова см.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 115-118.

⁴ Проект был составлен чиновником Торговой хунты Испании Франсиско Перратой, уроженцем Кадиса, который в России никогда не был, но изучил ее по историческим и географическим сочинениям, а также по торговым делам России со Швецией и пришел к выводу, что для Испании торговля с Россией может быть очень выгодна.

такого намерения иметь может, не утушить коего»¹. По получении в Петербурге реляции Голицына ему был объявлен рескрипт с предписанием «объявить испанскому двору с обнадеживанием, что мы к установлению прямой директной между обоими государствами коммерции весьма склонны», а проект Перраты был передан КИД в Коммерц-коллегию, чтобы рассмотреть «в чем оно с интересами е. и. в-ва и с произведением купечества российского сходно»².

Перрата перечисляет товары, которыми богата Россия, и в которых нуждается Испания. Это – лес строевой и корабельный, деготь, смола, железо, воск, лен, драгоценные металлы, юфть. Из испанских товаров русских в первую очередь может заинтересовать соль, которая необходима им как для непосредственного потребления, так и для засолки рыбы; вина и водки, причем из-за сурового русского климата, чем эти напитки крепче, тем лучше; растительное масло, красильные вещества. В России, указывает автор, не произрастают лимоны, апельсины, оливки, миндаль и другие плоды, которые привилегированные сословия покупают по высокой цене за границей. Таким образом, непосредственная торговля могла бы быть выгодной для обоих народов, пока же выгоду получают голландцы, немцы и англичане. Перрата рассматривает вопрос об условиях начинания этой торговли и указывает, что, по его наблюдениям, россияне готовы послать свои корабли в Испанию, даже если испанцы побоятся риска отправиться в Петербург, Архангельск или Ригу, но для этого необходимо, чтобы испанское правительство предоставило им привилегии, какие даны другим северным народам³.

По обсуждении этого проекта в Коммерц-коллегии и КИД 1 августа 1724 г. Голицыну был направлен рескрипт,

¹ Россия и Испания... – С. 86. Письмо Гримальдо опубликовано в этом же сборнике. – С. 87.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 74. Л. 5-6.

³ Россия и Испания... – С. 88-92.

которым ему предписывалось объявить испанскому двору, что «мы на установление той коммерции весьма склонны и готовы и что весьма подлинное есть, как в том рассуждении изображено, что обеих сторон подданным от такой прямой и прямой коммерции между обоими государствами не иначе, как знатная и великая польза быть может, и что мы с нашей стороны к установлению и отправлению оной всякие и всевозможные способности подадим и подданным е. к. в-ва гишпанским в нашем государстве все привилегии позволим, которые иные наилучше фаворизованные народы в оном имеют»¹. В ответ на эти предписания Голицын сообщил, что если в проекте Перраты и упомянуто о привилегиях северных народов, то это означает лишь, что при прибытии и отбытии русских кораблей в Испании с них будет взиматься такая же пошлина, как и с кораблей других северных народов, но о других привилегиях в записке не сказано. Ранее, указывает Голицын, «северный торг» был в основном в руках ганзейских городов, «когда они в своем наивысшем сиянии были», а испанские короли давали им большие привилегии, а потому могло сложиться впечатление, «якоб одни северные народы в том им наследовать могли»². Таким образом, у российского правительства были уже достаточно конкретные сведения об испанском рынке, и эти сведения вполне оправдывали учреждение консульства в Кадисе.

В начале 1724 г. российские консулы прибыли в Испанию, но их признание затянулось в связи с отречением Филиппа V. Однако после смерти Луиса вернувшийся на трон Филипп V своим рескриптом определяет консулом Я. Евреи-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 74. Л. 12-13, 28-29.

² Цит. по: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 132-133. При этом Голицын указывает, что он сам мало разбирается в торговле, что лучше было бы подобную информацию запросить у Щербатова, который «ныне в Кадисе обретается, которой достаточное искусство в торговых делах имеет, и которой для того сюда прислан». Письмо Голицына Остерману от 5/16 октября 1724 г. // Там же. – С. 134-135.

нова¹, и в ноябре 1724 г. Евреинов отправился в Кадис. По инструкции он должен был охранять интересы российских купцов, организовывать продажу русских товаров и покупку иностранных, заботиться об их своевременной доставке и т.д.², т.е. его обязанности сводились к положению торгового агента российского правительства – ему даже не вменялось в обязанность предоставление сведений об условиях местного рынка.

А 18 сентября 1724 г. на заседании Сената были заслушаны донесения: из Испании Щербатова и из Франции консула Алексеева, на основании которых Сенат отправляет указ в Коммерц-коллегию³. Изучив их, Петр I издает 4 декабря указ о том, что необходимо направить в Испанию три, а во Францию – один корабль с товарами, о чем было дано указание из Сената в Адмиралтейскую коллегию 24 декабря 1724 г.⁴ 20 января 1725 г. Сенат направил в Адмиралтейскую коллегию еще один указ: «...чтоб корабли с товарами, також и деньги на покупку тамошних товаров прислать немедленно, ибо де флот в Америку отправится в мае месяце»⁵.

После смерти Петра Голицыну были направлены патенты, подтверждавшие вновь полномочия обоих консулов.

¹ Россия и Испания... – С. 98. Рескрипт Филиппа V губернатору Кадиса. Подробнее о причинах задержки вступления Евреинова в должность см.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 138.

² Уляницкий приводит эту инструкцию, составленную 20 августа 1723 г., полностью. Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 121-124.

³ См. этот указ в: Ламанский В. О славянах... – С. 199-201.

⁴ Этот документ опубл. в: Россия и Испания... С. 99-100. Эту идею Петр продумывал и в указе в Коммерц-коллегию об открытии торговли с Испанией от 8 ноября 1723 г., рассчитывая тогда на частную инициативу, но отдавая себе отчет, что «наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут», предписывал, что им будет предоставлена помощь кораблями и матросами от Адмиралтейства и деньгами частью из казны. Указ Петра I от 4.8. 1724. Цит. по: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 137.

⁵ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 87. Л. 7-13.

А 12 мая 1725 г. русские корабли «Дефеншиер», «Амстердам Галей» и «Кронделивде», груженные кожами, воском, парусиной, пенькой и другими традиционными товарами российского экспорта, вышли из Ревеля в направлении Кадиса¹. В связи с отправлением этих кораблей Голицыну было впервые дано указание поставить перед испанским правительством вопрос о предоставлении русским купцам таких же прав, что и купцам других стран².

В результате переговоров 25 апреля 1725 г. был издан указ короля Филиппа V о предоставлении привилегий в торговле русским купцам³. Однако эти привилегии не выходили за рамки тех, которые имели шведы и датчане⁴. Такое решение было неожиданно для Голицына, который писал в Петербург: «Вместо дозволения торговли нашему народу и допущения кораблей в здешние воды против наиболее фаворизованных народов... оное учинилось ныне токмо собственно против народа шведскаго и датскаго», а они не пользуются никакими особыми преимуществами⁵.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 87.Л. 13-72. В документах было записано, что они были отправлены от имени купца Л. Семенникова, который находился в Кадисе при российском консуле и должен был лично отвечать за продажу товара.

² Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 145-147.

³ «Е. к. в-во, требуя сведом быть о преимуществах, которыми доволствуются наилутче фаворизованные народы в областях его касающихся до торговли, повелевает губернатору и советникам совету своего от финанци известить себя о том, понеже есть его королевское соизволение, дабы и российская нация тем же доволствоватца могла». Перевод этого указа Филиппа V был сделан в КИД. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 87. Л. 72.

⁴ В Совете по финансам Испании было высказано мнение, что, коль скоро Россия не имеет с Испанией торгового договора, ни реальной торговли с Испанией, то неизвестно, насколько эта торговля будет выгодна для Испании, тем более что предоставление торговых льгот невыгодно для казны и может вызвать недовольство других государств. Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 147.

⁵ Там же. – С. 148.

4 мая 1725 г. указом Екатерины I была составлена «Инструкция от флота шкиперу Ивану Михайлову». Настоящая же его фамилия и звание были: капитан флота Кошелев. 28 (17) августа корабли прибыли в Кадис, где оставались три недели для загрузки товарами. При выгрузке их не было прислано таможенной стражи, и Голицын оценивал это как привилегию, данную русским кораблям, поскольку на всякий прибывающий в испанские порты корабль всегда посылался таможенный караул¹. В этот же день Филипп V издал указ об «открытии свободной коммерции с Россией в своих провинциях»². Из-за повреждений в «Дефеншиере» они вынуждены были зайти в порт Сантандер и отплыли в Россию только в марте 1726 г. В январе 1726 г. Голицын направил испанскому королю письмо с благодарностью за прием российских кораблей и напомнил, что «доброжелательный прием на одинаковых условиях всех дружественных народов, прибывающих торговать в ваши порты, есть то, о чем я нижайше прошу в. в-во». Голицын указывал, что Россия не хочет испытывать ограничения, подобно Швеции и Дании, но рассчитывает на более благоприятное отношение³. Так было положено начало русско-испанской торговле. В декабре 1726 г. Кошелеву было присвоено звание капитана I ранга за то, что «он в Гишпании с российскими караблями первым был».

Что же касается торгового договора, то, несмотря на обоюдное согласие на его заключение, выраженное как русским, так и испанским правительствами, и несмотря на длительные переговоры по этому вопросу, которые велись в Петербурге и Мадриде, договор так и не был заключен. Причинами тому были удаленность Испании от России и, следовательно, дороговизна товарных перевозок; неудачный опыт первых купеческих караванов, не сумевших по различным

¹ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 148.

² AGS. Estado. Leg. 6. 610. 1726.

³ AGS. Estado. Leg. 6. 610.

причинам выгодно продать свой товар, и активное противодействие голландцев, давно наживавшихся на перепродаже российских товаров в Испании и испанских вин в России. Существенную роль сыграл также отказ Королевского совета Испании предоставить России права наиболее благоприятствуемой нации. Это было сделано под нажимом французской дипломатии, всячески препятствовавшей русско-испанскому сближению.

В 1727 г. российское правительство приняло решение: «Российским консулам в Испании не быть»¹. Еще в 1724 г. Евреинова отозвали по семейным обстоятельствам, и его место в Кадисе занял А. Вешняков. В начале 1726 г. Кадис покинул Щербатов, заняв должность российского посланника в Мадриде. На его место никто назначен не был, а уже в сентябре 1726 г. в Коммерц-коллегии был поднят вопрос о бесполезности содержания там консульства из-за больших расходов, выделяемых на его содержание, и убытков, понесенных в результате торговли первых русских кораблей. По определению Коммерц-коллегии, посланные товары проданы были там «с накладом», и продано было очень мало, а содержание консула там было убыточно. Высочайшим указом (20.9.1727) консульство в Кадисе было упразднено, а вскоре новому российскому посланнику князю Щербатову направили рескрипт о возвращении Вешнякова в Россию².

Первое российское консульство в Испании просуществовало недолго. Послепетровское правительство скептически относилось к идее необходимости существования консульств-

¹ АВПРИ. Ф.СРИ. Д. 105. Л. 1-3. См. также: *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 150-152.

² В нем, в частности, говорилось: «...дабы он, консуль, какие товары наши казенные или другие купецкие имеет, продал при себе, а ежели которых продать не может, то вверил оные для продажи по тамошнему обыкновению после себя кому из купцов тамошних, а тебя о том, кому та комиссия поручена будет, уведомил, а сам бы он, консуль, потом ехал в нашу Империю». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 101. Л. 29.

ва в г. Кадисе. Ссылаясь на убыток, который понесла первая русская торговая экспедиция, правительство повелело приостановить его деятельность, хотя сам Петр еще в указе об отправке первых кораблей предупреждал, что опыт может быть неудачен¹. А через три года были прерваны и дипломатические отношения между двумя странами.

* * *

В 30-40-е гг. XVIII в. дипломатические отношения между Россией и Испанией, которые и прежде нельзя было назвать оживленными, фактически прекратились. С 1730 г. переписка между российским и испанским дворами осуществлялась через российского посланника в Париже князя А. Кантемира. Причиной охлаждения отношений между Россией и Испанией стал тот факт, что в разгоревшейся в это время в Европе войне «за австрийское наследство»² оба государства оказались в противоположных лагерях. Стремление Испании выявить позицию России в этой войне было основной целью направления испанского посланника в С.-Петербург в 1741 г. Граф де Бена, назначенный на этот пост, доехал до Парижа, задержавшись там почти на год. В ответ Бирон, бывший регентом при малолетнем Иоанне Антоновиче, в октябре 1741 г. повелевает российскому посланнику в Копенгагене П. Чернышеву покинуть датский двор и отправиться полномочным посланником в Испанию. В рескрипте Чернышеву от 31 октября 1741 г. сказано, чтобы он сообщил

¹ Хотя, как указывает Голицын, ружья, например, которые были присланы в Испанию, «здесь (и нигде инде) годны быть не могут... И генерально почесть, всякие худые товары и припасы суть предосудительны коммерции, а паче прислучае вновь заводящейся...». Цит. по: *Уляницкий В.А. Русские консульства...* – С. 154.

² Франция и Пруссия возглавили один воюющий лагерь, а Англия и Австрия – другой. К последнему в 1748 г. присоединилась и Россия. См. об этом подробнее: *Anderson M.S. The War of the Austrian Succession, 1740-1748.* – London – New York, 1995.

о своем отправлении Кантемиру, ибо граф де Бена медлит с отъездом из Парижа, ожидая, когда тронется в путь российский посланник. Елизавета Петровна, вступив на российский престол, повелела в феврале 1742 г. направить посланником вместо Чернышева А.С. Мусина-Пушкина. Тот, прибыв 1 октября 1742 г. в Гаагу, получил рескрипт, в котором ему было сказано, что, поскольку граф де Бена еще не выехал из Парижа, Мусину-Пушкину остановиться в том месте, где он находится, и не трогаться в путь до отъезда из Парижа де Бены¹. Испанский посланник не торопился выехать в Россию, и в конце концов Филипп V отменил его назначение и направил в Польшу. Мусин-Пушкин же в июле 1743 г. получил указ о назначении его губернатором Архангелогородской области и весной 1744 г. вернулся в Россию².

Формальным поводом для этого послужил отказ испанского короля проставлять императорский титул в грамотах, адресованных российским государям. В 1745 г. Елизавета Петровна направила Филиппу V грамоту о браке великого князя Петра Федоровича с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Но в ответной грамоте Филиппа V опять не был указан императорский титул, а потому российский посол в Париже не принял ее, а возвратил обратно³. Вступив на испанский престол, Фердинанд VI не пожелал восстанавливать переписку между двумя дворами, не находя причины «для чего б старой титул отменить, которой предки его с нашими имели, к тому ж де и никакого соглашения с гишпанским двором о императорском титуле не было»⁴. И хотя полного разрыва между Испанией и Россией не произошло, отношения поддерживались лишь на уровне секретарей дипломатических миссий.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 134. Л. 2-10. Д. 136. Л. 1-2. Д. 137. Л. 1-3.

² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор... – С. 169.

³ Там же.

⁴ Россия и Испания... – С. 150.

Г л а в а 2

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И РОССИЕЙ (60-е гг. XVIII в.)

2.1. Международное положение и внешняя политика Испании к 1759 г.

К середине XVIII в. коренным образом изменилось положение в Европе, где традиционное соперничество Бурбонов и Габсбургов, после Тридцатилетней войны все более определенно склонявшееся в пользу французской династии, поддерживало систему относительного равновесия. Центральным явлением международной политики XVIII в. стало развитие англо-французского антагонизма. Борьба велась из-за торгового и колониального преобладания, господства на море и влияния на европейском континенте. Накануне Семилетней войны главные области столкновения англо-французских интересов лежали за морями: это была и Канада, занятая французами еще в XVII в., и Ост-Индия, на территории которой англичане и французы вели между собой ожесточенную борьбу. Англия сталкивалась и с Испанией, обладавшей огромными владениями в Южной и Центральной Америке.

На европейском континенте основным принципом политики Англии было недопущение Франции к занятию Южных Нидерландов, которые, оказавшись в руках французов, могли стать угрозой для Англии. После Утрехтского мира

Испанские Нидерланды перешли к Австрии, не являвшейся морской державой и сосредоточившей свои интересы в центре и на востоке Европы, и с этой точки зрения, для Англии это было наиболее приемлемым решением вопроса. Кроме того, Австрия являлась злейшим врагом Франции. В сферу английских интересов на континенте входили еще Голландия, как основная соперница Англии в морской торговле, и Ганновер, родовое владение английских королей.

Что касается Франции, то она поддерживала систему союзов со Швецией, Польшей и Турцией, которые составляли так называемый «восточный барьер». Этот «барьер» служил Франции как против империи Габсбургов в XVII и первой половине XVIII в., против Пруссии во второй половине XVIII в., так и против России. Бурный рост могущества Российской империи делал ее врагом Швеции и Турции, а следовательно, и самой Франции¹.

Война «за австрийское наследство» не только не разрешила противоречий, приведших к ее возникновению, а, напротив, только усугубила их. Четко определились два основных узла конфликтов. Основным европейским конфликтом в течение более чем двух столетий привыкли считать старый антагонизм Бурбонов и Габсбургов – противостояние Франции и Австрии, а до 1713 г. – и Испании. Именно через призму этого противостояния рассматривались многие другие европейские проблемы. Хотя война 1740-1748 гг. и дала новый импульс австро-французской вражде, после Ахенского мира этому антагонизму уже не суждено было определять развитие событий. Фокус основного европейского конфликта переместился в германские земли, где необычайную остроту приобрело столкновение интересов Пруссии и Австрии.

Война завершилась для Пруссии в целом успешно: в результате аннексии Силезии ее население выросло наполовину, государственные доходы – на треть. Однако эта аннек-

¹ Нарочницкий А.Л. Международные отношения... – С. 3-5.

сия превратила в злейшего врага Пруссии Австрию, главной задачей внешней политики которой стал возврат утраченных территорий и восстановление несколько пошатнувшегося положения Австрии среди германских государств. Для укрепления своего положения Фридрих II поддерживал оборонительный союз с Францией, заключенный в 1741 г. сроком на 15 лет. Пруссия также участвовала во франко-пруско-шведском союзном договоре, заключенном в 1747 г. на 10 лет. Что же касается Вены, важное место в ее внешней политике занимал союз с Россией и Англией. В 1746 г. Россия и Австрия заключили союзный оборонительный договор, рассчитанный на 25 лет. В 1750 г. к «договору двух императриц» присоединилась и Англия. Таким образом, основными европейскими внешнеполитическими объединениями к середине 50-х гг. являлись австро-англо-русский союз, к которому примыкали Голландия и Саксония, и франко-пруский союз, к которому примыкала Швеция¹.

В Испании в это время правил уже новый король – в 1746 г. на трон вступил Фердинанд VI. Для того чтобы ознакомить нового монарха с ситуацией, в которой находилась страна, первый министр испанского правительства маркиз де Энсенада² составил несколько докладов о политике, которую

¹ Яковлев Н.Н. Европа накануне дипломатической революции. – М., 1997. – С. 7, 9-11.

² Сенон де Сомодевила и Бенгочеа, маркиз де Энсенада, родился в 1702 г. в провинции Риоха. В 1720 г. Патиньо назначил его в Секретариат по делам морского флота. В 1733 г. он был главным министром, возглавившим армаду, направлявшуюся в Италию. В 1737 г. занял должность секретаря адмиралтейства и интенданта морского флота, а в 1741 – генеральным интендантом армии и морского флота во время кампании в Сардинии, где он и находился, когда 25 апреля 1743 г. получил послание Филиппа V о том, что он назначен Секретарем департаментов экономики, Индий, обороны и морского флота, а в мае – Секретарем по государственным делам. «Уважение, которое он заслужил за 20 лет государственной службы, личное знакомство с Патиньо и Кампильо, а главное, желание монархов сохранить руководство в одних руках в столь конфликтный

проводило государство и которой, по его мнению, ему надлежало следовать в дальнейшем. Он подчеркивал, что основным врагом Испании является Англия, которая начинает все более и более активно соперничать с Бурбонскими державами в их заокеанских владениях. Европейские территории в Южных Нидерландах и Италии, которые Испания потеряла после Утрехта, «никакой пользы, а только разорение приносили для государства», поэтому не стоит сосредоточивать свои силы на их возвращении, а следует укреплять и развивать свои владения за океаном. По этой самой причине Энсенада пришел к следующему выводу: «Ни одна страна в мире не нуждается так в сильном флоте, как Испания, потому что сама расположена на полуострове и потому что должна защищать свои обширнейшие владения в Америке»¹. В результате этой политики, по утверждению испанского историка А. Домингеса Ортиса, Испания стала третьей морской державой в мире после Англии и Франции².

Если в первой половине XVIII в. главной целью испанской внешней политики было покончить с диктатом Утрехта и вернуть отобранные после войны «за испанское наследство» территории, то начиная с правления Фердинанда VI Испания отказывается от завоевательной политики – ее магистральным направлением становится защита своей территории,

момент, объясняют «взлет» Энсенады на самый высокий пост в государстве». *Badorrey Martín B. Los orígenes...* – P. 81.

¹ Цит. по: *Olivie F. La herencia...* – P. 38-39, 42-43. Строительству флота уделялось большое внимание и в правление Филиппа V, и Фердинанда VI, чему большое внимание уделяли министры Х. Патиньо, Х. Кампильо и сам Энсенада. Были построены верфи в Эль Ферроле, Кадисе и Картахене, которые, кстати, действуют до сегодняшнего дня. Была построена верфь в Гаване, с которой спускали лучшие суда в мире в те времена. К концу правления Фердинанда VI удалось довести количество военных кораблей до 76, чего при Бурбонах еще не бывало. *Punep P. Фердинанд VI // Испанские короли...* – С. 226.

² *Domínguez Ortíz A. Carlos III...* – P. 108.

включая и заокеанские владения. Основные внешнеполитические задачи, которые следовало решить при этом, были следующие:

- разрешение длившегося со времен войны за «испанское наследство» конфликта с Австрией в Италии;
- разрешение конфликтов с Португалией и Англией в Америке.

Примирение с Австрией и стабилизация положения в Италии начались с урегулирования вопроса о Парме, когда согласно Ахенскому миру инфант Филипп получил ее в правление. В 1750 г. сводная сестра Фердинанда, инфанта Мария-Антония вышла замуж за принца Пьемонтского, Виктора Амадея Савойского, старшего сына короля Сардинии, союзника Австрии. Императрица Мария-Терезия установила прямые контакты с женой Фердинанда, Барбарой де Браганса, которая приходилась ей родственницей по нескольким линиям, чтобы заключить в отношении Италии оборонительный союз. Фердинанд VI дал свое согласие, и 14 июня 1752 г. в Аранхуэсе между Испанией, Австрией и Сардинией был подписан договор, который подтверждал установленный по Ахенскому миру для Италии порядок и подводил черту итальянским войнам первой половины XVIII в. К соглашению присоединился герцог Пармы Филипп¹.

Примирение Испании с Португалией последовало в январе 1750 г. В Мадриде был заключен договор, урегулировавший пограничные споры между колониями обеих держав. Испания признала продвинувшуюся далеко на запад португальскую колонизацию в Мато-Гроссо и Амазонской области. Со своей стороны Португалия передавала Испании кон-

¹ Однако занимавший в то время неаполитанский престол, будущий король Испании Карл III не стал присоединяться к договору, поскольку он не гарантировал его права на престол Неаполя. *Пунер Р.* Фердинанд VI... – С. 229.

троль над устьем Ла-Платы и отдавала колонию Сакраменто, также она отказывалась от притязаний на Филиппины¹.

В октябре 1750 г. Испания достигла согласия с Англией о прекращении договора *асьенто*, но к соглашению о ликвидации английских лесозаготовительных поселений в Белизе и Гондурасе, незаконных, по мнению испанцев, равно как и о суверенном праве, заявляемом Испанией на Карибское море, прийти не удалось, как, впрочем, не получилось вернуть Менорку и Гибралтар. Англия, основной противник Испании в XVIII в., добившись уменьшения влияния Испании на европейской сцене, поставила себе задачу потеснить ее и в Новом Свете.

Еще в XVII в. различные европейские государства пытались закрепиться на американском континенте, исследованная часть которого находилась в руках испанцев и португальцев. Голландцы, французы, датчане и англичане заняли некоторые острова в Карибском море, открытые испанцами, но не заселенные ими. Их же попытки утвердиться на самом континенте, контролируемом испанцами, потерпели поражение. Менедес де Авилес изгнал французов из Флориды, Фадрике де Толедо – голландцев из Бразилии, а Блас де Лесо уже в XVIII в. пресек попытку англичан захватить Картахену, один из основных испанских портов в Карибах, через который проходил путь в Новую Гранаду².

К середине XVIII в., таким образом, свободными от контроля испанцев оставались территории, расположенные к северу от испанской Флориды, и именно за эти земли на берегу Атлантики, после вытеснения голландцев из Нью-

¹ Этот договор о разделе границ натолкнулся на сильное сопротивление в Америке, особенно в парагвайских иезуитских резервациях, поскольку иезуиты потеряли часть своих миссионерских территорий. Однако до принципиального пересмотра вновь установленных границ дело не дошло. *Бемер Г. Иезуиты.* – М., 1913. – С. 412-413.

² *Olivie F. La herencia...* – P. 55.

Йорка, началась борьба между французами и англичанами. Если в Европе период конца 40-х – начала 50-х гг. был относительно спокойным, то в Северной Америке ситуация складывалась совсем по-другому. Французы, укрепившись в Сан-Лоренцо, поддержанные индейцами, начали создавать линию фортов и торговых поселений в долинах Огайо и Миссисиппи с целью соединить французскую Канаду с Мексиканским заливом, где находилось их поселение Билокси, основанное в 1698 г., и Новый Орлеан (1718). Французы пытались окружить английские колонии с запада, создав в Северной Америке колониальную империю, расположенную между англичанами и испанцами, тогда как англичане поставили цель добавить к своим колониям на Атлантическом побережье и французскую Канаду.

К концу 40-х гг. англо-французский спор за колонии, сопровождавшийся борьбой за преобладание на морях, значительно обострился. Наиболее острые противоречия возникли в Северной Америке: напряженность там никогда не спадала, а с 1753 г. начал назревать новый конфликт. Политика основного противника Великобритании – Франции – после 1748 г., несмотря на то что она традиционно считалась крупнейшей державой континентальной Европы, в этот период не отличалась там значительной активностью – основное свое внимание Франция уделяла укреплению своей военно-морской мощи и подготовке к борьбе с Великобританией за колонии¹.

Первые шаги к обострению обстановки последовали с французской стороны, когда в 1753 г. на важном участке от о. Эри до долины Огайо были сооружены три новых французских военных форта с целью установления контроля над долиной Огайо, чтобы получить возможность соединить французские владения в Канаде и Луизиане. Британские власти предприняли ответные меры, и в апреле 1754 г. отряд,

¹ Яковлев Н.Н. Европа... – С. 12, 17.

возглавляемый подполковником Д. Вашингтоном, выступил в поход. Экспедиция потерпела неудачу, но действия отряда позволили Франции выставить британскую сторону агрессором. В 1755 г. пограничные столкновения продолжались и неожиданно переросли в довольно серьезный конфликт. Тем не менее Великобритания отказалась признать неправомерность своих действий и возместить французам ущерб. Конфликт грозил выплеснуться за рамки Северной Америки. Обе стороны активно готовились к боевым действиям, особенно на море. Отношения сторон были полностью разорваны в апреле 1756 г. Это значительно осложнило обстановку в Европе¹.

Таким образом, нарастание экспансии Пруссии в германских землях, с одной стороны, и резкое обострение англо-французской борьбы за колонии в Северной Америке и в Индии – с другой, привели к тому, что австро-французский антагонизм сменился на австро-пруссский и англо-французский. 16 января 1756 г. Англия подписала Вестминстерскую конвенцию с Пруссией. После этого «началась та цепная реакция крушения всей существующей в Европе системы союзов, которая вошла в историю под названием “дипломатической революции”. Вторым актом этой революции, спровоцированной англо-прусским соглашением, стало примирение двух старых противников: Франции и Австрии», и 1 мая 1756 г. они подписали Версальский оборонительный договор².

Все эти перемены, происходившие в Европе, не могли не затронуть интересы России, внешнюю политику которой

¹ Яковлев Н.Н. Европа... – С. 27-30.

² Черкасов П.П. Россия и «дипломатическая революция» 1756 г. в Европе // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М., 1994. – С. 72; Яковлев Н.Н. Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – М., 1995. – С. 7-17.

направлял канцлер А.П. Бестужев-Рюмин. Его внешнеполитическую систему определяли следующие приоритеты. Во-первых, союз с «морскими державами» – Великобританией и Голландией, основывавшийся на интенсивных торговых связях. Во-вторых, союз с Саксонией, поскольку саксонский курфюрст являлся и польским королем. В-третьих, союз с Австрией, обусловленный задачей противодействия Османской империи¹. Но к середине 50-х гг. «система» Бестужева-Рюмина во многом не соответствовала изменившейся внешнеполитической конъюнктуре, и Россия переориентировала свой внешнеполитический курс на сближение с Францией². Это активно поощрялось венской дипломатией, заинтересованной в укреплении антипрусского фронта. После официального восстановления дипломатических отношений между Петербургом и Версалем в июле 1756 г. встал вопрос о присоединении России к Версальскому договору, что и произошло в декабре 1756 г.³

Англо-французский военный конфликт перерос в общеевропейскую войну. Франция выступила совместно с Австрией и Россией, а Великобритания с Пруссией. Испания заняла нейтральную позицию, и в этом была своя логика: англичане и французы спорили из-за территорий, хоть и находившихся рядом с испанскими владениями, но в их состав не входивших, а их столкновение в Индии Испании не касалось никоим образом. Несколько отличается на вопрос о нейтралитете Испании точка зрения испанского историка Ф. Оливье. Он усматривает его причину в большей степени в личности самого короля, который игнорировал существова-

¹ Яковлев Н.Н. Европа... – С. 22-23.

² Черкасов П.П. Прерванный диалог: русско-французские отношения в первой половине XVIII в. // Россия и Франция XVIII-XX вв. – М., 1995. – С. 15-49.

³ См.: Черкасов П.П. Россия... – С. 74.

ние британской угрозы для Испании в Америке, «веря, что, если эту угрозу не замечать, она растворится сама собой». Оливье полагает, что для Испании существовала в тот период не только британская угроза в Северной Америке, но и португальская – в Южной¹. С автором можно согласиться в том, что Фердинанд VI, как, кстати, ранее и его отец, а позднее и его сводный брат Карл III, находился под большим влиянием своей жены Барбары, происходившей из португальской Браганской династии.

Действительно, Барбара много сделала для того, чтобы расширить португальские владения в Южной Америке и довести их границу до испанских колоний в районе р. Ла-Плата, что было зафиксировано договором о границах 1750 г. Но именно существование этого договора юридически оформляло отношения между двумя государствами в период, когда разразилась Семилетняя война, и, скорее, Испания могла быть недовольна его подписанием, нежели Португалия. А в Испании этим договором более всего был недоволен маркиз де Энсеньяда, о чем он не замедлил написать неаполитанскому королю, который в будущем станет испанским королем Карлом III. Эта позиция Энсеньяды вызвала недовольство королевы Барбары и стала одной из причин отставки этого всемогущего министра в 1754 г.²

¹ *Olivie F. La herencia...* – P. 64.

² Активно способствовали его отставке Р. Вал и герцог де Уэскар, которые обвиняли Энсеньяду в проведении тайных переговоров с Францией, в помощи французам в их войне с англичанами, в секретной переписке с неаполитанским двором и королевой-матерью, которую он вел без разрешения монарха. Р. Вал был назначен Первым секретарем по государственным делам, а Энсеньяда арестован и сослан в Гранаду. Карл III позволил ему вернуться ко двору, но, оказавшись замешанным в восстании против Скилаччи, он был сослан в Медину дель Кампо, где умер в 1781 г. *Badorrey Martín B. Los orígenes...* – P. 104-108.

Первые годы Семилетней войны были благоприятны для французов, которые захватили у англичан Менорку¹ и тут же предложили Фердинанду VI вступить в войну на стороне Франции. Однако испанская сторона, ввиду стремления избавиться от французской опеки, не желала заключать с ней новых союзов². Не оставляли попыток привлечь на свою сторону Испанию и англичане. В конце концов англичане сумели подавить сопротивление французов как в водах Атлантики, так и Индийского океана³, а их союзники – пруссаки одержали ряд побед в Европе.

А в это время на испанский престол под именем Карла III взошел новый король. Поскольку у Филиппа V было четыре сына от первого брака⁴, то родившийся в 1716 г. у Изабеллы Фарнезе инфант Карл вовсе не предназначался для правления в Испании. Он был любимым ребенком своей матери, которая всю внешнюю политику Испании сводила к тому, чтобы обеспечить сына своими наследственными владениями в Италии⁵. Он рос в атмосфере борьбы за его права на герцогства Пармы, Пьяченцы и Тосканы, которые были признаны по Гаагскому мирному договору 1720 г., а потом подвергнуты сомнению императором Карлом VI. В 1725 г. Испания заключила союз с Империей с целью женить инфан-

¹ Менорка оставалась в руках французов до 1763 г., когда согласно условиям Парижского мира она вновь перешла к англичанам.

² Чтобы избежать официального разрыва с Францией, испанская корона время от времени ссылалась на тесные родственные отношения между двумя государствами и неизменно подчеркивала взаимную дружбу. *Пипер Р.* Фердинанд VI... – С. 231.

³ См. об этом подробнее: *Роскок Т.* Battle for empire: the very first world war, 1756-1763. – London, 1998. – P. 184.

⁴ Двое из них умерли, не дожив до совершеннолетия, остальные двое правили Испанией: Луис I (1724) и Фердинанд VI (1746-1759).

⁵ Английский посол в Испании Доддингтон после рождения Карла заявил, что «та держава будет иметь большой кредит в Испании, которая сделает ей более выгодные предложения, касающиеся сына королевы». Цит. по: *La érosa...* – P. 634.

та на одной из эрцгерцогинь¹, но в 1729 г. этот план расстроился, а Испания стала готовится к войне с Габсбургами за новый передел итальянских владений.

Однако смерть брата испанской королевы, герцога Антонио Фарнезе в январе 1731 г. смешала планы европейских держав. Герцогу де Лириа, который, вернувшись из России, был назначен послом Испании в Вене, удалось уговорить императора, на которого оказывали сильное давление Англия и Франция², и в июле 1731 г. Испания подписала договор с Империей о признании прав Карла на наследственные владения Фарнезе, а в декабре он уже ступил на землю Италии³. Однако он недолго наслаждался жизнью, разъезжая между Пармой и Пьяченцей – в 1733 г. умер польский король, в Европе началась война «за польское наследство». Эта война послужила поводом к заключению 7 ноября 1733 г. первого Фамильного пакта с Францией, инициатором которого стал новый руководитель внешней политики Испании Х. Патиньо⁴. Сближение с Францией должно было обеспечить

¹ См. об этом главу I, параграф 1. *Voltes Bou P. Felipe V...* – P. 284-285.

² Англия не возражала против испанских притязаний в Италии, а во Франции в 1729 г. родился дофин, что серьезно ослабило возможные притязания на французский престол Филиппа V. *Baudrillat A. Philippe V... – V. 3.* – P. 440-448.

³ *Hull A. Charles III and the Revival of Spain.* Washington. – 1980. – P. 21-24; *Coniglio G. I Borboni di Spagna.* – Milano, 1970. – P. 246-250.

⁴ Патиньо родился в Милане, где его отец, галисиец по происхождению, занимался вопросами снабжения армии. Он учился у иезуитов, затем начал военную карьеру и участвовал в войне «за испанское наследство» на стороне Филиппа V. В 1711 г. он стал интендантом армии в Эстремадуре, а с возвышением Альберони в 1717 г. стал генеральным интендантом морского флота и суперинтендантом провинции Севилья. Рипперда лишил его всех должностей и отправил в Брюссель, а после падения фаворита Патиньо получил пост Секретаря по делам флота и Индий, начав свою министерскую карьеру. Реально, хотя должность Секретаря по государственным делам сохранял Оредайн, Патиньо занимался и этими вопросами. С 1733 г. он занял эту должность официально. *Bédarida H. Les premiers Bourbons de Parme et l'Espagne (1731-1802).* – Paris, 1928. –

итальянские приобретения (в том числе и будущие) и пресечь английские амбиции на море. В результате Испания и Франция поддержали на польский престол кандидатуру Станислава Лещинского, а Австрия и Россия – Фридриха Августа, электора Саксонии¹.

На самом деле проблема «польского наследства» была крайне далека от внешнеполитических интересов Испании, но тот факт, что Испания включилась в европейскую политику на итальянской сцене, вынудил ее именно там выступить против Австрии. Филипп V приказал Карлу командовать армией, которая должна была вторгнуться в Неаполь. В декабре 1733 г. испанская армия высадилась в Тоскане, а в августе 1734 г. разбила австрийскую армию у Битонто, завершив свой победный поход взятием Капуи и Гаэты².

Военные действия развивались столь успешно, что уже вскоре была захвачена Сицилия, а 3 июля 1735 г. он был коронован в Палермо как король Обеих Сицилий (Неаполь и Сицилия) Карл VII. Венский прелиминарный мир, подписанный 3 октября 1735 г., признавал завоевания Бурбонов в Италии, но Карл, оставаясь королем Неаполя, терял право на владения Фарнезе, которые отошли к Габсбургам³. Кроме того, великим державам было обещано, что дело никогда не

Р. 9-14; *S chop Soler A.M.* Las relaciones... – P. 17-18; *Badorrey Martín B.* Los orígenes... – P. 68-70.

¹ Британский кабинет отказался от участия в войне, что, по мнению Ф. Вудфайна, осложнило его отношения с союзниками и укрепило позиции Франции, которая заняла доминирующее положение в Европе. *Woodfine Ph.* Britannia's glories: the Walpole ministry and 1739 war with Spain. – London, 1998. – P. 21.

² Во главе войска, сопровождавшего Карла, был герцог де Лириа. В ходе военных действий он командовал осадой Гаэты. Умер он в 1733 г., будучи испанским послом в Неаполе.

³ Изабелла Фарнезе очень переживала потерю Пармы, на которую имела бесспорное наследственное право и которую она рассчитывала передать своему второму сыну, инфанту Филиппу. *Domínguez Ortíz A.* Carlos III... – P. 24.

дойдет до личной унии с испанской короной. Испанская королева была разочарована таким решением, и испано-сардинские войска находились в Тоскане вплоть до 1737 г., а мирный договор был подписан только 2 мая 1738 г.¹

В 1737 г. Карл женился на саксонской принцессе Марии-Амалии, дочери саксонского курфюрста, польского короля Августа III, против восхождения на трон которого он и участвовал в войне «за польское наследство», так что этот брак как бы символизировал примирение Испании с германскими государствами. Молодой неаполитанской королеве тогда было всего 14 лет².

Так сложилось, что нахождение одного из Бурбонов на троне Пармы вовлекло Испанию в войну «за польское наследство», а уже занятие им же через несколько лет трона Неаполя и Сицилии вынудило Испанию принять участие еще в одной войне – войне «за австрийское наследство», которая началась после смерти императора Карла VI в 1740 г. Для Изабеллы Фарнезе это был желанный повод возобновления прерванной Венским прелиминарным миром борьбы за Италию. Антибурбоновская коалиция между Англией, Австрией и Сардинией привела к тесному сближению Франции с Испанией. Это нашло отражение во втором Фамильном пакте, подписанном 25 октября 1743 г. и объединившем три ветви Бурбонского дома: Испанию, Францию и Неаполь. Согласно этому договору Людовик XV обязался вступить в войну против Англии и Сардинии, а также оказать поддержку в завоевании Милана, а в дальнейшем – Пармы и Пьяченцы для испанского инфанта Филиппа, второго сына Изабеллы и Филип-

¹ *Woodfine Ph.* Britannia's Glories... – P. 20.

² *Menéndez Pelayo M.* Historia de España... – Т. XXIX. – P. 617; *Hull A.* Charles III... P. 30; *Coniglio G.* I Borboni... – P. 250-255; *Barreca L.* El reino de Sicilia en los años 1734-1759 y Carlos de Borbon // Actas del congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». V.1. El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990. – P. 451-465.

па V. В 1742 г. испанское войско под его командованием высадилось на севере Италии, чтобы отвоевать у австрийцев Парму и Милан. Карл должен был поддержать брата. Этому воспрепятствовала блокада Неаполитанского залива английской эскадрой, которая расположилась недалеко от королевского дворца. Командующий эскадрой Мартин отправил королю ультиматум следующего содержания: Великобритания настаивает на сохранении Неаполем нейтралитета в войне, и в этом случае неаполитанское войско не должно соединиться с испанским. В противном же – английская эскадра начнет бомбить город. Карл вынужден был подчиниться¹. Но приближение австрийских войск к границам Неаполя вынудило его принять участие в войне. Летом 1744 г. в сражении у Веллетри он разбил австрийцев, как бы компенсировав этим унижение, испытанное от необходимости подчиниться английскому ультиматуму, а в 1745 г. испанско-сардинское войско заняло Милан², в результате чего трон Пармы снова вернулся к испанским Бурбонам: его занял младший брат Карла, инфант Филипп.

Таким образом, в середине XVIII в. династия Бурбонов занимала троны Франции, Испании, Неаполя и Пармы. И хотя Испания не вернула себе ранг великой державы, все же теперь она могла принимать участие в глобальной европейской политике в качестве самостоятельного фактора. С другой стороны, именно с этого времени Испания отказывается

¹ *Domínguez Ortíz A.* Carlos III... – P. 28. Унижение, которое испытал Карл во время английской блокады, многие историки приводят как объяснение его антианглийских настроений, которые привели к подписанию Фамильного пакта с Францией.

² Правда, в июле 1746 г. испанцы вынуждены были вновь очистить Ломбардию и воевали после этого с меньшим успехом до Ахенского мира (18 октября 1748 г.), положившего конец войне «за австрийское наследство». Согласно этому миру, инфант Филипп получил Парму и Пьяченцу. Гибралтар и Менорку отвоевать так и не удалось. Также не удалось освободиться и от кабальных торговых договоров.

от претензий на распространение своего контроля, своего влияния, своей политической гегемонии на европейские территории.

Карл правил Неаполем 24 года, и, по свидетельству его биографа А. Халла, «это было лучшее правление страной за последние двести лет»¹. Но в 1759 г. испанский король Фердинанд VI умирает, не оставив прямых наследников, и тогда неаполитанского монарха провозглашают королем Испании. 7 октября 1759 г. он покидает Неаполь, а 9 декабря уже въезжает в Мадрид вместе с Марией-Амалией².

Вступление Карла III на испанский престол произошло в самый разгар Семилетней войны³. Сменой монарха на испанском престоле решили воспользоваться обе противоборствующие стороны: и Англия, и Франция. Поражения англичан в первые годы войны вынудили их заискивать перед Испанией. Британии нужен был если не союз, то, по крайней мере, сохранение Испанией нейтралитета⁴. А потому Георг II отправил в Неаполь специального курьера приветствовать от

¹ Он построил там прекрасные дворцы Портичи, Каподимонте, Касерта. Именно ему мы обязаны раскопками Помпеи, он организовал музей шедевров искусства, обнаруженных при раскопках. Халл называет его образцом порядочности и благородства, говоря, что, покидая Неаполь, Карл отказался взять даже найденное им на раскопках колечко хотя бы как символ той земли, которую он покидал навсегда. *Hull A. Charles III... – P. 95.* О годах, проведенных в Неаполе, см. также: *Питиманн Х. Карл III // Испанские короли... – С. 238-243.*

² *Domínguez Ortíz A. Carlos III... – P. 45-46.*

³ И путь, который будущий король проделал от Неаполя до Барселоны, где он впервые вступил на испанскую землю, был совершен в сопровождении хорошо вооруженной большой эскадры.

⁴ Англоамериканским корсарам было запрещено нападать на испанские корабли, был назначен новый губернатор Ямайки, который больше устраивал испанцев; колонистам Джорджии было запрещено спускаться вниз по реке Альтамахе, чтобы не вызвать недовольства испанцев в Сан-Августине.

его имени нового испанского монарха¹. Людовик XV возжелал повидаться со своим племянником в Лионе по пути последнего в Мадрид, но свидание не состоялось, так как Карл отправился в Испанию морским путем². 21 сентября маркиз де Оссун, бывший тогда посланником Франции в Неаполе³, передал ему мемориал, в котором говорилось об условиях мира между Англией и Францией и о посредничестве в этом Испании. Но англичане не торопились с переговорами о мире: они ждали результатов действий своих войск на севере Америки.

В октябре 1759 г. в Лондон пришло известие о том, что генерал Вольф захватил Квебек, что означало максимальный успех Англии в борьбе двух колониальных держав: она получила контроль над всей французской Канадой. Ободренный этим успехом, британский кабинет совместно с прусским заявили, что они предлагают открыть переговоры о мире. Однако противоположная сторона не торопилась с ответом. Франция вместо переговоров о всеобщем мире предлагала разделить вопросы о войне в Германии и об англо-французских отношениях⁴. Вместе с тем Шуазель боялся, что Австрия пойдет на сепаратные переговоры с Англией. Ответ же Австрии и России поступил только в начале апреля 1760 г. – ни той ни другой державе в тот момент мир был не нужен.

¹ Чтобы вызвать расположение нового монарха, англичане даже впустили испанскую эскадру в Гавр, несмотря на блокаду, которую осуществляла английская эскадра. *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 45.

² *Ibid.* – P. 46-47.

³ Карл был личным другом Оссуна, и, став королем Испании, он просил французского короля назначить Оссуна послом в Мадрид.

⁴ Вместе с тем в октябре Шуазель писал Оссуну: «Испанцы могут помочь нам двумя путями. Первый, и наиболее действенный, предоставить нам 20 миллионов. Второй – обеспечить нам мир. Наши несчастья заставляют нас идти на это, даже на невыгодных нам условиях». Цит. по: *Domínguez Ortíz A. Carlos III...* – P. 58.

Карл III склонялся к посреднической роли в мирных переговорах, выдвинув впервые принцип «равновесия в Америке»: испанский кабинет решил воспользоваться войной, чтобы добиться от Англии уступок по некоторым спорным вопросам. Проблему Гибралтара испанцы даже не понимали, понимая, что мирным путем они его не получат никогда. Испанский посол граф де Фуэнтес¹ получил инструкцию поставить перед английским кабинетом три вопроса: о возможности рыбной ловли в Терранове; о пиратских захватах испанских купеческих кораблей; о захвате англичанами земель на побережье Гондураса. Но после длительных дискуссий с Питтом, Фуэнтес сообщил, что не добился ничего существенного², он не только рекомендовал заключить союз с Францией, но торопил испанскую сторону начать скорее войну с Англией, так как боялся, что Франция достигнет мира раньше, чем оформит союз с Испанией. Ему вторил и не-

¹ Хоакин Атанасио Пигнателли де Арагон Монкайо, XVI граф де Фуэнтес, маркиз де Коскохуэла де Фантовиа и де Мора, испанский гранд, князь Священной Римской империи, герцог-консорт Солферино, барон де Алтарриба, родился в 1724 г. в Сицилии. В 36 лет был назначен послом Карла III при английском дворе, где находился в должности 1 год и 8 месяцев (май 1760-1761). Будучи послом в Лондоне, за переговоры по заключению Фамильного пакта с Францией в 1761 г. был удостоен ордена Золотой подвязки. Он пытался, правда безуспешно, организовать посредничество Испании в переговорах между Англией, Австрией и Францией в ходе Семилетней войны, а со вступлением в войну Испании покинул Лондон. Он был послом в Париже, но подал в отставку после падения своего друга Шуазеля и в знак несогласия с преследованием иезуитов. Двое из его братьев были иезуиты, один из них – Сан Хосе Пигнателли – позже восстановил орден в Италии, а другой брат Рамон де Пигнателли – иезуит и инженер – завершил строительство Арагонского канала, начатого еще двумя столетиями раньше, при Карле V. Четвертый – Хуан Доминго – генерал-лейтенант и посол в Дании. *Alzina Aguilar J.P.* Embajadores de España en Londres: una guía de retratos de la embajada de España. – Madrid, 2001. – P. 151-152.

² *Domínguez Ortíz A.* Carlos III... – P. 58.

аполитанский посол в Париже Сан-Северино¹. Тогда Карл стал склоняться к вступлению в войну, тем более что на американском континенте активизировались военные вылазки англичан против испанцев. Создавалась прямая угроза испанским владениям. В подобной ситуации Карл III был вынужден отказаться от политики нейтралитета², тем более что Шуазель, министр иностранных дел Людовика XV, после поражений, понесенных от англичан, с удвоенной энергией начал добиваться вступления Испании в войну. В январе 1761 г. в Париж был направлен маркиз де Гримальди. Это назначение ясно означало изменение испанского курса: перед Гримальди³ была поставлена одна конкретная задача – добиться союза с Францией.

Когда Гримальди прибыл в Париж, Франция вела переговоры со своими союзниками – Австрией, Россией и Швецией – о том, чтобы выработать общие условия мира и предложить их противоборствующей стороне. Шуазель хотел «поймать двух зайцев»: добиться мира или, если это не удастся, продемонстрировать Карлу III, что он находится на пороге его подписания, чтобы поторопить того с заключением союзного договора. Перед Гримальди же была поставлена другая сверхзадача – оттягивать как можно дольше подписание мира, а следовательно, и затягивать переговоры. Испания ставила подписание союзного договора с Францией в прямую зависимость от развития своих отношений с Великобританией. Однако Гримальди не пришлось выполнять свою

¹ *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 104-107.

² См. об этом: *Olivie F. La herencia...* – P. 63.

³ Херонимо Гримальди, маркиз де Гримальди, генуэзец по происхождению, прибыл в Испанию в 1734 г., когда ему было 25 лет. С 1746 г. он находился на службе у Филиппа V, который отправил его в Вену добиваться мира с Австрией. При Фердинанде VI был назначен послом в Гаагу. А его явные франкофильские взгляды стали причиной его назначения главой испанского посольства при заключении союза с Францией.

сверхзадачу – ни Россия, ни Австрия не торопились с ответом на предложения Франции – они ждали завершения последней кампании в Германии, которая обещала быть для них успешной. Только в конце марта Шуазель, наконец, получил ответы от союзников и смог отправить совместную декларацию дворов Парижа, Вены, Петербурга, Стокгольма и Варшавы королям Англии и Пруссии. Ожидая ответа от англичан, во время встречи с Гримальди 10 апреля 1761 г. он задал ему вопрос: следует ли добавить имя Испании в список союзников Франции. Гримальди передал этот вопрос своему правительству. И, наконец, был получен утвердительный ответ Карла III: «Да, и заявите об этом всему миру без промедления»¹. В течение апреля-августа 1761 г. Шуазель вел двойные переговоры: с Англией об условиях заключения мира и с Испанией о создании союза против Англии и продолжении войны². Наконец, 15 августа 1761 г. был подписан третий Фамильный пакт, который заключили Франция, Испания, Неаполь и Парма и который был направлен против Англии.

¹Palacio Atard V. El Tercer Pacto... – P. 139-140.

²Schweizer K. Frederick the Great, William Pitt and Lord Bute. – London, 1991. – P. 122-123.

2.2. Внешняя политика Испании в начале правления Карла III и основные проблемы восстановления отношений между Россией и Испанией

Теперь российская дипломатия вновь могла обратить свои взоры и на Испанию, что было легче осуществить, учитывая вступление на престол нового испанского монарха¹. Именно при Карле III и происходит восстановление дипломатических отношений с Россией. Следует учитывать, что российская императрица Елизавета Петровна выдвигала одно, но ультимативное условие – признание испанскими монархами императорского титула российских государей.

К тому времени императорский титул Елизаветы был признан практически всеми европейскими дворами, в том числе австрийским и французским. Поэтому российская императрица и обратилась за посредничеством к Франции, считая, что Испанию и Францию традиционно связывают семейные и союзные узы². Российскому послу в Париже графу А.П. Бестужеву-Рюмину был направлен рескрипт, в котором говорилось: «В случае же кончины е. в-ва на гишпанской престол имеет вступить по праву наследства король неаполитанской, которой, как и вам небезызвестно, с нами корреспонденцию имеет, но не надежно, будет ли оную содержать и впредь, когда корону гишпанской примет, ибо вышеозначенное о императорском титуле затруднение поныне еще не решенным осталось». Послу предписывалось прояснить, будет ли политика, которой следовал король Неаполя, продолжаться им, когда он вернется в Испанию³.

¹ Учитывая также и то, что Фердинанд VI придерживался нейтралитета и неприсоединения к союзам. *Palacio Atard V. La España del siglo XVIII. El siglo de las reformas.* – Madrid, 1978. – P. 125-127. См. также: *Ozanam D. La diplomacia de Fernando VI.* – Madrid, 1975.

² См.: *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...; Zabala y Lera P. El marqués de Argenson y el Pacto de Familia de 1743.* – Madrid, 1928.

³ Россия и Испания... – С. 150-151.

Карл III вскоре по прибытии в Испанию направил Елизавете Петровне грамоту (23.9.1759), которая и прояснила его намерения: в документе российская государыня именуется «императрицей» со всеми принадлежащими ей титулами. «Мы не можем с нашей стороны иначе соответствовать стольким знакам атенции в. в-ва, – говорилось в ответной грамоте Елизаветы (9.10.1759), – как прося вас быть уверенным в искреннем соучастии нашем во всем том, что до вас касается, может и о истинном желании нашем учинить теснейший союз нашей дружбы и тщательно содержать добрую корреспонденцию и столь щастливо пребывающее между ними навсегда совершенное согласие». Одновременно Бестужев-Рюмину был направлен рескрипт, в котором говорилось, что с получением испанской грамоты вопрос о титуле был разрешен, «а тем и вышеозначенное наше намерение совершенно исполнилось. Того ради повелеваем вам... учинить внушение о взаимной засылке министров, оказав к тому с нашей стороны готовность»¹.

В одном из следующих рескриптов послу было также указано: «Совершенно предаем на произволение е. к. в-ва, в каком характере похочет отправить к нашему двору своего министра; и что взаимно тому и от нас министр в равномерном характере ко двору ее в-ва в Мадрит отправлен будет». Далее в рескрипте говорилось, что для того, чтобы избежать затруднений в церемониале, можно было бы обменяться представителями в ранге чрезвычайных посланников, снабдив их также верительными грамотами посла на тот случай, если дворы придут по этому вопросу к взаимному соглашению². Но в феврале 1760 г. Бестужев-Рюмин умер, его заменил князь Д.М. Голицын, который и продолжил переговоры.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 146. Л. 8-10.

² Там же. Л. 15-16. В ноябре 1759 г. Карл III ответил через своего посла в Париже, что предоставляет императрице назначить «карактер министров». *Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор...* – С. 170.

В апреле 1760 г. испанский государственный секретарь Рикардо Вал направил через своего посла в Париже предложение Карла III назначить к обоим дворам дипломатических представителей в ранге полномочных посланников. А уже в следующем послании (12.5.1760) была указана и персона, определенная к петербургскому двору: «Король, видя, что императрица российская предает на волю е. в-ву выбор даваемого министрам обоих дворов характера, за благо рассудил снабдить посылаемую от себя персону характером полномочного министра, которой характер есть наиудобнейшим. Итак, е. в-во избрал полномочным к императорскому двору министром своим графа Рикла»¹. Рескриптом (9.6.1760) Елизавета приказывает Голицыну передать на это свое согласие и еще раз подчеркнуть, что она пошла на обмен посольствами только потому, что ее императорский титул «принят в уважение», и добавляет, что в верительной грамоте нового испанского посланника «титул должен быть отражен полностью»².

Итак, переписка между двумя дворами по вопросу об обмене посольствами, продолжавшаяся более года, завершилась. Первый шаг в восстановлении дипломатических отношений между Россией и Испанией сделан. Однако последующие были не столь безоблачными – на этом пути и одну, и другую державу поджидало немало проблем.

В ответ на назначение графа Рикла Елизавета, как когда-то и ее отец, определила посланником в Мадрид отпрыска старинного дворянского рода князя Петра Ивановича

¹ «...хотя в протчем оной ради знатности своей породы и иных отличительств достоин иметь характер посла, ибо он сын гранда гишпанского графа Синареса, который женат на маркизе Камеераской, графине де Рикла, також гранде гишпанской, по которой и он сию честь имеет. Сверх же того он генерал-майором от армий королевских и губернатором города Карфагены в Гишпании». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 146. Л. 23, 28. Текст письма приводится по русскому переводу, сделанному в КИД в 1760 г.

² Там же. Л. 25.

Репнина (? – 1778). Как и Щербатовы, Репнины были ветвью князей Черниговских, происходивших от самого Рюрика. Родоначальником фамилии считался Иван Михайлович Репня, бывший боярином и воеводой во времена Ивана III и Василия III. Его дети, внуки и правнуки также были боярами у Ивана Грозного и Федора Иоанновича. В XVII в. известен был князь Борис Александрович, участвовавший во многих военных походах времен Алексея Михайловича, а его сын, Аникита Иванович (1668-1726), с 16 лет служил Петру I и входил в круг лиц, отмеченных особым доверием молодого царя. Он участвовал в его походе на Азов, практически во всех сражениях Северной войны, в том числе и в Полтавской битве, «и ознаменовал свое блистательное поприще благородством душевным, правдивостью, бескорыстием и твердостью духа»¹. В 1719 г. А.И. Репнин стал генерал-губернатором Лифляндии, сменив на этом посту отца С.Д. Голицына, который отправился в Киев. В 1724 г. был назначен президентом Военной коллегии², а в мае 1725 г. произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден орденом Св. Александра Невского³.

Его внук П.И. Репнин начал свою службу в качестве военного. 17 февраля 1732 г. он поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, будучи кадетом которого неоднократно принимал участие в смотрах и парадах, прово-

¹ *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссий. империи. – СПб., 1890. – Ч. 1. – С. 6. Дата его рождения не установлена.

² После смерти Петра I он перешел на сторону Екатерины, которая не замедлила отблагодарить его за это.

³ А.И. Репнин был женат на П.Д. Голицыной, приходившейся троюродной теткой С.Д. Голицыну. Старший их сын, Василий Иванович, был генерал-фельдцейхмейстером, а второй, Иван Аникитич (1696-1737), отец П.И. Репнина, дослужился до звания полковника. *Всемирная Иллюстрация.* – 1880. – № 579. – С. 143-144.

дившихся в царствование Анны Иоанновны¹. 15 декабря 1732 г. он уже был произведен в прапорщики, а 24 января 1737 г. – в поручики. В этом же году умирает его отец², и он получает в наследство дом в Москве, в самом начале Большой Никитской улицы³. В 1738 г. П.И. Репнин был произведен в ротмистры кирасирского Брауншвейгского полка, а 26 февраля 1741 г. переведен в конную гвардию.

Его дальнейшая служебная карьера тесно связана с женитьбой на Марии Ивановне Головкиной (1.4.1707–17.12.1770), племяннице тогдашнего кабинет-министра графа Головкина. Свадьба, на которой, по свидетельствам иностранных послов маркиза де ля Шетарди и Эд. Финча, присутствовал весь двор, состоялась 8 ноября 1741 г. Этот брак открыл для Репнина доступ ко двору и позволил надеяться на быстрое и легкое продвижение по службе. Но вскоре умирает Анна Иоанновна и на престол вступает Елизавета Петровна. Смена монархини означала и смену приближенных, и до 1748 г. Репнин был отстранен от двора до тех пор, пока именным указом (1.1.1748) Елизаветы его не пожаловали в камер-юнкеры к великому князю Петру Федоровичу⁴. По роду своей новой службы Репнин постоянно находился при наследнике престола, где и познакомился с обер-гофмейстериней его супруги, великой княгини Екатерины Алексеевны,

¹ Савельев А.И. Первые кадетские смотры // Русская Старина. – 1890. – Т. 66. – № 5. – С. 351-352.

² В «Русском биографическом словаре» (Т. 16. 1913. С. 128) указано, что его отец умер в 1727 г., а его «старший брат, фельдмаршал, президент Военной коллегии и Лифляндский генерал-губернатор, Никита Иванович умер в 1738 г.». Но это ошибка, так как все эти сведения относятся к его деду, Аниките Ивановичу, а его брата звали Сергей Иванович (1718-1761). О брате Никите Ивановиче мы никаких данных в источниках не нашли.

³ В 1786 г. этот дом был куплен для находившегося рядом здания Московского университета на Моховой улице и занят под библиотеку. Русский Архив. – 1878. – № 2. – С. 167.

⁴ Волков Н.Е. Двор... – С. 162.

женой камергера Н.Н. Чоглокова, Марией Симоновной. Знакомство вскоре перешло в близкую связь, вызвавшую немало толков при дворе. Этот эпизод из жизни Репнина нашел бытописателя в лице самой Екатерины II, которой ее приближенная показывала переписку с Репниным¹. В звании камер-юнкера Репнин оставался до 25 декабря 1755 г., когда последовал указ о пожаловании его в действительные камергеры вместе с графом П. Чернышевым и князем Д. Голицыным².

Репнин принадлежал к числу лиц, владевших довольно крупным для того времени состоянием, большую часть которого он унаследовал от своего деда³. К наследству деда, известного своей щедростью, присоединилось после 1737 г. имущество отца, а позже и приданое жены. Но еще больше возросло его имущество благодаря разного рода пожалованиям и коммерческим операциям. В 1755 г. Елизавета Петровна передала ему Липские казенные железные заводы в Романовском уезде Воронежской губернии, открытые еще в свое время Петром I для нужд Черноморского флота, а также Боренские и Козьминские заводы⁴. В 1756 г. ему в числе не-

¹ См.: *Бильбасов В.А.* История... – Т. 1. – С. 263, 271; *Лонгинов Н.М.* Примечания к кн.: *Гельбиг.* Случайные люди в России // *Русский Архив.* – 1865. – Изд. II. – С. 434.

² *Волков Н.Е.* Двор... – С. 162.

³ Однако часть доставшихся ему имений он вынужден был продать для ликвидации оставшихся долгов. Дело об этой продаже проходило по докладу от Сената на Высочайшее утверждение, последовавшее 5 июня 1730 г.

⁴ Отливка пушек на них вскоре была приостановлена: они были слишком дорогими и низкого качества. Получив эти заводы, Репнин обязался уплатить в течение 5 лет Адмир. коллегии сумму в 22096 руб. 49 коп. Но, несмотря на неоднократные напоминания, он отказывался платить, ссылаясь на то, что во время передачи заводы были «не токмо без всякаго действия, но и совсем в опустошении и разорении», вследствие чего ему пришлось затратить на них «немалое свое иждивение» и поэтому влезть в большие долги. В 1760 г. по определению Сената уплата долга была от-

многих лиц было разрешено заняться рубкой заповедных лесов в Сибирской и Оренбургской губерниях. В 1757 г., незадолго до свержения Бестужева-Рюмина, Репнин был представлен к пожалованию деревнями, но размеры этой награды точно не были установлены, а определены лишь словами «по прпорции службы». А в 1760 г. Елизавета решила перевести его на дипломатическую службу, назначив полномочным посланником в Испанию.

4 июля 1760 г. был подписан указ о его назначении с жалованьем 10 тыс. рублей и выплатой на экипаж 7 тыс. рублей. Вслед за этим, одновременно с подписанием его верительных грамот, 17 августа 1760 г. он был пожалован генералом-поручиком. Тогда же Репнин получил инструкцию, а чуть позже был ознакомлен с письмом, которое отправил канцлеру М.И. Воронцову находившийся в Испании его племянник А.Р. Воронцов¹. Ему поручалось собрать подробную информацию об Испании². Представляет интерес характери-

срочена еще на 10 лет, но и тогда Репнин ничего не заплатил, а потом предложил правительству выкупить у него эти заводы. По указу Екатерины II в 1769 г. они были взяты обратно в казну в ведение Берг-коллегии, а ему была выплачена компенсация в размере 100 тыс. рублей. СРЮ. – Т. 28. – 1880. – С. 164, 207.

¹ Канцлер писал ему перед поездкой в Испанию: «Я поручаю вам во время пребывания вашего в Мадриде постараться разведать с достоверностию о нижеследующих тамошняго политического состояния касающихся пунктах и, записывая все любопытное на память, сочинить об оном по выезде из Гишпании обстоятельное на российском или французском языке описание, котораго присылкою вы много приятности мне учините... Но более всего заслуживает примечание ваше, сколько бы гишпанский двор склонности имел к возстановлению с ея и. в-вом доброй корреспонденции, и в каком качестве и какую особу намерен прислать сюда министром». Архив князя Воронцова (Далее – АВ). – Т. 31. – 1885. – С. 99, 101.

² Его отец Р.Л. Воронцов также просил написать ему об Испании. «Я неоднократно слышал о Мадриде, о великолепии его строений, о местоположении, о нравах народа и обхождении с иностранцами... Между прочим, уведомя, справедливо ли говорят о гишпанцах, что оных гордость так далеко простирается, что и крестьяне землю пашут, имея при себе

стика, данная автором Карлу III, которого традиционно историки почитают за основного инициатора политики реформ в Испании¹. «Что же касается до его характера, – говорится в документе, – то без пристрастия можно сказать, что государь не без разума, однако весьма далек от того, что о нем разгласилось в Европе с тех пор, как он на престол гишпанский вступил», при этом, продолжал далее Воронцов, «его самолюбие таково, что не может вообразить себе, что не от него самого происходило все то, что делается». Эти «разглашения» спровоцировал сам король, который «имеет склонность к солдатству» и в этом видит себя схожим с Фридрихом II «в рассуждении знания по военному искусству»². При этом гораздо большую близость Карл III испытывал к Франции, и Воронцов подметил еще одну его склонность – «к французскому двору, не только в рассуждении родства, но и по ненависти к Англии с тех пор, когда утрачен был флотом ее в последнюю итальянскую войну, предпринятым на Неаполь»³. Автор письма подчеркивал также, что большое

красные епанчи и шпаги, и оныя, усмотря проезжающих, на себя надевают, оставляя при том и работу свою». *Там же*. – С. 38, 41.

¹ См.: Actas del congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». V. 1. El Rey y la monarquía. V. 2. Economía y sociedad. V. 3. Educación y pensamiento. – Madrid, 1990. Особенно статьи: *Domínguez Ortíz A.* Carlos III de Borbon. Balance de un reinado. – P. 195-211; *Caso González J. M.* Alabanza y crítica en los elogios de Carlos III. – P. 323-347; *Barrío Gonzalo M.* Carlos III y su actitud política a través de su correspondencia con Tanucci (1759-1783). – P. 239-259.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 150. Л. 1.

³ *Там же*. Л. 2. Сравним его мнение с другими. Лорд Бристоль в письме Питту от 13 августа 1761 г. характеризовал его следующим образом: «По принадлежности своей к фамилии Бурбонов, испытывает этот король привязанность к Франции, но как испанец и могущественный монарх, который занимает не менее значительный трон, он не желает, чтобы его государство во время его правления управлялось по советам французов, как это было во времена Филиппа V». И другое мнение посла в Испании лорда Рочфорта (13.1.1764): «Очевидно, что е. к. в-во не желал разрывать с нами отношения, и те, кто его хорошо знают, уверяли меня, что он был

влияние оказывает на короля жена Мария-Амалия Саксонская и мать Изабелла Фарнезе¹.

Из придворных Воронцов выделяет государственного секретаря Р. Вала, причем в нескольких фразах он дает его исчерпывающий портрет: ирландец по происхождению, «человек разума великого и весьма трудолюбив», якобит, вместе с герцогом де Лириа был в составе посольства в России, а в настоящее время ведает «иностранным и военным департаментом», причем, как подчеркивает Воронцов, «имеет он больше ненависти к Франции, чем преданности к Англии»². Карл III полностью доверяет Валу, «потому что он один из его министров состояние всего государства знать может»³. Из других деятелей он отмечает министра финансов маркиза де Скилаччи, который «оказывает великое старание к поправлению неурядков по збору податей». Он занимал тот же пост, когда Карл был в Неаполе и «потянул» за собой на службу в Испанию многих неаполитанцев. В целом, замечает автор письма, в Испании на государственной службе очень много иностранцев, особенно фламандцев, французов и ирландцев⁴.

Примечательны и его характеристики Испании. Он обращает внимание своих читателей на то, что описания Испа-

преисполнен чувства горечи, когда его подвели к этому решению, поскольку в первый раз в жизни он вынужден был поступить против своей воли». Цит. по: *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 113.

¹ Очевидно, Воронцов желал польстить Елизавете Петровне, немного принижая достоинства испанского короля. Американский историк Р. Герр писал: «Карл не был блестяще одаренным человеком, но он, как и Фердинанд VI, признавал талант тех, кто у него служил, и его министры были лучшими среди тех, кого когда-либо знала Испания». *Herr R. An Historical Essay on Modern Spain.* – Berkeley, 1971. – P. 51.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 150. Л. 3. Это замечание не случайно, поскольку при Фердинанде VI Вал был послом Испании в Лондоне, а в последние годы его правления стал государственным секретарем.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

нии путешественниками часто бывают слишком негативными: «печатные описания весьма ей неласкателны». Он же гораздо менее категоричен. По его мнению, в «вельможах больше обхождения и учтивости, чем по объявлению разных вояжиров», при этом «живут они с ужасным великолепием». Нация в целом «весьма самолюбива и почитает себя превосходящее других, отдалена весьма от чужих обыкновений», но «к милостыне склоннее всех»¹. «Мануфактуры начали умножаться в Испании», хотя «внутренняя комерция очень невелика и утесняема в пошлинах и налогах в проезде через разные провинции»². При этом автор подчеркивает, что сохранилась запутанность административной и налоговой системы. «Когда Испания была разделена на особые королевства, – пишет он, – то во всяком были и особые пошлины, кои по соединении всех провинций не были одинаково сняты, так что многие товары испанские до отсылки в Новый Свет, переходя через разные провинции до Кадиса, где флот нагружается, дороже французских становится будут...»³.

Торговле с Америкой он уделяет большое внимание, доводя до сведения читателей, что большую роль в ней играют «купечествующие державы»: Франция, Голландия и Англия, а также Дания и Швеция, причем последние больше занимаются оснащением кораблей. «Хотя число чужестранных товаров, кои в Новый Свет отправляются и велико, но все принуждены итти через руки природных гишпанцев, понеже не только чужестранных кораблей не допускают, но и ни один чужестранный в селения их принят быть не может»⁴.

¹ «По сие время мне не случалось слышать об них такой похвалы, – отвечал ему отец, – какую ты им приписываешь. Здесь они почитались за грубых, спесивых и необходимых людей». Архив князя Воронцова (Далее – АВ). – Т. 31. – С. 42.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 150. Л. 10.

³ Там же. Л. 8.

⁴ «А и без того Испания не получает трети сокровищ, приходящих из селений ея в Америке». Там же. Л. 6, 8.

Это письмо послужило важным дополнением к инструкции, подписанной еще 11 августа, в которой подчеркивалось: «Г-н камергер по приезде своем в Париж в таком случае, если гишпанский министр граф Рикла еще из Гишпании к продолжению пути сюда не поехал, имеет и со своей стороны тамо, в Париже, на некоторое время остановиться под видом якобы для исправления своих собственных дел...»¹. Однако Репнин так и не встретился с Риклой в Париже – ввиду внезапной болезни Рикла был отозван и заменен маркизом де Альмодоваром. «Пожелав подыскать другого человека, который по своему происхождению, уму, усердию и рвению не уступал бы графу, и, обнаружив в вас, маркиз де Альмодовар, эти и другие соответствующие качества, я склонился к мысли назначить вас своим полномочным посланником при дворе российской императрицы», – говорилось в инструкции, врученной Альмодовару².

Педро Лухан Гонгора-и-Сильва, VI маркиз де Альмодовар-и-Онтиверос, V граф де Каналехос, имел среди своих предков кавалера Калатравы и 24-го кавалера Кордовы Хуана Франсиско Хименеса де Гонгору, получившего титул маркиза в 1666 г. Семья Альмодовар проживала в провинции Кордова и считалась там одной из самых богатых и политически могущественных. В конце 1760 г. Альмодовар получил распоряжение о назначении посланником в Россию. На сборы ему было отведено мало времени, и уже в начале января 1761 г. он тронулся в путь. 12 января 1761 г. он сообщал, что находится в Памплоне и скоро пересечет границу Франции. 30 января Альмодовар со всей семьей прибыл в Париж, где получил аудиенцию у Людовика XV и членов его семьи. В Париже он задержался до 24 марта, ожидая получения верительных грамот, инструкций и шифров³.

¹ Россия и Испания... – С. 154.

² Там же. – С. 164.

³ *Beladiez E. Dos españoles en Rusia. – Madrid, 1969. – P. 26-30.*

Инструкция, полученная Альмодоваром, была достаточно подробной и развернутой. Главной целью его миссии считалось укрепление отношений с Россией, поскольку, как отмечалось в документе, «хотя удаленность Московии от наших владений разделяет взаимные интересы обеих монархий, могущество этой державы и влияние, оказываемое ею на все европейские дела и события, с каждым днем делают дружбу с ней все более желательной»¹.

Изучив инструкцию, Альмодовар продолжил путь, который лежал через Шампань и Лорену, Страсбург и Мюнхен. 17 апреля 1761 г. он прибыл в Вену, где встретился с выехавшим из России в конце октября 1760 г. П.И. Репниным. Следующую остановку он сделал в Варшаве, нанеся там визит испанскому послу графу де Аранде, будущему министру Карла III². В начале июня Альмодовар пересек границу России, а 19 (30) июня прибыл в Петербург³.

Сразу же по приезде Альмодовар написал письмо канцлеру М.И. Воронцову с просьбой предоставить ему дом⁴,

¹ Россия и Испания... – С. 165.

² С Арандой по дороге в Испанию встречался и Репнин, о чем он сообщал в донесении из Варшавы от 29.1/9.2.1761 г. «А что следует до посла гишпанского, графа д'Аранда, то оной старается при всяком случае показать опыты, что ему особливо приятно будет видеть министра в. и. в-ва». В 1762 г., когда Аранда был назначен главнокомандующим испанской армией в войне с Португалией, Репнин сообщал из Мадрида: «Граф д'Аранда, бывший посол в Польше, скоро в армию отправится», а в 1763 г. указывал, что граф Аранда за эту деятельность был пожалован в «генерал-капитаны». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 154. Л. 3; Д. 162. Л. 176; Д. 245. Л. 87. См. также: *Olaechea R., Ferrer Benimeli J. El conde de Aranda. Vol. 1-2. – Zaragoza, 1978.*

³ Донесения Альмодовара опубликованы в: *Almodóvar, marqués de. Correspondencia diplomática del marqués de Almodóvar, ministro plenipotenciario cerca de la corte de Rusia, 1761-1763. – Madrid, 1893.* Некоторые из них использованы в: *Beladiez E. Dos españoles... – P. 31.*

⁴ «Вы меня премного обяжете, – ответил ему Воронцов, – если примете для жития вашего дом моего зятя, которой я вам для того представить честь имею... А столько же желаю, как и вы, видеться с вами, которую

а свой первый визит нанес французскому послу в Петербурге Бретейлю, действуя согласно инструкции, в которой говорилось, что необходимо «в первую очередь встретиться с французским послом или посланником при русском дворе и ознакомиться с его опытом». Мысль о проведении совместного единого политического курса с Францией подчеркивается в инструкции несколько раз: «Я только хотел бы вас предупредить, что ввиду самых тесных отношений родства и интересов, связывающих меня с христианнейшим королем, моим кузеном, поддерживайте с его посланником более теплые отношения, чем с другими»¹.

22.6(3.7).1761 г. вместе с Бретейлем Альмодовар отправился к российскому канцлеру и вручил ему копии верительных грамот и проект речи, однако ему было сказано, что в связи с болезнью императрицы Елизаветы Петровны вручение верительных грамот должно быть отложено. Оно состоялось только через два месяца – 23.8(2.9).1761 г. Альмодовар направил подробнейшее донесение с описанием церемониала аудиенции у императрицы Елизаветы Петровны, великих князей Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, а также великого князя Павла Петровича.

Аудиенция у российской императрицы прошла гладко. Испанский посол вошел в зал, трижды поклонившись, произнес речь на испанском языке, вручил верительные грамоты и по окончании аудиенции «поцеловал руку императрицы, ибо был предупрежден, что так делают все послы и посланники, которые находятся при русском дворе». От имени императрицы речь произнес по-русски канцлер М.И. Воронцов². А вот на аудиенции у великих князей жена Альмодовара, следуя примеру жены французского посла, не поцеловала

честь буду иметь после завтра поутру в моем доме в Петербурге». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 158. Л. 14-18.

¹ Россия и Испания... – С. 166.

² Там же. – С. 169-173.

руки великой княгини Екатерины Алексеевны. Альмодовар мотивировал это тем, что ни при каком другом европейском дворе испанские дипломаты не целовали руки монархов, ни тем более принцесс, и что в России традицию целования руки великой княгини соблюдали только жены датского и голландского послов¹. Альмодовар запросил инструкции из Мадрида, в свою очередь российское правительство потребовало у Франции отзыва Бретейля².

В то время как Альмодовар обустроивался в Петербурге, Репнин еще находился в пути. Его путь в Мадрид оказался значительно более длительным, чем его испанского коллеги в Петербург. В конце января 1762 г. Репнин пересек границу Испании и появился в Жероне. А в Барселоне его встретил губернатор и генерал-капитан Каталонии маркиз де Мина. Там Репнин пробыл неделю, далее его путь лежал через Лериду и Сарагосу, где он увиделся с назначенным прежде к российскому двору графом де Рикла, «который очень кажется быть недоволен, что он за болезнью место потерял»³. 16 (27) февраля 1762 г. Репнин прибыл в Мадрид, о чем сообщал в донесении, но уже не Елизавете, которая скончалась в декабре 1761 г., а ее наследнику Петру III.

Как и Альмодовар в России, первый протокольный визит Репнин нанес государственному секретарю Рикардо Валу. По словам Репнина, Вал «разговаривал много об России, и не только, что знает много об ней, потому что сам в ней был, но видно и после этого много известей чрез весьма знающего и искуснаго человека имел»⁴. Аудиенции у короля для вручения верительных грамот Репнину не пришлось

¹ Да и то, как указывал Альмодовар, только потому, что первая считалась дальней родственницей Екатерины, а вторая не происходила из благородной семьи. *Almodóvar, marqués de*. *Correspondencia...* – P. 14.

² См.: *Бильбасов В.А.* История.... – С. 413-415.

³ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 158. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 29.

ждать так долго, сколько Альмодовару – она была ему назначена через два дня. «В субботу 23 февраля (6 марта) приехал я в Пардо для аудиенции и немедленно точно в одиннадцать часов имел аудиенцию... Е. в-во сам отвечал, а потом спрашивал о здоровье в. и. в-ва и про многое, что касается до проезду, дурной дороги чрез горы и протчие места. После чего я представил кавалеров посольства, и тем аудиенция кончилась». Затем Репнин был принят доном Карлом, принцем Астурийским – наследником испанского престола, королевой-матерью, братом короля доном Луисом и маркизом де Скилаччи, занимавшим тогда пост министра финансов¹.

В то время, когда Репнин только прибыл в Мадрид, Альмодовар вручил новому российскому императору свои верительные грамоты. Но тут возникло некоторое затруднение протокольного характера². В начале февраля 1762 г. из Кенигсберга в Петербург прибыл генерал-лейтенант прусской армии принц Георг Голштинский, дядя Петра III и Екатерины Алексеевны (брат ее матери). Император присвоил ему чин губернатора и звание генерал-лейтенанта и обязал всех иностранных дипломатов первыми наносить визит принцу Георгу, уравнивая его таким образом в правах с членами императорской семьи. Это явилось прямым нарушением дипломатического протокола и союзных обязательств, взятых на себя еще Елизаветой Петровной. Австрийский посланник граф де Мерси и французский посланник барон Бретейль отказались подчиниться распоряжению, на что Петр III

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 158. Л. 30.

² Анализируя политику Екатерины первых лет ее правления, Чечулин подчеркивал: «Новому русскому правительству пришлось иметь столкновения с некоторыми послами по поводу разных мелких вопросов церемониала и этикета... Многочисленность и разнообразие их в начале царствования Екатерины нельзя не признать явлением, характеризующим тогдашнее международное положение России». *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика... – С. 116. Такое же положение было и до восшествия Екатерины, потому мы и уделяем этим вопросам столь пристальное внимание.

заявил, что без соответствующей церемонии их верительные грамоты приняты не будут. В результате Бретейль покинул Россию и выехал в Швецию. Альмодовар, узнав о нововведении, заявил, что должен получить инструкции от своего двора о соблюдении новых правил этикета¹.

Еще один вопрос, который так и не был разрешен, но получил развитие в последующей дипломатической переписке, – вопрос о признании императорского титула российских государей². По прибытии в Петербург Альмодовар уже при первой встрече с Воронцовым заявил о необходимости получения «реверсала»³. Воронцов ответил, что никаких сложностей с получением этой бумаги не будет. Однако на церемонии вручения верительных грамот Елизавета ограничилась всего лишь добрыми пожеланиями в его адрес. И только в октябре российская императрица вручила ему столь долгожданный реверсал, подписанный 25 сентября 1761 г. Петр III, заняв императорский престол, не увидел никаких препятствий в том, чтобы повторить эти уверения. Но когда императрицей стала Екатерина II, она отказалась вручить документ подобного содержания, заявив, что в подтверждении нет необходимости. «Мятежный» барон Бретейль, возвратившийся после смерти Петра III в Петербург, настаивал на

¹ Уже после восшествия на престол Екатерина получила записку из КИД: «Испанский министр сделал в рассуждении визита принцу Георгию равную с бароном Бретелем трудность. Не угодно будет повелеть как маркизу Альмодовару, так и французскому полномочному министру дать знать, что ныне сие требование остается?» Екатерина ответила: «Оставить в молчании». *Бильбасов В.А.* История... – Т. 2. – С. 101.

² Не случайно инструкцию Альмодовару Карл III начинает именно с разъяснения своей позиции по этому вопросу. *Россия и Испания...* – С. 163.

³ Так назывался тогда документ, который выдавали российские государи, начиная с Елизаветы Петровны, в ответ на признание этого титула Францией, содержащий обязательство российского двора соблюдать правило, что императорский титул российских государей не дает им преимущества перед другими государями и ничего не меняет в церемониале между дворами.

вручении нового реверсала. Альмодовар, который не получил еще новых верительных грамот, не предпринимал никаких демаршей. Екатерина, возмущенная действиями Бретейля, направила несколько рескриптов в Париж и Мадрид, в которых было сказано, что императрица не может допустить подобного требования, ибо оно придает такое значение реверсалу, что будто бы им и подтверждается императорский титул¹. Тогда Бретейль не явился на аудиенцию, а следом за ним и Альмодовар, заявивший, что ему во всем предписано поступать в согласии с бароном².

Первые донесения Репнина из Мадрида после июня 1762 г. свидетельствовали, что при испанском дворе с воодушевлением восприняли известие о восшествии Екатерины на престол³, однако начиная с октября он сосредоточивает свое внимание именно на вопросе о реверсале. В донесении от 7 (18) октября 1762 г. Репнин возмущается действиями Бретейля и добавляет: «Больше всего меня удивило то, что о г-не Альмодоваре в рескриптах в. и. в-ва ничего не упоминается, ни о его равномерном требовании, ни о его аудиенции», хотя Вал сообщил ему, что Альмодовару, как и французскому послу, отказано в выдаче реверсала. В ответ, докладывая российский посланник, он заявил, что императрица не видит необходимости в выдаче новых реверсалов, что в России осуждают поступок Бретейля и не рекомендуют Альмодовару следовать его примеру. В следующей своей реляции Репнин сообщал, что испанский король «находит требование реверсала об императорском титуле сих министров вовсе излишнее, но переменить нечем, понеже оное уже zde-

¹ См.: *Beladiez E.* Dos españoles... – P. 171-172.

² См.: *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика... – С. 119.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 241. Л. 4, 10, 14. Русский дипломат Корф, находившийся в это время в Берлине, писал: «Когда там узнали о вступлении на престол В. В-ва, ужас был так велик, что королевскую казну отвезли в Магдебург». Цит. по: *Брикнер А.* История... – С. 278.

лано, что их министру велено во всем следовать французскому»¹.

В октябре 1762 г. Альмодовар получил из Мадрида новые верительные грамоты, в которых подчеркивалась необходимость получения реверсала, поскольку титул императрицы был признан Карлом III персонально для Елизаветы Петровны. Однако вскоре изменилась категоричная позиция Парижа. Титул Екатерины был признан только «как дополнение к титулу российских монархов», но подчеркивалось, что титулы, «присвоенные по собственной воле, не имеют ценности; но приобретают значимость только с согласия других монархов, вольных признавать их или нет». В любом случае признание титула исключало «какие-либо претензии на превосходство», угрожая даже в подобной ситуации отказом от титула «император» и возвращением к титулу «царь»².

Через некоторое время известие о смягчении позиции Франции пришло в Мадрид. Вскоре после этого Репнин сообщил, что Вал получил письмо из Парижа, где говорилось, что «реверсала требовать не станут, но только словесного ответа, почитай в такой же силе, что оной титул не в предосуждение другим». В таком случае и Испания не будет настаивать на получении реверсала³. Екатерина II вместо реверсала дала декларацию, подписанную 21.11.1762 г. канцлером М.И. Воронцовым и врученную представителям дипломатического корпуса, среди которых был и Альмодовар. В ответ на этот жест от испанского двора было передано послание, в котором говорилось: «В доказательство сего дает он (Карл III. – *О.В.*) ей в-ву императорский титул и признает его в ей персоне и в престоле российском, не требуя ничего,

¹ Россия и Испания... – С. 189.

² *Beladiez E.* Dos españoles... – P. 172.

³ Россия и Испания... – С. 192-194.

кроме упомянутой декларации. Однако притом е. к. в-во находится в том мнении, так как он всегда в оном и был, что сей титул в себе не содержит никакой выгоды касательно ранга и первенства одной державы пред другою, и объявляет, что есть ли некоторой из владетелей российского престола позабыл бы противное тому, то с сего времени владетель гишпанской монархии и государств, коими он управляет, переменит штиль свой, не давая ему императорского титула»¹. Таким образом был разрешен вопрос о признании титула, и рескриптом от 22.11.1762 г. Екатерина сообщила, что «сие дело ко взаимному удовольствию окончилось»².

* * *

К тому моменту, как Репнин оказался в Мадриде, коренным образом изменился испанский внешнеполитический курс. Как уже говорилось, Карл III взойшел на престол в самый разгар Семилетней войны, и в первые годы его правления Испания сохраняла в этой войне нейтралитет. Именно поэтому в инструкции Репнину предписывалось обращать внимание на позицию Испании: «И какое о нынешней в Германии войне и о протчих конъюктурах мнение и расуждение тамо имеет, да и сколь велико по тому приемлет оной двор участие в настоящих распрях воюющих держав»³. Логическим завершением этой политики стало подписание в Версале 15 августа 1761 г. министром иностранных дел Франции герцогом де Шуазелем и послом Испании в Париже маркизом де Гримальди третьего Фамильного пакта. В соответствии с ним Испания отказалась от политики нейтралитета и вступила в войну на стороне Франции, Австрии, России, Саксонии и Швеции, за что Франция обещала Испании по-

¹ Россия и Испания... – С. 195.

² Чечулин Н.Д. Внешняя политика... – С. 119.

³ Там же. – С. 157.

мощь в возврате Менорки и Гибралтара¹. В ответ на это 15 декабря 1761 г. Англия разорвала с Испанией отношения, а 4 января 1762 г. объявила Испании войну², которая стала для Испании «фатальным моментом»³.

Еще до того как Испания вступила в войну, в России умерла императрица Елизавета Петровна. На германском фронте к этому времени война заканчивалась практически полным разгромом Пруссии. Однако вступивший на престол Петр III заключил с ней мир и военный союз. Франция и Австрия, крайне встревоженные изменой союзника, стали искать подходы к Англии для начала переговоров о мире. Англия готова была пойти на сепаратный мир с Францией, чтобы остаться с Испанией один на один⁴. Таким образом, как только Испания вступила в войну, Франция уже предала ее, начав за ее спиной секретные переговоры о мире. Шуазеля смущало только одно: как преподнести эту новость своему новому союзнику.

Военные действия между двумя державами продолжались недолго. Испанские войска, которыми командовал маркиз де Сарриа, начали наступление в Португалии. Поводом стал отказ португальского короля Жозе I подчиниться требованиям бурбонских дворов закрыть порты своей страны для

¹ *Wertheim B.* The Lost British Policy: Britain and Spain since 1700. – London, 1938. – P. 17.

² Как утверждает английский историк Т. Покок, Георг III, вступивший на престол в октябре 1760 г. после смерти его деда, был против объявления войны Испании даже после того, как стало известно о подписании Испанией союза с Францией, и активность в этом вопросе У. Питта и стала причиной его отставки. Питт был заменен герцогом Бьютом, но вскоре новый английский король осознал исходившую от Испании угрозу и поддержал объявление войны. *Pocock T.* Battle for Empire: the Very First World War. – London, 1998. – P. 184. Эту же точку зрения поддерживает и К. Швейцер. *Schweizer K.* Frederick the Great... – P. 127.

³ *Hargreaves-Mawdsley W.N.* Eighteenth Century... – P. 104.

⁴ *Palacio Atard V.* El Tercer Pacto... – P. 211-214.

английских кораблей. Это было не просто поводом: союз между Англией и Португалией был настолько тесным, что территория соседней страны могла стать плацдармом для наступления англичан. Так оно и случилось. Англичане разработали план ударить одновременно по основным испанским морским базам в Америке и Азии, а также отправить армию в Португалию, чтобы оттуда непосредственно угрожать Испании¹.

Испанские войска в Португалии успеха не имели. Вместо того чтобы продвинуться вдоль долины р. Тежу к Лиссабону, они сконцентрировались на захвате горных поселений, расположенных между Доуро и Минью. В это время английские войска пришли на помощь португальцам, и даже замена главнокомандующего армией на графа де Аранду уже не могла спасти положение². Вторая часть операции также была проведена англичанами блестяще. Английские войска и флот, находившиеся в Индии, захватили Манилу. 13 августа капитулировала Гавана. Единственным успехом испанцев была оккупация колонии Сакраменто, крепости, построенной испанцами на восточном берегу р. Ла-Плата, прямо напротив Буэнос-Айреса³.

Вступившая на престол Екатерина II, сохранив мирный договор, порвала военный союз, но не возобновила военные действия⁴. В одном из донесений, которое отправил Репнин российской императрице сразу же по ее восшествии на российский престол, говорилось: «Какое великое движение сделалось здесь между иностранными министрами, а наипаче ожидают все министры, каким образом армия в. и. в-ва под командою графа Чернышева от армии короля прускова отде-

¹ *Olivie F.* La herencia... – P. 185-186.

² См.: *Palacio Atard V.* El Tercer Pacto... – P. 216-223; *Domínguez Ortíz A.* Carlos III... – P. 59-60.

³ См.: *Hargreaves-Mawdsley W.N.* Eighteenth Century... – P. 104-107; *Centralismo...* – P. 217-219.

⁴ *Брикнер А.* История... – С. 276.

лится и не предпримет ничего, чтоб оную удержать. Цесарской министр граф Розенберг был первой, кто тот же час приехал ко мне с поздравлением...»¹. Смеем предположить, что поздравления эти были искренними, поскольку изменение позиции России в значительной степени облегчило позиции габсбургского двора. И хотя Испания не желала явного усиления своего бывшего противника – Австрии, тем не менее Карл III задумывался над тем, как и после войны сохранить союз трех государств, союз, который продолжал бы обеспечивать равновесие сил в Европе. А поскольку Мария-Терезия не могла присоединиться к Фамильному пакту, то обдумывались варианты присоединения Испании и Неаполя к Версальскому договору 1756 г.²

Шуазель в конце апреля 1762 г. сообщил мадридскому двору о переписке между Парижем и Лондоном. Это не вызвало энтузиазма в Испании, но она согласилась начать обсуждать условия мира³. В ноябре 1762 г. между Фамильными державами и Англией был подписан прелиминарный мирный договор, и в Петербурге с нетерпением ждали известий о его условиях. Репнин в донесении от 9 (20) декабря 1762 г. сообщал: «О мире между Англиею, Франциею и Гишпаниею, включая их союзников, короля пруссаго и португальскаго, упователно, что по близости от французскаго и англинскаго двора министров в. и. в-во уже давно уведомлены. Здешний же двор сам оной мир заключал при французском дворе чрез своего министра марки Грималдиа и ратификован, однако здесь еще, в Мадрите, мир не публикован, хотя всякой день ожидают, что во всенародное известие публиковать по обычаю надлежало»⁴.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 241. Л. 13.

² *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 276-277.

³ *Ibid.* – P.225-236, 240-241.

⁴ Россия и Испания... – С. 193. По условиям этого мира Англия вернула ей Гавану и Манилу в обмен на Флориду, а Франция передала Испании

В феврале 1763 г. был подписан Парижский мирный договор, означавший окончание Семилетней войны. По его условиям Испания возвращала Португалии колонию Сакраменто. Англия передавала ей назад Гавану и Манилу, но в обмен получала Флориду. По спорным вопросам, из-за которых Испания вступила в войну, добиться ей ничего не удалось: запрет на рыбную ловлю в Терранове сохранился, как, впрочем, и английское судопроизводство в случаях захвата испанских кораблей; англичане продолжали разработки на побережье Гондураса. Франция, чтобы компенсировать потери Испании, передала ей Луизиану, что могло вызвать сложности, поскольку единственным действительно населенным там местом был Новый Орлеан с французским населением. Реальным результатом Семилетней войны стало то, что Англия, получив Канаду и Флориду, стала хозяйкой на всем Атлантическом побережье Северной Америки.

Как видим, сферы влияния и интересы России никогда вплотную не пересекались с Испанией, но в самой Европе некоторые вопросы, которые напрямую касались России, в гораздо более отдаленной степени затрагивали и Испанию. Одним из них стал польский вопрос, который в начале 60-х гг. выдвигается на первое место во внешней политике России¹. По мнению Чечулина, «первые сношения нового русского правительства вращались около дел курляндских, и русское правительство достигло в этом деле полного успеха. Восстановив там герцогом Э.И. Бирона, оно фактически подчинило Курляндию русскому влиянию»². Репнину было поручено объяснить испанскому правительству необходи-

Луизиану. См.: *Hargreaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century...* – P. 108; *Brown V.L. The Spanish Court and its Diplomatic Outlook after the Treaty of Paris, 1763 // Studies in the History of Spain in the Second Half of the Eighteenth Century.* – Northampton, 1930. – P. 30-38.

¹ См.: *Чечулин Н.Д. Внешняя политика...* – С. 207.

² *Там же.* – С. 208-209.

мость этого политического хода¹, поскольку благожелательная или, по крайней мере, нейтральная позиция испанского правительства была Екатерине необходима. Однако Гримальди отреагировал на этот демарш России довольно прохладно, и сведения об этом тут же дошли и до Петербурга.

«Пребывающему в Испании русскому министру, князю Репнину, – писал из Петербурга граф де Мерси Кауницу, – приказано в оправдание здешней государыни изложить тамошнему королевскому министерству причины возстановления герцога Бирона». Но русскому посланнику «по повелению католического короля был дан твердый и в то же время сухой ответ такого содержания, что, хотя е. к. в-во относится с крайним уважением к дружбе здешней государыни и надеется сохранить таковую и на будущее время, но в то же время он питает полное доверие к любви ея к справедливости и уверен, что е. всерос. в-во не предпочтет Бирона принцу Карлу во внимание к близкому кровному родству его с испанским и другими знатнейшими европейскими дворами², и не пожелает лишить упомянутого польского и саксонского принца обладания герцогством Курляндским. В последнем непредвиденном случае, е. в-во, король испанский, объявляет, что, как ни дорога ему дружба с Россией, она прекратится такого противного закону и справедливости поступка»³. Не вызывает сомнения, что позиция испанского правительства была «усилена» в этом письме австрийского дипломата, стремившегося подчеркнуть расхождения между Мадридом и Петербургом, даже несколько их преувеличив, тем более

¹ В 1758 г. польскому королю Августу III удалось доставить достоинство герцога Курляндского своему сыну Карлу. Петр III пожелал возвести на курляндский престол своего дядю Георга, принца Голштинского, а Екатерина решила восстановить там Бирона. *Брикнер А.* История... – С. 291-294.

² Он был братом испанской королевы Марии-Амалии, дочери Августа III.

³ СРЮ. – Т. 46. – 1885. – С. 445.

что это столь «резкое» заявление не произвело на Екатерину должного впечатления: в апреле 1763 г., опираясь на «русские штыки», Бирон занял Митаву, изгнав принца Карла.

Отношения между Испанией и Россией были восстановлены, но процесс их действительного налаживания продвигался с огромными сложностями. Ни Репнин, ни Альмодовар не довели начатых дел до конца. Екатерина II не симпатизировала Альмодовару. «Следует заметить, – писал тот же де Мерси Кауницу, – что со времени прибытия маркиза Альмодовара, русская императрица относится к нему крайне презрительным образом и не удостоила его еще ни при дворе, ни при других случаях, единым словом, так что вследствие такого невежливого обращения, и русскому министру пребывание делается не совсем приятным»¹.

В донесениях в Россию Репнин жаловался еще и на тяжелый климат и плохое состояние здоровья. В ответ на это Екатерина II решила направить ему замену, а его отозвать из Испании. В декабре 1762 г. она направляет в КИД указ о назначении на этот пост графа П.А. Бутурлина. В 1763 г. и Альмодовар оставил свой пост. Почти два года провел он в России, но, как сообщал он в Испанию, здоровье его жены резко пошатнулось, а в суровом климате России осуществить лечение было тяжело. Отставка Альмодовара была принята в Мадриде. В апреле 1763 г. он получил отзывные грамоты вместе с верительными грамотами нового испанского посланника – виконта де ла Эррерия². 20 июня 1763 г. Эррерия уже прибыл в Петербург, а в июле Альмодовар вручил свои

¹ СРИО. – Т. 46. – 1885. – С. 448.

² Об этом сообщал и Репнин в донесении от 27.3(7.4) 1763 г.: «Г-н маркиз Альмодовар, снисходя по его просьбе, отозван в Испанию, а на его место назначен генерал-майор виконт де ла Герерия (Эррерия. – *О.В.*), бывший при шведском дворе чрезвычайным посланником». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 245. Л. 87.

отзывные грамоты Екатерине II и распрощался с Россией навсегда¹.

Репнин, дождавшись замены, в 1764 г. отправился обратно через Париж и Брюссель. По возвращении его в Россию Екатерина II в собственноручной записке графу Н.И. Панину просила выразить П.И. Репнину «ея удовольствие за его труды и радения, которыми он немало себе и нам пользы приобрел». И он сразу же получил новую должность: 1 января 1765 г. его назначили обершталмейстером Высочайшего Двора². Однако Репнин, как и ранее, не очень ревностно относился к службе, деля свое время между ней и развлечениями³. В 1765 г. через шталмейстера Нарышкина он представил императрице доклад о недостатках и беспорядках по шталмейстерскому управлению, но так как предлагаемые им реформы были связаны с привлечением большой суммы денег, то доклад не встретил одобрения государыни. Она поручила его рассмотрение И. Елагину, но в то же время подтвердила свой прежний приказ – не отпускать новых сумм, а о самом Репнине высказалась даже неодобрительно⁴.

Вместе с тем, владея огромным состоянием, Репнин любил хорошо пожить и не желал ни в чем себе отказывать. Вероятно, это и стало одной из причин его сближения с масонскими кругами. С масонством Репнин познакомился еще

¹ По возвращении на родину Альмодовар занимал должности посла мадридского двора в Лиссабоне и Лондоне, в 1780 г. за заслуги получил титул герцога, а в 1794 г. был избран членом Испанской Королевской Академии и президентом Королевской Академии Истории. *Beladiez E. Dos españoles...* – P. 211-214.

² См.: *Волков Н. Е. Двор...* – С. 162.

³ С 1766 по 1777 г. он был одним из активных участников и организаторов праздников, устраиваемых обер-камергером П.Б. Шереметьевым, выступая в любительском оркестре под управлением в качестве капельмейстера баронессы Е.И. Черкасовой.

⁴ Собственноручное письмо Екатерины II Елагину // СРИО. – Т. 7. – 1861. – С. 404.

во время путешествия по европейским странам в качестве российского посланника, заинтересовался этим движением, но долгое время все его старания в этом направлении не приводили ни к каким результатам, или, по его словам, доставляли ему одни лишь обманы и разочарования¹. Наконец, он встретился с последователем ордена Розенкрейцеров. Незадолго до своей смерти, в 1777 г., он познакомился с Н.И. Новиковым и, по собственному ему признанию, тратил большие средства, чтобы познать истинное масонство и быть посвященным в высшие его степени. Он посоветовал Новикову познакомиться с этим учением, которое прельстило его своей простотой и в то же время таинственностью². Умер П.И. Репнин в 1778 г., не оставив после себя потомства³.

¹ См.: *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. – М., 1867. – С. 108-109; *Карнович Е.П.* Замечательные богатства... – С. 374.

² См.: *Пытин А.Н.* Масонство в России: XVIII и первая четверть XIX в. – М., 1997. – С. 270-271.

³ После его смерти осталось духовное завещание (оно было найдено в 1780 г. у статского советника Вердеревского), по которому дом его семьи и около 1,5 тыс. крестьян были завещаны его родственникам по материнской линии – князю Лобанову и его семейству. Из-за этого завещания, показавшегося весьма «сомнительным» самой Екатерине II, приказавшей даже провести по этому поводу строжайшее расследование, между Репнинскими и Лобановыми разгорелся спор, решение которого императрица возложила на князя В.М. Долгорукова-Крымского. Уполномоченным со стороны прямых наследников Репнина был в этом споре граф Панин, который, не отрицая достоверности самого завещания, объяснял поступок Репнина побуждениями нравственного характера, но отказывался вести дальнейшее разбирательство ввиду обнаруженной противной стороной «явной непризнательности к сему благодетелю». Поэтому Екатерина поручила передать дело вместе с заключением генерал-прокурора в Юстиц-коллегию «для законного по нему решения». Этот спор был решен в пользу двоюродного брата Петра Ивановича, князя Н.В. Репнина, который великодушно отказался от этого, полученного по тяжбе наследства, оставив за собой лишь родовое имение, а остальное уступил князьям Лобановым. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства... – С. 374.

Дипломатическая деятельность П.И. Репнина в Испании была достаточно короткой. Он предпочитал жизнь более независимую и необремененную, жизнь при своем, а не чужом ему – испанском дворе. Тем более что в отношениях России с Испанией стало все больше заметно некоторое охлаждение. Это проявилось и в отношении Екатерины II к Альмодовару, и в позиции Карла III, которую он занял в связи с курляндскими делами. Причина этих изменений была в том, что Испания и Россия, не имея друг к другу взаимных претензий и не имея прямых пересекавшихся интересов, оказались в двух враждебных лагерях.

Семилетняя война показала, что система союзов, созданная перед ее началом, оказалась непрочной, в результате чего происходит новая перегруппировка сил. Россия стала активно проводить новый внешнеполитический курс, ознаменовавшийся охлаждением отношений с Францией и Австрией, опасавшихся возрастающего влияния России в Европе. В поисках новых союзников Россия заключила в 1764 г. оборонительный союз с Пруссией, а в 1765 г. подписала договор с Данией, которая в обмен на уступку ей голштинских владений великого князя Павла Петровича обязывалась оказывать помощь России в случае войны с Турцией и Швецией. В 1766 г. был заключен договор с Англией. Большие субсидии выплачивались и шведскому правительству с тем, чтобы не допустить возможности возобновления франко-шведского союза. Все эти соглашения были направлены на создание так называемой «северной системы». В общих чертах эта система политики была высказана российским послом в Дании Корфом и заключалась в том, чтобы использовать сотрудничество с Пруссией, Данией, Англией против южных государств – Франции, Австрии и Турции¹. Панин активно поддерживал

¹ Герасимова Г.И. «Северный аккорд» графа Панина. Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. – М., 1992. – С. 66-71.

эту систему, в которой, по мнению академика Тарле, были заинтересованы как Россия, так и Англия¹. Последняя, правда, ставила далеко идущую цель: втянуть Россию в войну против Франции. «За это она даже была готова подарить России остров Менорку с захваченным ими Порт-Магоном², чтобы дать русскому флоту нужную стоянку на Средиземном море, заманить в это море на пребывание русский флот и вообще обеспечить прочно и надолго дипломатическую и военную помощь англичанам со стороны Екатерины уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела малейших мотивов к ссоре (курсив наш. – О.В.)»³. Эта мысль справедлива для первых лет пребывания Екатерины на престоле, и именно эти годы совпали с пребыванием в Испании графа Петра Александровича Бутурлина (8.6.1734 – 10.6.1787).

Предком Бутурлиных считается Радша, прибывший из Германии в Новгород в конце XII в. Один из его потомков, Иван Андреевич, прозывался Бутурля, – от него и пошли Бутурлины. При первых великих князьях Московских мы почти не имеем упоминания о Бутурлиных. Только при великом князе Василии Темном встречается имя боярина Григория Ивановича Бутурлина. Возвышаться Бутурлины начинают лишь в княжение Василия III, когда несколько Бутурлиных были боярами и участвовали практически во всех походах великого князя. При Иване Грозном и Федоре Иоанновиче они также играли видную роль, но наибольшего влияния достигли в царствование трех первых царей из дома Романовых, когда занимали высокие придворные и военные должности.

¹ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774) // Собр. соч.: в 12 т. – М., 1959. – Т. 10. – С. 13.

² Речь идет о портовом городе Маон на о-ве Менорка.

³ Тарле Е.В. Чесменский бой... – С. 13.

Одним из наиболее выдающихся представителей рода и «наиболее известным лицом по своему богатству» был Александр Борисович Бутурлин (18.6.1694 – 31.8.1767). После окончания Морской академии он стал денщиком Петра I, пользовался его доверием и исполнял многие секретные его поручения. Екатерина I пожаловала его в камергеры цесаревны Елизаветы, и «он пользовался ее особым доверием». Когда же она вступила на российский престол, то не забыла своего придворного: он стал правителем Малороссии, а позже генерал-губернатором Москвы¹. После смерти в 1727 г. своей первой жены княгини Анны Михайловны Голицыной он женился на княжне Екатерине Борисовне Куракиной, дочери знаменитого фельдмаршала, и имел троих детей: Петра, Варвару и Екатерину.

Петр Александрович Бутурлин родился 8 июня 1734 г. в Киеве. В 1742 г. семья переехала в Москву. Первое поручение от двора он получил, когда ему было всего 20 лет. В сентябре 1754 г. из Петербурга в Вену выехал действительный камергер барон Карл Сиверс с известительной грамотой о рождении Павла Петровича и о том, что российская императрица «изволила избрать обоих их рим. и. в-в восприемниками при крещении великого князя». Барона Сиверса сопровождал поручик Семеновского полка Петр Бутурлин². 15 февраля 1758 г. он женился на фрейлине императрицы Елизаветы, известной своей красотой Марии Романовне Воронцовой, старшей сестре Елизаветы и Екатерины (впоследствии Дашковой) Воронцовых, а в 1760 г. у них родилась

¹ «При императрице Елизавете Петровне богатство его увеличилось еще более, и он по смерти своей оставил огромное состояние, которое в двух следующих поколениях переходило от отца к сыну». См. об этом: *Карнович Е.П.* Замечательные богатства... – С. 135; *Балязин В.* Губернаторы Москвы. – М., 1997. – С. 105-106.

² *Белокуров С.А.* Списки дипломатических лиц русских за границей. – Вып. 1. Австро-Венгрия. – М., 1892. – С. 18.

дочь Елизавета, крестной матерью которой была сама императрица¹.

И Бутурлины, и Воронцовы пользовались особой милостью Елизаветы и занимали высшие придворные должности. В 1742 г. А.Б. Бутурлин получил чин генерал-аншефа, а вскоре был пожалован в сенаторы и назначен генерал-губернатором Москвы. В 1756 г. во время Семилетней войны он получил фельдмаршальский жезл, а 17 февраля 1760 г. за взятие Берлина императрица возвела своего любимца в графское достоинство. Не забыла она и Бутурлина-младшего, который 21.9.1757 г. был пожалован придворным званием камер-юнкера, а 26 декабря 1761 г. в связи с восшествием на престол Петра III – камергера².

Петр III вновь назначил графа А.Б. Бутурлина генерал-губернатором Москвы, а вступившая на престол Екатерина II оставила его на этом посту, вручив ему шпагу, осыпанную бриллиантами. Екатерина была восприемницей при крещении сына П.А. Бутурлина – Дмитрия Петровича, родившегося 14.12.1762 г. и пожаловала его сержантом гвардии³. А днем раньше государыня еще раз отметила своей милостью Бутурлиных, подписав указ в КИД об отзыве из Мадрида князя П.И. Репнина и отправлении «к оному двору действительного камергера графа Петра Бутурлина» с жаловань-

¹ По воспоминаниям ее брата А.Р. Воронцова, ей предлагали лучшие партии при дворе: граф Чернышев, князь Нарышкин, князь Репнин и др. Но она влюбилась в Петра Бутурлина, «славившегося своею красотою», и, несмотря на протесты их родителей, они решили пожениться. См. об этом: АВ. – Т. 5. – М., 1872. – С. 16, 33; Т. 21. – 1881. – С. 6; *Лонгинов М.Н.* Примечание к кн.: Гельбиг. Случайные люди в России // Русский Архив. 2-е изд. – 1865. – С. 443; СРИО. – Т. 31. – 1885. – С. 46.

² *Волков Н.Е.* Двор... – С. 185; СРИО. – Т. 18. – 1886. – С. 19.

³ О нем см.: *Бутурлин М.Д.* Очерк жизни графа Бутурлина // Русский Архив. – 1867. – № 3 – С. 376-386, а также *Балязин В.* Губернаторы Москвы. – С. 122-123.

ем 10 тысяч рублей в год¹. Этому назначению способствовали многие: и сам фельдмаршал, и канцлер М.И. Воронцов², и Е.Р. Дашкова.

С начала нового 1763 г. Бутурлины начали собираться в дорогу. Вся канцелярская переписка, связанная с их отъездом, была завершена к началу февраля: новому посланнику было выделено 7 тыс. рублей проездных и 28 почтовых лошадей, чтобы доехать от Петербурга до Риги³. 23 января М.И. Воронцов подписал рескрипт Репнину, а также паспорт и инструкцию Бутурлину. «Будучи мы уверены в вашем к службе нашей усердии, за потребно рассудили определить вас при гишпанском дворе в карактере нашего полномочного министра... мы уповаем, что вы по принятии от князя Репнина министерского его архива, и получа от него объяснения о всех тамошних обстоятельствах и о нынешнем положении дел, уже обо всем достаточное сведение получите, и потому будете престоерегать тамо наши интересы и противное оным отвращать...»⁴. Паспорт и инструкции ему вручили 7 февраля, а 27 февраля он с семьей выехал из Москвы.

5 апреля 1763 г. Бутурлины прибыли в Мемель, где сделали короткую остановку, а через три недели достигли Берлина. Похоже, Бутурлин не очень торопился добраться до места назначения. В Берлине он задержался еще на три недели: сначала дожидался приезда Фридриха II, а затем почувствовал себя больным: «За слабостию моего здоровья, не в состоянии я еще прежде трех или четырех дней отсюда поехать, а коль скоро будет можно, то нисколко не мешкая, тот

¹ Россия и Испания... – С. 194.

² Несмотря даже на то, что его племянник, С.Р. Воронцов, родной брат Марии Бутурлиной, летом 1762 г. выступил вместе со своим полком в поддержку Петра III, после чего очутился под домашним арестом, а Воронцовы оказались в опале. *Кессельбреннер Г.Л.* Российские дипломаты XV-XVIII вв. – Т. 1-3. – М., 1996. – Т. 2. – С. 117-118.

³ См.: АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 165. Л. 2-12.

⁴ Там же. Д. 174. Л. 1, д. 175. Л. 5-8.

час выеду, не дожидаясь возвращения королевского. Путь мой намерен я предпринять до Парижа через Франкфурт и Лейпциг». В Париж они прибыли в конце июня, где сделали еще одну большую остановку. «По приезде моем в Париж, – сообщал он еще из Берлина, – принужден я буду несколько недель прожить для исправления необходимо потребных нужд для дому моего»¹. Но Бутурлины прожили в Париже почти три месяца. Там их догнал приехавший из Голландии секретарь посольства князь Мещерский. Париж они покинули в середине сентября, а 18 октября добрались до границы Испании. 14 ноября 1763 г. Бутурлин сообщил в Петербург о своем прибытии в Мадрид. «По отправлении всеподданнейшей моей реляции из Бурдо я не оставил всевозможнейше поспешать к назначенному мне месту, но к крайнему сожалению, я не мог прежде сюда прибыть, как сего 1/12 м-ца, ибо ежечастныя остановки для починки экипажа, и трудной проезд чрез горы Пиренейския болшею частию тому притчиной были»². Так закончилось их путешествие по Европе.

16 (5) ноября Бутурлин написал письмо государственному секретарю маркизу де Гримальди с извещением о своем прибытии и просьбой назначить время аудиенции. Гримальди не задержал ни с ответом, ни с аудиенцией: в тот же день Бутурлин получил письмо, в котором встреча назначалась на послезавтра. 19 ноября российский посланник вручил Гримальди копии верительных грамот, а 22 ноября по возвращении королевской семьи из Эскориала он получил аудиенцию у Карла III и королевы-матери Изабеллы Фарнезе, «на которой поступающая во всем по здешнему этикету, говорил е. в-ву речь...»³. Через месяц, 28 декабря, Карлу III была представлена его жена.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 250. Л. 1.

² Там же. Д. 249. Л. 24.

³ Там же. Д. 249. Л. 30, 52.

Бутурлины в Мадриде роскошествовали. Перед отъездом молодой граф написал прошение канцлеру разрешить ему взять с собой парадный столовый сервиз. В Париже они сделали много покупок, так что багаж, который они везли с собой, пришлось разделить, и часть отправить сухопутно через Памплону, а часть – морским путем через Бильбао¹. Известной расточительностью отличалась и М.Р. Бутурлина². В их доме был принят знаменитый Бомарше, который в 1765 г. жил в Мадриде³.

7 апреля 1764 г. вице-канцлер А.М. Голицын сообщил Бутурлину о желании Екатерины приобрести в Испании 10 верховых лошадей. Дипломату следовало испросить дозволения на покупку у испанского короля, а заниматься этим поручено было уже «особливому, искусному в том человеку». Бутурлин переговорил по этому поводу со Скилаччи, который уверил его, что никаких препятствий со стороны правительства чиниться не будет. Подбор кандидата, который бы занимался самой покупкой, взял на себя испанский

¹ См.: АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 165. Л. 10.

² Еще перед отъездом в Испанию она наделала долгов, попросив отца заплатить их. Об этом сообщал в письме канцлер М.И. Воронцов ее брату А.Р. Воронцову: «Я сомневаюсь, чтоб П.А. в разсуждении великих издержек в дороге и содержания в Мадриде, а особливо по склонности М.Р. к мотовству, похотел далее Питербурха с собою взять». А в апреле 1764 г. другой ее брат Семен написал отцу, что «якобы Петр А. намерен отправить обратно жену свою по причине дороговизны жизни в Мадриде», но «содержание М.Р. дороже станет еще в России фамилии его, нежели как в Гишпании, ибо, если поступки ея дурны и принудили его будто до сей крайности дойти, то ужели в Гишпании после шестилетней свадьбы нрав ея ему открылся». Бутурлин не отправил назад свою жену, а влез в новые долги, которые попросил оплатить из КИД, на что получил укоризненное письмо от вице-канцлера А.М. Голицына, а Мария Романовна отправила вексели на оплату своему отцу, богатейшему человеку того времени. См.: АВ. – Т. 5. – 1872. – С. 118; Т. 16. – 1880. – С. 64-65; Т. 31. – 1885. – С. 211; Т. 32. – 1886. – С. 91-92.

³ Лонгинов М.Н. Примечания к: Гельбиг. Случайные люди... – С. 1468.

посланник в России виконт де ла Эррерия. Он написал письмо герцогу де Бурновиллю в Мадрид, чтобы тот подобрал этого «искусного» человека. Им оказался банкир Друльер, который подтвердил свою готовность сопровождать лошадей до России, а покупкой занимался капитан гвардейского корпуса граф де ла Корунья¹. «А из письма моего от 28.3/8.4, – писал Бутурлин Голицыну, – надеюсь я, известно вам, что он наконец уже послал нарочного в Андалусию для покупки оных тамо, на что от меня и деньги отданы, и зделан договор...» В мае 1765 г. Эррерия сообщил Голицыну, что лошади уже куплены и в сентябре перевезены будут в Голландию. Удалось сделать это раньше, и Бутурлин, находясь в конце июня уже в Париже, сообщал, что из Мадрида лошади отправлены².

Еще один вопрос личного характера, который постепенно перерос в проблему принципиального значения в отношениях между Россией и Испанией, обсуждался в дипломатической переписке на протяжении всего пребывания Бутурлина в стране. Находясь в Париже, российский посланник получил испанские паспорта о свободном проезде границ и провозе багажа, подписанные Р. Валом. Когда Бутурлин прибыл в Мадрид, место Вала занял маркиз Гримальди, который дал ему устное обещание о свободном пропуске его багажа. Но поскольку письменного подтверждения не последовало, Бутурлин отправил Гримальди письмо, ответ на которое сильно озадачил его: приказано было пропустить его багаж через все границы до Мадрида, а у ворот города произвести осмотр и оценку всем его вещам, и если пошлина за них окажется больше, чем та, от которой освобождены испанские дипломаты, прибывающие в Россию, то разница

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 266. Л. 7,10; Д. 267, Л. 1,14.

² Там же. Д. 274 Л. 25,29. РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 5629. Л. 7; Д. 5632. Л. 9, 27, 35, 41; Д. 5633. Л. 6, 40.

должна быть уплачена¹. Через неделю, когда Бутурлин был приглашен на аудиенцию к Гримальди для вручения копий верительных грамот, он выразил недоумение, почему только он уплачивает пошлины, когда все остальные представители дипломатического корпуса от этого освобождены. Гримальди ответил, что раз испанские дипломаты в России платят пошлины, то равному правилу будут следовать и российские дипломаты в Испании. Итак, миссия Бутурлина началась с недоразумения.

Он заявил далее министру, что в России не только испанские, но все иностранные дипломаты подчиняются этому правилу, а его «предместник» князь Репнин был уволен от платежа пошлин. Но ни этот, ни другие доводы не возымели должного эффекта. Вернувшись домой, Бутурлин составил жалобную реляцию Екатерине, а когда багаж его прибыл, посол обратился к маркизу Скилаччи, но тот ничего конкретного ему не ответил, дозволив только, чтобы досмотр и оценка багажа были проведены в доме посланника.

Донесения Бутурлина были получены в Петербурге в начале нового года. 19 января 1764 г. Голицын вызвал Эррерия, который заявил, что в Испании все иностранные дипломаты платят пошлины, а исключения делаются только с личного разрешения короля. Российское правительство пришло в замешательство: или, как утверждает Эррерия, – все платят, или, как утверждает Бутурлин, – все не платят. Поэтому в рескрипте, подписанном 5 февраля, на всякий случай содержались инструкции и на тот и на другой случай. В первом случае Бутурлину рекомендовалось уплатить пошлины, но если это требование распространяется только на русского посланника, «то сие исключение было бы для нас оскорбительно», и «к сожалению нашему может от того произойти между обоими дворами неприятная холодность и продолжающаяся корреспонденция совсем прекратится». В тот же

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 249. Л. 37-38.

день Панин отправил в Мадрид депешу, в которой разъяснялась позиция российского правительства: «Есть ли отказано будет удовлетворять ея и. в-во в столь справедливом деле, то она противу своей воли принуждена была б вас отозвать и пресечь всякое сношение с гишпанским двором»¹.

Испанское правительство тоже чувствовало себя оскорбленным: по заявлению Гримальди, Репнин не платил пошлин только потому, что от них обещали освободить в Петербурге Альмодовара, а это не было исполнено. Бутурлин, получив рескрипт Екатерины, на очередной аудиенции у Гримальди вновь поднял вопрос, который так осложнял его налаженную жизнь. Министр ответил, что получил донесение Эррерии о беседе с Голицыным и что эта проблема должна быть решена «взаимно и сходственно с достоинствами обоих дворов на одном каком-либо правиле без исключения: платить ли пошлины или нет»². Испания заняла такую же жесткую позицию, как и Россия, а между двумя жерновами оказался российский дипломат.

Екатерина разослала рескрипты ко всем своим представителям в Европе с требованием дать отчет о порядке уплаты пошлин при каждом дворе и, получив ответы, еще более утвердилась в своей правоте. «В Швеции, Дании и при Берлинском дворе, – говорилось в очередном рескрипте Бутурлину, – все чужестранные министры без изъятия платят пошлину, ...но сомневаемся мы, чтоб шведския, пруския и дацкия министры при других дворах, где протчие от того освобождены, по сие время принуждены были одни платить»³. 15 ноября 1764 г. маркизу Скилаччи был направлен указ Карла III, в котором говорилось о порядке взимания пошлин. В тот же день в дом посланника был прислан таможенный надсмотрщик с приказом Скилаччи об осмотре его багажа.

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 264. Л. 8; Д. 265 Л. 4-5.

² Там же. Д. 262. Л. 97.

³ Там же. Д. 178. Л. 9.

Бутурлин при первом же свидании с министром заявил, что его багаж был уже осмотрен по прибытии и всем вещам сделана опись. В ответ Скилаччи заверил дипломата, что с него не будут требовать уплаты пошлин вплоть до получения им резолюции Екатерины¹. Таким образом, решение этого вопроса окончательно зашло в тупик. Но разрешилось оно достаточно быстро и просто. Когда Екатерина приняла решение об отзыве Бутурлина из Испании, она повелела ему уплатить требуемые пошлины, переслав для этого вексель на 3 тыс. рублей. На ближайшей аудиенции у Гримальди Бутурлин сообщил ему о повелении императрицы уплатить пошлины², что разрешило это запутанное дело к удовлетворению обеих сторон.

Бутурлину было дано еще одно поручение, которое начал еще Репнин: продолжить объяснения с испанским правительством о курляндских делах. Благожелательная позиция испанского правительства была в этом вопросе России необходима. Бутурлин так «постарался», что Голицын решил немного охладить его горячность, сделав ему «откровенное примечание» по поводу его переписки с Гримальди. «Весьма основательно доказали вы правости сего принца (Бирона. – *О.В.*) на княжества курляндское и семигалское, да и то неоспоримое право, которое имела Россия стараться о возвращении ему оных, но в деле, где вопрос стоял толко о принятии герцогской грамоты, к чему конечно ни которой двор против воли своей принужден быть не может, не было болшей нужды вступать в письменныя изъяснения, кои в потребных случаях собственно от двора предписываются, – поучал вице-канцлер молодого дипломата, – а от министров не инако употребляемы бывають, как по оной необходимости»³.

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 262. Л. 263-265.

² Там же. Д. 270. Л. 58; д. 272. Л. 2; д. 278. Л. 1.

³ РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 5632. Л. 7.

А в 1763 г. умирает польский король Август III, и Екатерина начинает активные действия по избранию его преемника. Вмешательство России в польские дела могло вызвать негативную реакцию европейских монархов, а потому императрица в ноябре 1763 г. направляет всем своим представителям, в том числе и Бутурлину¹, рескрипты, которыми предписывалось изложить миролюбивые принципы российской политики в отношении Речи Посполитой, невмешательство России в ее внутренние дела и передать обращение Екатерины II к монархам следовать ее примеру – что российский посланник и сделал на первой аудиенции у Гримальди в новом 1764 г. Испанский министр согласился с принципами, изложенными в обращении, «только чтоб в. и. в-во своих войск туда вводить не приказали», на что Бутурлин «резонно» заметил, что если Россия и введет свои войска то не для вмешательства в избрание будущего короля, а только «для защищения утесняющейся стороны»².

В марте 1764 г. Екатерина повелела отправить еще один рескрипт, который должен был подготовить общественное мнение к возможному вводу российских войск в Польшу. Бутурлин получил этот рескрипт в середине мая и на ближайшей аудиенции изложил Гримальди позицию России. Но ответ Гримальди никак не мог «утишить» российскую императрицу. По его словам, Испания обеспокоена событиями в Польше, «которые по доходящим сюда известиям кажутся-де загарающими и возможно дойти до такой степени, что помутят покой и всей Европы, и что вступление туда российских войск подало притчину думать и другим державам ввестъ туда же свои войска, а от сего де лехко вспыхнуть

¹ Екатерина не просто хотела проинформировать Испанию о своих планах. Она помнила, что жена Карла была дочерью Августа III, и желала знать, как далеко заходят интересы Испании в этом вопросе. О реакции других дворов см.: *Брикнер А. История...* – С. 305-307.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 249. Л. 80.

может и военное пламя»¹. Но войны удалось избежать: «военная» политика Екатерины увенчалась успехом, и 26 сентября 1764 г. польским королем был единогласно избран ее ставленник граф Станислав Август Понятовский. Как только эта новость достигла Испании, российский посланник немедленно проинформировал об этом Петербург. «Хотя я имел честь доносить с сегодняшней почтой реляцией моей о избрании короля польского графа Понятовского, однакож не хотел оставить, что о сем же самом особливо не донести в. пр-ву... Слух прошел здесь, якобы место королевскаго избрания окружено было тридцатью тысячами человек войска е. и. в-ва, нашей всем. государыни, и в котором не более было, как тридцать електоров. По сему заключают здесь, что неотменно произойдут в Полше внутренния негодования»². Эти слухи распространял все тот же австрийский посланник, граф де Мерси, который незадолго до этого информировал Кауница о «резкой» реакции Испании в курляндском вопросе и правительство которого было недовольно результатом выборов. Нового короля немедленно признали Россия и Пруссия, а Австрия и Франция медлили с признанием и сделали это только в 1765 г.

Бутурлин не только представлял интересы России и создавал в Испании «образ» российской политики – в своих донесениях он анализировал испанскую действительность, атмосферу при дворе, характеры, быт, воссоздавая облик Испании середины XVIII в. В первую очередь, его внимание привлекало то, что могло заинтересовать российское правительство: политический курс испанского монарха, взаимоотношения с другими странами, положение при дворе.

Российское правительство интересовала и внутренняя политика – реформы, которые проводил испанский монарх.

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 178. Л. 2-4; Д. 262. Л. 155-156.

² Письмо Н.И. Панину // РГАДА. Ф. 11. Госархив. Переписка разных лиц. Д. 666. Л. 4.

Еще в марте 1763 г., когда Бутурлин находился в пути, в Испанию был послан специальный рескрипт, в котором говорилось: «Как ныне по установлении общей в Европе тишины, конечно, в сей долговременной и жестокой войне участвовавшая, а равномерно и соседняя им державы частью принуждены найдутся предпринять многия нужныя перемены и поправления в армиях и в зборе государственных доходов, в торговле подданных и во внутренних земских учреждениях...» и предписывалось сообщать об этих реформах в Испании¹.

Бутурлин добросовестно выполнял это поручение государыни. Он неоднократно докладывал о состоянии испанской армии и флота, о проводимых учениях, о рекрутских наборах. «Е. в-ва неперменное есть намерение привести сколь возможно свои войска в наилучшее состояние, ибо теперишнее, по справедливости сказать, нельзя чтоб из лутчих было, но в крайнем запущении», – писал он в одном из своих донесений. Он сообщал также и о реформах, проводимых в войсках, находившихся «в Индиях, в королевстве Лимом и в королевстве Новой Гишпании». Там был значительно увеличен состав, «и число оных весьма доволно было б к приведению в безопасности сих селений от неприятелскаго нападения, есть ли б толко удобных разпоряжений при разумном предводителстве доставало»². На этот вопрос: о плохом руководстве испанской армии, о слабости ее офицерского состава – посол также часто обращал внимание российской императрицы и вице-канцлера³.

Российский дипломат наблюдал и за испанской экономикой, и за реформами, проводимыми правительством. В одном из донесений он сообщал о начале строительства дорог в Каталонии и Андалусии, что было очень важным мероприя-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 175. Л. 14.

² Там же. Д. 249. Л. 83; Д. 262. Л. 22.

³ Brown V.L. The Spanish Court... – P. 28-29.

тием, позволявшим наладить связь между Мадридом и крупнейшими портовыми и торговыми центрами испанского Средиземноморья. Для этих работ направили около 3000 солдат, которым выплачивали небольшое жалованье¹.

Не меньшее место в его реляциях занимал и вопрос взаимоотношений Испании с колониями. Выше уже говорилось о реформе, проведенной в войсках, находившихся в колониях. Также он информировал о ежегодных отправлениях кораблей из Кадиса в Вера-Крус, «частью на капитале королевском, а остальное на купеческом сего порта и продаются там на чистые денги, и с ними возвращаются в Гавану». Монопольное право Кадиса на торговлю с колониями еще больше обогащало его купцов и поднимало значение этого порта. Бутурлин сообщал, что правительство уделяло большое внимание укреплению своих американских колоний, «не менее же двор прилагает старание о том, чтоб и Луизиану, уступленную французами, привести в лутчее состояние. Министерство здешнее крайнее имеет попечение, дабы, как можно, поправить состояние Америки»².

Неоднократно в донесениях Бутурлина встречались замечания о дороговизне жизни в Мадриде, особенно продуктов питания. В апреле 1764 г. он сообщал о недостатке хлеба и о том, что король для выхода из положения пожертвовал доходы от лотереи, предназначенной для военной школы, а в сентябре – об увеличении подушного налога, «которой и до того был довольно велик», что вызвало роптание в народе. Вновь Бутурлин повторял о непопулярности Скилаччи, которого считали инициатором этой меры и «которой не хотя донести королю, что казна его во всех почти местах скудна, изобретает все такие способы, которые в большую тягость

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 262. Л. 12. См. также: *Anes G. El Antiguo Régimen. Los Borbones.* – Madrid, 1975. – P. 195-235.

² *Там же.* Д. 270. Л. 39, 48. См. также: *Anes G. El Antiguo Régimen...* – P. 237-238.

становятся народу». И в целом, делает вывод автор донесения, финансы в Испании находятся в очень плохом состоянии¹.

Но жизнь в Мадриде была не только дорогой, но и небезопасной. В январе 1765 г. Бутурлин сообщал о нападении неизвестных людей на карету шведского посланника. Это произошло около двух часов ночи, когда тот возвращался домой². В целом же он высоко оценивал реформаторскую деятельность Карла III и его министров. «Здесь правительством, – заключал он, – крайне старается таковые недостатки превозмочь хорошим своим распоряжением, в чем и успевает не сумнительно»³.

Дипломатический корпус постоянно находился вблизи испанского короля. В донесениях Бутурлина постоянно встречаются записи о переезде короля и двора из одного дворца в другой: Пардо, Аранхуэс, Эскориал, Сан-Ильдефонсо; о строительстве нового дворца (речь идет о новом королевском дворце, главной резиденции Карла III, в самом Мадриде – *Palacio de Oriente* – Восточном дворце. – *О.В.*) и большом приеме, устроенном по случаю его завершения. Дипломат внимательно наблюдал за занятиями и привычками Карла III, отмечал влияние на него королевской матери, которой в то время было уже 72 года. В его донесениях встречается и имя принца Астурийского – будущего испанского короля Карла IV. Впервые оно упоминается в связи с заключением «свадебного трактата» (март 1764 г.),

¹ См.: АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 262. Л. 146, 227-228.

² Они осмотрели «в одной даже до ящиков, не найдя его самого». По счастливой случайности посланник ехал в другой карете. Он пожаловался Гримальди, который приказал усилить охрану домов иностранных послов. Там же. Д. 270. Л. 7. Голицын написал в ответ: «Щастье посланниково, что он не был в своей карете, а инако может быть ужин ваш ему дорого стоил бы». РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 5633. Л. 20.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 262. Л. 139.

т.е. договора о брачном союзе сына Карла III и австрийской эрцгерцогини.

Подписание в 1764 г. союза между Берлином и Петербургом заставило Вену укреплять отношения со своими бывшими союзниками. Это можно было сделать двумя путями: либо подписать Тройственный союз, либо присоединиться к Фамильному пакту путем заключения династического брака. Карл III продумывал эти варианты еще во время войны, и в августе 1763 г. был подписан брачный договор между эрцгерцогом Леопольдом, будущим императором Леопольдом II, и дочерью Карла III, инфантой Марией-Луизой. По европейским дворам поползли слухи о прямых переговорах между Австрией, Францией и Испанией и о следующем браке – сына испанского короля с австрийской «архидюшеской»¹. Возможность такого союза сильно напугала «французскую» партию при мадридском дворе во главе с королевой-матерью и Гримальди, которые опасались ослабления Фамильного пакта и усиления влияния Вены. «Но как сей новой союз, – писал Бутурлин, – так и известное недоброжелательство нынешняго короля к их нации, подает совершенную ему (французскому послу. – *О.В.*) притчину думать о уменьшении настоящей преждней дружбы между его двором и гишпанским»². Это событие могло полностью изменить курс испанской политики, а потому вызвало при дворе оживление и беспокойство. Все «партии» пытались узнать содержание трактата, которое держалось в большом секрете. Поскольку

¹ *Brown V.L.* The Spanish Court... – P. 31-33. Карл III, действительно, написал собственноручное письмо Марии-Терезии, в котором просил руки ее дочери для короля Неаполя. *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 278.

² В ответном письме Голицын наставлял своего посланника: «...что касается до беспрестанных пересылок куриеров между венским, французским и гишпанским дворами, мы, хотя, здесь уже почти известны, о чем между сими дворами негоциация происходит, однако не худо, чтоб в. с-во в своем месте старались лучше и подлинее проникнуть в помянутое дело». РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 5632. Л. 15.

этот трактат должен был закрепить союз Вены и Мадрида, то говорили о свадьбе эрцгерцогини с одним из сыновей короля, «только заподлинно еще не знаем с принцом ли Астурийским или королем Неаполским». В этой ситуации Изабелла Фарнезе вновь проявила свой недюжинный характер и использовала все свое влияние на сына – не прошло и полугода, как ситуация полностью изменилась. Вновь оживились французский посол и «французская» партия. «Хотя царский двор и много трудился, чтобы выдать за принца д'Астурия архидюшессу, на что король было и согласился, но королева-мать в помешательство сему употребила все свои силы. Архидюшессе быть за Неаполским королем», – докладывал российский посланник. Невестой принца Астурийского стала его двоюродная сестра, четырнадцатилетняя дочь герцога Пармы Мария-Луиза. «Сия свадьба, – наблюдал Бутурлин, – большую радость приносит ей (королеве-матери. – *О.В.*) и французскому двору, видя свою поверхность над австрийским домом, хотя с великим трудом, потому что король и принц де Застурии желали больше архидюшессу»¹. Свадьба состоялась, когда Бутурлин находился уже далеко от Мадрида, – в декабре 1765 г. «Французская» партия победила².

Эти столь подробные свидетельства российского дипломата свидетельствовали и давали для Петербурга информацию о серьезных разногласиях при мадридском дворе по вопросу о взаимоотношениях с Францией, но, главное, о том, что так называемая «сердечная привязанность» Карла III к Фамильному пакту являлась лишь проявлением политической целесообразности в период Семилетней войны и, в определенной степени, влияния на него его матери.

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 262. Л. 88, 248.

² См.: *Brown V.L. The Spanish Court...* – P. 34-35; *Hargeaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century...* – P. 109-110.

В своих наблюдениях российский дипломат уделял большое внимание не только членам королевской семьи, но и ведущим испанским политическим деятелям. Еще находясь в Париже на пути в Испанию, Бутурлин узнал о назначении государственным секретарем Гримальди, который был в то время послом Испании во Франции. Гримальди и Бутурлин прибыли в Испанию почти одновременно и приступили к исполнению своих обязанностей. Бутурлин не дает в своих донесениях портрета нового государственного секретаря, однако старается понять причины его возвышения и влияния на Карла III. «Вновь пожалованной статской секретарь марки Грималди, – пишет он, – кажется, начинает иметь великую доверенность короля, своего государя, будучи подкрепляем королевской матерью, которая ныне опять зачинает иметь инфлюенцию». Бутурлин, обнаружив тайные пружины взаимоотношений при мадридском дворе, замечает, что возвышение Гримальди вызывает недовольство и ревность другого влиятельного лица – министра финансов маркиза де Скилаччи, который ранее фактически заправлял всеми делами, а в последнее время ему было повелено согласовывать все с новым государственным секретарем. Дипломат подметил, что соперничество их «час от часу возрастает», при том что Гримальди «любим генерално», а Скилаччи – «ненавидим, особенно народом по притчине безмерных налогов», и что кончится это крахом одного или другого соперника¹.

Во внешней политике нового главы испанского правительства возобладала профранцузская ориентация, и это не удивительно: ведь именно он подготовил и подписал с Шуазелем Фамильный пакт. Добрые отношения с Шуазелем сохранились, и когда Гримальди вернулся в Испанию. «На сих днях я от верной стороны проведал, что статский секретарь марки Грималди совершенно французскому двору предан и им интересован иметь непосредственную корреспонденцию

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 249. Л. 19, 59-60.

по всем делам с дюком Шуазелем», прямые контакты которых, по мнению Бутурлина, совершенно отодвинули от дел французского посла в Испании, который «почти ни о чем не сведом», да и в Париж отправили графа Фуэнтеса, человека, который не будет вмешиваться в отношения Гримальди и Шуазеля¹. Посланник подметил также некоторую холодность в отношениях Гримальди с английским и сардинским послами, «чем они весьма недовольны». Перипетии, связанные со «свадебным трактатом», осложнили тогда и отношения Гримальди с французским послом, что в тот момент больше угрожало послу, а не министру. При дворе считали, что Гримальди поддерживала королева-мать, но слишком близкие его отношения с Францией могли пошатнуть даже столь прочное его положение².

Наступил период наиболее тесных, близких отношений между Испанией и Францией, период, который испанский историк В. Паласио Атард назвал «медовым месяцем» испано-французского альянса³. Гримальди поддерживал регулярную переписку с Шуазелем, с которым советовался по всем вопросам совместных действий двух Семейных держав. Объединяло их, как, впрочем, и их государей, одно – желание реванша после поражения в ходе Семилетней войны, желание добиться унижения Англии. Карл III пытался присое-

¹ Это соперничество двух итальянцев продолжалось до 1766 г., когда Скилаччи был уволен в отставку. См.: *Hargeaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century...* – P. 108-109; *Ozanam D. Política y amistad: Choiseul y Grimaldi. Correspondencia particular entre ambos ministros (1763-1770) // Actas...* – T. 1. – P. 219-222, 225-228.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 262. Л. 71-72, 92. Предчувствия не обманули Бутурлина: Гримальди, действительно, возвысился и укрепил свои позиции, оставаясь фактически первым министром до 1777 г., когда его сменил граф де Флоридабланка; а Скилаччи меньше чем через год после отъезда Бутурлина из Испании вынужден был подать в отставку и бежать в Италию.

³ *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 278-279.

динить к Фамильному пакту также Неаполь и Парму, которые предпочитали сохранять нейтралитет и поддерживать ровные отношения с другими итальянскими государствами. Переговоры продолжались до 1766 г., но окончились безрезультатно¹.

Бутурлин недолго пробыл в Испании. Прошло чуть более полугода, и наступило первое лето его пребывания в стране – жаркое мадридское лето. И хотя двор, а вместе с ним и дипломатический корпус выехали в загородную резиденцию Сан-Ильдефонсо, расположенную к северу от Мадрида в прохладных предгорьях Сьерры, российский посол составил слезное прошение Екатерине: «Частыя болезненные припадки, коими я с самого начала моего сюда приезда, по ныне стражду, довели меня уже до сей крайности, что не вижу я себе от оных и избавления в разсуждении противнаго мне здешняго климата», и одновременно отправил три письма подряд вице-канцлеру Голицыну с просьбой об отозвании. Российское правительство эта просьба застала врасплох: Бутурлин только недавно выехал и, естественно, никакого варианта замены ему не существовало. Поэтому в ответном письме Голицын ограничился выражениями соболезнования². Дипломат получил это письмо в конце октября и, не помедлив, сел собственноручно писать ответ: «Если бы хотя б я малую надежду имел, чтобы к противному здешнему климату я мог привыкнуть, то бы с радостью остался. Но поверьте, в с-во, что совсем ея не имею, и час от часу чувствую себя слабее и слабее»³. 21 января 1765 г. он составляет еще одну, полную отчаяния, реляцию Екатерине: «Употреблен-

¹ *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 281-284.

² АВПРИ. Д. 262. Л. 179; Д. 267 Л. 11.

³ *Там же*. Д. 266. Л. 8. Как российские дипломаты тяжело переносили непривычный для них мадридский климат, так и испанцев пугал далекий холодный и сырой Петербург. См. об этом: *Jovellanos a Godoy // Biblioteca de autores españoles*. – Т. 86. – Madrid, 1956. – P. 347-348.

ные к тому все способы не только не помогли мне, напротив того еще довели до сей крайности, что не в состоянии нахожусь из дому выезжать, и что особливо теперь наступает такое время, в которое бывают здесь несносные жары»¹.

Однако не надеясь только на собственные силы, он написал отцу, прося его повлиять на принятие скорейшего решения. Старый граф употребил весь свой авторитет, и его настойчивость сыграла свою роль: в верхах занялись судьбой Петра Александровича. Один из вариантов возник еще в конце 1764 г. Освободилось место российского посланника в Дрездене, а поскольку Бутурлин желал ехать для лечения на воды в Германию, то его стали планировать в Дрезден, а на его место – князя Долгорукова. Сначала он получил известие об этом от Н.И. Панина, который занимал тогда пост первоприсутствующего в КИД, а в январе подтверждение об этом от Голицына². Но эта идея не была принята, хотя слухи об этом ходили по Петербургу, и молодой граф сделал еще одну последнюю попытку: «...есть ли милостивой резолюции не будет меня совсем взять, то хотя б позволения на несколько месяцев отлучится к водам»³.

13 марта 1765 г. Екатерине поднесли реляцию Бутурлина⁴. На этот раз она быстро приняла решение: 25 марта она подписала два рескрипта, решивших судьбу российского полномочного министра в Испании. Первым – ему дозволялось выехать в отпуск для лечения к водам на неограниченный срок, а второй, шифрованный рескрипт сообщал о том, что он отзывается от двора. Екатерина пошла навстречу

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 270. Л. 11.

² РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 5633. Л. 7.

³ На что Голицын отвечал, что «как и прежде с е. с-вом, родителем вашим, старался, так и впредь не оставлю продолжать». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 270. Л. 15, 17-18. См. также: СРИО. – Т. 140. – 1912. – С. 463.

⁴ И в тот же день Голицын сообщил ему об этом письмом. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 270. Л. 24.

Бутурлиным: решение было принято самое благоприятное. Ему позволялось выехать из Мадрида, не дожидаясь отзывной грамоты и решения о преемнике. На прощальной аудиенции у Карла III он должен был объявить о своем отпуске и представить временного поверенного, которым был назначен секретарь посольства в Париже Н. Хотинский. Отзывную грамоту ему следовало получить уже на «водах» и отправить ее маркизу де Гримальди¹.

Эта радостная весть пришла в конце апреля. Не медля, он нанес визит Гримальди и сообщил о полученном разрешении, о чем последний уже знал из донесений посланника в Петербурге виконта де ла Эррерия. Бутурлин готов был отправиться немедленно, рассчитывая прибыть на воды в конце июля. Но Хотинский все не приезжал. Он появился в Мадриде 1 июля 1765 г. Больше ничто не задерживало Бутурлина: он давно заплатил пошлины и собрал свой багаж. Не мешкая, он сдал посольский архив временному поверенному, представил его на прощальной аудиенции королю и 4 июля с семьей отбыл из Мадрида².

На обратном пути Бутурлины заехали в Париж, где прожили около двух месяцев³. Затем через Льеж их путь лежал на Брюссель, где была вторая остановка, а далее – в Гол-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 272. Л. 1, 2; СРИО. – Т. 57. – 1887. – С. 222-224.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 274. Л. 28-32. Он так скоропалительно отъехал, что даже в российском посольстве в Мадриде думали, что он отправился в отпуск, и 15 августа Хотинский с удивлением написал Голицыну: «Здесь генерално говорят, что граф П.А. Бутурлин сюды более не вернется, и что на его место назначен князь Долгоруков». РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 5629. Л. 9.

³ Там с Бутурлиным произошел неприятный инцидент, о чем с негодованием писал А.Р. Воронцову российский канцлер: «Я опасаюсь, чтобы не подлинно с графом Бутурлиным сбылась та ведомость, о которой уже и в немецких газетах напечатано. Сожалетельно, что он по молодости лет своих по сему делу вечной порок иметь будет». АВ. – Т. 31. – 1885. – С. 364.

ландию, где пост российского посланника занимал брат Марии – А.Р. Воронцов. В начале 1766 г. М.Р. Бутурлина вернулась в Россию, а ее муж остался в Голландии¹. В апреле 1766 г. умер посланник в Дании Корф: родители Бутурлина вместе с канцлером Воронцовым пытались добиться для него этого места, но не смогли². А сам он тем временем вел праздный образ жизни в Гааге и вернулся в Москву только в 1767 г., незадолго до смерти своего отца, который успел вымолить у императрицы еще одно пожалование для сына. «Вся Бутурлинова фамилия, – писала Екатерина Панину, – мучит меня о пожаловании кавалера Св. Анны П.А. Бутурлину. Есть ли он с вел. князем уже простился, то вслед за ним пошлите, и оно лучше»³.

Судьба П.А. Бутурлина несколько напоминает судьбу его предшественника на посту посланника в Мадриде: миссия за границей была для него только лишь длительным voyageм. Он стремился в Россию, но и там особого рвения к службе не проявлял. В 1770 г. его мать направила прошение Екатерине, чтобы его направили служить во флот во время Русско-турецкой войны. Императрица дала согласие, приписав на прошении: «Дозволит-ли ему сложение естественное службу оную нести»⁴. Бутурлин вернулся летом 1772 г., и его определили в Финансовую экспедицию, которой руководил

¹ «Я с приятностью уведомился, – писал М.И. Воронцов племяннику в Гаагу, – что П.А. Бутурлин в Гаге в добром здравии обретается». АВ. – Т. 31. – 1885. – С. 380, 383. Однако уже в мае он, обеспокоенный задержкой там Бутурлина, отправил еще одно письмо А.Р. Воронцову. «Графу П.А. прошу при всяком свидании сказать о моем дружеском напоминании: о его определении родители его много стараются, и я с моей стороны помогаю, только едва ли до возвращения его сюда может ко двору определен быть». Там же. – С. 391.

² Там же. – С. 392.

³ СРЮ. – Т. 10. – 1872. – С. 250.

⁴ Там же. – С. 419-420; АВ. – Т. 32. – 1886. – С. 153.

генерал-прокурор А. Вяземский, где он дослужился до чина действительного статского советника.

Отношения с женой у Бутурлина осложнились, он отошел от семьи. В одном из писем Е.Р. Дашкова писала брату А.Р. Воронцову: «Утром я была у М.Р. У меня разрывается сердце, когда я вижу, в каком состоянии она находится. Я страстно желаю быть ей полезной, но не думаю, что можно что-либо сделать. Только ее муж может изменить положение. Его поведение по отношению к ней просто низко, и это меня не удивляет. Холодный и бездушный человек во всем, что не касается его собственных удовольствий, то есть дебошей, он редко способен на благородные и великодушные действия и то лишь из желания выставить это напоказ»¹. После смерти Марии Романовны их старшая дочь Елизавета была определена фрейлиной к Екатерине II и переехала во дворец, а сын Дмитрий воспитывался в доме дяди А.Р. Воронцова, который в 1784 г. писал своему брату С. Р. Воронцову, послу России в Англии: «Не согласитесь ли вы принять у себя в Лондоне нашего племянника Бутурлина. Его отец будет выделять 2000 руб. в год на содержание сына. Его необходимо забрать отсюда, как можно скорее. Я бы очень хотел, чтобы он был у вас под присмотром... Это стало бы для него настоящим спасением»². Бутурлин умер 10 июня 1787 г. в возрасте 53 лет. Его сын, Дмитрий Петрович, был директором императорского Эрмитажа, написал несколько книг по военной истории и собрал большую, известную в те годы, библиотеку³.

¹ АВ. – Т. 5. – 1872. – С. 182.

² АВ. – Т. 31. – 1885. – С. 476, 478.

³ АВПРИ, Ф. СРИ. Д. 274. Л. 28-32; См. также: *Ратынский Н.А.* Двор и правительство России 100 лет назад // *Русский архив.* – 1886. – Т. 1. – № 2. – С. 170; *Карabanов П.Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях // *Русская старина.* – 1871. – Т. 3, 4.

Во время пребывания Бутурлина в Мадриде после окончания Семилетней войны осложнились отношения России с Францией и Австрией. Французские купцы и промышленники смотрели на русское продвижение к Черному морю, угрожавшее турецким владениям, как на прямую и серьезную опасность для экономических интересов своей страны. Обе державы боялись возрастающего влияния России. А поскольку Испания подписала в 1761 г. Фамильный пакт с Францией и испанский министр, ведавший иностранными делами, маркиз де Гримальди всеми силами способствовал сближению с Францией, то Панин стал продвигать идею сворачивания отношений и с Испанией, считая ее естественной союзницей Франции. На данном этапе его позиция была недалеко от истины, а потому после отъезда своего посланника Екатерина не торопилась назначать нового. Только в начале 1766 г. вышел указ о замене Бутурлина, но временный поверенный Николай Хотинский оставался на своем посту до апреля 1767 г. Таким образом, в начале 60-х гг. XVIII в. отношения между Испанией и Россией были восстановлены.

Стремление Карла III обозначить собственный, более активный внешнеполитический курс, получило свое отражение в изменении отношений с Россией. Оказалось, что без труда можно преодолеть тот формальный момент, который 30 лет назад привел к разрыву двусторонних связей – признание императорского титула российских государей. Для императрицы Елизаветы Петровны это было крайне важно, поскольку означало признание законности ее нахождения на российском престоле, признание преемственности того курса, который осуществлял в России ее отец.

«Дипломатическая революция», произошедшая в результате Семилетней войны, развела Испанию и Россию по разные стороны «политических баррикад». Осложнение отношений России с Францией и Австрией и подписание Испанией в 1761 г. Фамильного пакта с Францией заметно

охладило восстановленные отношения между двумя государствами. Тем не менее накал политических разногласий между Испанией и Россией, возникших в период Семилетней войны, активно нагнетали и английские дипломаты в Петербурге, стремившиеся усилить недоверие, обусловленное союзными отношениями Испании с Францией, и сам Н.И. Панин, защищавший идею необходимости опоры на «северный» союз. Действительно, отношения между Гримальди и Шуазелем, были очень теплыми, на Карла III оказывала сильное давление его мать. Но в отношениях двух Фамильных держав существовали и многочисленные «трещины», о чем неоднократно писал в своих донесениях П.И. Бутурлин.

2.3. Охлаждение в испано-русских отношениях во второй половине 60-х гг. Посольство Штакельберга

В январе 1766 г. Екатерина II наконец подписала указ об отзыве из Испании графа Бутурлина и сразу же назначила на его место нового посланника. Им оказался барон Отто Магнус фон Штакельберг (1736-1800). Фамилия Штакельберг была известна уже в XII в. Император Священной Римской империи Конрад III возвел в рыцарское звание Оттона Штакельберга в награду за воинские подвиги. В XIV в. семейство переселяется из Вестфалии в Лифляндию, где получили известность несколько ветвей этой фамилии. Дед Отто Магнуса дослужился до звания майора, а его отец – до генерала-полковника в голштинских войсках Петра III. Мать была из семьи Беллинсгаузен¹. Отец познакомился с Н.И. Па-

¹ См.: Долгоруков П. Российская родословная книга. – СПб., 1856. – Ч. III. – С. 257.

ниным, когда тот находился в Швеции¹. Там же после нескольких лет учебы за границей оказался и сам Отто Магнус. В 1756 г. Панин написал письмо канцлеру М.И. Воронцову с рекомендацией молодого человека для продолжения службы при дворе Елизаветы Петровны². Императрица снизошла до просьбы Панина, и Штакельберг был оставлен при дворе. Он был честолюбив, активен и умен, и в 1766 г. правившая уже тогда Екатерина решила направить его в Мадрид.

«Г-н Стакельберг назначен к гишпанскому двору... – писал М.И. Воронцов своему племяннику в Лондон, – он поехал в дом свой для учреждения домашних дел и, сказывают, что скоро сюда прибудет»³. 19 мая 1766 г. императрица подписала его верительные грамоты⁴, а 26 июня ему была вручена инструкция, которая предписывала «недреманным оком интересы е. и. в-ва охранять, ...и о состоянии тамошняго двора и силах онаго... особливо важные известии получать»⁵. И поскольку отношения между двумя дворами продолжали носить скорее протокольный характер, то ему было сказано: «А как между здешним и гишпанским дворами не было и нет никаких формальных обязательств или союзов, то, следовательно, и не происходило по тому никаких особых дел, кои

¹ И, по словам самого Панина, оказывал ему многие услуги. АВ. – Т. 7. – 1875. – С. 473.

² «Я должностно моею почитаю в. гр. сият-ву учинить знаемым подателя сего, подданного е. и. в-ва, барона Стакельберга, всепокорнейше его рекомендуя в высокую вашу протекцию и милость. Он свою молодость в науках и знаниях с пользою употреблял, и теперь желает удостоиться всевысочайшей службы ея и. в-ва. ...Я особливо обяван искренно интересоваться в его счастья в разсуждении его отца и дядьев ко мне приязни. Он был здесь у меня с лишком год: и я имел многие случаи искусить в нем сентименты вернаго и ревнительнаго подданного и познать его приобретенную способность к всевысочайшей ея и. в-ва службе». АВ. – Т. 7. – 1875. – С. 466; Т. 26. – 1882. – С. 61.

³ АВ. – Т. 31. – 1885. – С. 383.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 182. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 285. Л. 17. Инструкция опубликована в: СРИО. – Т. 57. – 1887. – С. 553-561.

бы касаться могли собственно до обоюдных интересов»¹. Поэтому новому российскому представителю в Мадриде отводилась роль, скорее, основного источника информации для Петербурга о внешней и внутренней политике страны его пребывания. Какая же информация интересовала Екатерину в первую очередь? «Как далное земель разстояние, так и настоящее интересов европейских сопряжение не много могут обещать ему больших непосредственных переговоров», то главной его задачей ставилось «достаточное и систематическое познание всех областей тамошняго края Европы, каждой из них силы и слабости, их склонности и обычаев, действующих в делах, их интересов существительных и настоящими обязательствами между собой установленных, и какия конекции между каждой из тех держав ныне настоят»².

Прежде всего Россию интересовали отношения Фамильных держав, Испании и Франции, и условия, на которых основывался их союз. «Но, как содержание онаго в публике не ведомо, то, соображая последовавшие между тем происшествия, можно однако со многою вероподобностию заключить, что и венской двор посредством союза своего с Франциею (которой прежде их взаимное соперничество превратил в поныне и непрерывно же продолжаемое тесное соглашение) имеет в том фамилном пакте директное участие»³.

¹ Именно поэтому ему по инструкции не требовалось даже проявлять активность для заключения торгового договора, а только ждать, «ежели со стороны гишпанской сделаны будут о том предложении». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 285. Л. 5-6.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 11-12. «Ибо, – читаем далее в инструкции, – инако не понятно было б, чтоб оной, не выговоря себе достаточной замены, поступал толь лехко на отложение от корпуса своих областей толь знатнаго княжества, каково есть тосканское, для того толко, чтоб для эрц-герцога Петра Леополда достать в супружество инфанту гишпанскую, но паче из поспешности, с какою все сие дело ведено и совершено было, задается причина думать, что не обещано ли римскому имп-ру в замену Флоренции, по нынешнему его браку с принцессой баварского дома».

«Чего ради, – наказывала российская императрица, – особливой господину барону долг будет обращать все свое примечание на все те поступки гишпанского двора, которые некоторой вид к тому иметь могут, стараясь для того всеми пристойными способами, но без обнажения при том самого себя... разведывать... какие настоят ныне старья или новья обязательства между означенными союзниками, и какие могут быть их намерения»¹.

В августе 1766 г. вместе с женой, баронессой Тизенгаузен, и двумя маленькими сыновьями² Штакельберг уже отправился к месту своего назначения. Его путь лежал через Ригу, Данциг, Гамбург и Париж, куда он приехал в начале ноября 1766 г. Там он пробыл почти четыре месяца: его принял Людовик XV, он познакомился с французскими просветителями, о чем сообщал в одном из донесений Панину. «Аббат Рейналь, чьи работы столь известны, оказал мне неоценимую услугу... познакомив меня со многими мыслителями. Я беседовал с г-ном Даламбером, Дидро, Гельвецием и некоторыми другими философами, у которых доброта, выказанная ее и. в-вом к г-ну Дидро, вызывает чувство глубочайшего уважения к нашей Августейшей Государыне. Все они являются ее глубокими почитателями. А я, также желая познакомиться с людьми, сведущими в области финансов и политической экономии, через своего друга был представлен маркизу де Мирабо, автору “Друга народа”, и г-ну де ля Ривьеру, являющемуся несомненно наиболее просвещенным человеком во всей Франции»³.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 285. Л. 12.

² Один из них, Густав Отто, только родился в 1766 г. Он впоследствии станет посланником России в Турине, Швейцарии, Нидерландах, Берлине, Неаполе, а также представителем России на Венском конгрессе. *Бантыш-Каменский Н.Н. Словарь...* – Ч. V. – С. 91.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 292. Л. 12-13. В ответ на это донесение Штакельберга Екатерина приказала Панину пригласить Ривьера в Петербург. Он приехал в сентябре 1767 г. и пытался заняться экономическим переустрой-

Уже из своих первых донесений, отправленных в Россию из Франции, Штакельберг предстает внимательным наблюдателем, тонким и глубоким аналитиком. Описывая свои впечатления от путешествия через Францию, он замечает все: то, что во Франции недовольны политикой Людовика XV, что он вынужден подчиняться министрам, что сама Франция находится в очень тяжелом положении (военная слабость, тяжелое финансовое положение, злоупотребления властей, разорение населения от налогов). Штакельберг в письме к Голицыну достаточно язвительно описывает положение французского государства: «Это государство похоже на частный торговый дом, хозяин которого боится признаться самому себе в царящем там развале, не надеясь там что-либо исправить в ожидании неминуемого банкротства»¹. Из Парижа он посылает и первые известия о событиях в Испании. В конце ноября он сообщал о результатах восстания в Мадриде, направленного против министра финансов Скилаччи, и об испанских государственных деятелях. Первым среди тех, кто попал в поле его зрения, стал президент Кастильского совета граф де Аранда. «Говорят, что благодаря вмешательству г-на д'Аранды, председателя Кастильского совета, доброго патриота и истинного испанца, сумевшего объединить доверие короля и доверие народа, буря, которая угрожала Испании, начинает утихать. Король обещает вернуться в Мадрид 26 числа с.м.»²

В начале марта 1767 г. Штакельберг покинул Париж, направившись в Орлеан, оттуда через Блуа, Тур, Ангулем к концу месяца добрался до Бордо. 10 апреля он был уже в

ройством России. Но прошло немного времени, и Екатерина написала о нем: «... и Дидерот, и кн. Голицын, и Штакельберг, мой посланник в Испании, и аббат Рейналь, и Панин, и я, мы все ошиблись». СРИО. – Т. 10. – 1872. – С. 240; Т. 17. – 1876. – С. 30.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 292 л. 12; Д. 301. Л. 1-17.

² Там же. Д. 292. Л. 10.

Байонне, а 23 апреля прибыл в Мадрид, проведя в пути более 8 месяцев. На следующий день он сообщил Гримальди о своем приезде и в сопровождении временного поверенного Хотинского отправился в Аранхуэс, где в это время находилась королевская семья. Карл III назначил ему аудиенцию на 30 апреля. «Е. в-во удостоил меня весьма милостивым приемом, – докладывал он Екатерине II, – изъявляя мне, сколь он доволен видеть во мне старого неапольского знакомого, где я имел счастье представлен ему быть уже 13 лет назад»¹.

Штакельберг в гораздо меньшей степени, чем его предшественники, уделял внимание тонкостям церемониала и этикета: теперь отношения двух стран определяли другие вопросы. «Когда я пробуду здесь довольно время, дабы получить сведения обо всем, то отправлю я с каким-либо курьером генеральное описание дел здешняго двора, до моего ведома дошедших, а наипаче некоторые рассуждения о секретных артикулах Пакта фамилии. Я имею притчину думать, что до сего времени дела венскаго двора ничего иного ввиду не имели, как Силезию, которую она не может возратить без дружбы Франции. Подлинно, что несколько времени трудились здесь в химерическом проекте о перемене герцогства Пармскаго и Плаценскаго на Австрийские Нидерланды, из коих Франция должна была себе получить города Остенде и Нипорт. Сие не может никогда исполниться по притчине 14 артикула Утрехтскаго трактата. К тому же такое опасное владений прибавление Австрийскому дому в Италии и надежда к наследствию в Модене много потревожить могут другие в Италии соседствовавшие ему державы». А через два месяца он сообщил в Петербург, что к Фамильному пакту присоединился и неаполитанский король, сын Карла III, Фердинанд IV².

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 10.

² Там же. Д. 299. Л. 30, 112.

Уже по первым его донесениям заметно, что он гораздо более усерден и честолюбив, чем его предшественники, и очень старается, чтобы императрица заметила и оценила это усердие. В августе 1767 г. Штакельберг писал Екатерине II: «Я стараюсь собрать все нужные материи, дабы в состоянии быть мог через несколько месяцев послать в. и. в-ву примечания об Испании. Не токмо по задумчивому нраву здешняго народа, но и по малому числу знающих людей зделать сие здесь гораздо тяжелей, нежели во всяком другом государстве»¹.

Штакельберг приехал в Испанию в самый разгар событий, связанных с изгнанием иезуитов, – этот вопрос и оказался в центре его внимания в течение первого года пребывания в стране. Созданный в рамках Контрреформации в 1540 г. орден иезуитов в XVIII в. имел огромное влияние и неограниченную власть. Иезуиты завоевали сильные позиции в области образования, они вели издательскую деятельность, занимались иностранными миссиями, участвовали во всех теологических спорах и дискуссиях, отстаивая интересы папства². Во второй половине XVIII в. недовольство орденом охватило несколько королевских дворов, правящих династий и широкие круги аристократии. Против иезуитов выступили янсенисты и галликаны, духовенство и философы, энциклопедисты и масоны. Раздалось первые требования о ликвидации ордена³. Преследования иезуитов начались в Португа-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 125.

² Во многих католических странах члены «Общества Иисуса» были духовниками и советниками монархов. Амбиции ордена иезуитов вызывали сначала отдельные опасения, а затем растущую оппозицию во многих европейских странах. Усиление позиций иезуитов в сфере образования порождало недовольство университетских докторов теологии и епископата. Возникали конфликты и с папой Бенедиктом XIV, который жаловался приближенным на неповиновение иезуитов. История Европы... – С. 370.

³ Там же. – С. 371.

лии, где орден противодействовал политическим реформам, проводившимся первым министром маркизом де Помбалом. Он начал активную борьбу с орденом¹, а после покушения в 1758 г. на короля Португалии Жозе I иезуиты были обвинены в антикоролевском заговоре: многие из них были отправлены в тюрьмы, а остальные вывезены из страны и высажены на берегах Папской области². С 1760 г. начались выступления против иезуитов и во Франции: в 1761 г. их некоторые книги были запрещены, французам не позволяли вступать в орден, а самим иезуитам – вести преподавательскую деятельность, а в 1764 г. Людовик XV подписал эдикт о запрете в стране ордена иезуитов³.

В 1766 г. борьбу с иезуитами начал и испанский король Карл III. Первое сообщение об этом в Петербург поступило от Хотинского в начале ноября 1766 г. Он писал: «Из Мадрида уведомляют, что там разные персоны были взяты в своих домах и вывезены из города под арестом... О преступлении их ничего однако ж не опубликовано и точнее об этом не известно. ...Арестован еще и генерал-прокурор для иезуитов обеих Кастилий, именуемый Сидролопес, и отвезен в Кампедино, но не слышно по какой причине»⁴. В декабре 1766 г. он

¹ В 1757 г. он писал папе Бенедикту XIV: «В короткое время американские владения иезуитов до того увеличились и получили такую прочную организацию, что вскоре никакая европейская сила не в состоянии была бы прогнать их с этой колоссальной территории, тем более что вся масса туземного населения была на их стороне, потому что они одни понимали ее язык и нравы». *Гризингер Т.* Иезуиты. Т. 2. – СПб.-М., 1869. – С. 108.

² *Модестов В.* История падения иезуитов в XVIII столетии. – СПб., 1855; *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Т. III: История XVIII века. – СПб., 1913. – С. 383-385; *Kratz G.* El tratado hispano-portugues de limites de 1750 y sus consecuencias. Estudio sobre la abolición de la compania de Jesus. – Roma, 1954.

³ *Модестов В.* История... – С. 29-43.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 289. Л. 25-26. См. также: *Hargreaves-Mawdsley W.N.* Eighteenth Century... – P. 114-115.

сообщал еще об одной мере, направленной против иезуитов. «Продолжавшаяся здесь более века тяжба о сборе десятины, подлежащих королю и находящимся в Индиях церквям и капитулам со всех имений, коими там иезуиты владеют, наконец решена, и будут впредь сии духовные точно десятину с доходов своих неминуемо платить, подобно как прочие той части света монашествующие ордены»¹.

А в ночь с 31 марта на 1 апреля 1767 г. Карл III предпринял самый решительный шаг. «Вчерашнего утра осведомились мы с наибольшим удивлением, – тут же составил донесение Хотинский, – что в предыдущую ночь все в здешнем городе находившиеся езуиты, были в разных своих домах схвачены и немедленно из Мадрида под караулом вывезены. Сие никем не ожидаемое предприятие истребить в Испании езуитское племя принято и приведено было здесь к концу в глубочайшей тайне, с благополучнейшим успехом и в такой тишине, что по утру уже неприметно было никакого следа беспокойства или беспорядка, кои при таком знатном случае более или менее состояться имели». Хотинский писал, что в ночь со 2 на 3 апреля иезуиты были арестованы и в других областях Испании². Народ отнесся к происшедшему со спо-

¹ Хотинский указывает, что впервые этот вопрос был поднят еще в 1624 г., его долго обсуждали и в 1655 г. приняли решение, что все ордена обязаны платить десятину и возратить в казну все недоимки. «Одни только езуиты, от всех отдалясь, всячески искали избавиться от платежа десятины, скрывая свои имения и жалуясь везде о своей бедности». Такая неопределенность продолжалась до 1748 г., когда они сумели выпросить у Фердинанда VI транзакцию, предписывавшую им платить только тридцатую часть с доходов. Остальные ордена требовали отменить это решение, и в результате была созвана комиссия, состоявшая из членов Кастильского совета, инквизиции, Совета по финансам, духовенства и богословов, которые приняли решение отменить этот документ и восстановить для ордена иезуитов выплату десятины. Донесение от 16(24).4.1767 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 289. Л. 52-53.

² Только к губернатору Барселоны этот указ пришел слишком поздно, и он приступил к аресту иезуитов только 3 апреля в полдень. «Таким умед-

койствием и равнодушием, «по чему надеяться должно, что оно везде приметя с равной предосторожностью и благоразумием».

Всех иезуитов отвезли в Картахену и другие порты Средиземного моря, откуда их должны были отправить в Италию, а с утра начали описывать их имущество. Хотинский добавляет, что указ о причинах их изгнания еще не появился, хотя по слухам накануне его уже видели отпечатанным в доме графа Аранды¹. Аранда и был главным исполнителем этого дела. Через день указ был опубликован, и к нему приложена серия инструкций, в которых «не упущены самые мелочные обстоятельства», касающиеся порядка ареста иезуитов, описи их имущества и сопровождения их до портов для отправки в Италию. Хотинский подчеркивал, что из этого указа непонятно было, в чем же причина этого действия, что король объявил только, что поступил «справедливо и необходимо», «оставляя себе по верховной власти ведение их преступления». «Буде верить людям, которые льстятся быть сведомы о нынешних обстоятельствах, то обвиняют их, – продолжал он свое подробнейшее донесение, – якобы они хотели истребить всю ныне здесь владеющую королевскую фамилию»². Дипломат отмечает, что Аранда, производя рас-

лением проведали или усумнились те отцы в жребии своем и успели сжечь некоторые и чаятельно нужнейшие бумаги». АВПРИ. Д. 298. Л. 46.

¹ Там же. Д. 298. Л. 39-41.

² Хотинский высказывает свои предположения о причинах «истребления в Гишпании тех езуитов». Истоки он усматривает еще в правление Фердинанда VI и его жены Барбары де Браганса. Она пыталась уговорить супруга передать Парагвай Португалии в обмен на о. Сан-Сакреман. Но настойчивость тогдашнего государственного секретаря Испании Энсеньеды и губернатора Парагвая помешали совершению этой сделки, которая бы «лишила езуитов всех их богатств и была бы постыдна Испании». Тогда на них пало подозрение в причастности к смерти королевы, произошедшей в 1758 г. (тогда же, когда и было совершено покушение на португальского короля Жозе I), чтобы она еще раз не смогла уговорить короля. Там же. Л. 45-47. Об этом же пишут Модестов и Ферер Бенимели:

следование народного восстания в Мадриде, произошедшего в 1766 г.¹, «нашел может быть тех езуитов в том участниках», что их «нравоучения особливо за зловерные признаны»². Не последнюю роль сыграли и интриги королевского духовника против папы римского, который не хотел посвящать его в кардиналы и которому он «чувствительнее отомстить не мог, как сим ударом наилюбезнейших его детей». «Теперь, – заканчивает автор, – остается ведать, с каким успехом совершится изгнание езуитов в Америке, а особливо в Парагвае, где они весьма сильные, хотя, правда, уверяют, что тамошний народ правлением их весьма недоволен»³.

Это было последнее донесение Хотинского, так как накануне в Мадрид прибыл барон Штакельберг, и отныне всю переписку с Петербургом вел уже он. «Езуитское дело единственной есть предмет всех разговоров... – докладывал он Екатерине II в первом донесении о событиях в Испании. – Я уже видел две из сих прагматических санкций, касающихся имений, книг, манускриптов и лавок езуитских. Сии отцы, уволены будучи от десятины, всяких налогов и пошлин, учинили торговлю весьма пространную и предосудительную

Модестов В. История... – С. 15-21; *Ferrer Benimeli J.* Carlos III y la extinción de los jesuitas // *Actas...* – Т. 1. – Р. 239-248.

¹ Существует также точка зрения, что официальным поводом для их изгнания послужил организованный ими мятеж против Скилаччи. *Евдокимова Н.П., Петрова А.А.* Проблемы... – С. 30.

² Обстановка, в которой велось следствие, была окутана глубочайшей тайной. «Сам Шуазель узнал о деле за минуту до публикации указа. ...Что касается Монино и Кампоманеса, очень значительных чиновников, Аранда сносился с ними тайно и почти романтически. Оба они приходили отдельно, как бы не зная друг друга, в удаленные места, под развалины. Там работали одни и потом общались только с первым министром. Граф принимал их мнения, сам переписывал бумаги или поручал одному юному пажу... Он сам носил бумаги королю и не допускал ни Монино, ни Кампоманеса». *Модестов В.* История... – С. 48-49.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 298. Л. 48-50. См. также: *Hall A.* Charles III... – Р. 124-140.

комерции сего государства. Они имели также и аптеки, которые ныне будут употреблены на гошпитали, прочие их товары будут проданы для раздела бедным. Все, кто имеет у себя их имущество, должны объявить об этом, в противном случае подвергнется жестокому наказанию, а книги все отданы будут в королевскую библиотеку. Что же касается до манускриптов, то оные сохраняться будут до тех пор, пока не сделают их опись, а куда их отдать, сам король определит»¹. Штакельберг повторял вслед за Хотинским, что инициатором сей акции был граф Аранда, и продолжал: «Народ, привыкший уже за годы видеть действия великой власти короля и господина д'Аранды, который подлинно оказал великий разум, искусство и твердость в такой большой должности, восстановления полиции, спокойствия и послушания во всем государстве, ожидает новых учреждений, касающихся до духовенства, в частности до других духовных орденов». Дипломат указывал, что папа якобы отказал иезуитам в высадке на своих землях, что подобные меры были приняты в неаполитанском королевстве и в Парагвае².

В следующем донесении (28.4(9.5).1767) посланник подтверждает слухи о том, что папа отказался принять иезуитов. Карл III направил папе письмо, но, желая выиграть время «для посажения езуитов на суда до получения из Рима протестаций, то министерство за благо рассудило нунциевого курьера полтора суток продержать в дороге, всякие остановки ему делая». В ответном послании папа подтвердил свою позицию, однако, как указывал Штакельберг, «я не могу однако же сомневаться, чтобы увещевания папские трево-

¹ АВПРИ. Ф. СРІ. Д. 299. Л. 10-11. То же самое он сообщал и в письме к Голицыну от 23.4/4.5.1767. Там же. Д. 301. Л. 24. Об этом писал и французский посол Шуазелью. *Ferrer Benimeli J. Carlos III...* – P. 241.

² АВПРИ. Ф. СРІ. Д. 299. Л. 11. Модестов подробно описывает их скитания по морю и лишения, которые пришлось претерпеть до того, как они получили пристанище в казармах на Корсике. *Модестов В. История...* – С. 52-54.

жили здешнее министерство». Переговоры с папой длились около месяца: в конце мая испанский король принял решение высадить иезуитов на острове Корсика, принадлежавшем Генуэзской республике. Однако генерал Марбеф, командующий французскими войсками на Корсике, отказал в высадке иезуитам¹. В июне Марбеф получил-таки распоряжение своего правительства разрешить иезуитам поселиться в г. Бастиа на Корсике, а часть из них принял герцог Модены. «Высажение иезуитов в Бастии сделалось, наконец, по тому распоряжению... войска уступили место духовенству, которое живет по воинскому в казармах», – сообщал дипломат в начале августа 1767 г.²

Франция и Португалия поддержали акцию испанского короля, поставив цель «уничтожить весь орден, коего мнимая святость и сила сделались опасными в рассуждении далеко простирающейся власти, которую сей орден имел над народом»³. В августе во Франции и в Неаполитанском королевстве начались преследования иезуитов, а к концу месяца они были изгнаны из Мексики и Кубы⁴. Старания португаль-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 32, 51-52, 66, 88.

² Многие иезуиты бежали с Корсики, и тогда Карл III издал указ, «в силу которого все иезуиты, захваченные в областях гишпанских, осуждены вечно в тюрьму, а именно, ежели они посвященные, а ежели непосвященные, то имеют быть повешены, те же, кто об них ведает, но не сообщает, также будет приговорен к смертной казни». Об этом же он говорит и в донесении к Панину. *Там же*. Д. 299. Л. 146, 248; Д. 301. Л. 47.

³ *Там же*. Л. 102. Это привело к улучшению отношений между ними. См. также: *Brown V.L. Relations of Spain and Portugal, 1763-1777 // Studies... – P. 69-71.*

⁴ Он отмечал, что хотя неаполитанский двор связан с испанским семейными узами и следует во всем политике Испании, но его действия по изгнанию иезуитов были не столь решительны. «Уважение, которое неаполитанский двор принужден и поныне оказывать иезуитам, несмотря на ненависть к ним здешняго двора и поданный от онаго пример к сему первому поступку против них, служит явным доказательством, что они в Неаполе великий кредит имеют, а заподлинно известно, что у них и здесь еще сильная, великая и опасная партия» (12(23).11.1767). В следующем

ского министра Помбала были очень активны. В октябре Штакельберг писал: «Граф Ойрас (будущий маркиз де Помбал. – *О.В.*) предложил здешнему министерству, что принудит папу военной рукой совсем уничтожить езуитский орден». К этому решению присоединилась и Франция, однако вскоре этот вопрос застопорился: враги графа Шуазеля сумели убедить Людовика XV не предпринимать ничего по этому делу, на что очень обиделся Карл III, решив, что «кузен кузена хочет обмануть в том, чтоб один из них по сему делу меньше другого осужден был»¹.

Первое свое донесение 1768 г. Штакельберг начинает следующими словами: «Наконец учинен езуитам последний решительный удар...» – и сообщает о том, что испанский двор получил известия об изгнании их из Буэнос-Айреса и Парагвая. Таким образом, «во всех обширных королевских американских владениях осталась у езуитов одна только коллегия в Калифорнии»².

Действия Испании осложнили ее отношения с папой, который выразил свое возмущение, заявив, что считает их «за самое наглое нарушение всенародного права», однако он был бессилён бороться с мадридским двором, а потому, заключал Штакельберг, «изгнание езуитов из Пармы и Плезанции воспоследует вскорости и таким же порядком»³. Эти со-

донесении Штакельберг сообщает с изрядной долей сарказма: «Неаполитанские еще не выгнаты, несмотря на все к тому вооружения и приуготовления, я чаю, что неаполской король принужден будет у короля, отца своего, занять г-на Аранды, чтобы то дело к концу привести» (29.11(10.12) 1767). Только в декабре 1767 г. в Испании был получен эдикт из Неаполя об изгнании оттуда иезуитов. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 279; Д. 300. Л. 17, 53.

¹ Донесение от 23.9(4.10).1767 г. // *Там же*. Д. 299. Л. 223; Д. 300. Л. 51. См. также: *Ferrer Benimeli J. Carlos III...* – P. 24; *Hargreaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century...* – P. 117-118.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 307. Л. 5, 290-291.

³ *Там же*. Д. 300. Л. 60.

бытия привели оба двора чуть ли не на грань войны. 1 февраля 1768 г. папа издал декрет об отлучении от церкви герцога Пармы¹. Испанский король воспринял это как личное оскорбление, и Кастильский совет на своем заседании заявил о необходимости принять по отношению к папе строгие меры, вплоть до военного вмешательства².

«Коалиция католических королей, – отмечал Н.И. Кареев, – против главы церкви, бывшего в то же время и светским государем, была одним из любопытных эпизодов международной политики XVIII в. Когда Климент XIII стал грозить герцогу пармскому отлучением от церкви, Франция и Неаполь заняли папские владения»³. Неаполитанские войска подошли к Бенавенте, а французские – к Авиньону. Испания и Португалия заявили о своей поддержке и даже «венской двор, которой, не вступая в дело о езуитах, соединился с другими державами... Наконец все восстали против папы, кроме туринского двора...»⁴. Столь жесткая позиция, занятая бурбонскими державами, заставила папу отказаться от своего решения, и к лету 1768 г. конфликт был улажен⁵.

¹ Этот документ находится: АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 307. Л. 48-53.

² Среди подписавших этот документ П. де Кампоманес и Х. Моньино, будущий граф де Флоридабланка. *Там же*. Л. 85-88.

³ Кареев Н.И. История Западной Европы... – С. 388.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 307. Л. 182-187. Модестов подробно описывает эти переговоры. *Модестов В. История...* – С. 61-65. См. также: *Hargreaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century...* – P. 118-121.

⁵ В последующие годы Штакельберг больше практически не возвращался к этому вопросу в своих реляциях в Петербург. «Малые дела всегда утапают и суть невидимы в больших делах», – писал он Екатерине II. И только в сентябре 1770 г. он сообщил о «примирении португальского двора с папою», подчеркнув важность этого события, знаменующего собой «перемены политические». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 321. Л. 162. Однако как большой знаток этого вопроса, в бытность свою в Варшаве он снова должен был заниматься иезуитскими делами. – СРИО. – Т. 1. – 1867. – С. 421-539.

Результатом этого стало издание Карлом III двух указов, ограничивавших в Испании власть Рима. Первым утверждалось, что впредь все буллы и грамоты папы будут иметь в Испании силу закона только после утверждения их Кастильским советом. А второй указ ограничивал права инквизиции на цензуру¹. Следует заметить, что эти реформы, которые ограничивали власть церкви в Испании², вызывали ее сильное противодействие. Рассказывая в одном из донесений о пасквиле, сочиненном против графа Аранды, в котором его называли «атеистом совершенным», Штакельберг констатировал: «Сие есть жар, кроющийся под пеплом и вынятый наружу рукою духовенства, покроеет при первом случае пламенем всю Гишпанию»³.

Совместные действия по борьбе с орденом иезуитов привели к сближению Франции и Испании с Португалией, и версальский двор стал активно развивать свою политику в этом направлении. «Удар, нанесенный иезуитам и заставивший их удалиться с континента Испании и всех ее владений в Америке и Азии, – писал маркиз де Помбал графу де Кунья 20 июня 1767 г., – не только произвел совершенную перемену в сношениях нашего двора с мадридским, но сделал для

¹ «Инквизиция принуждена будет либо самому автору, либо прокурору доказывать справедливость поставленного в книге мнения. А если авторово мнение найдется недозволительно, то он должен только поправить те статьи, кои будут запрещению подтверждены». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 307. Л. 291-292.

² Еще в 1766 г. был издан указ, запрещавший духовным лицам критиковать действия короля и правительства, а в 1767 г. – еще один, запрещавший духовенству заниматься торговлей, от которой оно получало немалые выгоды. Все виды управления их владениями передавались в руки светской власти. Была сделана попытка ограничить в Испании и власть Ватикана. Кастильский совет вынес решение, по которому Трибунал Нунциатуры признавался опасным для прав королевства, а потому отменялось его право последней инстанции в духовных делах и передавалось королю. *Там же*. Д. 288. Л. 181-182; Д. 299. Л. 124-125, 169-170.

³ *Там же*. Д. 307. Л. 259.

нас друзьями врагов наших, а нас, по крайней мере, по всей вероятности, явными врагами друзьям нашим и нашим союзникам»¹. Подтверждая эти мысли, Штакельберг отмечает, что Франция, стремясь тем или иным путем ослабить или изолировать Англию, направила все свои усилия на сближение с Португалией. «Франция, – комментирует он свои рассуждения, – употребляет все возможности, чтобы пользоваться большими по коммерции несогласиями между Португалией и Англией за компанию в Порто. Португальской в Париже министр весьма старается отвратить свой двор от лондонского. А король французской под видом разрешения от бремени принцессы бразилской прислал знатные подарки к португальскому двору»². Штакельберг называет это сближение не чем иным, как «хитростью со стороны графа Ойраса для умяхчения за обычной против сего двора пышности англичан, что много беспокоит помянутого графа в новых его предприятиях в рассуждении доходов и коммерции»³. Тем не менее «поступки французского двора в рассуждении привлечения португальского на свою сторону, весьма потревожили английский двор...», который «не упустит случая, чтоб установить равновесие против великаго союза, которой час от часу более в полуденных государствах Европы утверждается»⁴.

Политическое соперничество дополнялось и торговым. В 1767 г. Испания учредила Ост-Индскую компанию для торговли со странами Азии, и прежде всего с Филиппинами. Ранее эта торговля осуществлялась только через посредничество Голландии. «Торг пряными зельями тем более для госу-

¹ Цит. по: *Модестов В.* История... – С. 177.

² Донесение от 15(29).6.1767 // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 88-89.

³ *Там же.* Л. 122. В тот же день Штакельберг направил письмо Н.И. Панину, в котором указывал на осложнение отношений между версальским и туринским дворами и подметил, что Англия выказала в этом деле большую заинтересованность. *Там же.* Д. 301. Л. 40-41.

⁴ Донесения от 16(27).7.1767 г. и от 7(18).8.1767 г. // *Там же.* Д. 299. Л. 122, 156.

дарства принесет пользу, что для великого того во всех гишпанских владениях расхода, покупает оное государство ежегодно у голанцов на 2 млн. пиястров». Однако, по мнению посланника, эта прямая торговля вряд ли не будет иметь препятствий, ибо «голанцы имеют владычество в сей комерции с того времени, как португальцы выгнаты», и продолжает далее: «Сверх трудностей, происходящих от ненависти англичанов и корыстолюбия голанцов при возстановлении помянутой комерции, оспаривает тому еще и трактат Мюнстерской, в силу которого гишпанцы обязаны мореплавание свое в Восточной Индии производить так, как оное в тогдашнее время было не распространимо далее. Морские державы спорили по сему же артикулу и императору римскому Карлу VI, когда он намерен был учредить в 1722 г. Индейскую компанию в австрийских Нидерландах»¹.

Как бы подводя итог первого года своего пребывания в Испании, в одном из последних донесений 1767 г. Штакельберг анализирует состояние международных дел в Европе, уделяя особое внимание системе союзов европейских государств. Он подтверждает предположения, высказанные им в предыдущих реляциях, что Франция решила привлечь Португалию к Фамильному пакту. Особую активность проявлял в этом деле герцог Шуазель, желавший разорвать традиционный союз Португалии и Англии, ослабив тем самым последнюю. Российский дипломат указывает, что в этом вопросе Испания также действует в русле французской политики и даже готова сохранять «чрезвычайное терпение в происходящих ссорах на бразильской и парагвайской границах, внушая стороною португальскому послу о принесении извинения в чинимых там португалцами ей наглостях...». Да и сама Португалия, приходит к выводу автор донесения, охотно идет навстречу этим заигрываниям, основной причиной чего

¹ Донесение от 15(25).10.1667 г. // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 247.

стали разногласия, возникшие в торговых отношениях Англии и Португалии¹.

Штакельберг признает, что союз Испании и Португалии имеет реальные основы: во-первых, он основан на преимуществах от прямой торговли, а во-вторых, их интересы в тот период совпали в деле изгнания иезуитов, и Франция готова была поддержать их. Но он указывает на наличие серьезных препятствий в деле заключения союза между обоими пиренейскими государствами, поскольку между ними существовала «ужасная ненависть, которая их всегда в несогласии содержала с того самого времени, как Португалия от Гишпании отделилась». Поэтому, делает вывод российский посланник, «сии португалские интересы в существе своем столь основательные, побуждают не одного меня думать, что все признаки к перемене двора сего системы суть одни только хитрости графа Ойраса, чтоб доставить себе от англичан лучшие кондиции споров о коммерции». Рассуждая далее о взаимоотношениях этих держав, Штакельберг сообщает о распространившихся в Мадриде слухах, что Португалия все-таки изменит традиционной системе своих союзов и заменит договор с Англией на аналогичный договор с Испанией². Однако сам он выражает большие сомнения, поскольку это может привести к разрыву с Англией, «а какие способы весь бурбонский дом может употребить, когда Англия похочет мстить за то Португалии?», поскольку и Франция, и Испания находятся в состоянии полного упадка³.

¹ А произошло это, по мнению Штакельберга, из-за того, что «граф Ойрас особенную имеет на Англию злобу за то, что ему в Лондоне при его отсюда отъезде подарок учинить отказали». Донесение от 6(17).12.1767 г. // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 300. Л. 38-39.

² Этот договор, по его мнению, основан на «взаимных необходимостях как по сходству климата, так и местоположения, продуктов и мореплавания сих договаривающихся держав». Там же. Л. 39.

³ «Франция теперь в изнеможении, и я еще из Парижа писал о истощении казны королевства сего... Гишпания ничто иное есть как большая пухлая

«Вот почему я, опровергая, Всемогущественнейшая Государыня, генеральное мнение всей Европы, могу ошибиться, однако за должность себе почел подробно изъяснить оное в. и. в-ву для того, чтобы, сличая все полученные реляции от министров в. и. в-ва при чужестранных дворах, можно было бы видеть достоверное о истине толь предосудительной, как англинским, так и португалским интересам отмены в системе между ими установленной»¹.

Екатерина II очень интересовалась этими рассуждениями. Наиболее опасным для нее врагом была Франция. Французские дипломаты в Европе интриговали против политики Екатерины, организуя, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая турецких сановников, подстрекая шведского короля к враждебным выступлениям против России². Начиная с 1767 г. герцог Шуазель открыто выступал с идеей коалиционного нападения на Россию, оказывая военную помощь барской конфедерации и усиливая нажим на турок. Рассчитывая на помощь и поддержку Франции, Турция в октябре 1768 г. объявила войну России, а в на-

громада, не имея искусных людей и надежды, совсем одолжала, и тем наиболее она безсилна, чем другия державы морские, себя учинить весьма сильной: а имянно, пространная ея в Америке владении ей весьма тягостны, потому что оные вынимают силу из самой Гишпании, а рудокопные ея заводы суть такое ей богатство, от котораго она в нищету приходит, ибо оное ежегодно дешевле становится, потому что нет у нея других товаров на исправление бесчисленных нужд ея, от чего натурально при сем дворе американскому богатству ежегодно цена убавляется... Правда, ...скажут мне, что Англия находится теперь в таком же бедственном состоянии, как и соперники ея... Однако я чаю, ошибиться могут в оном, ибо Англия невзирая, что весьма одолжала, может крайняя употребить средства в таком важном случае, как есть вышесказанной, а имянно, неисчетное богатство партикулярных в Англии людей – непоколебимая есть подпора тамошнему правительству» // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 300. Л. 40-41.

¹ Донесение от 6(17).12.1767 г. // Там же. Л. 41-42.

² Соловьев С.М. История падения Польши // Соч. Кн. XVI. – М., 1995. – С. 14-15.

чале января 1769 г. Штакельберг доносил в Петербург об активизации действий Франции, направленных на подключение Испании к противодействию намерениям, «кои северные дворы купно с Англиею могут иметь к учинению между собою союза, могущаго делать равновесие с дворами родством связанными», однако, как писал он уже в следующем донесении, «Франция никакой не нашла было в короле гишпанском склонности принять участие в делах северных», но сумела-таки уговорить его и он «послал повеление к обретающемуся в Швеции своему министру Лассию, чтобы он поступал во всем с согласия г-на Моденя и употреблял бы свои силы к подкреплению намерений двора французскаго»¹.

В связи с этим Штакельберг сообщал, что в последнее время он, как и английский посол Грей, испытывает при дворе холодность, которую проявляли французский и австрийский послы, и «нас теперь при дворе принимают так, как бы мы принадлежали к державам таким, с коими скоро будет разрыв». «Я почти уверен, – продолжал он, – что Франция будет ползоваться оказываемой мне холодностию к склонению сего двора к такому поступку, которой может пресечь продолжающуюся между в. и. в-вом и двором сим корреспонденцию»². Таким образом, к весне 1769 г. отношения России и Испании, интересы которой были далеки от «северных» дел, но которая была связана Фамильным пактом, оказались на грани разрыва, в связи с чем Штакельберг настойчиво просил императрицу отозвать его из Испании³.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 313. Л. 16, 40. Об этом же он писал и в донесении Панину, добавив при этом пикантную подробность, что противодействие Карла III было отчасти вызвано его неодобрением «амурных дел» Людовика XV с мадам Дюбарри. *Там же*. Д. 315. Л. 1-2.

² *Там же*. Д. 313. Л. 41.

³ Это была не первая его просьба. Уже в сентябре 1767 г. российский дипломат сообщал в письме к Голицыну: «Маркиз Гримальди придерживается по отношению ко мне той же линии поведения, какая была в начале:

Одновременно осложнились отношения Фамильных держав с Англией. «Безсилie лондонскаго двора подтверждает Францию и Гишпанию мнения, данные им их послами о внутреннем беспокойствии сея монархии и побуждает чинить такие предприятия, которые кажутся сумнительными»¹. В испанском порту Ферроле было начато вооружение нескольких судов. Штакельберг, который указывал на «невозможность, в коей Гишпания находится, объявить войну по причине худаго состояния своих доходов», тем не менее, отправил туда своего доверенного человека, чтобы тот выяснил причину и назначение эскадры. Для Англии эта акция была, похоже, не столь «сумнительной», поскольку в Лондоне по этому поводу был сделан запрос испанскому послу, а английскому послу в Испании было указано подтвердить намерения Англии не нарушать мира между обеими державами².

Вскоре после начала военных действий Екатерина решила поддержать действия армии П.А. Румянцева в Молдавии и Валахии и осуществить нападение на Турцию на юге с моря, отправив в Архипелаг эскадру под командованием адмирала Спиридова³. По мнению Е.В. Тарле, после этого «можно было опасаться внезапных нападений со стороны французского и испанского флота, ...но Шуазель не имел политической возможности это сделать: во-первых, мешали ему англичане, во-вторых, затевать новую большую войну не позволяли финансы»⁴. Еще менее они позволяли и Испании.

не давая мне достаточного повода, чтобы пожаловаться моему двору, он между тем делает мое пребывание здесь невыносимым». РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 3340. Л. 17-20.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 313. Л. 143.

² Там же. Л. 167.

³ СРИО. Т.1. 1867. С. 115-116. См. об этом также: Брикнер А. История... – С. 330-335.

⁴ Тарле Е.В. Чесменский бой... – С. 17.

Поэтому Екатерина и «решилась организовать эту труднейшую и опаснейшую экспедицию»¹. В конце июля 1769 г. Н.И. Панин направил Штакельбергу письмо, в котором информировал посланника о том, что для успешной борьбы с Турцией в район Архипелага отправляются две балтийские эскадры под командованием адмирала Спиридова и контр-адмирала Эльфингтона. На случай непредвиденного захода какого-либо из кораблей русской эскадры в один из испанских портов посланнику предписывалось просить дозволения Карла III на его прием. При этом Панин писал: «Вам не следует сообщать ничего о планах нашей морской экспедиции: подождите, пока первым заговорит об этом испанский министр»².

В сентябре о намерении отправить русскую эскадру узнали в Мадриде. Гримальди отнесся к этому известию сначала без должного внимания, проявляя, как и Карл III, «совершенную беспечность о делах северных», и ограничился рассуждениями, что отправленная поздней осенью она дойдет к месту своего назначения еще не скоро, а за это время «провет еще много ветров». Он даже не стал расспрашивать российского посланника ни о цели, ни о маршруте этой эскадры³. Серьезность намерений русских он почувствовал, только получив письмо с предупреждениями от Шуазеля⁴, кото-

¹ *Тарле Е.В.* Чесменский бой... – С. 17.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 316. Л. 7-9.

³ «Г-н Гримальди не только не заводит об этом со мной разговор, но даже не упоминает в моем присутствии о наших военных операциях вообще, не позволяя, чтобы они стали темой общих бесед на приемах». *Там же.* Д. 315. Л. 32.

⁴ Брикнер указывает, что Шуазель представил кабинету Людовика XV записку, в которой указал на необходимость уничтожения русского флота до достижения им Гибралтарского пролива, но король и прочие министры не одобрили эту идею. *Брикнер А.* История... – С. 338.

рый собственно и направлял политику испанского правительства в этом вопросе¹.

Штакельберг выражал свое восхищение идеей Екатерины II отправить русскую эскадру в Средиземноморье и подчеркивал, что ее прохождением мимо берегов Испании и Португалии можно было бы воспользоваться, чтобы продвинуть российские интересы в этой части Европы. «Независимо от непосредственной пользы, которую эта экспедиция будет иметь для хода войны, она станет ударом грома для тех, которые ее разжигали, и достойным восхищения политическим жестом не только для того, чтобы приободрить Англию и дать ей возможность говорить более твердым голосом, но также и навести страх на Францию, а особенно на Испанию». Российский посланник пытался «приободрить» Англию и тем, что Россия может заключить союз с Португалией. «Лишь одна видимость этого способствовала бы тому, чтобы Бурбонский дом возжелал достижения мира путем переговоров, именно в тот момент, когда он полон недоверия по отношению к венскому двору, особенно после установления им взаимопонимания с берлинским»².

¹ Гримальди находился целиком под влиянием Шуазеля, и их личные отношения, оформившиеся еще во времена подписания Фамильного пакта, определяли внешнюю политику обеих держав. «Зависящая от французского двора система не дает ему надежды о непоколебимости состояния своего», – докладывал дипломат в марте 1770 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 323. Л. 67.

² «Ведь согласно проекту милорда Чатама (У. Питта-старшего. – *О.В.*), – писал он, – Англия никогда не нападет на Испанию в Америке, но может совершить высадку в Португалии и завоевать общими силами Андалусию, чтобы присоединить ее к этому королевству. Можете представить себе, какой эффект произведет в Испании даже мысль о том, что однажды русские эскадры смогут объединиться с английским флотом, чтобы выполнить столь опасный, но реальный план». Это понимал и маркиз Гримальди. Он не допускал возможности, что эскадра остановится на зиму в Лиссабоне, заявляя: «Буде же англичане, вопреки имеющимся обрядам захотят, чтоб они пробыли в Гибралтаре, то таковой поступок мо-

Португалия же, вопреки надеждам бурбонских держав, согласилась на прием русской эскадры, тем самым окончательно определив свое отношение к попыткам Франции втянуть ее в орбиту своей политики¹. Маркиз де Помбал заявил, что он готов содействовать созданию противовеса Фамильному пакту, который станет опасным для всей Европы, если другие великие державы не начнут загодя «строить плотины против этого потока», и приказал передать российскому посланнику, что будет «всеми мерами способствовать и чинить то, что от союзнейшего двора ожидать можно»².

Однако, как сообщал Штакельберг, успехи русской армии в этой войне, «подавая французскому двору о силе в. и. в-ва», вновь активизировали его дипломатию. В Мадрид один за другим стали наведываться курьеры от герцога де Шуазеля. Основная линия, которую выработали оба правительства, состояла в том, чтобы не дать эскадре возможность перезимовать ни в одном из портов Средиземного моря, «ибо всю свою надежду полагают они на трудность, которую имеют те эскадры препроводить декабрь и январь месяц»³. Но, по мнению дипломата, эта активность скоро утихнет: «Я думаю, что дюка Шуазеля декларация послать французскую эскадру на случай нужды для охранения левантийской коммерции родилась от мечтательного воображения о мнимых турецких во всем успехах, но чаятельно теперь те мнения переменятся, ибо одерживаемые непрерывно в. и. в-ва вой-

жет подать повод ко всеобщей войне» // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 314. Л. 64-65; Д. 315. Л. 34-35.

¹ *Brown V.L.* The Relations of Spain and Portugal, 1763-1777 // *Studies...* – P. 72.

² И далее российский посланник добавил: «Он окончал свои обнадеживания таким объявлением, коего и подлинно сильнее в Португалии сказать не могут, а имянно, он объявил, что российские корабли принимаемы будут, как агличские». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 314. Л. 95-96; Д. 315. Л. 39.

³ *Там же.* Д. 314. Л. 82-83.

сками над неприятелем победы, а наипаче взятие Хотина, много спеси и насмешливых переговоров убавили здесь»¹.

В октябре 1769 г. российские корабли покинули Англию², а 22 ноября пять из них достигли Гибралтара³ и направились к порту Маон, находящемуся на острове Менорка и принадлежавшему в 1765-1782 гг. англичанам. К началу 1770 г. к ним присоединились и остальные корабли во главе с командующим эскадрой адмиралом Спиридовым. Франция в ответ на это начала собирать флот в Тулоне, желая «делать грозной вид в. и. в-ва эскадрам», но, как писал Штакельберг, «никто тому не верит, ибо версальской двор вместо того, чтобы желать в будущем лете походов, боится оных». Испания же, вынужденная по настоянию Франции включиться в ее антироссийскую политику, уже начала тяготиться этой зависимостью, и на одном из приемов в самом конце 1769 г. Гримальди заявил французскому послу: «Признайтесь, что вы сделали весьма худое дело – воспламенили войну сию. И, если второй россиян поход будет подобен первому, в каком тогда состоянии будет держава сия?»⁴

После взятия Хотина и отправления русской эскадры Штакельберг первым нарушил «обет молчания», установленный маркизом де Гримальди, сообщив ему на большом приеме о победе русских войск, на что Гримальди ответил

¹ Донесение от 19(30).10.1769 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 314. Л. 103.

² В донесении от 17.10.1769 г. Бранденбург сообщал в КИД, что испанское правительство издало запрещение входить в испанские порты более чем трем военным кораблям, и что это связано с получением известия о выходе эскадры в Средиземное море. *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 330.

³ По указанию Штакельберга, Бранденбург сам отправился в Кадис, взяв с собой Г. Вейдлинга, числившегося в его миссии вице-консулом. По отзыву Бранденбурга, он хорошо знал русский язык и мог служить переводчиком для эскадры. Он поручил ему оставаться в Гибралтаре, пока эскадра не пройдет пролив, а сам вернулся в Кадис. *Там же.* – С. 331.

⁴ АВПРИ. Л. 163-164.

«по секрету дружественным тоном», что «мы ждем со дня на день известия о том, что турки на коленях будут просить у вас мира». Сославшись на дружбу, которая «между нашими державами существует», он сказал посланнику, что «активность г-на Шуазеля уже всем порядком надоела»¹. Такую же позицию занимал и Карл III, испытывавший, по словам Штакельберга, «неприязнь ко всему, что послужило началу войне и впутало его, пусть косвенно в северные дела». «Эти настроения в Мадриде растут день ото дня, несмотря на уверения Франции, что вся Европа выступит против России, как только узнает о ее победах в европейских владениях Османской империи», – заключал дипломат свои размышления о позиции Испании в отношении этой войны².

В январе 1770 г. из Мадрида поступило сообщение о том, что вторая эскадра под командованием Эльфингстона прошла Гибралтар, а в марте за ними проследовали еще четыре российских военных корабля³. А в конце апреля Штакельберг докладывал, что испанское правительство было весьма обеспокоено ходом военных действий. «Нашел я духи, гораздо более пораженными щастливыми действиями флота в. и. в-ва, нежели как оные были победами войска вашего одержанными». По его предположению, Порта собиралась обратиться к России с просьбой о мире, причем этот вопрос был не только согласован с Францией, но и инициирован ею. «Мир, – продолжал он, – поставляют таким делом, которое непременно совершиться должно, говоря, что вся Европа востревожится и вооружится, ежели оной принят не будет»⁴.

¹ АВПРИ. Д. 315. Л. 42. Здесь же посланник еще раз подчеркивает, что «Гримальди всегда с безразличием относился к проблемам северных держав».

² Там же. Д. 322. Л. 1-2.

³ Там же. Д. 323 Л. 72.

⁴ Там же. Л. 84.

В мае 1770 г. мадридский двор узнал о начале нового наступления русских войск. Это привело его в еще большее уныние, и Гримальди вынужден был публично заявить, что «Отоманской власти в Европе конец пришел». Успехи русских войск все больше и больше остужали горячность намерений испанского двора, и он все активнее начал дистанцироваться от позиции Франции. «А когда здесь французскому послу о войне говорят и попрекают ему притчину оныя, то он, ничего не ответствуя, пожимает только плечами и поморгивает губами». «Все двора онаго меры противу чудес, происходящих под славным в. и. в-ва скипетром, превращаются только в поморгивании, – завершает свое донесение посланник, – а наипаче, когда видят, что лондонский двор не перемняет предупредить своего намерения»¹.

Лондонский двор не только не намеревался менять свою позицию, но и втянул Испанию в конфликт, который надолго заставил забыть испанское правительство о взаимоотношениях русского и турецкого государств, оставив Францию в одиночестве поддерживать Порту. Причиной этого конфликта стали лежащие на расстоянии в десятки тысяч километров как от Испании, так и от Англии Мальвинские (или Фолклендские) острова. Расположенные в южной части Атлантики они представляли огромное значение со стратегиче-

¹ АВПРИ. Л. 94. Штакельберг был уже далеко от Испании, когда окончилась Русско-турецкая война. О реакции на это испанского двора сообщал уже его преемник С.С. Зиновьев: «По получении известия о неожиданном и славнейшем мире двор и здешняя публика была удивлена. Накануне французской посол уверял всех, что переход через Дунай приведет всю нашу армию к совершенной ея пагубе... Маркизу же Грималди должен я отдать справедливость, что при получении всех оных важных известий о мире не показывал непристойного недоброжелательства, и вообще поведение его благородно». Россия и Испания... – С. 240-241. О подписании мира и его условиях спешили сообщить и испанские дипломаты из Петербурга. См. донесения М. Делиталы Гримальди от 9(20).12.1771 г., от 10(21).4.1772 и от 17(28).4.1778. Archivo Histórico Nacional (Далее: АНН). Estado. Leg. 6115 (1). N 25, 44, 45.1

ской точки зрения, являясь спорной территорией Испании и Англии¹.

Отношения двух европейских государств в этом вопросе обострились после того, как осенью 1768 г. Карл III направил губернатору Буэнос-Айреса Букарелли приказ изгнать с островов находившийся там небольшой английский гарнизон, и весной 1770 г. английский кабинет У. Питт-старшего решил начать военные действия. Испания в ответ стала вооружать военную эскадру в Ферроле². Испанский посол в Англии Масерано докладывал из Лондона, что Англию очень беспокоил и начавшийся активный сбор средств во Франции, что может «служить предлогом к разрыву». Испания же, спровоцировавшая этот конфликт, не была готова к началу военных действий, и, как докладывал Штакельберг, новости о приготовлениях Англии «сильно испугали двор здешней», особенно учитывая то, что Португалия, поддержав Испанию в деле иезуитов, все более явно начинала от нее дистанцироваться³. В августе 1770 г. Испания отправила из Буэнос-Айреса «три фрегата и пятьсот человек войска», рассчитывая, тем не менее, что с английской стороны «сие дело не дойдет до решения, но исчезнет проволочкою». Если же все-таки придется начать войну, в Мадриде выражали уверенность, что «Франция вступит в оную по силе фамильного договора»⁴.

¹ *Goebel J.-Jr.* The Struggle for the Falkland Islands. A Study in Legal and Diplomatic History. – New Haven, 1927; *Gil Munilla O.* Malvinas. El conflicto anglo-español de 1770. – Sevilla, 1948; *Hidalgo Nieto M.* La cuestión de Malvinas. Contribución al estudio de las relaciones hispano-inglesas en el siglo XVIII. – Madrid, 1947.

² *Goebel J.-Jr.* The Struggle... – P. 271-280.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 323. Л. 67.

⁴ Испания объявила, что поводом для отправки туда экспедиции стало то, что английский губернатор на Мальвинах заявил о своем намерении атаковать там испанскую колонию. *Там же.* Л. 148-149, 156, 159.

Однако Англия заняла достаточно твердую позицию. Она не объявила войны Испании, но заявила, что «не хочет слышать о примирении, если гишпанской двор не обвинит поведение губернатора Боносайраса, и если дела не будут приведены опять в то же состояние, в коем они до экспедиции были». Франция же не поддержала в этом деле свою союзницу, а Испания, оставшись в одиночестве, вынуждена была согласиться на этот ультиматум, чтобы «окончить сие дело средствами умеренными»¹. Герцог Шуазель «учинил» Гримальди за этот провал «крепкой выговор», подтвердив англичанам свои миролюбивые намерения. Принять же удар на себя должна была Испания, которая «старается только о том, чтобы уменьшить ущерб достоинству гишпанской державы»². Но переговоры испанского посла Масерано в Лондоне продвигались с большим трудом, и Испания одновременно продолжала вооружение армии³.

В начале ноября Англия, наконец, прислала ответ на предложения испанского двора, высказав свои претензии в достаточно категоричной форме⁴. Маркиз де Гримальди с

¹ Главную причину этого Штакельберг усматривал в военной слабости обеих держав. Он писал: «Я всегда упоминал о военной слабости бургонского дому и о его немощи в войне». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 323. Л. 168.

² «Щастливы гишпанцы, что Англия не объявила войну им», – заключал дипломат. Там же.

³ Goebel J.-Jr. The Struggle... – P. 273-315. «Число вооружающихся кораблей простирается до тридцати шести. Около десяти тысяч человек оруженосцев послано в Америку, а новый набор простирается до двадцати тысяч». Позиция российского посланника прослеживается по его донесениям достаточно четко. Он считал, что Испания затеяла эти переговоры только с одной целью: «попользоваться проволочкою», чтобы «на некоторое время усыпить Англию». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 323. Л. 179, 206.

⁴ «Щастлива Англия, – откомментировал эту ее позицию Штакельберг, – что ее вытащили поневоле из той дремоты, в которой она была от самага Парижского замирения. Худое состояние флота ее ободрило неприятелей ея...». Там же. Л. 206.

подачи Шуазеля с готовностью согласился на этот ультиматум, но тут против выступил его постоянный противник граф де Аранда, заявивший, что этот вопрос можно решить только войной¹. «Настоящий кризис и действия Франции, – писал Штакельберг, – разрушают все иллюзии на счет Фамильного пакта. Движимый неприязнью к этому министру, граф де Аранда показал королю одно старое решение Кастильского совета, касающееся такого же союза, предложенного Францией еще отцу нынешнего короля. В этом решении были отмечены все те недостатки, которые по окончании последней войны и вызвали такое сильное недовольство народа»². По-видимому, позиция Аранды была более близка и испанскому королю, потому что в декабре 1770 г. на острове Майорка на случай разрыва или осады Гибралтара либо Маона были вооружены 16 тыс. человек. Губернатор Майорки выступил перед ними с речью, в которой прозвучало, что «их волности и вера католическая находятся в великой опасности, что российской, аглинской и дацкой флот нарочно соединились в Магоне с тем, чтобы овладеть Майоркой»³.

Позиция Аранды в целом устраивала Россию: во-первых, в случае военных действий на Мальвинах она «связала» бы на время Русско-турецкой войны испанский и французский флот и лишила бы их возможности вмешательства в дела в Средиземном море. А во-вторых, по мнению российского дипломата, эта война привела бы к тому, что «отсюда через год не будет флота ни во Франции, ни в Гишпании. А если продолжится тишина, то оба сии флота дадут работы чрез некоторые годы, ежели они достигнут до такого со-

¹ АВПРИ. Л. 184. Паласио Атард называл Мальвинский кризис «концом “медового месяца” Фамильного пакта»: *Palacio Atard V. La España...* – P. 128. Такой же точки зрения придерживается и Харгривс-Модсли: *Hargreaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century...* – P. 123.

² АВПРИ. Ф. СРП. Д. 322. Л. 27-28.

³ Там же. Д. 323. Л. 206.

стояния, как теперь думают». При этом русское правительство сознавало, что концентрация испанского флота в Средиземном море могла привести и к совершенно иным последствиям, а потому командующему русской эскадрой было послано предупреждение, чтобы он принял надлежащие меры¹.

Отношения накалились до предела в самом конце 1770 г. В зашифрованном донесении Панину Штакельберг писал, что «король, как, впрочем, и вся Испания, считает войну с Англией столь же близкой, сколь неизбежной. Тем не менее Франция в очередной раз поставила эту уверенность под вопрос: она не прекращает усилия по предотвращению войны. Происходят примечательные события в политике века – г-н де Шуазель действует так, будто он возглавляет английское министерство, борясь против Испании и отвергая доводы, защищающие ее честь». Подобное поведение Шуазеля крайне озадачило Гримальди, который вел себя, по словам русского дипломата, как «покойный Дон Кихот, неизвестно кому вверивший свою душу»².

Последовавшее сразу после этого падение Шуазеля привело к осложнениям в «концерте» между державами-союзниками и, как следствие, определило отношения с Англией – новый год Испания встретила разрывом с ней дипломатических отношений. В первых числах января из Мадрида был отозван английский поверенный в делах Харрис. Сразу же в ответ на это последовало отозвание из Испании Масерано, а французскому послу его правительством было предписано покинуть Лондон в тот же день, что и представителю Испании. Однако до военных действий так и не дошло. Французский двор после падения герцога де Шуазеля настойчиво рекомендовал испанскому прийти к соглашению с Англией, и в конце января Испания пошла навстречу этим

¹ АВПРИ. Л. 185, 207.

² Там же. Д. 322. Л. 33.

предложениям и отменила свое решение по Мальвинам¹. «Фолклендское дело, наконец-то, пришло к завершению», – сообщил Штакельберг Панину в донесении от 1(12).2.1771 г.²

Падение Шуазеля оказало заметное влияние и на изменение расстановки сил при мадридском дворе. Еще в 1767 г. русский посланник писал о полной зависимости Гримальди от французского министра: «В политических делах сохраняются те же секреты, но они менее полезны для государства и приносят меньше славы Гримальди. Все дела он решает непосредственно с г-ном Шуазелем, который из своего кабинета в Версале отдает указания Мадриду. Нация, тем не менее, начинает все больше и больше терять терпение...»³. Отставка Шуазеля и назначение на его пост герцога Эгильона заметно подорвали позиции Гримальди, и он, не сдержавшись, заявил, как много потеряет Франция, лишившись такого человека⁴. Но позиции Гримальди оказались прочнее, чем его союзника: Карл III поддерживал своего министра и полностью доверял ему. «Грималди, как придворному и хитрому человеку надлежало, зная нрав королевской, не подавал никогда совета, но всегда представлял свои проекты, показывая дело только просто и чрез полчаса времени по возвращении королевской с охоты. Тогда король делает решение всегда по своему соизволению, а г-н Грималди только говорит, что он имеет всегда нужду в просвещенных разсуждениях е. в-ва. Никакой государь так не обманывался и в совершенной безопасности не был, как король гишпанской. Он говорит о своих

¹ См. об этом донесения Штакельберга Панину от 3(14).1.1771 и от 10(21).1.1771. АВПРИ. Д. 325. Л. 1, 2-5; *Goebel J.-Jr. The Struggle...* – P. 364-410.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 325. Л. 8-10. При этом Штакельберг подчеркивал, что в Испании большинство народа выступало за войну, хотя она могла бы привести к «пагубным последствиям для всей Европы». *Там же*. Л. 7.

³ Донесение от 23.4(4.5).1767 г. // *Там же*. Д. 301. Л. 24.

⁴ Карл III же ничего не ответил своему кузену на письмо, которое тот написал ему по поводу отставки Шуазеля. *Там же*. Д. 325. Л. 23.

министрах, что он их сам определит, и при нем они не имеют нужды во многих дарованиях»¹.

Одновременно усилилось влияние при дворе его противника графа Аранды, которого Штакельберг оценивает очень высоко. «Этот человек без всяких преувеличений является опорой монархии, которая без него пережила бы революцию, какой не было еще в нынешнем веке. Многочисленные и могущественные друзья иезуитов, с одной стороны, и недовольство и зависть грандов – с другой, вызвали бы взрыв всеобщей ненависти против короля, если бы кредит доверия и неустанная бдительность Президента (Кастильского совета. – *О.В.*) не смогли предупредить пожар, и если бы его заинтересованность в собственном могуществе не заставляла его продлевать эпоху, столь блестящую для него. У графа есть еще одна страсть, которая оказывает влияние на его поступки: желание исправить тот ущерб, который нанесло его славе командование армией в войне против португальцев. Он хочет завоевать Португалию, и для этого ему нужна система нынешней власти, на которую столь сильное влияние оказывает личная ненависть короля к англичанам, несчастья последней войны и давление французов», – указывал российский посланник в письме Голицыну в декабре 1767 г.²

¹ В дополнение к этим сведениям, изложенным в донесении Екатерине II, он пишет о Гримальди в письме к Голицыну: «Его, как никогда, ненавидит вся эта нация в целом, к тому же он по-прежнему в ссоре с графом Арандой, и их примирение было кратковременным». Донесение от 7(18).9.1767 г. // АВПРИ. Д. 299. Л. 193-194; РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 3340. Л. 17-20 (от 19(30).9.1767).

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 299. Л. 70-71. В другом, шифрованном донесении Голицыну он как бы дополняет характеристику Аранды: «Его вспыльчивость не позволила ему записаться в Пармский колледж и привела в армию, несмотря на протесты семьи. Она всегда настолько управляла им во всех его действиях, что испанцы затрепетали, когда король сделал его первым лицом в государстве. Однако все сделали неправильный вывод. Г-н Аранда после своего возвышения превратился из одного из наиболее неосмотрительных в одного из самых скрытных людей... Я полагаю, он

Штакельберг не только анализировал положение при дворе и политику испанского правительства, что прежде всего интересовало Петербург, но, выполняя поручение «познать все области тамошняго края Европы», время от времени составлял пространные отчеты о современном ему состоянии Испании, ее экономике, образе жизни испанцев, реформах, которые проводил Карл III. Эти отчеты написаны богатым литературным языком, его характеристики точны и часто довольно резки, и в равной степени отражают и атмосферу испанского общества середины XVIII в., и характер самого дипломата, человека настойчивого, честолюбивого и язвительного¹. «Гишпания, – рассуждал он, – находится как в медицине, так и философии, еще таковы, каковы оные нации были в XVI в. Не ведают еще и имени Бургава. Все врачи следуют по Галиенову правилу, так как и философию обучают в школах перипатетическую. Сии древния схоластические идолы обожаемы еще в Гишпании, так что никакой новоизобретатель не отважился бы своих ученых споров выдержать пред инквизициею. Непреклонное упрямство, с которым инквизиция запрещает вывоз иностранных книг, есть непреодолимое препятствие к успеху наук. Все конфискуется без изъятия. Один книгопродавец не инако принес, коли как с великою тайностию сочинения Ламберти, а еще сказано мне, что недавно конфисковали всю библиотеку одного чужестранца, не оставя ему, как толко Сент-Евремона,

не замедлит добиться удаления Гримальди. Необходимо лишь время, чтобы перебороть привычку и слабость короля к этому человеку. Ведь ни для кого не секрет, что все здравомыслящие испанцы жалуются на то, что Испания из союзницы превратилась в рабыню Франции». АВПРИ. Д. 301. Л. 64-65.

¹ Екатерина II как-то набросала шутивную записку о том, от какой смерти умрут ее приближенные. Среди них: «Г-жа Штакельберг от удивления... г-жа Зиновьева от смеха... г-н Штакельберг *от желчи* (курсив наш. – О.В.)». СРИО. – Т. 10. – 1872. – С. 320-321.

которой при сем случае имел честь сравнен быть с Сент-Августином, по причине его имени»¹.

В письме Голицыну, написанном в августе 1767 г., он повторяет свои грустные размышления: «В этой стране нет ни сельского хозяйства, ни промышленности, не развиты ни местная торговля, ни внутренний рынок в целом. Здесь землю не орошают реки, не построены каналы, а основные дороги не заслуживают, чтобы их так называли. Мадрид расположен в пустыне: охоты, устраиваемые королем, превращают Кастилию, и без того опустошенную провинцию, в еще менее плодородную и населенную. На зерно установлены непомерные цены, которые увеличиваются еще больше по мере того, как разрушаются дороги и дорожает транспорт. Дороги всегда находятся в таком состоянии, потому что нет рек, а число лошадей и мулов не может быть высоким в стране, где не развиты сельское хозяйство и торговля, а преобладает в основном овцеводство, и где по непонятной причине все пригодные для земледелия участки земли не огораживаются, а используются в качестве пастбищ. По-видимому, они предпочитают шерсть хлебу. Отсюда, рабочая сила здесь слишком дорогая: содержание одного лакея обходится дороже, чем двух камердинеров у нас...»².

Однако не все вызывало такой пессимизм российского дипломата. Он часто упоминает о реформах, которые начали проводить в Испании под покровительством Карла III, пишет о падении влияния инквизиции, о совершенствовании нало-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 300. Л. 9.

² Там же. Д. 301. Л. 50. Надо заметить, что и испанские дипломаты того времени давали России подобную оценку. Так, М. Делитала писал Гримальди: «Это государство является парадоксом для Европы. Победители на море и на суше без кораблей и армии... они тратят огромные суммы денег, тогда как в обращении только бумажные... и, наконец, с пылом готовятся к новой кампании, не будучи в состоянии ни одеть, ни накормить армию». АНН. – Estado, Leg. 6115. – № 12.

говой и административной системы¹. И, как бы подводя итог своим размышлениям, он восклицает: «Однако ж вероятно, что государство короля, толь изобилное в переменах и толь злючкочително суеверию, первыя положит оснований к просвещению сего народа. Уже инквизиция не такова, какова прежде была, и, я думаю, что гишпанцам позволят мыслить и говорить, хотя б толко в досаду духовенству»².

Размышления дипломата о положении Испании, а также охлаждение отношений между двумя государствами в целом отодвинули на задний план вопрос об активизации торговых отношений, и, действительно, тема эта в его донесениях практически не встречается.

Еще один вопрос личного характера занимал значительное место в посланиях дипломата. Определив его в Мадрид, Екатерина назначила жалованье в 6 тыс. рублей, а не в 10 тыс., как Бутурлину или Репнину³. Штакельберг же, не обладая столь большим состоянием, как его предшественники, очень чувствовал разницу и уже из Парижа написал о денежных затруднениях⁴. Этот вопрос он поднимает и в письме от 1(12).7.1768 г., где сообщает, что вместо ожидаемой при-

¹ Подробнее о его оценке реформ см.: *Волосюк О.В.* Просвещенный абсолютизм Карла III в Испании и Испанской Америке // Вестник РУДН. Серия «История, философия». – 1993. – № 1. – С. 27-35.

² Донесение от 29.11(10.12).1767 г. // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 300. Л. 16-17.

³ Россия и Испания... – С. 194, 202.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 292. Л. 13. На эти жалобы Голицын ответил ему в письме от 8.12.1766 г.: «Мне нечего возразить на ваши замечания относительно дороговизны в стране вашего пребывания и о том, что вам приходится очень обдуманно и экономно расходовать деньги. Я, конечно, хотел бы, чтобы вам не приходилось вести все эти подсчеты, но первое время всегда приходится бояться расходов на устройство и к тому же, когда е. в-во имп-ца убедится в пользе вашей миссии и в необходимости предоставить вам те же льготы, что и вашим предшественникам, уверен, она увеличит ваше жалованье». Об этом же Голицын информировал его и в своем следующем письме от 26.12.1766. РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5404. Л. 4-5.

бавки к жалованью и «облегчения участи», он за полгода не получал даже того, что установлено при назначении. «Вот, что приводит меня на грань разорения и вынуждает меня просить вас о моем отзыве. Только это может спасти осколки моего небольшого состояния, половину которого я здесь уже потерял». Через два месяца в письме Панину он вновь повторяет свои просьбы. Это был уже настоящий крик души. «Вспомните, пожалуйста, что уже три года, как я назначен, и два года, как долги мои растут, а за это время я получил на 20 тыс. рублей меньше, чем г-н Бутурлин, который, кстати, разорился тоже. Может, настало время положить конец моим несчастьям, о которых я сообщал вам слишком часто? Но, клянусь, я ничего не приукрашивал! Если вы хотите отвести меня от края пропасти, прошу вас дать указания, которые позволили мне хотя бы здесь существовать»¹. Однако выплата жалованья задерживалась, и в апреле следующего года барон снова напоминает Панину о своем безденежье².

К этой причине добавились еще две, по которым дипломат просил об отозвании из Испании. Штакельберг писал, что жена его больна, а дети выросли, и он хотел бы отправить их в Ливонию для получения образования, поскольку в Испании они этого сделать не могут³. Кроме того, напомнило о себе еще одно судебное дело, которое требовало его при-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 308. Л. 23, 26.

² «Хоть я и дал себе зарок не досаждать более вам своими делами, настойчивость моих кредиторов стала уже невыносимой... – напоминал он, – и я подвергаюсь здесь всяческим унижениям». Желая расположить к себе Панина, он сообщает далее, что направляет ему с курьером 2 фунта табаку, но «не смог взять больше, поскольку это является контрабандой в тех странах, через которые он будет проезжать». Там же. Д. 315. Л. 10-11. На одном из таких донесений вице-канцлер сделал помету: «Мы в Коллегии крайний недостаток в деньгах претерпеваем, и теперь способа не имеем всех министров удовлетворить» (СРИО. – Т. 97. – 1896. – С. 258). Тем не менее Екатерина распорядилась увеличить ему жалованье на 2 тыс. рублей. РГАДА. Ф. 15. Дипломатический отдел. Д. 174. Л. 4.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 322. Л. 24.

сутствия на родине. Штакельберг просил Панина оказать содействие для сохранения в нем *status quo* до его возвращения¹.

Часто повторяющиеся настойчивые просьбы дипломата об отозвании и возвращении в Россию летом 1770 г. рассердили Панина, и он отказал ему. А в начале 1771 г. Штакельберг снова начал «бомбардировать» Петербург теперь уже просьбами предоставить ему отпуск. Последняя такая реляция была составлена им в начале апреля. В России уже приняли решение по его делу, и депешей из КИД ему сообщили, что «тишина, установившаяся между испанским и английским двором», позволяет сделать перерыв в донесениях и что он может приехать в Петербург. Панин по секрету также сообщил, что ему собираются пожаловать камергера, о чем барон получил официальную депешу в мае 1771 г. перед самым своим отъездом из Мадрида².

24 мая 1771 г. Штакельберг с семьей отбыл из Мадрида. Дорога домой заняла у него гораздо меньше времени.

¹ «Коллегия направила мне в прошлом году повестку, которая была передана ей правительством Ревеля, и в соответствии с которой я был вызван в качестве стороны, споря по старому делу моего покойного отца, которое было возобновлено судьей (налоговой службой), которое он вновь открыл, специально дождавшись, пока я не уеду... Я пытался всеми способами доказать трибуналу, что произошла несправедливость, поскольку не дождались моего возвращения, чтобы завершить дело, которое я было предал забвению, поскольку еще 6 лет назад стало ясно, что невозможно ничего добиться. ...Но этот трибунал приговорил меня к штрафу за то, что я не явился по повестке, и суммы этих штрафов удваиваются каждый год, тогда как я нахожусь далеко за границей. ...Я бы не привлекал вашего внимания, если бы оно не затрагивало моих крестьян, которых я не могу оставить и которых другие государственные крестьяне хотят лишиться права ловить угрей в Нарве, чем они занимались во все времена и без чего у них не будет средств к существованию». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 315. Л. 28-29.

² Там же. Д. 325. Л. 27; Д. 330. Л. 1-2. См. также: Волков Н.Е. Двор... – С. 189.

Проезжая через Ахен, он встретился с направлявшимся в Гаагу С.С. Зиновьевым, с которым провел в разговорах целый день¹. В августе он достиг границы Бранденбурга, где с ним произошло недоразумение, которое задержало его в пути и которое, по образному выражению самого дипломата, «займет видное место в попытках нарушения международного права». На пограничной станции у него попытались конфисковать табак, считавшийся контрабандой, который он вез императрице и Панину, и заставить заплатить за него штраф. После долгих препирательств с местными властями ему разрешили отправить курьера к российскому посланнику в Берлине, а самому доехать до Франкфурта, однако без его людей и экипажей. Там дипломат вынужден был коротать дни в грязной, но «по-прусски дорогой» харчевне, где остался один с женой и детьми. Лишь спустя неделю по повелению из Берлина арест с его имущества был снят, и он смог продолжить свой путь².

В сентябре Штакельберг прибыл в Россию, и пробыл там чуть менее года. Честолюбивый, достаточно искусный в тонкостях дипломатических и придворных интриг, он не желал возвращаться в Испанию и добивался для себя перевода на более престижное место службы. Сначала его определили в Стокгольм, а потом по совету прусского короля Фридриха II был отправлен Екатериной II полномочным министром в Польшу. Информировав об этом Фридриха, прусский посланник в Петербурге граф В.-Ф. Сольмс писал, что при дворе императрицы «сознают необходимость иметь в Польше человека вполне светского, обладающего кротким и уживчивым характером, который был бы этим в состоянии заслужить дружбу и доверие поляков. Граф Панин полагает, что нашел все эти качества в г-не Штакельберге, и, действи-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 325. Л. 47-48.

² «Мне нанесли оскорбление, подобное которому трудно представить даже в Турции», – заключал он. Там же. Л. 49-55.

тельно, думаю, что нельзя было сделать лучшего выбора: я считаю его неспособным к дурному обращению с поляками, лишь бы только он сумел устоять против женских интриг»¹.

В сентябре 1772 г. Штакельберг вместе с прусским уполномоченным Бенуа представил Варшавскому правительству Декларацию трех дворов – русского, прусского и австрийского – о разделе земель королевства Польского. Во время переговоров Штакельберг, являясь главным руководителем, добился признания Декларации держав и утверждения относившегося к ней договора².

Своей деятельностью в Варшаве Штакельберг навлек на себя ненависть польских патриотов во главе с коронным гетманом Браницким и князем А. Чарторыйским, ставших в оппозицию к королю Станиславу-Августу III, которого Штакельбергу удалось привести в полную зависимость от России³. За это он получил ранг действительного тайного советника, а 23 июня 1775 г. удостоен ордена Св. Александра Невского⁴. Приведем слова А.Б. Каменского, что «с 1775 по 1788 Польша управлялась фактически не столько королем Станиславом-Августом, сколько русским послом Штакельбергом»⁵. В то же время он во многом способствовал сближению России со Священной Римской империей, за что в 1775 г. император Иосиф II пожаловал ему титул графа.

¹ СРИО. Т. 72. 1891. С. 198. Документы о его назначении см.: СРИО. – Т. 118. – 1904. – С. 173-174, 176-190, 206-207.

² СРИО. – Т. 19. – 1876. – С. 305-310. См. также: *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика... – С. 495.

³ *Соловьев С.М.* История падения Польши... – С. 495-496.

⁴ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Список кавалерам... – С. 223.

⁵ *Каменский А.Б.* Комментарий к Т. XVI «Сочинений» С.М. Соловьева. – С. 701. «Правление в Польше, – писал С.Р. Воронцов А.А. Безбородко, – устраивали... по личным видам послов наших, особенно Штакельберга, для которого, без всякой пользы для России, Польша была дойною короной». АВ. – Т. 34. – 1888. – С. 478.

Дальнейшей его деятельности в Польше, направленной к усилению там русского влияния и умиротворению поляков, препятствовали интриги гетмана Браницкого. Штакельберг пробыл в Польше до 1789 г. и вернулся оттуда в Петербург. Его отставке способствовало нерасположение к нему Потемкина, который писал в одном из писем Екатерине: «Из неограниченного моего усердия говорю, что вреден Польше Стакельберг»¹. Но императрица не разделяла раздражения Потемкина. Она отозвала Штакельберга тогда, когда он провинился в ее глазах: он стал давать советы о заключении постыдного мира с Турцией, а она не любила таких советов. Превысив свои полномочия, он вступил в переписку с русским посланником в Берлине Нессельроде, требуя от него отчетов о позиции прусского двора относительно Польши².

В Петербурге ему удалось вернуть доверие императрицы. Честолюбивый дипломат рассчитывал, что благосклонность Екатерины позволит ему продолжить карьеру³. Это не осталось незамеченным, и в сентябре 1790 г. прусский представитель Гельбиг писал в Берлин: «Стакельберга, который ежедневно бывает у императрицы, употребляют орудием для низвержения графа Остермана. Между тем известно, что Стакельберг останется обманутым; ибо, если и удастся удалить вице-канцлера от дел, то ни граф Безбородко, ни князь Потемкин не допустят, чтобы человек столь надменный и столь заносчивый заступил такой важный пост»⁴. Они постарались удалить его от двора, и в 1791 г. он был направлен в

¹ Соловьев С.М. История падения Польши. – С. 551.

² Екатерина заметила ему по этому случаю: «Не могу оставить без примечания, чтоб вы таковых препоручений не делали, ибо помянутый министр имеет отсюда достаточные наставления». Там же.

³ Еще в 1776 г. английский поверенный в делах в России Р. Оакс подметил, что граф неизменно пользуется «особой благосклонностью» императрицы и тем вызывает постоянную ненависть со стороны князя Орлова. СРЮ. – Т. 19. – 1876. – С. 514.

⁴ АВ. – Т. 26. – 1882. – С. 455.

Стокгольм с поручением довести до шведского правительства позицию Петербурга о шведско-турецких переговорах, направленных против России¹. Штакельберг выполнил это задание «с жесткостью, свойственной его характеру и способу вести дела». Этим он лично оскорбил регента, который собственноручным письмом потребовал у Екатерины его отозвать. Императрица решила, что ее посланник «пошел слишком далеко», и в мае 1793 г. он покинул страну, не вручив даже отзывной грамоты².

По возвращении он снова вернулся ко двору. Екатерина охотно принимала его³. А.А. Безбородко писал князю Кочубею, что на обеды к великому князю Александру Павловичу «ходят все знатнейшие... Вчера я там обедал с графами Остерманом, Завадовским и Стакелбергом. Всякий вечер составляют они беседу у Государыни»⁴. Не оставил он и своих честолюбивых устремлений, о чем со свойственным ему сарказмом писал Ф.В. Ростопчин: «Штакельберг превратился в нечто вроде шута, и, по правде говоря, он дает для этого много поводов и своим нелепым внешним видом, и своими претензиями на остроумие. Эта роль очень сложна при дворе, где Государыня – гениальна, а фаворит ревнив по отношению к тем, кто пытается быть с ней любезным. Он получил в качестве пенсии 6000 руб. Говорят, что он метит в ми-

¹ Испанский посланник в Петербурге М. де Гальвес сообщал, что Штакельбергу даны инструкции обговорить участие в союзе Испании. Остерман заявил ему, что это было бы желательно. АНН. Estado. Leg. 4623. № 346.

² Екатерина II Гримму // СРЮ. – Т. 23. – 1878. – С. 508; АВ. – Т. 20. – 1881. – С. 18, 20. О поведении Штакельберга в Стокгольме также упоминает Брикнер: *Брикнер А. История...* – С. 525.

³ Испанский поверенный в Петербурге Ф. Амаг писал, что 8 июня Штакельберг вернулся в Петербург и тут же отправился в Царское Село, где был ласково принят императрицей, ему велено было остаться и выделены там апартаменты. АГС. Estado. Leg. 4623. № 30.

⁴ СРЮ. – Т. 26. – 1879. – С. 500.

нистры, но, я думаю, он успеет надоесть императрице прежде, чем добьется этого. Его младшему сыну, достойному и умному юноше, обещано место в Турине»¹. В другом письме Воронцову он развивает эту мысль: «Своими поступками он как бы искупает странности отца своего, которой воображает себя 25-летним соблазнителем, любезничает, важничает, каверзничает и уверяет, что все это из желания улучшить и обезпечить судьбу своих детей. Он не может жить без двора, которому надоед, особливо с тех пор, как с ним был параличный припадок, в котором он не хочет сознаться, соглашаясь только, что он ослабел»². После смерти Екатерины Штакельберг вышел в отставку, но прожил недолго: он умер в 1800 г.

Граф О.М. Штакельберг был незаурядным российским дипломатом. Венцом его карьеры стала многолетняя деятельность в Польше, стране, которая была ему более близка и лучше знакома, чем Испания. Но именно Испания стала началом его службы, и его пребывание там в период осложнения отношений между двумя странами, безусловно, прибавило ему дипломатического и политического опыта, который он успешно использовал в своей дальнейшей карьере. В Испании он находился в наиболее сложный период взаимоотношений между двумя странами, когда во время Русско-турецкой войны они оказались практически на грани разрыва. Но, как можно заключить из донесений Штакельберга, несмотря на усилия Шуазеля – а его активность в этом вопросе была исключительной – ужесточить позицию Испании при проходе российской эскадры мимо ее берегов, что привело бы в результате к разрыву между Испанией и Россией и

¹ Письмо С.Р. Воронцову от 6.7.1793 // АВ. – Т. 8. – 1876. – С. 74.

² Письмо от 9(20).3.1794 // Русский Архив. 1878. N 3. С. 296-297. «Я уверен, что у его сына в 10-летнем возрасте было больше здравомыслия, чем у его отца в 60 лет», – писал в 1799 г. тот же Растопчин, ставший министром иностранных дел. АВ. – Т. 8. – 1876. – С. 238.

еще большему втягиванию Испании в орбиту французской политики, этого не произошло именно благодаря позиции Испании. Российский дипломат, анализируя положение Мадрида, подчеркивает, что в этот период не только не произошло сближение между двумя союзными державами, а, напротив, их разногласия усилились, наиболее ярким проявлением чего стали события, связанные с Мальвинским конфликтом.

2.4. Торговые отношения и восстановление консульства в Кадисе

Восстановление дипломатических отношений между двумя странами подразумевало и активизацию взаимной, а главное, непосредственной торговли, в которой были заинтересованы оба партнера¹. Еще до отправления в Испанию, но уже будучи туда назначенным, Репнин представил доклад о мерах по восстановлению коммерческих сношений с Испанией. Этот доклад получил одобрение, и на его основании Елизавета издала «Высочайшее повеление» (15.6.1760), которым предписывалось послать «один фрегат и пинку», небольшое двухмачтовое судно, позволив купцам нагрузить их собственными товарами².

Однако из вызванных в Коммерц-коллегию петербургских и иногородних купцов никто не явился. Тогда решено

¹ М.С. Альперович приводит данные о том, что в 30-50-е гг. XVIII в. в российские порты, главным образом в Ревель, поступали крупные партии соли из Испании, которая наряду с Португалией и Францией являлась одним из основных поставщиков этого продукта в Россию. Испанская соль привозилась на голландских, любекских, шведских кораблях, причем чаще транзитом через Амстердам, Любек, Гданьск, Стокгольм. *Альперович М.С. Россия... – С. 28.*

² Елизавета не успела довести до конца свое «повеление». Корабль был отправлен по приказу Екатерины II только в 1764 г.

было отправку корабля отложить до следующего года, а до того получить сведения об условиях испанского рынка. Поэтому к инструкции, выданной Репнину, был добавлен отдельный документ с наставлениями, касавшимися русско-испанской торговли¹. Но к весне 1761 г. Репнин находился еще в Петербурге, и, соответственно, сведений никаких не было. Коммерц-коллегия считала, что необходимо дожидаться их получения, но КИД рассудила, что «за помянутым объявленным от коммерц-коллегии обстоятельством отправлением означенного пинка медлить не надобно»². Коммерц-коллегия снова вызвала торгующих при Петербургском порте купцов-экспортеров, но и на этот раз купцы отказались от посылки своих товаров.

Новый толчок делу дало полученное Коллегией иностранных дел донесение Репнина из Парижа от 8 июня (28 мая) 1761 г. Он сообщал, что от отправляющегося в Петербург маркиза де Альмодовара он узнал, что испанцы под видом перевозки его вещей уже отправили одно торговое судно. «Сие достаточным доказательством служит, продолжает он, – что мое о немедленном отправлении с купеческим товарами пинки было основательно»³. На основании доклада КИД Сенат отправил указ в Коммерц-коллегию о восстановлении коммерции с Испанией. Коммерц-коллегия указ приняла, но так как именно в это время между Испанией и Англией началась война, а среди товаров были железо, парусные полотна и канаты, то она обратилась в КИД с запросом, «не будет ли в провозе их со стороны Англии российскому флагу

¹ Россия и Испания... – С. 160. Кроме этого, Репнин ознакомился с письмом А.Р. Воронцова, к которому был приложен документ «Описание разных товаров, которые как из России в Гишпанию, так и в Россию привозимы быть могут». Этот документ рассматривает Альперович. См.: *Альперович М.С.* Россия... – С. 31.

² *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 296-297.

³ *Там же.* – С. 298.

какого препятствия». КИД посоветовала товаров, относящихся к военным припасам и амуниции, не посылать¹, а приглашенные купцы или не явились снова, или отказались отправлять товары.

Репнин, приехав в Мадрид, не смог сразу приступить к выполнению той части своей инструкции, которая касалась торговли: события и монархи сменялись в России со столь головокружительной быстротой, что дипломаты в основном занимались ожиданием новых верительных грамот. Екатерина II, став новой российской императрицей, повелела ему все силы сосредоточить на решении вопроса о признании императорского титула². И только когда этот вопрос стал более или менее проясняться, российский посланник смог сделать заключение о возможности взаимовыгодной торговли между двумя странами. «Пребывающее же теперь между обоими государствами доброе согласие, а сверх того и нынешнее состояние дел в Европе весьма способствуют к исполнению сего столь полезного намерения, ибо теперь обе короны могут заключить между собою, по примеру протчих дружественных держав и без всякаго препятствия, коммерц-трактат, которой, хотя так скоро и не возымеет всего действия, коего со временем уповать можно, однако меньше произведет в других зависти и будет между тем служить как основанием, так и поощрением к торговле, учреждаемой между Россиею и Гишпаниею», – писал Репнин в Петербург. В самом конце 1762 г. он составляет такой «коммерц-трактат» и передает одну копию Валу, который достаточно благосклонно отнесся к его предложениям³, а другую отправляет в Россию на утверждение.

¹ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 298-299.

² Тем не менее и в донесениях 1762 г. встречаются его рассуждения о торговых связях. См., например: АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 245. Л. 154, 162, 241.

³ Там же. Д. 245. Л. 35; Д. 249. Л. 61-62.

«Известно, да и бесспорно, – начинается трактат, – что Россия преизобилует вещами, для Гишпании весма нужными, так же и Гишпания имеет много таких продуктов и товаров, кои для России нужны. Следовательно, каждой признаться должен, что как для одной, так и для другой нации весма полезно было бы, есть ли бы оные впредь всеми сими взаимными надобностями друг друга снабдевать и непосредственно и без помощи третьей персоны, которая обыкновенно главной от того выигрыш получает»¹. Репнин упоминает о первом проекте торгового договора, составленном Франсиско Перратой в 1724 г.² Трактат с нарочным курьером посольства Репнинским был отправлен в Петербург, однако Екатерина не дала на него никакого ответа. А в августе 1763 г. Р. Вал ушел в отставку, о чем сообщал из Парижа направлявшийся в Испанию Бутурлин³. С Гримальди же пришлось начинать переговоры заново.

В свою очередь, Альмодовар сообщал из Петербурга о состоянии российской экономики и характере торговых свя-

¹ И чтобы эта торговля была прибыльной и взаимовыгодной, Репнин считал необходимым выполнение следующих условий: 1) как русские, так и испанские купцы имеют право доступа во все порты и торговые города обеих стран при уплате пошлин, не превышающих пошлины, уплачиваемой другими странами; 2) предоставляется возможность открывать и в той и в другой стране торговые дома и конторы, а также консульства для защиты интересов торговцев как наций, пользующихся правом наибольшего благоприятствования; 3) в случае смерти какого-либо купца на территории чужого государства его имущество не переходит в собственность государства; 4) купцы и торговцы имеют право на свободу вероисповедания; 5) в случае войны одной из двух стран с какой-либо третьей державой как русские, так и испанские купцы имеют право на укрытие в портах одной и другой страны; 6) в случае войны между Россией и Испанией купцы в течение года имеют право на распродажу своих товаров и имущества. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 245. Л. 35.

² Там же. Л. 36-37.

³ «Статский секретарь Вал отставлен от службы за глазной болезнью, на место же его определен находящийся здесь послом марки Грималди, который вскоре отсюда отъезжает». Там же. Д. 249. Л. 62.

зей России с европейскими странами и заключал: «Здесьнее правительство предприняло многие усилия, дабы вдохновить свое государство на торговлю с нами в связи с возобновлением дружественных отношений, но государство российское пока еще недостаточно пробудилось для ведения активной морской торговли... Могу заверить в. с-во в том, что желание к тому имеется и что высшие сановники при дворе, имеющие влияние на правительство, говорили мне об этом и предлагали свои услуги, дабы содействовать всему, что для испанцев и русских взаимовыгодно было бы»¹.

Екатерина II продолжила курс на развитие торговых отношений с Испанией, начатый Елизаветой Петровной². Назначив в Испанию Бутурлина, она даже не выдала ему новых инструкций. В рескрипте, который он получил перед самым своим отъездом 7 февраля, предписывалось во всем следовать инструкции своего предшественника, при этом особое внимание уделялось развитию торговых отношений с Испанией. Ссылаясь на донесения Репнина, канцлер Воронцов обращал внимание дипломата на заинтересованность испанского двора в «установлении непосредственной между нашею Империею и Гишпаниею коммерции» и подчеркивал, что Бутурлин должен подтвердить благосклонное отношение российского двора к заключению этого трактата³. Вслед за Бутурлиным Екатерина посылает еще один рескрипт, в котором говорилось, что весной 1764 г. из России в Средиземное море отправляется фрегат, который нагрузил товарами купец Володимеров для торговли с Испанией, Италией и Францией. Екатерина наказывала не оставлять без внимания «сего пер-

¹ Россия и Испания... – С. 173.

² Уже в июле 1762 г. сенат представил императрице доклад, предлагавший для снабжения населения Петербурга и других северо-западных районов страны ввозить соль из Испании, так как доставка ее из Оренбургской области затруднена и обходится крайне дорого. *Альперович М.С.* Россия... – С. 32.

³ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 175. Л. 8.

ваго почти опыта внешней отсюда коммерции» и повелела Бутурлину просить у испанского и неаполитанского королей дозволения на свободный вход этого фрегата в порты¹. Это повеление Бутурлин получил, когда уже прибыл в Мадрид, однако не смог сразу приступить к его исполнению, поскольку не был еще аккредитован испанским королем и не получил у него первой аудиенции. 12 декабря дипломат изложил проблему Гримальди, «на что он с немалым удовольствием отозвался»². Тогда Бутурлин стал собирать сведения об особенностях испанской торговли и в марте послал в Россию список товаров, которыми можно было бы нагрузить отправляющийся фрегат³.

Наступило лето, и только в середине августа 1764 г. нагруженный товарами корабль вышел из петербургского порта в море. Вслед за фрегатом отправляется еще один рескрипт Бутурлину об оказании помощи капитану фрегата Плещееву, который он получил в начале октября и отправился на аудиенцию к министру финансов маркизу Скилаччи. Министр не заставил себя долго ждать – через неделю российский посланник получил следующий ответ: «А как е. в-во будучи також де уведомен, чтобы как сей российский корабль, так и все протчие того же флага будут приходить к портам державы е. в-ва, приниманы были с такою же честью, как принимаются корабли под флагами других наций, соизволил мне указать объявить вам, что вы можете быть надежны, что во всех портах государств е. в-ва, как на окяне, так и на Средиземном море, российские корабли приниманы будут с такой приятностию, и с таким снисхождением, котораго требует доброе между обоими дворами согласие». 30 ок-

¹ Прошение купцов Володимерова, Лугинина, Пастухова и Грибанова Екатерине и ее указ Сенату опубл. в: *Ламанский В. О славянах...* – С. 202-205.

² АВПРИ Ф. СРИ. Д. 247. Л.41; д. 249. Л. 61.

³ Там же. Д. 262. Л. 63.

тября 1764 г., пробыв в пути ровно 56 дней, российский фрегат прибыл в Кадис, а через несколько дней, необходимых для пополнения запасов свежей воды и провизии, отправился в дальнейший путь в направлении Ливорно¹.

С отправкой первого корабля в Средиземное море был связан и вопрос о заключении торгового трактата между Россией и Испанией, чего желали и та и другая державы. Переговоры, которые Репнин начал с Валом, Бутурлин продолжил с Гримальди. Рассуждая о возможности заключения коммерц-трактата, он приводил ценные сведения о крупнейших испанских портовых городах и торговле в них. Самым важным портом в Испании того времени был Кадис, который считался «центром всей комерции Гишпанской с другими нациями и магазином генералным всех товаров, отправляемых в Индии». Кроме того, Кадис являлся первым «из трех портов государства, где король имеет главное строение флота», два других – это Картахена и Ферроль. Подчеркивая преимущества Кадиса, Бутурлин описывал и удобную береговую линию этого порта, отмечая его твердые берега и отсутствие опасных отмелей; а Бильбао, наоборот, опасный из-за порогов, потому для того, чтобы пройти туда, надо выждать удобное время, что невозможно для больших кораблей. Поэтому торговля в Бильбао уступала кадисской. Он приводил примеры испанских экспортных товаров – вина, орехи, оливковое масло, испанские виды водок, шерсть. Бутурлин обращал внимание и на специфику внешней торговли Испании, особенно с Англией и Голландией, которые вывозили из Испании «не товары, а пиастры»².

Но в Петербурге не торопились с ответом. Екатерина достаточно скептически отнеслась к проекту Репнина, начертав: «Присланной с Репнинским проект трактата был совсем странной». Большие надежды она возлагала на отправление

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 178. Л. 10; Д. 262. Л. 246; Д. 262. Л. 255.

² Там же. Д. 262. Л. 15.

фрегата, который и должен был показать, согласно ее резолюции, «каких выгод нам искать в сей неготиации». Раздумывая над этим, она впервые формулирует идею, что испанская сторона должна «сделать нам первыя пропозиции»¹, которую позже она подтвердит и разовьет в официальных документах, отправленных в Мадрид. Так, в ответ на донесение Бутурлина, что «здешней двор желает весьма комерцию иметь с Россиею, однако ж, как видно, не хочет сделать о том первого предложения, а ожидает со стороны в. и. в-ва», Екатерина ответила: «Вы можете ныне воспользоваться податливостью министерства гишпанского, внушая оному при удобном случае, каким образом двор наш ожидает первых предложений со стороны гишпанского к начатию о сем общепольном деле прямой неготиации. Однако такое внушение имеете вы чинить собственным Вашим разсуждением, не подавая ни малейшаго знака, якобы вы о том инструктированы были»². Этот рескрипт Бутурлин получил в феврале 1765 г., но более не предпринимал никаких шагов для продвижения переговоров, так как последние полгода больше был озабочен вопросом своего отозвания.

Однако российские «интересы» в Испании не ограничивались только развитием торговли и заключением коммерц-трактата. Одним из первых указов Екатерины после вступления ее на престол был указ о привлечении иностранных колонистов в Россию. Еще в январе 1763 г. рескрипт о заселении «праздных, но к житию человеческого удобных земель происходящими иностранными разных наций» был отправлен в Мадрид Репнину. В августе 1763 г. копия этого рескрипта отправилась вдогонку за Бутурлиным, а в октябре был послан еще один – о приглашении в Россию иностранных мастеров. В апреле 1764 г. Бутурлин получает указание по-

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 249. Л. 62.

² Там же. Д. 262. Л. 239; Д. 265. Л. 10.

дыскать в Испании достойного «фрегатного мастера»¹. Он отправил во все порты по письму о поисках «галерного мастера», но получил ответы, что там их нет, что в случае необходимости испанское правительство посылает за этими мастерами в Неаполь². Неудивительно, что среди купцов и ремесленников нашлось мало охотников отправиться на поиски неизвестной судьбы. Россия представлялась им другим концом света, таким же далеким, как «Индии». Неизвестности фортуны они желали возместить материальной компенсацией, но русский посланник не мог взять на себя таких обязательств.

Выгоднее и безопаснее было иметь коммерческие отношения с Россией, находясь в своей стране. Еще Репнин 7 марта 1763 г. получил письмо испанского банкира Друльера, в котором говорилось: «Я, уведомясь, что российский двор намерен иметь сообщение в делах с Гишпаниею, прошу вас представить услуги мои вашему двору». Друльер выразил желание представлять интересы российских дипломатов в Испании и предоставлять им кредиты, что имело большое значение, ибо, по словам Репнина, «кредита здесь сыскать очень тяжело». Сотрудничество Друльера с посольством России продолжалось и после приезда Бутурлина, он взял на себя комиссию договориться с кадисскими банкирами о выдаче в случае необходимости ссуды капитану российского фрегата Плещееву³.

Упомянем в связи с вопросом о развитии торговых отношений еще об одном важном событии, произошедшем в

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 175. Л. 1; Д. 249. Л. 28; Д. 249. Л. 68; Д. 264. Л. 15.

² «Но однако ж поныне не являются у меня охотники, – писал Бутурлин в одном из донесений, – и хотя, правда, недавно приходило ко мне малое число, которыхя никакого рукоделия не знают, но я, слыша от них весьма неумеренные кондиции, с коими намерялись они ехать в Россию, как дачею им на проезд денег, так еще и других в России выгод, отказал им». Там же. Д. 262. Л. 42; Д. 262. Л. 189.

³ Там же. Д. 248. Л. 25; Д. 248. Л. 35; Д. 262. Л. 233.

посольство Бутурлина. В одном из своих донесений он предлагает направить в испанские порты кого-либо из своих людей, который бы на месте сделал подробное описание испанской коммерции¹. Екатерина отвергла эту идею, но, видимо, не забыла ее. 25 марта 1765 г. вышел указ об учреждении в Кадисе российского консульства, а консулом был назначен именно такой человек, которого и имел в виду Бутурлин². Им стал российский купец Фридрих Иоганн Бранденбург.

В январе 1765 г. он прибыл в Петербург и обратился с прошением к императрице назначить его консулом в Кадисе, ссылаясь на свой большой опыт в международной торговле и службу в торговых конторах Стокгольма, Марсея, Ливорно, Кадиса. Для изучения торговли главных морских держав он ездил во Францию, Голландию, Англию, Испанию, Португалию, Италию. После 18 лет путешествий в 1760 г. он основал в Кадисе торговый дом, который, по его словам, делал торговые обороты на миллион пиастров в год³. Учитывая все это и «желая быть полезным своему отечеству», он предлагал использовать свои знания и опыт для «облегчения прямых торговых сношений России с Испанией». Для этого он прибыл в Петербург с тем, чтобы закупить в России и отправить в Ис-

¹ АВПРИ Ф. СРИ. Д. 262. Л. 240.

² Еще в конце 1760 г. шведский генеральный консул в Картахене купец Зелонф просил КИД назначить его российским консулом в Валенсии и Мурсии, но его прошение было оставлено без последствий. В 1763 г. помимо Коммерц-коллегии образовались две торговые компании для коммерции с Испанией: одна, субсидированная Екатериной II, во главе с купцом Володимировым, вторая – во главе с С. Роговиковым и И. Щукиным. Они обратились к правительству с прошением об открытии в Кадисе русского консульства, а на должность консула предлагали нарвского купца И. Кильберга. Правительство согласилось на учреждение консульства, но кандидатура Кильберга не была принята. См.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 302; Альперович М.С. Россия... – С. 33-34.

³ В подтверждение своих слов он ссылался на находившихся в Петербурге шведского консула Гома и банкира Швейгера. Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 302-303.

панию товары, необходимые для испанской торговли. Но, как указывал купец в своем прошении императрице, для успешного развития торговли необходима поддержка в лице консула, который бы имел знания, кредит и капитал, и потому он просил утвердить его консулом российской коммерции в Кадисе с соответствующим жалованием. Он обязался установить коммерцию русских подданных с Испанией, предоставлять сведения об испанских рынках и подготовить в своей конторе двух мальчиков, которые могли бы продолжить его дело¹.

Удостоверившись документально и путем расспросов в действительном знакомстве Бранденбурга с европейской торговлей в целом и испанской и русской в частности, Комиссия о коммерции поддержала его просьбу, а 23 февраля 1765 г. императрица утвердила ее². Начиная с 1765 г. Бранденбург находился на своем посту более 30 лет, вплоть до своей смерти в 1796 г.³

Бранденбургу были составлены инструкции⁴, которые значительно отличались от тех, которые давались предыдущим русским консулам в Испании. На первом месте стояли вопросы мореплавания. Консулу предписывалось «наблюдать честь российского флага во всех российских портах», помогать в Кадисе военным и купеческим российским кораблям, защищать их экипажи. Во-вторых, он должен был «установить коммерцию российскую с Гишпаниею на самом

¹ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 303.

² См.: Россия и Испания... – С. 197-202; СРЮ. – Т. 57. – 1887. – С. 224.

³ О его деятельности см.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 302-348; Альперович М.С. Россия... – С. 33-36.

⁴ Для этого комиссия о коммерции потребовала от Бранденбурга составить проект для сочинения ему инструкции. Поданное им «Примечание» о коммерции признано было комиссией столь основательным, что оно полностью было представлено императрице, как проект инструкции русскому консулу. Согласно с этим проектом была отредактирована и окончательная инструкция. Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 305-306.

твердом основании». Для этого ему предписывалось не только сообщать Коммерц-коллегии сведения о торговле между двумя странами – эта обязанность возлагалась обычно и на других русских консулов – но и напрямую помогать русским купцам, которые пожелают начать торговлю с Испанией¹. КИД составила для него отдельную инструкцию, достаточно общего характера, главными моментами в которой были требования: 1) добиваться всех тех прав, которыми пользуются другие иностранные консулы в Кадисе; 2) докладывать в КИД «о публичных, политических и торговых делах, поелику оныя с первыми связаны»².

Получив инструкции и паспорта, он отправился в путь³. 10 января 1766 г. он прибыл в Мадрид и вручил свой патент маркизу де Гримальди, который передал его в торговую палату на рассмотрение. 16 марта патент был апробирован Карлом III и через Хотинского переправлен Бранденбургу, который уже находился в Кадисе. Там он вручил патент городскому алькальду и 24 апреля 1766 г. вступил в должность консула⁴.

Со всей присущей ему энергией он взялся за исполнение консульских обязанностей, и первое его дело, хоть и мелкое по значению, окончилось казусом. В январе 1767 г. он направил в Коммерц-коллегию рапорт с просьбой отнести расходы на уплату пошлин за регистрацию на казенный счет, как поступают консулы других стран. Ответа из Петербурга он ждал довольно долго. Н.И. Панин, получив из Коммерц-

¹ Инструкция Бранденбургу опубликована: СРИО. – Т. 57. – № 1155; Полное собрание законов Российской империи. № 12341; Уляницкий В.А. Русские консульства... Т. II. Приложение № 60.

² Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 313-314.

³ До отъезда в Испанию он просил разрешения съездить в Москву и Ярославль для осмотра тамошних фабрик и мануфактур, чтобы собрать сведения «которые он мог бы обратить в пользу российской комерции». Там же. – С. 314-315.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 591. Л. 3, 13, 16.

коллегии этот рапорт, отказался подписать его, указав, что оплачивать эти расходы должны сами «новые люди, которые добровольно для своей пользы там бывают», и добавил: «К таким ухваткам не надо приучать консулов»¹. В результате указом № 1, который получил российский консул почти через полгода после написания рапорта, его инициатива была пресечена, и ему официально предписывалось, что «употребленные за них издержки на казенный счет ставить не надлежит»².

В его обязанности входила также охрана прав российских подданных, регистрация и оформление паспортов тех из них, кто проживал в Кадисе. Поэтому Бранденбургу и инструкцией, и указом от 30 июня 1767 г. было поручено предоставить сведения о правах иностранцев в Испании. В ответном письме в октябре 1767 г. он информировал КИД о получении указа и жаловался, что российские подданные не пользуются здесь большими привилегиями, как подданные тех государств, которые имеют с Испанией торговые договоры. Испанцы не имели права, например, досматривать находившиеся в порту английские корабли, чем англичане активно пользовались, провозя через Кадис контрабандные товары. Ирландцы, женившиеся в Испании, получали право снаряжать свои суда в Новый Свет³. Но правами своей национальности иностранец пользовался в Испании лишь при условии внесения его в особые списки иностранцев, которые ежегодно сообщались местному губернатору иностранными консулами. Иностранец, пробывший в городе более полугода и не внесенный консулом в свой национальный список, мог быть изгнан из города по малейшей на него жалобе, и консул не имел права за него заступаться. Потому Бранденбург составил и направил «ропись» находившихся под его покрови-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 591. Л. 14-15; Д. 592. Л. 5.

² Там же. Д. 593. Л. 1.

³ Там же. Д. 592. Л. 20-21. См. также: Альперович М.С. Россия... – С. 40.

тельством купцов¹. В связи с этим в апреле того же года к Бранденбургу обратились проживавшие в Кадисе греческие купцы с просьбой принять их под российское покровительство. На этот раз ответ пришел довольно быстро: «Дозволяется тебе оные протекции им давать». Однако, отдавая себе отчет в неопытности нового консула, и Панин, и Голицын писали ему, чтобы он не брал на себя слишком больших обязательств и в каждом сомнительном случае обращался за советом к Штакельбергу².

Испанцы пытались было урезать привилегии иностранных торговцев. 7 июня 1767 г. был издан королевский указ, что все испанские и иностранные купеческие конторы г. Кадиса обязаны обнародовать свой капитал, о чем в сентябре кадисский губернатор направил разъяснение для всех иностранных консулов. Испанцы и французы подчинились этому, а консулы других государств отказались, заявив, что это ограничит их привилегии, полученные ими по коммерц-трактатам. Бранденбург также отказался сделать это, рассудив, что «контора не весьма зажиточная, но, вопреки тому, в великом кредите состоящая, тотчас потеряет кредит свой, когда все узнают, что нет в ней капитала, соответствующему кредиту ея»³.

В августе 1771 г. испанское правительство издало еще одно распоряжение, запрещавшее впускать в испанские порты иностранные суда. «Думают, – писал Бранденбург, – ...что сие намерение есть единственной способ упредить запрещенному вывозу денег, не отнимая преимущества, которым издавна наслаждаются корабли всех властей от досмотрения

¹ Из этой «рописи» мы узнаем, что русская колония в Кадисе в 1767 г. состояла из 11 человек.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 592. Л. 9; Д. 593. Л. 3. В 1767 г. под покровительство России было принято 18 человек, в 1768 – 20, в 1769 – 19, в 1771 – 12, в 1772 – 25 и т. д. См. также: *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 328.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 595. Л. 27-30.

караулов»¹. В следующем году последовало еще два распоряжения: каждый консул должен был предоставить бумагу о совокупном доходе своих купцов и о своем жаловании, «от чего, – как пишет российский консул, – все отrekliсь»².

Прошло шесть лет пребывания Бранденбурга на посту консула. Все это время со свойственной ему энергией он пытался решать те проблемы, которые входили в его обязанности консула. Он улаживал взаимоотношения российских подданных с испанскими властями, сообщал в Петербург информацию о событиях, происходивших на Средиземноморье: о прохождении русской эскадры, о подготовке испанских кораблей, об отправлении флотов в Новый Свет. Вторым важным направлением его деятельности было налаживание «безпосредственной» торговли между двумя странами.

Испания нуждалась в тех товарах, которые предлагала на экспорт Россия, но до 1772 г. она получала их из других государств. По свидетельству Бранденбурга, лен, железо, холст, канаты привозились из Англии, Голландии, Швеции и Италии. Таким образом, продажа в Испанию русских товаров могла быть крайне успешной, а задача Бранденбурга сводилась лишь к тому, чтобы организовать ее в пользу русских купцов. И, надо отдать ему должное, он употребил все усилия для ее осуществления.

Уже в донесениях 1766 г. в Коммерц-коллегию и в комиссию о коммерции он сообщал, что англичане и голландцы, без сомнения, постараются чинить препятствия зарождающейся российской торговле с Испанией, но он надеется одолеть все препятствия, лишь бы только русские купцы присылали товары в Кадис. Привезенные им из Петербурга товары оказались пригодными для Испании, но следовало выделывать их по требованиям и вкусу испанцев. К донесе-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 597. Л. 8-9.

² Там же. Д. 599. Л. 9-10.

нию Бранденбург приложил список и образцы товаров с ценами и требованиями к их качеству¹.

Цены на полотна, железо, сало и канаты оказались «авантажны» для русских купцов, и Бранденбург предлагал им свою помощь в качестве посредника, но они не ответили на его предложения². Бранденбург докладывал, что спрос на русские товары есть, что продажа их умножается, и была бы еще значительнее, если бы они отправлялись непосредственно русскими купцами, но, к сожалению, несмотря на его советы, они решительно не хотят предпринять торговли с Испанией за свой счет. А успехи русской торговли можно подтвердить результатами торговых операций коммерческого дома самого Бранденбурга. В течение 1770-1772 гг. его компания поставила испанцам 4000, 8000 и 5000 кусков парусного полотна соответственно, а также равендук и канаты и заключила контракт на поставку еще на год. При этом Бранденбург подчеркивал, что до того испанское правительство закупало парусные полотна исключительно у голландцев³. В 1772 г. в Кадисе был основан еще один русский купеческий дом во главе с Г. Вейдлингом.

К июню 1772 г. он доложил в Петербург, что удачно завершились его хлопоты еще в одном направлении: «наконец, довел я до того, что гишпанцы предприняли производить отсюда торг в Россию». Из Кадиса в Петербург были отправле-

¹ См.: *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 332.

² Мануфактур-коллегия дважды вызывала фабрикантов для осмотра присланных Бранденбургом полотен, но на эти вызовы никто не явился. О железе было сообщено заводчикам через Берг-коллегию, но они под разными предлогами отказались от отправки железа в Испанию. Портовая таможня по приказанию Коммерц-коллегии предлагала русским судовладельцам отправить свои суда в Испанию, но на ее вызов никто не явился. См.: *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 332-334; *Альперович М.С.* Россия... – С. 38-39.

³ *Уляницкий В.А.* Российские консульства... – С. 334-335; *Альперович М.С.* Россия... – С. 39-40.

ны 3 корабля с товарами, которые должны были вернуться, взяв на борт российский груз. Ранее, по словам консула, Испания получала пеньку, железо, паруса, канаты, т.е. основные предметы российского экспорта того времени, в основном из Италии, Швеции, Польши, Голландии – теперь это можно будет привозить из России, а потому «сие для России кажется весьма прибыточно». «Мне, – докладывал в КИД Бранденбург, – сие много труда стоило, но я радуюсь, что труд мой не остался бесплоден»¹.

Но все же, несмотря на усилия российского консула в Кадисе и российских посланников в Мадриде, торговые отношения развивались в этот период довольно вяло. И Репнин, и Бутурлин в большей степени занимались решением своих проблем, чем активизацией торговых отношений. Штакельберг в целом в гораздо меньшей степени, чем его предшественники, уделял внимание вопросам торговли. На это было несколько причин. Во-первых, в Кадисе появился достаточно активный русский консул, который часть обязанностей взял на себя. Во-вторых, заметное охлаждение русско-испанских отношений сделало достаточно неактуальным обсуждение вопроса о расширении торговли и каких-либо конкретных его результатах. Наибольшую активность в этом вопросе проявил Бранденбург, но и его старания по привлечению к этой деятельности русских купцов были малоуспешны. Его собственный бизнес в Кадисе процветал, и к началу 70-х гг. он сумел убедить уже испанскую сторону, что торговля с Россией прибыльна, и она взяла инициативу в свои руки.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 599. Л. 10.

Глава 3

ИСПАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 70-80-е гг. XVIII в.

3.1. Дипломат С.С. Зиновьев

Летом 1772 г. решилась судьба О.М. Штакельберга: он был назначен послом в Варшаву. А на его место определен Степан Степанович Зиновьев (1740-1794), представитель старинного дворянского рода, основоположник которого Зиновий – сербского происхождения, жил в Литве, а его сын – Александр Зиновьевич, в 1392 г. выехал из Литвы в Москву, где князь Василий Дмитриевич пожаловал его поместьями и землями. От него и пошел род Зиновьевых. Его брат Зиновий Зиновьевич стал главой литовского рода Зеновичей. Дед будущего дипломата, Степан Петрович Зиновьев, был стольником, а с 1689 г. поручиком в Петровском полку¹. Один из его сыновей, тоже Степан, начал свою карьеру советником в Судном приказе, дослужившись до чина генерал-майора и поста президента главного магистрата².

¹ См.: Всемирная Иллюстрация. – 1874. – Т. 11. – № 289. – С. 390; *Лобанов-Ростовский А.* Русская родословная книга. – СПб., 1873. – С. 166-169.

² В 1753 г. Елизавета подписала указ о создании комиссии по учреждению портовых и внутренних пошлин. В состав этой комиссии был включен и обер-президент главного магистрата, действительный статский советник С.С. Зиновьев. Его деятельность в этой комиссии отражена в документах, хранящихся в: РГАДА. Ф. 248. Сенат. Комиссия о портовых и внутренних пошлинах. Кн. 2786.

В его семье было четыре сына. Старший, тоже Степан, родившийся в 1740 г., сделал наиболее заметную карьеру, которую начал на военной службе. Он был в армии во время Семилетней войны. В 1758 г. ему, молодому подпоручику, было дано задание вместе Григорием Орловым, будущим фаворитом Екатерины II, охранять взятого в плен в битве при Цорндорфе и отправленного в Кенигсберг адъютанта прусского короля графа Шверина. «Оба они, – вспоминает служивший там же, в Кенигсберге, А. Болотов, – жили безотлучно при графе Шверине на одной квартире, и не столько за ним смотрели, сколько делали ему компанию»¹. Компания эта, по суждениям Болотова, была достаточно веселая. «Сии три молодца, – указывает автор, – были тогда у нас первыми и наилучшими танцовщиками на балах, и как красотою своею, так и щегольством и хорошим поведением своим привлекали на себя всех зрение. Ласковое и, в особенности, приятное обхождение их приобрело им от всех нас искреннее почтение и любовь»². Болотов описывает и всевозможные развлечения, которые придумывала эта троица. Среди них были танцы, маскарады³, а однажды они даже решили «испытывать из самих себя некоторого рода театр». «Первей-

¹ *Болотов А.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738-1793. – М., 1870. – С. 840.

² *Там же.*

³ Рассказ Болотова об одном из таких маскарадов привлекает внимание не только описанием характера, но и внешности молодого Зиновьева: «Но, ни которая маска так хороша и прелестна не казалась, как арапская, невольническая, в которое платье были одеты Орлов с Зиновьевым. Сшитое оно было все из черного бархата, опоясано розовыми тафтяными поясами; чалма украшена бусами и прочими украшениями, и оба они, будучи одеты одинаково, скованы были цепями, сделанными из жести. Поелику оба они были высокаго и ровнаго роста, и оба имели прекрасную талию, то нельзя изобразить, сколь хороший вид они представляли, и как обратили всех зрение на себя». *Там же.* – С. 845.

шими заводчиками к тому, – пишет Болотов, – были Орлов и Зиновьев»¹.

По возвращении в Россию Зиновьев продолжил службу чиновником в КИД. После вступления на престол Екатерины II и возвышения Г. Орлова их отношения не прервались. По воспоминаниям Е.Р. Дашковой, «он был на короткой ноге с фаворитом императрицы Г. Орловым»² и выполнял разные поручения доверительного характера своего друга. Так, в сентябре 1763 г. Екатерина послала с ним инструкции графу Кейзерлингу в Варшаву о том, как поступать в связи со смертью короля Августа III. Оттуда Зиновьев, «доверенное лицо графа Орлова»³, с другими секретными документами отправился в Берлин и Париж⁴. В 1767 г. он был пожалован камер-юнкером⁵, а в 1768 г. женился на внучке Александра Даниловича Меньшикова, ближайшего сподвижника Петра Великого – княжне Екатерине Александровне Меньшиковой (1748-1781), которая в то время была фрейлиной Екатерины II⁶.

¹ И далее автор описывает достаточно курьезный случай: выбрав пьесу, они стали разбирать роли, но оказалось, что некому исполнить роли двух молодых девушек. На одну из них уговорили «бригадиршу Розеншу», немолодую и дородную, но, по словам Болотова, «нужда чего не делает». А на вторую не нашли никого, и решили «употребить к сему делу молодого мужчину». Выбор пал на Зиновьева. «Молодость, нежность, хороший стан и самая красота лица сего молодого, любви достойного человека, побудила всех упросить его взять на себя роль любовницы». Но спектакль не состоялся. «Произошли некоторые несогласия между соучастниками, и затея лопнула, как мыльный пузырь». *Болотов А.* Жизнь и приключения... – С. 879-881.

² АВ. – Т. 21. – 1881. – С. 99.

³ Из письма Мерси Кауницу // СРИО. – Т. 46. – 1885. – С. 623.

⁴ СРИО. – Т. 51. – 1886. – С. 28, 74. 21 сентября 1763 г. граф М.И. Воронцов писал Екатерине из Берлина: «Вчера я имел наичувствительнейшую радость через прибышаго сюда гвардии офицера Зиновьева получить дражайшее письмо в. и. в-ва». АВ. – Т. 7. – 1875. – С. 627.

⁵ *Волков Н.Е.* Двор... – С. 190.

⁶ Русская Старина. – 1871. – Т. 4. – № 10. Несмотря на огромное состояние ее деда, она была небогата, так как ее отцу вернули из конфискован-

Весной 1771 г. Зиновьев испросил себе разрешение поехать в Европу «к целительным водам». Разрешение было получено, а к нему присовокуплено поручение отправиться в Гаагу и там выяснить обстановку насчет установления дипломатических отношений с Португалией¹. 5 апреля 1771 г. Екатерина подписала указ о назначении его посланником к португальскому двору². В инструкции, составленной в Царском Селе 9 мая 1771 г., говорилось, что он должен продолжать начатые уже при лиссабонском дворе консулом Борхерсом «негоциации» и, «если та негoциация к желаемому краю доведена будет», то Зиновьев будет назначен первым российским представителем при лиссабонском дворе. Ему предписывалось добиться, чтобы представители были аккре-

ного имущества только пятидесятую часть состояния. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства... – С. 158.

¹ Этот вопрос российское правительство поднимало уже не раз. В 1765 г. из Мадрида в Лиссабон, где уже находился российский консул Борхерс, был отправлен советник российского посольства князь С. Мещерский с целью установить контакты для начала торговых отношений (АВПРИ. Ф. «Сношения России с Португалией» (Далее – «СРП»). Оп. 72/5. Д. 44). А в 1769 г. в связи с осложнением отношений России и Испании в ходе Русско-турецкой войны некоторую активность в этом вопросе проявил в Мадриде и Штакельберг. Оговорившись, что он действовал строго, не выходя за рамки данных ему полномочий, он сообщал Панину, что пытался намекнуть португальскому послу, что было бы полезно, если бы его король предпринял какие-либо публичные демарши, направленные на установление прямых связей с Россией. Штакельберг просил у Панина указаний, что он мог бы ответить послу, если бы последовало предложение направить в Россию посланника. «Португалию боятся как здесь, так и во Франции», – писал он (АВПРИ. Ф. СРП. Д. 314. Л. 64-65). Активность Штакельберга не осталась незамеченной, и в 1771 г. российское правительство решило вплотную заняться этим вопросом.

² В нем говорилось, что Зиновьев «и без того уже получил позволение наше съездить в Акен к тамошним баням, а оттуда поехать может в Лиссабон» для «начатую с тамошним двором секретной и со всеми нужными осторожностями сопряженной негoциации о назначении взаимных министров». СРПО. – Т. 97. – 1896. – С. 257.

дитованы с обеих сторон, но сделать это так аккуратно, чтобы «избежать наружности перваго от нас в том искания»¹. Россия вела в это время войну с Турцией, которую поддерживали Испания и Франция, и, естественно, поиски союзников в Европе должны были держаться в глубоком секрете. «Россия, находясь относительно Гишпани и Франции в подобных аглинским обстоятельствам, и играя теперь знаменитой в общих делах роль, которой диаметрально противуречит политике сих корон, представляет королю португалскому небезполезную для безопасности его перспективу и опору, кои взаимным размножением непосредственной торговли могут впредь сами по себе зделаться в системе нашей непоколебимым основанием»².

В связи с этим дипломату предписывалось по окончании «употребления целительных вод» оставаться в Гааге и ждать там писем консула Борхерса, которому было поручено выяснить намерения португальского правительства. Если из этих писем станет ясно, что «португалской двор склонен и готов к начатию с нашим двором непосредственной переписки», Зиновьев должен будет конфиденциально встретиться с португальским послом в Гааге и известить его, что он, находясь на лечении на водах, получил письмо из Петербурга о предварительном своем назначении в Португалию и имеет полномочия подписать с этим послом соглашение об обмене дипломатическими представителями. Если же эти письма «не подадут никакой надежды со стороны лиссабонского двора», Зиновьеву следовало оставаться в Гааге или где-либо неподалеку и дожидаться там дальнейших распоряжений из Петербурга³. 17 мая Панин составил письмо посланнику в Гааге Д.А. Голицыну, чтобы тот способствовал миссии Зиновьева, а 19 мая ему вручили секретную записку,

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 45. Л. 1-2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4-6.

в которой были изложены отношения России с основными европейскими державами¹.

Сразу же по получении этих документов Зиновьев покинул Петербург, оставив там жену, и уже 28 мая 1771 г. приехал в Ригу. Путь его лежал через Гданьск и Берлин², а 12 мая он оказался уже на месте своего назначения³. Прибыв в Гаагу, Зиновьев сообщил Панину шифрованным донесением, что писем от Борхерса пока не было, но он, не теряя времени, постарался разведать обстановку. К сожалению, по мнению Д.А. Голицына, российского посланника в Гааге, не стоило начинать переговоры с португальским послом, поскольку граф де Ойрас – «ему главный неприятель», и якобы «отвергает все представления от людей ему неугодных», а потому, продолжал далее дипломат, «разсудил я ничего не начинать, а в ожидании писем от Борхерса поеду к водам, чтоб время не упустить у вод»⁴. Не откладывая, он отправился в Амстердам, чтобы встретиться с банкирами и уладить свои финансовые дела, оттуда в Ахен, где пробыл три недели. Он писал оттуда Панину, что писем от Борхерса пока не получил, что «зачинает меня несколько беспокоить», а потому просил Голицына справиться у российского временного поверенного в Испании Н. Хотинского, не задержались ли письма Борхерса в Мадриде⁵. Пробыв почти два месяца на

¹ Об Испании там было сказано: «С мадридским двором наружная корреспонденция продолжается, а никаких обязательств нет, но известно, что сей двор слушает во всем французского, и так сказать, по его дудке пляшет». СРИО. – Т. 97. – 1896. – С. 303, 317.

² Из Берлина он отправил Панину книгу «*Principes du droit de la nature et du gens, par Mr. Formy*», «которую в. с-во изволили мне приказать купить». АВПРИ. Ф. СРП. Д. 46. Л. 1-6.

³ «Как ни спешил, скорее двенадцати дней приехать из Берлина не мог: от великих дождей воды разлились и дороги испортились». Там же. Л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Как ни пытался Петербург держать переговоры с Португалией в тайне, слухи о миссии Зиновьева дошли до Европы. В июле 1767 г. французский поверенный в делах в России Сабатье написал своему брату, что Зиновьев готовится «быть министром в Португалии». Тот, встретив Зиновьева в

водах в Спа¹, он наконец получил долгожданное письмо, в котором консул сообщил всего лишь, что не нашел еще удобного случая «говорить об известном деле»².

Поскольку дело не двигалось, Зиновьев отправился в Дюссельдорф, оттуда во Франкфурт, так как ему «захотелось посмотреть земли по Рейну лежащие», а в середине ноября оказался в Брюсселе. Он сообщал, что писем от Борхерса больше не было – «оной господин чрезвычайно медлен в ответах» – а потому Зиновьев просил указаний от Панина: «не приказано ли будет ехать и самому говорить»³. Наконец в начале января 1772 г. он сообщил, что получил долгожданное письмо, но... «по результатам переговоров с маркизом де Помбалом ясно, что с их стороны не только нет намерения установить с нами в настоящее время открытый союз, но и публично проявить по отношению к нам дружеские чувства». Зиновьев так сильно расстроился, что в тот же день написал Панину еще одно письмо: «Познаю подлинно толк, что я несчастлив», объясняя, «какое будет мое бедственное положение, ежели принужден буду возвратиться, не бывше нигде употреблен». Тут же он намекает Панину о месте посланника в Испании, «которое, по-видимому, будет скоро пусто или уже есть»⁴.

Спа, решил это выведать. Дипломат пытался разубедить его, предположив при этом, что «французский двор о негоциации нашей известен», и что он не получает давно ожидаемых им писем потому, что их «останавливают во Франции». АВПРИ. Ф. СРП. Д. 46. Л. 10-14; СРИО. – Т. 143. – 1913. – С. 317.

¹ Там он проводил время с Е.Р. Дашковой, отношения которой с Екатериной II к этому времени стали довольно прохладными, и она получила разрешение от императрицы уехать за границу с детьми. См. об этом: АВ. – Т. 24. – 1880. – С. 135; *Елисеева О. И.* Вельможная Москва: из истории политической жизни России. – М., 1997. – С. 56.

² АВПРИ. Ф. СРП. Д. 46. Л. 18.

³ В конце ноября он получил письмо от консула, но тот опять сообщал, что никаких изменений нет. *Там же.* Л. 20, 22.

⁴ *Там же.* Д. 47. Л. 1, 2-4.

Однако Панин пропустил этот намек мимо ушей и велел начать переговоры с португальским послом в Гааге графом да Кунья¹. В начале февраля Зиновьев имел с ним несколько встреч, на которых португалец заявил, что две такие державы, как Россия и Португалия, должны обмениваться не консулами, а полномочными министрами и что он со своей стороны направит письмо в Лиссабон, в котором уведомит короля о начатых переговорах. Сразу же после этого был отправлен курьер в Лиссабон. В марте Панин получил донесение дипломата о переговорах и в ответе постарался нацелить его на активизацию деятельности именно в этом направлении². Однако ответа от португальского двора не было очень долго³. Зиновьев прождал его до июня, боясь отлучиться из Гааги, но в начале июля он выехал в Спа. Там он и получил письмо португальского посла, в котором тот писал, что пока в Лиссабоне не нашли ни какого конкретного решения. Одновременно пришло указание Панина отправиться в Лондон, чтобы там через российского посла А.С. Мусина-Пушкина разузнать о причинах «проволочки»⁴. Именно в Лондоне он получил личное письмо от своего друга Дениса Ивановича Фонвизина, известного русского писателя-просветителя, служившего в те годы в КИД⁵, о том, что его все-таки опре-

¹ Это же он поручил и Д.А. Голицыну. СРИО. – Т. 97. – 1896. – С. 523.

² «Могу вам позволить открыться ему далее в том, что вы сами ласкаетесь иметь пост российского в Лисабоне министра», – писал ему Панин. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 339. Л. 1.

³ Зиновьев, рассуждая о возможных причинах задержки, находил одну: «Хотя де агличане и имеют много инфлюенции в Лиссабоне, и, узнав об оном проекте, не упустят делать разные разглашения, по зависти оной нации ко всем тем, кто зачнет просвящаться к комерции своей». *Там же*. Ф. СРП. Д. 47. Л. 5-11.

⁴ *Там же*. Л. 16-22.

⁵ Фонвизин был не простым чиновником КИД – он был доверенным лицом Н.И. Панина и его брата П.И. Панина. С февраля 1771 по август 1772 г. он вел шифрованную переписку с П.И. Паниным, предоставляя ему информацию о политической жизни при дворе, о ходе войны с Тур-

делили в Испанию¹. Вопрос этот решился окончательно в сентябре 1772 г. «Ныне гишпанской пост открылся... и не хочу пропустить случая к доставлению вам сего места, – писал ему Панин в письме от 14 сентября, – тем наипаче, что я говорил с супругою вашею, узнал и ее на то чаяние»².

8 ноября 1772 г. были подписаны его верительные грамоты, а 12 ноября составлена инструкция, мало чем отличавшаяся от инструкций его предшественников, в которой, в частности, говорилось: «...что как довольно земель разстояние, так и настоящее интересов европейских сопряжение не много могут обещать ему больших непосредственных переговоров с местом его резиденции», то ему предписывается, «чтоб он во время своего тамошняго министерства старался употребить к достаточному и систематическому познанию всех областей тамошняго края Европы, каждой из них силы и слабости, их склонности и обычаев действующих, в делах их интересов существительных, и какие коннекции между какою из тех держав ныне настоят»³.

Зиновьев был абсолютно счастлив. Его не пугала ни жара, которую ему, вероятно, живописал Штакельберг при встрече в Спа, ни сложность положения при мадридском дворе из-за ухудшения отношений с Испанией: наконец-то окончилась неопределенность, и он добился, чего хотел – получил высокий пост в Мадриде. «Гишпанское место принимаю я, милост. г-рь, со всею радостию и глубочайшею благодарностию, – отвечал он Панину и, видимо, сделал счаст-

цией, о передвижениях чиновников по службе. Он снимал копии со многих документов КИД, особенно с инструкций императрицы послам России за границей и отчетов последних в Петербург, донесений с театоров военных действий и т.д. *Елисеева О.И.* Вельможная Москва... – С. 23.

¹ Так что, несмотря на вражду Панина с Орловыми, дружба Зиновьева с Г. Орловым не стала препятствием на пути его повышения по службе, хотя, возможно, Панин таким образом пытался удалить его от двора.

² АВПРИ. Ф. СРП. Д. 47. Л. 26; Ф. СРИ. Д. 339. Л. 2.

³ Россия и Испания... – С. 229-230.

ливый вздох облегчения, продолжал, – ...а теперь совсем оставлю португальское дело»¹. Из Лондона в начале ноября он отправился в Париж, чтобы «помышлять о заведении дома», и просил Панина разрешить ему дожидаться в Париже жену, «а ей приказывать, как можно скорей збираться»². Находясь уже в Париже, в самом конце декабря он получил и отправленную из Петербурга инструкцию³. Привез ее курьер – поручик Фонвизин⁴.

21 апреля 1773 г. Панин сообщил Зиновьеву из Царского Села, что в честь дня рождения Екатерины он пожалован камергером⁵. Эту радостную новость дипломат получил уже в Мадриде, куда прибыл 23 мая 1773 г., а через неделю он был приглашен на первую аудиенцию к Карлу III и государственному секретарю маркизу де Гримальди⁶. Жена пробыла с ним в Испании чуть больше года, а уже в июле 1774 г. по причине нездоровья уехала из Мадрида⁷. В 1781 г. она скончалась. 18 лет после ее отъезда Зиновьев прожил в Испании один.

Его деятельность была высоко оценена в Петербурге. Екатерина внимательно прочитывала реляции дипломата, а

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 47. Л. 28-29.

² Там же. Л. 26.

³ В дороге его догнали еще несколько писем от Д. И. Фонвизина.

⁴ Об этом Зиновьев сообщал в письме к вице-канцлеру А.М. Голицыну от 31 декабря 1772 г. (АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 343. Л. 1.). Также он просил направить под его началом в Испанию двух братьев Фонвизиных. Русская Старина. – 1876. – Т. 15. – № 2.

⁵ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 348. Л. 1.

⁶ Донесение об этом он направил Екатерине II, однако забыл подписать его. Императрица начертала на нем резолюцию для Голицына: «Однако ж странно, что он, начиная министерство свое, первым ко мне письмом позабыл подписать под оным свое имя и число поставить. Это знак малой исправности или еще и вертопрашества. Дайте вы ему скромным образом восчувствовать, что поступок сей гораздо не порядочен. Сие его исправит и сделает осторожнее». СРИО. – Т. 118. – 1904. – С. 330.

⁷ Россия и Испания... – С. 236.

за одну из них, датированную 26 июля 1786 г., где на 25 листах была проанализирована политическая ситуация в Испании и Европе, политика испанского государственного секретаря П. де Флоридабланки, повелела выразить ему свою благодарность. В 1784 г. он был пожалован тайным советником, в сентябре 1785 г. – представлен к ордену Св. Владимира II степени¹, а в 1789 г. – к ордену Св. Анны².

Однако жизнь российского посланника вдали от родины была далеко не безоблачна: как и Штакельберг, он постоянно жалуется в Петербург на стесненность в средствах и часто напоминает о задержке жалованья³. Здоровье также беспокоило Зиновьева: за годы жизни в Испании он так и не смог приспособиться к ее климату. В июле 1792 г. он сумел выхлопотать себе отпуск и отправился в Россию, оставив вместо себя временным поверенным Николая Бицова⁴.

«Вот уже месяц, как сюда приехал Зиновьев, – писал Ф.В. Растопчин С.Р. Воронцову в апреле 1793 г. – Он плохо выглядит, хотя хочет казаться оживленным. Он пытается выхлопотать себе пенсию, чтобы провести остаток дней где-нибудь в Италии. Если ему это не удастся, он вернется в Испанию»⁵. Летом его судьба, наконец, решилась: Екатерина не

¹ Об этом писал и князь Цицианов В.Н. Зиновьеву: «А теперь уведомляю о знакомых ваших... 2го класса Владимира: графу Н.П. Румянцеву и С.С. Зиновьеву». Русский Архив. – 1872. – № XI. – С. 2107.

² *Трачевский А.* Испания... – С. 15; *Эттингер Ф.* Министры, находившиеся при иностранных дворах в царствование Екатерины II. – СПб., 1848. – С. 16.

³ «Мои нужды настолько велики, – писал он, – что задержка даже на несколько недель может поставить меня в крайне затруднительное положение». Екатерина начертала на нем резолюцию Голицыну: «Прикажете платить скорее». СРЮ. – Т. 118. – 1904. – С. 489-490.

⁴ «Здесь ожидают г-на Зиновьева, – писал В.П. Кочубей С.Р. Воронцову, – который получил разрешение покинуть на время свой пост и который, похоже, не очень стремится вернуться назад». АВ. – Т. 18. – 1880. – С. 38.

⁵ АВ. – Т. 8. – 1876. – С. 68.

хотела его менять и настояла, чтобы он вернулся в Испанию. Кроме жалованья, ему была назначена пенсия в 2000 руб., что очень его обрадовало. В это время из Стокгольма вернулся Штакельберг, и два столь разных дипломата встретились в Петербурге. В письме Воронцову от 6.7.1793 г. Раstopчин сообщал: «Из Испании приехал Зиновьев. Он должен скоро вернуться назад. Он настолько полон впечатлениями о стране, которую покинул, что выглядит немного нелепым и превратился в объект шуток и насмешек. Он остановился в Царском Селе¹, все время жалуясь на холод и находясь в состоянии постоянной войны со Штакельбергом, который, чтобы развеселить императрицу, при каждом удобном случае плохо отзывается об Испании. Создается впечатление, что этот г-н Зиновьев – весьма порядочный человек»².

В октябре 1793 г. Зиновьев стал собираться в обратный путь³. Его обширные знания, богатый политический и дипломатический опыт позволяли Екатерине II полностью доверять своему дипломату. Ее отношение отразилось в рескрипте, который он получил перед отъездом: «При обратном вашем отправлении к Мадритскому двору, при котором вы столь долговременно и с толикою похвалою обретались, вы

¹ Об этом же сообщал и испанский поверенный Агат. Он писал, что Екатерина оказала честь Штакельбергу, дозволив ему по возвращении из Стокгольма поселиться во дворце. «Такой же милости удостоен и посланник при дворе нашего короля Степан Зиновьев». В другом донесении он писал, что разговаривал с ним по поводу политики России в отношении Франции, и тот «со свойственной ему открытостью заявил, что императрица очень озабочена ими, но ее окружение думает только об интересах своего двора». АНН. Estado. Leg. 4623.

² АВ. – Т. 8. – 1876. – С. 74-75. Примерно то же самое писала и Е. Дашкова своему брату А. Воронцову. Там же. – Т. 5. – 1872. – С. 212.

³ «На будущей неделе г-н Зиновьев отъезжает в Испанию. Ему прибавили к жалованью 2000 руб. и дали сумму на проезд. Он – замечательный человек, сохранивший живость молодости...», – писал Раstopчин Воронцову. Там же. – Т. 24. – 1880. – С. 262-263.

не можете иметь никакой нужды в общественных наставлениях касательно всегдашних и обыкновенных отношений к сему двору»¹. Дипломат отправился в путь в начале февраля. Но Зиновьев не доехал до Мадрида и не смог выполнить распоряжений императрицы. В дороге он заболел² и, находясь в Риге, скончался в феврале 1794 г.³

Последним, связанным с ним документом, обнаруженным нами, стало письмо Ф.В. Растопчина С.Р. Воронцову от 9(20).3.1794 г. «Кончина Зиновьева очень меня огорчила! Добрый старик! Ему следовало уезжать скорее. То, что он здесь видел, сократило ему жизнь. В Царском Селе при дворе из него сделали что-то вроде шута; его живость и восторженные отзывы об Испании давали повод к непрестанному издевательству... Не знаю почему, он очень полюбил меня. Всякий раз, говоря о своем отъезде, он прибавлял, что сердце у него обливается кровью при мысли о здешнем положении дел. Его место еще не занято. Думают, что его займет Крюднер, которой будет замещен в Копенгагене бароном Штапельбергом»⁴.

А в Испании Зиновьева ждали: Карл III подписал указ о выдаче ему паспортов. На указе помета: «Их вернул временный поверенный, когда узнал о его смерти»⁵.

¹ Россия и Испания... – С. 427-430.

² «Сомневаюсь, чтобы он добрался до Мадрида, – писал к своему двору Х. Де Онис, – так как здоровье его сильно ухудшилось». АНН. Estado. Leg. 4617.

³ «Должна сообщить вам новость, которая причинит вам боль, – писала Е. Дашкова А. Воронцову, – в Риге умер бедный Зиновьев». АВ. – Т. 21. – 1881. – С. 442.

⁴ Русский Архив. – 1878. – № 3. – С. 297.

⁵ АНН. Estado. Leg. 3452.

3.2. Внешняя политика Испании и отношения с Россией в 1770–1780-е гг.

В 1773 г. Панин в наказе для князя Барятинского характеризовал внешнюю политику России следующим образом: «При вступлении Ее В-ва на престол в Европе были две стороны: в первой находились Франция и Австрия, за ними Испания и значительная часть имперских князей; на другой стороне были Англия и король прусский. С первой в союзе находился король португальский и некоторые имперские князья, с последним же сделался вдруг из неприятеля теснейшим союзником император Петр III»¹. Это убеждение, что Испания является верной союзницей Франции, целиком находящейся в фарватере французской политики, сохранилось у него в течение всей его политической карьеры. И, следовательно, сильная антипатия к Франции распространялась и на Испанию и определяла политический курс России по отношению к этой пиренейской державе. В политической части инструкции Зиновьеву, составленной годом раньше, отчетливо прослеживается неприязнь Н.И. Панина к версальскому двору, с которым восстановление отношений дает шанс «к наружному и доброму согласию, которое, впрочем, не отменяет внутренней французской зависти»². Он указывает своему представителю на единство интересов Франции и Испании, постоянно подчеркивая, что «Франция, хотя и ведет тут первую роль, во всем, однако ж, сносится и советуется с Гишпанией», и в результате отношения, которые разделяли Францию и Россию, он распространяет и на Испанию. Он призывает Зиновьева «наблюдать недреманным оком» за «бурбонскими домами, которые издавна уже руководствуются противу России завистью и недоброжелательством»³. На-

¹ Цит. по: Брикнер А. История... – С. 270.

² Россия и Испания... – С. 228.

³ Там же. – С. 227.

сколько же объективна была оценка Паниным позиции Испании?

В донесениях предшественников Зиновьева вопросы взаимоотношений Испании и Франции подробно излагаются только Штакельбергом: он оказался в сложном положении, когда отношения Испании с Россией находились на грани разрыва. Но разрыва не произошло, а в конце своего пребывания Штакельберг даже сообщал, что Гримальди, этот ярый франкофил, после предательства Францией интересов Испании в мальвинском конфликте и падения его *bon ami* Шуазеля, несколько отошел от тесного союза с соседней державой.

В начале 70-х гг. внешнеполитические интересы Испании продолжали определяться подписанным в 1761 г. Фамильным пактом и соперничеством с Англией на американском континенте. Именно в это время вопрос колониальных владений выступает на первый план в испанской внешней политике и приводит к столкновению Испании с союзницей Англии – Португалией.

Отношения Испании и Португалии на американском континенте регулировались территориальным разграничением, зафиксированным в Тордесильясском договоре 1494 г. Но «размытость» этой линии на практике приводила к тому, что в течение XVI и XVII вв. португальцы мало-помалу занимали пограничные территории, оккупируя земли, находившиеся под властью испанской короны. А поскольку с середины XVI до середины XVII в. иберийские короны были объединены в союз, то испанцы не придавали большого значения действиям португальцев в Бразилии. Отделение Португалии от Испании в 1640 г. и последующая ее политическая независимость привели к тому, что с конца XVII в. между испанцами и португальцами обострились территориальные споры в районе Гайаны, венесуэльского Ориноко, восточных границ вице-королевства Перу, в Парагвае и на севе-

ре района Рио-де-Ла-Плата¹. Здесь предметом ожесточенных территориальных споров, зачастую перераставших в военные столкновения, были области Рио-Гранде на крайнем юге Бразилии, колония Сакраменто, основанная в 1680 г. португальцами на северном побережье эстуария, напротив Буэнос-Айреса², и земли семи бывших иезуитских миссий по левому берегу Уругвая.

Вступление на испанский престол Фердинанда VI, находившегося под большим влиянием жены, португальской принцессы Барбары де Браганса, привело к потеплению испано-португальских отношений, и по Мадридскому «договору о границах» 1750 г. испанцы в обмен на колонию Сакраменто согласились признать португальскими Рио-Гранде и территорию иезуитских редуций, но, как указывал М.С. Альперович, противоречия между обоими державами не были устранены, и 12 февраля 1761 г. Мадридский договор был аннулирован. Португалия вернула себе колонию Сакраменто, но отказалась от прежних приобретений³.

Напряженность в их отношениях достигла своего предела в середине XVIII в., когда поддержка Англией Португалии создавала благоприятные условия для активизации политики маркиза Помбала в этом вопросе. В 1762-1763 гг. затяжная конфронтация дала новую вспышку военных дейст-

¹ Португальцам для работы на плантациях были необходимы рабы, и они захватывали индейцев из испанских иезуитских миссий. Кроме того, захват испанских территорий облегчал им незаконный доступ к перуанским серебряным рудникам. *Sans Tapia A. El tratado...* – P. 9-10, 17-18.

² *Альперович М.С. Россия...* – С. 45. Санс Тапиа интерпретирует этот факт несколько по-иному: «В 1680 г. португальцы проникли на территорию самого района Рио-де-Ла-Плата, оккупировав восточный берег реки и создав там поселение, так называемую колонию Сакраменто». *Sans Tapia A. El tratado...* – P. 17.

³ *Альперович М.С. Россия...* – С. 45. История взаимоотношений двух пиренейских держав в этот период рассматривается также в: *Sans Tapia A. El tratado...* – P. 18-19.

вий между двумя пиренейскими державами¹, и в 1764 г. Бутурлин сообщал в Петербург об обострении отношений между Испанией и Португалией в Америке. В следующем году подобная информация поступила из Лиссабона от находившегося там с особым поручением князя С.В. Мещерского, а в 1767 г. Штакельберг неоднократно извещал императрицу о нарастании боевых действий в районе бразильско-парагвайской границы².

В последующие годы противоборство двух колониальных держав в бассейне р. Ла-Плата продолжалось с переменным успехом. Некоторые области неоднократно переходили из рук в руки. Вооруженные столкновения, вызванные в большинстве случаев активизацией действий португальцев, участились. Осенью 1770 г. Штакельберг неоднократно доносил о направлении в Америку дополнительных воинских контингентов, об отправке за океан войск, кораблей, снаряжения докладывал в Петербург и генеральный консул в Лиссабоне И.А. Борхерс³.

Впервые Зиновьев обратил внимание Петербурга на конфликтную ситуацию в Новом Свете в июле 1774 г.⁴ «Давные споры между дворами португальским и здешним о пограничных делах в Бразилии возобновляются», – писал он, подчеркивая, что по Парижскому договору не было точно опре-

¹ Губернатор Буэнос-Айреса П. де Севальос в 1762 г. захватил Сакраменто, но после неудач Испании в Семилетней войне по Парижскому миру колония в третий раз перешла к португальцам. *Sans Tapia A. El tratado...* – P. 19-20.

² *Альперович М.С. Россия...* – С. 45.

³ *Там же.* – С. 45-46.

⁴ Хотя и в более ранних его донесениях (октябрь 1773, январь 1774 гг.) встречаются сведения об отправлении из Кадиса войск и укреплении там испанских поселений, «хотя открытым образом ничего не делает, но нет почти ни одного отходящего военного судна в Индию, которое бы не было нагружено военными снарядами». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 345. Л. 82; Д. 351. Л. 1.

делено, что все владения в Бразилии остаются в том же положении, как и до войны. Для урегулирования вопроса с обеих сторон были назначены уполномоченные. Зиновьев сравнивает позицию обоих дворов и всячески подчеркивает миролюбивость португальского в противовес испанскому. Правда, он объясняет это «обыкновенной своей во всех делах недоверенностью и медлительностью» испанцев, а не их желанием намеренно отказаться от урегулирования этого вопроса¹, но следует все же учитывать, что именно в это время Россия активизировала вопрос об установлении дипломатических отношений с Португалией, и переговоры двух сторон шли через посредство Зиновьева в Мадриде². Этим также можно объяснить стремление российского посланника оправдать и выставить в более приглядном свете позицию Португалии.

В августе-сентябре 1774 г. он несколько раз сообщал об отправлении военных кораблей в Бразилию как с одной, так и с другой стороны и частых «сшибках» там между испанскими и португальскими войсками. Обострению конфликта попыталась воспрепятствовать Англия. К этому времени начали осложняться ее отношения с ее собственными колониями в Америке, поэтому ей во что бы то ни стало необходимо было избежать развязывания войны в южной части континента. Английский кабинет сделал грозный вид, а его посол Грантам просил аудиенции у Гримальди, во время которой начал угрожать, что его двор «никогда не будет терпеть насилие с гишпанской стороны, а в противном случае примет сие дело своим и зачнет к войне приуготовляться»³. Ему было обещано, что «остановятся с здешней стороны делать во-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 351. Л. 96.

² См. его донесения от 9/20.1.1774, 17/28.2.1774. *Там же*. Д. 351. Л. 26-28, 104-106.

³ *Там же*. Д. 351. Л. 166. На эту позицию Англии обратил внимание и Альперович. См.: *Альперович М.С. Россия...* – С. 46.

енные приуготовлении», но при условии, что свои приготовления также прекратит и Португалия. «Дело, – как писал Зиновьев, – состоит в том, чтобы также уговорить и г-на Помбаля»¹. Гримальди сделал выигрышный дипломатический ход – теперь уже никто не мог обвинить Испанию в неуступчивости: он первым пошел на уступки. Но причина его сговорчивости лежала совсем в другой плоскости: в середине октября в Мадриде было получено известие из Сеуты об осаде этой испанской крепости марокканским войсками, и 23 октября 1774 г. Испания объявила войну Марокко².

Война продолжалась чуть меньше года, но наступление испанцев окончилось неудачно³, и, по мнению А. Санс Тапия, это было основной причиной пассивности испанцев в американских делах⁴. Зиновьев в это время регулярно сообщал в Мадрид о регулярных стычках в зоне конфликта, но они иницировались исключительно местными властями⁵. Мадридский двор, униженный поражением в войне с Марокко, проявил инициативу начать мирное урегулирование конфликта с Португалией через посредничество Англии и Франции, а потому ведение переговоров было возложено на маркиза Альмодовара, ставшего после возвращения из России послом в Лиссабоне, князя Масерано, посла в Лондоне, и, главным образом, графа Аранду, занимавшего пост посла при фамильном французском дворе.

Вопросом о развитии испано-португальского конфликта и отношении к нему Англии активно интересовались в

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 351. Л. 124.

² Там же. Л. 132-137.

³ См. об этом: *Vilar J. B. Relaciones entre España y Magreb: siglos XVII y XVIII. – Madrid, 1994.*

⁴ *Sans Tapia F. El final... P. 23.* Это предположение, кстати, подтверждается и донесением Зиновьева, который писал, что, очевидно, до будущего года Испания не сможет активизировать свои действия в Америке. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л. 163.

⁵ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 351. Л. 140-141, 164-165; Д. 358. Л. 155-158.

Петербурге. По исследованию М.С. Альперовича, Совет при высочайшем дворе несколько раз заслушивал этот вопрос. 3 ноября 1774 г. были заслушаны сообщения из Лондона «о намерениях тамошнего двора по делу ссоры Гишпаниии с Португалиею», 3 сентября 1775 г. – донесения из Мадрида и Лиссабона «о бывших в Америке между гишпанцами и португальцами сшибках»¹. А уже 13 ноября Зиновьев сообщил из Мадрида о развитии мирных переговоров².

Еще осенью 1775 г. в переписке Гримальди и Аранды был поднят вопрос о возможных путях урегулирования конфликта. Аранда подчеркивал, что, учитывая близость отношений между Португалией и Англией, следовало бы сделать все возможное, чтобы избежать втягивания в конфликт последней³. В разговоре с Верженном Аранда также поднял этот вопрос, но тот выразил сомнение, поскольку Англия была занята решением другого вопроса: активно нарастали волнения в ее американских колониях. Португалия, оставшись без английской поддержки, также пошла на уступки и заявила о своем участии в переговорах⁴.

Однако Аранда, руководивший переговорами в Париже, посылал в Мадрид одно за другим донесения, в которых советовал воспользоваться благоприятным моментом и отправить в Америку военную эскадру⁵. Совершенно очевидно,

¹ Альперович М.С. Россия... – С. 60.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л. 204.

³ AGS. F. Estado. Leg. 4559. No. 572.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л. 220.

⁵ Этой же позиции придерживались испанский военный министр граф Рикла, морской министр маркиз де Кастехон, министр по делам Индий Х. Гальвес, губернатор Мадрида Севальос, а также наследник испанского престола принц Астурийский, который только начал принимать участие в решении государственных дел. *Sans Tapia A. El final...* – P. 26-30, 40-44. М. Альперович указывает, что под их давлением было принято решение отправить военную экспедицию в Америку (Альперович М.С. Россия... – С. 47), но документы подтверждают, что это решение не проходило, поскольку Гримальди под давлением Верженна сдерживал его. Оно было

что при такой его позиции они шли с большим напряжением и постоянно прерывались¹. Франция, без согласия которой Испания не могла начать военные действия, заняла довольно жесткую позицию: Верженн выступал категорически против любой военной инициативы Испании, заявляя, что ситуация не настолько обострилась, чтобы направлять туда военную армаду. Он прекрасно понимал, что в этом случае на стороне Португалии выступит Англия, что вынудит вмешаться в конфликт и Францию². В данный момент подобное развитие событий было совсем не в интересах Франции: она внимательно следила за развитием событий в британских колониях в Америке, надеясь дожидаться подходящего момента и взять реванш за потери в Семилетней войне.

В конце июня 1776 г. переговоры были прерваны окончательно. 24 июня в Мадриде было получено сообщение, отправленное еще 19 апреля губернатором Буэнос-Айреса, что еще в феврале португальцы захватили испанские поселения в районе Рио-Гранде и заявили ему, что получили повеление из Лиссабона других поселений не захватывать, но эти оставить за собой, на что губернатор ответил, что он никаких повелений не получал, а потому «стараться будет отнять от

принято только после того, как в Испании узнали о захвате португальцами Рио-Гранде – именно это изменило политику мадридского двора.

¹ См. об этом донесения Зиновьева от 7/8 марта, 14/25 марта, 28 марта/8 апреля, 14/25 апреля, 5/16 мая, 2/13 июня 1776 г. АВПРИ. Ф. СРП. Д. 362. Л. 28-32, 34, 56-57, 58-60, 68, 83. Испанская сторона в этот период разработала следующую стратегию: Масерано постоянно жаловался в Лондоне на набеги португальцев, чтобы отвлечь внимание англичан от тайных военных приготовлений Испании. *Sans Tapia A. El final...* – P. 33-36.

² *Sans Tapia A. El final...* – P. 28-31. На это указывал в одном из донесений и Зиновьев: «Посол французской здесь сколко можно похваляет сию систему, следуя мысли г-на Грималдия, чтоб отдалить войну от Европы, хотя б на несколько времени». АВПРИ. Ф. СРП. Д. 362. Л. 110.

португальцев взятые ими места»¹. В результате этого захвата Испания полностью теряла район Рио-Гранде. 27 июня Зиновьев сообщает об этом в Петербург, а 16 июля эти же сведения сообщает из Кадиса Бранденбург². Португальский министр Помбал тут же отреагировал на это известие: он передал через английского и французского посла в Мадриде, что указания лиссабонского двора «о прекращении военных действий туда просто еще не дошли»³. Несмотря на эти уверения, из Мадрида в Кадис сразу были посланы 2 указа: о найме всех испанских судов для отправки войска в 8000 человек в район Рио Гранде и о вооружении всех испанских кораблей. Закончился период «испанской нерешительности, неопределенности, сомнений, надежд и колебаний», что приносило Испании больше вреда, потому что португальцы, пользуясь этой нерешительностью, захватывали все новые и новые территории⁴.

Зиновьев подчеркивал, что в испанском правительстве не было единства по вопросу о начале военных действий. Гримальди, указывая на неготовность Испании, был против войны. «Противная маркизу Грималди партия продолжает кричать о войне... Один сей министр настаит в сих мыслях против всех протчих министров»⁵. Но «противная маркизу партия» победила. К осени, по словам российского консула Бранденбурга, вооружение кораблей шло полным ходом⁶.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 603. Л. 6, 16. Донесение Бранденбурга в КИД от 16.7.1776.

² «До 5 тысяч португальцев атаковали 2 крепостцы, лежащая на Рио-Гранде, кои гишпанцы должны были оставить превосходной неприятельской силе». В следующем донесении, от 1 июля 1776 г. он подробно останавливается на описании этого конфликта. *Там же*. Д. 362. Л. 91-93, 95-97.

³ *Там же*. Д. 362. Л. 108.

⁴ *Sans Tapia A. El final...* – P. 31, 49.

⁵ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 362. Л. 100, 110.

⁶ *Там же*. Д. 603. Л. 15.

Испанское правительство решило не объявлять Португалии войну, поскольку в этом случае пришлось бы согласовывать свои действия с Францией, позиция которой не изменилась, а в условиях «дипломатического молчания» собрать необходимое для участия в боевых действиях войско. В середине ноября 1776 г. эскадра под командованием П. де Севальоса¹ направилась в сторону Буэнос-Айреса².

Однако в феврале 1777 г. ситуация резко изменилась. 24 февраля умер португальский король Жозе I – и сразу же после этого получил отставку первый министр маркиз де Помбал. Новая португальская королева, Мария I, родная племянница Карла III, во многом изменила тот курс, который проводил Помбал. Дело шло и к смене политики в отношении Испании. Да и в самой Испании произошли перемены: ушедшего в отставку Гримальди сменил бывший представителем Испании в Риме Хосе де Моньино, граф Флоридабланка. «Впрочем, – писал Зиновьев из Мадрида в начале апреля, – по делам со здешним двором из Лиссабона нет еще никакого откровения... хотя, думают, что новая королева решит завершить их любовно». Ходили слухи о том, что в Париже при посредничестве Англии и Франции будет созван конгресс³, но, по наблюдению российского посланника, испанское правительство не делало никаких шагов в этом направлении, ожидая результатов военной экспедиции генерала Се-

¹ С сентября 1775 г. П. де Севальос являлся губернатором и военным комендантом Мадрида. В 1776 г. в связи с назначением командующим эскадрой в Америку и вице-губернатором вновь созданной провинции Ла-Плата оставил этот пост. *Sans Tapia A. El final... – P. 61-91; Andújar Castillo F. Consejo y consejeros de guerra en el siglo XVIII. – Granada, 1996. – P. 121.*

² А эскадра под командованием Гастона вернулась для перевооружения и должна была выйти в январе 1777 г. уже под командованием Кордовы. АВПРИ. Ф. СРП. Д. 603. Л. 21.

³ *Sans Tapia A. El final... – P. 282-305.*

вальоса¹. Флоридабланка подтвердил эти предположения и, показав твердость характера, убедил короля определиться со своей позицией только после возвращения Севальоса².

Наконец, в середине мая 1777 г. в Мадрид пришло известие о том, что еще 20 февраля испанские войска под руководством Севальоса захватили португальскую крепость на острове Санта-Катарина недалеко от юго-восточного побережья Бразилии, затем высадились в Монтевидео и изгнали португальцев с восточного берега р. Ла-Платы³. Однако Зиновьев не сомневался, что «вряд ли это событие приостановит знаки миролюбия, которые новая королева демонстрирует постоянно с момента вступления на трон»⁴. Аранда из Парижа сообщал Флоридабланке, что улучшение отношений между двумя пиренейскими державами вызвало в Англии удивление и опасение, что у Испании теперь будут развязаны руки⁵. Это высказал в беседе с Зиновьевым английский посол, добавив, что, «не определяя никаких условий и времени перемирия, можно относиться к нему как к весьма вероятному, а Европа избежала бы таким образом последствий, к которым мог бы привести открытый конфликт между двумя державами»⁶.

Только к концу месяца ситуация стала, кажется, проясняться, и Зиновьев сообщил в Петербург, что испанский двор

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 79. Донесение Зиновьева от 27.3/7.4. 1777 г. Об этом же писал и находившийся в то время в Витории посланник американского Континентального конгресса А. Ли. «Португальский король умер совсем недавно... но можно предположить, что это приведет к примирению с Испанией... Это даст Испании большую свободу, чтобы помогать нам, и, если не атаковать Великобританию, то, по крайней мере, угрожать ей». *The Revolutionary Diplomatic Correspondence...* – Т. III. – P. 294.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 83.

³ См. об этом: *Sans Tapia A. El final...* – P. 315-355.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 89, 99.

⁵ AGS. Estado. Leg. 4611. №. 1055.

⁶ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 102-103.

согласился пойти на перемирие с португальским, для чего от каждого из них отправлены к воюющим генералам повеления остановить военные действия. «Похоже, все разрешится без посредничества Франции и Англии»¹. Но российский дипломат немного поторопился с выводами. Севальос продолжал операции по захвату португальских крепостей, а португальский посол в Мадриде Союза так и не сделал ни единого шага для начала переговоров. Флоридабланка также не спешил: ему надо было выиграть время, чтобы, узнав о последних результатах действий в Южном полушарии, «по прогрессам его размерять поведение с Португалиею»². Результаты эти оказались неоднозначны. Генерал Вертиц заблокировал португальскую крепость Св. Терезы, но часть флота самого Севальоса была уничтожена бурей. Это вынудило испанского министра немного смягчить свою позицию – и между обоими дворами было достигнуто согласие о визите в октябре португальской королевы-матери в Эскориал, где будет находиться испанский двор и где будут подписаны мирные договоры³.

В середине августа ситуация для португальцев осложнилась. Севальос с остатками своей эскадры сумел захватить крепость Сан-Сакраменто; разрушив ее до основания и захватив в плен гарнизон, он заявил о намерении продолжать поход до Рио-Гранде, чтобы разбить находившееся там португальское войско. Но этот поход не состоялся: в начале сентября в район боевых действий, наконец, прибыли испанский и португальский курьеры с приказами об остановке, и 7 сентября испанский командующий отправляет с Мадрид рапорт о прекращении боевых операций⁴.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 110, 114.

² Там же. Л. 123.

³ Там же. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 139, 146, 149, 175-176.

Переговоры об урегулировании территориальных споров начались в мае 1777 г., а 1 октября 1777 г. оба государства подписали в Сан-Ильдефонсо мир. Трактат закреплял за Португалией Рио-Гранде, о. Санта-Катарину и области севернее 21-й параллели. Колония Сакраменто и бывшие иезуитские редукции по восточному берегу Уругвая признавались испанскими владениями¹. «Это единственной авантаж, которой Гишпания ласкается от Португалии достать»². В целом испанское правительство пошло на большие уступки – договор для Португалии оказался довольно мягким, а для Испании гораздо менее выигрышным, чем того ожидали. Твердость намерений Флоридабланки разбилась о нерушимость фамильных уз, которые стремились продемонстрировать оба двора. «Все это, – писал Зиновьев, – приписывают г-ну де Гримальди, который никогда не защищал истинные интересы Испании, а только стремился угодить своему государю в том, чтобы тот жил в мире со своими родственниками»³. Именно по этой причине почти два месяца испанское правительство медлило с его опубликованием. «Его содержание неизвестно в Мадриде, за исключением того небольшого количества португальских экземпляров, которые привез из Лиссабона г-н де Соуза», – сообщал Зиновьев в Петербург в декабре 1777 г.⁴

Итак, 1777 год завершился окончанием конфликта между двумя пиренейскими государствами, что позволило испанскому общественному мнению сконцентрироваться на другом не менее важном событии, в которое в большей или меньшей степени окажутся вовлеченными все европейские державы. В своем последнем донесении за 1777 г. Зиновьев писал: «Поскольку разногласия с Португалией полностью

¹ *Sans Tapia A. El final...* – P. 369-370.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 177, 190-191.

³ Там же. Л. 193-194.

⁴ Там же. Л. 192.

улажены, больше ничего не может отвлечь внимание от *заслуживающих того великих событий, которые происходят в Северной Америке* (курсив наш. – О.В.), и оценить ту степень интереса, который проявляет к ним испанское правительство», и продолжал, что, по его мнению, правительство с неодобрением относится к успехам инсургентов, заранее опасаясь будущих шагов этой нации, которая, после того как обеспечит свою свободу, начнет вмешиваться в торговлю испанцев в Америке¹.

«Мятеж» английских колоний, который мог оказать существенное влияние на развитие международных отношений в Старом Свете, сразу же приковал к себе пристальное внимание правящих кругов Франции, Испании, Голландии, Австрии, Пруссии и России. Зиновьев точно отразил настроения, царившие при мадридском дворе. В Мадриде совершенно отчетливо отдавали себе отчет, что любой их шаг в данном направлении может поставить на грань разрыва англо-испанские отношения, которые и без того были достаточно прохладными из-за причастности британской дипломатии к развязыванию испано-марокканского и испано-португальского вооруженных конфликтов. Так, весной 1775 г. С.С. Зиновьев сообщал, что «здешний двор подозревает Англию к возбуждению марокцов против Гишпании», в связи с чем маркиз Гримальди решительно потребовал от Лондона принять меры, чтобы «английские купеческие корабли не возили неприятелю Гишпании военных снарядов»². Крайне возмущены были в Пардо и тем, что английские инструкторы обучали в Гибралтаре «марокцов стрелять из пушек»³. Не сомневались в Мадриде и в том, что именно «англичане, под-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 194.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л. 79. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину от 13 марта 1775 г.

³ Там же. Д. 351. Л. 138. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину от 3 ноября 1774 г.

стрекая португальцев к войне с бурбонским домом», спровоцировали «военные действия на Рио-Гранде де Сан-Педро...»¹. Более того, Гримальди не исключал и возможности выступления Англии на помощь Португалии путем «неожиданного нападения крупными силами на какое-либо из наших владений в Америке»².

Испанцы осознавали, что англичане являются в настоящий момент их реальными соперниками, но не менее опасными потенциальными соперниками в будущем станут граждане независимых Соединенных Штатов³. Именно по этой, точно подмеченной российским дипломатом причине испанский двор и строил свои отношения с североамериканскими колонистами: он снабжал их деньгами и вооружением, чтобы как можно дольше продлить военные действия, которые ослабляли обе конфликтующие стороны одновременно.

Этот интерес к событиям в английских колониях в Америке, правда, стараясь не придавать его огласке, испанское же правительство проявляло уже длительное время. Испанский посол в Лондоне Масерано почти в каждом донесении в течение 1775-1776 гг. сообщал в Мадрид о волнениях среди колонистов, об их столкновениях с английскими властями и военных действиях против английской армии⁴. Испанский посол Аранда из Парижа давал более подробную информацию. Еще в марте 1775 г. он имел беседу с новым министром иностранных дел Франции графом де Верженном

¹ Россия и Испания... – С. 258-259. Гримальди – Ласи от 4 февраля 1777 г.

² Там же. – С. 259.

³ На этот момент, кстати, не обращает внимания почти никто из исследователей, которые указывают только на желание Испании взять реванш над Англией. Пожалуй, единственным, кто считает, что зарождение напряженности в отношениях двух стран – Испании и США – относится к этому периоду, является Х. Альяндесалазар. См.: *Allendesalazar J. Apuntes...* – P. 20.

⁴ AGS. Estado. Leg. 6990. No. 6, 10, 17, 20, 23, 30, 38, 45, 47. Leg. 6991. No. 51, 59, 72.

и другими министрами французского правительства, в ходе которой те высказались за заключение союза между Испанией и Францией, направленного против Англии¹. В августе Верженн информировал своего посла в Мадриде маркиза де Оссуна, что он обладает сведениями, согласно которым Англия намерена объявить войну Франции и Испании, и что необходимо принять превентивные меры². Франция уделяла событиям в Северной Америке пристальное внимание. Ни одно государство в Европе не желало так страстно унижения Англии, как того желала Франция. И в этом была своя логика. В результате Семилетней войны она потеряла большую часть своей колониальной империи. По Парижскому миру Франция уступила Англии Канаду и большую часть бассейна Миссисипи, за исключением Нового Орлеана, который отошел в Испанию с территорией к западу от Миссисипи. Начав вскоре тайно оказывать восставшим помощь военным снаряжением и деньгами³, правительство Людовика XVI, однако, не спешило открыто встать на сторону «мятежников», так как оно не было до конца уверено в том, что им удастся выстоять под натиском британских войск.

Позиция Испании была не столь однозначна: она, безусловно, страстно желала поражения своей основной соперницы на американском континенте, но так же «страстно» боялась повторения подобной ситуации в своих собственных колониях. У Испании было много причин против того, чтобы начинать войну с Англией в 70-е гг. Во-первых, война нарушила бы ее заокеанскую торговлю, во-вторых, Испания в принципе была против помощи колониям, восставшим против своей метрополии, поскольку создание независимого государства могло бы подать пример и испанским колониям на американском континенте; в-третьих, она рисковала своим

¹ AGS. Leg. 4598. No. 413.

² AGS. Leg. 4598.

³ Война за независимость и образование США. – М., 1976. – С. 165-167.

флотом, восстановленным после Семилетней войны с огромным напряжением сил, рисковала караванами, направлявшимися из Вера-Круса, и рисковала эскадрой Севальоса, которая возвращалась из Южной Америки. Испания была в меньшей степени заинтересована и в союзе с Францией, поскольку договор, который она желала заключить с Португалией, для чего ей было необходимо посредничество Франции, после смерти короля Жозе I и отставки Помбала был подписан без видимых усилий¹.

Война Англии со своими американскими колониями вызвала сильное волнение среди всех европейских дворов. По Европе поползли слухи о всевозможных вероятных и невероятных объединениях и союзах. Англия опасалась выступления против нее держав Бурбонского дома. Франция в каждом шаге Англии видела приготовления к войне и подозревала Россию в желании выступить на стороне Англии. Испания также желала поражения Англии, но боялась столь открыто проявлять свой интерес к делам на североамериканском континенте, ибо ее поддержка инсургентов могла натолкнуть на подобные действия ее собственные колонии. Поэтому неудивительно, что восстание в Британской Америке стало одной из главных тем донесений русских дипломатических представителей в западноевропейских государствах. Восстание американских колонистов привело к резкому ухудшению международного положения Англии. Бросая все

¹ Об этом, кстати, писал Масерано в донесении Гримальди, предостерегая его от вовлечения Испании в конфликт. «Испания должна только наблюдать (Necesidad de que España este alerta)», – подчеркивал он. Об этом же предупреждал и Аранда. Он писал Гримальди, что необходимо использовать острова Куба, Санто-Доминго и Пуэрто-Рико в качестве естественной преграды против североамериканцев (AGS. Leg. 6991. No. 53. Leg. 4598. No. 413). Аранда также посчитал необходимым предупредить Гримальди, что ситуация с колониями, действительно, сложная, а потому не следует доверять благодушным донесениям Масерано. Там же. Leg. 4599. No. 514.

свои силы и средства на подавление «мятежа», она тем самым ослабляла свои позиции в Европе, что превращало ее в удобную мишень для нанесения удара со стороны жаждущих реванша Фамильных держав. Русский посол в Лондоне А.С. Мусин-Пушкин доносил, что «беспокойная Франция и Гишпания не оставят вмешиваться в несогласие между Англией и колонистами ее»¹.

Существенную роль в этом сыграли и крайне встревожившие их известия о намерении Великобритании вступить в союз с Россией. Так, в сентябре 1775 г. испанский посол в Лондоне князь Масерано доносил Гримальди, что согласно здешним слухам Екатерина II якобы согласилась заключить оборонительный договор с Георгом III и направить в его распоряжение «не только корабли, но и 20 000 солдат для усмирения колоний в Америке, причем переброска русских войск в Новый Свет, за которые Англия обязалась выплатить России 4 млн. ф.ст., начнется в июле 1776 г.»² Действительно, 1 сентября 1775 г. Георг III направил Екатерине II личное послание, в котором он, играя на легитимистских воззрениях императрицы, предложил ей предоставить ему военную помощь для восстановления порядка в Британской Америке³. При этом король не увязывал свою просьбу с необходимостью предварительного подписания союзного договора. И это было не случайно: политическая сторона вопроса явно превалировала в планах британской дипломатии над проблемой чисто военного характера. Английскому правительству, на наш взгляд, было важно заполучить от Екатерины II не столько реальную военную помощь, сколько сам договор об

¹ Болховитинов Н.Н. Россия... – С. 236. А.С. Мусин-Пушкин – Н.И. Панину от 11 ноября 1774 г.

² *Voltes Bou P.* Russia, Turguia y la politica de Floridablanca en 1779 // ВРАН. – 1960. – № 147. – Р. 69-70. Масерано – Гримальди от 15 сентября 1775 г., от 24 октября 1775 г.

³ СРЮ. – Т. 19. – С. 478-479. Георг III – Екатерине II от 1 сентября 1775 г.

этом, чтобы использовать его в качестве сдерживающего фактора по отношению к Бурбонским державам.

Однако попытка британского кабинета поставить русский барьер на пути вмешательства Фамильных держав в американские дела закончилась полным провалом. В июле 1774 г. император Иосиф II направил Екатерине II письмо, в котором высказался за заключение договора с Россией¹, что явилось отправной точкой в постепенном сближении двух императорских дворов. Поэтому предложения Лондона в условиях начавшейся политической ротации Англии на Австрию, да еще грозившие России вовлечением в чуждый ее национальным интересам конфликт между атлантическими державами, были неприемлемы для Петербурга.

Екатерине II пришлось найти иные доводы, чтобы ее отказ Георгу III в предоставлении ему военной помощи выглядел достаточно убедительным и корректным. А это было тем более важно, что ранее императрица заверила английского посла в том, что его король может всегда рассчитывать на ее поддержку². Поэтому в качестве неоспоримого аргумента своего отрицательного ответа на просьбу Георга III она избрала тезис о ликвидации угрозы нападения Испании на Англию. В письме английскому королю от 4 октября 1775 г. императрица указывала, что «громадные военные приготовления в Испании привлекли взгляды всей Европы, и общее мнение заключалось в том, что они направлялись против владений в. в-ва; сам британский народ разделял это мнение и с беспокойством помышлял о том. В такую минуту... я не усомнилась ответить через посредство моего министра, что в. в-во может надеяться на мою добрую волю и готовность быть Вам полезной и оказывать Вам существенные услуги. Но так как опасения со стороны Испании разъяснились,

¹ Русский Архив. – 1880. – Кн.1. – С. 213. Иосиф II – Екатерине II от 16 июля 1774 г.

² СРИО. – Т. 19. – С. 471-475. Ганнинг – Саффолку от 8 августа 1775 г.

а ныне в. в-во уведомили меня о желании получить 20000 человек моего войска, с тем чтобы будущей весной перевезти их в Канаду, я не могу скрыть от в. в-ва, что подобный размер пособий и место его назначения не только изменяют смысл моих предложений, но даже превосходят те средства, которыми я могу располагать для оказания услуги в. в-ву»¹.

Между тем слухи о скором подписании русско-английского оборонительного договора продолжали будоражить европейские дворы. Особенно данным обстоятельством был встревожен мадридский двор, усмотревший прямую связь между «согласием» Екатерины II направить свои войска в Канаду и успехами русских в колонизации Аляски и Калифорнии². Поэтому не случайно, что именно испанский посол в Париже граф Аранда предложил Верженну совместно выступить с заявлением о недопустимости вмешательства России в американские дела³. Однако на столь решительный шаг Верженн не отважился, хотя неофициально он все же дал понять Лондону, что направление русских войск в Новый Свет придаст американским делам совершенно иную политическую окраску, в связи с чем Франция и Испания будут вынуждены послать в Атлантику свои наблюдательные эскадры⁴. Потаенная же цель этой вибрирующей политики

¹ В своем послании английскому королю Екатерина II указывала, что Франция и Испания «не отнеслись бы благосклонно к перевозке в Новый Свет столь значительного иностранного войска», ибо сами они, «по-видимому, не принимали никакого участия в споре английских колоний со своей метрополией. Поэтому призыв народа значительного и столь нового в Америке мог побудить их к вмешательству в это дело. Это, по всей вероятности, отразилось бы волнением в Европе, и театр для всеобщей войны был бы открыт...». СРХО. – Т. 19. – С. 500, 502. Екатерина II – Георгу III от 4 октября 1775 г.

² *Voltes Bou P.* La tradición jurídica del «Consolat de Mar» y la Neutralited Armada de Catalina 11 de Rusia // Documentos y Estudios. Instituto Municipal de Historia. – Barcelona, 1961. – P. 21-22.

³ *Voltes Bou P.* Rusia, Turguia... – P. 70.

⁴ *Voltes Bou P.* La tradición ... – P. 18.

Екатерины II заключалась в том, чтобы, играя на стремлениях Фамильных держав и Англии перетянуть на свою сторону Россию, добиться резкого усиления ее роли в международных делах, а самой императрице стать «арбитром Европы»¹.

Граф Ласи уже в конце октября 1775 г. сообщал, что императрица не намеревается посылать свои войска в Америку. Однако ряд членов Государственного совета, указывая на то, выступает за предоставление Англии военной помощи для защиты Ганновера, Гибралтара и Менорки². О возможности блокирования России с Великобританией на антибурбонской основе писал Верженну и французский посол в Петербурге маркиз де Жуинье³. Кстати, об этом ранее предупреждал свое правительство и де Кабр, подчеркивая, что «если у нас будет война с англичанами, то Екатерина II направит свои корабли и войска против Фамильного пакта для осуществления диверсий на берегах Франции...»⁴.

Единственной же альтернативой «барьерному» курсу был путь установления не только нормальных, но и достаточно теплых отношений с Россией.

Уже осенью 1775 г. по Лондону поползли слухи о том, что Испания и Франция в скором будущем поддержат колонистов⁵. Тогда английский министр иностранных дел Рочфорд, пытаясь любым путем воспрепятствовать вовлечению

¹ СРИО. – Т. 48. – С. 551. Екатерина II – Кайзерлингу от 11 июля 1763 г.

² *Voltes Bou P. La tradicion...*

³ *Voltes Bou P. Rusia, Turguia y la politica de Floridablanca...* – P.69

⁴ СРИО. – Т. 1453. – С. 600. Докладная записка де Карба от 7 апреля 1772 г.

⁵ Эти слухи были порождены письмом, которое американский генерал Ли в сентябре 1775 г. направил генералу Бургойну, в котором он прямо на это указывал. Данное письмо попало в руки английского министра иностранных дел Рочфорда. Он вызвал к себе Масерано для объяснений, и тот вынужден был оправдываться, что эти известия не соответствуют действительности. AGS. Leg. 6991. No. 121.

в конфликт Испании и Франции, от имени английского правительства объявил о готовности подписать договор о взаимных гарантиях на владения в Америке между тремя державами¹. Это предложение заинтересовало испанское правительство, но будучи связанным Семейным пактом с французскими Бурбонами, оно отправило его на рассмотрение в Версаль².

В декабре Рочфорд подтвердил свое предложение о подписании договора, но испанский посол молчал, поскольку не получил никаких распоряжений от испанского правительства, а правительство молчало, ожидая ответа из Парижа. Франция же понимала, что договор о гарантиях более выгоден на данный момент для Англии, чем для держав Бурбонского дома, так как он развязывал ей руки в войне за океаном. И Испанию, и Францию он только сдерживал. Взвесив все эти факторы, к декабрю 1775 г. французское правительство приняло решение: Франция не считает подходящим для себя предложение Англии³. Пока это решение через Испанию достигло Англии, наступил новый, 1776 год и, когда в феврале Рочфорд снова в беседе с Масерано повторил это предложение, тот, согласно инструкции своего двора, дал ему отрицательный ответ⁴.

¹ Кроме того, он попросил его передать испанскому правительству просьбу не выпускать из Кадиса датские суда, груженные товарами для американских колонистов. Испанское правительство, демонстративно подчеркивая свою готовность поддерживать дружественные отношения с Англией, издало циркуляр, направленный во все испанские порты, запрещающий поставки оружия восставшим колониям. AGS. Leg. 6991. No. 121, 122.

² Об этом Гримальди сообщил Масерано в ответном послании на его депешу в ноябре 1775 г., а также в письме к Аранде, в котором говорилось, что если Испания и Франция сумеют выработать единое мнение по этому вопросу, то «испанский король целиком одобряет это предложение». AGS. Leg. 4559, 6991.

³ AGS. Leg. 4602. No. 611.

⁴ AGS. Leg. 6993. No. 183.

Аранда, считая, что отказ со стороны союзных держав развяжет руки Англии и она сможет захватить испанские и португальские колонии, предложил сделать первый ход и объявить Англии войну¹. Но Карл III не одобрил такую поспешность, а Гримальди сразу же отдал Аранде соответствующие указания². В конце июня Аранда встретился в Париже с посланником Франклина Ж. Барбе дю Буром. Тот рассказывал испанскому дипломату о единстве колоний и говорил, что им мешает только «задержка с формальным провозглашением независимости». Он просил от Испании помощи оружием и деньгами. Гримальди снова предостерег Аранду от открытых и решительных действий. «Не стоит доверять этому человеку и открывать ему, помогает Испания колониям или нет». В другом письме он заявляет, что существующий в настоящее время конфликт между Испанией и Португалией не позволяет Испании открыто вступить в противостояние с Англией³. Подобные мысли Гримальди высказывает и в переписке с Верженном. Он подчеркивает, что

¹ Это предложение он настойчиво повторяет и в других своих донесениях этого периода. AGS. Leg. 4602. No. 685. Leg. 4603. No. 806. Leg. 4605. No. 879.

² «Е. В-во находит шаги этого двора (Франции. – *О.В.*) очень своевременными с точки зрения общих интересов Испании и Франции, и потому Е. В-во считает справедливыми шаги, направленные на помощь инсургентам, и с этой целью вам направляется 1 млн. ливров. Но мы не можем позволить себе осуществлять это открыто, но только тайно». АНН. Leg. 4072.

³ AGS. Leg. 4603. Донесение Аранды приводит Ела Утрилья. См.: *Yela Utrilla. España...* – P. 10-12. А в США ждали, когда же начнется война в Европе. Летом 1776 г. Сайлас Дин, американский агент в Париже, сообщал, что «всеобщая война стоит на пороге Европы...». В этом случае Испания, Франция, Австрия и Пруссия окажутся по одну сторону, Англия, Португалия и некоторые германские княжества – по другую. А Россия, близко связанная как с Пруссией, так и с Англией, «окажется хозяйкой положения». *The Revolutionary Diplomatic Correspondance...* – Т. II. – P. 118-119, 148.

Испания готова помогать восставшим, но тайно и через посредничество Франции¹.

В августе 1776 г. в Европе стало известно о провозглашении Континентальным конгрессом Декларации независимости Соединенных Штатов Америки. «Что скажете Вы об этих колониях, которые навсегда прощаются с Англией?» – спрашивала Екатерина II г-жу Бьелке в своем письме ей от 16 сентября 1776 г.² И, судя по утвердительному тону ее вопроса, она не сомневалась в победе американцев. Более осторожную позицию в данном вопросе занимал Н.И. Панин, которого в большей степени волновал международный аспект событий в Новом Свете. В своем докладе императрице от 21 октября 1776 г. он указывал, что «происшедшие между Англией и американскими ее селениями распри, а из оных и самая война, предвозвещают знатные и скорые, по видимому, перемены в настоящем положении европейских держав, следовательно же, и во всеобщей системе. Удастся ли селениям устоять в присвоенной ими ныне независимости или же предуспеет напоследок Англия истощительными ее усилиями поработить их своей власти, что без внутренних тех селений в конец изнеможения рассудительным образом предположено быть не может, но в обоих сих случаях, наверное, считать надлежит, что лондонский двор потеряет весьма много из своей настоящей знатности... и принужден будет сокращать политику свою в теснейших пределах островов своих». В результате бурбонские державы, «а особливо Франция, укоренят свою инфлюэнцию и свою поверхность там, где оныя донныне в пределах умеренности содержаны были противувесием английских сил, что с политическими правилами в.и. в-ва никак согласовать не может». Поэтому он предложил Екатерине II пролонгировать русско-пруссский оборонительный договор от 1764 г., считая, что

¹ AGS. Leg. 4606.

² СРЮ. – Т. 27. – С. 119. Екатерина II – г-же Бьелке от 16 сентября 1776 г.

только сохранение этого альянса в условиях падения роли Англии в международных делах полностью предотвратит опасность «укоренения инфлюэнции» бурбонских держав в европейской политике.

Испания же постепенно выработывала линию своей политики в отношении Англии и ее восставших колоний, которые 4 июля 1776 г. провозгласили свою независимость. Вынужденная подчиниться решению Франции и отказаться от подписания формального договора с Лондоном, она, тем не менее, отвергла курс «кавалерийской атаки» Аранды и начала уже более определенно вести двойную дипломатию. В Лондоне посол Испании регулярно уверял уже нового министра иностранных дел лорда Веймута, «открытого врага Бурбонского дома»¹, о ее миролюбивой политике в отношении Англии, а в Париже Аранда получал распоряжения об оказании тайной помощи инсургентам. 27 июня 1776 г. Гримальди направил ему извещение о том, что американским колонистам предоставлена помощь в размере 4 млн. реалов, что равнялось 1 млн. французских ливров². Эти деньги были использованы восставшими на покупку оружия³.

В то же время 30 ноября 1776 г. Гримальди направляет Масерано указания информировать английское правительство, что ни Франция, ни Испания не видят никакой возможности соглашения с американским конгрессом. В подтверждение своей позиции Испания ужесточила свою политику по отношению к колониям, запретив впускать американские корабли в свои порты⁴. Франция же на самом деле не желала

¹ AGS. Leg. 4605. No. 897.

² AGS. Leg. 4603.

³ Этот пример приводит испанский историк и дипломат Э. Фернандес-и-Фернандес, обосновывая свой тезис о значимости помощи Испании для победы американской революции. *Fernández y Fernández E. Spain's Contribution to the Independence of the United States.* – Washington, 1985. – P. 2.

⁴ AGS. Leg. 6995. Указ подобного рода вышел весной 1777 г. Бранденбург сообщал из Кадиса, что «губернатор получил новое повеление не

придерживаться столь жесткой линии, все более и более открыто демонстрируя доказательства своих симпатий к восставшим. Именно в это время в политике двух держав-союзниц наметились разногласия, пока еще незаметные, но такие, которые через год существенно охладят отношения между ними. Все это прекрасно осознавали лидеры американской революции, когда направляли своих эмиссаров в Париж, куда в середине декабря 1776 г. прибыл один из руководителей Континентального конгресса Б. Франклин. Его визит сразу сделал факт поддержки Францией американских колоний предметом общественного достояния. Масерано передавал из Лондона, что Англия очень опасается, что он сумеет договориться с французами об открытой помощи восстанию¹.

4 января 1777 г. Франклин с еще двумя американскими посланниками С. Дином и А. Ли имел беседу в Версале с Верженном. По его рекомендации они встретились с Арандой, которого просили информировать испанское правительство о том, что Континентальный конгресс хотел бы открыть в Мадриде дипломатическую миссию, подобную той, которая была открыта в Париже². Аранда после этого совещания направил в Испанию срочную депешу, в которой, следуя своим взглядам, настаивал на необходимости сделать шаги навстречу американским колониям и начать войну с Англией³.

впускать никаких чужестранных военных кораблей под каким бы то ни было видом, исключая явные случаи невозможности остаться в море». АВПРИ. Д. 604. Л. 4. А в июле 1777 г., когда в Кадис прибыло американское купеческое судно, испанское правительство запретило продавать американские товары вплоть до получения специального разрешения. Там же. Д. 368. Л. 123.

¹ AGS. Leg. 4605. №. 911, 915. Leg. 6995. № 420.

² The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. II. – Р. 244.

³ «Используя то состояние, в котором находится эта держава, самое время покончить с ней; вряд ли в будущем наступит момент, когда она будет

Получив его послание, Карл III срочно созвал Государственный совет, но его члены высказались против войны с Англией¹, и Гримальди в ответном письме испанскому представителю в Париже пояснил, что «Франция и Испания решили некоторое время обождать», прежде чем они окончательно определятся со своей позицией в отношении североамериканских колоний².

Парижские встречи крайне встревожили английский кабинет: Веймут заявил Масерано, что Англии было неприятно узнать о переговорах Испании и Франции с американцами³. Английский посол в Мадриде также несколько раз настаивал на частных беседах с Гримальди, который каждый раз уверял его, что Испания не только не готовится к войне, но, напротив, сокращает свои вооружения. Очевидно, Гримальди удалось убедить в этом не только английского посла. Зиновьев, который получил распоряжение из Петербурга следить за маневрами Испании, исправно докладывал: «Итак, к будущей весне Гишпания не выведет для обсервации такую эскадру, которая могла бы подать какое-либо подозрение английскому двору»⁴.

На Испанию началось давление с обеих сторон. В конце января 1777 г. из Кадиса Бранденбург направил информацию, что на Мартинику из Филадельфии прибыла «шлюпка под американским флагом» с посланием для французского двора⁵. Это послание, уже на французском фрегате, было доставлено с Мартиники в Кадис, а оттуда с нарочным курьером – в Париж. Похоже, сообщал Зиновьев, письмо касалось

более ослаблена, да и Испания вряд ли будет в лучшем положении, чем сейчас», – писал Аранда. ANN. Leg. 3884. №. 938.

¹ *Fernández y Fernández E. Spain's Contribution...* – P. 3.

² AGS. Leg. 4609. Переговоры Гримальди с Ли рассмотрены подробно: *Allendesalazar J. Apuntes...* – P. 34-35.

³ AGS. Leg. 6996. No. 442.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 3.

⁵ *Там же.* Д. 604. Л. 3.

«до дел бунтующих англинских американцев»¹. А сами «англинские американцы», успешно проведя переговоры с французским правительством, решили встретиться с испанским. 21 февраля Аранда сообщил в Мадрид о желании А. Ли приехать в Мадрид для переговоров². Эта инициатива вызвала переполох при мадридском дворе, поскольку вынудила бы Испанию отказаться от своей линии тайной помощи повстанцам и пойти на открытый конфликт с Англией. Тогда Гримальди попросил одного банкира из Бильбао, Диего де Гардоки, свободно владевшего английским, отправить ответ А. Ли, объяснив в нем причины невозможности приезда в Мадрид последнего³.

В начале марта Гримальди покинул Мадрид, и уже 4-го встретился с Ли в Бургосе⁴. Позиция испанского двора была сформулирована в письме, которое новый государственный секретарь Испании граф Флоридабланка направил Гримальди, прося его довести до сведения американского дипломата, «что судьба колоний трогает нас очень глубоко, и что мы сделаем для них все, что позволят обстоятельства; что значительное вспомоществование уже было оказано им не только из Луизианы, но и тем путем, о котором информирован дон Диего де Гардоки. Подобная поддержка будет оказываться и впредь, и мы передадим вам столько, сколько страна может

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 9. Бранденбург сообщал также, что один французский корабль имел бой с английским и потопил его, но это якобы держится в глубокой тайне. *Там же*. Д. 604. Л. 3.

² AGS. Leg. 4609. No. 971.

³ AGS. Leg. 4609. См. также: *Cava Mesa M.J.* Diego Maria de Gardoqui: un bilbaino en la diplomacia del siglo XVIII. – Bilbao, 1992. – P. 17-18, 24-25.

⁴ Камминс приводит любопытную деталь, указывая, что Гримальди говорил по-французски, а Ли французского почти не знал, поэтому мало что понял. В конце концов Ли заговорил по-английски, а Гардоки стал переводить Гримальди на испанский. См.: *Cummins L.T.* Spanish Observers and the American Revolution, 1775-1783. – Louisiana, 1991. – P. 59.

себе позволить»¹. На словах Гримальди добавил, что пока еще не настало для Испании время: не закончена еще война с Португалией, не вернулся караван из Южной Америки, да и Франция еще не готова. «Вы думаете только о вашем положении, но никак не о нашем», – укоризненно добавил он². Несмотря на то, что переговоры с А. Ли проводились в строжайшей тайне, слухи о них распространились по Мадриду, и в начале апреля Зиновьев сообщал, что испанское правительство обещало английскому послу не принимать Ли в качестве дипломатического агента американского правительства³. Узнав об этих переговорах, английский король Георг III предложил испанской стороне план всеобщего разоружения, который был достаточно категорично отвергнут Флоридабланкой⁴.

Итак, Испания продолжала вести двойную игру. Тайно поддерживая американцев и снабжая их деньгами⁵, она заверяла английское правительство как через Масерано в Лондоне, так и через английского посла в Мадриде, что в данном конфликте она будет соблюдать нейтралитет, несмотря даже на открытые проявления симпатии и явную демонстрацию поддержки колоний со стороны своей союзницы, Франции. Испания официально заявила об отказе начать войну с Англией, а из Мадрида время от времени поступали распоряже-

¹ АНН. Estado. Leg. 3883. Подобное письмо получил и Аранда. Из него стало ясно, что курс нового государственного секретаря несколько не изменился: избегать разрыва с Англией и продолжать направлять тайную помощь для поддержания колоний. «Мы очень рискуем, что Лондонский двор узнает об этом, и вынудит нас вмешаться раньше времени». AGS. Leg. 4610.

² The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. II. – Р. 280.

³ См. об этом: *Пожарская С.П.* О признании... – С. 88.

⁴ *Fernández y Fernández E.* Spain's Contribution... – Р. 4.

⁵ С марта по июнь 1777 г. А. Ли получил от Испании примерно 230 тыс. французских франков (*Ibid.* – Р. 4.). А в сентябре 1777 г. Флоридабланка сообщал Аранде, что Гардоки снаряжает корабль для оказания поддержки американским колониям. AGS. Leg. 4611. No. 1113.

ния, запрещавшие вход американским судам в испанские порты. Зиновьев в донесении в Петербург от 29.5/9.6.1777 г., анализируя позицию испанского двора по отношению к конфликту в Северной Америке, пожалуй, впервые отчетливо формулирует тезис о том, что с приходом Флоридабланки меняется политический курс Испании, что она начинает проводить более независимую от Франции политику. «Здесь не предпринимают никаких шагов, которые могли бы свидетельствовать об открытом разрыве в Европе... но не следует думать, что здесь признают систему пасификации, принятую 2 года назад Гримальди. Флоридабланка, без сомнения, не следует всем идеям своего предшественника, пытаясь вырваться из-под влияния Франции, желая, чтобы все решалось в отношениях между двумя дворами. Несмотря на краткость его пребывания у власти, Европа скоро станет свидетелем активной Испании, действующей самостоятельно, без посредничества»¹. Зиновьев считает это важной информацией для российского правительства, поэтому и в последующих донесениях не раз подчеркивает, что Флоридабланка «отвергает систему г-на Гримальди, которая следовала за политикой французского двора и была направлена на то, чтобы поддерживать, если не открыто, то косвенным путем английских колонистов»².

¹ В доказательство своей позиции он приводит пример: «Я уже писал в пр-ву, что некий депутат был направлен американским конгрессом к королю Испании. Этот человек, вне сомнения, находится за пределами королевства, поскольку маркиз де Гримальди, встретившись с ним в Бургосе, сообщил о нем двору, и, здесь считают, что его попросили немедленно покинуть страну. Этот шаг свидетельствует о той линии, которой Испания предполагает придерживаться относительно английских колоний и их метрополии». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 100-101.

² «Можно, думаю, быть уверенным, что г-н де Флоридабланка никоим образом не будет их поддерживать. Поставки товаров из порта Бильбао и сбор средств, произведенный там для конгресса, являются лишь торговыми сделками, к которым правительство непричастно никоим образом». Там же.

Атмосфера накалилась в апреле 1777 г., когда Франклин сделал Аранде следующее предложение: «Если Его Кат. В-во примет участие на стороне Соединенных Штатов против Англии, то они (США. – *О.В.*) помогут Испании получить порт и город Пенсаколу при условии, что Соединенные Штаты будут обладать правом свободной навигации по Миссисиппи и входа в порт Пенсакола»¹. Тут же из Лондона Масерано направил Флоридабланке конфиденциальное письмо, в котором передал обеспокоенность Англии тем, что Флоридабланка настроен принимать участие в судьбе американских колоний, что он постоянно снабжает деньгами А. Ли и что, узнав о предложении Франклина, он тут же примет его в Мадриде. Однако испанский премьер решил не принимать Франклина, а Масерано в следующем, уже официальном послании пишет, что Англия благодарна Испании за то, что та отказалась встретиться с делегатами конгресса². Возможно, это решение зависело еще от одного фактора: 11 апреля 1777 г. Масерано сообщил, что по Лондону снова пошли слухи, что на стороне Англии готова выступить Россия³.

Вопрос об участии в конфликте России вставал не впервые. Первое сообщение пришло об этом от Масерано еще в сентябре 1775 г. Он писал, что Россия предложила свою помощь Англии в обмен на то, что та поможет России укрепить ее позиции в Калифорнии⁴. 22 сентября французский посол в Лондоне Жёнэ информировал об этом свое правительство⁵. В тот же день из Парижа в Мадрид сообщение подобного характера направил Аранда, добавив, что переговоры об этом ведутся в строжайшем секрете⁶. Через пару

¹ АНН. Leg. 3884. Это письмо приводит Ела Утрилья. См.: *Yela Utrilla. España...* – Т. II. – P. 94-95.

² AGS. Leg. 6996. Leg. 6997. No. 511.

³ AGS. Leg. 6996. No. 493.

⁴ AGS. Leg. 6991. No. 283.

⁵ AGS. Leg. 4599.

⁶ AGS. Leg. 4599. No. 542.

дней он посылает более подробное донесение, в котором перечисляет мотивы, по которым Россия могла бы пойти на союз с Англией. Одним из таких мотивов, по мнению Аранды, было стремление России получше узнать Америку, чтобы позднее закрепиться там так же, как русские обосновались в Калифорнии. «Англии, – писал он, – Россия крайне необходима: ей не хватает солдат, а именно в этом Россия может ей помочь»¹.

Возможный союз России и Англии задевал интересы всех пока не воюющих сторон, а потому Гримальди разослал своим представителям в Лондоне и Петербурге указание получить по этому вопросу подробные разъяснения². Масерано тут же отправился к Рочфорду, но получил уклончивый ответ, который навел испанского посла на мысль, что альянс все-таки состоится, и 29 сентября он посылает в Мадрид сразу две депеши о возможности подписания союзного договора между Россией и Англией³.

9 октября 1776 г. Гримальди из Эскориала направляет письмо Масерано, в котором подтверждает подозрения о позиции России, на которое тот отвечает, что все его попытки подтвердить факт участия России закончились провалом⁴. 23 октября Верженн передает в Мадрид полученные им сведения: оба двора, лондонский и петербургский, пытаются возобновить союзный договор, целью которого будет отправка 20-тысячного корпуса русских на помощь английским войскам в Америке⁵. В середине ноября Аранда получил два зашифрованных письма от испанского посла в Петербурге графа де Ласи, в котором тот подтверждал, что Англия про-

¹ AGS. Leg. 4559. No.

² Письмо Ласи в Петербург было направлено через Аранду // AGS. Leg. 6991. No. 83.

³ AGS. Leg. 6991. No. 89, 94, 95.

⁴ AGS. Leg. 6991. Депеша Масерано от 27 октября 1776 г. AGS. Leg. 6991. No. 115, 117.

⁵ AGS. Leg. 4600.

сила помощи у России, и эту ее просьбу поддерживает князь Потемкин, а также от Масерано, который сообщил, что Рочфорд выступает против союза с Россией¹. Аранда не замедлил встретиться с Верженном, который направил полученные сведения Жине в Лондон и Оссуну в Мадрид. Он считал, что позиция Рочфорда обусловлена тем, что он в целом был сторонником мирной политики в отношении колоний².

Оссун сообщил Гримальди, что Россия для помощи англичанам собирается направить 20 тыс. солдат в Бостон. Испанское правительство передало эту информацию американцам, добавив, что информирует их, как только русские пройдут Босфор³. К концу декабря этот вопрос, так обеспокоивший ведущие дворы Европы, наконец, прояснился. Ласи сообщил из Петербурга о разрыве договора между Россией и Англией: Екатерина II направила Георгу III письмо, в котором заявляла об отказе принять в нем участие. Вскоре после этого Масерано подтвердил эту новость из Лондона⁴. Британский двор, опасаясь, что русские сумеют обосноваться на северо-восточном побережье Америки так же, как они это сделали на Аляске, перестал настаивать на сотрудничестве с Петербургом. 10 января 1776 г. Верженн сообщил Оссуну, что «теперь отпадает необходимость в сотрудничестве с испанцами для того, чтобы следить за морскими передвижениями русских»⁵.

Вторая волна слухов об участии России пришла на апрель 1777 г. Уже через месяц Масерано сообщил, что слухи эти – ложные⁶, но Флоридабланка был крайне обеспокоен этими сообщениями и в начале июля во время приема он от-

¹ AGS. Leg. 4559. No. 573.

² AGS. Leg. 4600.

³ Эти документы приводит Э. Бирман. См.: *Beerman E. España y la independencia de Estados Unidos.* – Madrid, 1992. – P. 20.

⁴ AGS. Leg. 4599, 6993. No. 169.

⁵ AGS. Leg. 4603.

⁶ AGS. Leg. 6997. No. 590.

вел Зиновьева в сторону для беседы. Флоридабланка стал горячо убеждать Зиновьева в перспективе русско-испанских отношений, заявив ему, что императрица просила Ласи передать в Мадрид, что она очень довольна информацией Зиновьева о его первой встрече с новым министром, и, направляясь в Царское Село, велела подобрать ей бумаги по русско-испанским отношениям. «Должен добавить, что отношение ко мне этого министра становится изо дня в день более дружественным и более открытым... Я предпринимаю все возможные усилия, чтобы культивировать доброе ко мне отношение этого министра и показать ошибочность идей его предшественника относительно политики нашего двора. Думаю, мне будет легко убедить его, если он еще не убедился в этом сам, что взгляды г-на Гримальди на наш счет имели не больше оснований, чем бурные и абсурдные спекуляции его идеала, г-на де Шуазеля»¹.

В начале августа 1777 г. Ласи доносил из Петербурга, что «Я не сомневаюсь в том, что царица не имеет никакого расположения к Англии, столкновение которой с колониями способствует увеличению русской торговли и русского экспорта. Я стараюсь выяснить позицию России на случай нашей войны с Англией. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что истинной русской системой будет полный и твердый нейтралитет»².

¹ АВПРИ. Д. 368. Л. 114-115.

² *Soler A.M. Die spanisch...* – S. 86-87. Ласи – Флоридабланке от 5 августа 1777 г. В сентябре-октябре 1777 г. Лондон снова наполнился слухами об участии в конфликте русских и датских войск. AGS. Leg. 6998. No. 10, 20. Но, очевидно, это был всего лишь отголосок прошедших событий. В Париже об этом ничего не слышали, и, в отличие от событий двухлетней давности, Аранда ничего не сообщал. В декабре и Масерано опроверг эту информацию. AGS. Leg. 6998. No. 44. Мало что изменилось в политике России и с прибытием в Петербург Харриса. Ласи сообщал в Мадрид, что «не проходит и дня, чтобы английский министр не указывал на мощь и амбиции бурбонских дворов. Но я не вижу, чтобы его агитация имела успех...». *Soler A.M. Die spanisch...* – S. 89. Ласи – Флоридабланке от 9 ап-

Именно в этот период начинаются расхождения в политике Испании и Франции по отношению к американской революции. Франция все более и более открыто начинает поддерживать колонии, а Испания напротив демонстрирует понимание политики метрополии, и Зиновьев замечает, что недовольство Великобритании Францией «из-за торговли американских арматеров» наводило на мысль, что это может привести к острому противоборству между двумя державами, но в последнее время ситуация начала меняться. Английский посол в Мадриде получил указание потребовать от Испании закрыть для «арматеров» свои порты. «Какими бы излишними ни казались Испании представления английского двора, она ответила на них самым удовлетворительным образом», хотя после начала войны с колониями Испания действовала очень осторожно и, оказывая только тайную поддержку, она ограничивала сделки своих купцов, так чтобы они не давали никакого повода для беспокойства Англии. Все это, по мнению автора донесения, доказывало, насколько тщательно Испания избегает всего, чтобы могло бы нарушить этот мир¹.

В декабре 1777 г., когда Франция приняла решение подписать договор с американскими колониями, расхождение между двумя державами Бурбонского дома достигли

реля 1778 г. Действительно, в мае 1778 г. Н.И. Панин поставил Харриса в известность о том, что императрица «считает существующую обстановку совершенно неподходящей для заключения союза между двумя дворами. *Болховитинов Н.Н.* Россия... – С. 33. Н.И. Панин – Харрису от 17 мая 1778 г. ¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 135-136. «Хотя английские колонии имеют своих агентов при многих дворах Европы, лишь немногие знают, что такие же есть у них и в Мадриде. Я сам узнал об этом совершенно случайно. Я точно узнал, что Один из самых богатых торговых домов Бильбао занимается здесь переговорами с колониями и взял на себя сбор средств для Конгресса. Крупные торговцы Мадрида уже взяли на себя обязательства о предоставлении 800 тыс. французских ливров». Это донесение приводит *Пожарская С.П.* О признании... – С. 87.

своего апогея. Это решение оставалось тайной, но отношения между дворами начали «скрипеть». В это же время российский дипломат сообщает и о завершении испано-португальского конфликта и о возможности сосредоточения испанских интересов на делах североамериканских колоний.

Флоридабланка в письме от 23 декабря 1777 г. еще раз повторяет Аранде, который всем своим сердцем был на стороне американских колоний¹, что испанский король готов защищать их и помогать им, но не желает иметь с ними каких-либо отношений, которые могли бы его скомпрометировать. Кроме того, он против войны с Англией, результаты которой могут быть для Испании совсем неоднозначны. Предчувствуя, что активность Аранды может пойти слишком далеко, министр напоминает ему, что он в Париже является представителем интересов Испании и должен следить за каждым шагом Франции, направленном против Испании. Флоридабланка пошел и дальше: он обвинил французский двор, что тот провоцирует войну с Англией, не предупредив свою союзницу и не дав ей возможность к этой войне подготовиться².

Испанский министр немного кривил душой: неготовность Испании к войне не была главной причиной разногласий. Она заключалась в другом – Испания, как и ранее, не была уверена в политических результатах этой войны – стоит ли ввязываться в драку, когда можно спокойно обождать в стороне. Тем более, ее вооружения были не так уж и плохи. После окончания кампании против Португалии, частью пехотных полков укомплектовали морские батальоны, выделили дополнительные суммы на строительство новых кораблей.

¹ Аранда даже написал специальное письмо Флоридабланке, в котором объяснял министру в причине их политических разногласий по поводу вступления Испании в войну против Франции. AGS. Estado. Leg. 4614. S/f. Paris.

² AGS. Leg. 4614.

«По рассуждению морского министра, – писал Зиновьев, – Гишпания в состоянии будет, если нужда потребует, вывести в море будущим летом до 20 линейных кораблей»¹. Франция отвечала Испании той же монетой. Если Флоридабланка критиковал Верженна за эгоизм и неосмотрительность, то последний заявил Аранде, что испанская политика в тот самый час, когда надо немедленно выступить на стороне колоний, является нерешительной и трусливой. Флоридабланка не остался в долгу и обвинил французский двор в потере нескольких испанских колоний, в частности Флориды². Нагнетание напряженности почувствовали и в Лондоне. Веймут вызвал испанского временного поверенного в делах в Лондоне Эскарано³, и тот поклялся ему, что Испания в столь сложной для Англии ситуации никогда не начнет с ней войну⁴.

А в феврале 1778 г. по Лондону, который жил в обстановке вечной подозрительности, снова пополз слух: на этот раз о том, что Франция подписала договор с североамериканскими колониями. Слух этот подтвердился. Аранда сообщил об этом из Парижа Флоридабланке еще 9 февраля⁵. Заговорили о том, что к Франции присоединится Испания, которая успешно закончила военную кампанию против Португалии и

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 1-2. Эти же сведения подтверждались из Кадиса. «С сегодняшнею почтою получено от Двора повеление снабдить эскадру всем потребным». Для формирования эскадры в 40 линейных кораблей были направлены суда из Фероля и из Картахены и заготовлены припасы на 6 месяцев. «Вообще здесь все опасаются войны», – докладывал русский консул 20 февраля 1778 г. *Там же*. Д. 606. Л. 3.

² AGS. Leg. 4164.

³ Масерано в сентябре 1777 г. вернулся в Испанию, пробыв в Лондоне более 14 лет, но по пути домой в Барселоне внезапно умер. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 162.

⁴ AGS. Leg. 6998. No. 51.

⁵ AGS. Leg. 7000. No. 101. Это донесение Флоридабланка получил 23 февраля 1778 г., так что к концу месяца ситуация для Испании стала совершенно очевидной.

теперь только ждет груза, который должен прибыть в апреле из Нового Света¹.

17 марта английский посол покинул Париж, а 19-го французский – Лондон². Флоридабланка в ответ на это потребовал, чтобы Эскарано незамедлительно просил встречи с Веймутом и объявил ему следующее: подписание договора между Францией и колониями стало для него неожиданностью; испанский же двор еще раз подтверждает свое невмешательство в конфликт³.

22 марта Флоридабланка имел беседу с Зиновьевым, во время которой пытался убедить российского дипломата, насколько его король был далек от мысли о войне, и повторял, что он сам никогда не подаст Е. В-ву иных идей, кроме мира и спокойствия. Министр признался Зиновьеву, что с тех пор, как взял дела в свои руки, он размышлял о нескольких проектах на благо Испании, которые никак не совпадали с идеей войны. А то, что Испания содержит в настоящее время эскадру, готовую поднять паруса при первой необходимости, говорит только о том, что она стремится обеспечить собственную безопасность. «Я далек от мысли, – завершал свой рассказ об этой беседе Зиновьев, – слепо верить всем заверениям г-на Флоридабланки, однако мое знание ситуации и нынешнего кабинета позволяет утверждать, что, хотя Франция делает все возможное, чтобы склонить здешний двор, чтобы он разделял ее взгляды, это ей вряд ли удастся»⁴.

¹ Письмо А. Ли в Комитет по иностранным делам, Париж, 10.2.1778 г. // *The Revolutionary Diplomatic Correspondence...* – Т. II. – Р. 491.

² AGS. Leg. 7000. № 119, 122.

³ AGS. Leg. 7000. Пардо, 30.3.1778.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 32-33. А в это время в Париже посол Пруссии барон де Гольц попросил аудиенцию у Верженна. Он предложил Франции помощь своей страны в войне с Англией и пообещал обеспечить нейтралитет России. AGS. Leg. 4616. No. 1255. Донесение Аранды Флоридабланке, Париж, 19.3.1778.

26 марта курьер Аранды привез сообщение в Мадрид о заключении договора о торговле и дружбе между Францией и США. «Общее мнение здесь таково, – наблюдал Зиновьев, – что, если Франция еще формально не объявила войну, то происходит это потому, чтобы создать лучшие условия для оказания давления на Испанию... Создается впечатление, что Испания сохранит мир и вступит в войну лишь тогда, когда будут затронуты ее реальные интересы»¹. Через неделю в подтверждение своей информации о невмешательстве Испании в конфликт он сообщает, что французский посол пытается добиться от Флоридабланки согласия, но «бессмысленно тратит время». Зиновьев сам пытался встретиться с министром, поскольку «г-н Флоридабланка в настоящий момент является единственным, способным оказывать влияние на состояние дел, и, следовательно, все зависит от него, тем более что он пользуется полным доверием короля и приобретает расположение принца и принцессы», но, так как он «ведет замкнутый образ жизни, почти нет возможности увидеть его в свете, чтобы получить от него какие-нибудь известия». Поэтому дипломат отправляет пока информацию, услышанную при дворе: все другие послы сходятся во мнении, что для Испании было бы ошибочно принимать чью-либо сторону в нынешних обстоятельствах².

На место Масерано, который пробыл в Лондоне около 15 лет, был назначен новый посол. Им стал маркиз де Альмодовар, бывший посланником в России, а затем послом в Португалии³. В начале мая он приехал из Лиссабона, а через месяц уже отправился в путь. В отношении английского курса инструкции ему остались прежними. Единственное, что

¹ И просит Панина направить ему указания, какой линии поведения придерживаться в изменившихся условиях. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 38-39.

² Там же. Д. 380. Л. 44-45.

³ Об этом Зиновьев сообщал еще в декабре 1777 г. Там же. Д. 368. Л. 172.

узнал Зиновьев нового: Флоридабланка наказал ему, если во Франции ему станут делать «некоторую откровенность», о возможности примирения воюющих сторон, он бы сразу согласился¹. Испания решила теперь взять на себя новую роль – роль посредницы и получить от Англии то, что она могла бы получить, вступив в войну на стороне Франции². За это она рассчитывала вернуть себе Гибралтар, Менорку и Флориду и ликвидировать британские поселения в Гондурасе.

Эту позицию испанского двора и изложил Альмодовар при своей первой встрече с Веймутом. Он добавил также, что Испания будет придерживаться нейтралитета, и доказательством нежелания Испании вступать в союз с Францией и помогать инсургентам может служить отказ испанского правительства принять А. Ли³. Испанский посол от имени своего правительства выдвинул британскому кабинету основное условие «медиации»: возврат Гибралтара⁴.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 86. Это донесение цит.: *Пожарская С.П.* О признании... – С. 88.

² Характер отношений Испании с воюющими сторонами отразился и на положении их представителей в Мадриде. Вот что пишет об этом Зиновьев: «Милорд Грантэм продолжает быть довольным поведением графа Флоридабланки, ...а инфлюенция посла французского... нимало не прибавляется» (АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 86-87). Французский посол в Мадриде сменился еще в ноябре 1777 г. Д'Оссун покинул Мадрид, а на его место приехал Монморен, положение которого из-за того, что именно в это время началось охлаждение между державами Бурбонского дома, оказалось довольно щекотливым. Верженн направил ему инструкции «прилежно убеждать здешней двор и требовать от министерства категорического ответа», подразумевая, что он будет положительным, а Флоридабланка столь же категорически этот положительный ответ дать отказывался. *Там же.* Д. 380. Л. 94. Аранхуэс, 26.6/7.7.

³ AGS. Leg. 7021. No. 2. 17.7.78. No. 12. 31.7. 78.

⁴ И это сумел заметить проницательный Зиновьев: «Чем далее происходит разрыв между Англией и Францией, тем более нетерпеливо интересуются, как будет вести себя здешнее правительство. Один из вопросов – о Гибралтаре. Высказывается мнение, что в настоящее время нет повода

«В целом в настоящее время многое зависит от переговоров, которые ведет г-н Альмодовар в Лондоне», – сообщал Зиновьев в конце августа 1778 г.¹ Переговоры эти оказались довольно длительными². Аранда, который был в курсе этих переговоров, убеждал своего министра, что эта политика – ошибочная, что следует отказаться от посреднической миссии и начать войну. Но Флоридабланка продолжал вести начатую линию и наказывал Аранде не доверять предложениям, которые Франция делает Испании в случае вступления последней в войну, поскольку «это государство беспокоится только о своих собственных интересах»³. В ответ на это послание министра Аранда 17 сентября написал, что если Испания поможет Франции и колониям выиграть у Англии ближайшую кампанию, то Франция гарантирует Испании Гибралтар и Маон, но Флоридабланка снова повторил, что не

более важного для вступления в войну» (АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 102. Мадрид. 26.7/6.8). Это его свидетельство, кстати, достаточно важно, поскольку среди исследователей существуют разные мнения о том, что представляло для испанского правительства в то время вопросы перво-степенной важности. Каммингс, например, считает, что ему в той же степени были важны и вопросы Гондураса, Террановы, Флориды. *Cummins L.T. Spanish Observers...* – P. 67.

¹ И прежде всего вопрос о том, вступит ли Испания в войну. В конце августа «наконец, французский двор получил от Испании финансовую поддержку в размере 700 тыс. пиастров, и г-н де Монморен выглядит счастливым, впервые выполнив поручение своего двора. В течение нескольких дней бродят также слухи, что в Фероле вооружают 6-7 линейных кораблей, которые прибыв в Кадис сформируют с тамошними эскадру, на которую погрузят 4 тыс. человек. Говорят также, что на одном из королевских советов морской министр привел расчеты, показывающие, что война будет разорительна для Испании. Верны эти расчеты или нет, сказать трудно, но можно видеть, насколько это правительство готово защищать интересы Франции». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380 Л. 109, 110-111.

² См. донесения Альмодовара Флоридабланке от 31.7, 13.9, 18.9, 5.10 и 29.10.1778 г. AGS. Estado. Leg. 7021.

³ AGS. Leg. 4614.

рассчитывает на обещания Франции¹. Излишняя самостоятельность и упрямство Аранды все более и более раздражали испанского премьера, который сам обладал крайне независимым характером и не любил следовать чьим-либо суждениям. Разногласия между ними обострились настолько, что это стало заметно при дворе. «С некоторых пор, – писал Зиновьев, – между Флоридабланкой и Верженном наладилась прямая переписка, и, полагают, некоторые из обсуждаемых проблем неизвестны г-ну Аранде, чье поведение, а именно то, что он торопит события, что, по мнению министра нежелательно, раздражает Флоридабланку. Прошел даже слух, что Аранда под предлогом нездоровья попросил разрешения уехать в свой родной Арагон»². Но дело до отставки не дошло. У Аранды, кроме прочих, было одно достоинство – он обладал огромными связями при французском дворе, где к нему относились с безоговорочным доверием, и менять своего представителя в столь напряженный момент Флоридабланка просто не мог себе позволить³.

А переговоры в Лондоне продолжались с большим трудом⁴. В феврале Англия выдвинула условие – не касаться во-

¹ Письмо Аранды от 17.9.78 и ответ Флоридабланки из Сан Ильдефонса от 29.9.78. AGS. Leg. 4614. Об этих переговорах с Францией сообщал и Зиновьев в Петербург. См.: *Пожарская С.П.* О признании... – С. 90.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 275.

³ Эти связи и доверительные отношения Аранды также настораживали Флоридабланку, и он не раз писал своему посланнику, что «не следует слишком доверять людям, которые вас окружают, следует сохранять в строжайшем секрете все вопросы, по которым идет наша переписка». AGS. Leg. 4614.

⁴ В конце декабря Аранда в беседе с Верженном высказал уверенность, что Англия будет тянуть с ответом на предложение испанского короля. Так оно и оказалось. В январе 1779 г. Альмодовар сообщал из Лондона, что он так и не получил ответа, а Зиновьев информировал Петербург, что переговоры Альмодовара вряд ли будут продвигаться вперед, а потому Испании придется оказать Франции поддержку в пределах Фамильного

проса о независимости колоний¹. 16 марта Альмодовар направил официальный ответ. Англия действительно потребовала отдельно рассматривать два вопроса: о войне с Францией и о судьбе колоний². Этого, похоже, и добивался испанский двор. 3 апреля Флоридабланка направляет ответ, который прозвучал как ультиматум: совместные переговоры о Франции и о колониях³, а 12 апреля Испания секретно подписывает договор с Францией⁴. Соглашение подразумевало помощь Франции в возврате Испанией Гибралтара и Менорки, Флориды и ликвидации британских поселений в Центральной Америке. Испания вступала в войну на стороне Франции, которая не имела права подписывать мир с Англией, пока Испания не возвратит себе Гибралтар⁵. С.П. Пожарская специально обращает внимание на то, что Испания воздержалась от признания независимости США⁶. В середине апреля послание Флоридабланки было получено в Англии:

пакта. AGS. Estado. Leg. 4641; Leg. 7021. № 143. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 381. Л. 4-5.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 381. Л. 15.

² AGS. Estado. Leg. 7021. № 152, 159. См. также: *Allendesalazar J. Apuntes...* – P. 41-42.

³ AGS. Estado. Leg. 7021. Эти переговоры держались в таком строжайшем секрете, что Зиновьев узнал о них от английского посла только в июне. Согласно версии Грантама, его двор предложил некоторые смягчения в вопросе о независимости Америки, но Франция не только их отвергла, но и выдвинула свои прежние претензии. А Испания предложила такие условия, которые были полностью неприемлемы. Зиновьев не выразил никакого сомнения, что это был вопрос о Гибралтаре. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 381. Л. 41.

⁴ Момент был выбран подходящий: успел вернуться караван из Вера-Круса, так что нападения на него со стороны Англии уже можно было не опасаться.

⁵ А США по договору с Францией обязались не заключать сепаратного мира с Англией. Поэтому, как заметил С. Бемис, успех американской революции зависел от того, вернет ли Испания или нет ту «грудку камней, которая называется Гибралтар». *Bemis S.F. Diplomacia...* – P. 34.

⁶ *Пожарская С.П. О признании...* – С. 90.

Альмодовар сделал последнюю попытку, но ультиматум был отвергнут¹.

21 июня 1779 г. Испания официально объявляет войну Англии². Ситуация, сложившаяся в результате, оказалась достаточно курьезной: Франция признала независимость США, но не объявила войну Англии, хотя начала против нее военные действия, Испания, с точностью наоборот, объявила войну Англии, но не признала независимость США. 22 июня эскадра под командованием Кордовы вышла из Кадиса³. Все сухопутные войска, которые остались в Андалусии, в количестве 10 тыс. человек были переправлены в Сен-Рок. Туда же из Севильи были отправлены все военные припасы. В Кадисе было обнародовано запрещение «под страхом лишения жизни» иметь переписку с Гибралтаром. Там же были арестованы один английский капер и два купече-

¹ В ответ на реакцию английского правительства 4 мая Альмодовар направил в Мадрид информацию о необходимости готовиться к войне, а в конце мая покинул Лондон. Флоридабланка отправил письмо Аранде, в котором объяснял, что главной причиной поведения двора за последнее время было желание оказать давление на Францию. Аранда в подтверждение своих взглядов тут же привел причины, по которым Англия никогда не согласится на посредничество Испании, и что затягивание ею переговоров может оказаться губительным для Испании, которая упустит время для вступления в войну. AGS. Leg. 4614. Leg. 7021. № 190.

² «Е. В-во повелевает пресечь всякую коммерцию с Англиею, и сие служить будет объявлением войны», – сообщал Зиновьев (АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 381. Л. 44-45), в свою очередь, А. Ли писал на родину, что после объявления войны мнения в палате общин английского парламента разделились: одни выступали за немедленное заключение мира, другие – за переброску всех войск из Америки, чтобы противостоять Бурбонскому дому. *The Revolutionary Diplomatic Correspondence...* – Т. III. – Р. 229.

³ Бранденбург еще 28 мая сообщал из Кадиса, что курьер привез командующему эскадрой генералу Кордове пакет с повелением, «чтобы он, нимало не медля, выступил со всеми кораблями под командой его находящимися». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 608. Л. 3.

ских судна. Из Картахены вышла эскадра под командованием генерала Барсело, начавшая блокаду Гибралтара¹.

Поворот в политике Испании от нейтралитета к войне, разумеется, нельзя рассматривать только как следствие французского давления. Прежде чем принять это решение испанские политики глубоко проанализировали военно-политическое положение Англии, общеевропейскую ситуацию, а самое главное – состояние англо-русских отношений. И, можно без преувеличения сказать, что правительство Карла III вряд ли отважилось бы вступить в войну с Англией, не имея твердых гарантий, что Россия не придет на помощь своему «естественному» союзнику. В этом отношении очень важное значение для испанских политиков имело заключение Айналы-Кавакской конвенции и сообщения о реальности скорого примирения Австрии с Пруссией.

По свидетельству Норманде, представлявшего интересы Испании в России после отъезда Ласи на родину, реакция русского двора на вступление Испании в войну с Великобританией была спокойной и вполне приемлемой для Мадрида. «Императрица и ее министерство, – писал он, – демонстрируют абсолютную беспристрастность по отношению к нашему английскому курсу. Они говорят, что британский кабинет принес в жертву свой народ ради собственных амбиций. Они отдают должное позиции Франции, которая желала достойно выйти из войны, согласившись принять посредничество короля (Карла III. – *О.В.*)»². Однако ситуация была сложнее, чем это виделось испанскому послу, Екатерина II говорила Харрису: «Я всегда была и всегда останусь истинным другом Англии. Испания предъявляет на вас сотни жалоб, но еще не

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 608. Л. 8-9.

² *Schop Soler A.M. Die spanisch...* – S. 91. Норманде – Флоридабланке от 9 июля 1779 г.

доказала ни одной из них. Враждебный образ действия этого двора крайне меня поражает»¹.

Осенью испанский флот начал блокаду Гибралтара. Бранденбург, находившийся все это время в Кадисе, постоянно направлял в Петербург информацию непосредственно с места событий².

Недовольство императрицы Мадридом, вероломно нарушившим нейтралитет, во многом определялось ее беспокойством за судьбу Великобритании, которое подогревалось внушениями английского посла о нависшей над его страной угрозой поражения. Так, по словам Норманде, Харрис постоянно твердит о том, что «объединенные силы Испании и Франции превосходят английские на всех морях и это превосходство неизбежно приведет к уничтожению британской мощи»³. Поступавшая же в Петербург информация о попытке Фамильных держав захватить Плимут и о начале осады Гибралтара придавали его словам оттенок достоверности⁴. В результате у Екатерины II возникло сомнение в возможности Англии оказать достойное сопротивление ее противникам, что в итоге могло бы привести к изменению баланса сил в Европе в пользу бурбонского блока. А это, как известно, полностью противоречило ее видам. Поэтому в начале августа 1779 г. императрица направила Н.И. Панину записку, в

¹ Русский Архив. – 1874. – Кн. 2. – С. 158. Харрис – Веймуту от 12 июля 1779 г.

² «Англичане, видя, что пальба их против испанцев мало успеваает, отчасти оную прекратили, а особливо, когда усмотрели, что гишпанцы оставались спокойны, и по вернейшим известиям, казалось располагались отложить нападение на город до будущей весны, довольствуясь только содержать город взаперти с моря, дабы не пропустить в него никаких съестных припасов». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 608. Л. 15.

³ *Schop Soler A.M. Die spanisch...* – S. 91. Норманде – Флоридабланке от 9 июля 1779 г.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 381. Л. 161. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину от 18 октября 1779 г.

которой указывала на то, что «положение настоящих дел английских и воображаемое Бурбонских домов возвышение... для наших интересов не выгодно, а потому обязаны мы стараться упреждать подобное происшествие. Но как к тому могут быть удобные средства, и какое в деле сем поведение нам избрать для собственной нашей пользы и на самые отдаленные времена приличествует. Я желаю иметь мнение Ваше, господина вице-канцлера и прочих членов секретной экспедиции Коллегии иностранных дел, которых и ожидаю»¹.

Во исполнение указа императрицы Н.И. Панин составил пространный доклад, который был заслушан и утвержден на заседании Коллегии иностранных дел 11 августа 1779 г.² Н.И. Панин весьма скептически относился к мнению о возможности захвата испанцами Гибралтара и Менорки. Развивая подобной аргументацией тревогу Екатерины II за судьбу «владычицы морей», он одновременно высказал и мысль о том, что никакой катастрофы с Англией не произойдет, даже если она и «расстанется» со своими американскими колониями. Императрица полностью согласилась с данной точкой зрения своего канцлера. Поэтому на все слезные призывы Харриса спасти Англию от «бурбонского рабства», как и на личную просьбу Георга III провести силами русского флота демонстрацию в поддержку Великобритании, императрица отвечала вежливым, но твердым отказом³.

Ничего хорошего не ожидала Великобритания и от Испании, одной эскадры для осуществления блокады оказалось мало, и тогда на помощь этой, расположившейся между Малагой и Сеутой, была направлена еще одна под командовани-

¹ См.: АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела (Далее – ВКД). Д. 822. Л. 68; АВ. – Кн. 34. – С. 388.

² АВПРИ. Ф. Секретные мнения Коллегии иностранных дел. Д. 597. Л. 100-114; АВ. – Кн. 34. – С. 388-405.

³ Русский Архив, 1874. – Кн. 2. – С. 181-182. Георг III – Екатерине II от 5 ноября 1779 г.

ем Лангары, которая закрывала вход в пролив со стороны Кадиса. Оба командующих получили приказ захватывать все корабли, проходящие через пролив, как с одной, так и с другой стороны, отводить их в Кадис, Малагу или Алхесирас, продавать с них все съестные припасы, а вырученные деньги отдавать консулу каждого государства. В подобную ситуацию попали и два российских торговых судна, прибывших с грузом хлеба из Архангельска под голландским флагом. Они направлялись в Италию, но были задержаны в Кадисе. «Сие определение причиняет вред нейтральному мореплаванию вообще, – докладывал Бранденбург, – ...а как двор гишпанский продолжает захватывать корабли, идущие через пролив, то коммерция и кораблеплавание между севером и Средиземным морем вовсе будет пресечена». Прежде всего, его, конечно, беспокоила российская торговля. «А понеже произрастании российские составляют немалую ветвь торговли в Средиземном море, то российской коммерции немалый ущерб от того произойдет»¹. Зиновьев также докладывал, что испанские власти постоянно задерживают нейтральные суда².

После вступления в войну с Англией Карл III издал 1 июля 1779 г. «Каперский устав», в основе которого лежало правило, гласившее, что «под нейтральным флагом неприятельский груз конфискуется»³. А в июле король объявил Гибралтар «блокированным портом», что практически закрыло нейтральным судам вход в Гибралтарский пролив⁴. Во исполнение этих указов испанские арматоры начали без раз-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 608. Л. 16-18.

² Уже в конце августа Зиновьев сообщает о задержании в Кадисе шведского военного фрегата, 6 сентября – о захвате датского судна, а в конце декабря о том, что эти задержания становятся регулярными. Там же. Д. 381. Л. 131, 137, 223. См. об этом подробнее: *Mulhacén, marqués de. Política mediterranea de España 1704-1951.* – Madrid, 1951. – P. 53-65.

³ *Sanchez Diana J.M. Relaciones diplomaticas...* – V. 49. – P. 590.

⁴ *Voltes Bou P. La tradicion juridical...* – P. 24-29.

бору захватывать все торговые корабли, появлявшиеся в виду «геракловых столбов», и отводить их в порты Испании, где их груз продавался с торга по демпинговым ценам¹. Русский торговый консул в Кадисе И.Ф. Бранденбург докладывал, что подобные действия испанцев «причиняют не малый вред нейтральному кораблеплаванию, и коммерция между севером и Средиземным морем вовсе будет пресечена... и русской коммерции немалый ущерб от того произойдет»². Однако на все их демарши граф Флоридабланка отвечал, что, несмотря на всю справедливость их претензий, он вынужден действовать по образу и подобию Англии³. И данный аргумент им было крайне сложно оспорить⁴.

Осенью 1778 г. английские арматоры захватили в Северном море два русских корабля, в связи с чем императрица предписала своему послу в Лондоне сделать британскому

¹ *VoItes Bou P.* La tradicion... – P. 32; *Schop Soler A.M.* Die spanisch... – S. 96.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 608, Л. 17-18. Донесение И.Ф. Бранденбурга от 29 ноября 1779 г.

³ ВАЕ. – Т. 59. – P. 309. Флоридабланка – Карлу III от 10 октября 1788 г.

⁴ С момента начала военных действий в Европе английское правительство поставило перед своими морскими силами задачу парализовать торговлю Франции и Испании с северными державами с целью не допустить их снабжения стратегическими материалами и сырьем, необходимыми для строительства военных кораблей. Юридическим же прикрытием данной политики стал, как и в прошлые времена, древний кодекс «Консулато дель Мааре», основным принципом которого являлось положение, гласившее, что имущество противника конфискуется, где бы оно ни было обнаружено. Тем самым английское правительство как бы узаконило морской разбой по отношению к нейтральной торговле. В результате многие суда невоюющих стран, направлявшиеся в порты держав Фамильного пакта, перехватывались и отводились британскими каперами в порты Великобритании, где их груз конфисковывался. Понятно, что подобная практика вызывала резкое недовольство правящих и коммерческих кругов нейтральных государств, стимулируя в Дании, Швеции и Голландии рост антибританских настроений.

кабинету «сильные представления» на данный счет¹. Однако втягивание России в дела по обеспечению безопасности нейтральной торговли было связано не с английским каперством, а с действиями американских арматоров. Так, в мае 1778 г. корвет США «Дженерал Миффлин» захватил на широте мыса Нордкап восемь британских судов, поставив тем самым под угрозу торговлю России с Англией через Архангельск. По этому поводу Екатерина II писала барону Гримму: «Знаете ли Вы, чем виноваты передо мною американские крейсера? Они захватывают у меня купеческие корабли, идущие из Архангельска... Но я Вам обещаю, что в будущем году, если кто вздумает коснуться архангельской торговли, тот поплатится мне дорого»². И в подтверждение этих слов она отдала приказ об отправке летом 1779 г. русских военных кораблей для охраны торговых путей в Северном море и предписала Н.И. Панину проконсультироваться на предмет совместных действий в данном деле с правительствами Дании и Швеции.

Ответ Копенгагена и Стокгольма превзошел все ожидания русского правительства. В своем послании Н.И. Панину от 28 сентября 1778 г. датский министр граф Бернсторф не только одобрил идею высылки наблюдательных эскадр, но и предложил заключить между северными державами особую конвенцию для обеспечения безопасности их торговли. Шведский же двор предложил не ограничиваться охраной торговых путей в Северной Атлантике и расширить эту зону до Гибралтарского пролива³.

В своей докладной записке от 31 декабря 1778 г. Н.И. Панин указывал Екатерине II на то, что заключение

¹ *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. – Варшава, 1897. – Т. 2. – С. 200-201.

² *Русский Архив.* – 1878. – Кн. 3. – С. 52-53. Екатерина II – Гримму от 22 августа 1778 г.

³ *О вооруженном морском нейтралитете.* – СПб., 1859. – С. 19-21.

этой конвенции таит в себе угрозу несанкционированного втягивания России в англо-бурбонский конфликт. Размышления и предложения, изложенные Н.И.Паниным в его докладе, полностью совпадали с взглядами Екатерины II в данном вопросе, в связи с чем она решила ограничить участие России в деле охраны нейтральной торговли лишь отправкой летом 1779 г. в Северное море нескольких кораблей¹. Однако вступление Испании в войну против Англии и проведение Мадридом в жизнь своей политики «сплошной конфискации» по отношению к торговым судам нейтральных держав заставили Екатерину II вновь вернуться к предложению графа Бернсторфа.

28 декабря 1779 г. испанский военный корабль «Св. Николас» захватил российское купеческое судно под таким же названием, шедшее с грузом хлеба через Малагу в Италию. На следующий день Бранденбург поднялся на судно, и шкипер объяснил ему, что испанцы захватили его и потребовали объяснения. Бранденбург возмутился и заявил, что, когда экипажу будет дозволено сойти на берег, он возьмет у него заявление и составит протест во флотскую комиссию². Зиновьев, узнав об этом происшествии, тут же пожаловался Флоридабланке, который обещал уладить дело с задержанным российским судном³. В Петербурге позицию испанского двора пытался оправдать временный поверенный П. Норманде, но Панин достаточно резко заметил ему, что Испания закрыла проход через Гибралтар для всех торговых судов,

¹ О вооруженном морском нейтралитете. – СПб., 1859. – С. 24-27

² «Я буду требовать выдачи корабля с грузом, яко принадлежащего российским подданным, и не премину протестовать против обиды, нанесенной флагу Е.И. В-ва взятием судна, выехавшего из российской гавани в нейтральную и нагруженного на счет и страх российского подданного». АВПРИ. Ф. СРП. Д. 608. Л. 23-24.

³ Там же. Д. 388. Л. 5-8.

что Россия является нейтральной державой и нападение на ее корабли является «пиратским» действием¹.

28 февраля 1780 г. Екатерина подписала декларацию о нейтральном мореплавании, провозгласив «вооруженный нейтралитет», и отправила ее ко дворам Англии, Франции и Испании, требуя не препятствовать свободной торговле российских подданных². 15 апреля Зиновьев вручил документ Флоридабланке, который уже был о нем информирован из Голландии и Франции. По его «импрессии», российский дипломат предположил, что «более служит сия декларация к его удовольствию, нежели к огорчению» и что она «принята при здешнем дворе с совершенным и полным уважением». Карл III ответил, что готов пойти навстречу требованиям России и «хочет первой иметь славу подать пример к уважению неутралнаго флага всех дворов». Он приказал освободить задержанный в Кадисе русский корабль и компенсировать причиненные убытки³.

Флоридабланка имел в отношении России далеко идущие планы: он рассчитывал использовать ее как посредницу в мирных переговорах с Англией. Венский двор предложил ему свои посреднические услуги, но он отказался от них, не будучи уверенным, что на такую «медиацию» согласится Георг III. Поэтому он поручал Норманде выяснить позицию Екатерины. «Это было бы наиболее приемлемым для нас, ибо, не имея здесь никаких интересов, она должна действовать с большей беспристрастностью, чем другие державы». Именно по этой причине – отдаленности политических интересов (о чем неоднократно повторяется в испанских дипло-

¹ Россия и Испания... – С. 278.

² Там же. – С. 281-286. Брикнер подробно рассматривает возникновение идеи «вооруженного нейтралитета», отмечая, что Екатерина заимствовала идеи датского министра Бернстрофа, сформулированные им в 1778 г. Брикнер А. История... – С. 477-478.

³ Россия и Испания... – С. 292-293, 294, 296.

матических документах того времени) – он считал, что посредничество России будет «наименее подозрительным и наиболее приятным». Более всего испанский министр боялся того, что создастся впечатление, что Испания просит мира, и тогда, естественно, его условия будут для его страны гораздо менее выгодными. Поэтому он наказывал дипломату: его переговоры должны носить неофициальный характер, он должен дать понять высшим российским сановникам и государыне, что действует по собственной инициативе, но с согласия своего двора¹.

В связи с этим Флоридабланка еще раз подчеркивал, что необходимо использовать момент, чтобы улучшить отношения с Россией, используя и ее интересы в Средиземноморье. «Для этой державы, – писал он Норманде, – весьма важно сейчас и в будущем укреплять дружбу с Испанией, чей военный флот господствует в Средиземном море и без согласия которой царица не смогла бы провести этим путем свои эскадры к берегам и владениям Турции в случае новой войны». А потому он поручал своему представителю в Петербурге прозондировать обстановку о планах России: не собирается ли она принять участие в войне на стороне Англии². Норманде после бесед с Паниным и другими министрами попытался успокоить его: хотя влияние Англии в России и очень велико, и «предпочтение всегда отдают англичанам», но нет никаких признаков того, что Россия выступит в этой войне на стороне Англии³.

Это донесение было отправлено с курьером через Париж. Аранда, прочитав его, направил в Мадрид свои соображения по поводу развития отношений с Россией. Пожалуй, впервые испанские государственные деятели отчетливо ощутили возросший авторитет России в Европе. «Кто вообще

¹ Россия и Испания... – С. 274-276.

² Там же. С. 273-275.

³ Там же. С. 280.

мог себе вообразить, – удивленно вопрошал просвещенный дипломат, – что южные и крупнейшие европейские державы будут вынуждены обращаться со своими чаяниями к отдаленной северной стране или полагать, что ее влияние или угроза того, что она может склониться на ту или иную сторону, вынудит спорящие стороны обратиться к ней для третейского суда?»¹ Действительно, для Испании Россия все еще была далекой державой, интересы которой никак не пересекались с испанскими. Испанцев они волновали очень мало, и, главное, они впервые стали задумываться о том, что Россия из второразрядного государства превратилась в такое, с которым, а не только со своими соседями и соперниками – Англией, Францией, Австрией, Португалией – надо выстраивать политические отношения. Ведь даже еще в 70-е гг. они плохо представляли себе ее могущество. Пропуская в 1770 г. эскадру Спиридова, в Испании удивлялись: что, у России, оказывается тоже есть флот? И не относились к этому серьезно.

Аранда впервые ставит вопрос о политическом союзе с Петербургом, а не о развитии с ним двусторонней торговли. Он считает что, единственное, чем Испания может привлечь Россию, – это способствовать ее укреплению в Средиземноморье. Для достижения этого Аранда готов был зайти очень далеко и даже предоставить России один из испанских портов на Средиземном море. Однако, очевидно, что это вызовет противодействие со стороны Франции, которая поддерживает османов. Что же оказывается более важным для Испании в данный момент: союз с «отдаленной северной державой» или верность Фамильному пакту. Аранда выбирает первое, размышляя о том, что переговоры с Россией необходимо вести втайне от своего собственного союзника. «Меня больше беспокоит то, каким образом вести переговоры в тайне от Франции, ибо если она узнает о них, то, несомненно, будет противиться утверждению России в Средиземноморье», – пишет

¹ Россия и Испания... – С. 291.

он министру, зная о его стремлении вести независимую политику от соседней державы, а потому рассчитывая, что его рассуждения падут на благодатную почву¹. Отношения с Францией были давно уже не такими теплыми, и дипломатические переговоры по вступлению в войну Испании стали тому ярким свидетельством, а потому испанские сановники строили свою политическую линию исходя только из соображений национальных интересов – а в русле национальных интересов оказалась Россия.

Однако все усилия Флоридабланки добиться радикального сближения с Россией не принесли сколько-нибудь осязаемых результатов. Норманде писал ему, что здесь прочно утвердилось мнение, что «испанский двор сможет помешать осуществлению глобальных проектов России относительно Леванта, в случае если Гибралтар попадет в наши руки». Более того, охватившие Зимний дворец антииспанские настроения, вызванные захватом русских кораблей и «иезуитским делом», породили у него «опасения, что Россия отходит от принципов нейтралитета и невмешательства, которых она, как считалось, до сих пор придерживалась»². В этой обстановке, разумеется, было трудно ожидать позитивного отношения российской императрицы к идеям Флоридабланки о русском посредничестве и о расширении русско-испанских торговых связей.

И Панин не торопился идти навстречу этому предложению, увязывая вопрос об участии Испании в войне и соответственно ее отношениях с Англией. «Сохраняя доброе согласие и дружбу с бурбонскими домами, – разъяснял пози-

¹ «Наиболее подходящие условия для надежного союза имеются тогда, когда страны не соседствуют друг с другом, ибо ни та ни другая не имеют друг к другу территориальных притязаний. Именно таково наше положение по отношению к России». Россия и Испания... – С. 286-292. См. также: *Hernández Franco J. La gestión...* – P. 232-238.

² Россия и Испания... – Т. 1. – С. 280. Норманде – Флоридабланке от 9 февраля 1780 г.

цию России Панин, – не допустим мы, конечно, уязвлять нас далее пределов безпристрастия, сходственного с действительными нашими интересами». Он продолжает настаивать на своей линии и повторяет практически то же, что писал в инструкции 1772 г. «Система двора Вашего есть и будет, чтоб не допускать никогда бурбонские дома, нам завистники... до возвышения их и до распространения их сил», поэтому «сходственно ли бы было нам есть ли не противу восстать, то по крайней мере перечить интересам лондонского двора», который один только может «противувесить инфлюенции бурбонских домов»¹.

В конце июня 1780 г. Норманде сообщил Флоридабланке, что Н.И. Панин в неофициальном порядке все же высказался за посредничество России в деле восстановления всеобщего мира. И если это, указывал русский канцлер, не противоречит видам правительства Карла III, то Мадрид должен сделать соответствующее представление Петербургу на данный счет². Однако Флоридабланка не спешил давать ответ на инициативу петербургского двора, ожидая результатов от проходивших в это время в Испании секретных англо-испанских переговоров на предмет заключения сепаратного мирного договора между двумя державами. И только после их провала, вызванного отказом британского кабинета передать Испании Гибралтар, он вновь вернулся к идее русского посредничества, не оставляя при этом надежды перетянуть Петербург на сторону Мадрида в гибралтарском вопросе. Выполнение данной задачи Флоридабланка возложил на опытного испанского дипломата маркиза де ла Торре, ранее представлявшего интересы Испании в Вене.

¹ Инструкция Панина Зиновьеву 29.5/9.6. 1780 г. // Россия и Испания... – С. 301-302.

² Soler A.M. Die spanisch... – S. 112-113. Норманде – Флоридабланке от 24 июля 1780 г.

Однако англичане выступили против политики вооруженного нейтралитета России¹, что привело к охлаждению отношений между Екатериной и британским двором и к улучшению отношений России с Францией². Так что инструкция Панина оказалась не соответствующей новой позиции его государыни, и вскоре он был удален от дел.

Вопрос о посредничестве обрел свое практическое воплощение в начале 1781 г. Еще год назад Аранда высказывал соображение, что для этой миссии надо направить в Петербург специального представителя³, в своем письме Флоридабланке от 22 января 1781 г. он повторяет, что для Испании желательно привлечь Россию как посредницу в мирных переговорах с Англией⁴. А 23 января 1781 г. специальные инструкции были составлены для маркиза де ла Торре, которого направляли в Петербург полномочным посланником испанского двора. Главная задача, которая была перед ним поставлена, – добиваться посредничества России в переговорах с Англией. Испанская сторона ставила только одно условие – Россия должна признать, что эти переговоры будут возможны и успешны только, если Гибралтар вернется опять в ис-

¹ Английский двор передал через своего посланника в Петербурге Харриса, что он предпочел бы осуществлению договора о нейтралитете объявление войны со стороны России. Россия и Испания... – С. 307-308.

² Брикнер А. История... – С. 478-479. «Все здесь в Европе изменилось, – писал летом 1780 г. Франклин. – Россия, Швеция, Дания и Голландия выступили совместно за установление свободного плавания нейтральных кораблей... Франция и Испания поддержали это... Англия же выступила против конфедерации». The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. III. – Р. 761.

³ И в мае 1780 г. Зиновьев направляет в Петербург список кандидатур на должность посла в Россию. Среди них был крупнейший испанский просветитель Гаспар де Ховельянос. Кстати, эти сведения в литературе, посвященной Ховельяносу отсутствуют. См: *Volosiuk O. Jovellanos y Rusia // HISPANIA. Revista española de historia.* – 1988. – № 168.

⁴ AGS. Estado. Leg. 4614.

панское владение. В целом эти переговоры должны способствовать сближению двух стран. «Речь идет о непосредственных интересах моей короны и установлении еще более тесных связей с Россией»¹.

Маркизу также поручалось «содействовать всеми возможными средствами установлению прямой торговли между Россией и Испанией. Такая торговля должна дать нашему королевству три преимущества. Первое заключается в том, что в данной торговле не будут участвовать другие государства, рост могущества и обогащение которых могут быть для нас более опасными, чем могущество и обогащение России; второе: Испания, и в частности ее морское ведомство, нуждается во многих товарах и сырье, которыми изобилует Россия, сможет получать их напрямую с большей легкостью и по более умеренным ценам, чем если бы оно получало их через третьи руки; третье: с приходом русских на своих судах в порты Испании увеличится вывоз различных наших товаров, и в частности вин, в которых нуждается Россия; их вывоз будет стимулировать развитие виноделия в наших провинциях, где они производятся».

Слухи о согласии Испании и Франции принять посредничество России породили в Лондоне мрачные предположения о существовании русско-бурбонского «заговора» против Великобритании. Поэтому, когда Петербург поставил в известность английское правительство о его намерении примирить воюющие стороны, то оно в ответ тут же предложило привлечь в качестве посредника еще и Австрию².

Зиновьев по этому вопросу также имел несколько встреч с Флоридабланкой, что не осталось незамеченным при дворе. Кармайкл, член американской миссии по подписанию договора с Испанией, докладывал в Комитет по иностранным

¹ Россия и Испания... – С. 306, 312. См. об этом также: *Schop Soler A.M. Un siglo...* – P. 33.

² *Болховитинов Н.Н. Россия...* – С. 58-59.

делам из Мадрида 29 января 1781 г., что несколько дней назад поступило предложение о посредничестве от австрийского двора. Однако, по его сведениям, ответа еще не дали, а российский посланник также еще не получил последних распоряжений своего правительства. «Предложение, мне кажется, несколько запоздало, и... не вызовет расположения мадридского и версальского дворов»¹. Переговоры о посредничестве сблизили позиции Испании и России, и это отразилось, видимо, в поведении Зиновьева. Если в ноябре 1780 г. Кармайкл писал в Комитет по иностранным делам: «Я часто встречаюсь здесь с иностранными посланниками и их секретарями. Некоторые из них, особенно российский, венский, сардинский, португальский и голландский, очень расположены к Великобритании и ревниво относятся к Бурбонскому дому», то уже через три месяца он докладывал, что заметил изменения в поведении русского посланника, с которым часто бывал в компании: «если раньше он был холодным и держался на расстоянии, то теперь стал любезным и приятным»². Переговоры между державами активно продолжались³, но осложнились тем, что испанская сторона продолжала захватывать корабли, в связи с чем постоянно получала протесты от России и других нейтральных держав⁴.

Британским политикам хорошо было известно, что ранее Бурбонские державы отказались от посреднических услуг Вены. К тому же Лондон решительно отверг требования

¹ The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. IV. – P. 242.

² *Ibid.* – P. 166, 265.

³ «О чем свидетельствует число курьеров, снующих между этой столицей, Версалем, Веной и Петербургом». Кармайкл – Комитету Конгресса. 16.8. 1781 // *Ibid.* – Т. IV. – P. 635.

⁴ Россия и Испания... – С. 318-324. «Большинство нейтральных стран имеет большие претензии к этому двору, вызванные... захватом и задержанием их кораблей». Кармайкл – секретарю по иностранным делам Ливингстону. Мадрид. 14.4.1782. The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. V. – P. 306.

Парижа о предварительном признании Англией независимости США. Естественно, что в этой ситуации все попытки русского правительства созвать Мирный конгресс в австрийской столице оказались безрезультатными¹.

Существенную роль в торпедировании инициативы России по созыву мирного конгресса в Вене сыграла и жесткая позиция Мадрида в гибралтарском вопросе. Правительство Карла III в категорической форме требовало предоставления ему полной гарантии возвращения Англией Гибралтара Испании как неперемного условия его участия в мирных переговорах. Разумеется, что британский кабинет решительно отверг это, по словам И.М. Симолина, «нелепое требование Испании»². Разочаровывающими для Флоридабланки оказались и предложенные Россией и Австрией условия начала мирных переговоров, среди которых он не обнаружил «гибралтарского артикула». В результате испанским политикам не оставалось иного выбора, как силой оружия достичь тех целей, добиться которых дипломатическими средствами им не удалось.

В августе 1781 г. войска держав Фамильного пакта неожиданным ударом овладели Меноркой, а испанский флот вновь блокировал Гибралтар. Значительных успехов достигли испанцы и в Новом Свете. В мае 1781 г. капитулировал британский гарнизон крепости Пенсакола, что позволило испанским войскам установить свой полный контроль над Западной Флоридой. Весной же 1782 г., захватив о-в Нью-Провиденс, испанцы подчинили себе Багамские о-ва. Таким образом, для триумфального завершения войны Испании ос-

¹ *Болховитинов Н.Н.* Россия... – С. 58–70. По этому поводу Екатерина II писала барону Гримму: «О, не говорите мне о посредничестве: эти пачкуны так все портят, так путают, так бесчестны. Я уже сыта по горло; желала бы послать все эти дела к дьяволу, и когда Вы их отсылаете туда же, то я говорю аминь».

² *Там же.* – С. 67.

тавалось выиграть только одно сражение – взять Гибралтар. В июле 1782 г. российский и австрийский посол вновь обратились к Флоридабланке с предложением от своих правительств о посредничестве, но министр медлил с ответом, надеясь, что в случае успешной операции в Гибралтаре, можно будет выторговать себе лучшие условия. Официально же он заявил Зиновьеву и Кауницу, что должен посоветоваться со своим союзником, и они дадут общий ответ¹.

Информация о посредничестве России и Австрии была крайне важна для американцев, поскольку мадридский двор одновременно с этим вел переговоры и с ними, чтобы согласовать условия заключения мира с Англией. Еще в конце 1779 г. Континентальный Конгресс с этой целью направил в Париж Д. Адамса, а в Мадрид Д. Джея. Требования американцев сводились к трем вопросам: признание независимости, западная граница по Миссисипи с правом выхода к морю и южная – по 31° с.ш. Джею было дано также дополнительное поручение: добиться подписания с Испанией союзного договора и «выбить» из испанского правительства субсидию в размере 5 млн долларов. Джей находился в Испании с января 1780 до мая 1782 г. Переговоры фактически провалились, поскольку испанское правительство категорически отказывалось признать независимость США раньше, чем это сделает Великобритания, а следовательно, отказывалось и признать Джея как представителя, аккредитованного подписать союзный договор². Также оно затягивало решение вопроса о предоставлении финансовой помощи³. Кармайкл со-

¹ The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. V. – P. 600, 607, 610.

² «Мои надежды на великую помощь этой державы так же малы, как и Ваши, – писал Франклин Кармайклу, секретарю Джея, – они слишком плохо нас знают и слишком сильно завидуют. Поэтому они так затягивают с подписанием договора». The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. III. – P. 475.

³ Эти переговоры подробно анализируются в: *Пожарская С.П.* О признании... – С. 90-93.

мневался, что договор с испанцами будет подписан вообще, поскольку «этот двор желал и желает сейчас отложить признание нашей независимости до того, как будет подписан общий мирный договор»¹.

В 1780 г. в Мадрид прибыли агенты британского двора, с которыми Флоридабланка начал тайные переговоры, соглашаясь пойти на подписание мира в обмен на Гибралтар. Но английское правительство ни при каких условиях не соглашалось делать Гибралтар «разменной картой», а потому переговоры закончились ничем². Английский посол в Мадриде лорд Стормонт с горячностью заявлял, что его государь будет обсуждать с французами вопрос о независимости США только тогда, когда французская армия захватит Тауэр, а с испанцами он готов обсуждать обмен Гибралтара только на Мадрид³.

Победа американцев у Йорктауна в октябре 1781 г. сразу же привела к началу переговоров с англичанами, но для их завершения американцам крайне важно было добиться согласия Испании⁴. По договору с Францией, они не могли подписать сепаратный мир с Англией, а Франция должна была вести войну до тех пор, пока Испания не вернет Гибралтар. К концу 1782 г. переговоры США и Англии пришли к своему логическому завершению. Верженн не имел ничего против подписания мирного договора на этих условиях, но Испания сохраняла твердую позицию в вопросе Гибралтара, и только в сентябре 1782 г., когда совместная попытка испанцев и французов атаковать крепость с моря провалилась,

¹ The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. V. – P. 306.

² Этому вопросу специально посвящена монография: Bemis S.F. The Hussey-Cumberland Mission...

³ Кармайкл – Ливингстону // The Revolutionary Diplomatic Correspondence... – Т. V. – P. 175.

⁴ Кармайкл сообщал, что эта победа обрадовала не всех послов при мадридском дворе, особенно австрийского, русского и датского. *Ibid.* – Т. V. – P. 62.

англичане повели переговоры уже с других позиций. 30 ноября 1782 г. они подписали перемирие с американцами. Англия признала независимость США и границу США по 31° с.ш., но право навигации по Миссисипи оставалось у обоих государств. Теперь в вопросе о Гибралтаре Флоридабланка должен был пойти на уступки¹. И 20 января 1783 г. Аранда подписал перемирие с Англией. Испании не удалось вернуть Гибралтар, но она получила Менорку, а также Западную и Восточную Флориду. Испанское правительство без энтузиазма пошло на этот мир, который был подписан 3 октября 1783 г.

Таким образом, Россия и Испания объективно оказались на одной стороне и способствовали победе США. Испания своим участием в войне, Россия – объявлением вооруженного нейтралитета. Подчеркивая роль России, Кармайкл находившийся летом 1780 г. в Мадриде, писал: «Если российская императрица намерена поддержать свою недавнюю декларацию и эффективно действовать совместно с теми, кого она пригласила ей следовать, Великобритания изменит свою привычку оказывать давление на нейтральные страны»².

Этот раздел мы начали с цитирования инструкции российского двора по вопросу о его отношениях с Испанией. Завершить его хотелось бы еще одной инструкцией. В 1787 г. Флоридабланка составляет «Инструкцию» для Государственного совета, в которой дает свое понимание отношений Испании с ведущими европейскими державами:

Франция: «это лучший сосед и союзник, но может оказаться наиболее могущественным, сильным и опасным врагом...»; «наше внутреннее и внешнее спокойствие зависят во

¹ 12 декабря 1782 г. Кармайкл сообщал Ливингстону из Мадрида, что испанский двор сбавил свои претензии. В разговоре с Зиновьевым Флоридабланка заявил, что Европа убедится в умеренности требований Е. К. В-ва. *The Revolutionary Diplomatic Correspondence...* – Т. VI. – Р. 185.

² *Ibid.* – Т. III. – Р. 738.

многом от нашего союза и нашей дружбы с этой державой, но относиться к ней надо с большой осторожностью... чтобы она не вмешивала нас в свои войны, относясь к нам, как к подчиненной державе».

Великобритания: «пока английская нация не получит другую конституцию или другую форму правления... мы не можем доверять никаким договорам с ней... Отсюда вытекает необходимость всегда быть внимательными по отношению к Англии, следить за ней и не доверять ей».

Италия: поддерживать *status quo* и равновесие между различными государствами.

Португалия: нейтралитет и дружба, пока по наследственному праву снова не вернется во владения Испании.

Германия: «достаточно иметь добрые отношения, не впутываясь в конкретные дела германских государств».

Россия и Австрия: «Поддерживать дружбу, стараясь не задевать их интересов» и «в первую очередь, отделить Санкт-Петербург от Лондона... для чего вполне достаточно продолжать поддерживать принцип вооруженного нейтралитета»¹.

Подобной позиции придерживались и в России. А.А. Безбородко в письме к Зиновьеву от 28.9.1785 г. излагал свою точку зрения: «Мы собственно с Гишпанией не имеем никаких взаимных интересов, кои бы нас друг против друга поставляли; ибо я не считаю по тем выгодным описаниям, кои в. пр-во о графе Флорида-Бланке и о прочем делаете, чтоб Мадритский двор, по крайней мере, впредь был везде только тенью Версалскаго, как то у нас доселе в политических картинах, министрами сообщаемых, сказано было (курсив наш. – О.В.). Ея в-во имеет особое благоволение и склонность к Гишпанской нации и не отречется, конечно, одобрять ее торговлю; но надобно, чтоб тут было взаимство

¹ Цит. по: *Garrigues E. Un desliz diplomático, la paz hispanoturca. – Madrid, 1962. – P. 85.*

выгод»¹. Эта позиция Безбородко ясно свидетельствует об изменении политического курса России в отношении Испании, но во второй половине 80-х гг. отношения двух стран были менее интенсивными: они активизировались только в связи с событием, которое вовлекло в свою орбиту все европейские страны – с началом революции во Франции в 1789 г.

3.3. Испано-русские торговые отношения в 1770-1780-е гг.

Весной 1776 г. французский посланник в Петербурге обращал внимание своего правительства на то, что «Россия надеется получить большие выгоды от прямой торговли с Испанией и Португалией, которую она только начинает. Она рассчитывает на снижение цены, которое будет иметь от этих государств при их торговле винами, она рассчитывает также, что при отправке льна и пеньки на российских кораблях они будут освобождены от пошлин»². На самом деле в инструкции Зиновьеву относительно торговых отношений не было сказано ничего нового по сравнению с указаниями, данными Штакельбергу. Ввиду прохладности отношений, связанных с продолжавшейся Русско-турецкой войной, ему предписывалось самому инициативы не проявлять, но дожидаться, сделает ли первые шаги испанская сторона, и только тогда отвечать, что е. и. в-во «не несклонна быть изволит к распоряжению о том и особых установлений»³.

Прошло больше года со дня прибытия Зиновьева в Мадрид, прежде чем он сосредоточился на торговых делах. Первым поводом стало письмо к нему маркиза де Гримальди

¹ Цит. по: *Григорович Н.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени // СРЮ. – 1879. – Т. 26. – С. 131.

² Цит. по: *Ламанский В.* О славянах... – С. 224.

³ Россия и Испания... – С. 225-226.

об отправке испанских вин в Россию¹. Только после заключения Россией Кючук-Кайнарджийского мира и сообщения Зиновьева в Петербург, что маркиз Гримальди при получении этого известия «не показывал непристойного недоброжелательства»², появилась реальная возможность продолжения переговоров о расширении торговых отношений. Начал их было министр торговли Мускис, который в беседе с Зиновьевым «уверял о истинном желании соединить коммерческие интересы своего государства с Россиею» и, чтобы заинтересовать российскую сторону, заявил, что для действующих в Испании полотняных мануфактур они охотно примут из России пеньку и лен, которые будут освобождены от пошлин. Однако российский дипломат, хорошо представлявший себе расстановку сил при дворе, не рассчитывал на развитие переговоров с этим министром, «по малому его кредиту при дворе и власти в делах»³. Так оно и оказалось. Хотя испанское правительство пошло на снижение этих пошлин, Гримальди за 4 года пребывания Зиновьева в Мадриде так ни разу не завел с ним разговора об укреплении торговых отношений: он слишком был предан Франции, а Франция продолжала прохладно относиться к России.

Поэтому испанское правительство в этот период сосредоточило свои усилия на укреплении позиций испанских купцов в России. В инструкции Ласи, составленной на три месяца раньше, чем Зиновьеву, ни слова не сказано о торговом трактате, но поручается урегулировать препятствия, с которыми столкнулись испанцы при отправке вин в Россию⁴.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 351. Л. 78. Само донесение Зиновьева по этому вопросу опубликовано в сборнике «Россия и Испания», но там проставлена ошибочная дата (29.5/19.6. 1774), тогда как донесение было отправлено 29.6/9.7.1774 г. См.: Россия и Испания... – С. 235-236.

² Там же. – С. 241.

³ Там же.

⁴ В письме, которое Гримальди отправил Ласи через три месяца после прибытия того в Петербург, он указывал трактовать позицию Испании по

Особое внимание испанский посланник должен уделить поддержке основанного в Петербурге первого испанского торгового дома.

Стимулом для этого послужили меры петербургского правительства по стимулированию ввоза вин из Испании, снизившего на испанские и португальские вина пошлину со 100 до 40%¹. Учитывая такую выгоду, весной 1767 г. испанский купец из Бильбао Фелипе Чоне решил отправить в Россию корабль с партией вин. «Здесьнее министерство, – докладывал Штакельберг Екатерине II, – видя с удовольствием льготу, которую наш тариф приносит в коммерции с Гишпаниею, не оставит и наисилнейше подкрепит предприятие онаго купца». Действительно, Гримальди обещал ему всяческую поддержку, а министр морского флота Арьяга заключил с ним контракт, по которому в следующем году Чоне должен был привезти из России пеньку. Штакельберг также поддержал начинание Чоне, рассуждая, что прямая торговля с Испанией, «сколь бы мала ни была, всегда нам пользу приносит»².

В мае 1768 г. Чоне отправился в Петербург, чтобы собрать информацию о состоянии российской торговли, закупить пеньку, мачтовый лес, парусное полотно, доски. В конце того же года испанское правительство, желая стимулировать ввоз пеньки и льна из России, приняло решение об освобождении этого товара от таможенных пошлин при транспортировке его на российских или испанских судах. 10 июня

поводу заключения торгового договора следующим образом: испанская сторона не стремится к заключению договоров с державами, с которыми она этих договоров не имеет. Интересы Испании требуют максимального увеличения торговых партнеров, но, поскольку все державы пользуются в испанских портах одинаковыми привилегиями, нет смысла добиваться заключения договора, так они все равно не смогут рассчитывать на большее. Россия и Испания... – С. 231.

¹ Альперович М.С. Россия... – С. 51.

² Россия и Испания... – С. 205.

1769 г. он представил Коммерц-коллегии записку о восстановлении прямых торговых связей между Россией и Испанией¹, а в 1771 г. изложил результаты своей поездки в докладе Карлу III, в котором обосновывал необходимость открытия в Петербурге торгового дома². В следующем году Чоне прибыл в Петербург вместе с судном, груженным товарами. «С прибытием корабля, – сообщал Гримальди временный поверенный в России М. Делитала, – можно считать, что испанская торговая палата, возглавляемая доном Фелипе Чоне, имеет уже свое представительство в столице России»³.

Однако англичане, связанные с Петербургом, «трактатом о дружбе и коммерции», были недовольны потерей своих прибылей. Британский посланник в России требовал предоставления подобных же привилегий на поставку вин и его купцам, но Екатерина отказала⁴. В Петербурге не могли не считаться с позицией Англии, и Делитала указывал, что «англичанам, возможно, удастся испортить столь благоприятное к нам отношение... И ни граф Миних, ...ни граф Панин, осведомленный о степени влияния англичан, ничем не смогут нам помочь»⁵.

Несмотря на эти препятствия, испанские купцы активизировали свою деятельность. В 1773 г. в Петербурге каталонским купцом Ф. Милансом был основан второй испанский

¹ Альперович М.С. Россия... – С. 52.

² Создание торгового дома приведет к развитию в Испании суконных и шелкопрядельных фабрик, росту конкуренции между виноделами, развитию судоходства, и в результате «прибыль, которую получают другие государства от торговли с Россией, достанется подданным в. в-ва». Он указывал, что Англия, Голландия и другие государства, «которые открыли уже торговлю с этим государством и держат ее в своих руках», станут чинить им препятствия, поэтому Чоне настойчиво просил короля о государственной поддержке своего начинания. Россия и Испания... – С. 212-215.

³ Там же. – С. 215.

⁴ Альперович М.С. Россия... – С. 57.

⁵ Россия и Испания... – С. 215.

торговый дом¹. В том же году для активизации испанской торговли и судоходства туда был отправлен А. де Коломби, который вскоре основал третью контору, занимавшуюся в основном поставкой испанских вин в Россию². Все они, как говорится в записке комиссии о коммерции в 1775 г., отправляли российские товары в Испанию «ежегодно на довольно знатные суммы»³. В 1775 г. Гримальди сообщил Ласи о том, что Карл III принял решение открыть в Петербурге консульство и поставить во главе него «способного человека, который, посвятив себя изучению торговли с этим государством, мог бы использовать свои познания на практике»⁴. Этим человеком и стал Коломби.

В 1775 г. Гримальди в одном из писем испанскому посланнику в России Ф. де Ласи предписывал развивать деятельность тех испанских торговых домов, которые уже открыты в Петербурге, подыскать подходящего человека на должность консула, а также заверить русское правительство в том, что «российская торговля будет пользоваться всевозможными льготами»⁵. Гримальди поручил Ласи обговорить с российским правительством возможность расширения поставок испанской соли в Россию, поскольку «тамошняя соль плохого качества», добиться оплаты таможенных пошлин бумажными деньгами и получать при торговле все те же пошлины, что получают англичане. При этом он повторял, что считает пока нецелесообразным заключение официального торгового договора с этим двором, но необходимо, чтобы оба

¹ Он просуществовал до 1777 г., и основной причиной для его закрытия, как можно усмотреть из письма его членов сначала к Гримальди, а потом и к Флоридабланке, стала именно деятельность голландцев и англичан, направленная на подрыв испанской торговли. Россия и Испания... – С. 256-257, 261-267.

² См.: Альперович М.С. Россия... – С. 53; Россия и Испания... – С. 233.

³ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 336.

⁴ Россия и Испания... – С. 245.

⁵ Там же. С. 245. См. также: АHN. Estado. Leg. 6115.

государства укрепляли прямую торговлю¹. Ласи изложил испанские требования Панину, который передал их Коммерц-коллегии. Ее ответ был получен 7 марта 1776 г. В нем было указано, что обе стороны имеют привилегии в торговле: испанцам снижены пошлины на привозимые в Россию вина, а русским купцам – на лен и пеньку. Коммерц-коллегия согласилась с требованиями испанской стороны, по поводу соли, бумажных денег и равных прав с англичанами в торговых делах, придя к выводу, что требования Испании «такова существа, что и собственная здешняя полза по торговле требует», но, тем не менее, заявила необходимым воспользоваться случаем «во взаимство данных выгод гишпанцам, выговорить и для здешняго государства какую-нибудь от них частную выгоду»².

В 1775 г. в ответ на запрос Коммерц-коллегии, сколько русских кораблей отправилось в Испанию с товарами за свой счет и сколько прибыло из Испании за счет испанских купцов, таможня сообщала, что с 1766 по 1775 г. русские корабли не отправлялись, а из Испании за период 1766–1771 гг. было по одному, в 1772 – 4, 1773 и 1774 – по 9, на которых привозили преимущественно вина, оливковое масло, шерсть. В 1776 г. из Кадиса отправлено было только 2 корабля с винами, потому что в 1775 г. испанские купцы потерпели убыток на вывезенных в Петербург винах, а на возвратных грузах получили мало выгоды, так как испанское правительство приняло от них только пеньку. В 1777 г. пришло 4 корабля в Петербург и 1 – в Ригу³.

Активизацию испанской торговли с Россией после 1772 г. можно объяснить распоряжением мадридского двора, по которому вина, ввозимые на испанских судах, освобожда-

¹ Россия и Испания... – С. 242-245.

² Там же. – С. 249-251.

³ См.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 337; Альперович М.С. Россия... – С. 41.

лись от платежа вывозной пошлины. По этому поводу в 1773 г. Бранденбург сделал представление в Коммерц-коллегию, что «гишпанцы хотят сию торговлю единственно в свою ползу употребить без наималейшаго уважения для нашей нации», поскольку в Петербурге испанцы платят такую же пошлину, как и русские купцы, то нашим конкурировать с испанцами практически невозможно¹.

В октябре 1774 г. министр финансов Испании Мускис поставил С.С. Зиновьева в известность о решении его двора отменить «пошлины с привозимой пеньки и льна единственно из России, а для оных пошлина с оных товаров платится по 15 на сто... России от одного может польза быть та, что побудет купцов наших прямо в Гишпанию отпускать пеньку и лен, а не чрез третьи руки, и от одного могут со временем происходить и далее связи в коммерции. Г-н Мускис, сообщая мне о сем деле, уверял о истинном желании соединить коммерческие интересы своего государства с Россию...»². Со своей стороны Гримальди уведомил Ласи, что «русским подданным и их кораблям в наших портах предоставляется режим наиболее благоприятствуемой нации... Вы можете так и сообщить государыне и ее правительству, заверив, что король, имея намерение укреплять прямую торговлю между двумя государствами, будет всемерно способствовать этому»³.

Предоставление правительством Карла III России статуса наиболее благоприятствуемой в торговле с Испанией нации было, естественно, с удовлетворением встречено в Петербурге. От имени императрицы Н.И. Панин высказал Ласи

¹ Россия и Испания... – С. 235. См. также: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 337. Договор заключен не был, но в 1783 г. заключена конвенция, по которой испанское правительство согласилось на значительное снижение вывозной пошлины с испанских вин, отправляемых на русских судах.

² Россия и Испания... – С. 241. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину от 28 октября 1774 г.

³ Там же. – С. 224. Гримальди – Ласи от 17 апреля 1775 г.

слова благодарности за проявленную его двором инициативу в деле налаживания русско-испанских экономических связей¹. Беря на заметку этот дружественный шаг Мадрида, российские деятели, однако, отнюдь не переоценивали его практическую значимость.

По свидетельствам петербургской таможни, до 1775 г. из Петербурга не было отправлено в Испанию ни одного русского судна за счет русских купцов, но надо учитывать, что российские товары доставлялись в Испанию долгое время на иностранных, финских или рижских судах. Так, еще в 1767 г. Бранденбург докладывал, что лес из Выборга привозится в Кадис англичанами, шведами и голландцами. В 1777 г. он указывает, что в Кадис не пришло ни одного русского корабля, но пришли 4 иностранных из Петербурга и 15 – из Выборга. Русские корабли начали появляться в Кадисе начиная с 1780 г. Так, в 1780 г. в Кадис пришло 5 русских кораблей, в 1783 – 16, с апреля 1784 до марта 1785 – 18².

Фактическое отсутствие у России торгового флота сводило на нет предоставившуюся ей возможность превратить Испанию в еще один рынок сбыта важнейших предметов русского экспорта. К тому же русское купечество предпочитало ориентироваться на традиционных торговых партнеров России и осталось глухим к призывам своего правительства принять участие в создании «Гишпанской компании».

В. Уляницкий, исследовавший русскую торговлю с Испанией, признает ее «малоуспешной» и причины этого видит, прежде всего, в «инертности русского купечества и невежестве последнего относительно приемов и условий иностран-

¹ АВПРИ. Ф. Секретнейшие дела. Испания. Д. 3-4. Л. 286 28606. Ласи – Гримальди от 28 ноября 1774 г.

² См.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 337-338; Альперович М.С. Россия... – С. 59.

ной торговли»¹. На это неоднократно указывал и Бранденбург, отмечавший, что он много раз обращался с призывами к российскому купечеству начать торговлю с Испанией и обещал им свою помощь, но ни разу никто из них не откликнулся на его предложение. В 1777 г. Бранденбург направил доклад в Коммерц-коллегию о выгодах торговли в Испании российским тесом. Коллегия признала мысли консула о расширении российской торговли полезными и постановила оказать ему поддержку. Она сообщила Выборгскому, Фридрихсгамскому и Нарвскому купечеству сведения, полученные от Бранденбурга, и предложила им начать это дело². Фридрихсгамское купечество, хотя и признало это предложение прибыльным, но в 1778 г. в эту торговлю вступать отказалось. Выборгское отвечало, что у него своих кораблей нет и купить себе оно их не может. Нарвское же заявило, что не находит в проекте Бранденбурга ни малейшей выгоды, ибо предыдущие попытки начать торговлю с Испанией оканчивались убытком³.

Пытаясь расширять объемы испанского экспорта в Россию, Гримальди, разумеется, не обольщался надеждой значительно потеснить Англию на русском рынке, понимая, что соревноваться в данном деле с «владычицей морей» Испании

¹ Примерно к такому же выводу пришла и комиссия о коммерции, в записке которой, поданной Екатерине II, отмечалось, что «непосредственный торг русскими продуктами сколь полезен для России, столь для начала своего и весьма труден... Но... российские купцы, довольствуясь барышами великими внутри государства к портам только российским, не имеют никакой охоты, ни склонности для приобретения вящей себе прибыли собственным своим трудом и кредитом торговать сами, без посредства чужестранных здесь купцов, в отдаленных других государствах и нимало о том не помышляют... Такая несклонность наших российских купцов к начатию новаго и неизвестнаго им дела ничего добраго и впредь не обещают». Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 338-341.

² Россия и Испания... – С. 268-270.

³ См.: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 344-346; Альперович М.С. Россия... – С. 43.

явно не по силам. Да, в общем-то, он и не стремился к этому, придавая коммерческим связям с Россией исключительно политическое значение. Ведь все предоставленные ей льготы в торговле с Испанией, а также энергично навязывавшаяся правительству Екатерины II мысль о сверхвыгодности «гишпанской коммерции» делались Мадридом в целом для того, чтобы сравняться с Великобританией по уровню и характеру ее отношений с Россией¹. В этом плане особую значимость для Гримальди приобретала задача лишения Англии ее монопольного права на вывоз из России стратегического сырья и материалов, необходимых для строительства кораблей. Поэтому он в августе 1776 г. поручил испанскому поверенному в Петербурге Норманде прозондировать почву на данный счет². В октябре Норманде сообщил Гримальди, что при встрече с А.И. Остерманом тот объявил ему, «что е. и. в-во изволила такое предупреждение его двора принять благосклонно, и чтоб король прислал бы будущей весной несколько военных фрегатов для нагрузки их для флота запасов, и что е. и. в-ву весьма приятно будет, если намерение это исполнится...»³

Разрешение Екатерины II закупать испанцам в России материалы и сырье для строительства их флота, а также заявление Н.И. Панина о намерении императрицы «крепить ту дружбу, которая между обоими государствами пребывает»⁴, были, разумеется, с удовлетворением встречены Гримальди. Недаром в своем письме Ласи он указывал, что именно за счет «расширения только что установленных торговых и других связей между двумя странами» можно добиться «сохранения дружественных отношений России с бурбонскими

¹ Россия и Испания... – С. 224, Гримальди – Ласи от 17 апреля 1775 г.

² См.: *Schor Soler A.M. Die spanisch...* – S. 82.

³ АВПРИ. Ф. Секретнейшие дела. Испания. Д. 5-6. Л. 84-85. Норманде – Гримальди от 15 октября 1776 г.

⁴ Там же. Л. 83-84. Норманде – Гримальди от 15 октября 1776 г.

дворами», что будет «способствовать сохранению русским двором нейтралитета... в случае начала войны Англии с Испанией и Францией»¹.

Те же, кто попытался отправить свой груз в Испанию, делали это на свой страх и риск, не обращаясь к российскому консулу в Кадисе² и часто прогорая из-за незнания, в первую очередь, особенностей испанского рынка. Именно такой случай и произошел с купцом Фалеевым, который в 1780 г. отправил свои корабли в Средиземное море. Он предпочел обратиться к иностранным торговым домам, которые, по словам Бранденбурга, были мало знакомы с европейской торговлей и еще меньше – с российской³.

Таким образом, неудачи русской торговли в Испании, несмотря на активность там российского консула, продолжались. Его же деятельность на этом посту, несомненно заслуживает всяческих похвал. Как и Зиновьев в Мадриде, Бранденбург в Кадисе прилагал все усилия для развития русско-испанских отношений. Он снабжал свое правительство сведениями, необходимыми ему в торгово-политической деятельности. Он исполнял свои обязанности совершенно самостоятельно, не имея, кроме самим же им составленной инструкции, никакого конкретного руководства ни со стороны КИД, ни Коммерц-коллегии. Деятельность его торгового до-

¹ Россия и Испания... С. 260. Гримальди – Ласи от 4 февраля 1777 г.

² Очевидно, главной причиной этого было их недоверие: они могли видеть в Бранденбурге соперника, поскольку он имел свой торговый дом в Кадисе и успешно вел там свою торговлю российскими товарами.

³ «Если бы лица, – писал он, – совершившие эти отправки посоветовались со мной или поручили бы свои товары моему торговому дому, они получили бы такую же прибыль, какой потерпели убыток. В течение многих лет мой торговый дом всегда занимался торговлей с севером и, главным образом, с Россией. Эту последнюю он изучил во всех ее отраслях и ее он может использовать вполне как вследствие своих торговых связей, так и вследствие точного знания требований испанского рынка и в особенности морских арсеналов, постоянно нуждающихся в русских товарах». Цит. по: Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 343.

ма и торгового дома Вейдлинга и учреждение благодаря его стараниям двух испанских торговых домов в Петербурге заложили прочное основание в развитие русско-испанской торговли, так что ему, без сомнения, можно приписать заслугу установления регулярных торговых отношений между двумя странами¹. Уляницкий, исследовавший деятельность русских консулов за рубежом в XVIII в., справедливо считает, что «Бранденбург должен быть отнесен по своей энергии, толковости и ревности к исполнению возложенных на него консульских обязанностей к числу наиболее выдающихся деятелей в ряду русских консульских агентов XVIII в.»².

В июле 1781 г. Бранденбург получил из иностранной коллегии указание сообщить о правах иностранных консулов в Испании. Ссылаясь на свое донесение от 16 октября 1767 г., Бранденбург отвечал, что права и привилегии консулов определяются исключительно установленными в Испании обычаями, а не конвенциями, что испанское правительство старается еще больше ограничить эти права, равно как и права находящихся в Испании иностранных купцов, считая, что таким образом усилит участие во внешней торговле самих испанцев³.

Согласно инструкции, главным предметом его внимания в области торгово-политической должны были стать русские суда, заходившие в испанские воды. Но, судя по донесениям Бранденбурга, русские купцы неохотно обращались к нему – может, они усматривали в нем конкурента для себя,

¹ В 1775 г., когда комиссию о коммерции запросили, в каких странах нужно оставить российские консульства, она решительно высказалась за сохранение консульства в Кадисе, мотивируя это усилиями, предпринятыми Бранденбургом по налаживанию торговли с Испанией. *Альперович М.С.* Россия... – С. 59

² *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 346-347.

³ В записке, представленной им в КИД в 1788 г., Бранденбург разъясняет, какие, по его мнению, права и привилегии консулов желательны. *Уляницкий В.А.* Русские консульства... – С. 320-321.

так как он был главой торгового дома, занимавшегося коммерческими операциями с Россией. Вместе с тем он исполнял лежавшие на консулах обязанности по таможенной очистке товаров при приходе русских кораблей в порт. При более оживленном русском судоходстве для его деятельности представилось бы обширное поприще во время войны 1779-1783 гг., но и тут она была незначительна. В это время нейтральная торговля терпела огромные убытки вследствие захватов нейтральных судов и грузов воюющими сторонами. Испанцы захватывали все суда, шедшие с пищевыми продуктами и лесом. Страдала от этого и русская торговля. Так, в 1779 г. в Кадисский порт было приведено 2 русских, 8 голландских и 2 шведских судна с русскими товарами. В течение только ноября туда было отведено 43 судна, шедших в Средиземное море и нагруженных лесом и пищевыми продуктами, а 44 отведено в другие испанские порты.

Испанское правительство задерживало эти суда под предлогом, что они идут в Гибралтар, продавало находящийся на них груз, а вырученные деньги выдавало консулам для передачи хозяевам грузов, а суда затем отпускали. Протесты Бранденбурга оставались без внимания. Так продолжалось и в 1780 г. Нейтральная торговля пришла в полный упадок даже после издания декларации о вооруженном нейтралитете, которая на время внушила грузоотправителям и страхователям некоторое доверие к русскому флагу. Англичане же продолжали конфисковывать нейтральные суда, шедшие в Испанию, и безопасны были лишь суда, сопровождавшиеся военным конвоем¹.

В конце 80-х гг. Бранденбург оказывал содействие русским военным судам, отправлявшимся в Средиземное море. Он снабжал их лоцманами для входа в Кадис, служил посредником при переговорах судовых начальников с местны-

¹ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 330.

ми властями, помогал им при необходимости починки или возобновления запасов воды и провианта¹.

Для успешного осуществления торговли между двумя странами Бранденбург считал необходимым заключение торгового трактата. Так, еще в 1773 г. он писал президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову о том, что Испания имеет договоры о торговле с Англией, Голландией и Францией, «а таковым же образом можно бы и с Россией заключить трактат... и чтоб здесь учинено было некоторое облегчение в приходящих пошлинах на российские товары»². Вопрос этот поднимался неоднократно, но решался он уже не в Кадисе, а в Мадриде и входил в компетенцию С. Зиновьева.

Как и ранее, российское правительство признавало важность и необходимость юридического оформления торговых отношений между двумя странами. Инструкция Зиновьеву в этом вопросе во многом повторяет указания, данные его предшественникам: «По сию пору между здешним и гишпанским дворами не было и нет никаких формальных обязательств или союзов, почему непосредственно между ими и не происходило никаких важных дел, собственно до обоюдных интересов касающихся, а бывали только в разные времена переговоры о ползе постановления между здешнюю Империю и Гишпанию трактата коммерции»³. Эти переговоры поручалось продолжить и ему.

В своих донесениях дипломат не раз обращал внимание на ту роль, которую в испанской торговле играли Англия и Франция, и объяснял это политическими взаимоотношениями между этими тремя странами⁴. «В таком положении дела, – писал он, – невероятно, чтоб Россия могла заключить трактат коммерции». Он предлагал, не заключая трактата,

¹ Уляницкий В.А. Русские консульства... – С. 331.

² Россия и Испания... – С. 235.

³ Там же. – С. 225.

⁴ См.: Brown V.L. Anglo-French Rivalry... – P. 52-57.

провести ряд взаимных мер, которые бы создали более благоприятные условия для прямой торговли обеих стран¹, например, воспользоваться правом «вольного мореплавания», которое получила Россия из Черного в Средиземное море по Кючук-Кайнарджийскому миру, и начать торговлю с Испанией и по этому пути².

Примерно в таком же направлении мыслило развивать отношения с Россией и испанское правительство. Испанским дипломатам также было поручено обратить внимание российского правительства «на то, что, пытаясь заручиться поддержкой этих держав, Англия препятствует торговле их подданных...»³. Вопрос о взаимоотношениях с Англией поднимается в переписке испанского двора со своими дипломатами постоянно, и причина здесь лежала уже не столько в торговом соперничестве, сколько в войне, которую Испания начала с Англией, оказав поддержку ее североамериканским колониям, уверенная, что «на порабощение американцев... у англичан не осталось никакой надежды»⁴.

¹ Среди них: назначение российских консулов в возможно большее число испанских портов; основание в некоторых портовых городах Испании российских торговых домов; государственная поддержка купцам, начавшим эту торговлю; взаимное уменьшение тарифов на товары и некоторые другие меры. Зиновьев также приводит список российских товаров, которые могли бы с прибылью продаваться в Испании. Донесение Зиновьева Панину от 5(16).10.1775. Россия и Испания... – С. 247-249.

² Это предложение нашло отклик у Гримальди, и он поручил находившемуся в России П. де Норманде заняться этим проектом в расчете на то, что «морская торговля России со странами Черного и Средиземного морей осуществлялась бы через Испанию» (Россия и Испания... – С. 271). Панин, основываясь на донесениях Зиновьева, имел на эту тему несколько бесед с Норманде, о чем тот сообщал в Мадрид. См.: Донесения Норманде № 364, 365, 366 за 1772 г. АНН. Estado. Leg. 6115.

³ Россия и Испания... – С. 274.

⁴ Там же. О взаимоотношениях Англии и Испании см.: Моралес О. Флоридабланка и его политика в отношении Англии (1777-1789) // Вестник РУДН. Серия История, философия. – 1995. – № 2. – С. 47-52.

Об этом же из Петербурга писал и Норманде, подчеркивая, что «в России активно планируют развитие торговли через Черное море... Англичане хотят в ней участвовать, но, пока не добились этого, чинят всяческие препятствия»¹. Взгляды Флоридабланки в этом вопросе были схожими, а потому, направляя в 1781 г. в Россию маркиза де ла Торре с миссией добиться посредничества России в войне с Англией, он наставлял его: «Одна из главных задач, которую я вам поручаю, состоит в том, чтобы содействовать всеми возможными средствами установлению прямой торговли между Россией и Испанией». Причем он считал, что это следует делать двумя путями: через Балтийское море и Атлантический океан, а также через Черное и Средиземное море². Аранда же готов был зайти еще дальше и даже предоставить России один из испанских портов на Средиземном море³.

Однако торговые отношения целиком зависели от политических. И бывший тогда президентом Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов писал Ф. Бранденбургу в Кадис: «Ничто не говорит о том, что наш двор будет готовиться заключить с Испанией торговый договор прежде, чем будет достигнуто всеобщее прекращение введущих ныне военных действий»⁴. Однако уже летом 1783 г. он спрашивал секретаря испанского посольства в Петербурге М.Х. де Асансу: «Что мешает Испании заключить его (торговый договор. – *О.В.*), если уже долгое время она высказывает желание расширить

¹ АНН. Estado. Leg. 6116.

² Россия и Испания... – С. 306, 312; См. также: *Schop Soler A.M. Un siglo... – P. 33.*

³ «Торговые отношения Испании с Россией должны сохраняться навеки, так как разные климатические условия позволяют им производить продукты, необходимые друг другу». Россия и Испания... – С. 286-292. См. также: *Hernández Franco J. La gestión política y el pensamiento reformista del conde de Floridablanca. – Murcia, 1984. – P. 232-238.*

⁴ Россия и Испания... – С. 300-301, 315. Об этом же писал и Норманде из Петербурга (28.3.1782). АНН. Estado. Leg. 6118.

торговые отношения с нашей страной?» После этого разговора Асанса сообщил в Испанию, что, «если королю будет угодно заключить торговый договор с Россией, сейчас самый благоприятный момент»¹.

Подобной позиции придерживался и А.А. Безбородко, сменивший Панина на посту руководителя внешней политики России. В письме к Зиновьеву от 28.9.1785 г. он излагал свою точку зрения: «Заключение с сею державою коммерческого трактата не только не встречает у нас ни малаго препятствия, но еще, напротив того, представляется нам полезным и нужным». При этом он особо подчеркивал, что эта торговля должна быть взаимовыгодной. В настоящее же время большая часть российского экспорта состоит из предметов первой необходимости, а испанские товары – такие, «которыми мы от других себя доволствовать можем». Поэтому он рекомендовал Зиновьеву вести переговоры таким образом, чтобы «все сие дело... не имело ни малаго вида настояния с нашей стороны; но шло бы оно, как служащее и собственным пользам Гишпаниии, и Мадритским двором прямо желаемое»².

Однако к этому времени изменилась позиция испанского двора. Назначая в 1784 г. П. де Норманде испанским посланником при российском дворе, Флоридабланка наказывал ему: «Постарайтесь, по-возможности, избежать заключения договора, предложив им только особое соглашение, касающееся установления льгот»³. Это охлаждение первого министра почувствовал и Зиновьев, который писал Безбородко, что продолжает переговоры с первым министром, но старается держаться так, чтобы не «вызвать у него малейшие подозрения, как если бы мне было поручено подвинуть его

¹ Россия и Испания.... – С. 331, 334.

² Цит. по: *Альперович М.С.* Россия... – С. 118.

³ Россия и Испания... – С. 338.

сделать подобное предложение»¹. Вскоре в донесениях российского дипломата вопрос о торговом договоре стал подниматься все реже и реже, а в связи с началом в 1787 г. Русско-турецкой войны постепенно отошел на второй план.

Таким образом, торговые взаимоотношения двух стран в 70-80-е гг. заметно активизировались по сравнению с предыдущим периодом. Тем не менее практически до конца 70-х гг. они строились в основном только за счет инициативы русских и испанских купцов. Прохладные отношения двух держав вследствие Русско-турецкой войны, а также позиция Гримальди, во всем следовавшего политике версальского двора, сковывали эту инициативу. Подобную позицию занимал и Панин, считавший, что Испания во всем подчиняется Франции, а потому, пока испанское правительство первым не предложит подписание торгового трактата, российской стороне начинать переговоры на эту тему не стоит.

Приход к власти в 1777 г. Флоридабланки со своим особым взглядом на отношения Испании с Францией привел к тому, что со стороны испанского правительства стали делаться шаги навстречу укреплению отношений с Россией в плане торговли. Об этом, как мы видели, неоднократно докладывал Зиновьев в своих донесениях. Потепление отношений между двумя державами после подписания Версальского договора 1783 г. и замена Панина на посту руководителя внешней политики Безбородко определили и новый курс России по отношению к торговле с Испанией. Начались переговоры по заключению торгового договора, которые были

¹ Россия и Испания... – С. 353. Это вскоре почувствовал и сам Безбородко, писавший в июле 1785 г. С.Р. Воронцову: «Зиновьев ко мне пишет, что Флоридабланка дает ему знать желание свое сделать с нами торговый трактат... но куда Норманде останется министром, трудно что-либо завершить: на него часто густые облака находят, и он все твердит, что лучше преимущества и выгоды торговые позволять эдиктами государскими, нежели трактатами». АВ. – Т. 13. – 1879. – С. 85.

свернуты в связи с началом Русско-турецкой войны и разразившейся во Франции революции.

3.4. «Просвещенная политика» Карла III в оценке С.С. Зиновьева

Зиновьев тщательно и добросовестно собирал всевозможные материалы, которые могли бы заинтересовать Петербург, и подробно, с тончайшими своими оценками сообщал эту информацию в своих посланиях. «Связи, которые я стараться буду впредь здесь делать, подадут мне со временем способы узнать все части правления здешнего государства. По последней мере приложу я всевозможный труд употребить время моего здесь пребывания с некоторой пользой, тем исполнить должность и сделать себя несколько достойным милости и чести, которой я теперь пользуюсь», – докладывал он графу Н.И. Панину в 1775 г.¹ В 1779 г. он отправляет Панину же послание с просьбой разрешить ему путешествие по Испании. Обоснование этой просьбы свидетельствует о той ответственности, с которой он относился к порученному ему делу. «Из одного вояжа думаю приобрести себе лучшее понятие о всех частях здешней земли, нежели живя только в Кастилии, в пребуднейшей провинции всей Гишпании. Осмеливаюсь уверить, что чужестранец, не выезжая из Мадрида, ни коим образом не может иметь понятия о Гишпании и не должен судить о ней. От самого одного и произведены странные и лживые описания о Гишпании»². Зиновьев посылал в Петербург многостраничные отчеты о состоянии испанского государства, его экономике, внутренней и внешней политике, расстановке сил при дворе Карла III. Во множестве донесений рассыпаны его наблюдения о представителях высшего

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д.358. Л.44.

² Там же. Д. 381. Л. 23.

общества и о простых испанцах, их нравах и обычаях, праздниках и ежедневных заботах.

Какой же виделась Испания российскому дипломату? Какой «образ» создает он в своих депешах для заинтересованных читателей в Петербурге?

Зиновьев прибыл в Мадрид, когда «просвещенная политика» Карла III достигла наибольшего размаха. Преобразования, осуществлявшиеся в Испании в 60-80-е гг. XVIII в., проникали практически во все сферы общественного развития. «Не трудно видеть, – отмечал этот тонкий наблюдатель, – что не может быть государства, в котором бы многое правление прилежало как здешнее выискивать способы на искоренение многого злупотребления и к просвещению невежества»¹.

Огромное значение для Испании имело осуществление серии административно-финансовых реформ. Их необходимость была обусловлена спецификой исторического развития страны, поскольку в плане административно-государственного устройства испанским Бурбонам досталась в наследство разоренная держава, состоявшая из группы практически независимых провинций со своим собственным законодательством и правами. Этим же объяснялись и различия в управлении провинциями, так что централизация в чистом виде так и не смогла укорениться. При определенной унификации экономических, юридических и политических норм, общих для государства в целом, во многих административных делах царил хаос и произвол². Налоговая система Испании отлича-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л. 43.

² «Общая карта страны представляет явления нелепые: одни провинции накладываются на другие...; столицы их расположены у границ; интенданства – необъятные и крохотные; епископства – размером в четыре лиги и в семьдесят; суды, полномочия которых едва выходят за городские стены, и такие, которые охватывают два-три королевства – наконец, все, что несет с собой смятение и беспорядок», – так оценивал ситуацию в стране испанский просветитель Леон де Арройя. *Arroyal L. Pan y To-*

лась особой запутанностью, каждая провинция платила различный налог. В стране отсутствовала единая денежная система, а также единая система мер и весов. Каждое королевство, провинция, округ и даже иногда город имели свою монету, эталон меры и веса, и нередко при одном и том же наименовании в разных местах им соответствовали различные величины. Поэтому одной из важнейших задач испанского просвещенного абсолютизма стало преодоление административно-региональных различий и укрепления единства в стране. «Централизаторской» функции уделяли большое внимание все российские дипломаты, находившиеся в Испании в XVIII в.¹

Начало проведению финансовой реформы было положено указом от 1772 г. о чеканке новой монеты². Эти мероприятия продолжил после прихода к власти Флоридабланка. «Граф де Флоридабланка, – писал Зиновьев, – усердие которого на благо Отечества не остывает никогда, продолжает в настоящее время отдавать распоряжения, направленные на внутренние дела государства. Сейчас он направил свой взор на дела министерства финансов... Перерасход в этой области, а особенно в таможах Севильи, Кадиса и Барселоны, достиг такого уровня, что необходимы срочные и надежные меры. В результате в эти города были направлены доверенные судей-

ros // «Pan y Toros» y otros papeles sediciosos de fines del siglo XVIII. – Madrid, 1971. – P. 26. Подробнее см.: *Domínguez Ortíz A.* Sociedad y estado en el siglo XVIII español. – Barcelona, 1984. – P. 119-275.

¹ Так, еще в 1770 г. О. Штакельберг сообщал Екатерине II о проведении в стране мероприятий по упорядочению административного устройства, в частности, об «истреблении злоупотреблений в правлении доходов монархии и установлении одинакового правления в тех провинциях, в коих и до сего времени продолжается еще много постановлений, учреждений и обрядов старинных времен, когда сии провинции еще управляли собой и не объединены были под единый скипетр». Также было решено отменить многочисленные пошлины и «наложить на земли и на промышленность и брать со всех подушную подать». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 321. Л. 118-119.

² Там же. Д. 336 Л. 39.

ские чиновники, выбранные министром, для проведения там обысков – мера, которая была необходима для изыскания средств для урегулирования финансовых дел и искоренения злоупотреблений, наносящих вред королевским доходам и торговле в целом»¹.

Кроме административно-финансовых мероприятий еще одна сфера требовала коренных преобразований – церковь. Могущество католицизма в стране побудило поставить вопрос о его ограничении и подчинении королевской власти. Правительственные реформы несколько ограничили власть инквизиции, которая и во второй половине XVIII в. была достаточно сильна. С.С. Зиновьев жаловался, что инквизиция «продолжает всех чужестранных несправедливо и нагло притеснять под видом закона, на которую никакого суда и ни малейшего удовольствия ни один министр чужестранный получить не может»².

Грандиозные инквизиционные процессы время от времени продолжали потрясать испанское общество. Как и прежде, инквизиция направляла острие своего жала в первую очередь на прогрессивных общественных деятелей. В качестве примера приведем один из наиболее нашумевших процессов по делу испанского просветителя и общественного деятеля П. де Олавиде. Инквизиция долгое время следила за этим человеком, сторонником французского Просвещения, организатором одного из самых либеральных салонов в стране, основателем земледельческой колонии на землях Сьерра-Морены. Руководство этой колонией и послужило поводом для его ареста³. В одном из донесений в Петербург Зиновьев сообщал, что инквизиция, находившаяся «под покровительством духовного отца короля и его самого, недавно

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 426. Л. 67.

² Там же. Д. 388. Л. 132. См. также: *Corona C. Revolución y reacción en el reinado de Carlos IV.* – Madrid, 1957. – P. 176-177.

³ *Domínguez Ortíz A. Sociedad...* – P. 476-494.

арестовала г-на Олавиде, просвещенного человека и доброго гражданина. Предполагают, что он заслужил эту немилость слишком откровенными разговорами о могуществе католического духовенства»¹. Через месяц он сообщил: «Демарши инквизиции вызывают недовольство... после ареста г-на Олавиде, интенданта Севильи, в библиотеках многих домов были произведены обыски, и никто, даже высшее дворянство, не избежали преследований»².

Более заверченный характер имели меры, касавшиеся иезуитов. Изгнанием иезуитов из Испании, о чем сообщал Штакельберг в 1767 г., не завершилась эта реформа. Европейские дворы, принявшие в ней участие, потребовали от папы уничтожения иезуитского ордена. Решение этой проблемы растянулось на несколько лет³. Российский посланник сознавал важность для своего правительства информации о позиции Испании и решении папы. Поэтому в самых первых донесениях из Мадрида он останавливается именно на этом вопросе. Он указывал, что в октябре 1772 г. в Рим с особым поручением был направлен полномочный посланник Испании Педро Моньино (ему вскоре будет присвоен титул графа де Флоридабланки. – *О.В.*), которому было приказано добиться у папы буллы на уничтожение иезуитов. В июне 1773 г. Зиновьев писал: «Гишпанский Двор объявил папе, что не примет от него нунция до тех пор, пока не решит совсем судьбу езуитов». И наконец в августе 1773 г. поступило сообщение: «Говорят, что папский указ об истреблении езуитов сообщен дворам версалскому, венецкому и здешнему». Зиновьев указывал также, что основная заслуга в достижении этого принадлежит именно г-ну Моньино⁴.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 362. Л. 161.

² Там же. Д. 362. Л. 172.

³ См. об этом: *Модестов В.* История... – С. 110-140.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 345. Л. 36, 40, 48. См. также: *Hernández Franco J.* La gestión... – P. 125-157.

Российское правительство проявляло по этому вопросу не просто праздное любопытство: он касался непосредственно испано-русских отношений этого периода. В результате первого раздела Польши к России была присоединена Восточная Белоруссия, где многие иезуиты занимали места священников и учителей. После изгнания их из западноевропейских стран они поселились там, а также в Пруссии. Но в Пруссии в 1781 г. этот институт был уничтожен, а в 1786 г. вынуждены были разойтись остатки иезуитской конгрегации в Силезии¹.

В России же они получили больше прав², а потому, начиная с 1777 г. испанское правительство через Зиновьева и через своих представителей в Петербурге заявляло российскому двору неоднократные протесты, требуя изгнания иезуитов из этой единственной католической области России. Флоридабланка на встречах с Зиновьевым заявлял ему примерно одно и то же, что, несмотря на то, что он не хочет вмешиваться в вопросы, которые считает чисто внутренними для России, но его государю неприятно, что иезуитам предоставлена там возможность создавать организации после того, как он приложил столько усилий, чтобы уничтожить их на благо всей Европы.

Надо сказать, что ответы Зиновьева по сути были достаточно резкими. Он объяснял министру, что это действительно внутреннее дело, что иезуиты занимаются преподаванием в католических областях России и что мудрая политика

¹ *Бемер Г.* Иезуиты. – М., 1913. – С. 425.

² Как указывает А. Ильин, Екатерина имела свою цель, принимая орден под свое покровительство. Дело в том, что впервые в числе русских подданных оказалось большое число католиков. Екатерина решила устроить для них отдельную, независимую от папы церковь и думала воспользоваться для этого опытом и умом иезуитов. *Ильин А.* Иезуиты и их влияние на историю человечества. – М., 1905. – С. 75-76.

его императрицы позволяет использовать их способности и таланты¹.

Примерно то же самое Флоридабланка писал и Норманде, инструктируя его, что Карл «желает, чтобы выполнялось папское послание об их изгнании и из этих владений (России. – *О.В.*), даже из школ и учебных заведений, и оставались бы лишь пресвитеры и белое духовенство»², на что испанский представитель в Петербурге отвечал ему, что он регулярно поднимает этот вопрос перед императрицей и ее министрами, который ставит их в затруднительное положение, учитывая, что протест этот обоснован³. Однако эти демарши испанского правительства ни к чему не привели, а Павел I даже пригласил иезуитов в Петербург, отдал им университет в Вильно, способствовал их миссионерской деятельности среди немецких колонистов на Волге.

* * *

Одной из наиболее важных задач, стоявших перед страной, было преодоление экономической отсталости Испании, для решения которой правительство осуществило серию мероприятий, направленных на развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, рост населения, ограничение некоторых феодальных институтов, прежде всего майоратов и Месты – организации крупных скотовладельцев. Еще в 1749 г. Фердинанд VI передал на продажу на условиях аренды некоторые приходящие в упадок майораты. В 1789 г. было запрещено создавать новые майораты и облегчены условия их продажи. «С конца минувшего апреля, – доносил в Петербург С.С. Зиновьев, – посланы от Двора в Кастильский Совет три королевских декрета относительно майоратов...

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 28-29. См. по этому вопросу также: Д. 208. Л. 9-10; Д. 381. Л. 155-156; Д. 390. Л. 1-2, 6-7, 16-19, 119.

² Россия и Испания... – С. 276.

³ Там же. – С. 280.

С тем, чтобы сей Совет принял важное сие дело в общий порядок. Наследство недвижимых имений для одних только старших детей по обстоятельствам нынешнего века сделалось столь вредно, что непременно для благополучия монархии, находятся принужденными древние узаконения, хотя не совсем истребить, но по крайней мере положить им границы»¹. В отношении Месты была также проведена серия реформ, сводившихся в целом к признанию первенства интересов крестьян над скотовладельцами.

Испанские реформаторы всемерно поддерживали национальную промышленность, и в первую очередь мануфактуры. Были основаны специальные «королевские фабрики». Так, описывая суконные мануфактуры в Гвадалахаре, С.С. Зиновьев подчеркивал, что они созданы там давно и являются главными в Испании, а потому им регулярно предоставляются значительные кредиты. «Здесь Двор продолжает поддерживать суконные фабрики», – писал он в 1778 г. и потом не раз возвращался к этой теме². Он же указывал, что испанцы пытаются изменить сложившуюся систему торговли с Англией, по которой она продавала Испании сукно, вытканное «частично из испанской шерсти. Франция требует такие же выгоды, что представляет собой большую помеху национальной промышленности, особенно суконным фабрикам, которые правительство поддерживает всеми способами»³.

С большей интенсивностью осуществлялись мероприятия по организации общественных работ. Одной из важнейших задач в этой области было развитие сухопутных и водных путей, столь необходимых для развития внутренней тор-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 455. Л. 111. См. также: *Hernández Franco J. La gestión...* – P. 387-396.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 426. Л. 80; Д. 441. Л. 8. См. также: *Hernández Franco J. La gestión...* – P. 396-404.

³ Там же. Д. 433. Л. 165. См. также: *Brown V.L. Anglo-French Rivalry for the Trade of the Spanish Peninsula // Studies...* – P. 39-52.

говли и создания национального рынка¹. И в этой сфере, по мнению Зиновьева, особая роль принадлежала графу Флоридабланке. В 1778 г. ему было поручено управление и строительство общественных дорог². «Все меры употребляет он в ускорении работ», – замечал Зиновьев, указывая далее, что для некоторых дорог уже найдены необходимые суммы и что на них будут построены почтовые станции и постоянные дворы³. Под руководством графа разрабатывались проекты строительства дорог магистральных направлений: связывающих центр с периферией и ведущих к крупнейшим портам страны Валенсии, Андалусии, Кадиса, а также в Португалию⁴. В одном из донесений русский посланник сообщал о начале «строительства портов на больших и малых реках, которых в Испании огромное количество»⁵. В 1774 г. в Мурсии было начато сооружение канала для орошения полей и садов, а в 1785 г. – Арагонского канала, «к строительству которого приступили много лет назад, но которое при прежнем правлении нисколько не продвинулось из-за недостатка в средствах... В настоящее же время благодаря заботам графа де Флоридабланки осуществляется с большим успехом. Навигация по этому каналу осуществляется до Сарагосы, в окрестностях которой можно пользоваться преимуществами орошения. По проекту этот канал должен достигнуть Наварры...». Одновременно с этим проектировалось строительство нового канала в Андалусии, в связи с чем министр решил направить туда инженеров для исследования местности⁶.

Наиболее последовательной была программа «просвещенного абсолютизма» в области науки и культуры, отра-

¹ *Herr R.* An Historical Essay of Modern Spain. – Berkeley, 1971. – P. 60-63.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 261.

³ Там же. Д. 380. Л. 87.

⁴ Там же. Д. 414. Л. 103; Д. 426. Л. 111-112.

⁵ Там же. Д. 414. Л. 103.

⁶ Там же. Д. 351. Л. 147; Д. 426. Л. 60-61. См. также: *Hernández Franco J.* La gestión... – P. 417-428.

жившаяся в создании научных академий, различного вида экономических обществ друзей отечества, в реформах программ университетского образования, в покровительстве распространению философских и литературных салонов, в основании просветительских журналов¹. На эту сторону реформаторской деятельности также обращал свое внимание Зиновьев. В 1775 г. он сообщает о создании Мадридского экономического общества. «Создание экономических обществ во многих городах Испании возродило во всех провинциях патриотизм и рвение к общему делу. Особенно выделяется Мадридское общество...», которое также «пробудило похвальные намерения и у прекрасного пола. Многие дамы желают состоять в обществах и по их горячим настояниям Общество вынуждено было дозволить участие дам». Он сообщал далее, что президентом «Хунты дам» является герцогиня де Осуна, а почетными членами были принцесса Астурийская, будущая королева Мария-Луиза, и другие испанские инфанты².

Реформы в области торговли затронули как внутреннюю, так и внешнюю сферу. Еще в 1765 г. были отменены внутренние таможенные пошлины и объявлено о свободе торговли зерном³. Внешняя же торговля в основном являлась посреднической, в ней хозяйничали англичане, французы и голландцы. Чтобы уменьшить влияние иностранных купцов и оказать содействие развитию отечественной торговли, в 1772 г. был издан указ, запрещающий иностранным купцам в

¹ Из последних работ по этому вопросу порекомендуем: *Enciso Recio L.M.* Las sociedades económicas en el Siglo de las Luces Madrid: Real Academia de la Historia, 2010.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 441. Л. 97, 170. См. об этом: *Волосюк О.В.* Экономические общества друзей отечества в Испании во второй половине XVIII века // Проблемы испанской истории. – М., 1987. – С. 250-260.

³ См.: *Alcázar Molina C.* El despotismo ilustrado en España. – Paris, 1932. – P. 774; *Rodríguez Díaz L.* Reforma e ilustración en la España del siglo XVIII. Pedro Rodríguez de Campomanes. – Madrid, 1975. – P. 179-221.

Кадисе непосредственно заниматься торговлей с Америкой. Эта мера имела серьезные последствия, поскольку, как указывал позже Зиновьев, «Франция и Англия имеют в руках более половины гишпанской торговли, и, хотя друг другу во всем стараются вредить, но в рассуждении комерции каждая со своей стороны все возможное употребляет держать Гишпанию в подданстве». В 1778 г. был принят другой указ, еще более ограничивший права иностранцев в торговле с Америкой, что заметно ослабляло позиции иностранных держав и давало возможность развитию испанской промышленности и торговли¹.

Не менее важное значение имели меры, касавшиеся учреждения свободы торговли с Америкой для испанских подданных. В 1765 г. был обнародован королевский указ, согласно которому торговля с колониями дозволялась из 9 портов: Кадис, Севилья, Картахена, Малага, Барселона, Аликанте, Сантандер, Ла-Корунья, Хихон. При этом с товаров отечественного производства взималась пошлина в 6%, а с иностранных – в 7%². Мера эта, безусловно, содействовала развитию национальной промышленности и торговли, но традиционно флоты продолжали отправляться из Кадиса, а потому необходима была полная свобода торговли с Америкой. В 1776 г. назначенный на пост министра по делам Индий Х. де Гальвес имел намерение осуществить проект «об уничтожении торговли флотами в Америке, но позволить торговать всем подданным гишпанским из всех генерально портов здешней короны во все части Америки во всякое время по соизволению купцов. До сих пор не инакомо можно торговать, как только из Кадикса и Сан-Себастьяна, в последнем месте одной только компании каракской по привилегии ей

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л.51-52; Д. 449. Л. 42; Россия и Испания... – С. 247. См. также: *Corona C. Revolución...* P. 192-193; *Hernández Franco J. La gestión...* – P. 404-417.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 271. Л. 71.

данной»¹. Подчеркивая значение этой меры, Зиновьев отмечал: «Ежели сей проект удастся г-ну Гальвесу в действие привести, то надеются, что в короткое время комерция и в протчих портах гишпанских зачнет процветать»².

В августе 1777 г. правительство приступило к разработке проекта, а уже в феврале 1778 г. был принят указ об учреждении торговли с Америкой³. «Сие дозволение волной комерции, – сообщал Зиновьев, – почитается важнейшим и полезнейшим делом и справедливо надеяться должно великаго произращения комерции через короткое время. Учреждение сей комерции не только сделано по одним только теоретическим вычислениям, но практикой доказано... Не довольно, что делается произращение в известных уже ветвях, но и вновь открываются, как то воск, хлопок и прочие. Итак, через несколько лет должно ожидать комерции гишпанской самых важных действ и вышедший новый декрет должно почитать эпохой благополучия гишпанской комерции»⁴.

Высоко оценивая значение реформаторской политики Карла III и торопясь информировать Петербург о каждом из начинаний, тем не менее, Зиновьев старается быть объективным в оценке реального положения в стране. В депешах из Мадрида встречаются сведения об отсталости и суеверии народа, о большом количестве нищих на дорогах Испании и в самом Мадриде, о народных волнениях и бунтах, свидетелем которых он являлся. «Вкорененная праздность в этом государстве должна быть предписана следствию многих непрерывных и развратных правлений. Нынешнее же царствование Карла III конечно также неспешествует восстановлению Гишпаниии»⁵. В другой депеше находим: «С тех пор, как

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 362. Л.14.

² Там же.

³ Там же. Д. 368. Л. 123; Д. 380. Л. 22-24.

⁴ Там же. Д. 380. Л. 19.

⁵ Там же. Д. 358. Л. 43.

я нахожусь в Испании, я пытался всеми способами получить точные сведения о состоянии доходов и расходов этого королевства... Испанцы весьма неохотно говорят на эту тему. Среди причин такой сдержанности можно было бы назвать и особенности национального характера, не симпатизирующего никакому правлению. Но, скорее всего, причина этой сдержанности в том, что они просто не способны представить четкие и ясные данные по вопросу, которым владеют лишь единицы. Со вступления Бурбонов на испанский трон не прекращаются попытки произвести реформы в области финансов, но все они достигли лишь малого успеха. Налоги в Испании настолько многочисленны и разнообразны, а система их сбора настолько порочна, что сами реформаторы не могут руководствоваться не чем иным, как сложившимися обычаями...»¹.

Зиновьев докладывал в Петербург не только о реформах и политике, которой следовала Испания, но и о тех, кто эту политику направлял. Инициаторами реформ в Испании стали министры-просветители: Флоридабланка, Кампоманес, Аранда, Ховельянос и другие. Свои просветительские идеалы они получили возможность реализовывать в жизни. Информацию о том, насколько теория соответствовала практике, мы и находим в отчетах Зиновьева, составлявшего детальные и точные характеристики тех, кто являлся «мозгом и сердцем» системы просвещенного абсолютизма.

Первым на перо только прибывшего в Испанию Зиновьева попал бывший тогда президентом Кастильского совета граф де Аранда, о котором испанский историк Алькасар Молина писал, что он являлся «совершенным образцом просвещенного реформатора»². Приезд Зиновьева совпал с отставкой Аранды с этого поста, поэтому одно из своих первых донесений он начинает именно с описания этого события,

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 166.

² *Alcázar Molina C. El despotismo...* – P. 731.

отмечая, что «весь почти народ, кроме духовенства, сожалеет об этой перемене». «Граф Аранда, – сообщал он чуть позже, – из тех знатных гишпанцев, которые никогда не могли терпеть самовластия, и в бытность его президентом Кастильского совета, он всегда охотно защищал права национальные». Политическую характеристику министра Зиновьев дополняет описанием той атмосферы, в которой протекала его деятельность. «По справедливости имел он довольно причин оставить место президентское. Всегда почти Кастильский совет был противен его предложениям, которые часто служили для лучшей внутренней администрации». В донесении говорится, что граф де Аранда будет назначен послом во Францию, и, понимая всю важность информации о последствиях этого назначения для испано-французских отношений, Зиновьев добавляет: «Он из тех гишпанцев, которые всех больше кричали о неудобствах Фамилного пакта, а теперь непременно должен следовать принятым двором его правил и слепо повиноваться французской политике... Но как бы оно не было, конечно, не будет он приятен Версальскому двору и доверенности ни малой не будет иметь, но все исправляться будет здесь французским послом». Зиновьев приводит и другую вероятную причину скорого отъезда Аранды: «Многие думают, что он не для иного место взял посольское, как только иметь претекст выехать из отечества, в котором уже не чувствует любви, и не возвращаться в него до смерти»¹.

Говоря о причинах отставки Аранды в 1773 г., главную из них Зиновьев усмотрел во враждебном отношении к нему Гримальди. Однако при всей широте его власти положение Гримальди в Испании не было достаточно прочным. Карл III назначил на ключевые посты в государстве многих итальянцев, что вызывало недовольство среди испанцев. Им приписывали все недостатки и злоупотребления. Об этом неоднократно писал и Зиновьев: «В самом деле, хотя марки де Гри-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 345. Л. 23-24; Д. 351. Л. 105-106.

малди весма любит властвовать, но в характере его той твердости нет, которою бы могло держаться в такой земле, где вся нация его ненавидит... Но со всем тем, как мне кажется, крики неприятелей марки де Грималди не производят ничего важного в рассуждении того, что сей министр более всех знает нрав своего государя и умеет им управлять и при том будет проворнее всех своих неприятелей, найдет способы удержаться в своем кредите»¹. Однако в 1776 г. Гримальди все же подал прошение об отставке, которое было принято. На его место был назначен находившийся на посту посланника в Риме граф де Флоридабланка.

Правление графа де Флоридабланки практически совпало с пребыванием в Испании Зиновьева. Этому просвещенному министру уделяется самое пристальное внимание в донесениях российского дипломата. Только на их основе можно написать полную биографию первого министра Испании за 1776-1792 гг. Первые донесения Зиновьева связаны с пребыванием Флоридабланки в Риме, где ему было поручено получить у папы буллу об уничтожении ордена иезуитов. В 1776 г., когда было объявлено об отставке Гримальди, Флоридабланка оказался среди претендентов на этот пост, и вскоре его утвердил король. «К графу Флоридабланке в Рим, – писал Зиновьев 11.11.1776 г., – послан нарочный курьер, и думают, что, может быть, новый министр возвратится на одном военном фрегате, находящемся теперь в Неаполе». В следующем зашифрованном донесении Панину (18.11.1776) Зиновьев представил биографию будущего министра: «Выбор Флоридабланки инспирирован принцем Астурийским, и хотя он недостаточно известен при дворе, тем не менее все довольны тем, что министром назначен испанец, ибо страна давно требовала этого. Всего лишь десять лет назад министр был обычным юристом. Завоевав определенный авторитет, он получил должность фискала Кастильского

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 351. Л. 156, 184.

совета. В конце концов, он был направлен в Рим, чтобы добиться изгнания иезуитов. Его знание законодательства и красноречие известны лишь членам Кастильского совета, и общество никак не могло представить себе, что выбор остановят на нем. Без сомнения, ему понадобятся твердость и искусство для решения нынешних дел...»¹

В начале 1777 г. Зиновьев сообщал в Петербург о сомнениях в Мадриде относительно способностей Флоридабланки. «Каков будет дебют нового министра? Все изначально считают, что ему будет нелегко исполнять свои обязанности, сомневаясь в том, что у него есть какая-то общая система, а знания юриспруденции, которой он занимается уже длительное время, вряд ли будет достаточно, учитывая нынешнее положение Испании. Существует мнение, что дело иезуитов, которое он вел при римском дворе, в недостаточной степени подготовило его для управления этой большой страной. Следует поэтому ожидать, что г-ну Моньино придется положиться на своих чиновников, которые сами имеют только практический опыт в ведении дел»².

Однако эти мрачные прогнозы не оправдались, и уже через 10 лет Зиновьев дает следующую характеристику министру: «Влияние графа возросло до такой степени, что, не занимая должности премьер-министра, он им в действительности является... Король высоко оценил его старания и стал испытывать к нему безграничное доверие... Граф де Флоридабланка овладел всеми браздами правления в королевстве. И хотя король воображает, будто все верят, что он все делает сам и сам назначает министров, на самом деле граф подчинил его своей воле»³. Именно его усердие, настойчивость и старания стали импульсом для многих экономических нововведений, административных и социальных проектов, дос-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 362. Л. 152, 156-157.

² Там же. Д. 368. Л. 15. См. также: *Hernández Franco J. La gestión...* – P. 161-170.

³ Там же. Д. 426. Л. 14.

тижений в области науки и культуры. «Его любимые занятия, – продолжал Зиновьев, – проекты усовершенствования проезжих дорог, рытья каналов, словом, различных работ на благо королевства». «Граф де Флоридабланка неусыпным своим вниманием о внутренних делах получает себе день ото дня почтение и любовь от всей нации»¹.

Зиновьев отмечал, что с приходом к власти Флоридабланки несколько изменились «сердечные» отношения двух Фамильных держав. «Возглавив министерство, граф де Флоридабланка сразу обратил внимание на то, что двор находится в полной зависимости от французского двора». Эта зависимость дошла до такой степени, что в Испании не решается ни один вопрос без предварительного обсуждения с версальским кабинетом и что Франция настаивает, чтобы все государства, желающие начать переговоры с Испанией, обращались сначала к французскому правительству. Дипломат указывал, что испанский министр не сомневается в необходимости поддерживать тесные связи с соседним государством, но «совсем не хочет, чтобы эта связь переросла в деспотию». А потому, заключает посланник, вряд ли кто-либо «присвоит ему звание первого приказчика французского двора, которое было не без оснований присвоено его предшественнику герцогу де Гримальди»².

А как же сам просвещенный монарх Карл III? Карл III оказался в центре двух враждующих групп: реформаторов и консерваторов. Последняя была представлена в лице королевского духовника. «Доверенность, которую король к сему монаху имеет, – подчеркивал Зиновьев, – неограниченна, так что без его благословления никакого дела не подписывает, по какому бы то ни было департаменту, что производит в министрах здешних великую к помянутому духовнику ненависть, а особливо в графе Флоридабланка, который терпеть

¹ Россия и Испания... – С. 341; АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 87.

² Россия и Испания... – С. 343, 345-346.

его не может, отзываясь, как о весьма простом и незнающем монахе»¹. Но победила все-таки партия реформаторов². Как видим, Карл III стремился создать себе славу просвещенного монарха, наряду с Фридрихом II, Екатериной II и Иосифом II, и если он сам и не являлся инициатором политики реформ, то, по крайней мере, создавал благоприятные условия для активности своих министров. Смерть Карла III в декабре 1788 г. означала конец эпохи просвещенного абсолютизма в Испании.

Изменилось и положение первого министра: неприязнь к нему со стороны королевской четы, которая зародилась еще в те годы, когда Карл IV был только наследником испанского престола и имел титул принца Астурийского, переросла в открытую вражду. При Карле III Флоридабланка обладал практически неограниченной властью в государстве, что не устраивало инфанта. Их разногласия обострились в последние месяцы правления Карла III³. И когда наследный принц Астурийский стал королем Карлом IV, а принцесса Астурийская – королевой Марией-Луизой, этот антагонизм усилился еще больше. Однако Флоридабланка обладал все еще значительной властью и пользовался авторитетом, что не позволило дать ему отставку сразу же после смерти Карла III. «Его настоящее положение, – подчеркивал российский

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 421. Л. 63.

² Через некоторое время Зиновьев отмечал: «Даже отец-духовник, имевший на короля большое влияние, был вынужден Флоридабланке уступить». Россия и Испания... – С. 341.

³ «Принц и принцесса Астурийские... по дряхлости короля час от часа более получают инфлюенцию в правлении. Вышеупомянутые особы не токмо были преданы графу Аранде, который со своей стороны желает играть некоторую роль, и потому, подражая ему, роптали со всей смелостью, как на двор, так и на подвиги графа де Флоридабланки. Наконец, дело дошло уже до того, что они начали составлять партию против сего министра, поставляя в оной Аранду начальником», – сообщал Зиновьев в Петербург в ноябре 1788 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 449. Л. 159.

посланник, – заметно отличается от того, в котором он находился при прежнем правлении. Тот пост он получил по благосклонности покойного монарха, и нельзя упрекнуть его в том, что это могло бы нанести ущерб Испании. Но в настоящих условиях он вынужден иметь другого повелителя, и здесь он почти не обольщается, что не пользуется никаким его доверием – напротив, с ним надо вести себя осмотрительно и осторожно... Его знания и опыт сделали его крайне необходимым новому монарху, который пока не может полностью обойтись без него. Но, похоже, что интриги, которые он вряд ли замечал при Карле III, возрождаются вновь»¹.

Эти интриги санкционировались властной и своенравной королевой Марией-Луизой, которая видела во Флоридабланке основного соперника в борьбе за власть, за политическое влияние в делах. Королева шаг за шагом усиливала свое влияние на монарха, а Флоридабланка постепенно утрачивал позиции. В апреле 1790 г. он вынужден был сложить с себя полномочия министра юстиции и внутренних дел, передав их ставленнику королевы графу Лерену, оставив за собой только пост министра иностранных дел². Однако Флоридабланка не собирался сдавать оружие, а потому отношения накалились еще более. «Положение этого министра день ото дня становится все более критическим – он прилагает весь свой талант, чтобы удержаться на посту в такое время, когда беспорядки и нестабильность при дворе достигли своей наивысшей степени из-за капризов и жестокого характера королевы, которая имеет неограниченное влияние на короля в вопросе назначения министров»³.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 455. Л. 3.

² «Граф де Флоридабланка, который всегда являлся первым министром, все чаще оказывается в затруднительном положении, – комментировал это событие Зиновьев. – Похоже, этот министр постареется, наконец, под воздействием интриг и вняв советам друзей и своему настроению, получить отставку в первый удобный момент». Там же. Д. 463. Л. 103.

³ Там же. Д. 470. Л. 30.

Борьба достигла своего апогея в начале 1792 г. 28 февраля вышел королевский указ о создании нового законодательного органа – Государственного совета, во главе которого поставили графа Аранду и которому одновременно был вручен пост первого министра, принадлежавший ранее Флоридабланке. «Опала графа де Флоридабланки не является результатом какого-либо внезапного инцидента и еще в меньшей степени какого-нибудь проступка», – указывал Зиновьев в подробнейшем отчете вице-канцлеру графу Остерману, направленном в Россию сразу же после обнародования этого указа. Ее причина – «в закоренелой ненависти королевы, которую она испытывала постоянно, но только после смерти покойного короля удалось реализовать проект погубить его». Анализируя изменение положения при дворе, Зиновьев подчеркивал, что Флоридабланка всегда отстраненно держался от партии, которую возглавляла королева. Смерть министра юстиции и внутренних дел графа Лерены обострила борьбу двух групп за это место, и королева использовала этот момент для отстранения Флоридабланки¹.

Заговор был осуществлен в глубокой тайне; первый министр даже не подозревал, что события разовьются столь стремительно, тем более, что король всегда оказывал ему дружеское расположение. Накануне, когда проект отставки был уже составлен, он долго прогуливался с графом и доверительно с ним беседовал. Однако, по словам Зиновьева, «публика полагает, что граф де Флоридабланка мог предвидеть этот заговор против него, но далекий от того, чтобы ему противостоять, он предпочел отставку, чтобы таким путем выйти из сложного положения, в котором оказался из-за непримиримой ненависти королевы и выпутаться таким образом из бесконечных забот о положении как внутри, так и вне

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 40-48. См. также: *Corona C. Revolución...* – P. 220-222.

королевства. А потому он воспринял это фатальное известие с такой покорностью и спокойствием»¹.

Репрессии испанского правительства коснулись и наиболее известных общественных деятелей страны. В 1790 г. был отправлен в ссылку крупнейший просветитель Гаспар де Ховельянос, а вслед за ним и Франсиско Кабаррус. Зиновьев в одном из своих донесений писал: «На сих днях вновь посланы в ссылку несколько из довольно знатных людей, кои, конечно, некоторыми речами прогневали Двор. Г-н Кабаррус, установитель Народного банка и директор оного, который уже близ года находился под караулом, на сих днях переведен в маленький замок, лежащий на расстоянии 5 миль от Мадрида». Через несколько месяцев президент Кастильского совета Педро де Кампоманес был смещен с должности без объявления причин². Были отменены многие реформы, осуществлявшиеся в правление Карла III³. Сам же Флоридабланка был отправлен в Мурсию, а вскоре переведен в замок в Памплоне. Вслед за ним были уволены многие его сторонники⁴.

Основной причиной изменения политического курса Испании стала революция, начавшаяся во Франции в 1789 г., и Испания, в течение 30 лет сохранявшая верность союзным узам с Францией, разорвала их и начала военные действия. Практически весь этот период Зиновьев находился в Мадриде, являясь не только свидетелем, но и активным действующим лицом российской политики, направленной на создание и сплочивание антифранцузской коалиции.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 44-45.

² Там же. Д. 470. Л. 3, 41, 80.

³ О внутренней политике испанского правительства в годы революции см.: *Волосюк О.В.* Испания и Европа в годы Великой французской революции. – М., 1994. – С. 13-25.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 471. Л. 6, 52; Д. 477. Л. 40-47, 56, 60, 66, 125. См. также: *Enciso Recio L.M.* El influjo de la revolución francesa en España // *Poder ilustrado y revolución.* – Murcia, 1984. – P. 59-64.

Глава 4

ИСПАНИЯ И РОССИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

4.1. Политика Флоридабланки в отношении Франции и переписка с Екатериной II

14 июля 1789 г. полномочный посланник России в Париже И.М. Симолин составил следующее донесение вице-канцлеру графу И.А. Остерману в Петербург: «Со времени отправления моей последней депеши от понедельника, ...во Франции случилась революция, которую трудно было бы себе представить, если бы она не произошла на наших глазах»¹. С августа 1789 г. российские дипломаты из разных стран Европы направляли информацию в Петербург о волнениях, происходивших там под воздействием французской револю-

¹ Через неделю он написал: «Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена. Восстание города Парижа, к которому умы, казалось, были подготовлены, разразилось на другой день после отъезда г-на Неккера. В следующие дни оно продолжало разрастаться... Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия оказалась уничтоженной, и ее глава вынужден соглашаться на все, что разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и должен еще считать себя при этом очень счастливым, что народ соблаговолил удовлетвориться тем, что он пожертвовал своей властью и своими правами». Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789). – М., 1989. – С. 260-261, 271-277.

ции. Первое такое донесение Остерман получил из Гааги от чрезвычайного и полномочного посланника С.А.Колычева о росте революционного движения в Австрийском Брабанте. В то же самое время российский посланник в Сардинии П.И. Карпов сообщал о волнениях в Савойе и отказе населения платить подати. В сентябре «революционная зараза» распространилась на Саксонию, Кассель, Кобленц и Рейнский Пфальц¹.

В октябре информация подобного рода стала еще более частой и более тревожной. «Льеж, Ставело, Шпейер, Трир, Майнц, Гессен-Дармштадт, имперские города Кельн, Гильдесгейм, а также Ахен и Нюрнберг, успокоенные, но не получившие полного удовлетворения, – докладывал чрезвычайный посланник в Дрездене А.М. Белосельский, – почти в равной мере испытывают внутренние потрясения и внушают большие опасения, что их заразному примеру последуют другие области, имеющие большое значение с точки зрения могущества и их политических связей». Еще через месяц сообщения подобного характера Остерман получил из Польши: «Несомненно, что факт свержения правительства во Франции способствовал брожению, которое оттуда проникло в Нидерланды, а затем и в Германию, в которой тоже неспокойно. Даже Саксония охвачена волнением... Прусские подданные жалуются... Это – вроде эпидемии, которая со временем причинит большие заботы германским князьям. В Польше, которая называется свободной и в которой имеются только благородные и рабы, горожане входят в класс по-

¹ «Мания восстаний, – писал чрезвычайный посланник в Дрездене А.М. Белосельский, – видимо, стала весьма заразной болезнью, поскольку она распространяется и на те государства, народы которых принадлежали до этого к числу наименее недовольных своей участью. Так, например, в Саксонии, где нынешний курфюрст лично пользуется глубоким уважением, в течение некоторого времени стал обнаруживаться мятежный дух, которому правительство начинает уделять серьезное внимание». Международные отношения... – С. 311-313, 345-346.

следних и находятся под игом дворянства, ...весьма вероятно воспользуются этим и восстанут», – и из Голландии: «Таким образом, революцию, которую ожидали давно, можно теперь почитать совершенную, хотя и остается еще во власти императора провинция и крепость Люксембург, да крепость Антверпская»¹.

Но революция вызвала не только восторженные отклики – она насторожила европейских монархов, хотя поначалу они увидели в ее событиях только падение бывшего могущества Франции. Иосиф II, император Священной Римской империи, был более всего расстроен тем, что рушился австро-французский союз 1756 г., который защищал его от возможности вооруженного нападения Пруссии. Несмотря на то, что французская королева являлась его сестрой, он с поразительным равнодушием отнесся к французским делам. «Мое здоровье не настолько расстроено, чтобы тревожиться событиями, в которых я не принимаю никакого участия», – писал он канцлеру Кауницу после взятия Бастилии. Берлинское правительство увидело в событиях во Франции ослабление своей постоянной соперницы, которое могло затянуться надолго и привести к тому, чего не мог достичь Фридрих II и о чем Пруссия не могла даже мечтать: распад союза Австрии и Франции и, как следствие, возвышение Пруссии.

Английский король Георг III также радовался кризису государства, которому не мог простить вмешательства в борьбу против своих американских колоний. Тем не менее обиды, наносимые королевскому сану, оскорбляли его, и он выражал свое негодование. Хотя, впрочем, позиция Англии определялась не столько чувствами короля Георга, сколько расчетами английского кабинета: революция освободила Англию от опасной соперницы, обеспечив ей место на рынках и в кабинетах дипломатов, которое раньше занимала Франция. Только Швеция, Испания и Россия были всерьез

¹ Международные отношения... – С. 372-374, 402-404.

озабочены произошедшими событиями. Воинственно настроенный шведский король Густав III готов был даже погасить свою неприязнь к России, чтобы совместно с Екатериной II возглавить «крестовый поход» против революции.

В Мадриде больше всего боялись распространения «эпидемии» революции на Испанию, а потому именно против нее и были направлены основные усилия графа де Флоридабланки. «Французские дела вызвали такое беспокойство, – писал Зиновьев из Мадрида, – что здесь не могут относиться безразлично к происходящему в Нидерландах и Льеже. Все эти события вызвали здесь больше страха, чем они заслуживают, и явно воздействовали на короля, который лишь с трудом скрывает дурное настроение, вызываемое у него новостями, доставляемыми курьерами. Дела внутри Испании никак не могут удовлетворить е. в-ва, по крайней мере, в данный момент, когда население, недовольное повышением цен на хлеб и приказом об удалении из Мадрида бесполезных людей, начинает роптать и тем еще увеличивает заботы двора»¹.

Весной 1790 г. Испания получила возможность проверить прочность подписанного 30 лет назад Семейного пакта. Поводом стало столкновение ее интересов с Англией в мае 1790 г. из-за Калифорнии, которое привело оба государства на грань войны². 4 мая 1790 г. английское правительство отдало приказ о вербовке матросов для экспедиции к берегам

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 455. Л.216.

² Бухта Нутка в Калифорнии была предметом бесконечных столкновений между обоими государствами. Весной 1789 г. испанцы захватили английское судно и водрузили свое знамя на территории, которую англичане считали своей. Испанцы же обвиняли англичан в посягательстве на их колониальные владения в этом районе. Об этом, в частности, говорилось в депеше от 4 июля 1790 г., отправленной Флоридабланкой в КИД. Переговоры продолжались около года и к весне 1790 г. были близки к провалу. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 570. Л. 10-29. См. также: *Альперович М.С.* Россия... – С. 145-150; *Schop Soler A.M.* Un siglo... – P. 33-34.

Калифорнии. На следующий день король объявил палатам о столкновении между Англией и Испанией. 10 мая палата общин вотировала миллион фунтов стерлингов на вооружения. Чтобы не остаться в одиночестве, Испания в поисках союзников потребовала от Франции подтверждения верности Фамильному пакту. 14 мая 1790 г. министр иностранных дел Франции, граф де Монморен, направил письмо Национальному собранию, в котором говорилось, что вооружения Англии вынуждают Францию позаботиться о своей безопасности и что вследствие этого король приказал вооружить 14 линейных кораблей. Собрание фактически свело на «нет» обсуждение этого вопроса, заменив его дискуссией о принципах новой внешней политики возрожденной Франции¹.

«Последний из Парижа прибывший курьер кажется не привез ничего по делам с Англией. Но уверяют, что депеши его единственно касаются до положения Гишпании с Францией», – сообщал Зиновьев в зашифрованном донесении в начале июня 1790 г. «Граф Фернан Нуньес уже давно получил наставления просить категорического ответа относительно исполнения настоящего между обоими дворами трактата в случае нарушения мира, ибо двор здешний принял твердое намерение каким-либо образом докончить сие дело, почитая лучше получить совершенный отказ, нежели остаться в неизвестности. Вероятно, что поступок сей произведет многие непристойные в Народном собрании толкования»². 16 июня испанский посол в Париже граф Фернан Нуньес заявил Монморену, что Испания начнет искать других друзей и союзников³.

¹ Английский же флот, находившийся в Средиземном море, получив уведомление о возможности скорого разрыва с Испанией, покинул этот район. Об этом Зиновьев сообщил Остерману донесением от 23.5 (3.6). 1790 г. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 463. Л. 64.

² Там же. Л. 82.

³ Mousset A. Un témoin... – P. 208.

Переговоры с Англией продолжались практически до конца 1790 г., и французские дела во внешней политике отошли на второй план. Однако позиция Франции в случае осложнения отношений с Англией беспокоила Испанию. Она располагала только 70 военными судами, тогда как Англия могла выдвинуть 158 судов. И в то время, как Национальное собрание решало, оказывать или нет поддержку Испании, Голландия вооружалась, чтобы прийти на помощь Англии.

В августе 1790 г. граф Фернан Нуньес направил курьера, который прибыл в Сан-Ильдефонсо 2 сентября с сообщением, что «Национальное собрание в конце концов решило сохранить связи с Испанией и отдало приказ о вооружении 45 линейных кораблей для поддержки этой державы в случае ее войны с Англией, не признавая полностью Фамильный пакт, который следует еще изучить для внесения в него модификаций»¹. Французы предложили пересмотр трактата и согласование его с подготавливавшейся конституцией, другими словами, замену Фамильного пакта национальным. В виде скрепления этого нового союза испанцам было предложено возвратить Франции Луизиану. Подобная позиция Франции оказала влияние на ход переговоров: Англия, узнав о военных приготовлениях Франции, пошла на уступки в переговорах с Испанией об условиях мореплавания у берегов Калифорнии². Однако Англия не знала, что Флоридабланка отказался принять это предложение Франции, что, в свою очередь, вынудило его смягчить свою позицию на переговорах и пойти на подписание соглашения с Англией. 28 октября 1790 г. в Эскориале был подписан договор о рыболовстве, судоходстве и торговле в Тихом океане, разграничивший ин-

¹ *Mousset A. Un témoin...* – P. 220. Это донесение Фернана Нуньеса приводит в своем отчете в Петербург и Зиновьев. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 464. Л. 3.

² *Альперович М.С. Россия...* – С. 150-161.

тересы Англии и Испании в Калифорнии¹. Таким образом, в результате англо-испанского конфликта был сделан первый шаг к разрыву традиционного испано-французского союза.

Предложение Франции о пересмотре Семейного пакта в связи с англо-испанскими осложнениями в мае 1790 г. привело к охлаждению испано-французских отношений. В июне Франция отозвала своего посла герцога де ла Вогийона. «Французский посол 28 числа сего месяца с курьером из Парижа получил указание графа де Монморена, который, не отзывая его, советует ему тем не менее покинуть этот двор без официальной аудиенции в соответствии со сложившейся ситуацией. Похоже, он желает удалиться как можно скорее не только от двора, но и от границ Испании, чтобы избежать каких-либо осложнений с Национальным собранием». Представителем Франции в Мадриде стал поверенный в делах Бургоань, преданный революции и весьма холодно относившийся к Испании. Он не был официально принят при мадридском дворе, герцог же Вогийон остался в Мадриде, не имея официального статуса посла, но как представитель интересов Людовика XVI перед королем Испании. В феврале 1791 г. существовавшая ранее переписка между Флоридабланкой и министром иностранных дел Франции Монмореном, позволявшая им действовать всегда в согласии, была прервана после того, как последний выразил свою преданность Национальному собранию².

Россия также неприязненно отнеслась к событиям, происходившим во Франции и связанным с ними волнениям в Европе. Однако решения требовали и ее собственные дела. Еще в 1787 г. Англия, Пруссия и Голландия заключили союз в противовес Австрии и Франции. В ответ Екатерина задума-

¹ «Единственное, в чем все сходятся, – писал неаполитанский посол Луцци, – то, что мир, заключенный с Англией, продлится недолго». *Archivio di Stato di Napoli* (Далее: ASN). F. 2330.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 463. Л. 62-63; Д. 470. Л. 9.

ла четверной союз с Австрией, Францией и Испанией, но он не удался. В связи с революцией во Франции вопрос об участии этой страны отпал¹. Так как надежды на союз провалились, то французский посол Сегюр в октябре 1789 г. вынужден был покинуть Петербург, оставив там временного поверенного в делах Жёнэ. Между Петербургом и Парижем практически прекратились отношения: у России в тот период были другие, более важные заботы. Разбитые Суворовым в июле и сентябре 1789 г. турки все еще продолжали сопротивляться, грозила вмешательством Пруссия, Густав III готовился возобновить войну весной 1790 г. Поэтому основное свое внимание Екатерина II сконцентрировала на Испании, однако там, сосредоточившись вокруг разрешения конфликта из-за Нутки, с прохладой отнеслись к предложению России о союзе.

В конце марта 1790 г. М. де Гальвес сообщал Флоридабланке из Петербурга: «Британский посланник часто встречается с графом Остерманом, который, кажется, душой и сердцем предан Англии и Пруссии. ...Здесь правитель-ство надеется, что союз, предложенный Англии двумя имперскими дворами, будет заключен, если король Богемии (Леопольд II. – *О.В.*) в отношениях с ее в-вом продолжит политику своего предшественника. В противном случае заключение тройственного союза будет предложено Пруссии. ...Заключение союза с Пруссией явится, как можно предположить, главной победой для Англии. Поэтому представляется необходимым изыскать все возможные средства, чтобы помешать этому союзу, к которому, несомненно, присоеди-

¹ Об этом предупреждал Симолин сразу же после взятия Бастилии и последовавших за ним событий: «Было бы заблуждением рассчитывать теперь на союз и еще менее на политическое влияние Франции. Каково бы ни было отношение нового министерства к предполагаемому союзу с е. и. в-вом, оно надолго лишено возможности им заняться, и надо рассматривать Францию при решении стоящих перед нами в данный момент вопросов как несуществующую». *Международные отношения...* – С. 276.

нится Дания, и, возможно, Швеция. ...Можно воспрепятствовать заключению союза Пруссии с Англией и Россией, если Пруссии будет предложена дружба бурбонских дворов и Австрии, что в данный момент вполне возможно. ...Можно предположить, что датский двор ведет переговоры с Лондоном, чтобы англичане не мешали выделению субсидий, которые е. в-во, король Дании, должен предоставить России, готовящей кампанию, способную привести к неизбежному поражению Швеции»¹.

Рассуждения Флоридабланки по этому кругу вопросов были весьма категоричны. «Россия останется на нашей стороне из-за денег, – утверждал он, – но мы не должны и не обязаны ввязываться в войну только, чтобы угодить России. При этом не следует позволять Англии слишком сблизиться с ней. Россия жаждет ежегодных субсидий, которые наша казна не может себе позволить, но которые она привыкла получать у Франции. Для этого она готова начать двойную игру, попросив еще больше у Англии и Пруссии. ...Дания вступит в союз, если это сделает Пруссия, в обмен на субсидии – а потому Пруссия представляется нам единственно возможным посредником»².

Пруссия же активизировала свою политику в отношении Австрии: прусская армия была мобилизована и сосредоточена в Силезии. Момент был выбран удачно: Франция занимала все более враждебную позицию по отношению к императору, революция в Бельгии разрасталась. Однако Леопольд II, вступивший на престол после смерти Иосифа II, не поддался на провокацию. Напротив, он обратился к Англии, а также к самому Фридриху-Вильгельму II с предложением уступок. В результате 27 июля 1790 г. в Рейхенбахе была подписана декларация об урегулировании отношений между двумя странами. А 14 августа 1790 г. Россия и Швеция

¹ Россия и Испания... – С. 383-384.

² *Sánchez Diana J.M.* España... – P. 32.

подписали мир в Вереле. Таким образом, раздоры европейских держав прекращались – их взоры обращались на Францию.

В январе 1791 г. Остерман поручил Зиновьеву выяснить отношение испанского правительства к заключению этого союза. В рескрипте, направленном 16 апреля, российская императрица выражала свое удовлетворение миролюбивой позицией Испании в противовес политике «Англии и Пруссии, склонявшихся к войне в Европе»¹. «Нелегко проникнуть в образ мыслей здешнего двора относительно событий во Франции, все обставлено большой секретностью, но, похоже здесь недовольны переменами, произошедшими во Франции», – докладывал премьер-министру лорду Актону неаполитанский посол Луцци, и в следующем донесении добавлял, что Испания, сохраняя внешне гармонию отношений со своей союзницей, пытается от нее отдалиться². Однако до середины 1791 г. Испания, придерживаясь политики нейтралитета, не примыкала ни к одному из союзов.

Ситуация изменилась коренным образом летом 1791 г. В апреле Национальное собрание назначило своим официальным представителем в Мадрид де Юртюбиза в качестве поверенного в делах. «Ожидаемый здесь французский поверенный в делах, – сообщал Зиновьев, – ...на сих днях прибыл и вскоре будет представлен е. в-ву. Ему предписано никоим образом не иметь сообщения с г-ном Вогийоном, но по сие время еще не получил от своего двора известного в. с-ву циркулярного объявления об установлении нового правления. Любопытно узнать, каким образом оно здесь принято будет, и какой граф де Флоридабланка сделает ответ». 11 мая Юртюбиз вручил графу циркулярное письмо короля Франции, касавшееся новой французской конституции, но ответа

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 217. Л. 18-20, 21-24.

² Донесения Луцци от 19.2 и 1.3.1791 // ANS. F. 2330.

никакого не получил¹. Молчание Флоридабланки объяснялось тем, что он должен был дать ответ не только представителю Национального собрания – Людовик XVI и Мария-Антуанетта вели тайные переговоры с Фернаном Нуньесом² о вторжении европейских монархий во Францию, официальный представитель французского короля перед европейскими монархами барон де Бретейль через Вогийона запрашивал Флоридабланку, когда будут предоставлены денежные суммы, предназначенные для помощи французским принцам, и когда будет установлен «кордон» на границе с Францией³. Положение Флоридабланки было достаточно сложным, но развитие событий во Франции разрубило этот «гордиев узел».

Ответ Флоридабланки последовал через полтора месяца. 21 июня 1791 г. Людовик XVI был задержан в Варенне, а 4 июля Зиновьев послал донесение, что эта новость достигла испанского двора. Арест Людовика XVI впервые столь остро поставил вопрос об участии Испании во французских делах и побудил Флоридабланку перейти от политики ограничения французского влияния во внутренних делах Испании к мысли о необходимости активной наступательной политики на революционную Францию и объединения в этом деле всех контрреволюционных монархий. «Оскорбление, нанесенное королю Франции, – подчеркнул в беседе с Зиновьевым Флоридабланка, – заставляет меня принять действенные меры против зла, которое беспокоит всех монархов Европы». Он объявил российскому посланнику о своем намерении побу-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 52. Об этом же сообщал и Луцци, который также отметил двусмысленность положения Флоридабланки. Юртюбиз пытался заговорить на эту тему с Луцци, а потом и с Зиновьевым, но последний постарался избежать разговора. Луцци – Актону. 10.5, 19.5 и 24.5.1791 // Archivio di Stato di Napoli (Далее – ASN). F. 2330.

² См. его донесения: *Moussset A. Un témoin...* – P. 227-252.

³ *Chaumié J. Les relations diplomatiques...* – P. 20.

дить Австрию, Россию и Сардинию к вмешательству во внутренние дела Франции¹.

«После известия о следствии над королем Франции, которое произвело здесь такую сенсацию», Флоридабланка решил «направить послание в Национальное собрание в защиту короля и королевской семьи». Но, по мнению российского посланника, Испания не захочет занять позицию, которая могла бы спровоцировать Национальное собрание². Письмо, написанное графом Флоридабланкой, было составлено в достаточно резких выражениях. Граф Фернан Нуньес, которому было поручено вручить его Монморену и который хорошо представлял себе реакцию французов, несколько смягчил тон послания, что стоило ему карьеры³ – в августе 1791 г. он был отозван от французского двора, его заменил временный поверенный Доминго де Ириарте, недавно вернувшийся из Польши⁴. Эта позиция Испании, пожалуй, впервые продемонстрировала расхождения между двумя бывшими союзниками, однако Карл IV не торопился углублять трещину – он считал, что сохранение отношений с Францией поможет ему принимать участие в судьбе его кузена. Реакция Собрания по прочтении этого письма была более чем пренебрежительной: «Собрание переходит к рассмотрению другого вопроса».

Еще один «приступ» антифранцузской деятельности Флоридабланки был вызван одобрением французским королем новой конституции, принятой Национальным собранием. 18 июля 1791 г. Людовик XVI известил об этом монархов Европы. В ответ на это послание Флоридабланка заявил

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 64.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Л. 65-68.

³ Луцци – Актону. 26.7.1791 // ASN. F. 2330.

⁴ См.: *Chaumié J.* Les relations... – P. 33, 46; *Mousset A.* Un témoin... – P. 274-302. Эту же причину приводит и в биографии Фернана Нуньеса Р. Прието, утверждая, что отставка и последующая ссылка привели к преждевременной смерти дипломата в 1795 г.: *Prieto R.* La Revolución francesa vista por el embajador de España Fernan Nuñez. – Madrid, 1997. – P. 13-14.

французскому уполномоченному Бургоаню, что испанский король не находит своего французского собрата в состоянии физической и моральной свободы действий и мысли и до тех пор, пока он не убедится, что французский король обладает действительной свободой, он не будет отвечать ни на какие послания, подписанные рукой этого монарха¹. Письмо такого же содержания было направлено во Францию для передачи Монморену.

6 июля 1791 г. Леопольд II отправил Карлу IV послание с предложением объединиться всем державам, чтобы освободить Людовика XVI и остановить революцию. К письму был приложен проект декларации о коалиции. 14 июля Амадей Савойский также направил Карлу письмо, в котором рекомендовал присоединиться к принципам, изложенным в декларации. А 15 июля неаполитанский король Фердинанд IV Бурбон, брат Карла IV, заявил о своей поддержке коалиции. Однако из всех этих государей, твердо убежденных в необходимости борьбы с революционной Францией, только один шведский король Густав III предложил конкретный план интервенции. Он готов был встать во главе шведской армии и российского контингента, который обещала Екатерина, чтобы вторгнуться во Францию. От Испании он потребовал финансовой поддержки в 12 тыс. ливров. Флоридабланка был готов откликнуться на эти призывы. «Можно предположить, – докладывал Зиновьев в донесении от 31.7(11.8).1791, – что в настоящее время план состоит только в том, чтобы найти поддержку других держав и возбудить их недовольство Национальным собранием. Он уже предпринял некоторые шаги для осуществления этого плана, и я точно знаю, что во время беседы с прусским посланником он склонял его к тому, чтобы призвать его двор произвести публичные

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 92-94, 145.

демарши в знак неодобрения новой системы правления во Франции»¹.

А испанский король в течение всего июля продолжал хранить молчание – на письмо шведского короля он ответил только 3 августа, а на послание императора – 7 августа. В начале августа в Мадриде было получено и послание Екатерины. «Курьер, прибывший из Московии к послу е. и. в-ва, привез предложения, касающиеся событий во Франции, – докладывал своему двору Луци. Он пытался узнать содержание этого послания, и, несмотря на то, что Флоридабланка держал все в большом секрете, он сумел разведать, что идея послания заключалась в объединении держав в коалицию. Испанский король, уже не медля, ответил на это письмо, которое было отправлено с курьером через Италию². Он выступил против вооруженной интервенции иностранных армий во Францию, считая, что она может только усугубить положение французского монарха. Он полагал, что следовало успокоить горячие головы во Франции, а потом приступить к переговорам о судьбе короля³. Таким образом, в этом вопросе столкнулись страстное желание Флоридабланки вмешаться и осторожность Карла IV. Испания стала проводить сложную политику: вмешательства в дела Франции без вооруженной интервенции.

27 августа 1791 г. прусский король Фридрих-Вильгельм II и император Леопольд II подписали в Пильнице декларацию о совместных действиях помощи французскому монарху и о восстановлении в правах немецких принцев, которых революция во Франции лишила их владений в Эльзасе⁴. Пиль-

¹ Lafuente M. Historia general de España... – Т. 21. – Р. 337. Об этом же см.: АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 94.

² Донесение Луци от 9.8. 1791 // ASN. F. 2330.

³ См.: Chaumié J. Les relations... – Р. 34-35.

⁴ См. об этом: Волосюк О.В. Испания и Европа в годы Великой французской революции. – М., 1994. – С. 49-50.

ническая декларация фактически означала создание первой коалиции европейских монархий против революционной Франции, поскольку ее подписанием была фактически достигнута договоренность о совместной вооруженной интервенции во Францию. Екатерина II приветствовала появление этой декларации и прилагала усилия к тому, чтобы ее следствием стало вооруженное выступление против Франции. В связи с этим она писала барону Гримму в Париж: «Как видите, условия, подписанные в Пильнице, не имеют ни силы, ни значения; я делаю все возможное, чтобы их одушевить на дело»¹, а Зиновьев несколько раз встречался с испанским премьером, чтобы согласовать позиции сторон².

Европейские державы проявляли особый интерес в том, чтобы в этой коалиции принимала участие и Испания, связанная с Францией фамильными узами. 23 сентября прусский посланник в Мадриде Сандоз Роллен известил в Эскориале графа де Флоридабланку о подписании декларации в Пильнице. В это же время российский канцлер А. Безбородко писал: «С прекращением наших хлопот с Пруссией и Англией и заключением прелиминарий с Портой дело идет между нами, венским, берлинским, стокгольмским, туринским, неаполитанским и мадридским дворами о принятии мер прекратить зло во Франции и законное правление монархии восстановить»³. Таким образом, угроза, исходившая со стороны Франции, заставила европейские державы забыть свои противоречия и пойти на объединение для успешной борьбы с революцией.

Уже к осени 1791 г. в заговор против революционной Франции были втянуты правительства важнейших европейских государств. 6 октября прусский посланник проинформировал Зиновьева о соглашении в Пильнице, заявив, что

¹ Русский архив. – 1878. – № 9. – С. 198.

² Луци – Актону. 30.8.1791 // ASN, F. 2330.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 133. См. также: *Манфред А.З.* Великая французская революция. – М., 1983. – С. 111-112.

«и австрийский, и прусский дворы интересуется, какую позицию займет Испания в этом как справедливом, так и важном деле», тем более что Англия уже высказалась о своем нейтралитете. Испания же заняла самую активную позицию. Флоридабланка с готовностью подключился к «концерту» европейских держав. 7 октября 1791 г. испанский посланник в России М. де Гальвес направил ему информацию о позиции России во французском вопросе: «Вчера я говорил с Остерманом, который спросил меня, готовы ли мы выступить против Франции, на что я ответил, что императрица получит известие о мнении нашего короля через императора, и что мы готовы выступить следующей весной на суше или на море – к тому времени будут ясны результаты утверждения христ. королем (Людовиком XVI. – *О.В.*) плана конституции, сообщение о которой мы получили с последней почтой». По словам испанского дипломата, Остерман выразил недовольство, так как «Россия выступала за военные действия против Франции. Что же касается одобрения французским королем конституции, то следует полагать, что его вынудили сделать это». В заключение Гальвес писал: «Спустя значительное время Кобенцель (посланник Австрии в Петербурге. – *О.В.*) сказал мне, что получил известие о соглашении его государя с королем Пруссии, заключенное в Пильнице относительно французских дел, а также ответы дворов на план императора, и если я хочу видеть ответ нашего двора, он мне его покажет. Я принял предложение с благодарностью, но до сих пор ответа нет»¹.

Флоридабланка составил ответ испанского двора, который учитывал и интересы других держав. Он вел переговоры с австрийским императором в начале октября 1791 г. В это же время Зиновьев передал ему письмо вице-канцлера Остермана, в котором была изложена позиция Екатерины относительно Франции. Этот документ нам удалось обнаружить

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 139; АНН. Estado, leg. 6.121 (2), N 318.

только в Национальном Историческом Архиве Испании. Екатерина, ссылаясь на инициативу императора, предлагала объединить усилия европейских монархий и организовать в их столицах серию демаршей, направленных против Франции. Особое внимание она уделяла присоединению к «концерту» Испании, связанной с Францией фамильными узами. В связи с этим Зиновьеву поручалось выяснить реакцию испанского министра на предложение Екатерины. С этого послания завязалась переписка Екатерины и Флоридабланки, продолжавшаяся до февраля 1792 г. В ответ 13 октября граф изложил российскому посланнику свой план вмешательства во французские дела, а 17 октября направил по этому вопросу шифрованную инструкцию Гальвесу с предписанием «настаивать на нашем союзе»¹.

Во второй половине октября 1791 г. Флоридабланка активизировал переговоры с прусским, австрийским и российским посланниками о позиции держав коалиции. Очевидно,

¹ АНН. Estado. Leg. 4638. N 2, 5. Этот план состоял из 7 пунктов: 1) не признавать Конституцию Франции с Францией до тех пор, пока ее король не будет находиться в безопасном месте вдалеке от Парижа; 2) в случае, если не удастся выволить короля, следует прервать всякие, в том числе дипломатические, отношения с Францией; 3) прервать также все торговые сношения с французскими городами и портами; 4) пограничные государства должны составить кордоны из своих войск на границе с Францией; 5) содействовать вторжению армии принцев и шведского короля, их союзника, ограничивая свое участие денежными субсидиями; 6) эта армия должна опубликовать и распространить манифест, объявляющий, что это вторжение направлено не против нации, но против узурпаторов власти и свободы. Армия, состоящая только из французов и их шведских союзников, позволит избежать другим державам, в частности Австрии и Испании, обвинения в желании территориальных захватов; 7) провести конгресс, который бы упорядочил взаимоотношения между французским королем и его народом, возможно, но только лишь в том случае, если король будет находиться в свободном и безопасном месте. АВПРИ. Ф. СРП. Д. 470. Л. 145, 154, Л. 156-157. См. также: *Volosiuk O.* La correspondencia de Catalina II y Floridablanca relacionada con la Revolución francesa, septiembre de 1791 – febrero de 1792 // *HISPANIA. Revista española de historia.* – Madrid, 1990. – № 174. – Vol. L/1. Enero-Abril. – P. 303-312.

ни один из дипломатов не предоставил ему окончательного ответа, потому что Флоридабланка, получив повторное письмо от Монморена, сопровождавшее послание Людовика XVI Карлу IV, заявил, что «сохранил свое прежнее решение оставаться непреклонным, и, даже если его не поддержат Дворы Вены и Берлина, одному поддерживать это святое дело»¹.

Однако только в ноябре, вскоре после появления первого закона об эмигрантах, стороны приступили к составлению договора. Противоречия между будущими союзниками препятствовали скорому решению дел. Прежде всего это касалось России и Пруссии: Екатерина стремилась вовлечь германские государства в войну с Францией не только с целью искоренения «революционной заразы», но и для того, чтобы свободнее распорядиться Польшей. К этому присоединялись и «домашние» заботы внутри Священной Римской империи, так как баварский Пфальц, Вюртемберг, Гессен-Кассель и Ганновер были всерьез настроены против Австрии и обеспокоены за свою судьбу внутри Империи. В сложившейся ситуации в качестве одной из мер, которые могли бы укрепить наметившееся прусско-австрийское согласие и активизировать подготовку антифранцузской коалиции, российские придворные круги рассматривали русско-английское сближение и последующее привлечение Англии к делам коалиции. Однако первые попытки привлечь Англию к участию в коалиции не увенчались успехом². Неудача с Англией заста-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 158-160, 162-164, 168.

² В Петербурге британский посланник Ч. Уитворт заявил Остерману, «что хотя... он не сведом о намерениях своего двора и думает, что он не принял еще решительной резолюции, однако уповает, что король, государь его, составил бы с прочими державами общее дело, но нация его, ревнующая по вольности, едва ли на то согласится, напротив же того, должно опасаться, что она воспротивится принять от правительства каких-либо мер к ниспровержению возрождающейся во Франции вольной конституции». *Искюль С.Н.* Отклики на поражение антифранцузской коалиции 1792 г.: (из материалов архива Воронцовых) // Великая французская революция и Россия. – М., 1989. – С. 449.

вила Россию вновь активизировать свои взаимоотношения с Испанией.

В ноябре 1791 г. временный поверенный Франции передал послание французского монарха, «написанное его собственной рукой», к испанскому королю, в котором он в весьма настоятельной форме убеждает «е. в-во смягчиться и воздать, наконец, должное законности его санкции». Г-н де Монморен со своей стороны направил письмо графу Флоридабланке «с целью заставить его изменить мнение по вопросу, от которого зависит счастье двух народов». В ответ на это послание Флоридабланка еще раз подтвердил от имени короля Испании, что он «не признает законность этой санкции, так как не может считать его свободным ни морально, ни физически»¹. Жесткая позиция, занятая Флоридабланкой, препятствовала сохранению нейтралитета и приводила к тому, что Испания все более втягивалась в антифранцузскую политику.

В декабре 1791 г. Флоридабланка сообщил Зиновьеву, что в связи с изменившимися обстоятельствами его первоначальный план стал нереальным, а потому он предложил проект нового плана. Что же изменилось? Как указывал автор проекта, «невозможно в данный момент требовать от Собрания свободы е. христ. в-ва, а также прервать все связи путем отзыва послов и свертывания торговли и созвать конгресс для восстановления королевской власти, поскольку король Франции сам заявил и пожелал убедить остальные дворы, что он свободен». А потому основным вопросом, объединявшим державы, должна была стать помощь французским принцам и эмигрантам². Донесение с изложением этого пла-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 470. Л. 168, 172. Флоридабланка заявил Юртюбизу, что он примет только те верительные грамоты, которые будут подписаны рукой короля. ANS. F. 2330.

² Новый план графа де Флоридабланки состоял из 5 пунктов: 1) денежная помощь французским принцам и эмигрантам; 2) помощь, по возможно-

на Зиновьев отправил в Петербург, но оно было утеряно во время кораблекрушения на пути от Испании до Генуи. А потому в феврале 1792 г. российский дипломат отправил дубликат этого послания.

Но Екатерина узнала о содержании плана Флоридабланки вовремя. В день беседы с Зиновьевым Флоридабланка направил письмо с изложением этого проекта М. де Гальвесу для передачи его содержания императрице. В конце декабря 1791 г. Гальвес проинформировал ее о новом плане испанского министра, и российская государыня незамедлительно составила ответ, который 25 декабря был направлен в Испанию. В нем рассматривались варианты плана интервенции во Францию европейских держав, а также выражалась поддержка Россией всех инициатив испанского двора, направленных против Франции. Зиновьеву было указано ознакомиться с позицией России Флоридабланку¹. А позиция России обуславливалась в конце 1791 г. одним важным обстоятельством – Екатерина стремилась втянуть в коалицию другие европейские державы, оставаясь сама в стороне от активных действий. Об этом она и заявила однажды своему личному секретарю А.В. Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы продвинуть венский и берлинский дворы в дела французские, ...чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты и мне не мешали»².

сти, войсками северных держав, в первую очередь, Швеции и России; 3) укрепление кордона пограничных государств; 4) и 5) публикация манифеста, провозглашавшего неделимость Франции. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 11-12, 31-35.

¹ Там же. Д. 574. Л. 3-5; Д. 217. Л. 29-36. А Луцци сообщал, что в эти дни Зиновьев имел постоянные аудиенции у Флоридабланки, содержание которых ему, однако, оставалось неизвестным. ASN. F. 2330.

² Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. – М.-Л., 1941. – С. 168.

Начало 1792 г. ознаменовалось активизацией деятельности европейских держав вокруг созыва конгресса, который урегулировал бы положение во Франции и взаимоотношения французского короля со своими подданными. Екатерина в своем рескрипте высказала по этому вопросу довольно четкую позицию. Ее план состоял из 6 пунктов, один из которых гласил: «Поскольку король и королева Франции, как представляется, хотят созыва конгресса под предлогом рассмотрения вопросов, связанных с Авиньоном и германскими принцами, имеющими владения во Франции, а также, поскольку посол Франции, как это нам известно, представил венскому двору официальное предложение, данная мера представляется замечательной... Требуется лишь, чтобы Ассамблея этого конгресса состоялась в один из месяцев нынешней зимы или к началу весны, с тем чтобы военные операции, если в них возникнет необходимость, могли бы быть предприняты уже в начале этого срока»¹.

В начале февраля рескрипт Екатерины был получен Зиновьевым в Мадриде и немедленно передан испанскому двору. «По прочтении его, – докладывал дипломат, – граф де Флоридабланка высказал хвалу этому плану, уверяя меня, что он поддерживает его целиком и с великим удовольствием и вскоре передаст ответ на него от короля». Испанский министр изложил Зиновьеву собственноручное письмо Людовика XVI, в котором тот указывал, что признание новой Конституции Франции было с его стороны вынужденным шагом, дабы избежать угроз по отношению к его персоне и его семье, что он просит помощи и поддержки со стороны европейских монархий и настаивает на созыве конгресса, хорошим местом для которого стал бы Ахен². 23 февраля Флоридабланка отправил своему посланнику Гальвесу в Петер-

¹ AHN, Estado, leg.121 (2). См. также: *Volosiuk O. La correspondencia... // HISPANIA...*

² АВПРИ. Ф. СРП. Д. 477. Л. 13-14.

бург ответ на план Екатерины и свой уточненный план. Гальвес получил его в марте и сообщал, что «содержание письма очень обрадовало здешний двор, так как согласуется с планом и идеями здешнего правительства»¹. Но было уже поздно.

Сближение между российским и испанским двором не осталось незамеченным представителями дипломатического корпуса в Мадриде, которых интересовал вопрос о содержании и результатах переговоров. «Курьер из Московии, – докладывал Луцци, – привез послание, в котором е. и. в-во выражает обеспокоенность настоящими делами во Франции, а особенно судьбой французских принцев». Испанский министр в ответе на это послание уверил российскую императрицу, что его государь готов принять участие в конгрессе, который предлагает созвать российская сторона².

Эти антифранцузские демарши Флоридабланки стали последними в его карьере – не всех при мадридском дворе устраивала активность графа, и именно его резко антифранцузская политика стала поводом для его смещения.

4.2. Нейтралитет Аранды и отношения с Россией

В феврале 1792 г. Флоридабланка был заменен графом Арандой, который устраивал королевскую чету и по политическим, и по личным соображениям. Вспомним донесение Зиновьева вице-канцлеру Остерману от 8 сентября 1788 г. о том, что Аранда еще до смерти Карла III возглавил оппозиционную Флоридабланке партию, к которой принадлежали принц и принцесса Астурийские³. Верность им он сохранил и после смерти этого короля. Но в 1792 г. Аранде уже испол-

¹ АНН. Estado. Leg. 4623. № 350.

² АСН. F. 2330.

³ См. также об этом: *Герреро Латорре А.* Карл IV... – С. 273-275.

нилось 75 лет, и он был слишком стар для проведения в жизнь своего собственного политического курса. И уже не принц и принцесса входили в его партию, а он поддерживал партию, возглавлявшуюся королевой Марией-Луизой, и мог стать только исполнителем ее идей и замыслов. «Выбор был остановлен на графе Аранде, – отмечал Зиновьев, – хотя очевидно, что он не годится для этой роли». Основными причинами он считал возраст графа, его физическую и душевную слабость. «Но, – указывал далее российский дипломат, – следует рассматривать этот выбор как попытку сохранить свое влияние благодаря известной репутации графа Аранды и тому доверию, которым он пользуется у народа»¹.

Политическая репутация графа Аранды сыграла важную роль. Он принадлежал к числу министров-реформаторов эпохи «просвещенного абсолютизма» Карла III, защищал философские идеи Просвещения, восхищался прусским королем Фридрихом, выступал против Англии, проповедовал «разумный» союз с Францией и поддерживал дружбу с французскими философами-просветителями. В противоположность предшественнику он проявлял большую сдержанность в отношении держав, организовавших антифранцузскую коалицию, и французских эмигрантов. Фигура Аранды как нельзя более устраивала королевскую чету для осуществления поворота во французской политике. Свое первое донесение после назначения Аранды Зиновьев начинает именно с этого вопроса: «Несмотря на постоянные уверения графа Аранды дипломатическому корпусу, что он еще не вошел в курс дел, становится очевидным, что он склоняется к ограничению мер, направленных против Франции». Примерно то же самое сообщал в Неаполь и Луцци: во время встречи с Арандой он спросил его, какова будет политика испанского двора по от-

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 477. Л. 43. Подробнее см.: *Volosiuk O. España y la Gran Revolución Francesa evaluadas por diplomáticos de Rusia. España y el mundo. – Moscú, 1990.*

ношению к Франции, но новый премьер уклонился от ответа. «Я заметил во время встречи некоторую холодность, сквозившую в поведении посланников России, Пруссии и Швеции», причиной которой, по мнению дипломата, могло стать только изменение политического курса, а значит, отход от совместных демаршей, предпринимаемых членами коалиции¹.

Через три недели после своего назначения Аранда имел длительную беседу с Бургоанем. «Полагают, и это подтверждается положением дел, что он возобновил попытки получить ответ на письмо французского короля о так называемой “свободной” конституции, о восстановлении переписки между двумя дворами, прерванной Флоридабланкой, и об обмене полномочными послами». В дипломатических кругах сложилось мнение, что французский временный поверенный получил благоприятный ответ, «по крайней мере, похоже, что между ним и графом Арандой установилось определенное доверие». Окончательная резолюция о политике в отношении Франции должна была быть принята на заседании Государственного совета².

Следующим шагом на пути сближения с Францией был обмен полномочными посланниками: в Испании им стал временный поверенный Бургоань, а во Франции остался Ириарте. Ситуация была достаточно деликатная: в Испании также находились Юртыбиз, не признанный испанским правительством в качестве полномочного представителя, и герцог Вогийон, которого только после назначения Бургоаня в марте 1792 г. испанское правительство официально перестало считать представителем Франции. Как писал тогда экс-министр Флоридабланка: «В Мадриде находятся три человека, которые имеют полномочия со стороны Франции: герцог де ла Вогийон..., который представляет нам всеобъемлющую

¹ Луци – Актону. 13.3.1792 // ASN. F. 2330.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 52, 73-74.

и секретную власть христ. короля..., герцог Аврэ, посланник графов Прованского и Артуа... и господин Бургоань, который имеет ограниченные полномочия посланника и имеет приказ ничего не предпринимать без одобрения короля»¹. «Эта система управления, – комментировал испанскую политику Зиновьев в марте 1792 г., – влияет также и на политику в отношении Франции и заставляет следовать принципам, благоприятным новой конституции, и жертвовать всем ради так называемой идеи мира и спокойствия». Зиновьев не раз подчеркивал профранцузские настроения Аранды. «Похоже, граф Аранда задался целью выказать проявления услужливости и дружеского расположения к Франции, хотя... экстравагантность нового французского правительства не позволяет ему проявить свои заботы и беспокойство»².

Позиция нового министра интересовала всех иностранных дипломатов. 6 апреля 1792 г. прусский посланник Сандоз Роллин вручил Аранде ноту своего правительства, в которой отчетливо прозвучала готовность держав коалиции начать военные действия, поводом для которых послужили нападения французов на Савойю, Тревес и Льеж. Прусский король настойчиво требовал ответа, будет ли Аранда продолжать линию Флоридабланки в отношении коалиции. Аранда же не дал никакого конкретного ответа Сандозу, но в то же время пообещал Бургоаню, что Испания отделится от коалиции и откажется от взятых на себя обязательств. 17 апреля на заседании Государственного совета Аранда выдвинул аргументы в защиту политики нейтралитета: положение держав коалиции не позволит им начать военные действия раньше лета, Россия не будет принимать в них участия, а потому Испания, начав военные действия, может оказаться в одиночестве³.

¹ *Shop Soler A.M. Las relaciones... – P. 32.*

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 91-95, 98, 110.

³ Там же. Л. 78. См. также: *Chaumié J. Les relations... – P. 102-103.*

20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии. Это событие еще больше активизировало деятельность держав коалиции в отношении Испании. Они требовали выполнения обязательств: усиление «кордона» на границе с Францией и обещанных его предшественником денежных субсидий. Однако, как и Флоридабланка ровно год назад, Аранда не желал дать какой-либо определенный ответ, который прояснил бы политику Испании. Он сохранял строгий нейтралитет, ожидая развития событий на фронтах. Свою позицию он подкреплял аргументом о том, что особое географическое положение Испании не позволяет ей с такой легкостью и быстротой согласовывать свои действия в случае вступления в войну, как это могут делать, например, Австрия и Пруссия, что поставило бы ее в крайне сложное и даже опасное положение. Эти доводы Карл IV приводил и в письмах к сардинскому и неаполитанскому королю¹.

Аранда стал предъявлять претензии и России, что она пытается втянуть все государства в борьбу против Франции, развязав себе руки для действий в Польше. Российское правительство передавало через Зиновьева, что корпус войск, предназначенный во Францию, «не замедлит отправиться в путь, как только будет уточнен маршрут»². Но недоговоренность в отношениях продолжала оставаться. В этих условиях Зиновьев затребовал свои паспорта³ и в августе 1792 г. покинул Испанию⁴. «Говорят, – информировал свой двор Луц-

¹ *Chaumié J. Les relations...* – P. 112-114. В тот же день Луцци отправил сообщение Актону, в котором говорилось, что «речь идет о примирении с соседней державой». ANS. F. 2330.

² Испанский посланник Гальвес подтверждал эту информацию Зиновьева. «Говорят, императрица предпочитает выставить войско, чем снабжать деньгами». Гальвес – Аранде. 22.5. 1792. ANN. Estado. Leg. 4623. № 356.

³ Аранда 12 июля вернул ему паспорта и ответ на предъявленный ультиматум. ANN. Estado. Leg. 4617.

⁴ Бицов, который остался поверенным в делах, писал в Петербург, что «недоброжелатели в дипкорпусе поставили себе целью заставить графа

ци, – что скорый отъезд посланника Московии является результатом какого-то недовольства, возникшего между двумя дворами»¹.

Наступление держав коалиции летом 1792 г. воодушевило Аранду, и он определился со своей политикой. 7 августа он написал письмо генерал-капитану Каталонии Ласи, в котором прояснились его истинные намерения. Аранда считал неизбежными скорую победу армий коалиции и вступление в Париж и видел роль Испании как «посредника между воюющими державами, который может предложить рациональное разрешение конфликта путем восстановления монархии». Далее следовали конкретные инструкции военного характера о мерах при вступлении испанской армии в Руссильон².

Это письмо, как и изменение своей политики, Аранда держал в строжайшем секрете, не выдавая своих намерений ни представителям союзных держав, находившимся в Мадриде, ни своим представителям за границей³. Так, 17 августа

Аранду поверить, что российский двор под предлогом участия во французских делах не имеет других намерений, как только Польша». *Самлин А.И.* Россия и Испания против Французской революции // Великая французская революция и Россия. – М., 1989. – С. 460.

¹ «Императрица Московии передала через своего посланника этому двору, что она не видит согласия в “концерте” держав коалиции, но тем не менее готова послать войска на Эльбу, чтобы там выступить против французов». Луцци – Актону. 10.7. 1792. Об этом же говорится и в других донесениях от 24.7, 31.7.1792. ANS. F. 2330.

² *Chaumié J. P.* Les relations... – P. 118.

³ Новость о восстании в Париже 10 августа 1792 г. достигла Испании очень быстро. 27 августа 1792 г. временный поверенный России в Мадриде (после отъезда Зиновьева. – *О.В.*) Николай Николаевич Бицов направил Остерману донесение следующего содержания: «Новость об отречении Его В-ва короля Франции, и об ужасной сцене, совершенной народом в Париже 10 числа сего месяца, произвели здесь огромное впечатление... Государственный совет уже собирался несколько раз по этому вопросу, но результаты пока неизвестны. Уверяют, что никаких серьезных изменений в системе графа Аранды не ожидается». Действительно, Государственный совет собирался несколько раз, но не принял никаких

1792 г. он вручил инструкцию отправлявшемуся в Россию новому посланнику Х. де Онису. Что касалось событий во Франции, он характеризовал свою позицию следующим образом: «Кончина императора и короля Швеции, произошедшие с такой быстротой, а также задержка, с которой я получил сведения о последующих намерениях других держав относительно Франции, убедили меня, что не следует торопиться совершать решительные действия в столь важном вопросе и спешить с еще менее безопасными шагами, что подходит в такой критической ситуации. Такое решение приведет к выигрышу времени, а то, что наш поверенный в делах находится в Париже – к приему посланника, которого король Франции назначил к моему двору после отозвания своего посла, отъезд которого будет препятствовать новым отсрочкам»¹.

Начиная с августа 1792 г. Ласи, в соответствии с инструкциями Аранды, начал активную мобилизацию войск в Каталонии. Поскольку истинные причины этой акции продолжали хранить в строжайшем секрете, а скрыть эти военные приготовления было невозможно, то он давал объяснения о подготовке военной экспедиции в Америку или об укреплении «санитарного кордона»². Чтобы ослабить подозрительность французов, Аранда еще больше приблизил к себе

решений, кроме осуществления некоторых мер чисто оборонительного характера. Было предписано для обеспечения охраны границ направить в Каталонию войска и создать там продовольственные и военные склады. Так была продолжена организация «кордона» на границе с Францией. Отныне ключевым моментом в испано-французских переговорах станет наличие войск на границе двух государств. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 478. Л. 25-26, 30.

¹ АНН, Estado, leg.6.121 (2). Аранда признал официально Бургоаня как представителя Франции и потребовал от Вогийона, чтобы тот удался из Испании. Во Франции же после событий 10 августа 1792 г. испанский посланник Ириарте покинул Париж, там остался только временный поверенный Окарис.

² Chaumié J. Les relations... – P. 120-122.

Бургоаня – встречи министра и посланника стали гораздо более частыми. Эта политика имела свои результаты – никто из представителей дипломатического корпуса не догадывался об истинных ее целях. «Вопрос (в беседе Аранды с Бургоанем. – *О.В.*) не стоял, – сообщал Бицов информацию в одном из своих донесений, – ни о присоединении к концерту союзных держав, ни об объявлении войны Франции... Но только о концентрации войск, как чисто оборонительной мере вследствие событий 10 сентября»¹.

Ситуация обострилась в конце сентября 1792 г. Победа французов 21 сентября в битве при Вальми явилась полной неожиданностью для всей Европы и покончила с эйфорическими настроениями контрреволюции. «Пушки Вальми, – по словам Гете, – изменили лицо мира». Изменил свою позицию и Аранда. Теперь его военные приготовления и концентрация войск в Каталонии действительно приобретают оборонительный характер. 7 октября он отдал приказ об укреплении пограничной крепости Фигерас. После этого Аранда вновь возобновил переговоры с Бургоанем, которому были подтверждены уверения в сохранении строгого нейтралитета.

«Г-н Бургоань, – сообщал Бицов из королевской резиденции в Аранхуэсе 22 октября 1792 г., – который более не показывался при дворе, неожиданно приехал сюда из Мадрида в среду 17 числа сего месяца. Днем у него состоялась беседа с графом Арандой... и, похоже, он очень доволен министром. Думают, что он поставил вопрос о стягивании войск у границы Испании и что он уполномочен выяснить у графа Аранды причину этой акции». Далее в том же донесении он писал: «Несмотря на крайнюю осторожность графа Аранды и полное молчание, которое он хранит перед дипломатическим корпусом, публика как здесь, так и в Мадриде не сомневается, что он дал г-ну Бургоаню достаточные уверения, чтобы его успокоить, или, по крайней мере, чтобы они

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 62.

договорились употребить все возможные способы для охлаждения горячих голов в соседних с Испанией французских департаментах». Вскоре Бургоань имел еще несколько бесед с Арандой, во время которых поставил условие признания Испанией Французской республики и роспуска войск. «Это заявление вызвало досаду графа Аранды, но... до настоящего времени он не дал положительного ответа. Опасаются, однако, что Парижский конвент не будет ждать, чтобы объявить войну Испании»¹.

29 октября были составлены следующие донесения: Бицовым – в Петербург, Бургоанем – в Париж. Первый указывал на то, что Аранда и Бургоань, по-видимому, достигли договоренности по обсуждавшимся вопросам, потому что французский посланник не скрывал радости от приема, оказанного ему премьером Испании. «Его поведение, – писал Бицов, – заставляет публику полагать, что вопрос о полном нейтралитете уже решен». Но Аранда все же затягивал переговоры, ожидая результатов действий армий коалиции. «Хотя он и отдал приказ приостановить движение войск, но транспорты с боеприпасами стягивают к границам Бискайи и Каталонии, где находятся уже 27-28 тыс. чел.»².

Слухи о переговорах были достаточно противоречивы. Истина выясняется из депеши Бургоаня: «В этой столице никто не желает войны, и все стоят за то, чтобы избегать малейшего вызова. Желательно, чтобы французы со своей стороны не принимали никаких вызывающих мер. Испания несколько не опасна, и ее ни в каком случае не следует бояться. ...Из всего этого заключаю, что нам решительно не следует опасаться Испании, что из ложно понятого чувства чести она не прекратит своих вооружений, но что наши собственные военные приготовления сильно импонируют ей, и что она сделает для нашего успокоения все, что позволит ей ее дос-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 478. Л. 25, 56, 61-62.

² Там же. Л. 59-60.

тоинство». При этом он подчеркивал, что ключевым моментом переговоров была участь Людовика XVI¹.

Положение Аранды осенью 1792 г. было достаточно сложным: коалиция вынуждала его выступить против Франции, французы – признать Республику, а Англия – хотя бы дать определенный ответ о характере своей французской политики. Как справедливо заметил французский историк А. Сорель: «В глубине души Аранда сохранил расположение к французам и старался щадить их. Он ждал развития событий, окруженный всеобщим недоверием и дискредитированный у всех партий. Испанская знать попрекала его “якобинством”; просвещенные люди, старые друзья его обвиняли за излишнюю снисходительность ко двору; эмигранты упрекали его за отсутствие энергии; русские, австрийские и прусские агенты обвиняли за измену европейским интересам, а старокастильцы кричали о том, что он изменник престолу». Бургоань же в первых числах ноября ультимативно потребовал от Аранды «признания Французской республики и роспуска “кордона”, иначе быть готовыми к войне»².

Политика Аранды в отношении Франции была направлена на сохранение союзнических отношений с этой державой, чтобы иметь возможность оказывать хотя бы минимальное влияние на судьбу французского монарха. Все были уверены в Испании, что «снисходительность и миролюбивые намерения графа Аранды приостановят, по крайней мере, на

¹ *Сорель А.* Европа и французская революция / Пер. с фр. и предисл. Н.И. Кареева. – СПб., 1892. – Т. III. – С. 103.

² Испания же, верная фамильному долгу, не желала признать республику, но в тот момент не могла идти на разрыв с Францией. Казна ее была пуста: в 1791 г. дефицит был 168 млн реалов, а в 1792 – вырос еще больше. Армия нуждалась в оружии и в людях. С великим трудом удалось собрать на северной границе к концу октября около 16 тыс. войска. Для этого пришлось оставить без всякой военной защиты все остальные части страны. В такой ситуации единственным выходом была отставка. *Сорель А.* Европа... – Т. III. – С. 104.

время горячность мятежников во Франции». Эта политика устраивала испанскую королевскую чету, однако их не устраивал сам граф Аранда¹. А потому 15 ноября 1792 г. он был смещен со своего поста и заменен фаворитом королевы Мануэлем Годоем, которому к тому времени был присвоен титул герцога де Алькудиа. «Смена министров, – сообщал в зашифрованном донесении Бицов, – не произвела здесь большой сенсации. Давно ожидали, что граф де Алькудиа, пользующийся большим доверием и влиянием у их вел-в, рано или поздно вытеснит графа Аранду, который не снискал их расположения и выбор на которого пал по чистой необходимости, чтобы заменить в нужный момент графа де Флоридабланку»².

Именно при Годое произошел поворот во французской политике Испании: поворот от союза с французской монархией и нейтралитета с Французской республикой к разрыву с ней отношений и началу военных действий. Но эти изменения произошли не сразу – стимулировали их события во Франции.

Вначале во внешней политике Годой продолжал линию Аранды. Бургоань имел с ним несколько встреч и, «похоже, остался очень доволен». При этом сущность испано-французских отношений того периода определяли два стержневых вопроса: для испанцев – это была судьба Людовика XVI и его семьи, для французов – концентрация испанских войск на границе. «Г-н Бургоань на следующий день после назначения герцога де Алькудиа имел с ним беседу и настаивал,

¹ Corona C. *Revolución...* – P. 222-224.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 478. Л. 61. Мануэль Годой-и-Альварес де Фариа (1767-1851) – с 1784 г. в королевской гвардии, где вскоре его выделила будущая королева Мария-Луиза. По восшествии ее на престол ему был присвоен титул герцога де Алькудиа. За окончание войны с Францией (1795) получил титул Принца де ла Пас (Принца Мира). См. о нем: *Seco Serrano C. Godoy el hombre político.* – Madrid, 1978; *Corona C. Revolución...* – P. 267-311.

чтобы она касалась только миролюбивых распоряжений. В тот же день он отправил курьера в Париж с посланием, в котором выражал большую хвалу новому министру». В нем французский посланник докладывал: «Он мне повторил уверения в своих миролюбивых чувствах и доказательством этого выставил приказание, данное с целью остановить движение многих полков к границе». Но, видимо, беседа касалась и других вопросов, по которым Бургоань запросил инструкции, которые и привез курьер из Парижа 9 декабря 1792 г.¹ В письме нового французского министра иностранных дел Лебрена, касавшемся судьбы Людовика, было сказано: «Мне кажется невозможным избежать, чтобы вышеупомянутый король был предан суду: вся нация готова это требовать. Следовательно, суд неизбежен. Что касается исхода этого суда, я полагаю, что нация расположена в этом случае дать великий пример милосердия и великодушия... Когда герцог де Алькудиа доставит вам случай коснуться этого предмета, мне казалось бы полезным не указывать решительно на возможность снисхождения нации, но поставить его в зависимость от поведения Испании относительно нас, стараясь внушить герцогу мысль, что одно должно, так сказать, обусловливаться другим»².

Бургоань запросил Годоя о встрече, которая была назначена на 10 декабря. Бицов в тот же день послал донесение в Петербург, в котором дал оценку состоянию испано-французских переговоров: «Г-н Бургоань проявляет большую активность, чтобы завоевать доверие нового министра и чтобы провести свою партию как можно лучше, но до сих пор он не получил в ответ ничего, кроме красивых слов и пустых обещаний о мирных намерениях этого двора...» А тем временем «войска практически все сконцентрированы и ар-

¹ Сорель А. Европа... – С. 175; АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 478. Л. 82. Донесение Бицова от 26(15).11.1792 г.

² Сорель А. Европа... – Т. III. – С. 175-176.

сеналы Барселоны работают без передышки, чтобы обеспечить их всем необходимым для кампании»¹.

13 декабря 1792 г. Годой имел встречу с Бицовым, во время которой дал ему, наконец, ответ на вопрос, волновавший европейские дворы: он разъяснил позицию Испании по отношению к державам коалиции. Министр заявил, что Испания всегда была осведомлена о намерениях союзных держав и полностью разделяла точку зрения России о необходимости восстановления порядка во Франции. Политика, проводившаяся его предшественником, имела только одну цель – призвать всех использовать свои силы против мятежников. Но, по его словам, следовало принять во внимание и положение Испании: располагавшая недостаточными средствами и малочисленной армией, она могла действовать только совместно с другими державами, поддерживая их курс. А потому ни Аранда, ни Алат, который в 1792-1793 гг. был временным поверенным Испании в России, не могли объяснить позицию Испании четко и определенно. Вследствие этого, несмотря на живой интерес, который Карл IV имел к судьбе французского короля и его семьи, для Испании было невозможно принять в союзе с Россией и другими державами коалиции действительно эффективное участие в «добром деле» (*bonne cause*) или договориться о совместных действиях в проводившихся операциях².

Итак, к середине декабря 1792 г., через месяц после прихода к власти, Годой прояснил позицию Испании как по отношению к Франции, так и по отношению к державам коалиции. Декларируя преемственность внешнеполитического курса своего предшественника, он добавил один важный конкретный вопрос: жизнь Людовика XVI, – от решения которого, как он настойчиво и методично давал понять французам, зависели и сохранение нейтралитета в целом, и отвод

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 478. Л. 89-90.

² Там же. Л. 93-94. См. также: *Seco Serrano C. Godoy... – P. 52-53.*

войск от границы как непосредственное его проявление. Испания, принимая участие в «концерте» европейских держав, выразивших обеспокоенность судьбой французского короля, тем не менее, единственная пыталась осуществить практическую помощь – предоставить ему убежище.

В тот же день Годой сообщил французскому посланнику: «Судьба вашего короля меня глубоко трогает. Если вы пощадите его жизнь, его присутствие вам покажется стеснительным»¹ и заявил, что Испания готова предоставить ему убежище. Бургоань ничего не ответил на предложение, но спустя несколько дней узнал, что в каталонскую армию посланы подкрепления. 17 декабря Годой послал временному поверенному Испании в Париже Окарису декларацию о нейтралитете с Францией. Он предлагал приступить к обоюдному разоружению, назначив для приведения его в исполнение особую комиссию.

Бургоань советовал Лебрёну удовольствоваться этим предложением – в противном случае, Испания может «броситься в объятия» Англии – и комментировал это следующим образом: «Как ни осторожны были мои намеки, они произвели более действия, чем я, может быть, этого желал. Министр мне их напомнил... составив две ноты, которые мой курьер вам доставит, и он мне сказал с заметным волнением: “Король, мой повелитель, расположен сблизиться с вашим правительством, но один из настоятельных мотивов, руководящих им в этом, это надежда повлиять на участь короля, его кузена. Вы дали мне ее предчувствовать, эту надежду. Ради бога, постарайтесь, чтобы она не была обманута. Пусть Ваша страна для собственной же безопасности отделается от присутствия этого несчастного государя и позволит ему найти убежище при дворе короля, его родственника”». На другой день Годой адресовал Бургоаню письмо в еще более настойчивом тоне, и в то же время писал Окарису, чтобы тот сделал

¹ Сорель А. Европа... – Т. III. – С. 176.

в этом смысле предложения Леброну¹. Как же на это отреагировали французы?

В Париже Окарис передал Леброну проект ноты об одновременном разоружении и предложение Испании предоставить убежище французскому королю. Он заявил: «По тому, как поступит французская нация с несчастным Людовиком XVI и его семейством, иностранные нации смогут судить о степени ее великодушия и умеренности». Это послание было сообщено Конвенту 28 декабря 1792 г. По прочтении письма Окариса, один из членов Конвента, якобинец Тюрио, потребовал слова. Он обвинял Карла IV в том, что последний имел виды на французский трон, и убеждал собрание «стряхнуть с себя влияние представителей коронованных разбойников». Между членами собрания распространился слух, что Англия поставила условием признания республики выдачу королевской семьи Испании. Лебрен предложил назначить уполномоченных для контроля за взаимным разоружением, но он не слишком рассчитывал на успех этих переговоров после отказа Конвента выслушать предложения Окариса².

Информация о действиях Окариса распространилась и среди дипломатического корпуса, находившегося при испанском дворе. Вот что сообщал об этом в начале января 1793 г. в Петербург Н.Н. Бицов: «Слухи о том, что г-н Окарис, временный поверенный этого двора, сделал в Париже заявление от имени е. к. в-ва, подтверждаются только в листовках, опубликованных во Франции и полученных с последней почтой. Г-н герцог де Алькудиа не дает никаких объяснений по поводу этого поступка и упоминает только, что это попытки осведомиться о судьбе короля». Для понимания развития ситуации важно и следующее донесение Бицова, в котором он пытался проанализировать последние демарши Испании. «Г-н граф Аранда, – писал он, – являлся, без сомнения, авто-

¹ Сорель А. Европа... – Т. III. – С. 176.

² Там же. – С. 182, 200.

ром нейтралитета только для того, чтобы вовсе не вмешиваться во французские дела. ...Он предоставил достаточно широкие полномочия в этом вопросе г-ну Окарису в Париже. Политика нейтралитета не была связана с вопросом о судьбе короля, но с отводом войск от границ с той и другой стороны, о чем только и велись переговоры. Герцог де Алькудиа, когда занял пост министра, не замедлил подчеркнуть, что эти переговоры, благодаря активности г-на Окариса и г-на Бургоаня зашли слишком далеко, чтобы было возможно повернуть назад, но еще не слишком поздно добавить в них одно условие *sine quo*: о спасении короля. В результате он передал документ, в котором... постарался дать почувствовать тот живой интерес, который е. к. в-во имеет к судьбе е. христ. в-ва». «Но в письмах последнего курьера из Парижа указывалось, что это условие не произвело впечатления, и его расценивают только как предлог для Испании оставаться нейтральной. Г-н Бургоань заявил в последней беседе с герцогом де Алькудиа, что признание этого нейтралитета не имеет больше препятствий... На это герцог Алькудиа, удивленный подобным демаршем, не дал никакого ответа, обещав только доложить обо всем королю. Завтра состоится внеочередной Государственный совет, и, похоже, ...он будет далек от того, чтобы уступить»¹.

В депеше, отправленной Бургоанем Леброну, говорилось: «Гражданин-министр, считаю своей обязанностью повторить вам, не позволяя себе высказать при этом никакого своего мнения, что поведение испанского двора, по всей вероятности, будет зависеть от участи Людовика XVI. Если он погибнет, война мне кажется неизбежной; если он будет пощажен, я полагаю, тогда не трудно будет заставить Испанию выслушать доводы против ее морских вооружений»².

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 1, 4-6.

² Сорель А. Европа... – Т. III. – С. 201.

Что же касается вопроса об отводе войск, то здесь французская сторона проявляла двойственную позицию. Бургоань в каждой беседе с испанским премьером настаивал на необходимости скорейшего отвода войск от границ и даже предлагал составить новую декларацию, но при этом заявлял, что «Франция, которой угрожает Англия, не может в настоящее время вывести войска из Байонны, поскольку англичане с легкостью могут высадить там свой десант». Годой, на словах не отказываясь от деконцентрации войск, отдавал приказ за приказом направить как можно скорее войска в район границы с Байонной и в порты и ускорить их вооружение¹. Испанцы, занятые решением пограничных вопросов, еще не знали, какие события произошли во Франции.

А в Париже 15 января 1793 г. Конвент собрался для решения вопроса о судьбе Людовика XVI. 17 января, уже после подачи голосов, президент сообщил, что испанский временный поверенный Окарис желает изложить депешу своего правительства². Дантон ответил на это с трибуны: «Если бы все разделяли мое мнение, то немедленно бы вотировали войну с Испанией. Впрочем, пусть выслушают, если хотят, этого посланника, но президент должен ему сказать, что победители при Жемаппе не унижат славы, которую они стяжали там, и что они найдут в себе новые силы, чтобы истребить

¹ Атмосфера накалялась все больше и больше. «Здесь двор, – сообщал Бицов в депеше от 29(18) января 1793 г., – оскорблен переговорами о нейтралитете, изъявляя в данный момент большое нежелание отводить войска от границы, в то время как французская сторона задерживает свои войска в районе Байонны». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 6, 8-9.

² Годой отдал указание Окарису активизировать свои демарши в Париже, но сам пока декларировал политику нейтралитета по отношению к Франции. Он повторил это еще раз в мемуаре Государственному совету, составленному 12 января 1793 г., в котором указывал на следующие причины сохранения нейтралитета: молодость и неопытность нового короля Швеции, колебания России, слабость Сардинии, неопределенность позиции Неаполя, нейтралитет Португалии, ограниченность интересов Австрии захватом Нидерландов и т.д. *Chaumié J. Les relations...* – P. 160-161.

всех европейских королей, сговорившихся против нас». Собрание отказалось выслушать чтение депеши и затем результат голосования был провозглашен¹.

Казнь Людовика XVI состоялась 21 января 1793 г., но Испании это известие достигло лишь в последних числах месяца. «Печальная новость об ужасном преступлении, совершенном в Париже 21 января, о чем больно вспоминать, была получена здесь в последний четверг с курьером, отправленным из Байонны вице-консулом Испании. Невозможно выразить впечатление, которое произвело здесь это событие, ставшее апогеем жестокости мятежников. Двор находится в глубокой скорби, а весь народ, включая даже представителей низших классов, не скрывает ужаса, который вызвало это преступление. Вчера был объявлен траур, который будет продолжаться три месяца». Естественно, что после оцепенения, произведенного этой новостью, при дворе неизбежно стали бы искать виновных. Годой предусмотрел это, перекинув ответственность за происшедшее на своего предшественника. «В целом, – сообщал в том же донесении Бицов, – политика, проводившаяся графом Арандой, осуждается здесь повсеместно. Последние события во Франции расценивают как результат его индифферентности и малодушия и сильно упрекают за те твердые уверения, которые он давал королю, что жизнь е. христ. в-ва не подвергается никакому риску – он за это отвечает. В то же время его преемник приобретает все большую популярность, не прекращая угрожать г-ну Бургоаню, к которому граф Аранда относился как к другу и доверенному лицу»².

¹ См.: *Сорель А.* Европа... – Т. III. – С. 203; *Seco Serrano C.* Godoy... – P. 53-54. Испанский поверенный Амаг писал в тот самый день из Петербурга, что венский двор снова настаивает, чтобы Россия приняла активное участие во французских делах, но, «похоже, здесь не собираются менять систему». АНН. Estado. Leg. 4623.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 10-11.

Уже во второй половине января Испания заняла более решительную позицию. Причиной этого стало изменение политики Англии, которая прежде постоянно подтверждала свой нейтралитет, а в начале 1793 г. активно выступила против революционной Франции. Это покончило с колебаниями Испании, и с этого времени она начинает согласовывать свои действия с Англией¹.

4.3. Война Испании с Францией 1793-1795 гг.

Известие о казни Людовика XVI стало поворотным событием в политике Испании – она заявила о своей поддержке держав коалиции. Однако в стране это решение вызвало политическую сумятицу: во-первых, фамильная честь требовала ответить на вызов, сделанный Францией, во-вторых, Годой понимал, что военные силы страны и ее финансовое положение далеки от того состояния, когда можно было бы с успехом начать военные действия, в-третьих – все большую и большую настойчивость проявляли державы коалиции, требуя присоединения к ней Испании. Этими тремя моментами и обуславливались конкретные меры, которые осуществляло испанское правительство в феврале – начале марта 1793 г.

В первых числах февраля вышел королевский указ, объявлявший о приеме в армию волонтеров. «Е. в-во решил увеличить сухопутную армию, но, не желая отрывать рабочие руки от сельского хозяйства и ремесел, он приказал всем муниципалитетам и приходским священникам включать только тех жителей, которые хотели бы и могли служить, таким образом объединив их по добровольному принципу», – докладывал Бицов, продолжая эту тему в следующем донесении: «Новый способ набора рекрутов произвел здесь ог-

¹ *Chaumié J.* Les relations... – P. 165-169.

ромный эффект; надеются таким образом доукомплектовать испанскую армию». В то же время российский дипломат считал необходимым подчеркнуть, что хотя «вооружение собирают с максимальной активностью, как если бы война была неизбежна, но наиболее осведомленные люди полагают, что здесь охотно предпочтут вооруженный нейтралитет, если узурпаторы из французского правительства согласятся на это, и если только это станет способом вывести, наконец, Испанию из состояния нерешительности и колебаний, в котором она находится до сих пор»¹.

Позиция Испании интересовала и французов. 2 февраля 1793 г. после объявления войны Англии Лебрен послал Бургоаню письмо, в котором настаивал на выяснении вопроса, будет ли Испания продолжать политику нейтралитета: «Мы не можем более оставаться в состоянии неуверенности и мы хотим знать, самое позднее через неделю после получения этой депеши, какой будет ультиматум его двора»². Бургоань получил его 15 февраля и сообщил Годою приказы Лебрена, добавив, что он удалится, если не последует удовлетворительного ответа.

Вопрос об отъезде французского посланника активно муссировался в дипломатических кругах в Мадриде. Бицов в донесении от 12 февраля 1793 г. выражал удивление, что Франция, отозвав своего представителя г-на Шевелена из Лондона, тем не менее, не повторила того же в Испании. Он не знал, что Франция уже объявила войну Англии, и приписывал это традиции, которая сложилась еще с тех пор, когда Аранда установил политику нейтралитета. Но уже в следующем донесении он указывал, что Бургоань передал Годою послание Лебрена и, видимо, не получив ожидаемого удовлетворительного ответа, собрался покинуть Испанию. «Очевидно, – рассуждал далее Бицов, – он получил приказ от

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 478. Л. 12-13, 16.

² Сорель А. Европа... – Т. III. – С. 228.

своих комитентов на случай, если е. к. в-во откажется принять предлагаемые неблагоприятные условия нейтралитета. А они предвидели, что в действительности так и произойдет». Годой тотчас же написал Бургоаню: «Так как вы мне говорите, что намереваетесь оставить Испанию, я вам вышлю паспорта, которые вы у меня требуете». Этот обмен корреспонденцией произошел 15 февраля, а уже 23-го Бургоань выехал из Мадрида¹.

Эта решительная позиция французского правительства потребовала от Годоя столь же решительного ответа. 15 февраля 1793 г. он, пожалуй, впервые четко определил свою позицию по отношению к Франции. Бицов объяснял это следующим образом: «Подобную твердость здешнего двора можно объяснить только воодушевлением, охватившим весь испанский народ, а особенно жителей пограничных районов. Полагают, что без этих благоприятных обстоятельств, оно (правительство. – *О.В.*) еще затягивало бы переговоры, чтобы избежать быстрого разрыва до приезда милорда Сент-Элена»², которому было поручено согласовать англо-испанские действия в отношении Франции. Так развивалась ситуация в Испании и ее французская политика в феврале 1793 г., которую она тесно увязывала с отношением к коалиции.

Проясняется и ее позиция касательно держав коалиции, которые были очень обеспокоены, начнет ли она военные действия на юге, оттянув на себя часть французских войск. Этот вопрос интересовал и российскую императрицу, а потому в донесении от 5.3(28.2).1793 г. Бицов заострял внимание на взаимоотношениях Франции с коалицией. Он докладывал, что имел беседу с Годоем, в которой последний недвусмысленно заявил, что «Испания присоединится к прин-

¹ См.: *Сорель А.* Европа... – Т. III. – С. 228-229; АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 16-17.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 17.

ципам и плану коалиции». Те же положения испанский премьер изложил в частных беседах с дипломатическими представителями Вены и Берлина. Герцог де Алькудиа направил венскому двору ноту, в которой определялась позиция Испании в отношении коалиции. Эта нота, по сообщению Бицова, из Вены должна была быть отправлена в Россию¹.

В Национальном Историческом Архиве Испании находится документ, озаглавленный «Сообщение о позиции Карла IV в отношении антифранцузской коалиции», датированный 12 февраля 1793 г. Судя по адресату и содержанию, мы можем предположить, что это и есть нота, упоминавшаяся Бицовым в его донесении.

В этой ноте говорилось о том, что с начала французской революции и до последних дней испанский король внимательно следил за ее событиями, выбирал наиболее верные пути и средства для облегчения судьбы принцев и желал отвести губительный удар, который угрожал французскому королю и его семье. «Он с почтением и благодарностью выслушивал предложения, которые ими (державами коалиции. – *О.В.*) давались для начатия военных действий, пока не почувствовал, что любая военная демонстрация подвергает опасности жизнь несчастного монарха. Придерживаясь же нейтралитета, он поступал не нерешительно и равнодушно, как считают монархи, а согласно своим убеждениям». «Но после жестокого посягательства на жизнь добродетельного и несчастного Людовика XVI не осталось ни нерешительности, ни церемоний – остался лишь образ той неслыханной катастрофы и справедливое желание всех монархов отомстить за ту несправедливость, а также подходящий момент (хотя и печальный) убрать преграды для выработки плана против французов. Опыт показал, что несмотря на все иллюзии, умеренное поведение Испании не освободило ни королеву

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 25.

Франции, ни принцев и принцесс, собратьев по несчастью от той судьбы, которую им уготовили жестокие и несправедливые враги».

В документе было указано далее, что 31 декабря 1792 г. вице-канцлер граф Кобенцель вручил испанскому послу в Вене ноту, в которой были названы меры, предпринятые Австрией для борьбы с революцией. Испанский король в свою очередь обещал участие в общем деле и содействие ему всеми своими морскими и сухопутными силами. «Он уверен, – было сказано далее, – что найдет взаимопонимание с императором, а потому представляет ему основу соглашения, которое могли бы подписать договаривающиеся стороны»¹.

Примерно то же самое заявил испанский министр в беседе с Бицовым, добавив, что, «хотя Испания всеми способами готова содействовать реализации плана коалиции, договориться о согласовании военных действий будет невозможно из-за большого расстояния, а также из-за того состояния, в котором находится испанская армия, лишенная всего самого необходимого»².

Итак, к началу марта стало ясно, что Испания, наконец, примет план коалиции и начнет военные действия. 28 февраля вышел королевский указ о выдворении из Мадрида, а впо-

¹ Эта основа состояла из трех пунктов: 1) каждая из договаривающихся сторон может объединиться с другой или другими на суше или на море, как посчитает необходимым, согласно обстоятельствам или условиям, и будет действовать с наибольшей энергией и быстротой; 2) если одной из сторон срочно потребуется помощь, она может попросить ее у другой или других, которые из-за близости своей будут более в состоянии предоставить ее, и осуществят это немедленно, как только будет возможно; 3) ни одна из сторон не выпустит из рук оружия, не заключит мирный договор, перемирие или любое другое соглашение с Францией, без добровольного и полного согласия остальных держав коалиции, при этом все обязаны прилагать силы *in solidum* и не отходить от торжественного союза, который сейчас разрабатывается и считается королем окончательным и нерасторжимым. АНН, Estado, leg.6.121 (2).

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 25.

следствии и из других крупных городов всех французов, проживших там менее 10 лет. Это был новый всплеск анти-французских действий во внутренней политике, затихнувших с июля 1791 г., когда было выслано из Испании несколько десятков тысяч французов, не присягнувших испанскому королю. Военная эскадра Кадиса снялась с якоря и направилась в сторону Картахены, где она должна была соединиться с тамошной. В «Мадридских Ведомостях» постоянно печатали списки пожертвований и патриотических даров¹.

Энтузиазм испанцев перед началом войны был достаточно высок. «Подготовка продолжается непрерывно, с быстротой и результатами, которые делают честь министерству е. к. в-ва. ...Похоже, весь народ объединился, чтобы поддерживать меры, осуществляемые правительством. ...Набор волонтеров осуществляется с таким успехом, и желание вступить в армию настолько велико, что больше не сомневаются, что

¹ Дары были достаточно многочисленны и разнообразны: город Торремоча в Эстремадуре – 320 реалов (40 голландских флоринов) на каждого его жителя, который запишется в солдаты; Севилья – два полка кавалерии; Гранада – жителей, вооружение и имущество на усмотрение е. в-ва; один житель Бадахоса – свою персону для службы солдатом; один монах-августинец – для службы капелланом; инквизитор Барселоны – доход с церковного имущества и один дом для нужд армии; один житель Мадрида – 25 акций банка Сан-Карлоса; маркиз де Вильяпанес из Хереса – свою персону и имущество для защиты форта Сан-Антуан в Кадисе, следуя примеру своих предков; каретник короля – 10 рекрутов, обученных и вооруженных за его счет; одна дама из Мадрида – прощает королю долг в 0,5 млн. мараведи (приблизительно 2 900 флоринов); герцог Мединасели – набирает один полк пехоты за свой счет; город Хаэн – предлагает все, что у него попросят; один житель города Сафра – обучить 50 солдат во время войны; один сельский житель из-под Малаги – по 60 реалов (7,5 флоринов) на каждого рекрута своей деревни и по 2 реала вдовам тех, кто погибнет на королевской службе; торговая компания Индий в Кадисе – 20 000 тыс. реалов (2 500 тыс. флоринов) чистыми деньгами; герцогиня де Алькудиа – свои доходы от принадлежащих ей торговых домов в Кадисе и мануфактур для обучения солдат.

они будут в состоянии укомплектовать армию», – сообщал Бицов в донесении от 5 марта 1793 г.¹

Испания и Франция активно готовились к войне. Но пока Испания занимала выжидательную позицию, в Конвенте 7 марта был поставлен вопрос об отношениях с Испанией. Доклад по этому вопросу сделал Барер. Он выдвинул следующие причины необходимости немедленно начать войну с Испанией: Испания унизила суверенитет народа Франции, навечно присвоив титул суверена Людовику XVI, Испания преследовала проживавших там французов, Испания после событий 10 августа 1792 г. отозвала своего посла, Испания начала передислокацию своей армии, расположенной на границе с Францией, что означает, что она готовится объединиться с государствами антифранцузской коалиции, Испания, наконец, подписала союз с врагом французской нации – Англией². «Граждане, – сказал он, – лишний враг для Франции – лишнее торжество для свободы. Испанский двор хочет войны, он не переставал ее желать. Ваш мужественный декрет в деле Людовика сорвал покрывало коварного нейтралитета, в котором притворно заверял Двор Карла... Вы должны были объявить ему войну...» Война была одобрена единодушно³.

Испанский же двор в начале марта оказался в безвыходном положении. Страна еще не была готова к войне – не вооружена армия, не хватало запасов продовольствия, да и денег в казне, как всегда, ничтожно мало. Но честь династических уз не позволяла даже подумать о сохранении и продолжении нейтралитета. Напротив, оскорбление, нанесенное суверену, как видим, вызвало необычайный патриотический подъем и воинственный пыл народа. В этих условиях Годой

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 26, 37-38, 42-43, 54-55.

² См.: *González Santos L. Godoy, príncipe de la Paz, siervo de la guerra.* – Madrid, 1985. – P. 47.

³ См.: *Сорель А. Европа...* – Т. III. – С. 239.

мог ответить на ультиматум Франции, предъявленный ему Бургоанем, только одним – отказом, что означало прекращение политики нейтралитета и разрыв дипломатических отношений. Но Испания не торопилась первой объявить Франции войну. В донесениях, составленных Бицовым после отъезда Бургоаня из Мадрида, он сообщал, что испанский двор находится в состоянии ожидания, чтобы Франция это сделала первой¹. Любопытно в этом смысле, какие предположения высказывал российский дипломат в реляции от 19 марта. «Он же (Бургоань. – *О.В.*) в районе Барселоны встретил курьера из Парижа, которого отправил тотчас к еще находившемуся в Мадриде секретарю миссии г-ну Юртюбизу с новыми предложениями о возобновлении переговоров о перемирии»². И Годой в глубине души надеялся на изменение обстоятельств или хотя бы на отсрочку со стороны Франции, хотя внешне его поведение становилось все более воинственным и агрессивным, и ни о каком нейтралитете, по его словам, не могло быть и речи. Уверенность Годоя несколько окрепла после встречи с английским представителем лордом Сент-Эленом, которая состоялась 13 марта, а уже 20-го числа англичанин послал в Лондон проект договора между Испанией и Англией о совместных действиях против Франции³.

Ошибочными оказались и слухи, распространившиеся при дворе о содержании письма к г-ну Юртюбизу. С этим курьером было направлено не предложение о нейтралитете, а, напротив, объявление войны Испании, вотированное Конвентом 7 марта. Об этом и писал в следующем донесении Бицов: «Новость об объявлении войны Францией достигла Испании обычным путем 8(19) марта, но не произвела здесь большой сенсации, поскольку ее ожидали уже более трех недель». Это сообщение было немедленно отправлено с курье-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 34.

² Там же. Л. 34-35.

³ Сорель А. Европа... – Т. III. – С. 239.

рами во все порты с приказами увеличить вооружение и содержать в боевой готовности эскадру Картахены¹. А 26 и 27 марта, наконец, были опубликованы королевские декреты, в которых «последовало объявление войны Франции, сделанное в Мадриде с обычными для такого случая церемониями»².

В декрете Карла IV было сказано, что основной целью его правления всегда было сохранение спокойствия в Европе. Для достижения этой цели, как говорилось в документе, испанский монарх не раз обращался к французам с предложениями нейтралитета и взаимного отвода войск от границы. В ответ французская сторона настаивала на сохранении части своих войск в районе Байонны, ссылаясь на угрозу атаки со стороны англичан, но на самом деле для того, чтобы постоянно угрожать Испании. Поэтому испанская сторона, опасаясь неожиданного нападения, вынуждена была держать там определенное количество своих войск. Но сам факт, что в испанских нотах присутствовало обращение «Французская Республика», свидетельствовал о том, что Испания признала это государство. Однако «7 дня сего месяца (марта. – *О.В.*) нам объявили войну, что уже подразумевалось (хотя и не было опубликовано) еще с 26 февраля, когда начался морской разбой против наших военных и торговых судов». Поэтому «мы решили, что с этого момента мы объявляем себя врагами Франции, ее владений и жителей, а потому немедленно должны быть разосланы приказы о защите моих территорий и вассалов, запрещена любая торговля и сношения с ними...»³.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 487. Л. 39.

² Там же. Л. 44.

³ «Известно, с какой мягкостью мы относились к Франции, когда в ней были провозглашены принципы беспорядка, безбожия и анархии, которые явились причиной волнений, возбуждавших и разрушавших дух других народов... И потому моим главным намерением было выяснить, возможно, ли ограничить французов рамками разумного договора, позво-

Объявив войну Франции, Испания круто изменила свой официальный внешнеполитический курс, которого она придерживалась в течение почти целого века. Этот поворот имел свои причины. На первом этапе французской революции, когда еще существовала монархия, испанское правительство желало сохранить Фамильный пакт в противовес Англии и поддерживало Людовика XVI, и потому усиление реакции в большей степени отразилось во внутренней политике. Во внешней – Испания сохраняла нейтралитет по отношению к Франции. Свержение монархии и установление республики во Франции, а позднее казнь Людовика XVI задела фамильную честь испанской короны. Профранцузская ориентация, характерная для политики Бурбонов, оказалась опасной в изменившихся условиях, и Испания вступила в войну. Однако и в этом вопросе Испания занимала не наступательную, а выжидательную позицию. И только когда правительство Французской республики разорвало с ней дипломатические отношения и объявило ей войну, Испания открыла военные действия. Были сформированы три армии: одна располагалась на границе Гипускоа и Наварры, вторая – в Арагоне и третья, наиболее многочисленная – в Каталонии. Первой армией командовал генерал Вентура Каро, второй – князь Кастельфранко, а третьей – Антонио Рикардос.

Начало войны ознаменовалось успехами испанской армии, которая численно превосходила французов. После атаки испанцев 17 апреля республиканская армия вынуждена была отступить и ограничиться обороной. В мае последовал еще ряд удачных наступлений. Генерал Рикардос с 30-тысячным войском начал наступление на Руссельон, захватил Аржелъ,

лявшего сдерживать их неумеренное властолюбие и избегать всеобщей войны в Европе, а также добиться освобождения Христ. короля Людовика XVI и его августейшей семьи, заточенных в крепости и подвергавшихся ежедневно оскорблениям и угрозам». *Díaz -Plaza F. Historia de España en sus documentos. – Siglo XVIII. – T. IV. – Madrid, 1958. – P. 335-338.*

Элну и Корнелью¹ и почти дошел до Перпиньяна, столицы Руссельона. 23 июня была взята крепость Бельгард. Во всех занятых французских поселениях были вывешены знамена Бурбонов, и провозглашен король Людовик XVII². Республика переживала очень трудное время: район Марны, Анжу, Вандея, Бретань находились в руках войск коалиции, и французы не могли перебросить ни одного отряда на южный фронт. Воспользовавшись этим, генерал Рикардос 22 сентября занял Труильяс.

На этом успехи испанцев в кампании 1793 г. закончились. Подкрепления они не получали, державы коалиции никаких активных действий не проявляли – в течение лета и осени союзные войска практически топтались на французских границах приблизительно на тех же самых позициях, что и в конце весны 1793 г. Причины оставались неизменными: Пруссия хотела идти на Эльзас, только заручившись своей долей в Польше, Австрия противилась предоставлению этой доли Пруссии раньше, чем та согласится содействовать в завоевании для нее вознаграждений. «Таков был, – по словам де Мерси, – лабиринт, в котором путалась коалиция»³.

В самой Франции в это время произошли важные события. В результате восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. власть в Конвенте перешла в руки якобинцев. 23 августа 1793 г. Конвент принял декрет, гласивший: «С настоящего момента и до тех пор, пока враги не будут изгнаны за пределы территории Республики, все французы объявляются в состоянии постоянной мобилизации». А так как в распоряжении французов войск для борьбы с Испанией явно не хватало, то для их усиления в Перпиньяне и Байонне были созданы пропагандистские комитеты, которые распространяли идеи революции

¹ См.: *Aymes J.R.* La guerra de España contra la revolución francesa (1793-1795). – Alicante, 1991. – P. 56-60.

² См.: *González Santos L.* Godoy... – P. 48.

³ *Сорель А.* Европа... – Т. III. – С. 383.

среди испанцев, что, по словам одного из членов такого комитета, вызывало большую сложность: «Невозможность проникнуть в испанские провинции и распространить наши революционные воззвания окончательно расстроили наше предприятие»¹. Причина подобных неудач заключалась, прежде всего, в энтузиазме, охватившем испанцев в начале войны. Все спешили записаться в волонтеры, крестьяне вооружались, священники на проповедях благословляли эту священную борьбу. Даже контрабандисты из Сьерра-Морены выставили отряд в 300 человек.

Однако одного энтузиазма было недостаточно – Испания располагала небольшой армией и флотом, а еще меньшими финансами, что сказалось уже к концу кампании 1793 г. Во французскую же армию за короткий срок влилось около 420 тыс. человек, к началу 1794 г. она насчитывала 600 тыс. человек. Потому, хотя испанцы взяли Бельгард, а соединенный англо-испанский флот – Тулон², разногласия между союзниками позволили Наполеону Бонапарту 18 декабря отбить Тулон³. Отсутствие подкреплений в испанской армии в Пиренеях привело к тому, что французы упрочили и там свои позиции. Их успехам способствовала и смерть в марте 1794 г. талантливого командующего испанской армией генерала Антонио Рикардоса.

¹ См.: *Сорель А.* Европа... – Т. III. – С. 229; *Herr R.* The Eighteenth Century Revolution in Spain. – Princeton, 1958. – P. 283-287.

² Испано-английская эскадра под командованием адмиралов Гуда и Лангары в конце августа оккупировала тулонскую бухту, но удачная атака республиканской армии – это было первое сражение, которым командовал молодой Бонапарт – закончилась отвоеванием Тулона у роялистов, и союзная эскадра вынуждена была ретироваться. См.: *González Santos L. Godoy...* – P. 48.

³ А. Марсе обращает внимание на то, что Годой всю ответственность за это поражение возлагал на английский флот. См.: *Marcet A.* La paix de Bale, d'après les «Memoires» de Godoy // *L'Espagne et la France de la révolution française (1793-1807).* – Perpignan, 1994. – P. 280.

Поскольку французы не вступили в Испанию, то народ успокоился. Энтузиазм начала войны несколько поостыл, а пробудившийся дух независимости обратился против правительства¹. Изменилось и положение на фронтах. К весне французская армия, захватив инициативу, прочно удерживала ее в своих руках. В начале 1794 г. Екатерина II окончательно заявила о невозможности участия русской армии в военных действиях союзников. 25 января 1794 г. она писала барону Гримму: «Я ежеминутно ожидаю, что придется иметь дело с турками. Декорш (французский представитель в Константинополе. – *О.В.*) проповедует войну с обоими императорскими дворами. Из всего этого следует, что я должна быть настороже и не могу послать в далекие края многочисленное войско»².

В Испании зимой 1793-1794 гг. появилась партия, которая выступала за прекращение войны, возглавил ее престарелый Аранда³, однако Годой, защищавший необходимость ее продолжения только для упрочения своей власти, сумел одержать верх⁴. Уже весной 1794 г. и он начал понимать, что

¹ Г. Анес приводит примеры крестьянских выступлений лета 1793 г. в деревнях Бразаторгас и Алесанко, а также попытки восстания под руководством Пикорнеля в начале 1795 г. *Anes G. La Revolución francesa y España // La economía y la «ilustración» en la España del siglo XVIII.* – Barcelona, 1969. – P. 175-179; *Corona C. Revolución...* – P. 259-261.

² *Сорель А. Европа...* – Т. III. – С. 414-415.

³ Аранде после отставки оставили пост президента Государственного совета, но после столкновения с Годоем на его заседании 14 марта 1794 г. он был уволен и отправлен в ссылку в Гранаду, где был заключен в замок Альгамбра. См.: *González Santos L. Godoy...* – P. 51-52; *Hilt D. The Troubled Trinity: Godoy and the Spanish Monarchs.* – Alabama, 1987. – P. 31-32, 40-41.

⁴ Видимо, это было настолько очевидно, что в своих «Мемуарах» он счел нужным опровергнуть эту точку зрения: «Война была решительно вызвана теми, кто управлял Францией. Со стороны Испании была только неизбежная необходимость ответить на эту войну, дело чести, защита безопасности – а не каприз моей молодости, не происки какой-либо партии, не низкие последствия иностранного влияния». *Godoy M. Memorias.* – Madrid, 1956. – Т. 1. – P. 36.

война грозит его власти военными неудачами, истощением казны, увеличением налогов, необходимостью займов и признанием того, что все эти жертвы приносятся только ради выгоды Англии.

Еще в конце 1793 г. французы заняли Пучсерду и Бельвер. Командующий республиканской армией в Восточных Пиренеях генерал Дюгомье заставил испанцев вновь отступить к границе. 26 мая испанская армия во главе с Наварро капитулировала у Коллиури. Им предоставили право вернуться к себе, за что Испания обязалась возвратить равное количество пленных французов и выдать эмигрантов, сражавшихся в ее рядах. Испанский главнокомандующий отказался выполнить это условие, и французские пленные не были возвращены¹. Война продолжалась с еще большим ожесточением. 26 мая 1794 г. республиканская армия одержала еще одну важную победу – в битве при Флерюсе она наголову разбила австрийские войска. Но это была последняя победа якобинцев. 27 июля (9 термидора) 1794 г. в результате заговора в Конвенте Робеспьера и его сторонников арестовали и на следующий день гильотинировали.

В Западных Пиренеях благодаря взятию Фуэнтэррабии 1 августа 1794 г. и Сан-Себастьяна несколькими днями позже Франция получила Гипускоа, а также возможность вторгнуться в Бискайю. Французы захватили Виторию и Бильбао и дошли до р. Эбро. Эта кампания подтвердила успехи, которые французская армия имела в Восточных Пиренеях. Испанская граница была прорвана. Эти известия произвели ошеломляющее впечатление в Мадриде. Народ обвинял правительство в бессилии флота, в неспособности генералов, в разорении страны, которая, несмотря на все усилия, не в состоянии была защищаться. Поскольку испанцы не выполни-

¹ См.: *Roura L. La dernière phase de la grande guerre: entre la «guerre à mort» et les tentatives de paix // L'Espagne et la France de la révolution française (1793-1807). – Perpignan, 1994. – P. 136.*

ли условий капитуляции, подписанной в Коллиури 26 мая, Конвент декретировал 10 августа 1794 г., что отныне не будет испанских пленных. Этот жестокий декрет остался без применения, и солдаты никого не убивали. Однако высшее начальство приказывало им поступать еще более беспощадно, чем их сподвижникам в Прирейнском крае. В Каталонии, по свидетельству одного из современников, города и селения были пусты: народ бежал, унося все, что мог, из утвари и продуктов, и жег то, что не мог захватить с собою¹. В провинциях, которым грозило нашествие французов, начинались волнения. В Наварре, Каталонии и Бискайе были организованы тайные хунты, призывавшие народ к оружию для защиты от неприятеля и получения старинных вольностей². Народное недовольство было направлено также и против Годоя, фаворит понял, что заключение мира – единственное средство сохранить власть.

Мысль о сделке с Республикой, как только она даст к этому повод, все более проникала в умы. В последних числах июля и в первых числах августа мир считался возможным на всем европейском материке. Недоставало только правительства во Французской республике, которое бы согласилось заключить этот мир. Именно падение Робеспьера и конец его диктатуры позволили начать переговоры, которые напрасно старались завязать с ним самим. Испания также сделала заявление о мире, хотя держала его в большой тайне. Годой представил Карлу IV мир с Францией как средство спасти заключенных в Тампльской тюрьме детей Людовика XVI – честь Бурбонской династии вышла бы незапятнанной из войны. Министр обратился к жившему в Испании французу

¹ См.: *Ossorio y Gallardo A. Historia del pensamiento catalan durante la guerra de España con Republica Francesa (1793-1795)*. – Madrid, 1971; *Corona C. Revolución...* – P. 250-251, 262-263; *Loupès Ph. Espagne de 1780 à 1802*. – Paris, 1985. – P. 273-274.

² См.: *Rodríguez Garraza. Tensiones de Navarra con la administración central (1778-1808)*. – Pamplona, 1974. – P. 184-188.

Симонену, в обязанности которого входило выплачивание содержания пленным французам. Симонен отправил послание генералу Дюгомье, на которое командующий республиканской армией в Пиренеях заявил, что, прежде всего, Испания должна выполнить условия Коллиурской капитуляции. 26 сентября 1794 г. он передал послание Симонена в Комитет общественного спасения и попросил инструкции. Письмо, составленное Комитетом, было адресовано не Дюгомье, а представителям Конвента, находившимся в Испании в качестве комиссаров. Ответ Симонену резюмировался в следующей фразе: «Франция желает всего, что согласуется с ее интересами и ее достоинством»¹.

27 октября 1794 г. Годой собрал Государственный совет. Он находил республику достаточно опасной для того, чтобы считать мир необходимым, но рассчитывал, что Франция согласится на его условия. Симонену он вручил для передачи следующий ультиматум: Испания признает французское правительство – Франция отдаст Испании детей Людовика XVI и предоставит Людовику XVII пограничные провинции, где он будет царствовать как самостоятельный монарх². Комитет общественного спасения, получив этот ультиматум, нашел его «гнусным». «Примите все меры и громите, – был ответ Комитета от 24 ноября. – Победоносные французы относятся без высокомерия к врагу, обращающемуся с ними надлежащим образом; они находят только презрение для побежденного, который осмеливается предлагать им законы»³. Симонен был отозван, переписка прекратилась, и война продолжалась.

¹ См.: *Сорель А.* Европа... – Т. IV. – С. 108-109; *Seco Serrano C.* Godoy... – P. 127-128.

² *Roura L.* La dernière phase... – P. 138.

³ *Сорель А.* Европа... – Т. IV. – С. 110. Французов поддерживало и то, что 18 сентября они отбили Бельгард. *González Santos L.* Godoy... – P. 55.

После смерти Дюгомье командование французской армией перешло к Периньону. Он начал новое энергичное наступление, и 28 ноября был взят Фигерас, а вскоре Росас. Западная армия в это время устраивалась на зимних квартирах в Гипускоа. Успешные операции республиканской армии 1794 г. вынудили Испанию вновь вернуться к переговорам о мире. Франция к этому времени была не менее заинтересована в заключении мира с Испанией: он являлся неизбежным прелиминарием успешной итальянской кампании, с помощью которой предполагалось добиться у Австрии уступки Нидерландов и согласия на присоединение к Франции левого берега Рейна. Эта задача была гораздо важнее для Директории, чем отвоевание отдельных территорий в Испании. Кроме того, сама армия устала и была деморализована. Нехватка денег и продовольствия приводили ее к плачевному состоянию.

«Этот мир, – заявлял в Комитете общественного спасения Мерлен, – необходим для нас, если мы желаем предохранить наш юг от страшных последствий, успокоить умы внутри страны, прекратить навеки пагубную войну, продолжающую раздирать некоторые из наших департаментов, сократить наши расходы, чудовищные размеры которых ежедневно грозят нам разорением, и дать себе возможность собрать против наших врагов силы, достаточные для их окончательного и скорого поражения»¹. Мир с Испанией мог бы принести республике двойную пользу: Испания могла предоставить ей свой флот для борьбы с Англией и свои рынки для развития французской промышленности. Кроме того, французское правительство давало себе полный отчет в том, что оно уже не в состоянии вести войну со всей Европой и желало ограничиться «только реальными врагами», к кото-

¹ Сорель А. Европа... – Т. IV. – С. 177; *Louvrès Ph. Espagne...* – P. 275-276.

рым оно относило Англию, Россию, Австрию, Португалию и некоторые германские княжества¹.

Этот мир был нужен и для Испании. Директория отказалась от завоевательной политики и идеи свержения «европейских тиранов». 4 декабря 1794 г. в Конвенте было провозглашено, что основным врагом Республики является Англия, и Франции нужен мир для борьбы с этим врагом². Это успокоило Карла IV и Годоя, и теперь испанское правительство могло с достоинством пойти на переговоры. Военных поражений и непомерных расходов, которые «утекали» из казны на военные нужды уже было достаточно, чтобы стремиться к ее завершению. Но это было еще не все. Районы, оккупированные французами, подвергались их активной революционной пропаганде, и, хотя население в основной своей массе не откликалось на их призывы, тем не менее, число недовольных возрастало, в Мадриде стали появляться сведения о крестьянских волнениях и народных выступлениях в поддержку революции³. Кроме того, во время войны с Францией Испания ослабила контроль за своими американскими колониями, чем тут же воспользовалась Англия, активизировав проникновение в испанские владения⁴.

Но Комитет не желал сделать первый шаг и нетерпеливо ждал этого шага от Испании. Бургоань был вызван из Невера, и по поручению Комитета написал от своего имени Окарису и Ириарте, с которыми состоял в хороших отношениях. Испанскому посланнику в Варшаве Доминго де Ириарте было поручено отправиться в Базель, чтобы начать там

¹ *La Parra López E.* La alianza de Godoy con los revolucionarios: España y Francia a finales del siglo XVIII. – Madrid, 1992. – P. 13-16.

² *Aymes J.-R.* La guerra... – P. 128.

³ См. об этом: *Волосюк О.В.* Развитие демократической тенденции в испанском Просвещении в годы Великой французской революции // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. – М., 1982.

⁴ *La Parra López E.* La alianza... – P. 17.

переговоры с французским посланником в Швейцарии Франсуа де Бартеlemi, которому было указано заявить при случае Ириарте, что «Франция не только не желает уничтожения Испании, но, напротив, желала бы укрепить ее существование». Такие же инструкции направили французскому посланнику в Венеции Лаллеману.

В середине марта Бургоань выехал в Пиренеи для переговоров и начал переписку с Окарисом, выдвинув условия мира, предложенные Комитетом¹, но требования французоз были категорически отвергнуты и переговоры прервались.

Эта неудача осталась для Франции незамеченной, поскольку в это время завершились переговоры, которые она параллельно вела с Пруссией. Фридрих-Вильгельм II, убедившись, что война расстраивает финансы Пруссии и не доставляет ей никаких выгод, 5 апреля 1795 г. в Базеле заключил с республикой мир и уступил ей все свои зарейнские владения. По подписанному 11 мая договору почти вся северная часть Германии (отделённая демаркационной линией) объявлена была нейтральной.

Мадридский двор также торопился завершить переговоры о мире, но опасался какой-либо угрожающей меры со стороны англичан. Поэтому Годой передал Доминго де Ири-

¹ Условия мира, врученные ему Комитетом, гласили: 1) Комитет соглашался заключить мир с испанским королем; 2) Испания должна отменить все акты своего присоединения к коалиции; 3) Испания должна уступить Франции Гипускоа, Фуэнтарабию и все спорные со времен Людовика XIV окраины; 4) Испания должна уступить свои владения в Санто-Доминго; 5) Испания обязывалась поставлять Франции надлежащее количество лошадей, овец и баранов-мериносов; 6) Франция очистит те испанские территории, которые занимала и которые не будут ей присуждены; 7) Франция предлагает Испании наступательный и оборонительный союз против Англии; 8) Испания предоставит в распоряжение Франции 20 линейных кораблей и 20 фрегатов, которые должны состоять под началом французских командиров и испано-французских экипажей. Вскоре Комитет заменил требование о передаче Франции Гипускоа на американскую Луизиану. *La Parra López E. La alianza... – P. 18-19.*

арте инструкцию и приказ вести все переговоры в условиях строжайшей тайны. Ириарте приехал в Базель 4 мая, встретился с Бартелеми и сообщил ему о цели своей поездки. Комитет был извещен об этом 21 флореаля – 10 мая. Он отказался от посредничества Бургоаня и передал все полномочия Бартелеми, которому были направлены специальные инструкции. По мнению каталонского исследователя этих переговоров Л. Роура, наступила решающая их стадия¹. Переговоры между Ириарте и Бартелеми начались 15 мая. Ириарте надеялся, что они будут вестись на основе *status quo antes* и что следствием мира стало бы заключение союза. Бартелеми уступил по статьям о Гипускоа и Санто-Доминго, но заявил, что Франция не откажется от Луизианы².

Годой не напрасно опасался интриг англичан, которые, как всегда, успешно вели двойную игру. С одной стороны, поскольку война легла тяжелым финансовым бременем на Британию, увеличив государственный долг, с 1795 г. Питт также пытался заключить мир с французами. С другой, англичане ревностно следили за сохранением коалиции, опасаясь остаться с Францией один на один. После выхода из коалиции Пруссии их давление на Испанию заметно возросло. «Английский посол имел накануне долгую беседу с герцогом де Алькудиа, – сообщал Бицов из Мадрида в середине июня 1795 г., – в ходе которой убеждал здешний Двор продолжать войну и противиться любым попыткам начать с Конвентом переговоры без согласования с державами коалиции. Уверения, которые получил г-н Джексон³, в том числе и письменно, направлены на то, чтобы успокоить лондонский двор от-

¹ См.: *Roura L. La derniere phase...* – P. 141.

² См.: *La Parra López E. La alianza...* – P. 22-24.

³ Френсис Джеймс Джексон временно исполнял обязанности посланника в 1794-1795 гг. Эта встреча с Годоем стала завершающим аккордом в его дипломатической карьере в Испании. В этом же донесении Бицов сообщал, что в Мадрид прибыл и получил аудиенцию у Карла IV новый английский посол, маркиз Бут. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 495. Л. 69.

носителю намерений двора здешнего. Однако здесь полагают, что секретные переговоры с конвентом все-таки ведутся, и последние новости, которые приходят с пограничной зоны, это подтверждают»¹.

Тем временем Франция с нетерпением ожидала завершения переговоров. 16 мая она подписала союз с Батавской республикой, а на следующий день – новый договор в Базеле, распространявший условия договора с Пруссией на другие германские государства. Ей необходимо было развязать руки как можно скорее, а потому 28 апреля – 16 июня 1795 г. – Комитет общественного спасения передал через Бартелеми, что по истечении месячного срока, если не будет достигнуто соглашение, французы сроят до основания Росас, Фигерас и Сан-Себастьян. Столь убедительное подтверждение серьезности французских намерений побудило Годоя активизировать переговоры. Для этого в Пиренеи был послан маркиз де Иранда, с которым Комитет поручил встретиться генералу Сервану. При этом Серван получил инструкцию, в которой говорилось, что для скорейшего заключения общего мира «гражданин Серван уполномочивается отказаться от требования всяких территориальных уступок». Вскоре французы еще раз подтвердили серьезность своих намерений – 8 июля они вступили в Витторию и двинулись в сторону Памплоны.

2 и 8 июля 1795 г. Годой отправил два приказа Ириарте, в которых предписывал немедленно приступить к завершению переговоров. 11 июля встречи Ириарте и Бартелеми вступили в завершающую стадию. Договаривающиеся пришли к соглашению по большей части статей. Было решено, что дочь Людовика XVI, Мария-Терезия-Шарлотта будет передана Испании, если Австрия не согласится обменять ее на представителя республики Бернонвиля. Вопрос о Людовике

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 495. Л. 68-69.

XVII отпал, поскольку незадолго до окончания переговоров ребенок умер в тюрьме¹. Что касается территориальных уступок, то Бартеlemi удовольствовался Санто-Доминго. Он имел достаточные полномочия, и трактат был подписан 4 термидора – 22 июля 1795 г. Комитет получил текст 11 термидора – 29 июля – он уже покорился необходимости заключить мир без завоеваний и утвердил трактат при всеобщем одобрении². Испанский монарх ратифицировал документ 4 августа 1795 г.³, а Годой получил за него титул Принца де ла Пас – Принца Мира.

В Испании радовались подписанному миру. Ликование испанцев можно выразить словами известного испанского просветителя Г. де Ховельяноса, записавшего 17 августа 1795 г. в своем дневнике: «О, мир! О, святой и желанный мир! Наконец, ты снова вытрешь глаза опечаленных и заплаканных народов. Навсегда ли закончились ужасы войны? Я начинаю смутно различать период мира и братства на земле...»⁴.

Базельский мир означал не только окончание войны Испании с Францией – он означал развал первой антифранцузской коалиции, из которой вышли Испания, Пруссия и Голландия. Базельский мир подчеркнул превосходство Французской республики над союзом европейских монархов. Для Испании его подписание стало точкой отсчета нового геополитического положения: испанская монархия не просто снова оказалась в орбите французской политики – она оказалась в орбите активной и даже агрессивной политики французской Директории.

¹ О переговорах по этому вопросу см.: *Gonzales Santos L. Godoy...* – P. 61-63.

² См.: *Сорель А.* – С. 281-283; *Loupès Ph. Espagne...* – P. 279-280.

³ См.: *González Santos L. Godoy...* – P. 63.

⁴ *Jovellanos G.de. Diarios.* – Oviedo, 1953-1956. – Т. II. – P. 153.

4.4. Испано-французский союз 1796 г. и отношения с Россией

«Здесь двор 5 числа с.м. получил известие с чрезвычайным курьером из Базеля от г-на Ириарте о подписании договора о мире между Испанией и Францией... Это известие держится пока в строжайшем секрете, и никто из дипломатического корпуса, даже посол Англии, не имеют о нем ни малейшего представления»¹, – сообщал Н.Н. Бицов в донесении от 30.7/10.8. 1795 г. «На самом деле, – развивал он этот сюжет уже в следующей своей депеше, – герцог Алькудиа, всегда относившийся с недоверием к Англии, начал серьезно задумываться о мире после измены прусского короля, поддерживаемый также чаяниями народа, как, впрочем, и желанием повисить свой собственный авторитет»².

Но война еще не закончилась – другие государства, входившие в антифранцузскую коалицию, продолжали борьбу с Францией. Англия, опасаясь усиления Франции в Западной Европе, становилась все более активной. Не складывала оружия и Австрия. За ними следовали некоторые германские и итальянские государства. Содержание мирного договора ясно свидетельствовало о том, что он имеет прелиминарный характер для установления более тесных отношений между двумя государствами, которые должны оформиться в виде наступательно-оборонительного союза и трактата о торговле.

Еще до подписания Базельского мира Годой провозгласил, что Испания должна достичь и политического альянса с Францией, рассчитывая, что подобная перспектива может уменьшить ее требования во время переговоров. Эта идея не покинула его и после переговоров. Он назначил послом во Францию Доминго де Ириарте, так удачно завершившего переговоры о мире и пользовавшегося доверием французов.

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 495. Л. 94.

² Там же. Л. 97.

Все шло к тому, что союз будет вскоре оформлен. Но неожиданная болезнь Ириарте, которая вынудила Годоя отменить его назначение, а вскоре и его смерть в октябре 1795 г. отложили переговоры о союзе¹.

Франция настаивала на подписании сначала коммерческого трактата, который бы предоставил в ее распоряжение необъятный испанский рынок. 22 августа 1795 г. через Бартелими был передан проект договора, по которому французским купцам предоставлялось право торговли с колониями, такое же, как и испанским, испанцы не имели права досмотра французских кораблей в испанских портах, правительство Карла IV должно было компенсировать ущерб, понесенный французами, покинувшими страну во время войны и т.д.² Естественно, Годой не пошел на эти условия. Кроме того, он был заинтересован гораздо больше в подписании политического договора с Францией, нежели торгового, рассчитывая на ее поддержку в борьбе с Англией. Поэтому переговоры о торговле вяло продолжались, но так и не привели к их юридическому завершению³.

Сообщения Бицова в Петербург о переговорах Испании и Франции и подписании Базельского мира летом 1795 г. вызвали недовольство Екатерины⁴ – рушились все ее намерения

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 495. Л. 138. См. также: *La Parra López E. La alianza...* – P. 29-30.

² *Ibid.* – P. 37-39.

³ Об этом Бицов сообщал еще в конце 1796 года. См. донесения Н.Н. Бицова А.И. Остерману от 30.10 (10.11). 1796 и от 1 (12).12. 1796. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 80, 87.

⁴ Следует учитывать, что отношения России с Испанией в этот период были вполне корректными. В мае 1795 г. Остерман в беседе с испанским поверенным в делах Амамом выразил желание развивать дружественные отношения с Испанией. 15 мая 1795 г. он направил Годоя письмо, в котором излагал те же идеи (АВПРИ. Д. 238. Л. 1). В ответ Годой, по сообщению Бицова, «не только выделяет меня своим вниманием и доверием, но выказывает при каждой приватной беседе, а также в присутствии приближенных ему лиц расположение и восхищение российским Двором,

по ликвидации французского очага «заразы», – но российская императрица была занята подавлением восстания Костюшко и третьим разделом Польши. После завершения польских дел Екатерина занялась наведением порядка в Европе. В конце 1795 г. между Россией, Англией и Австрией был заключен Тройственный союз для совместных действий против революционной Франции. И наконец, последовала долгожданная реакция.

25 декабря 1795 г. И.А. Остерман направляет крайне негодующее письмо Бицову о том, что российская императрица «крайне раздосадована» известием о заключении мира между Францией и Испанией, что, по ее мнению, испанский монарх «пал жертвой многих обстоятельств, стечение которых только и могло стать причиной попрания им принципов», на которых базировались «добрые отношения двух Дворов»¹. Испанского монарха обвиняли в том, что он «начал переговоры с убийцами», «руки которых замараны убийством их августейшего монарха», что он «подписал договор с нарушителями спокойствия во всей Европе». Тем не менее Екатерина выражала надежду, что «хотя она и не понимает мотивы, которые побудили е. кат. в-во порвать с интересами коалиции», она уверена, что он «будет продолжать искренне поддерживать действия держав коалиции».

В письме сообщалась информация о подписании договора о союзе Россией, Англией и Австрией и выражалась надежда, что державы коалиции «объединят свои взгляды и усилия, чтобы любой ценой добиться цели» – «восстановления порядка и спокойствия, избавления Европы от крайне опасной заразы»². Бицову поручалось донести эту информацию до сведения первого министра Испании.

каждый раз повторяя, что именно дружба с ним для него предпочтительнее дружбы с другими государствами Европы». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 495. Л. 71.

¹ Там же. Д. 221. Л. 1.

² Там же. Л. 1-3.

Получив этот рескрипт, Бицов просил Годоя об аудиенции, которая состоялась 27 февраля 1796 г. Годой убеждал российского дипломата, что это Лондон подстрекает Россию выступать с подобными демаршами, что на самом деле Тройственного союза не существует, поскольку при удобном случае Австрия не замедлит подписать сепаратный мир с Францией, и тогда «бремя войны падет на Великобританию и Россию»¹.

17 марта 1796 г. Бицову был вручен официальный ответ испанского двора. В нем говорилось, что Испания, начиная с 1791 г., инициировала переговоры с Россией о ведении совместных действий против Франции, что об этом вели переговоры с Зиновьевым, а указания подобного рода давали Гальвесу и Амату, бывшим посланниками при российском дворе, которые должны были донести позицию испанского двора до Остермана и Безбородко. Реакции России не последовало, поскольку «ее армия была сосредоточена на оккупации Польши». В этих условиях, не имея достаточно средств для ведения войны, испанский король посчитал возможным пойти на подписание мира с Францией, не согласовывая это с другими державами².

Санкционируя подписание мирного договора с Францией, Годой надеялся, что Испания вновь обретет статус нейтральной державы как по отношению к Франции, так и по отношению к Англии и ее союзникам. Однако эти его расчеты, как и замысел присоединить Испанию к Лиге нейтральных государств (Дания, Швеция и Пруссия), были нереальны³. И это было обусловлено не столько практической неспособностью северных стран гарантировать нейтралитет Испании, сколько тем, что ее стратегическое положение пол-

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 500. Л. 31-32.

² Там же. Л. 25-28.

³ См.: *Sanchez Diana J.M.* España y el Norte de Europa... – P. 76-81.

ностью исключало проведение подобной политики. Испания была поставлена в такое положение, при котором она не могла выбирать между миром и войной, а была обречена выбирать только между войной против Франции в союзе с Англией или войной против Англии в союзе с Францией¹. Осознание испанским двором данной реальности, наряду с предложениями Парижа о совместном изгнании англичан из Средиземноморья и захвата Гибралтара², подталкивали его к мысли о необходимости блокирования с Францией. И к весне 1796 г. эта идея начала воплощаться в реальности.

О начавшихся в Мадриде франко-испанских переговорах в Петербурге узнали из донесений Н.Н. Бицова. В середине марта 1796 г. в Мадрид прибыл посол Директории, бывший командующий французской армией Катарин-Доминик Периньон³. Размышляя о возможности заключения

¹ См.: Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с 4 века от РХ по современность: в 8 т. – М., 1897-1903. – Т. 7. – С. 693.

² См.: Сорель А. Европа... – Т. IV. – С. 297-298, 331-332.

³ Доминик Периньон, выходец из зажиточной семьи, участвовал в войне в Северной Америке. В 1791 г. избран депутатом, а в следующем вернулся на военную службу. Участвовал сражениях против Австрии и Пруссии, затем попал в восточно-пиренейскую армию. В 1793 г. он уже командовал всей армией. В 1795 г. был делегирован в Совет Пятисот и назначен послом в Испанию, где в 1796 г. подписал в Сан-Ильдефонсо наступательно-оборонительный союз с Испанией. В мае 1798 г. был направлен в Итальянскую армию. Через месяц он был ранен и захвачен в плен в сражении с русскими при Нови под командованием А.В. Суворова. По возвращении во Францию в 1801 г. назначен начальником армейской дивизии в Тулузе, в 1802 г. – вице-президентом Сената. 19 мая 1804 г. он получил из рук Наполеона маршальский жезл, став одним из 4 «почетных» маршалов. В 1806 г. стал губернатором Пармы. В дальнейшем Периньон попал в Неаполь. По возвращении во Францию в 1814 г. он присоединился к Людовику XVIII, который даровал ему титул маркиза Гренады и ввел в Палату Пэров. Вернувшийся с Эльбы Наполеон вычеркнул Периньона из списков маршалов. Участия в событиях Ста Дней он не принимал. Бурбоны оценили его лояльность, и в 1815 г. он был назначен губернатором 10-го военного округа, а в следующем – 1-го округа.

союзного договора между Испанией и Францией, Н.Н. Бицов указывал, что он был бы давно заключен, если бы «общество не боялось разрыва отношений с Англией». «Принц Мира, – писал российский дипломат в конце июня 1796 г., – выказывает особую дружбу г-ну Периньону, а с другой стороны, повторяет, что целью коалиции является лишь желание России и Англии укрепить свои позиции, что может помешать установлению общего мира...»¹. Говоря об отношениях с Россией, Бицов еще раз подчеркивает, что Годой «был лично оскорблен посланием российского двора от 25 декабря»².

19 июня Годой имел долгую беседу с английским послом Бьютом. Он уже не скрывал того, что оформление договора с Францией состоится в ближайшее время, в оправдание вновь повторяя тезис о том, что Австрия при любой удобной возможности пойдет на подписание сепаратного мира, а Англия, оставшись одна, не сможет вынести бремя войны. Поэтому, по его мнению, наступил крайне удобный момент для заключения общего мира с Францией, и что Испания, будучи расположенной по соседству Франции, не может не воспользоваться этим. Годой заявил Бьюту, что многое зависит и от позиции английского двора: если он готов на «пацификацию», то в союзе с Францией не будет необходимости. В противном же случае, прямо заявил он послу, надо отдавать себе отчет в том, что этот союз будет оборонительный и наступательный, и он (Годой. – *О.В.*) не может отвечать за его возможные последствия³. Эти заявления Годоя имели, скорее всего, чисто дипломатический характер. Вопрос о союзе был решен, и 3 июля, не дожидаясь ответа из Лондона, Годой заявил Бьюту, что союз будет подписан непременно⁴.

См.: Маршалы Наполеона. Периньон Катарин-Доминик (1754-1818). URL: <http://history.scps.ru/fr-march/21.htm>

¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 500. Л. 45-46.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 51-52.

⁴ Там же. Л. 52.

Известия о возможном союзе с некоторым запозданием поступили в Петербург и из Лондона. С.Р. Воронцов в своей депеше от 15 июля 1796 г. указывал, что согласно «полученных из Гишпаниии писем есть довольно оснований опасаться, что мадридский двор, позабыв собственное свое достоинство, пользу и безопасность, ежедневно сближается с неистовым французским правлением и наивяще дойдет до такой крайности, что в защиту Франции объявит войну Великобритании»¹. А спустя неделю он предупредил И.А. Остермана, что там со дня на день ждут сообщения из Мадрида «о заключении наитеснейшего союза между Гишпаниею и Франциею»², которое действительно не заставило себя долго ждать.

18 августа 1796 г. Мануэль Годой от лица Карла IV и представлявший Директорию К.Д. Периньон подписали в Сан-Ильдефонсо союзный договор, в основу которого были положены статьи третьего Фамильного пакта³. Как и в 1761 г., союзники обязались предоставлять друг другу военную помощь для борьбы с Англией, как в Старом, так и в Новом Свете.

Во Франции договор был ратифицирован единодушно: там понимали, что республике крайне необходим как испанский флот, действия которого совместно с успехами Бонапарта на итальянских землях обусловят их преобладание в Средиземноморье, так и Кадис, который будет служить как важная морская база. Для Испании этот договор означал окончательный разрыв с Англией и скорую неминуемую с ней войну. Испания объявила войну Англии 5 октября 1796 г., и сделал это Годой под прямым нажимом французов. Война эта проходила неудачно для Испании и завершилась

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией (Далее – СРА). Д. 471. Л. 109.

² Там же. Л.110.

³ Бицов, правда, называет датой подписания 19 августа, отмечая, что через несколько часов после этого Периньон отправил курьера в Париж для ратификации договора. АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 65.

разгромом испанского флота в знаменитом сражении у Трафальгара в 1805 г. После этого Испания уже не могла оправиться и вынуждена была оставаться в ряду второразрядных держав. Что же касается американских колоний, из-за которых, собственно, Испания и пошла на разрыв с Англией, то Годой рассчитывал обеспечить их безопасность путем заключения договора с США, что оградило бы Испанию и от вмешательства Англии, и самих США в дела испанских владений. Но Годой опоздал: 19 ноября 1794 г. Англия подписала с США «договор Джея», который гарантировал оба государства от взаимного нападения и предоставлял Англии в США значительные торговые привилегии. Спустя два года, 27 октября 1796 г. Испания подписала с США договор Сан-Лоренцо, но Испании он не дал ничего, тогда как США получили право свободного плавания по Миссисипи, свободы торговли, Новый Орлеан приобретал статус открытого порта и т.д.¹

В Сан-Ильдефонский договор входило также и условие гарантии Францией доминирующего положения Испании в итальянских землях, прежде всего в Неаполе и Парме, и посредничества Испании при заключении Францией мира в Италии. Как и в начале века, они были связаны династическими интересами с Испанией: в Неаполе правил Фердинанд IV, брат Карла IV, а в Парме – Фердинанд I, брат Марии-Луизы. Испанию и Францию на итальянских землях объединяло одно общее стремление – избавиться от австрийского господства. Но победы Наполеона и его политика в Италии показали, что вопрос о посредничестве Испании – это всего лишь иллюзия, что Бонапарт сам решает, с кем и когда ему заключать мирные договоры. Когда же Годой поставил вопрос о расширении земель герцогства Пармы за счет соседних территорий, то Директория предложила ему следующие

¹ См.: *Young R.A.* La influencia de Godoy en el desarrollo de los Estados Unidos a costa de Nueva España. – Mexico, 1968.

условия: Парма получает часть земель Милана, Тосканы, герцогства Кастро и Мантуа, но должно выплачивать за это расходы на войну по 6 млн франков в год в течение 10 лет, вернуть Франции Луизиану и Флориду и подписать с ней торговый трактат¹. Годом отверг эти «драконовские» условия, и вопрос с Пармой так и не был решен. Что же касается Неаполя, то там после женитьбы Фердинанда на австрийской эрцгерцогине Марии-Каролине возобладала проавстрийская и проанглийская политика, и отношения с испанским двором после подписания союза с Францией, как и во времена Карла III, стали достаточно прохладными.

Не была забыта и Португалия, завоевание которой Франция поручила Испании². Ставя перед мадридским двором эту задачу, французское правительство исходило из необходимости достичь полной экономической изоляции Пиренейского полуострова от Англии как наиважнейшего условия претворения в жизнь его стратегической программы установления континентальной блокады Великобритании³.

В августе 1796 г. Бицов сообщал о задержании английского пакетбота в испанском порту, подчеркивая далее: «Эта мера, которая полностью соответствует содержанию договора, не оставляет более сомнений в отношении намерений испанского двора разорвать всяческую переписку с Англией, и общее мнение состоит здесь в том, что он (испанский двор. – *О.В.*) первым начнет боевые действия»⁴.

Одновременно британские дипломаты активизировали свою политику и в Петербурге. Еще в сентябре 1795 г. британский кабинет, ссылаясь на угрозу столкновения с Испанией, начал требовать от русского правительства предоставить Англии дополнительную военную помощь. Однако в Петер-

¹ См.: *Young R.A.* La influencia de Godoy... – P. 43-48.

² См.: *Сорель А.* Европа... – Т. V. – С. 85.

³ Там же. – С. 85-86.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 67.

бурге не только не намеревались направлять против Испании свои корабли, но и даже выполнять условия англо-русского договора, направленного против Франции, ограничившись лишь посылкой в Северное море наблюдательной эскадры под командой вице-адмирала П.И. Ханькова. Екатерина II откровенно заявляла французским эмигрантам, чтоб они не надеялись на большее, ибо у нее нет ни малейшего желания «вмешиваться в сор, от которого Испания и Пруссия уже отвернулись»¹.

По этой причине в июне 1796 г. Екатерина II приказала вернуть эскадру вице-адмирала П.И. Ханькова на зимовку в русские порты. Раздосадованный лорд Гренвиль доказывал С.Р. Воронцову, что уход русских кораблей на Балтику накануне объединения флотов Испании и Франции поставит Англию в тяжелейшее положение, ибо тогда она уже не будет иметь превосходства в морских силах². И подобные аргументы, наряду с известиями из Мадрида о намерении Испании «составить связь с французами для объявления войны Англии», убедили императрицу изменить свое первоначальное решение³.

17 сентября И.А. Остерман уведомил Витворта о том, что Екатерина II дала свое согласие «на возвращение в Англию здешней вспомогательной эскадры»⁴. Выразив по этому

¹ Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история... – Т. 8. – С. 346. Основной причиной ее индифферентного отношения к просьбам Лондона и французских роялистов стали турецкие и персидские дела. В декабре 1795 г. правительством рассматривался план ведения войны против Турции, во исполнение которого русские войска под командованием В.А. Зубова в феврале 1796 г. начали продвигаться по направлению к Дербенту. Подобный вариант совершенно не устраивал британский кабинет, поэтому английская дипломатия в период 1795-1796 г. прилагала отчаянные усилия, чтобы удержать султана от принятия им роковых для Турции решений.

² АВПРИ. Ф. СРА. Д. 417. Л. 128-131.

³ Архив Государственного совета. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 1030.

⁴ АВПРИ. Ф. СРА. Д. 110. Л. 35.

поводу свое удовлетворение, английский посол, тем не менее, вновь напомнил графу, что в связи с неизбежностью разрыва Испании с Англией его король по-прежнему питает «надежду, что ее. и. в-во на основании существующего между обоими государствами союза не оставит его своею помощью»¹. При этом Лондон хотел получить от Петербурга помощь не только военную, но и дипломатическую.

Правительство Георга III было достаточно хорошо информировано о планах Мадрида и Парижа установить свой контроль над Португалией, что вызывало у него серьезную озабоченность от осознания осуществимости франко-испанским блоком этих замыслов. Ведь Португалия не могла самостоятельно обеспечить неприкосновенность своих границ, а у Великобритании не было для ее защиты лишних солдат². В связи с этим британский кабинет обратился к правительству Екатерины II с просьбой о передаче Англии в наем русского корпуса, на что Петербург ответил решительным отказом, сославшись на продолжающиеся беспорядки в Польше.

В сентябре С.Р. Воронцов писал И.А. Остерману, что «соединение гишпанского флота с французским, намерение сих земель напасть на Португалию, слабость сил последней, непрестанно просящей помощи войсками от Англии, которая с трудом собрать может довольно одного для собственной обороны своего острова от угрожаемого нападения, принудило здешний двор просить государыню, дабы е.и. в-во, примирясь уже со Швециею, король которой в России теперь находится, доставила Англии 12 тыс. шведов для обороны Португалии»³. Об этом просил И.А. Остермана и Витворт⁴.

¹ АВПРИ. Ф. СРА. Д. 110. Л. 37.

² Там же. Д. 471. Л. 145-146.

³ АВПРИ. Ф. СРА. Д. 110. Л. 144-145.

⁴ Там же.

Разумеется, что данный вопрос мог быть поднят Екатериной II только при условии успешного завершения русско-шведских переговоров, которые, однако, закончились неудачно. Поэтому британскому кабинету оставалось надеяться только на Россию, помощь которой стала крайне необходима Англии в свете разрыва с ней Испанией в сентябре 1796 г. дипломатических отношений¹.

В начале октября А.А. Безбородко, ссылаясь на сообщения из Мадрида, объявил членам Государственного совета, что «гишпанцы наложили *embargo* на все английские суда, и сей поступок почитают там знаком войны...»². И, хотя это была еще не война, тем не менее, Витворт срочно обратился к И.А. Остерману «касательно начатия негоциации о подании Англии помощи противу гишпанцов...»³. Взамен же Георг III обещал не только выплату значительных субсидий, но еще и остров Корсику⁴. И подобная королевская щедрость была не случайна, ибо 6 октября 1796 г. Испания объявила войну Англии.

Информируя Петербург о выходе королевского декрета об объявлении войны, Н.Н. Бицов в донесении от 13 октября указывал, что английский посол накануне получил свои паспорта и покинет страну через 4-5 дней и что испанская эскадра задержала несколько английских судов в Средиземном море⁵. В следующем донесении он сообщал, что «публика в целом не довольна современным положением дел и многие предвидят весьма пагубные последствия, если нынешняя

¹ АВПРИ. Ф. СРА. Д. 110. Л. 165.

² Донесение Бицова от 20(31) августа 1796 г. // АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 67; Архив Государственного совета. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 1035. Протокольная запись (9 октября 1796).

³ АВПРИ. Ф. ВКД. Д. 905. Л. 192.

⁴ Там же. Ф. СРА. Д. 110. Л. 50.

⁵ Там же. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 73.

война, которая не очень нравится нации, будет столь же губительна, как и предшествовавшая»¹.

16 октября 1796 г. состоялся обмен ратификационными грамотами². Известие о заключении Испанией союза с Францией вызвало, по словам поверенного в делах Хоакина де Ониса, «крайнее недовольство здешнего двора, и граф Остерман говорил об этом в выражениях не вполне приличных»³. Отношения накалялись. В ноябре Бицов сообщил из Мадрида, что Годой, «который столь легок в своих суждениях, и которому Директория уже успела внушить неприязнь к российскому двору», сказал российскому дипломату «в присутствии многих придворных, что более не существует отношений между Испанией и Россией»⁴. И в подтверждение своих слов он предписал Онису покинуть Россию, оставив в ее столице в качестве поверенного в делах своего брата Хоакина де Ониса.

Таким образом, заключение Сан-Ильдефонского договора привело к охлаждению в испано-русских отношениях и к объявлению войны Великобритании. Как только об этом стало известно Витворту, он напомнил И.А.Остерману, что поскольку «война от Испании уже объявлена Англии, то он уповает, что обещанная ей от здешнего двора на сей случай помощь дана будет»⁵. Требования английского посла были вполне обоснованными, поскольку по русско-английскому оборонительному договору от 18 февраля 1795 г. Россия в случае нападения на Великобританию какой-либо третьей державы обязалась предоставить ей 12 тыс. солдат или

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 78.

² Там же. Л. 77.

³ Россия и Испания... – С. 438.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 500. Л. 83.

⁵ Там же. Ф. СРА. Д. 110. Л. 51.

12 кораблей и 6 фрегатов для защиты Британских островов¹. Однако решить вопрос о разрыве дипломатических отношений с Испанией и даже объявлении ей войны императрице было уже не суждено. Утром 17 ноября 1796 г. Екатерина II скорпостижно скончалась.

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I–XV. – СПб., 1874-1909. – Т. IX. – С. 370-380.

Глава 5

ОТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ И РОССИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ПАВЛА I

Вступив на престол, Павел I объявил иностранным дворянам, что «остается в твердой связи со своими союзниками и чувствует нужду всевозможными мерами противиться неистовой французской республике, угрожающей всей Европе совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия». Вместе с тем он заявил о невозможности России участвовать в вооруженной борьбе с Францией, поскольку она, «будучи в непрерывной войне с 1756 г., есть единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в принужденном и желаемом ими отдохновении, после столь долго продолжавшихся изнурений»¹.

Другой важной причиной, заставившей императора отказаться от вступления в войну с Францией, явилось, по его словам, тяжелое финансовое положение страны. Павел I говорил Витворту, что «мать моя оставила мне империю с истощенным народом и пустою казной. Мне нужен мир для заживления этих глубоких ран»². И хотя определенная доля истины в его словах несомненно присутствовала, отнюдь не финансовые проблемы, а маниакальная идея императора пе-

¹ Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. – СПб., 1857. – Т. 1. – С. 10.

² Джеджула К.Е. Великая французская буржуазная революция и Европа. – Киев, 1965. – С. 418.

ределать все в России в пику своей матери на прусский манер, начиная с военной формы и кончая внешней политикой, лежала в основе его решения о выходе России из рядов первой коалиции. Английский посол в Берлине писал Витворту, что «по получении известия о кончине императрицы здешний двор оказал в том явное удовольствие, в надежде, что Пруссия не имеет теперь столько бояться недоброжелательства России, как то оказывалось при покойной императрице, а напротив того имеет причины надеяться, по особым качествам ея преемника, не только его дружбы с королем, но и союза между дворами». В связи с этим, продолжал он, прусскому послу в Петербурге даны указания незамедлительно «представить императору план, дабы согласиться вместе в кондициях мирных и рекомендовать оные воюющим державам». При этом британский дипломат указывал, что в основу данных «кондиций» должен быть положен принцип статус-кво анте беллум¹.

Естественно, что предложения берлинского двора были тотчас одобрены Павлом I. «Мне очень приятно, – писал он Фридриху II Вильгельму, – помогать Вам в восстановлении тишины, в этом смысле я готов действовать заодно с Вами путем переговоров и посредничества»². Выдвижение прусским двором Павла I на роль общеевропейского арбитра, диктующего свои условия воюющим державам, несомненно, льстило самолюбию русского императора. К тому же он считал, что в ходе переговоров ему удастся, при поддержке Англии, Австрии и Пруссии, принудить Францию вернуться к границам 1792 г.

Весть о наметившемся повороте во внешнеполитическом курсе России вызвала серьезную озабоченность правящих кругов Великобритании, прекрасно понимавших, что выход Австрии и России из борьбы с Францией поставит

¹ АВПРИ. Ф. Секретнейшие дела. Англия. Д. 36. Л. 243-244.

² СРИО. – Т. 70. – С. VI-VII.

Англию в ситуацию наподобие той, в которой она оказалась в период Войны за независимость США. Питт все же попытался завлечь Павла I во французские дела, предложив ему в качестве вознаграждения остров Корсику¹. Однако русское правительство не клюнуло на эту довольно примитивную дипломатическую приманку британского кабинета. И.А. Остерман заявил Витворту, что «е.и. в-во уклоняется от принятия сего предложения»². А вскоре А.А. Безбородко довел до сведения английского посла, что Павел I принял твердое решение не посылать «здешних войск против французов»³, что вызвало крайне негативную реакцию Лондона.

Когда же С.Р. Воронцов ознакомил Гренвиля с указом императора об отозвании эскадры П.И. Ханыкова на Балтику, то тот буквально взорвался от негодования. «Россия, – выговаривал он русскому послу, – сама нас побуждала на сию войну и весьма ободрила на оную, заключив с нами союзный трактат, коим мы должны ей помогать морскими силами, а она нам сухопутными войсками. И как покойная императрица нашла некоторое неудобство дать нам обещанное войско, опасаясь сперва турецкого нападения на Россию, а потом, найдя какую-то необходимость воевать против Персии, вместо сих войск прислала нам помочную эскадру». Теперь, продолжал Гренвиль, русское правительство отзывает и ее, которая крайне необходима Англии ввиду того, что «Франция, помирясь с венским двором, употребит все свои войска для разных десантов в Великобританию и в Ирландию»⁴. Недовольства Лондона новым курсом Петербурга усилилось после получения известий о решении Павла I вернуть русского посла в Мадрид и вступить в переговоры с Францией⁵.

¹ АВПРИ. Ф. СРА. Д.110. Л. 61.

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Д. 115. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 480. Л. 10-11.

⁵ Там же. Д. 482. Л. 12.

5.1. О дипломатической миссии в Россию Г.М. де Ховельяноса

Известия об отказе Павла I направить русские войска против Франции и о его желании возглавить процесс «восстановления тишины» в Европе произвели настоящий фурор в Париже. Французы поняли, что своим решением Павел I, по существу, обрек Австрию на поражение, а Великобритании оставил вести борьбу на морях с объединенными силами Франции, Испании и Голландии в одиночку. Директория не замедлила откликнуться на пацифистский курс русского императора, желая добиться нормализации франко-русских отношений, что привело бы к ослаблению политических связей Петербурга с Веной и Лондоном¹.

В русле этого курса появилась надежда и на возможное потепление отношений между российским и испанским дворами².

В конце апреля Н.Н. Бицов сообщал И.А. Остерману, что после разгрома адмиралом Джервисом 24 февраля 1797 г. испанского флота у мыса Сан-Висенте британский флот полностью блокировал испанские порты³. В результате этого вся торговля Испании с Европой и Южной Америкой оказалась полностью парализованной, что поставило экономику страны на грань катастрофы. Поэтому, указывал Н.Н. Бицов, правительство Карла IV с нетерпением ожидает восстановления всеобщего мира⁴. Бицов докладывал, что с начала 1797 г. Годой уже больше не делает выпадов в адрес России, а все настойчивее «пытается угодить нашему двору своими внушениями и восстановить доброе согласие с ним, которое он считает совсем нарушенным, вследствие его слов, высказан-

¹ Сорель А. Европа... – Т. V. – С. 133.

² См.: *Schor Soler A.M.* Las relaciones... – P. 46-55; *Idem.* Un siglo de relaciones ... – P. 39-42.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 502. Л. 21-22.

⁴ Там же. Л. 29.

ных им различным лицам дипломатического корпуса по поводу неудовольствия России его новыми связями с Францией»¹. В подтверждение искренности своих заявлений он пообещал Н.Н. Бицову вернуть в ближайшее время испанского посла в Петербург². Бицов информировал канцлера А.А. Безбородко об этой инициативе испанского двора. С.Р. Воронцов докладывал Павлу I из Лондона 7 апреля 1797 г., что получил его указ о назначении барона А.И. Криденера русским послом в Испании³.

В донесении от 25 июня (6 июля) 1797 г. Бицов писал: «Король, будучи преисполнен уважения к тем мудрым мерам, которые е.и. в-во считал необходимым принять в нынешних обстоятельствах на благо Европы, выразил самое искреннее желание укреплять связи и возобновить переписку с Российским двором на принципах, которые более всего отвечали бы интересам обеих наций и нынешним обстоятельствам. Е. в-во намеревался даже назначить посла к нашему двору с тем, чтобы он был проводником его чувств и с тем, чтобы придать больше веса своим мыслям. Это назначение могло бы произойти без оглядки на французов. Король несколько не изменил своего мнения по этому вопросу, и это назначение может произойти, если того пожелает е.и. в-во»⁴.

В том же донесении Бицов разъясняет, каковы истинные причины, побудившие мадридский двор искать сближения с Россией. «В. Светлость легко поймет, что истинные мотивы подобных инициатив вызваны неблагоприятным положением, в котором находится в настоящее время испанский двор, будучи постоянной мишенью высокомерия и вероломства парижской Директории, и вынужденный следовать воле последней, не обладая возможностью оказать ка-

¹ Цит. по: *Трачевский А.С.* Испания... – С. 74.

² *Альперович М.С.* Россия и Новый Свет... – С. 204.

³ АВПРИ. Ф. СРА. Д. 480. Л. 6.

⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 503. Л. 6.

кое-либо сопротивление. Будучи весьма обеспокоенным результатами мирных переговоров, ведущихся с Англией, в отношении которых, как опасаются здесь, Директория будет искать соглашения, не особо советуясь с Испанией, и опасаясь, таким образом, будущего»¹. Годой, по словам Бицова, так же чувствовал себя обиженным. «Директория обращается с ним слишком высокомерно и коварно. Она даже думает заключить мир с Англией за себя и за Испанию, вовсе не спрашивая его. Поэтому Годой считает необходимым заранее снискать поддержку нашего августейшего государя, чтобы совсем не подпасть под опеку французов»². Таким образом, осложнение отношений с Францией вынудило Испанию искать сближения с Россией путем обмена своими представителями в ранге чрезвычайных и полномочных послов.

В Петербурге внимательно изучили депеши Бицова. В ответ Безбородко повелел ему вручить первому министру Испании ответ нового российского императора, в котором кроме прочего говорилось: «Е. и. в-во, с удовлетворением воспринял те пожелания, которые выразил е. кат. в-во, возобновить и укрепить связи и отношения дружбы между Россией и Испанией. Император, не желая затягивать со своим ответом, приказал мне предписать Вам запросить о встрече с названным принцем (Годоем. – *О.В.*) и заявить ему, что император наказал Вам довести до сведения е. кат. в-ва уверения во взаимности его намерений». «Полная открытость обоих государств, – продолжал Безбородко, – откроет подданным двух государств множество возможностей развивать их предприимчивость и торговые отношения, которые будут взаимно благоприятны». «Что касается назначения испанского посла при российском дворе, император повелел Вам довести до Принца Мира, что такое назначение будет воспри-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 503. Л. 7.

² Трачевский А.С. Испания... – С. 74.

нято благосклонно, и что он, со своей стороны, осуществит это на условиях полной взаимности. Вам надлежит сообщить мне, кто будет назначен, и когда это назначение произойдет с тем, чтобы в зависимости от здешней практики и обычаев здесь можно было бы произвести те же действия. Можете заверить испанского министра от имени императора, что в случае, если будет созван конгресс для завершения споров, которые потрясают большую часть Европы, и в случае, если он будет туда приглашен, его полномочные представители получают указания учитывать интересы е. кат. в-ва в зависимости от складывающихся обстоятельств и потребностей времени»¹.

В следующем донесении Бицов давал уже более подробную информацию по вопросу о назначении послов. «Желания Принца Мира пойти навстречу нашему Августейшему двору в нынешних обстоятельствах и устанавливать с ним все более тесные связи возрастает с каждым днем. Вчера он поручил мне вновь доложить В. Светлости, что он с нетерпением ожидает ответа на намерения, которые он поручил мне передать в моей депеше № 2, и добавил, что король считает, что помимо политических интересов было бы достойно положение двух дворов вместо посланников обменяться представителями на уровне послов, и что в этих целях е. в-во уже назначил представителя, который, облеченный этим рангом, намерен отправиться в нашу страну, как только станет известно пожелание на этот счет е.и.в-ва. Господин Принц, который постоянно оказывает мне знаки уважения, доверительно назвал мне лицо, о котором идет речь. Это граф де Монтарко, почетный член Государственного совета, выполняющий обязанности его секретаря, который пользуется полным доверием Принца. Он не благородного происхожде-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 222. Л. 1.

ния, но имеет репутацию способного человека, обладающего высокими личными качествами...»¹.

Через месяц Бицов вновь вернулся к вопросу об обмене послами. В донесении от 24 августа (4 сентября) 1797 г. он информировал, что предположительно эта должность достанется графу Монтарко. В этом же донесении он выражал сомнения по поводу этого назначения, объясняя это тем, что подобное назначение должно быть одобрено обществом, а его (общество. – *О.В.*), по мнению Бицова, не вполне устраивала кандидатура графа Монтарко как посла к такому значительному двору, как русский. «Этот человек не происходит из благородной семьи, а обрел титул и фамилию шесть лет назад, женившись на вдове графа Монтарко. Способности его пригодны разве что для службы в магистрате, ибо у него нет никакого политического опыта, и он не знает ни одного языка, кроме испанского»². В донесении от 12 октября он возвращается к вопросу о назначении посла в Россию. К этому времени, как он и предполагал, кандидатура графа Монтарко была отвергнута, а на пост посланника был рекомендован «господин Ховельянос, член Совета Орденов (*Consejo de Ordenes*) Испании, которого по рекомендации Принца Мира, Годоя, король только что утвердил»³.

Это была уже не первая попытка назначить Ховельяноса дипломатическим представителем к российскому двору. Еще в 1780 г., российский посланник в Мадриде С.С. Зиновьев писал графу Н.И. Панину о том, что на место графа де Ласи, который занимал пост испанского посланника в Петербурге с 1772 по 1778 г., будет назначен новый. «Граф Флори-

¹ «Мне остается лишь заверить Вас, что я ничего в этом не напутал, и что после заключения союза с Францией я тщательно избегал говорить с ним о современных событиях или сообщать ему о каком-либо намерении, не будучи уполномоченным это сделать». АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 503. Л. 17-18.

² Там же. Л. 45-46.

³ Там же. Л. 59.

дабланка... пока не может представить кандидата в министры ко двору ее и. в-ва. По сих пор известны искатели сего министерства: генерал-майор Боргезе, брат кардинала сего имени; дон Антонио Гуемель де Арказита, майор-дома недельный, шурин виконта Геррерия¹; дон Гаспар де Ховельянос, советник орденов; шевалье Магалион, советник американского департамента, назначенный министром в Парме, и дон Симон де лас Касас, казначей министерства во Флоренции, и сей последний крепкую подпору от министерства имеет»². В следующем донесении Зиновьева о назначении посланника в Россию имя Ховельяноса больше не упоминается. Зато появляется другое: генерал-лейтенант маркиз де Асара, представитель в Риме³. К октябрю 1780 г. вопрос о посланнике все еще не был решен. Зиновьев сообщал, что правительство склоняется то в пользу одного, то другого претендента. В конце концов, в начале ноября российский дипломат сообщил в Петербург: «Сегодня граф де Флоридабланка мне официально заявил о назначении ко двору в.и. в-ва маркиза де ла Торре»⁴.

Представляет несомненный интерес, какую характеристику дает Бицов Ховельяносу, поскольку она отражает отношение к нему испанского общества того времени. «Господин Ховельянос, как должностное лицо и как литератор, пользуется в Испании большим уважением, но он также не происходит из семьи грандов, и публика, уже осведомленная об этом назначении, вновь его критикует, заявляя, что, несмотря на литературную славу и всем известную глубокую порядочность, он слишком педантичен и разделяет принци-

¹ Речь идет о виконте де ла Эррерия, который был посланником Испании в Петербурге с 1763 по 1771 г.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 388. Л. 140-141.

³ Там же. Л. 183.

⁴ Там же. Л. 273-274, 282, 297-298.

пы, исповедуемые его другом Кабаррюсом, которые близки идеям, провозглашаемым французами»¹.

Сообщение Бицова отправлено из Мадрида 12 октября 1797 г. Сам дон Гаспар узнает об этой новости несколькими днями позднее. В его Дневнике мы находим запись, что по возвращении из поездки по провинции Леон 15 октября в местечке Поло де Лена его встретил посланный из Овьедо правительственный чиновник. «Я собирался выходить из дома, – вспоминает просветитель, – когда он вошел, протянул мне руку и рассыпался в поздравлениях. «Вы назначены послом в Россию!» – воскликнул он». Ошеломлению Ховельяноса не было предела. «Я принял это за шутку, но он подтвердил мои слова. «Вы меня убиваете! Я – в Россию! О, Боже!» Он, растерянный, постарался успокоить меня»².

Судя по реакции Ховельяноса, можно предположить, что он просто не был готов к возможным переменам в своей судьбе, смирившись с мыслью посвятить себя, оставшись в Хихоне, научной и литературной деятельности. В 1794 г. он завершил свой знаменитый «Доклад об Аграрном Законе», опубликованный год спустя. Его труд получил в обществе широкий резонанс, а автор сразу же приобрел как большое количество сторонников, так и противников идей, изложенных в его труде. В испанском обществе сформировалась оппозиционная группа консервативного характера, выступившая против идей «Доклада». Можно предположить, что именно один из ее членов направил в Трибунал инквизиции анонимное послание с намерением инициировать против Ховельяноса секретный процесс инквизиции, побуждая ее цензоров скрупулезно изучить суждения, изложенные в этом труде. Вердикт не заставил себя ждать. В нем идеи, выдвину-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 388. Л. 60.

² Jovellanos G.M. de. Diarios. 16.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. Biblioteca de Autores Españoles (Далее – ВАЕ). – Т. LXXXVI. – P. 7.

тые Ховельяносом, оценивались как «лживые и опасные, поскольку замалчивают истину и благочестие, ...лживые и несправедливые по отношению к двум сословиям – духовенству и дворянству, ...и, таким образом, пагубные для монархии и приводящие к анархии»¹. Именно поэтому решение Кастильского Совета оказалось столь же неожиданным, сколь и категоричным: «Закрывать это дело»².

Исследователи полагают, что спасли «Доклад» Ховельяноса его «просвещенные» друзья при дворе. Мелендес Вальдес, Кабаррус, Карреньо использовали все свое влияние, чтобы добиться его реабилитации и назначения на какую-либо должность при дворе³. В январе 1796 г. Мелендес Вальдес писал Ховельяносу о том, что Франсиско Перес де Лема, секретарь короля и первый государственный секретарь, находившийся тогда в фаворе, очень высоко оценивал заслуги дона Гаспара и желал бы, чтобы он занял должность министра⁴. В июле Кабаррус сообщал, что он говорил о Ховельяносе (очевидно, с Годоем. – *О.В.*) и был благосклонно выслушан⁵. Его друг, Ариас де Сааведра, в письме, отправленном в самом конце 1796 г., сообщал, что его Аграрный Закон пользуется большим успехом, и самому автору пора возвращаться в Мадрид. «Ариас очень верит в это, а я – мало», – коммен-

¹ *Caso González J. Jovellanos y la Inquisición (Un intento inquisitorial de prohibir el «Informe sobre la Ley Agraria» en 1797).* – Archivum, 1957. – V. 7. – P. 237.

² *Ibid.* – P. 238.

³ Переписка Ховельяноса с его друзьями приводится в: *Caso González J. Jovellanos y la Inquisición...* – P. 241-242; *Jovellanos G. M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia.* Oviedo. Centro de Estudios del siglo XVIII. – 1986. – P. 298-300.

⁴ De Juan Melendez Valdez a Jovellanos. 4.1.1797 // *Jovellanos G. M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia...* – P. 189.

⁵ De Francisco Cabarrus a Jovellanos. 11.7.1796. Получив это письмо, Ховельянос скептически замечает: «Друг! ...он приговорен жить иллюзиями» // *Jovellanos G. M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia...* – P. 240.

тирует это письмо Ховельянос в Дневниках. И далее: «Я этого не сделаю... Вернусь только с почестями; иначе – никогда»¹. В июне Карреньо писал, что военный министр Асанса предложил Ховельяноса на должность представителя военного министерства (*vocal de la Junta de Ejército*), но либо король с королевой, либо Годой отказали².

Комментарии Ховельяноса на эту тему встречаются и в его Дневниках: он сильно желает этого, но побаивается, помня о своих многочисленных и могущественных врагах.

Подтверждением этому может служить и переписка Ховельяноса с Годоем с апреля по июнь 1797 г. 18 апреля 1797 г. он пишет Годоем письмо, в котором выражает надежду на благосклонное отношение Принца Мира к вопросу о решении его дальнейшей судьбы³. В мае он получает ответ от всемогущего фаворита, о чем записывает в дневнике: «Ответ от Принца Мира..., я очень доволен, поскольку в нем выражено доброе ко мне отношение, а мне этого вполне достаточно»⁴. В июле Годой попросил Ховельяноса изложить ему свое мнение по некоторым экономическим и педагогическим вопросам⁵. Эти идеи должны были лечь в основу проекта задуманной Годоем реформы образования. Письма с подобными поручениями он направил Сааведре, Х.А. Мелону и в некоторые испанские университеты. Мнение Ховельяноса, автора проекта реформы колледжа Калатравы и основателя Астурийского института, ему было крайне важно⁶. «Ответ

¹ De Jovellanos a Juan José Arias de Saavedra. 21.12.1797 // *Jovellanos G. M. de.* – P. 255.

² De José Carreño y Cañedo a Jovellanos. 30.06.1796 // *Ibid.* – P. 237.

³ *Jovellanos G. M. de. Diarios.* 18.4.1797 // *Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos.* BAE. T. LXXXV. – P. 422.

⁴ *Jovellanos G. M. de. Diarios.* 4.5.1797 // *Ibid.* – P. 424.

⁵ Более подробно переписку с Годоем см.: *Seco Serrano C.* Godoy y Jovellanos // *Archivum.* – Oviedo, 1962. – V. 12. – P. 253-258.

⁶ *Caso González J.* Rectificaciones y apostillas a mi artículo «Jovellanos y la Inquisición» // *Archivum.* – Oviedo, 1959. – V. 9. – P. 3.

Принцу, – записывает Ховельянос в своем дневнике, – который нашел для меня занятие: надеюсь, что новое задание вытащит меня из моего дома...»¹.

«С октября 1794 г. не оставляли его друзья намерения использовать свое влияние для возвращения Ховельяноса в Мадрид, он сам не отказывался уехать из Хихона»². Его переписка с друзьями и Годоем 1796-1797 гг. свидетельствует о том, что Ховельянос желал вернуться в Мадрид. Тем не менее, известие о назначении на пост посла в Россию поставило его в сильное затруднение. В дневнике он так описывал свое душевное состояние: «Несколько писем, среди них – официальное назначение. Чем больше я думаю об этом, тем больше возрастает мое отчаяние. С одной стороны, жаль все, что я здесь покидаю, с другой – судьба, которая меня ожидает: мой возраст, моя бедность, моя неопытность в политических делах, моя привычка к сладкой и спокойной жизни... Ужасная ночь»³. Ученый, писатель, философ – он не был обрадован – напротив, крайне раздосадован этим назначением. Заканчивалась жизнь, которую он знал и к которой привык, – начинался новый этап, в котором непредсказуемо было все.

В официальном письме к Годоею он называет причины, которые препятствуют принять ему это назначение: «...Не забудьте о моей бедности, моем возрасте, моем жизненном укладе... да и то мрачное состояние души, которое довлекло надо мной последние семь лет, – делают невозможной мою жизнь при дворе чужестранного государства. При этом, учитывая мое искреннее желание служить в св-сти до последних моих сил на любом поприще и приносить в св-сти пользу там, куда Вы посчитаете необходимым меня направить,

¹ *Jovellanos G. M. de. Diarios. 1.08.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE. T. LXXXV. – P. 440.*

² *Caso González J. Jovellanos y la Inquisición... – P. 241-242.*

³ *Jovellanos G.M. de. Diarios. 16.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE. LXXXVI. – P. 7.*

мог бы я просить Вас снизойти до удовлетворения моих скромных желаний.

Я основал здесь учебное заведение, о котором Вы мечтали, и которое под Вашей протекцией может служить образцом для многих подобных учебных заведений, в коих так нуждается наш народ для своего просвещения. Я хотел бы также изыскать пути, которые сделают промышленно развитыми торговыми и богатыми все провинции королевства Леон, того, где Вы родились. Я недавно начал переписку с в. светлостью о способах распространения образования, в которой изложил Вам, как помогли мне в образовании мои опыты, мои занятия и наблюдения. В этой и подобных областях, более подходящих для моего ума и способностей, более привычных и приятных для меня, я мог бы под покровительством в. св-сти принести бóльшую пользу, нежели получив какое-либо другое, даже более блестящее назначение»¹.

Через пару дней он записывает в дневнике, что направил официальный ответ, в котором «выражал подчинение своей участи, а также несоответствие должности с... и т.д.»². Чувства и мысли Ховельяноса, доверенные им дневнику, а также выраженные в официальном ответе Годою, совпали с мнением российского дипломата Бицова, который также выражал удивление столь неожиданным дипломатическим назначением, ссылаясь на отсутствие у просветителя профессионального опыта.

По пути домой Ховельяносу устраивают торжественные встречи. Делегация депутатов муниципалитета Овьедо, духовенство, полицейский комиссар, многие знакомые и ученики, «короче, все, все, все. Салюты, фейерверки, празднования, всеобщая радость. Плачу только я... от того, что

¹ De Jovellanos a Manuel Godoy. 18.10.1797 // *Jovellanos G.M. de. Obras completas*. Т. III: Correspondencia... – P. 336-337.

² *Jovellanos G.M. de. Diarios*. 18.10.1797 // *Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos*. BAE. Т. LXXXVI. – P. 7.

вынужден покинуть народ, который любит меня»¹. По прибытии в Хихон его посетили многие жители его родного города, устраивались праздники в его честь, торжественные обеды, он получил огромное количество писем, в том числе и от Кабарруса. «Кабаррус меня убеждает, что поступаю опрометчиво (отказываясь от должности. – *О.В.*). Подозреваю, что именно он во многом повлиял на это назначение, если же – нет, то мы останемся друзьями. Он сделал меня несчастным, ибо знает меня, должен знать...»². Этим настроениям созвучны строки письма, написанного 21 октября 1797 г. и отправленного им своему другу Мартину Фернандесу де Наваретте: «Мой друг, между нами говоря, видели ли Вы большую нелепость, чем заставить бедного философа стать дипломатом? У меня это никак не укладывается в голове. Если меня не услышат, я буду разорен, уничтожен, я не вынесу этого. Вы знаете, как тяжело мне отказаться от той сладкой жизни, к которой я привык. Вы знаете, как не соответствует моему характеру и моим способностям та участь, которую мне уготовили...»³.

У самого Ховельяноса «склонности к этой миссии» не было вовсе. И в последующих его записях звучат ноты отчаяния. Создается впечатление, чем больше радовались его друзья и близкие, тем более удручен был виновник торжеств. «Все доказывает, – записывает он в дневнике, – какое ложное представление имеют они о счастье. Несчастные! Что они будут делать на расстоянии семисот лиг⁴ от родины, находясь там только по воле одного человека, лишённые всяче-

¹ *Jovellanos G. M. de. Diarios. 19.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE. T. LXXXVI. – P. 7.*

² *Ibid.*

³ *De Jovellanos a Martín Fernáde Navarette. 24.10.1797 // Jovellanos G.M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia... – P.338.*

⁴ Лига (regular antigua) – древняя испанская мера длины, равная 5572 м.

ской поддержки в случае его возможной смерти?!»¹ Таким рисует себе Ховельянос свое будущее. Его постоянно гложет мысль, что это назначение явится для него почетной ссылкой².

Тем не менее, относясь ко всем своим обязанностям с большой ответственностью, он и здесь остается верным себе. Как истинный ученый он начинает кропотливое изучение российских реалий. Эта задача оказалась довольно сложной: у него практически не было книг о России. Исследователи его библиотеки указывают только на издание Жака Лакомба «Хронологическое изложение истории северных государств: Дании, России, Швеции, Польши, Курляндии», опубликованное в Париже в 1762 г., а также «Акты Петербургской Академии наук», о знакомстве с которыми Ховельянос делает пометку в дневнике 23 мая 1795 г.³ 28 октября 1797 г. он записывает в дневнике: «Чтение статей «Россия» и «Санкт-Петербург» в Британской Энциклопедии и Географическом словаре»⁴.

В это же время, когда «бедного философа» все больше и больше охватывало отчаяние, всю провинцию Астурия захватило ликование. 24 октября 1797 г. в местечке Кандас, неподалеку от Хихона, состоялось собрание членов местного муниципалитета. В протоколе собрания записано: «Собравшиеся... с большой радостью и удовлетворением узнали при-

¹ *Jovellanos G.M. de. Diarios. 23.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE. T. LXXXVI. – P. 8.*

² Эти мысли Ховельяноса перекликаются с рассуждениями герцога де Лириа, испанского посланника в Петербурге с 1727 по 1730 г., изложенные им в: *Письма о России в Испанию дука де-Лирия... / Пер. с исп. К.Л. Кустодиева // Оснадцатый век. – М., 1869.*

³ См.: *Clement J.P. Las lecturas de Jovellanos (Ensayo de reconstrucción de su biblioteca. – Oviedo, 1980. – P. 81; Aguilar Piñal F. La biblioteca de Jovellanos (1778). – Madrid, 1984. – P. 173.*

⁴ *Jovellanos G.M. de. Diarios. 28.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE. T. LXXXVI. – P. 8.*

ятную новость о том, что Карл IV... назначил Уважаемого Сеньора Дона Гаспара Мельчора де Ховельяноса, выходца из Хихона, на пост посла в Российскую Империю, воздав, таким образом, должное его мудрости и увидев в нем подданного, полного патриотизма и врожденной склонности к этой миссии...»¹.

25 октября делегация этого собрания посетила дом проповедника, вручив ему послание, в котором, в частности, было сказано: «Всеобщая радость, которая царит в Хихоне по случаю избрания Его Величеством Вашей Светлости для дипломатической миссии в России, распространилась и на нашу соседнюю территорию. Этот справедливый и разумный выбор наполнил наши сердца теми же чувствами и эмоциями, что и сердца ваших соотечественников»². Ховельянос написал благодарственный ответ, в котором отмечал: «Благородное, утонченное и полное достоинства выражение чувств, которыми вы меня удостоили в вашем письме от 24 октября, и радость, с которой вы отпраздновали мое назначение в Россию, переполняют меня радостью и благодарностью»³. Поздравление, действительно, тронуло его – об этом говорилось в письме к другу Карлу Посаде: «Какое выразительное поздравление они мне написали! Похоже, что диктовали его Вы»⁴.

Тем не менее радость от признания его заслуг омрачалась грустными мыслями, преследовавшими его все последние дни. В том же письме Карлу Посаде он отмечает:

¹ Цит. по: *Busto M. Carreño y Jovellanos: correspondencia con motivo de su nombramiento como embajador de España ante la corte de Rusia // Boletín del Instituto de Estudios Asturianos. – 1981. – V. 35. – P. 670.*

² См.: *Ibid.* – P. 671; *De la Villa de Regimiento de Candas a Jovellanos. 24.10.1797 // Jovellanos G.M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia... – P. 338.*

³ *De Jovellanos a la Villa y Regimiento de Candas. 26.10.1797 // Jovellanos G.M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia... – P. 342.*

⁴ *De Jovellanos a Carlos González de Posada. 26.10.1797 // Ibid. – P. 344.*

«15 октября, ночью, в Поло де Лена меня обескуражили новостью о моем назначении послом в Россию. Это жертва всему моему счастью: расставание с домом, с родными, друзьями и учениками, со всеми моими заботами и надеждами. Боюсь, за время расставания они потеряют так же много, сколь и я. Но даже не это страшит меня больше всего: мой возраст, моя бедность, мои занятия, мое невежество в подобного рода делах, да и само столь высокое и ответственное назначение, которое мне уготовано. Все это я изложил в письме. Если, боюсь, этого будет недостаточно, поеду в Мадрид, чтобы найти утешение в кругу своих друзей, среди которых Вы занимаете особое место»¹.

Университет Овьедо отметил назначение Ховельяноса, присвоив ему степень доктора. 3 ноября два представителя университета прибыли к нему домой, чтобы вручить знаки отличия присвоенного звания². 11 ноября Ховельянос направил ответ, в котором говорилось: «С искренним удовольствием и большим уважением принимаю это почетное звание, ...которым общественное мнение может наградить за заслуги в научной карьере»³.

В эти и последующие дни Ховельянос получил огромное число писем. Среди них – от Кабарруса и Ариаса де Сааведры, в которых они уговаривали его не отказываться от

¹ *Jovellanos G.M. de. Obras completas. Т. III: Correspondencia...* – P. 344. Исследователи спорят о дате этого письма: в издании Кандидо Носедаля указывается 22 октября. *Nocedal C. Obras publicadas e inéditas de Don Gaspar Melchor de Jovellanos Madrid. 1859.* Марино Бусто и Хосе Касо Гонсалес утверждают, что она ошибочна, поскольку он мог написать его только после получения поздравления делегации муниципалитета Кандаса 24 октября, следовательно, это письмо следует датировать 26 октября. *Busto M. Carreño y Jovellanos...* – P. 674; *Jovellanos G.M. de. Obras completas. Т. III. Correspondencia... Nota. 2.* – P. 344.

² См.: *Canella y Secades F. Historia de la Universidad de Oviedo y noticias de los establecimientos de enseñanza de su distrito.* – Oviedo, 1903. – P. 149.

³ De Jovellanos a la Universidad de Oviedo. 11.11.1797 // *Jovellanos G.M. de. Obras completas. Т. III: Correspondencia...* – P. 354.

предложенного поста и представили ему список возможных расходов¹. Эти письма не сохранились, но по замечаниям, разбросанным по дневникам, можно судить, что переписка, касавшаяся его посольства в Россию, была чрезвычайно активной. В записи от 2 ноября читаем: «Письмо Кабаррусу, в котором горько жалуясь на мои несчастья и обвиняю его в том, что он – автор этих несчастий. Так оно и есть, но все-таки не могу сомневаться в его заботе...»².

Тем временем в Мадриде Годой, получив официальный ответ Ховельяноса, в котором звучало нежелание принять предложенный ему пост, составил личное послание дону Гаспару следующего содержания: «Если Вы не дорожите благом (народа. – *О.В.*), я не стану упорствовать в принятии должности, которая не мила Вашей душе, и соглашусь с тем, что вам следует продолжать служить в Отечестве. Однако ситуация в Европе, да и в нашей стране вынуждает вытягивать с поля бездеятельности людей, которые могут содействовать ее процветанию. Вы знаете, как важна для нас дружба с Россией, но, к сожалению, так и не нашлось человека, способного вывести наши отношения из формального состояния. Примите же во внимание, с какой надеждой взывает к Вам, предлагая это назначение, общественное благо... Но я, столь сильно уважая таланты и желая постоянно советоваться с ними, не хотел бы, чтобы мы расстались. Есть ли еще какой-нибудь способ для Вас послужить более непосредственно общественному благу? Назовите мне. Если есть, я отменю указ...»³.

Видимо, слухи о нежелании Ховельяноса занять этот пост распространились и по Мадриду, и в донесении от 30 ок-

¹ *Jovellanos G.M. de. Diarios. 30.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE LXXXVI. – P. 8.*

² *Jovellanos G.M. de. Diarios. 2.11.1797 // Ibid.*

³ *De Manuel Godoy a Jovellanos. 25.10.1797 // Jovellanos G.M. de. Obras completas. T. III: Correspondencia... – P. 341-342.*

тября 1797 г. Бицов сообщал в Петербург: «Принц Мира еще не выполнил обещания сообщить ответ, который он, без сомнения, уже получил от господина Ховельяноса по поводу его нового назначения. Но мне хорошо известно, что последний, испытывая постоянную неприязнь ко двору, откуда он был удален, и не получив разрешения оправдать себя, выказывает нежелание принять новое назначение». Не следует оставлять без внимания и следующую информацию, содержащуюся в этом донесении. Бицов указывает на то, что против этого назначения выступала и Директория, а французский посол в Мадриде убеждал Годоя отказаться от назначения посла в Россию, подчеркивая, что «это мало соответствует интересам республики». Тем не менее, по заключению российского дипломата, «Принц Мира, поскольку он уже сделал первый шаг, вряд ли захочет скомпрометировать достоинство своего двора»¹.

Письмо Годоя не оставило Ховельяноса равнодушным, вызвав в его душе бурю размышлений. 30 октября он записал в дневнике: «Конфиденциальное письмо от Принца Мира в самых почтительных и доброжелательных выражениях, которые снова возбудили мою признательность и сделали неизбежным мое несчастье». Он много думает над ответом, советуется с братом Пауло, но сам ответ вызывает у них разногласия: «Я, выражая мою крайнюю признательность, должен настаивать на более спокойной должности, соответствующей моим знаниям, мой брат – что не должен»². Плодом этих размышлений стало ответное письмо Ховельяноса к Годою. Он не отказался от должности – напротив, он писал, что назначение, предложенное ему самим Годоем, очень почетно для него, однако в каждой строчке его письма звучит горечь по поводу его вынужденного согласия. «Если даже Петер-

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 503. Л. 74.

² *Jovellanos G.M. de. Diarios. 31.10.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE LXXXVI. – P. 8.*

бург находился бы в два раза дальше, если бы климат там был холоднее, чем на обоих полюсах, если бы там меня ожидали безысходность и смерть, ничто не запугало бы меня, ибо я служу своей Отчизне и отвечаю этим на великодушные Вашей Светлости»¹. Вновь и вновь звучит в этих строках мысль, что назначение станет для него почетной далекой ссылкой. Он просит только некоторое время, чтобы завершить дела и собраться в дорогу².

Пока Ховельянос размышлял над ответом Годою, настроения при мадридском дворе изменились, потому что уже 7 ноября Годой направил ему новое письмо, в котором о дипломатической миссии не было ни слова. В этом письме говорилось: «Вам предназначается министерство юстиции, и нация будет пользоваться тем благом, которое Ваш талант будет создавать для нее»³.

Через день о смене настроений при дворе узнает и Биццов, который 9 ноября сообщает в Петербург: «что касается назначения г-на Ховельяноса, Принц подтвердил мне то, что я имел честь сообщить В. Светлости в моем предыдущем донесении о его нежелании принять новые обязанности, никоим образом не посоветовавшись с ним, добавив достаточно холодно, что Директора, узнав о намерении короля направить посла к нашему двору, сильно этому воспротивилась»⁴. В тот же день российский поверенный в делах узнает и о новом назначении Ховельяноса, и к уже составленному донесению он добавляет: «Я узнал, что господин Ховельянос, который ранее был назначен в посольство в России, назначен министром юстиции вместо господина Льягуно...»⁵.

¹ De Jovellanos a Manuel Godoy. 1.11.1797 // *Jovellanos G.M. de. Obras completas*. Т. III: Correspondencia... – P. 347-348.

² *Ibid.* – P. 348.

³ De Manuel Godoy a Jovellanos. 7.11.1797 // *Ibid.* – P. 350.

⁴ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 503. Л. 79.

⁵ Там же. Л. 81.

В тот же день эту новость узнает и Ховельянос. Радость от избавления от далекой командировки сменяется еще большим отчаянием. «Прощай счастье, прощай спокойствие навсегда!» – записывает он в дневнике¹.

Какие же причины побудили испанское правительство отменить дипломатическое назначение Ховельяноса, но все-таки вернуть его в Мадрид в должности министра юстиции?

Испанский профессор Хосе Касо Гонсалес, крупнейший исследователь деятельности и творчества Ховельяноса, бывший директор Центра по изучению XVIII в., полагает, что это назначение было бы неправильно оценивать как простое удаление от двора, учитывая, что тогда впервые вопрос стоял не просто об обмене посланниками, но впервые об обмене дипломатическими представителями на уровне послов. По его мнению, выбор пал на Ховельяноса не случайно: исследователь приводит донесение австрийского посла в Мадриде графа Кауниц-Ритберга от 22 сентября 1783 г., который сообщал, что Ховельяноса и тогда планировали направить послом в Россию. В этом донесении говорилось следующее: «Обсуждают возможные перемены в Министерстве иностранных дел и среди претендентов называют графа Фернандо Нуньеса, маркиза де Санта-Крус и Ховельяноса, молодого хорошо образованного интеллектуала, друга герцога де Лосады, который до сего времени являлся членом трибунала Высшего кастильского совета. Первого планируют направить в Англию, второго – в Вену, третьего – Петербург. Правда, похоже, это еще не решено окончательно, и первый среди этих претендентов полностью опровергает слухи о своем возможном назначении»².

¹ *Jovellanos G.M. de. Diarios. 13.11.1797 // Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. BAE. LXXXVI. – P. 9.*

² *Caso González J. Los procesos de Jovellanos y Urquijo // Historia de la Inquisición en España y América. – Madrid, 1984. – P. 1.321-1.324.*

Флоренсио Уртадо Родригес, основываясь на данных, приведенных первым биографом Ховельяноса, его другом и учеником Сеаном Бермудесом, полагает, что все было именно так – королева Мария-Луиза задумала удалить его от двора¹. Надо отметить, что исследователи его биографии, все без исключения, пишут о неприязни, существовавшей между королевой Марией-Луизой и просветителем².

Дипломатическая переписка не дает ответа на этот вопрос. Н.Н. Бицов в своем следующем донесении замечает только: «Принц, объявляя о новых назначениях в ходе последнего обеда с членами дипломатического корпуса, повернулся ко мне и сказал, что, поскольку г-н Ховельянос, назначенный королем послом при российском дворе, получил новое назначение, е. в-во без задержки назначит другого на его место»³. Новая кандидатура была подобрана только к середине декабря 1797 г. Им стал генерал-капитан, маркиз дель Кастильо, герцог дель Парке⁴.

Годой в «Мемуарах» так описывает причины назначения Ховельяноса. «Сколько усилий стоило мне приложить, чтобы король назначил его министром! Мне удалось добиться того, чтобы король забыл свои прежние предубеждения и призвал его на службу. Кроме того, расхваливая способности Ховельяноса и подчеркивая его лояльность Карлу IV, я смог убедить короля направить его послом в Санкт Петербург для восстановления и укрепления наших давних отношений с

¹ *Hurtado Rodríguez F. Jovellanos, ministro de Carlos IV // Boletín del Instituto de Estudios Asturianos. – 1982. – V. 35. – P. 328.*

² См.: *Centurión J.G. Causas del destierro de Jovellanos // Boletín de la Real Academia de Historia. – 1914. – V. 64. – P. 228; Caso González J. Notas sobre la prisión de Jovellanos en 1801 // Archivum. – Oviedo, 1962. – V. 12. – P. 224; Idem. Jovellanos y la Inquisición (Un intento inquisitorial de prohibir el «Informe sobre la Ley Agraria» en 1797). – Archivum, 1957. – V. 7. – P. 244, 248.*

³ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 503. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 97.

Россией. Это назначение было подписано. Я написал Ховельяносу, что следует принять его, оставив все проблемы на мое попечение. А далее, усыпив бдительность его врагов, я сумел добиться для него министерского поста»¹.

Годой был прав: решающее значение при определении судьбы Ховельяноса осенью 1797 г. принадлежало именно ему. Принц Мира в течение нескольких месяцев перед этим назначением поддерживал с просветителем переписку по вопросу реформы образования. Он знал о желании Ховельяноса вернуться ко двору. Но не стоит приписывать эту заслугу исключительно ему. Как уже указывалось, издание в 1795 г. «Аграрного Закона» активизировало и его сторонников, и его противников. Его друзья, и в первую очередь Кабаррус, сумели отменить инициированный против него инквизицией судебный процесс. Похоже, именно Кабаррусу и принадлежала идея отправить просветителя подальше и от двора, и от преследований инквизиции². Место посла в Петербурге с этой точки зрения казалось идеальным. Ховельянос был одним из выдающихся представителей испанского общества, достойным и способным для осуществления возложенной на него дипломатической миссии. Эта идея полностью совпала и с желанием королевы Марии-Луизы, которой ссылка Ховельяноса в Хихон не казалась столь серьезной опалой.

Таким образом, цели его друзей и врагов в этом вопросе удивительным образом совпали. Недовольным оказался только один человек: сам дон Гаспар, которого пугала сама мысль оказаться вдали от Испании. Ему было уже не 35 лет, когда подобное назначение сулило ему блестящую карьеру. Далекая страна, холодный, непривычный для него климат,

¹ *Godoy M. Memorias // ВАЕ. Т. LXXXVIII. – Madrid, 1956. – P. 191.*

² Кабаррус в этот период имел серьезное влияние на всесильного фаворита королевы. Исследователи полагают, что именно ему удалось склонить Годоя к назначению Ховельяноса министром юстиции. *Hurtado Rodríguez F. Jovellanos, ministro de Carlos IV... – P. 325-326, 328.*

отсутствие политического опыта, возраст и возможные болезни пугали его, привыкшего к спокойной размеренной жизни, посвященной литературной и научной деятельности. С подобным настроением он принимает предложение занять пост министра юстиции, успокаивая себя, что расстояние до Мадрида намного меньше, чем до Петербурга, и, по крайней мере, холодов там не будет.

* * *

Информация Н.Н. Бицова о возникшем у Годоя желании сближения с Россией нашла отклик у Павла I, который воспринял намерение Мадрида с помощью Петербурга освободиться от «французского рабства». Подобная ситуация вполне устраивала императора, который был заинтересован в ослаблении внешнеполитических позиций Франции накануне запланированного им общеевропейского мирного конгресса в Лейпциге. Поэтому, с присущей ему импульсивностью и шокирующей прямоотой, он предложил Карлу IV незамедлительно денонсировать союзный договор с Францией и признать в качестве законного ее государя Людовика XVIII¹. Однако реакция испанского короля оказалась не столь радикальной, как рассчитывал Павел. 19 октября 1797 г. Н.Н. Бицов доносил А.А. Безбородко, что Карл IV «чувствует всю силу благоденствия нашего августейшего монарха в пользу короля Людовика XVIII, однако настоящее время не позволяет министрам е. кат. в-ва при других дворах действовать согласно с министрами е.и. в-ва в пользу короля Людовика XVIII по причине настоящего союза с Францией»². Подобный ответ, свидетельствующий о нежелании Карла IV пойти на сближение с Россией за счет разрыва с Францией, разочаровал императора и преопределил его решение по-

¹ Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история... – Т. 8. – С. 695.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 503. Л. 69.

временить с направлением барона А.И. Криденера русским послом в Испанию.

В апреле 1798 г. мадридский двор в очередной раз определился с выбором кандидата – им стал герцог дель Парке¹. Герцог так и не доехал до России, но его сборы напоминают сюжет авантюрного романа. В июле Бицов писал, что испанский двор задерживает его отъезд до получения известия о назначении Павлом I своего посла в Мадрид². 9 августа он информировал, что герцог получил паспорта и собирается отправиться в сентябре с тем, чтобы к концу года прибыть в Петербург³, а 30 августа сообщил, что герцог дель Парке направлен послом в Вену, а на его место назначен герцог де Осуна, испанский гранд 1 класса, представитель одной из наиболее древних и богатых семей Испании, генерал-лейтенант, член государственного совета, камергер и кавалер ордена подвязки и ордена Карла III⁴. На самом деле причина назначения Осуны в Петербург была более чем банальна. Маркиз де Осуна вместе с генералом Уррутиа и духовником королевы возглавили при дворе партию, намеревавшуюся свергнуть Сааведру. Однако король поддержал министра, заявившего ему, что «его смещение с поста министра неизбежно приведет к новой войне с Францией, что повлечет за собой полное разорение монархии», и главу заговорщиков – маркиза де Осуну – было решено сослать подальше от двора⁵.

Прошла неделя, и Осуне удалось вымолить смягчение наказания. 29 августа вышло распоряжение министра по иностранным делам Уркихо, что Осуна будет направлен в

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 506. Л. 65. Письмо первого государственного секретаря, г-на де Сааведры, от 28 апреля 1798 г. о назначении герцога дель Парке. Л. 68.

² Там же. Л. 86.

³ Там же. Д. 507. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 32, 38.

⁵ Там же. Л. 13-15.

Вену, а Парке – вновь в Петербург¹. 29 сентября герцог дель Парке выехал из Мадрида, но доехать он смог только до Бордо, где его задержал запрет Директории проезжать через территорию Франции². Было решено, что он вернется в Мадрид и отправится в Россию другим путем, предположительно через Женеву. В начале декабря он добрался до Бургоса и там стал ожидать дальнейших распоряжений испанского правительства³. В конце концов Мадриду удалось добиться разрешения Директории на проезд испанского посла через Париж. В начале января 1799 г. Бицов информировал российский двор, что, переждав несколько дней в Бургосе из-за плохой погоды, Парке отправится в Париж и к весне рассчитывает прибыть в Петербург⁴. Герцог дель Парке так и не добрался до места своего назначения – в мае 1799 г. Испания разорвала дипломатические отношения с Россией и выслала из страны находившегося в Мадриде 24 года и исполнявшего последние 7 лет обязанности временного поверенного России Николая Николаевича Бицова. Причиной этого стал Мальтийский вопрос.

5.2. Разрыв испано-российских отношений в 1799 г.

В октябре 1793 г. испанский посланник в Петербурге Хосе де Онис сообщал своему двору о том, что «Мальтийский орден претендует не только на сохранение своих приходов в русской части Польши, но и на их расширение. Чтобы привлечь на свою сторону императрицу, ей намекнули, что могут предоставить Мальту для формирования эскадр и ... сборного пункта для моряков, где можно будет разместить

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 506. Л. 47, 49-50.

² Там же. Л. 83-84.

³ Там же. Л. 88, 89-90.

⁴ Там же. Л. 96.

до 10 тыс. человек». Тогда эта информация не вызвала какой-либо реакции со стороны Екатерины. «Императрица, – продолжал далее дипломат, – вынуждена была ответить, что будет рада приезду представителя двора великого Магистра»¹. Вскоре ее планы в отношении Мальты получили более реальные очертания. «Царица, – писал Онис, – намеревается превратить этот остров в свою морскую базу для реализации обширных замыслов, которые она имела и имеет в отношении Леванта»². После заключения Базельского мира и разрыва Англии с Испанией намерение «естественной союзницы» Британии обосноваться на Мальте вызвало серьезную озабоченность Годоя. Так, отвечая на очередное сообщение Ониса о русско-мальтийских переговорах, он указал послу, что утверждение России в Средиземноморье противоречит интересам Испании³.

Тем не менее 4 (15) января 1797 г. была подписана конвенция «Об установлении Мальтийского ордена в России», по которой члены Российского приорства получили право избирать Великого Магистра ордена, а российский император принял его под свое покровительство и обязался помогать ордену деньгами⁴.

Подписание в октябре 1797 г. франко-австрийского мирного договора в Кампо-Формио, по которому Франция получила Австрийские Нидерланды, левый берег Рейна и Ломбардию, а также намерение Франции продолжить войну с Англией свидетельствовали о решимости Наполеона продолжить экспансию в Европе. Летом 1797 г. Бонапарт писал из Италии в Париж: «Почему бы нам не завладеть Мальтой?

¹ Россия и Испания... – С. 425-426.

² *Schop Soler A.M. Die spanisch...* – S. 181.

³ *Ibid.* – S. 186.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗРИ). Собрание первое. 1649-1825 (в 45 т.). – СПб., 1830-1916. – Т. 24. – № 17708. См. также: История внешней политики России... – С. 143.

Этому маленькому острову нет цены. С Мальтой, которую мы получим, Сардинией и Генуей, которые очутятся в зависимости от нас, мы будем хозяевами всего Средиземного моря»¹. Установление французского контроля над этими стратегическими пунктами Наполеон считал неотъемлемым условием успешного осуществления задуманной им операции по захвату Египта. Директория полностью согласилась с его планами. Правда, проблему Мальты французское правительство попыталось поначалу решить чисто политическими средствами.

После смерти в июле 1797 г. великого магистра Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского Эммануила де Рогана во Франции возникла идея возвести на этот пост Годоя, которая определялась рядом причин. Открытое внесение Францией своего кандидата в список соискателей мальтийского престола исключалось полностью, поскольку отношения Парижа с Ла-Валеттой были разорваны в 1792 г. после национализации революционным правительством всех владений госпитальеров во Франции². Фигура Годоя, как представителя Кастильского и Леонского приорств, устроила бы, по мнению французов, большинство рыцарей Ордена. Кроме того, в Париже были информированы о заключении в январе 1797 г. русско-мальтийской конвенции и принятии Ордена под свое покровительство Павлом I, что из-за намерения Директории нормализовать свои отношения с Петербургом исключало силовое решение мальтийской проблемы³. В то же время пристальное внимание русского императора к Ордену вызывало острую озабоченность французского правительства, надеявшегося, что Годой, как французский ставленник, не

¹ Сорель А. Европа... – Т. V. – С. 160.

² См.: Печникова Р.Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. – М., 1990. – С. 125.

³ Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. – СПб., 1907. – С. 107.

допустит превращения острова Павлом I в военно-морскую базу русского флота. Избрание великим магистром представителя Испании могло побудить Павла I пойти на сближение с Мадридом, а значит и с Парижем¹.

Задумывая передачу Мальты Годюю, в Париже были полностью уверены в том, что он согласится с данным предложением, ибо его положение при дворе из-за размолвки с королевой стало крайне неустойчивым. В сентябре 1797 г. Бицов информировал Петербург о предстоящей женитьбе Годюя на дочери дяди Карла IV, инфанта Луиса. В том же донесении шифром Бицов сообщал, что «эта женитьба является местью королевы» Годюю, разъясняя, что «королева не пожелала терпеть наличие у Принца любовницы, и решила устранить ее без шума таким образом, чтобы польстить своему тщеславию»: она заставила «короля предложить в жены свою близкую родственницу, от чего он (Годой. – *О.В.*) не сможет отказаться»².

В марте 1798 г. Бицов писал князю Безбородко: «Сначала, казалось, что этот министр серьезным образом решил уберечь королеву и свою новую супругу от каких-либо слухов с тем, чтобы сохранить свой пост. Но это поведение продолжалось лишь несколько недель. Его любовница не хотела, чтобы о ней забывали, и вновь возвысилась. С начала года она постоянно находится при принце и занимает первое место после принцессы на официальных обедах и балах, где к ней относятся весьма уважительно даже лица первого ранга. Королева до последнего времени не выказывала своего нерасположения никаким другим способом, как только проявлением холодности; но в настоящее время она приблизила к себе, г-на Сааведру, министра финансов, человека, гораздо более талантливого и твердого, чем принц. Эта новая коали-

¹ См.: *Карнович Е.П.* Мальтийские рыцари в России. – СПб., 1880.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 503. Л. 53, 54.

ция, существующая уже около двух недель, угрожает ему надвигающейся отставкой...»¹.

Французский посол в Мадриде внушал Годюю мысль о реальности его скорого падения и настоятельно рекомендовал ему принять предложение своего правительства. При этом он заверял испанского министра в том, что если тот даст свое согласие, то вопрос о его избрании главой Мальтийского ордена можно будет считать решенным². Более того, он намекнул Годюю, что его согласие будет рассматриваться Директорией как его личный вклад в борьбу против Англии, который будет достойным образом оценен французским правительством. И хотя последний полностью разделял данную точку зрения, подчеркивая, что политические и торговые интересы Франции и Испании пострадают в случае, «если остров (Мальта. – *О.В.*) попадет под власть какой-либо иной державы»³, он отверг это предложение, усмотрев в нем тайное стремление Директории устранить его из Испании⁴. Избрание же Великим Магистром кандидата Вены Фердинанда фон Гомпеша, а также провал русско-французских переговоров в Берлине не оставили Директории иного выбора, как согласиться с планом Наполеона о захвате Мальты и ликвидации Ордена иоаннитов⁵.

¹ «И первый демарш состоял в том, – продолжал далее Бицов, – чтобы назначить гвардейца, нового фаворита королевы на пост, соответствующий камергеру с жалованием 4000 экю. Публика с интересом наблюдает за тем, как будет продолжаться эта борьба, которая началась между двумя министрами, где либо один либо другой должен, в конце концов, одержать победу путем попадания своего соперника в немилость, и они думают лишь о своих собственных делах и своим собственным примером поощряют падение нравов и неразбериху во всех ветвях управления». *Там же*. Д. 506. Л. 35-36.

² *Schop Soler A.M.* Die spanisch-russischen... – S. 186.

³ *Sanchez Diana J.M.* España y el Norte de Europa... – P. 83.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Сорель А.* Европа... – Т. V. – С. 224.

Тем временем предположения Бицова о скорой отставке Годоя стали сбываться. Очередная ссора королевы со своим фаворитом из-за его амурных походов окончилась его падением в марте 1798 г.¹ «Все это дело рук королевы и г-на Сааведры, министра финансов, – сообщал Бицов, – которые убедили короля, что развал всех ветвей государственного управления следует приписать только Принцу Мира и что сохранение им власти будет иметь последствия крайне пагубные для государства»². Назначение Ф. Сааведры министром иностранных дел «*par interim*» не внесло никаких корректив во внешнюю политику Испании. «В политической системе не наблюдается никаких изменений, – писал Бицов. – Французский посол получает все, что хочет. По его воле унижительным и несправедливым образом выгнали французских эмигрантов и покровительствуют республиканцам...»³.

После провала попытки решить мальтийский вопрос политическими средствами Директория решила вернуться к первоначальному плану Бонапарта. Вышедший в мае из Тулона французский флот направился к берегам Египта, и 8 июня 1798 г. французская эскадра достигла берегов Мальты⁴. Бонапарт предложил Великому Магистру не оказывать сопротивления, гарантируя в этом случае полную свободу рыцарям и солидный пенсион. Сначала члены орденового капитула отвергли ультиматум Наполеона, но после высадки французов на остров их порыв дать отпор иссяк, уступив место осознанию невозможности борьбы с 35 тыс. армией Бонапарта⁵. После подписания Ф. фон Гомпешом акта о

¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 506. Л. 42.

² Там же. Л. 55.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. – М., 1996. – С. 146.

⁵ Перминов П. Под сенью восьмиконечного креста: (Мальтийский Орден и его связи с Россией). – М., 1991. – С. 104-107.

капитуляции гарнизона Ла-Валетты¹ Бонапарт объявил рыцарям, что на столь решительные меры по отношению к Ордену он был вынужден пойти из-за того, что «Россия издавна имела виды на Мальту. Поэтому мы решили овладеть ею, чтобы предупредить осуществление этого плана»². Российскому поверенному при мальтийском дворе было предписано в течение трех часов покинуть остров, предупредив его, что, если какой-либо русский корабль появится вблизи ее берегов, то он будет немедленно потоплен³.

Оставляя Ла-Валетту, Бонапарт предложил госпитальерам отправиться с ним на завоевание Египта или перебраться на континент. Часть рыцарей приняла его предложение, вступив в наполеоновский Мальтийский легион, а остальные отбыли в Россию, захватив с собой святые реликвии Ордена и символы власти мальтийских гроссмейстеров⁴. Сам же Ф. фон Гомпеш направился в Триест в надежде превратить его с помощью венского двора в новую резиденцию Ордена св. Иоанна Иерусалимского⁵.

Новость о захвате французами Мальты и изгнании ими с острова ионнитов Павел воспринял как личное оскорбле-

¹ Конвенция, постановленная между Республикою Французской в лице ее генерал-аншефа Бонапарте, и Орденом святого Иоанна Иерусалимского в лице его уполномоченных бальи Туринского Фризари, командора Боредона Ронсижата, барона Мария Теста Феррата, доктора Николая Муската, адвоката Бенедето Скембри и советника Бонанно, при посредничестве Его Католического Величества Короля Испанского в лице кавалера Филиппа Амета, поверенного его в Мальте. *Лабзин А.Ф., Фахрушев А.* История ордена святого Иоанна Иерусалимского. – СПб., 1799.

² СРИО. – Т. 70. – С. XI. См. также: *Черенков И.* История державного ордена святого Иоанна Иерусалимского. – Воронеж, 1803.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 506. Л. 103, 107-108.

⁴ См.: *Печникова Р.Ю.* Мальтийский орден... – С. 128.

⁵ См.: *Masson Ch. F.* Memoirs secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. – Т. 2. – Londres, 1802.

ние¹. По утверждению А.М. Шоп Солер, ему донесли и о якобы имевшем место предательстве Великого Магистра, которое было щедро оплачено Наполеоном, и о том, что существенную роль в принятии Ф. фон Гомпешом рокового для Ордена решения сыграл испанский поверенный на Мальте Ф. Амаг, уговоривший его выбросить белый флаг². Весть об этом встревожила мадридский двор, ибо там понимали, что причастность Испании к захвату французами Мальты приведет к разрыву отношений с Россией. Поэтому Сааведра настойчиво убеждал Н.Н. Бицова в том, что мадридский двор не имеет никакого отношения к июньским событиям на Мальте и что король, «желая видеть на прежнем основании орден мальтийский, принимает большое участие в случившемся приключении с сим орденом», что он «немало огорчен поведением своего поверенного в делах г-на Амата, который столь своевольно и безумно в сем деле поступил, и теперь для своего оправдания выпросил письмо у генерала Бонапарта к е. в-ву»³. Сообщение Бицова о дезавуировании испанским правительством действий Амата и о стремлении Карла IV содействовать восстановлению Ордена на Мальте смягчило позицию Павла в отношении к Испании. В конце февраля 1799 г. он заявлял, что «хотя мы к Гишпании и не питаем никаких неприязненных чувствований, видя принужденное участие ея в настоящей войне, однако ж не имеем с нею никаких особливых сношений и отлагаем расположиться по симу случаю сообразно с будущим поведением мадридского двора»⁴. Впрочем, затишье в русско-испанских отношениях оказалось недолгим, поскольку уже весной 1799 г. мальтийский вопрос вновь оказался предметом острых противоречий между Петербургом и Мадридом.

¹ История внешней политики России... – С. 143.

² *Schop Soler A.M. Die spanisch-russischen...* – S. 189.

³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 507. Л. 6.

⁴ *Милютин Д.А. История войны...* – Т. III. – С. 111.

В октябре 1798 г. члены Великого Приорства Российского и прибывшие в Россию мальтийские рыцари лишили обвиненного в измене Ф. фон Гомпеша сана Великого Магистра и провозгласили им императора Павла I¹. Приняв на себя сан и включив звание Великого Магистра в свой общий императорский титул, Павел I указывал, что «мы не предполагаем отнюдь простереть владычество Наше на остров Мальту, яко принадлежащей к Империи Всероссийской»². Поэтому его намерение отвоевать Мальту у французов означало возвращение острова Мальтийскому ордену, что отразилось в англо-русско-неаполитанской конвенции от 29 ноября 1798 г. Согласно ее условиям, безопасность Ордена после его возвращения на Мальту будет гарантирована вооруженными силами держав, подписавших данную конвенцию³.

Однако в Европе на эти события смотрели совершенно по-другому. Современник тех событий граф Рибопьер писал, что этот демарш петербургского двора «скрывал в себе честолюбивую, но высокую цель – доставить русскому флоту надежную стоянку в Средиземном море...»⁴. Ему вторил и Витворт, сообщая в Лондон, что отнюдь не бескорыстие заставляет Павла I «принимать участие в судьбе того Ордена, а политические виды»⁵. Впрочем, чтобы не навлечь на себя гнев императора, все союзные с Россией державы поспешили формально признать гроссмейстерский титул Павла I. Его избрание Великим Магистром Ордена было апробировано и всеми европейскими приорствами за исключением приорств Испании⁶. Объяснение было простым – правительство Карла IV категорически отказалось признать новый титул рос-

¹ См.: Шумигорский Е.С. Император Павел I... – С. 147-148.

² Там же. – С. 103.

³ См.: Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья в 1798–1807 гг. – М., 1962. – С. 144.

⁴ Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – С. 482.

⁵ АВПРИ. Ф. Секретнейшие дела. Англия. Д. 39. Л. 121.

⁶ См.: Альперович М.С. Россия и Новый Свет... – С. 205.

сийского императора, о чем оно немедленно сообщило Онису¹. Признание Павла I великим магистром Ордена означало бы признание Испанией русского суверенитета над Мальтой, что полностью исключалось в свете установления французского контроля над островом. Тем не менее в Испании вряд ли полагали, что сей отказ спровоцирует разрыв России с Испанией.

Действительно, как только Павлу I стало известно о негативной реакции Карла IV на его избрание главой Мальтийского ордена, то от его сдержанно лояльного отношения к Испании не осталось и следа. 23 марта 1799 г. император подписал рескрипт Н.Н. Бицову, в котором говорилось: «По дошедшим до нас сведениям о поведении и расположениях двора мадридского касательно нас, в виду прав, принадлежащих нам яко великому магистру Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, не могли мы не ощутить справедливого неудовольствия и потому... решились Вас с миссиею нашею от поста Вашего отозвать и объявить чрез министерство наше поверенному в делах е. кат. в-ва, при дворе нашем обретающемуся, о выезде из Империи нашей». Еще одной причиной стало «настоящее положение Мадридского двора с Францией и род совершенной зависимости одного от нее», неприемлемое для России². Объявляя Онису данное решение императора, вице-канцлер В.П. Кочубей указывал, что «е. и. в-во с огорчением узнал, что король не признал его в качестве главы Мальтийского ордена, а потому отдал распоряжение своему поверенному в делах покинуть двор е. кат. в-ва»³. А спустя несколько дней, не дожидаясь от Мадрида адекватных действий, Павел I предписал Онису и испанскому торговому вице-консулу Мендисабалю немедленно покинуть пре-

¹ Россия и Испания... – С. 443.

² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 516. Л. 1.

³ Там же. Ф. Секретнейшие дела. Испания. Д. 14. Л. 447.

дела Российской империи¹. Впрочем, разрыв дипломатических и торговых отношений с Испанией отнюдь не стал последним актом политического возмездия Павла I за его оскорбление мадридским двором.

Неожиданно охватившая Зимний дворец антииспанская истерия явилась приятной неожиданностью для британского кабинета, который решил немедленно воспользоваться данной ситуацией для проведения в жизнь своей заветной мечты о вовлечении России в португальские дела. При этом в Лондоне, естественно, понимали, что позитивного ответа Павла I на предложение Георга III об отправке русских войск в Португалию для защиты ее от испанского вторжения можно ожидать только в том случае, если перед этим удастся спровоцировать императора объявить войну Испании. И эту задачу английской дипломатии удалось решить довольно быстро.

26 июля 1799 г. был обнародован манифест Павла I, в котором говорилось: «Восприяв с союзниками нашими намерение искоренить незаконное правление, во Франции существующее, восстали на оное всеми силами... В малом числе держав европейских, наружно приверженных, но в самой истине опасующихся последствий мщения сего издыхающего ныне богомерского правления, Гишпания обнаружила более прочих страх и преданность ея ко Франции... Употребя тщетно все способы к открытию и показанию сей державе истинного пути к чести и ко славе совокупно с нами, но видя ея упорно пребывающей в пагубных для ея самой правилах и заблуждениях, изъявили мы ей наконец негодование наше, отослав пребывающего при дворе нашем гишпанского поверенного в делах Ониса. Теперь же узнав, что и наш поверенный в делах советник Бицов в положенный срок принужден был выехать из владений короля гишпанского, принимая сие за оскорбление величества нашего, объявляем ему войну, повелевая во всех портах империи нашей наложить секвестр и

¹ Россия и Испания... – С. 446-447.

конфисковать все купеческие гишпанские суда, в оных находящиеся, и послать всем начальникам сухопутных и морских сил наших повеление поступать неприязненно везде и со всеми подданными короля гишпанского»¹. Любопытно, что основной причиной объявления войны Испании, помимо нежелания ее правительства порвать с «богомерским правлением», Павел I назвал оскорбившую его высылку из Мадрида Н.Н. Бицова, хотя именно он приказал ему еще в конце марта покинуть пределы Испании. О столкновении же Петербурга с Мадридом в мальтийском вопросе, которое и привело к разрыву русско-испанских отношений, в манифесте не было сказано ни слова.

Сразу же по получении манифеста Павла I испанский король издал 9 сентября 1799 г. декрет, в котором говорилось: «Я без удивления ознакомился с этим заявлением, поскольку обращение с моим поверенным в делах и другие, не менее странные поступки данного государя уже давно свидетельствовали о том, что этого следует ожидать... Так как я знаю о том влиянии, которое оказывает на царя в настоящее время Англия, желая унижить меня, я отвечу на вышеуказанный декрет, не имея намерения кому бы то ни было давать отчет о моих политических связях, разве только Всевышнему, с чьей помощью надеюсь отразить любую несправедливую агрессию тех, чьи самомнения и лживые поступки направлены против меня и моих подданных, для защиты и безопасности которых я буду использовать самые эффективные методы. Провозглашаю объявление войны России и приказываю выступить против ее владений и жителей»². Через день Карл IV объявил «о разрыве всех связей, договоров и торговли между нами и Россией, ее владениями и обитателями»³.

¹ Россия и Испания... – С. 447-448.

² Там же. – С. 450-451, 451-452.

³ Там же. – С. 451-452.

Таким образом, осенью 1799 г. Россия и Испания оказались де-юре в состоянии войны между собой, и хотя превратить ее в де-факто в силу географической отдаленности этих держав было крайне сложно, тем не менее, в Лондоне уже давно определили регионы вооруженной борьбы России против Испании.

После объявления Россией войны Испании британский кабинет стал настойчиво предлагать Павлу I вступить в военно-политический союз с Португалией¹, что нашло позитивный отклик со стороны императора. 18 сентября 1799 г. в Петербурге был подписан русско-португальский Оборонительный договор сроком на восемь лет. Согласно его условиям Россия обязалась в случае нападения на Португалию какой-либо державы направить ей на помощь 6 тыс. солдат, которые будут переправляться в Лиссабон на английских транспортных судах. Со своей стороны Португалия согласилась по первому требованию Петербурга направить на защиту России 6 линейных кораблей².

Другим гипотетическим театром военных действий между Россией и Испанией мог стать северо-западный регион американского континента. Вероятно, что именно с подачи британской дипломатии у Павла I сложилось мнение о наличии реальной угрозы нападения испанцев на русские поселения в Калифорнии и на Аляске³, что и заставило его выступить 20 июля 1799 г. с указом о создании под «высочайшим нашим покровительством» Российско-американской компании⁴. Этим указом император фактически объявил о инкорпорации всех земель американского побережья, открытыми и освоенных русскими землепроходцами, вплоть до

¹ ПСЗРИ. – Т. 25. – № 19113. См. также: *Sanchez Diana J.M.* España y el Norte de Europa. – P. 93.

² ПСЗРИ. – Т. 25. – № 19113.

³ *Sanchez Diana J.M.* España y el Norte de Europa. – P. 93.

⁴ ПСЗРИ. – Т. 25. – № 19030.

55° с.ш., в состав Российской империи, которые брались под защиту «нашими сухопутными и морскими силами»¹.

Впрочем, все эти планы так и остались на бумаге. В последние дни XVIII столетия были разорваны русско-английские отношения. Вторая антифранцузская коалиция фактически перестала существовать. Под влиянием перемен во Франции и в европейской ситуации в Петербурге начался пересмотр внешнеполитических ориентиров. Бонапарт в свою очередь считал, что союз с Россией создаст перспективы вытеснения англичан из Азии и Индии и возможного раздела Турции русским императором. В 1800 г. Павел выдворил из Петербурга австрийское посольство и, рассердившись из-за захвата англичанами Мальты, выслал английского посланника Витворта. Одновременно он взял курс на примирение с Испанией. Состояние войны, так и не переросшее в вооруженный конфликт, сменилось улучшением русско-испанских отношений, что было связано с усилиями кабинета вступившего на престол Александра I по установлению мира в Европе. Он заключил в октябре 1801 г. мирный договор с Испанией и восстановил с ней дипломатические отношения.

«Е. в-во, император всероссийский и е. в-во, король испанский, воодушевленные одинаковым желанием восстановить прежние отношения дружбы и доброго согласия, которые существовали между монархиями... соответствующим подданным будет предписано относиться друг к другу, как к подданным двух дружественных наций и соблюдать в торговых и других отношениях порядок, соответствующий состоянию мира и дружбы, которое устанавливается между ними настоящим актом...

В Париже, 4 октября 1801 г.»²

¹ Альперович М.С. Россия и Новый Свет... – С. 213.

² Россия и Испания: Документы и материалы 1667-1917. Т. 2. 1800-1917. – М., 1997.– С. 12-13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как складывались и развивались дипломатические и торговые связи между Испанией и Россией в XVIII веке? Каковы главные уроки испано-русских отношений того времени и чем может быть полезен опыт их изучения для современности? На эти вопросы мы попытались найти ответы в данном исследовании.

Главный вывод, который вытекает из комплексного анализа дипломатических и других документов той эпохи, состоит в том, что на протяжении XVIII в. эти отношения сохраняли относительно благожелательный характер. Прав был Флоридабланка, писавший в 1780 г. своему посланнику Норманде в Петербург: «Отдаленность наших государств не дает столкнуться здесь политическим интересам; скорее это обстоятельство поможет нам в оказании друг другу серьезных услуг без ущерба для обеих сторон»¹. Изучение динамики этих взаимоотношений показывает, что на протяжении XVIII в. между двумя странами были периоды сближения, были и десятилетия отдаленности, но никогда сложности, возникавшие между ними, не доводили до открытого столкновения.

Отношения между Испанией и Россией на протяжении всего столетия были обусловлены общим характером меж-европейских связей, системой политического равновесия, установившейся на континенте с началом XVIII в. Решение Карла II о назначении своим наследником Филиппа Анжуй-

¹ Россия и Испания... – Т. 1. – С. 272.

ского коренным образом изменило систему политического баланса в Европе. Франция, которая являлась основным соперником Испании в XVII в., превращается в ее главного политического партнера. Но «непрочность» дружбы с Францией проявилась еще в годы войны «за испанское наследство», когда Людовик XIV пошел на скорейшее заключение мира с Габсбургами ценой отторжения от Испании ее европейских владений, а позднее проявилась в соперничестве Филиппа V с герцогом Орлеанским из-за наследования короны Франции.

Однако отношения с Францией не занимали в этот период первого места во внешнеполитических планах Филиппа V и Изабеллы Фарнезе. После войны «за испанское наследство» страна оказалась вычеркнутой из числа великих держав, и в первой половине XVIII в. главной целью испанской внешней политики было вернуть отобранные после войны «за испанское наследство» территории. В результате Империя Габсбургов, с которой Испания в течение двух столетий была связана теснейшими семейными узами, после разрыва династического союза превращается в ее основного противника, и Испания начинает с ней серию войн за возврат итальянских владений. В начале XVIII в. заметно усилилось влияние на европейские дела и Великобритании, которая, получив испанские Гибралтар и Менорку, также оказалась в числе первоочередных соперников испанских Бурбонов.

Пытаясь воспользоваться антианглийскими настроениями, господствовавшими в тот период в Петербурге, Испания впервые сделала попытку завязать отношения с Россией, заметно укрепившей свое влияние после Северной войны, и втянуть ее в союз против Англии. Петр I, в соответствии со своими идеями упрочения международного положения России на европейском континенте, с готовностью откликнулся на эту инициативу. И хотя после поражения испанцев в этой войне идея союза оказалась неактуальной, но инициатива испанской стороны была поддержана Петром, и в 1723 г. в Испании было открыто первое российское посольство.

Именно благодаря петровской инициативе, его стремлению укрепить позиции России в Средиземноморье, развивались отношения между двумя государствами в этот период – в основном в торговой сфере. Важную роль в этом сыграло и открытие в 1724 г. консульства в Кадисе, одного из первых среди российских консульств в западноевропейских странах. Позиция испанской стороны была более сдержанной: была сделана попытка сблизиться с Россией путем заключения брачного договора между вторым сыном Филиппа инфантом Фердинандом и дочерью Петра Натальей. С этой целью в Петербурге вел переговоры паптер Арчелли, но после смерти Петра I эти переговоры мало-помалу были свернуты: послепетровское правительство не разделяло идею Петра о необходимости развития отношений с этой далекой для России державой. А потому, несмотря на то что в 1726 г. Испания подписала с Австрией союзный договор, объединивший ее с Россией в рамках одной европейской коалиции и в Москву был направлен первый испанский представитель герцог де Лириа, отношения «союзников» были достаточно формальными, обусловленными только тем, что их объединяла Австрия. И уже в 1729 г., когда Испания разорвала этот союз с Австрией, выступив совместно с Англией с целью завоевания Пармы и передачи ее трона старшему сыну Изабеллы инфанту Карлу, российское правительство безболезненно по требованию Австрии потребовало отзыва своего посланника из Испании.

Отношения между двумя государствами были восстановлены практически только через 30 лет. Но ситуация в Европе изменилась коренным образом. «Дипломатическая революция» полностью сменила систему союзов европейских государств. «Вечные» враги – Австрия и Франция – объединились в рамках одного союза. Заметно возросло влияние Пруссии, которая выступила совместно с Англией. Россия укрепила свое положение в ходе Семилетней войны. Тем самым в систему европейского равновесия были вовлечены но-

вые страны, и само понятие «баланса сил» стало гораздо более сложным, включающим гораздо большее количество составляющих, чем это было в начале века.

Принципиальным образом изменилось и положение Испании. С 30-х гг. XVIII в. начинается новый этап во внешней политике Испании. Хотя инфант Карл и являлся суверенным государем в Парме и Пьяченце, он был сыном испанского короля и вторым кандидатом на наследование испанского престола. Таким образом, признание большинством европейских государств его прав на эти территории означало то, что они признали и возврат этих территорий Испании, а значит, Испания вновь оказалась вовлеченной в европейскую политику, от которой она была отстранена после Утрехта. Именно это вовлечение Испании в европейскую политику на итальянской сцене и вынудило ее принять участие в войне «за польское наследство», хотя, даже по названию, эта проблема была крайне далека от ее интересов. В 1733 г. Испания подписывает первый Фамильный пакт с Францией, вынудивший ее принять участие в этой войне, и оказывается с Россией в противоположных европейских коалициях. Но на их отношениях это никак не сказалось: в то время как Россия действительно боролась за польский престол для Августа, Испания воспользовалась моментом и поддержкой Франции для завоевания для инфанта Карла престола Неаполя и Сицилии.

Нахождение одного из испанских Бурбонов на троне Пармы вовлекло Испанию в войну «за польское наследство», а уже через несколько лет его же нахождение на троне Неаполя и Сицилии вынудило Испанию принять участие еще в одной войне – войне «за австрийское наследство». В 1743 г. был подписан второй Фамильный пакт, на этот раз объединивший три ветви Бурбонского дома: Испанию, Францию и Неаполь. В результате этой войны трон Пармы снова вернулся к испанским Бурбонам: его занял младший брат Карла, инфант Филипп.

Таким образом, к середине XVIII в. династия Бурбонов занимала троны Франции, Испании, Неаполя и Пармы и была объединена династическим Фамильным пактом. Испанские права на владения в Италии были признаны всеми великими европейскими державами. Таким образом, к середине столетия Испания добилась главной цели своей политики первой половины XVIII столетия: хотя ей и не удалось вернуть себе все отобранные в результате войны «за испанское наследство» земли, она сумела утвердиться в Италии и снова оказалась вовлеченной в европейскую политику. С этого времени Испания отказывается от претензий на распространение своего влияния, своей политической гегемонии на европейские территории. Этому способствовала и активизация «пиратской» политики Великобритании в Новом Свете, которая вынудила Испанию обратить самое пристальное внимание на свои заокеанские владения. Начиная с середины XVIII в. главную задачу ее внешней политики можно сформулировать следующим образом: защита собственной территории, включая ее заокеанские владения, а также возврат Менорки и Гибралтара. Основным внешнеполитическим противником Испании в Европе становится Англия.

Однако активизация антианглийской политики Испании относится только к началу 60-х гг. XVIII в. Пришедший к власти в Испании в 1746 г. Фердинанд VI являлся сторонником политики стойкого нейтралитета: отношения с союзной Францией были сведены до формальных, хотя и доброжелательных, одновременно благодаря влиянию жены Фердинанда португальской принцессы Барбары Браганса потеплели отношения с Португалией и ее постоянной союзницей Англией. В рамках этого курса Фердинанд определял и свои отношения с Россией. Он не стал восстанавливать переписку между двумя дворами, не пожелав решить положительно вопрос о признании императорского титула российских государей, являвшийся основным формальным поводом, из-за которого Россия отказывалась восстановить отношения.

И хотя полного разрыва между ними не произошло, отношения поддерживались лишь на уровне секретарей дипломатических миссий.

Активизация испанской внешней политики произошла со вступлением на испанский престол короля Карла III. Сначала он сохранял политику нейтралитета, осуществлявшуюся его предшественником, и даже предложил свою «медиацию» в примирении Англии и Франции, но провокационная политика, проводимая Англией в американских землях, создававшая прямую угрозу испанским колониальным владениям в Америке, вынудила его отказаться от нейтралитета, подписать в 1761 г. третий Фамильный пакт с Францией и вступить на ее стороне в Семилетнюю войну.

В рамках активизации своего внешнеполитического курса Карл III делает шаг навстречу стремлению России к восстановлению дипломатических отношений. Он объявляет о признании императорского титула российских государей, сняв тем самым последнюю существовавшую формальную препону. Союзные отношения России с Францией также способствовали сближению России и Испании в этот период, хотя между двумя Бурбонскими дворами существовали доброжелательные, но не очень близкие отношения.

Вступление на российский престол Петра III, который разрушил систему существовавших в Европе коалиций и вышел из Семилетней войны, подписав мир с Пруссией, осложнило положение Австрии, Франции и Испании. Екатерина II, через полгода сменившая Петра на троне, оставила союз с Пруссией, что заметно охладило ее отношения с бывшими союзниками. Инициатор создания «северного аккорда» Н.И. Панин с большим предубеждением относился к Франции. Такую же позицию занимала и государыня. Документы показывают, что именно Панин постоянно проводил мысль о том, что Испания находится целиком в русле французской политики, а следовательно, к ней Россия должна относиться с таким же подозрением, как и к Франции. В инструкции по-

сланнику в Париже князю И.С. Барятинскому от 8 августа 1773 г. Панин специально подчеркивал, что, поскольку «является везде и во всех делах Мадридский двор тению Версальского», Испания «во всяком противу нас случае, не раздумывая, берет предосудительную сторону»¹. Эту же линию, как мы неоднократно подчеркивали, он повторял и в письмах, и инструкциях к своим представителям в Мадриде. Эту позицию Панина подхватили многие исследователи внешней политики России, распространив тезис о существовании между Россией и Испанией в XVIII в. чуть ли не «естественной» и «извечной» враждебности. Документы свидетельствуют о том, что данная версия нуждается в серьезных уточнениях и что во второй половине столетия можно выделить несколько этапов развития отношений между двумя странами.

С 1767 по 1772 г. Россия вообще прекратила дипломатические отношения с Францией. С Испанией дело до разрыва не дошло. В период посольства П.И. Репнина и П.А. Бутурлина были урегулированы многие вопросы взаимоотношений между двумя странами, но это были вопросы, скорее, протокольного характера. В политической же области после окончания Семилетней войны существовало заметное недоверие, главной причиной которого стало охлаждение отношений России со своими бывшими союзниками по войне – Францией и Австрией. Испанию, подписавшую в 1761 г. Семейный пакт с Францией, в Петербурге считали верной союзницей версальского двора, что на тот период времени во многом соответствовало истине. Отношения между двумя министрами иностранных дел, Гримальди и Шуазелем, были, действительно, очень близкими, а на короля Карла III оказывала сильное давление и его мать, имевшая на него большое влияние. В России степень «близости» между мадридским и версальским дворами постоянно «усиливали» английские дипломаты, стремившиеся «отлучить» Россию от Испании и

¹ СРИО. – Т. 118. – 1904. – С. 452.

усилить недоверие, вызванное союзными отношениями последней с Францией. Эта информация была слаще патоки для ушей Н.И. Панина, поскольку еще и еще раз укрепляла его в мысли о правоте выбора политического курса и опоры на «северный» союз. Тем не менее уже в донесениях Бутурлина можно почувствовать намеки на расхождения в испано-французских отношениях, в них появляется информация о том, что личное отношение испанского короля к Версалю было не столь «сердечным», как это усиленно старались подчеркнуть французские, австрийские и английские дипломаты при различных дворах Европы, что им длительное время удавалось достаточно успешно.

Фамильный пакт сохранял юридическую силу до 1779 г., когда он был подтвержден договором между Испанией и Францией от 12 апреля 1779 г., формально он действовал до провозглашения Французской республики, а точнее, до объявления Францией войны Испании в 1793 г. Но на самом деле договор этот был очень непрочный, его «медовый месяц» закончился в 1770 г., когда Франция отказалась поддержать Испанию в ее конфликте с англичанами из-за Мальвинских островов. «После 1770 г. Фамильный пакт напоминал более старинное ружье, которое висит на стене только как украшение и воспоминание о былых временах», – справедливо отмечал испанский исследователь В. Паласио Атард¹. Наглядным примером того, что расхождения в политике двух «фамильных» дворов усилились и Испания начала выработать свою собственную линию, стала ее позиция по отношению к России во время Русско-турецкой войны и к проходу русской эскадры мимо берегов Франции и Испании. И хотя в инструкции Спиридову Екатерина объединяет и Францию, и Испанию, и Неаполь, которые «нам и оружию нашему добра не желают»², из донесений Штакельберга можно заключить, что

¹ *Palacio Atard V. El Tercer Pacto...* – P. 291.

² Цит. по: *Соловьев С.М. История...* – Кн. XIV. – С. 300.

несмотря на усилия Шуазеля – а его активность была в этом вопросе исключительной – ужесточить позицию Испании при проходе российской эскадры мимо ее берегов, что привело бы в результате к разрыву между Россией и Испанией и еще большему втягиванию последней в орбиту версальской политики, этого не произошло именно благодаря позиции испанского двора. Российский дипломат, анализируя демарши Мадрида, подчеркивает, что в этот период не только не произошло сближения между двумя союзными державами, но, напротив, их разногласия усилились, наиболее ярким проявлением чего стали события, связанные с Мальвинским кризисом.

Отставка Шуазеля, а позднее и Гримальди – этих двух «отцов» Фамильного пакта – приход к власти Флоридабланки, который имел совершенно четкую концепцию отношений с Францией, сделали этот договор в значительной мере формальным. Донесения российского дипломата Зиновьева подтверждают точку зрения, что с приходом к власти Флоридабланки стал меняться внешнеполитический курс страны. Желание проводить более самостоятельную и независимую от Франции политику сам Флоридабланка отразил в письме к Бернардо Кампо, признавая, что Испания, не играя определяющей роли в системе «европейского равновесия», «является внимательным зрителем в великом театре» держав первого ранга – Франции, Англии, Австрии и России – и, по его образному выражению, «наблюдает за ними с камнем и палкой в руках на случай, если они зайдут слишком далеко и окрика, чтобы их утихомирить, будет недостаточно»¹. Эта позиция нового испанского министра наглядно проявилась во время войны американских колоний Англии за свою независимость. Испания поддержала их борьбу и неоднократно направляла им денежные субсидии и вооружение, но в то же время делала это тайно, не желая портить отношения с Анг-

¹ АНН. Estado. Leg. 4236.

лией. Испания была заинтересована, чтобы колонии продолжали войну с Англией, ослабляя ее и не давая ей возможность направить свой флот против Испании в Южную Америку, поэтому она снабжала их деньгами и вооружением, чтобы они были в состоянии воевать. Положение осложнялось еще и тем, что Испания была втянута в конфликт с Португалией в Южной Америке и до его завершения у нее просто были «связаны руки».

После вступления в 1778 г. в войну на стороне США Франции Испания еще год сохраняла нейтральную позицию, продолжая тайно помогать бывшим английским колониям, а официально предложив себя в качестве посредника в примирении Англии и Франции. И только неуступчивость Англии в вопросе о возврате Испании Гибралтара, той цене, которую мадридский двор желал получить за «медиацию», и осознание того, что мирным путем ему не удастся решить эту проблему, вынудили его пойти на военную конфронтацию. В то же время Флоридабланка, опасавшийся того, что Россия окажет поддержку Англии, все более активно начал выступать за сближение с северной державой, желая тем или иным путем ее нейтрализовать. Испанским дипломатам в Петербурге предписывалось всячески содействовать укреплению отношений с Россией и добиваться ее посредничества для подписания перемирия между воюющими сторонами.

Подписание Екатериной декларации о вооруженном нейтралитете было, безусловно, крайне выгодно испанской дипломатии, однако вряд ли справедливо утверждение, что именно Флоридабланка намеренно спровоцировал ее провозглашение. Политика вооруженного нейтралитета способствовала улучшению отношений между Россией и Бурбонскими державами, что не вписывалось в систему Панина, и вскоре он был удален от дел. Новый руководитель внешней политики А.А. Безбородко имел отличные от своего предшественника политические взгляды и сразу же откликнулся на донесения Зиновьева о политике испанского двора. «Я не

считаю по тем выгодным описаниям, кои в. пр-во о графе Флоридабланке и о прочем делаете, чтоб Мадритский двор... впредь был везде тенью Версалскаго, как то у нас в политических картинах, министрами сообщаемых, сказано было», – писал он российскому дипломату в Мадрид¹.

Отношения Испании с Францией коренным образом изменились после начала революции 1789 г. На испанском престоле находился в этот период Карл IV, слабый и безынициативный монарх, и определение политического курса оказывается целиком в руках Флоридабланки, который сохранил пост государственного секретаря по иностранным делам. Флоридабланка развил бурную деятельность, направленную на борьбу с революционной Францией. На этой почве происходит и сближение Испании с Россией, направленное на выработку общего курса на вмешательство в дела Франции. По инициативе Екатерины II между двумя дворами завязывается активная переписка по вопросу о судьбе Людовика XVI, помощи принцам-эмигрантам и созыве конгресса держав антифранцузской коалиции. Эта переписка была прервана только в связи с отставкой Флоридабланки, которая кроме личных мотивов – неприязненные отношения с новой королевой – была вызвана именно его активной антифранцузской деятельностью, сильно охладившей отношения между двумя соседними державами. Боязнь за жизнь своего венценосного кузена и желание добиться его спасения путем обещания Франции нейтралитета стали основными причинами, из-за которых Карл IV пошел на смену политического курса.

Новый государственный секретарь, граф де Аранда, полностью соответствовал изменившимся настроениям королевской четы. Изменение политического курса Испании испортило и ее отношения с Россией. Екатерина так и не дождалась ответа на свое последнее послание, которое Флоридабланка получил за два дня до своего смещения. Аранда же

¹ СРИО. – Т. 26. – 1879. – С. 131.

не давал никаких обещаний Зиновьеву, который в июле 1792 г. покинул Мадрид, оставив вместо себя временным поверенным Н. Бицова. Сменивший через полгода Аранду фаворит королевы М. Годой в целом продолжал его линию, которая была прервана только после казни Людовика XVI – и Испания вступила в войну против Франции.

Необходимость «продвинуть интересы российские» в Средиземноморье способствовала установлению взаимной торговли. По инициативе Петра I в Испанию были направлены корабли с товарами, в Кадисе было открыто российское консульство. Но оно просуществовало недолго. Послепетровское правительство с сомнением относилось к перспективам его деятельности и необходимости его существования в целом, хотя сам Петр, отправляя корабли, предупреждал, что первый опыт может быть неудачен. Ссылаясь на убыточность этого «первого опыта», правительство не стало вникать в причины этой неудачи.

В 60-е гг. XVIII в. консульство было восстановлено, и его возглавил опытный и энергичный купец Ф. Бранденбург, но, несмотря на его усилия, торговые отношения развивались вяло. И Репнин, и Бутурлин в большей степени занимались решением своих проблем, чем активизацией торговых отношений. Штакельберг в гораздо меньшей степени, чем его предшественники, уделял внимание вопросам торговли. Заметное охлаждение политических отношений между двумя странами сделало неактуальным обсуждение вопроса о расширении торговли. Наибольшую активность в этом вопросе проявил Бранденбург, но и его старания по привлечению к этой деятельности русских купцов были малоуспешны.

В 70-80-е гг. торговые взаимоотношения, по сравнению с предыдущим периодом, заметно активизировались. Но строились они в большей степени за счет инициативы испанских купцов. Прохладные отношения двух держав в годы Русско-турецкой войны, а также особая позиция Гримальди, во всем следовавшего политике Версаля, сковывали эту иници-

циативу. Подобную позицию занимал и Панин, считавший, что пока испанское правительство первым не предложит подписание торгового трактата, российской стороне не стоит начинать переговоры на эту тему. После прихода к власти Флоридабланки со стороны испанского правительства стали предприниматься определенные шаги навстречу укреплению отношений с Россией в плане торговли. Потепление отношений после подписания Версальского договора 1783 г. и замена Панина на Безбородко определили и новый курс России по отношению к торговле с Испанией. Начались переговоры по заключению торгового договора, но начавшаяся в 1787 г. Русско-турецкая война, а в 1789 г. революция во Франции отодвинули решение этого вопроса на задний план.

В ходе исследования удалось решить и целый ряд других важных проблем как общего, так и специального характера.

После войны за «испанское наследство» на территории Испании около 80 лет не было войн. Это заметно отразилось на экономическом развитии страны, стали наблюдаться первые признаки экономического подъема. Сведения об этом практически не встречаются в донесениях С.Д. Голицына и И.А. Щербатова, но уже во второй половине XVIII в. российские дипломаты, особенно С.С. Зиновьев, указывали на появление в стране мануфактур, восстановление внутренней торговли путем уничтожения такс и торговых пошлин, укрепление позиций национального купечества во внешней торговле. При этом практически до конца века не было преодолено «наследство», доставшееся стране после объединения Кастилии и Арагона в XV в.: административно-государственная раздробленность, практически обособленная жизнь провинций со своим собственным законодательством и правами, финансовой системой и таможенным законодательством. Только во второй половине столетия испанские реформаторы начали серию преобразований по созданию единого административного и финансового пространства.

Большое внимание уделяли российские дипломаты взаимоотношениям таких двух гигантов, как государство и церковь. Их борьба за власть и влияние на умы проявились в XVIII в. в уничтожении ордена иезуитов, в ограничении власти инквизиции и верховной власти папы. Эта информация имела не просто познавательное значение, а вылилась в одну из непосредственных проблем, возникших в русско-испанских отношениях. Именно Россия стала после изгнания иезуитов среди стран Западной Европы одним из мест их убежища: этот вопрос неоднократно поднимал Флоридабланка в своих беседах с Зиновьевым, утверждая, что ему не хотелось бы, чтобы эта проблема осложнила отношения между двумя странами, но добиться его решения ему так и не удалось. Екатерина твердо стояла на своем: это внутреннее дело России – а Павел I, вступив на престол, еще больше расширил права иезуитов.

Реформам в области образования, науки и культуры уделяется в донесениях меньше места, однако из них можно почерпнуть информацию о создании начальных школ, открытии университетов, деятельности экономических обществ «друзей отечества». Испанские обряды и традиции, борьба реформаторов с некоторыми старинными обычаями, как, например, попытка запрета носить широкополые шляпы и длинные накидки (*saras*), – все было необычно, «курьезно» для россиян, и об этом они сообщали в Петербург. Донесения дипломатов предлагают нам и галерею «образов» испанских государственных деятелей, начиная от монархов, Филиппа V и Карла III, их окружения и заканчивая министрами, проводившими в жизнь политический курс страны, – Гримальди, Аранды, Флоридабланки, анализом их политических симпатий и антипатий, сильных и слабых сторон их характера. Эта информация была крайне важна для российского двора: отчетливо представляя, кто именно является реальной «пружиной» выработки политической линии, там могли предвидеть, каких шагов можно ожидать от Испании в бу-

душем, как выстроить свою концепцию отношений с этой страной и на кого там можно опереться.

В истории дипломатических отношений огромную роль играет человеческий фактор, и с этой точки зрения крайне важны не только оценки российскими дипломатами испанских суверенов и их министров либо их испанскими коллегами – привычек и слабостей российских государей, но и особенности характера, личности самих дипломатов – тех, кто в чужой стране проводил в жизнь политическую линию этих государей. Мы постарались по возможности реконструировать биографии российских дипломатов, находившихся на протяжении XVIII в. в Испании, учитывая то, что если о Щербатове и Штакельберге встречается хоть какая-либо информация в исторической литературе, то ни о Голицыне, ни о Репнине, Бутурлине или Зиновьеве нет никаких упоминаний. Особое внимание уделялось тому, как их оценивали современники, – на этом основании удалось показать, сколь разную роль играли они как представители интересов русского двора.

Не последнее значение в медлительности восстановления отношений между двумя дворами в 60-е гг. играло то безразличие, с которым и Репнин, и Бутурлин относились к службе, занятые только устройством своих личных дел. Не случайно, на наш взгляд, и то, что ухудшение отношений между двумя странами во время Русско-турецкой войны, начавшейся в 1768 г., совпало с посольством желчного Штакельберга, а смягчение позиций обеих держав по отношению друг к другу – с дипломатической миссией Зиновьева, одного из наиболее замечательных российских дипломатов XVIII в., человека, который посвятил свою жизнь Испании и донесения которого в Петербург – а их тон и информативность резко отличаются от его предшественников – также сыграли роль в том, что Екатерина изменила свою позицию по отношению к Испании.

Таким образом, отношения Испании и России во второй половине XVIII в. не были безоблачными, существовали периоды сближения и периоды охлаждения. Это отразилось в попытках установления прочных дипломатических связей в период посольства Голицына и Щербатова в Мадриде и де Лириа в Москве, которые были прерваны в 30-е гг. и восстановлены только после вступления на престол Карла III. Это проявилось и в сближении двух государств во время правления Петра I и в годы Французской революции, и в охлаждении отношений, связанном с созданием в России «северной системы» и началом Русско-турецкой войны. И только выход Испании из антифранцузской коалиции и заключение Базельского союзного договора с Францией в 1796 г. привели через три года к разрыву дипломатических отношений с Россией и объявлению войны. Но война не началась – уже в 1801 г. после вступления на российский престол Александра I отношения между двумя государствами были восстановлены, а в 1812 г. на почве совместной борьбы с Наполеоном Испания и Россия заключили первый союзный договор.

Уроки испано-русских отношений в XVIII в. актуальны и для сегодняшнего дня. Как и в те далекие времена, отношения между двумя странами, разделенными участием в различных политических блоках и экономических объединениях, различными геополитическими интересами, не являются ни очень близкими, ни очень активными. Тем не менее сохраняется политическая благожелательность, которая крайне важна для сохранения системы стабильности в Европе, да и не только в Европе, в самом начале наступившего XXI в.

RESUMEN

LA POLÍTICA EXTERIOR DE ESPAÑA EN EL SIGLO XVIII: EL ESTABLECIMIENTO DE LAS RELACIONES HISPANO-RUSAS

El presente trabajo se propone dar a conocer algunos aspectos de la política exterior española del siglo XVIII, concretamente las relaciones entre España y Rusia. El mundo de las relaciones diplomáticas experimentó una sensible transformación en el siglo XVIII. Un hito de este proceso podría fijarse en el acercamiento hispano-ruso cuando Pedro I manifestaba su deseo de nombrar embajador permanente a Madrid. Los conflictos europeos del siglo XVIII y la formación de bloques hostiles colocaron, en más de una ocasión, a España en la alianza rusa: desde los primeros intentos de Alberoni, pasando por las gestiones de Floridablanca durante la Guerra de 1779, hasta la alianza antifrancesa durante la revolución en Francia. Las relaciones comerciales entre ambos países se centraban especialmente en la firma de un tratado comercial. No pasó por aquel entonces este plan de ser un proyecto, pero se desarrollaban los lazos comerciales directos, frenando la creciente presión de Inglaterra y Holanda.

Entre los pocos rusos que visitaron España en el siglo XVIII, estaban los diplomáticos rusos. Un lugar importante ocupa en sus despachos el análisis de la política interior y exterior de España, las reformas del gobierno, las relaciones de España con otros países europeos. En ellos se presenta la vida de la corte y vida cotidiana del pueblo, los caracteres de los personajes políticos y las relaciones entre ellos. De esta forma, los despachos de los diplomáticos creaban en la Rusia dieciochesca “la imagen” de España mostrando su papel en la cultura espiritual y la civilización europea.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август III (1696-1763), польский король и саксонский курфюрст с 1733 года – 208, 209, 239, 254, 309, 332, 564

Акгон Джон Фрэнсис Эдуард, VI баронет (1736-1811), премьер-министр Неаполя – 455, 471

Александр I (1777-1825), российский император с 1801 года – 311, 560

Алексей Михайлович (1629-1676), русский царь с 1645 года – 87-91, 95, 102, 133

Алексей Петрович (1690-1718), царевич, сын Петра I и Евдокии Лопухиной – 120, 137, 177, 178

Альберони Хулио (1664-1752), кардинал и испанский министр при короле Филиппе V – 20, 30, 57, 116-120, 123-126, 128, 129, 131, 132, 145, 154, 207

Алькунда – См.: Годой

Альмодовар дель Рио Педро Суарес, Гонгора-и-Лухан, V граф де Каналехос, VII маркиз де (1727-1794), испанский посланник в России (1759-1763), посол в Португалии, Великобритании, директор Испанской академии истории (1792-1794) – 35, 65, 78,

226-233, 240, 241, 243, 252, 314, 316, 348, 382-386

Амат Фелипе, испанский поверенный в делах на Мальте – 311, 341, 479, 484, 508, 510, 554

Анна-Мария-Виктория, инфанта, дочь Филиппа V – 122, 144, 145, 155

Анна Стюарт (1665-1714), королева Англии и Шотландии с 1702 года – 111, 114

Анна Иоанновна (1693-1740), российская императрица с 1730 года – 134, 143, 156, 177, 182, 220

Аранда Педро Пабло Абарка де Болеа, граф де (1718-1798), испанский государственный деятель, глава правительства (1766-1773, 1792) – 23, 25, 62-64, 75, 77, 227, 236, 273, 278-280, 282, 284, 299, 302, 348, 349, 353, 357, 359, 362, 364, 365, 367, 368, 370, 371, 373-376, 278-381, 383, 384, 386, 395, 396, 399, 405, 422, 437, 438, 442, 444, 467-477, 479, 481, 484, 486, 497, 571, 572, 574

Ариас де Сааведра Хуан-Хосе (1737-1811), испанский священник, друг Г.М. де Ховельяноса – 531, 532, 538

Арчелли Ф., патер, пармский посланник в России при Петре I – 138

Арьяга Хулиан де, испанский министр морского флота и по делам Индий – 409

Асанса Мигель Хосе де (1746-1826), секретарь испанского посольства в России (1783-1788), вице-король Новой Испании (1798-1800) – 423

Асара Хосе Николас де, маркиз де Ниббиано (1730-1804), испанский политик и дипломат – 530

Астурийская принцесса – см. Мария-Луиза Пармская

Астурийский принц, см. Карл IV

Барер Бертран де Въёзак (1755-1841), французский политик, деятель Великой французской революции – 491

Бартелеми Франсуа, маркиз де (1747-1830), французский государственный деятель, член Директории – 503-506

Барятинский Иван Сергеевич (1738-1811), князь, генерал-поручик, дипломат – 343, 567

Безбородко Александр Андреевич (1747-1799), князь, российский государственный деятель, дипломат, государственный канцлер – 28, 70, 309-311, 406, 407, 423, 424, 460, 510, 518, 523, 526, 545, 550, 570, 573

Беклемишев Петр Иванович, русский дипломатический и торговый агент Петра I – 117, 184

Бена-Масерано Хасинто Гидо Ферреро Фьеско граф де, командующий эскадрой испанского королевского флота – 194, 195

Беретти-Ланди Лоренцо (1661-1725), испанский посол в Голландии – 119-123, 124, 125

Бернонвиль Пьер де Рюел, маркиз де (1752-1821), французский генерал – 505

Бернсторф Андреас Петер (1735-1797), датский государственный деятель, министр иностранных дел (1773-1780, 1784-1797) – 394

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693-1768), граф, российский посол в Париже – 27, 159, 204, 216, 217, 222

Бирон Эрнст Иоганн (1690-1772), регент Российской империи, фаворит императрицы Анны Иоанновны – 157, 194, 238-240, 253

Бицов Николай Николаевич (Бюцов) (1750-1823), российский дипломат, при миссии в Мадриде с 1772 г., поверенный в делах (1795-1799) – 21, 340, 471, 472, 474, 475, 477-479, 481, 483-489, 491, 492, 504, 507-513, 515, 518, 519, 524-530, 534, 540, 543, 545-547, 550-552, 554, 556-558

- Болотов Андрей Тимофеевич** (1738-1833), писатель, мемуарист, учёный – 331, 332
- Борисов Семен Трофимович**, дьяк, посланник Василия III в Испанию – 85, 86
- Борхерс Иоганн Антон**, португальский купец и банкир, российский генеральный консул в Лиссабоне – 245, 333-336, 346
- Браганса Барбара де** (1711-1758), королева Испании, жена Фердинанда VI – 37, 138, 155, 200, 205, 278, 345, 565
- Бранденбург Иоганн-Фридрих**, российский консул в Кадисе – 16, 73, 294, 322-329, 351, 369, 370, 386, 388, 390, 391, 393, 413-415, 417-420, 422, 572
- Бреганте, Симон**, французский купец – 185
- Бредель**, капитан, посланник Петра I в Испанию – 131, 132, 184
- Бретейль Луи Огюст, барон де Тоннелье** (1733-1807), французский посол в России – 228, 229, 231, 232
- Брюс Яков Александрович** (1732-1791), граф, российский государственный деятель – 134
- Бурбоны**, королевская династия в Испании – 7, 8, 19, 25, 31, 33-36, 38, 53, 54, 56, 57, 66, 76, 107, 108, 113, 115, 138, 141, 160, 197, 199, 208-210, 223, 361, 364, 377, 382, 426, 437, 458, 494, 495, 511, 563, 564, 570, 595
- Бургоань**, французский посланник в Испании – 452, 458, 469, 470, 473-478, 480, 482, 483, 486, 487, 492, 502-504
- Бутурлин Александр Борисович** (1694-1767), граф, генерал-фельдмаршал – 245, 246, 266
- Бутурлин Григорий Иванович**, боярин – 244
- Бутурлин Дмитрий Петрович** (1763-1829), директор императорского Эрмитажа, писатель, сын П.А. Бутурлина – 246, 267
- Бутурлин Петр Александрович** (1734-1787), граф, российский посланник в Испании – 4, 71, 80, 240, 244-250, 266-269, 305, 306, 316-322, 329, 568, 572, 575
- Бутурлина Варвара Александровна**, сестра П.А. Бутурлина – 245
- Бутурлина Екатерина Александровна**, сестра П.А. Бутурлина – 245
- Бутурлина Елизавета**, дочь П.А. Бутурлина – 245
- Бутурлина Мария Романовна** (1738-?), фрейлина Елизаветы Петровны, жена П.А. Бутурлина – 80, 233, 246-249, 266
- Бутурлины**, русский графский и дворянский род – 244-246, 249, 266
- Бутурля Иван Андреевич**, родоначальник рода Бутурлиных – 244

Бьют Джон Маунт, маркиз Стюарт (1744-1814), английский посол в Испании – 512

Вал Рикардо (1694-1777), государственный секретарь Испании – 205, 218, 224, 229, 232, 233, 316

Василий II (1415-1462), Великий князь московский с 1425 года – 244

Василий III (1479-1533), Великий князь московский с 1505 года – 84, 86, 148, 244,

Вашингтон Джордж (1732-1799), командующий американской армией, первый президент США – 203

Вейдлинг Г., глава купеческого дома в Кадисе – 294, 328, 417

Веймут Томас, I маркиз Бат, Ш виконт (1734-1796), лорд, английский государственный деятель, государственный секретарь Иностранного департамента – 367, 369, 379, 380, 382, 504

Верженн Шарль Гравье, граф де (1719-1787), министр иностранных дел Франции (1774-1787) – 349, 350, 357, 358, 362, 363, 365, 368, 374, 375, 379, 380, 382, 384, 404

Вешняков Алексей, российский консул в Кадисе – 16, 187, 193

Виктор Амадей II (1726- 1796), герцог Савойи, король Сардинии с 1720 года – 112, 200

Витворт Чарльз (1752-1825), лорд, английский дипломат, по-

сланник Великобритании в России – 516-519, 522, 523, 555, 560

Вольф Джеймс (1727-1759), английский генерал – 212

Воронцов Александр Романович (1741-1805), граф, российский государственный деятель, дипломат, президент Коммерц-коллегии, государственный канцлер – 80, 222-224, 227, 246, 249, 265-267, 314, 341, 342, 420, 422

Воронцов Михаил Илларионович (1714-1767), граф, российский государственный деятель, государственный канцлер – 80, 222, 227, 228, 231, 233, 247, 249, 265-267, 270, 317, 332

Воронцов Семен Романович (1744-1832) – российский государственный деятель и дипломат, посол в Великобритании – 80, 246, 267, 270, 309, 312, 340-342, 424, 513, 516, 517, 523

Воронцова Екатерина Романовна, см. Дашкова Е.Р.

Воронцова Елизавета Романовна, сестра М.Р. Бутурлиной – 80, 233

Воронцова Мария Романовна, см. Бутурлина М.Р.

Воронцовы, российский дворянский род – 80, 245, 247

Вратислав фон Дмитрович, Франц Карл, граф, австрийский посол в России – 166, 173, 174

Вьяна-и-Эгилус, Хосе, испанский посол в Австрии – 170, 172

Вяземский Александр Алексеевич (1727-1793), князь, российский государственный деятель, генерал-прокурор – 267

Габсбурги, королевская династия в Испании, в Австрии, императоры Священной Римской империи (1438-1806) – 7, 8, 33, 53, 54, 66, 88, 96, 97, 105-108, 111, 129, 196, 297, 207, 208, 562

Гальвес-и-Гальярдо Мигель (1725-1792), испанский политик и дипломат, поверенный в делах и посланник в России (1788-1793), брат Х. де Гальвеса – 311, 453, 461, 462, 465-467, 471, 510

Гальвес-и-Гальярдо Хосе Бернардо де, маркиз де Сонора (1720-1787), испанский государственный деятель, министр по делам Индии (1775-1787) – 23, 349, 435, 436

Гама Васко да, португальский мореплаватель – 85

Гардоки Диего де, испанский банкир – 370, 371

Гаррингтон Уильям Стенхоуп (1690-1756), граф, английский государственный деятель, государственный секретарь Иностранного департамента – 143, 159

Геллер, барон – 118

Георг I (1660-1727), король Великобритании с 1714 года – 114, 115, 123, 130, 154

Георг II (1683-1760), король Великобритании с 1727 года – 211

Георг III (1738-1820), король Великобритании с 1760 года – 235, 360, 361, 371, 375, 389, 448, 517, 518, 557

Гиндфорд Джон Кармайкл (1701-1767), граф, английский посол в России (1744-49) – 159

Годой-и-Альварес де Фариа, Мануэль, герцог де Алькудия, Принц де ла Пас (Принц Мира) (1767-1851), испанский государственный деятель, фаворит королевы Марии-Луизы, государственный секретарь по иностранным делам (1792-1798, 1801-1808) – 30, 50, 51, 56, 61, 64, 81, 477-482, 488, 490-492, 496, 497, 499, 500, 502-508, 510, 512-515, 519, 523, 526, 528, 531-534, 539-541, 543-545, 548-552, 557, 572

Годунов Борис Фёдорович (1552-1605), боярин, российский государственный деятель, фактический правитель государства с 1587 г., царь с 1598 г. – 133

Голица Михаил Иванович, боярин – 133

Голицын Александр Михайлович (1723-1807), князь, российский вице-канцлер, вице-президент Коллегии иностранных дел – 249-253, 258, 259, 263-265, 273, 289, 302, 304, 305, 326, 335, 339, 340

Голицын Василий Васильевич (1643-1714), князь, российский государственный деятель – 28, 133

Голицын Дмитрий Алексеевич (1734-1803), российский посланник в Голландии – 334, 335, 337

Голицын Дмитрий Михайлович (1665-1737), князь, российский государственный деятель, член Верховного тайного совета, глава Коммерц-коллегии – 133, 134, 157, 219

Голицын Дмитрий Михайлович (1721-1793), князь, российский военный и дипломат, посол в Париже, Вене – 217, 218

Голицын Михаил Андреевич (1630-1687), князь, воевода – 133

Голицын Михаил Михайлович (1675-1730), князь, фельдмаршал, президент Военной коллегии, сенатор, член Верховного Тайного совета – 134

Голицын Сергей Дмитриевич (1696-1738), князь, российский дипломат, посланник в Испании, действительный тайный советник (1729) – 22, 69, 132, 135-137, 139, 145, 147, 148, 153, 177, 185-192, 194, 219, 573, 575, 576

Голицын Юрий Михайлович (?–1561), боярин, псковский наместник – 133

Голицына Анна Михайловна (1699-1728), жена А.Б. Бутурлина – 245

Голицыны, княжеский род России – 73, 133, 143, 148, 177

Головкин Гавриил Иванович (1660-1734), граф, российский

государственный деятель, канцлер – 185

Головкина Мария Ивановна (1707-1770), жена П.И. Репнина – 220

Голштинский Георг – см. Гольштейн-Готторпский Георг Людвиг

Гольштейн-Готторпский Георг Людвиг (1719-1763), принц, российский генерал-фельдмаршал, дядя Петра III и Екатерины Алексеевны – 162, 230, 239

Гомпеш Фердинанд фон, Великий магистр Мальтийского ордена (1797-1802, низложен в 1798 г.) – 551-555

Гонгора Хуан Франсиско Хименес де, предок герцога де Альмодовара – 226

Гренвиль Уильям (1759-1834), барон, министр иностранных дел, премьер-министр Великобритании – 516, 523

Гримальди-и-Палавичини Пабло Херонимо, маркиз и герцог де Гримальди (1720-1789), испанский государственный деятель, государственный секретарь по иностранным делам (1763-1778) – 23, 26, 43, 140, 214, 215, 234, 248, 250-254, 258, 259, 261, 262, 265, 268, 274, 289, 291, 292, 294-296, 298, 300-303, 316, 318, 319, 324, 339, 344, 347-349, 351, 352, 355, 357, 359, 360, 364, 365, 367, 369-372, 374-376, 407-411, 413-416, 421, 424, 438, 439, 441, 567, 569, 572, 574

Гримальдо Хосе де Гримальдо-и-Гутьеррес, маркиз де Солорсано (1664-1733), государственный секретарь Испании – 131, 132, 136, 146, 154, 184, 187, 188

Гримм Фридрих Мельхиор, барон фон (1723-1807), немецкий публицист, критик и дипломат – 392, 402, 460, 497

Гуд Самуэль (1724-1816) – английский адмирал – 496

Густав III (1746-1792), король Швеции с 1771 года – 449, 453, 458

Дашкова Екатерина Романовна (1743-1810), княгиня, сподвижница Екатерины II, президент Российской Академии Наук – 245, 247, 267, 332, 336, 341, 342

Декорш, французский агент в Константинополе в годы якобинской диктатуры – 497

Делитала Мануэль – секретарь испанского посольства и поверенный в делах Испании в России (1763-1772) – 296, 304, 410

Джей Джон (1745-1829), американский государственный деятель, первый председатель Верховного суда США – 403, 514

Джексон Френсис Джеймс (1770-1814), английский дипломат, посланник в Испании (1794-1795), в США – 504

Джервис Джон (1735-1823), британский адмирал – 524

Дин Силас (1737-1789), американский дипломат – 368

Долгорукие, русский княжеский род – 143, 177

Долгоруков (Долгорукий) Василий Лукич (ок. 1670-1739), князь, российский дипломат; член Верховного тайного совета, племянник Я.Ф. Долгорукова – 138

Долгоруков (Долгорукий) Иван Алексеевич (1708-1739), князь, придворный, фаворит Петра II – 176

Долгоруков Яков Федорович (1659-1720), боярин, князь, российский государственный деятель, дипломат, генерал, сенатор, посланник в Испанию в 1687 году – 104

Друльер, испанский банкир – 250, 321

Дюбуа Гийом (1656-1723), французский государственный деятель – 135

Дюгомье Жан-Франсуа (1738-1794), французский генерал – 498, 500, 501

Евреинов Яков Матвеевич (1700-1772), российский дипломат, консул в Кадисе, президент-Коммерц-коллегии; действительный статский советник – 16, 187, 190, 193

Екатерина I (1684-1727), российская императрица с 1725 года – 134, 138, 142, 147, 177, 192, 219, 245

Екатерина II (1729-1796), российская императрица с 1762 года – 11, 13-15, 17, 18, 24, 32, 34, 70, 71, 75, 82, 83, 87, 195, 220-222, 228-234, 236, 239, 240-244, 246, 249, 251-255, 263-275, 279, 283, 288, 291, 292, 302, 303, 305, 306, 308, 310-313, 315-320, 322, 331-333, 336, 339-341, 360-363, 366, 375, 387-389, 392-394, 399, 402, 409, 410, 415, 416, 427, 430, 442, 446, 449, 452, 453, 458, 460-463, 465-467, 497, 508, 509, 516-518, 520, 548, 566, 568, 570, 571, 574, 575

Елизавета Петровна (1709-1762), российская императрица с 1741 года – 24, 158, 159, 179, 181, 195, 216-218, 220-222, 224, 228, 231, 233, 235, 245, 246, 270, 313, 317, 330,

Жёнэ Эдмон-Жак (1726-1781), французский посол в Великобритании – 373

Жёнэ Эдмон-Шарль (1763-1834), французский поверенный в делах в России (1789-1792), посол в США, сын Э.-Ж. Жёнэ – 453

Жозе I (1714-1777), король Португалии с 1750 года – 235, 276, 352, 359

Жуинье Шарль-Луи Ле Клер, маркиз де, французский посол в России в 1774 году – 363

Засекин-Ярославский Иван Иванович, из ярославских уездных князей, посол в Испанию в 1525 году – 85

Зиновьев Степан Степанович (1740-1794), российский дипло-

мат, посланник в Испании (1772-1794) – 21, 23, 64, 69-73, 75-78, 80, 296, 308, 330-344, 346-353, 355, 356, 369, 371, 372, 376, 377, 379-386, 390, 393, 394, 399-401, 403, 405-408, 413, 417, 420, 421, 423-445, 449-451, 455, 456, 458, 460-462, 464-468, 470-472, 510, 528, 529, 569, 570, 572-575

Зотов Конон Никитич (1690-1742), деятель петровской эпохи – 118, 119, 183

Зубов Валериан Александрович (1771-1804), русский военачальник – 516

Зум, саксонский резидент в России – 157

Иван III Васильевич (1440-1505), Великий князь московский с 1462 года – 85, 219

Иван IV Грозный (1530-1584), Великий князь московский и всея Руси (с 1533), первый царь всея Руси (с 1547) – 86, 133, 219, 244

Иван V Алексеевич (1666-1696), русский царь (1682-1696) – 103

Иван VI (Иоанн Антонович) (1740-1764), российский император (1740-1741) – 194

Иосиф II (1741-1790), император Священной Римской империи с 1765 года – 309, 361, 442, 448, 454

Иосиф Фердинанд Баварский (1692-1699), наследник испанского короля Карла II – 105

Иранда, маркиз, испанский представитель – 505

Ирриарте Доминго де (1739-1795), испанский дипломат – 457, 469, 473, 502, 505, 507, 508

Кабаррус Франсиско, граф де (1752-1810), испанский государственный деятель, просветитель – 445, 530, 531, 535, 538, 539, 544

Кампоманес Педро-Родригес, граф де (1723-1802), испанский государственный деятель, просветитель – 26, 279, 283, 437, 445

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708-1744), российский дипломат, писатель – 194, 195

Кантемир Константин (1703-1747), зять Д.М. Голицына – 134

Карл II, 7, 91, 92, 97, 102, 104-106, 561

Карл III (1716-1788), король Неаполя (Карл VII) в 1734-1759 гг., король Испании с 1759 года – 10, 22, 25, 26, 31-35, 38, 40-44, 47, 49, 50, 54-56, 64, 107, 200, 205, 206, 208-217, 223, 224, 227, 231, 233, 234, 237, 239, 243, 248, 252, 254, 258-262, 265, 268, 274, 276, 277, 280-282, 284, 289, 291, 295, 297, 301, 303-305, 324, 339, 342, 352, 365, 369, 387, 390, 394, 398, 402, 410, 411, 413, 425, 426, 431, 436, 438, 441-443, 445, 467, 468, 515, 546, 564, 566, 567, 574, 576

Карл IV (1748-1819), испанский король с 1788 года – 50, 64, 230, 258, 260, 349, 434, 442, 457-459, 463, 467, 471, 479, 481, 488, 491, 493, 499, 502, 504, 508, 513, 514, 524, 537, 543, 545, 550, 554-556, 558, 571

Карл V (1500-1558), король Испании (под именем Карла I) и император Священной Римской империи – 84-86, 97, 213

Карл XII (1682-1718), шведский король с 1697 года – 124, 125

Карл, эрцгерцог, см. Карл VI

Карл VI – 106-108, 138, 154, 155, 206, 209

Карл, принц Астурийский, испанский инфант, будущий король Карл III – 117, 131, 137, 140, 144, 146, 150, 153, 154, 156, 206, 207, 208, 563, 564

Карл, принц Астурийский, испанский инфант, будущий король Карл IV – 230, 258, 260, 349, 439, 442, 467

Кармайкл Уильям (ок. 1739-1795), американский дипломат, представитель США в Испании (1782-1794) – 400, 401, 403-405

Каро Вентура (1742-1808), испанский генерал – 494

Картерет Джон, граф Гранвилль (1690-1763), английский государственный деятель, государственный секретарь, президент Тайного совета – 158, 159

Касас-и-Аррагори де лас Симон (1742-1798), испанский дипломат – 529

Каскос Хуан Вильядеморос, секретарь испанского посольства в России – 161, 173-175, 182,

Кастельфранко, князь, командующий испанской армией – 494

Кауниц-Ритберг Венцель Антон Доминик, принц фон (1711-1794), австрийский государственный деятель, канцлер – 239, 240, 255, 448

Кауниц-Ритберг Иосиф Клеменс, граф (1743-1785), австрийский дипломат, посол в Испании (1780-1784), сын В.А. Кауниц-Ритберга – 403, 542

Кейзерлинг Герман Карл фон (1697-1765), российский государственный деятель – 332

Кобенцель Людвиг, граф (1753-1809), австрийский дипломат, посланник, затем посол в России (1779-1800), министр иностранных дел, вице-канцлер – 461, 489

Коломби Антонио де – испанский генеральный консул в России (1775-1791) – 411

Колумб Христофор (1451-1506), испанский мореплаватель – 85

Корунья де ла, капитан гвардейского корпуса – 250

Корф Иоганн-Альбрехт фон (1697-1766), русский дипломат, президент Петербургской Академии Наук (1734-1740), российский посланник в Дании – 232, 243, 266

Кочубей Виктор Павлович (1768-1834), князь, российский государственный деятель, вице-канцлер, министр внутренних дел, председатель Государственного Совета и Комитета министров – 311, 340, 556

Кошелев, капитан российского флота – 192

Криденер (Крюденер) Алексей Иванович (1746-1802), барон, российский дипломат – 525, 546

Кунья Хосе Жуаким Васкес да (1734-1812), португальский дипломат – 284, 337

Куракин Борис Иванович (1676-1727), князь, российский государственный деятель, дипломат – 20, 110, 111, 116, 119, 120-125, 127, 130, 132, 138, 184

Куракина Екатерина Борисовна (1703-1772), жена А.Б. Бутурлина – 245

Лави Анри, французский консул в Петербурге – 183, 184

Лаллеман, французский посланник в Венеции – 503

Ламбильи Педро, граф де, полномочный посланник Испании в России в 1726 г. – 147, 148

Лангара-и-Уарте Хуан Франсиско (1736-1806), испанский адмирал, министр морского флота – 389, 496

Ласи Франсиско Антонио, граф де (1731-1792), военный, дипломат, испанский посланник в России (1772-1778) – 363, 374-376, 377, 387, 408, 411, 413, 416, 528

Лебрен-Тондю Пьер Анри Элен Мари (1754-1794), французский политический деятель, министр иностранных дел – 478, 480-482, 486

Леопольд I (1655-1705), император Священной Римской империи с 1658 года – 91, 105, 107

Леопольд II (1747-1792), император Священной Римской империи с 1790 года – 259, 453, 454, 458, 459

Лесо Блас де (1689-1741), испанский адмирал – 201

Лещинский Станислав (1677-1766), король Польши – 110, 111, 208

Ли Артур (1740-1792), американский дипломат – 23, 368-371, 373, 380, 386

Лириа-и-Херика Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт, граф Тинмут, барон Босворт, герцог де (1696-1738), испанский гранд первого класса, фельдмаршал, придворный, посланник в России (1727-1730) – 22, 30, 57, 108, 156, 160, 161, 163-182, 207, 208, 224, 536, 563, 576

Лосада Хосе Фернандес Миранда, герцог де (?-1783), испанский гранд, приближенный Карла III, родственник Г.М. де Ховельяноса – 542

Луис I (1707-1724), испанский король с 15 января по 31 августа 1724 года – 138-141, 144, 189, 206

Луис-Антонио (1727-1785), архиепископ Толедо, кардинал (1735-1754), брат короля Карла III – 230, 550

Луцци, неаполитанский посол в Испании – 76, 451, 455-457, 459, 460, 465, 467-469, 471, 472

Лерена Педро Лопес де, граф де Лерена (1734-1792), испанский государственный деятель, министр экономики и военный министр – 443, 444

Льягуно-и-Амирола Еухенио (1724-1799), испанский политик и писатель, министр – 541

Людовик XIV (1638-1715), французский король с 1643 года – 36, 54, 55, 96, 105-107, 111, 112, 115, 117, 503, 562

Людовик XV (1710-1774), французский король с 1715 года – 38, 115, 116, 144, 145, 155, 209, 212, 214, 226, 272, 273, 276, 282, 289, 291

Людовик XVI (1754-1793), французский король с 1774 по 1792 год – 26, 51, 78, 358, 452, 456-458, 461, 463, 466, 476-479, 481-485, 488, 491, 494, 499, 500, 505, 571, 572

Людовик XVII (1785-1795), наследник французского престола (1789-1792) – 495, 500, 505

Людовик XVIII (1755-1824), король Франции с 1814 года – 511, 545

Магеллан Фернан (1480-1521), португальский мореплаватель – 85

Макаров Алексей Васильевич (1674-1750), тайный кабинет-секретарь Петра I – 117, 118

Максимилиан I (1459-1519), император Священной Римской империи с 1508 года – 84, 85

Марианна Австрийская (1634-1696), испанская королева, вторая жена Филиппа IV – 91, 97

Мария I (1734-1816), королева Португалии с 1777 года – 352

Мария Стюарт (1542-1587), – королева Шотландии с 1560 года – 160

Мария-Амалия Саксонская (1724-1760), испанская королева, супруга Карла III – 41, 44, 64, 209, 211, 224, 239

Мария-Антуанетта (1755-1793), французская королева (1774-1792), супруга Людовика XVI – 456

Мария-Каролина (1752-1814), супруга короля Неаполя Фердинанда IV – 259, 515

Мария-Луиза Испанская (1745-1792), супруга Леопольда II, дочь Карла III – 259

Мария-Луиза Орлеанская (1676-1744), невеста Луиса I – 144, 145

Мария-Луиза Пармская (1751-1819), испанская королева (1788-1808), супруга короля Карла IV – 50, 260, 434, 442, 443, 467, 468, 477, 514, 543, 544

Мария-Луиза Савойская (1688-1714), испанская королева с 1701 года, первая жена Филиппа V – 107

Мария-Терезия Вальбурга Амалия Кристина (1717-1780), императрица Священной Римской империи с 1745 года – 200, 237, 259

Мария-Терезия-Шарлотта (1778-1851), супруга Леопольда, герцога Ангулемского, дочь Людовика XVI – 505

Мартин – командующий эскадрой – 210

Масерано Витторио Филипо Ферреро Фьечи, князь (1713-1777), испанский дипломат, посол в Великобритании (1763-1777) – 75, 77, 297, 298, 300, 348, 350, 357, 359, 360, 363, 364, 367-369, 371, 373-376, 379, 381

Мелендес Вальдес Хуан (1754-1817), испанский поэт, юрист, политик – 531

Менедес де Авилес Педро (1519-1574) – испанский адмирал, губернатор испанской Флориды – 477

Меньшиков Александр Данилович (1673-1729), российский государственный и военный деятель, сподвижник и фаворит Петра Великого – 332

Меньшикова Екатерина Александровна (1748-1781), фрейлина Екатерины II, жена С.С. Зиновьева – 332, 339

Мерси д'Аржанто Флоримон-Клод, IV граф де (1727-1794), австрийский дипломат, посол в России, Франции – 230, 239, 240, 255, 495

Мерлен Антуан-Кристоф (1762-1833), деятель французской революции – 501

Мещерский Сергей Васильевич (1737-1781), действительный статский советник, советник в канцелярии Коллегии иностранных дел – 346

Миланс Франсиско де, испанский купец, 410

Мина, маркиз де, губернатор и генерал-капитан Каталонии – 229

Миних Иоанн Эрнест (1707-1788), российский дипломат, президент Коммерц-коллегии – 410

Михаил Фёдорович (1596-1645), первый русский царь из династии Романовых – 133

Монтарко Хуан Франсиско делос Эрос, испанский политик, государственный деятель – 527, 528

Мусин-Пушкин Алексей Семенович (1730-1817), российский дипломат, сенатор, действительный тайный советник – 195, 337, 360

Мускис Мигель де (1719-1785) – испанский министр торговли и финансов – 23, 408, 413

Мышецкий Яков Ефимович (?–1700), князь, стольник, посланник в Испанию в 1687 году – 104

Наварро, испанский генерал – 498

Наполеон Бонапарт (1769-1821), французский полководец и государственный деятель, император

(1804-1815) – 60, 496, 511, 514, 548, 549, 551, 553, 554, 576

Нарышкин Александр Львович (1694-1746), граф, действительный тайный советник, сенатор – 129, 131, 158

Нарышкин Лев Александрович (1733-1799), граф, российский государственный деятель, обер-штаб-лейб-камергер – 241

Нарышкина Прасковья Ивановна (?–1723), жена С.Д. Голицына – 135

Наталья Петровна (1718-1725), царица, дочь Петра I и Екатерины Алексеевны – 137, 138, 142

Новиков Николай Иванович (1744-1818), русский журналист, издатель и общественный деятель – 242

Нолли, испанский купец – 183

Норманде Педро де, секретарь испанского посольства в России (1776-1778), поверенный в делах (1778-1782), посланник (1784-1788) – 387, 388, 393-395, 397, 398, 410, 421-424, 431, 561

Оболенский-Щербатый Василий Андреевич, родоначальник рода Щербатовых – 148

Одоевская Анна Яковлевна (?–1750), жена Д.М. Голицына – 135

Окарис Хосе (1750-1805), испанский дипломат, генеральный консул во Франции, исполнял обязанности временного поверенного (1792-1793, 1795-1796) – 473, 480-483, 502, 503

Олавиде Пабло Антонио Хосе де (1725-1802), испанский просветитель и общественный деятель – 428, 429, 519

Онис Лопес-и-Гонсалес Хоакин де (1730-?), секретарь испанского посольства в России (1794-1798), поверенный в делах (1798-1799), брат Хосе де Ониса – 519, 556, 557

Онис Лопес-и-Гонсалес Хосе де (1726-1802), испанский дипломат, посол в Саксонии, посланник в России (1792-1794) – 342, 473, 519, 547, 548

Орендайн Хуан-Баутиста де, маркиз де ла Пас (1683-1731), испанский государственный деятель, государственный секретарь по иностранным делам – 140, 155, 182

Ордин-Нащокин, Афанасий Лаврентьевич (1606-1680), русский государственный и военный деятель – 28, 88, 93

Орлов Григорий Григорьевич (1734-1783), князь, российский государственный деятель – 331, 332, 338

Оссун Пьер-Поль, маркиз д' (1713-1788), французский посол в Испании (1759-1777) – 212, 358, 375, 382

Остерман Андрей Иванович (1686-1747), граф, российский государственный деятель, дипломат – 128, 136, 141, 142, 155, 157, 168, 172, 176, 177, 186

Остерман Иван Андреевич (1725-1811), граф, российский дипломат, вице-канцлер с 1775 года – 74, 310, 311, 416, 444, 446, 447, 450, 453, 455, 461, 463, 467, 472, 508-510, 513, 516-519, 523, 524

Осуна Педро де Алькантара Телес-Хирон, IX герцог де (1755-1807), испанский гранд, дипломат, полководец – 546

Павел I (1754-1801), российский император с 1796 года – 11, 228, 243, 245, 431, 521-525, 545, 549, 550, 553-560, 574

Панин Никита Иванович (1718-1783), граф, российский дипломат и государственный деятель, первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел – 11, 14, 15, 27, 28, 70, 241-243, 252, 264, 266, 268-270, 272, 273, 281, 285, 289, 291, 300, 301, 306-308, 324, 326, 333-339, 343, 344, 366, 377, 381, 388, 389, 392, 393, 395, 397-399, 410, 412, 413, 416, 421, 423-425, 439, 528, 566-568, 570, 573

Парке Висенте Мария де Каньяс-и-Портокарреро, IX маркиз де Вальесеррато, VI герцог де (1768-1817), испанский гранд, дипломат, военный – 543, 546, 547

Патиньо Хосе (1666-1736), испанский государственный деятель, первый министр с 1726 года – 62, 198, 199, 207

Перес де Лема Франсиско (1742-?), испанский государственный деятель – 531

Периньон Катарин-Доменик (1754-1818) – французский генерал, Почетный маршал Франции – 501, 511-513

Перрато Франсиско, чиновник Торговой хунты Испании – 187, 316

Пётр I Великий (1672-1725), российский император с 1721 года – 9, 10, 12, 14, 18, 20, 73, 87, 103, 110, 116-123, 125-135, 137, 138, 142, 144, 149, 150, 165, 171, 176-179, 182-184, 186, 187, 190, 194, 219, 221, 245, 332, 562, 563, 572, 576

Пётр II (1715-1730), российский император с 1727 года – 134, 143, 164-166, 174, 175, 177

Пётр III (1728-1762), российский император с 1761 года – 35, 195, 220, 228-232, 235, 239, 246, 247, 269, 343, 566

Питт Младший Уильям (1759-1806), английский премьер-министр с 1783 года, второй сын Уильяма Пита Старшего – 504, 523

Питт Старший Уильям, I граф Четэм (1708-1778), английский государственный деятель, премьер-министр – 213, 223, 235, 292, 297

Плещеев Федор Степанович (?–1770), капитан 1-го ранга, командир фрегата «Надежда Благополучия» – 318, 321

Полков Степан (?–1681 или 1682), дьяк, русский дипломат, посланник в Испанию – 102

Полушкин Яков, посланник Вазилия III в Испанию – 85

Помбал Себастиу Жозе Карвалью-и-Меллу де Ойраш, маркиз де (1699-1782), первый министр Португалии (1750-1777) – 276, 282, 284, 293, 336, 345, 348, 351, 352, 359

Понятовский Станислав Август (1732-1798), граф, польский король и великий князь Литовский (1764-1795), фаворит Екатерины II – 255

Посада Карлос Бенито Гонсалес де (1745-1831), испанский священник, друг Г.М. де Ховельяноса – 537

Пособуэно Хасинто, маркиз де, испанский дипломат, посол в Швеции (1718-1720) и Великобритании (1720-1727) – 125

Потёмкин Петр Иванович (1617-1700), российский дипломат XVII века, боровский наместник – 88, 89, 91-102

Потёмкин Григорий Александрович (1739-1791), граф, светлейший князь, российский государственный деятель – 310, 375

Принц де ла Пас, см.: Годой

Радша, предок рода Бутурлиных – 244

Растопчин Федор Васильевич (1763-1826), российский государственный деятель, генерал-губернатор Москвы – 311, 312, 340-342

Репнин Аникита Иванович (1668-1726), генерал-губернатор Лифляндии – 219

Репнин Борис Александрович (?-1670), князь, российский государственный, политический и военный деятель – 219

Репнин Петр Иванович (?–1778), князь, генерал-поручик, российский посланник в Мадриде (1760-1763) – 69, 71, 78, 219-222, 226, 227, 229, 230, 232-234, 236-243, 246, 247, 251-253, 268, 305, 313-317, 319-321, 329, 567, 572, 575

Репнины, русский княжеский род – 219

Репня Иван Михайлович, родоначальник фамилии Репниных – 219

Рибопьер Александр Иванович (1781-1865), российский государственный деятель, дипломат – 555

Рикардос Антонио (1727-1794), испанский генерал – 494-496

Рикла Амбросио де Фунес Вильялпандо Абарка де Болеа, граф де (1719-1780), испанский государственный деятель, военный министр – 218, 226, 229, 349

Рипперда Иоханн Вильгельм, баронет (1680-1737), испанский государственный секретарь – 62, 145-148, 154, 160, 207

Робеспьер Максимилиан (1758-1794), лидер Великой Французской революции – 498, 499

Роган Эммануил де (1725-1797), великий магистр Мальтийского ордена (1775-1797) – 549

Розенберг, граф, австрийский посол в Испании – 237

Романовы, династия русских царей с 1613 года и императоров с 1721 года – 244

Рочфорд Уильям Генри Нассау (1717-1781), граф, английский государственный деятель, министр иностранных дел – 363, 364, 374, 375

Румянцев Николай Петрович (1754-1826), граф, российский государственный деятель, сын П.А. Румянцева – 340

Румянцев Семен, дьяк, секретарь посольства П.И. Потемкина – 88, 93, 94

Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (1725-1796), граф, российский военный и государственный деятель – 290

Рюрик (ум. 879), летописный основатель государственности Руси – 148, 219

Сааведра-и-Сангронис Франсиско де (1746-1819), испанский государственный деятель, министр – 546, 552, 554

Сабатье де Кабр Оноре-Огюст (1745-1816), французский дипломат – 335

Сайас Басан Мартин де, губернатор Кадиса – 88

Сан-Северино, неаполитанский посол во Франции – 214

Санта-Крус Хосе Хоакин де Сильва-Басан, IX маркиз де (1734-1802), испанский дипломат – 542

Сарриа Николас де Карвахаль и Ланкастер, маркиз де, испанский генерал – 235

Сен-Симон, Луи де Лувруа, герцог (1675-1755), мемуарист, французский посол в Испании – 139, 172

Сент-Элен Аллейн Фитцгерберт (1753-1839), барон, английский дипломат, посланник в России (1783-1788) и Испании (1790-1794) – 483, 492

Серван Жозеф (1741-1808), французский генерал и политический деятель – 505

Сиверс Карл Ефимович (Карл Эдуард) (1710-1774), барон, российский государственный и военный деятель – 245

Симонен, французский резидент в Испании – 500

Скилаччи Леопольдо де Грегорио, маркиз де (1700 или 1708-1785), испанский государственный деятель, министр финансов – 25, 205, 224, 230, 249, 251-253, 257, 261, 262, 273, 279, 318

Стрешнева Прасковья Ивановна, жена И.А. Щербатова – 157

Стюарты, королевская династия в Шотландии и Англии – 111, 124

Тахмас Кулихан Надир-шах (1736-1747), шах Ирана – 143

Тессе Рене-де-Фуле, граф (1650-1725), французский маршал и дипломат – 141

Торре Фелипе де Фондесвиэла-и-Ондеано, маркиз де ла (1725-1784), испанский дипломат посланник в России (1782-1784) – 398, 399, 422, 529

Уркихо Мариано Луис де (1768-1817), испанский государственный деятель, министр – 546

Уррутиа-и-лас-Касас Хосе-Рамон де (1739-1803), испанский генерал – 546

Фалеев Михаил Леонтьевич (1730-1792), крупный местный промышленник – 417

Фарнезе Антонио (1679-1731), 8-й герцог Пармы с 1727 года – 207

Фарнезе Изабелла (1692-1766), вторая жена Филиппа V – 34, 36, 44, 57, 115, 117, 131, 138, 139, 153, 154, 206, 208, 209, 224, 248, 260, 562

Фарнезе Франциско (1678—1727), 7-й герцог Пармы с 1694 года – 137, 138

Фёдор Алексеевич (1661-1682), русский царь с 1676 года – 102

Фёдор Иоаннович (1557-1598), русский царь с 1584 года – 133, 219, 244

Фердинанд I (1751-1802), герцог Пармы из династии Бурбонов с 1765 года, внук Филиппа V – 514

Фердинанд VI (1713-1759), испанский король с 1746 года – 31, 34, 37, 39, 43, 54, 55, 57, 63, 64, 137, 138, 141, 142, 155, 195, 198-200, 205, 206, 211, 214, 216, 224, 277, 278, 345, 431, 563, 565,

Фердинанд IV (1751-1825), король Неаполя (1759-1806), сын Карла III – 274, 458, 514, 515

Фердинанд Арагонский (1452-1516), испанский король с 1479 года – 5

Фернан-Нуньес, Карлос-Хосе Гутьеррес де лос Риос-и-Роан-Шабо, VI граф де (1742-1795), испанский дипломат – 542

Филипп I (1720-1765), герцог Пармы из династии Бурбонов с 1748 года, сын Филиппа V, отец Фердинанда I и супруги Карла III Марии-Луизы – 200, 208-210, 564

Филипп II (1527-1598), испанский король с 1556 года – 86

Филипп IV (1605-1665) – испанский король с 1621 года – 90, 96, 105

Филипп V (1683-1746), испанский король с 1700 года – 9, 31, 34, 36, 39, 40, 55, 57, 63, 64, 106-108, 112, 115-117, 120, 122, 132, 136-139, 141, 142, 145-148, 153, 156, 160, 161

Финкенштейн, Карл (1714-1800) – граф, прусский государственный деятель, посол в России (1747-1748) – 179, 181

Финч Эдвард (1697-1771), английский дипломат, посол в России (1739-1742) – 220

Фитц-Джеймс Джеймс Стюарт, I герцог Бервик (1670-1734), сын Якова II, французский полководец, маршал Франции – 108, 160

Флоридабланка Хосе Моньино, граф де (1728-1808), испанский политический деятель, государственный секретарь по иностранным делам (1777-1792) – 11, 15, 22, 23, 26, 30, 32, 50, 52, 62, 64, 66, 75, 262, 283, 340, 352-355, 370-373, 375, 376, 378-386, 391, 393, 394, 395, 397-400, 402-405, 411, 422-424, 427, 429-431, 433, 437, 439-446, 449, 451-457, 459-463, 464-467, 469-471, 477, 529, 561, 569-571, 573, 574

Фонвизин Денис Иванович (1745-1792), русский литератор, служил в Коллегии иностранных дел – 337, 339

Франклин Бенджамин (1706-1790), американский дипломат, политический деятель – 365, 368, 373, 399, 403

Фридрих Август II – см. Август III

Фридрих II (1712-1786), прусский король с 1740 года – 36, 198, 223, 247, 308, 442, 448

Фридрих II Вильгельм (1744-1797), прусский король с 1786 года – 454, 459, 468, 503, 522

Фуэнтес Хоакин Атанасио Пигнателли де Арагон Монкайо, маркиз де Коскохуэла де Фантовна и де Мора, граф де (1724-1776), испанский дипломат, посол в Великобритании – 213, 262

Ханыков Пётр Иванович (1743-1813), адмирал русского флота – 516, 523

Харрис (Гаррис) Джеймс, I граф Мальмсбери (1746-1820), английский дипломат – 300, 376, 377, 387-389, 399

Ховельянос-и-Рамирес Гаспар Мельчор де (1744-1811), испанский просветитель, государственный и общественный деятель – 66, 72, 81, 83, 437, 445, 506, 524, 528-544

Хотинский Николай Константинович (1727-1811), российский дипломат, поверенный в делах в Испании (1765-1767), во Франции (1767-1773) – 265, 268, 274, 276-280, 324, 335

Челламаре Антонио Джюдика, герцог Джовенацца, князь (1657-1733), испанский политический деятель, посол во Франции – 120, 121, 126-128, 183

Черниговские, русский княжеский род – 219

Чернышев Петр Григорьевич (1712-1773), граф, российский дипломат, сенатор – 194

Чернышев Иван Григорьевич (1717 или 1726-1797), граф, российский государственный деятель, дипломат – 221, 246

Чернышев Захар Григорьевич (1722-1784), граф, генерал-фельдмаршал, известный военачальник времён Семилетней войны – 236

Честерфилд, Филипп Дормер Стэнхоп (1694-1773), английский государственный деятель, дипломат, государственный секретарь – 159

Чоглоков Николай Наумович (1718-1754), российский государственный деятель – 221

Чоглокова Мария Симоновна (1723-1756), жена Н.Н. Чоглокова, обер-гофмейстерина Екатерины II – 221

Чоне Фелипе, испанский купец – 409, 410

Шверин, граф, адъютант Фридриха II – 331

Шевелен, французский представитель в Лондоне – 486

Шетарди, Жак-Иоахим Тротти, маркиз де ла (1705-1759), французский дипломат, посол в России – 158, 220

Шлейниц Ганс Христофор, барон, русский посланник во Франции (1717-1720) – 126, 128, 129

Шредер, английский агент в Швеции – 128

Штакельберг Отто Магнус (1736-1800) – граф, русский посланник при испанском и польском дворах – 69, 71, 269, 270, 272-275, 279, 280, 282-287, 289-303, 305-312, 326, 329, 330, 333, 338, 340-342, 344, 346, 407, 409, 427, 429, 568, 572, 575

Шуазёль Этьен Франсуа, герцог д'Амбуаз и граф Стэнвилль (1719-1785), французский государственный деятель, министр иностранных дел Людовика XV – 41, 212-215, 234, 235, 237, 261, 262, 268, 279, 280, 282, 286, 288, 290, 291-293, 295, 298, 299, 300, 301, 312, 344, 376, 567, 569

Щербатов Василий Васильевич, воевода – 148

Щербатов Иван Андреевич (1696-1761), российский дипломат, государственный деятель, посланник в Испании, в Константинополе, Лондоне, вице-президент Коммерц-коллегии, президент Юстиц-коллегии, сенатор – 26, 69, 140, 148, 149-160, 163, 167, 186, 187, 189, 190, 193, 573, 575, 576

Щербатов Савва Дмитриевич (?-1606), воевода – 148

Щербатовы, русский княжеский род – 148, 219

Энсеняда Сенон де Сомодевилья и Бенгочеа, маркиз де (1702-1781), испанский государственный секретарь – 37, 198, 199, 205

Эррерия Альваро де Навиа Осорио-и-Бельет, виконт де ла (1728-1788), испанский посланник в России (1763-1771) – 240, 250-252, 265, 529

Эскарано-и-Торрес Франсиско де, испанский дипломат, посол в Великобритании (1772-1775, 1777-1778) – 379, 380

Юрсен (1642-1722), принцесса, французская политическая деятельница при дворе Филиппа V – 117

Юртюбиз, представитель Национального собрания Франции в Испании в годы революции – 455, 464, 469, 492

Яков II Стюарт (1633-1701), король Англии, Шотландии и Ирландии (1685-1688) – 108, 147, 160, 161

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Архив Внешней Политики Российской Империи:*
Фонд «Сношения России с Испанией».
Фонд «Сношения России с Португалией».
Фонд «Сношения России с Англией».
Фонд «Секретнейшие дела. Испания».
Фонд «Секретнейшие дела. Англия».
Фонд «Внутренние коллежские дела».
2. *Российский Государственный Архив Древних Актов:*
Фонд «Кабинет Петра I».
Фонд «Госархив. Переписка разных лиц».
Фонд «Дипломатический отдел».
Фонд «Сенат. Комиссия по портовым и внутренним пошлинам».
Фонд «Голицыны».
3. *Archivo Histórico Nacional: Sección «Estado».*
4. *Archivo General de Simancas: Sección «Estado».*
5. *Archivio di Stato di Napoli: F. «Stato degli affari esteri».*

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. *Архив князя Воронцова.* – М., 1870-1895:
Т. 5. Бумаги графа А.Р. Воронцова. 1873.
Т. 7. Бумаги государственного канцлера графа М.Л. Воронцова. 1874.
Т. 13. Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Письма князя Безбородко. 1878.
Т. 16. Письма графа С.Р. Воронцова к разным лицам (1759-1816). 1880.

- Т. 18. Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Письма князя Кочубея, Д.П. Татищева, Н.Н. Новосильцова. 1880.
- Т. 20. Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. Письма графа Маркова, барона Гримма, Лизакевича. 1881.
- Т. 24. Бумаги разного содержания. 1881.
- Т. 26. Бумаги разного содержания. 1882.
- Т. 29. Письма к графам Воронцовым. 1883.
- Т. 31. Бумаги графа А.Р. Воронцова. 1885.
- Т. 32. Бумаги графов Воронцовых. 1886.
- Т. 34. Бумаги государственного канцлера графа М.Л. Воронцова, 1744-1758. 1887.
2. *Болотов А.* Жизнь и приключения А. Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738-1793. – М., 1870.
3. Древняя Российская Вивлиофика. – Ч. IV. – М., 1778.
4. Записки герцога де-Лирия // Русская старина. – 1873. – Т. VIII.
5. Конвенция, заключенная между Его Величеством Императором Всероссийским и державным орденом Мальтийским и его преимуществом Грос-Мейстером. Спб. 1798.
6. *Лириа И. де.* Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. 1727–1730 годов / Пер. с франц. Д. Языкова. – Спб.: Гутенберговая тип., 1843. – III. – 217 с.
7. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I–XV. – Спб., 1874-1909.
8. Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789). – М., 1989.
9. *Остерман А.И. барон.* Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 году // Северный архив. – 1828. – Ч. 31. – № 1.
10. Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. – Т. 1: 1488-1594. – Спб., 1851. – XXV, 1620 стлб.

11. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. – Т. 4: 1661-1674. – СПб., 1856. – 1436 стлб.
12. Письма А.И. Остермана, графа П.И. Головкина и других лиц в Испанию к князю С.Д. Голицыну // Оснадцатый век: Исторический сборник (Изд. П. Бартев). – Кн. 3. – 1869.
13. Письма о России в царствование Петра II в Испанию Дука де Лириа, бывшего первым Испанским посланником при нашем дворе. Перевод с испанского священника К.Л. Кустодиева // Оснадцатый век. – М., 1869. – Кн. 2, 3.
14. Письма о России в Испанию дука де-Лириа... / Пер. с исп. К.Л. Кустодиева // Оснадцатый век. – М., 1869. – Кн. 2. – С. 1-21. – Кн. 3.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649-1825 (в 45 т.) – СПб., 1830-1916. Т. 24, 25.
16. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954.
17. Россия и Испания: Документы и материалы 1667-1917. Т. 1. 1667-1799. – М., 1991.
18. Россия и Испания: Документы и материалы 1667-1917. Т. 2. 1800-1917. – М., 1997.
19. Сборник Российского Исторического Общества. Спб.:
 - Т. 1: Рескрипты и письма императрице Екатерине II на имя графа А.П. Орлова-Чесменского. 1867;
 - Т. 3: Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии (из дел Саксонского гос. Архива в Дрездене). 1868;
 - Т. 10: Бумаги имп-цы Екатерины II, хранящиеся в Гос. Архиве МИД. 1872;
 - Т. 11: Указы, письма и бумаги Петра Великого. 1873;
 - Т. 17: Переписка императрицы Екатерины II с Фальконе-том. 1876;
 - Т. 19: Дип. переписка англ. послов и посланников при русском дворе. 1876;
 - Т. 20: Дип. материалы, относящиеся к царствованию Петра Великого. 1877; Т. 23: Переписка Екатерины II с Ф.М. Гриммом. 1;

- Т. 28: Финансовые документы царствования Екатерины II;
- Т. 34: Донесения французских посланников при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 г.;
- Т. 46: Донесения графа Мерси д'Аржано императрице Марии-Терезии и гос. канцлеру графу Кауницу-Ритбергу. 1885;
- Т. 49: Донесения французского консула в Петербурге Лави и посланника Кампредона с 1722 по 1724 г. 1885;
- Т. 57: Дип. переписка императрицы Екатерины II, 1766-1767 гг. 1887;
- Т. 66: Дип. переписка англ. посланников при русском дворе, 1728-1733. 1888;
- Т. 72: Дип. переписка Фридриха II с графом Сольмсом, посланником при русском дворе. 1891;
- Т. 91: Дип. переписка англ. посланников при русском дворе, 1741. 1895;
- Т. 96: Донесения французского посла при русском дворе маркиза де Шетарди, 1741. 1895;
- Т. 97: Дип. переписка императрицы Екатерины II, 1769-1771. 1896;
- Т. 99: Дип. переписка английских посланников при русском дворе. 1897;
- Т. 100: Донесения французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди, 1742-1743. 1898.
- Т. 103: Дип. переписка англ. посланников при русском дворе, 1744-1749. 1899.
- Т. 106: Бумаги Каб. министров имп-цы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1900;
- Т. 108: Бумаги Каб. министров имп-цы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1901;
- Т. 110: Дип. переписка англ. посланников при русском дворе, с 1746 г. 1901;
- Т. 117: Бумаги Каб. министров имп-цы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1904;
- Т. 118: Дип. переписка императрицы Екатерины II, 1772-1773. 1904;

- Т. 126: Бумаги Каб. министров имп-цы Анны Иоанновны, 1731-1740. 1906;
- Т. 140: Дип. переписка французских представителей при дворе Екатерины II, 1762-1765. 1912;
- Т. 143: Дип. переписка французских представителей при дворе Екатерины II, 1769-1772. 1913.
20. Статейный список Посольства стольника и наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина в Испанию в 7175 (1667) году // Древняя Российская Вивлиофика. – Ч. IV. – М., 1788. – С. 360-457.
21. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции // Сын отечества. – 1850. – Кн. 5. – С. 1 – 18.
22. *Almodóvar, marqués de*. Correspondencia diplomática del marqués de Almodóvar, ministro plenipotenciario cerca de la corte de Rusia, 1761-1763. – Madrid, 1893.
23. *Arroyal L. de*. Pan y Toros // «Pan y Toros» y otros papeles sediciosos de fines del siglo XVIII. – Madrid, 1971.
24. Corpus diplomático Hispano-Ruso (1667-1799) / Ed. de Manuel Espadas Burgos. – Vol. I. – Madrid, 1991.
25. *Díaz-Plaza F.* Historia de España en sus documentos. Siglo XVIII. – T. IV. – Madrid, 1958.
26. *Godoy M.* Memorias. – Madrid, 1956. – Т. 1.
27. *Jovellanos G.de*. Diarios. – Oviedo, 1953-1956. – Т. II.
28. *Jovellanos G. M.* de. Obras completas. Т. III: Correspondencia. – Oviedo: Centro de Estudios del siglo XVIII, 1986.
29. Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. Biblioteca de Autores Españoles (Далее: BAE). Т. LXXXVI.
30. The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States. – Washington, 1889. – V. 1-6.

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. – Т. I-II. – Варшава, 1897.
2. *Алексеев М.П.* Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании. – М., 1940.
3. *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.
4. *Алексеев М.П.* Испанистика в свете истории испано-русских культурных связей // Вопросы испанской филологии. – Л., 1974.
5. *Алексеев М.П.* Московский подъячий Я. Полушкин и ита-ло-испанский гуманист Педро Мартир // Культурное наследие Древней Руси. – М., 1976.
6. *Алпатов М.А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. – М., 1966.
7. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. – М., 1976.
8. *Альперович М.С.* Нутка-Зундский кризис и Россия // Американский ежегодник. – 1993. – М., 1994.
9. *Альперович М.С.* Русско-испанское соперничество в Америке в последней трети XVIII в. // *IBÉRICA AMERICANS.* Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. – СПб., 1991.
10. *Альперович М.С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). – М., 1993.
11. *Багно В.Е.* Россия и русские глазами испанцев // Русская литература. – 1997. – № 2.
12. *Багно В.Е.* Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / Сост. В.Е. Багно. – СПб., 2001.

13. *Балязин В.* Московские градоначальники. – М., 1997.
14. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). – Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). – М., 1894.
15. *Белокуров С.А.* Списки дипломатических лиц русских за границей. – Вып. 1: Австро-Венгрия. – М., 1892.
16. *Бемер Г.* Иезуиты. – М., 1913.
17. *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. – СПб., 1890-1891.
18. Биография А.Т. Болотова. – Тула, 1997.
19. *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. – СПб., 1890. – Ч. 1.
20. *Бобылев В.С.* Документы Центрального гос. архива древних актов о русско-испанских отношениях периода Северной войны // Вопросы историографии и источниковедения социально-политической истории России. – М., 1982.
21. *Бобылев В.С.* Русско-испанские отношения в начале XVIII в. (1715-1730): Автореф. ... к. и. н. – М., 1981.
22. *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990.
23. *Божкова С.А.* Испания при Карле III и возобновление деятельности российского консульства в Кадисе во II-ой половине XVIII века // Политика и культура стран Европы и Америки. – Ч. 1. – Йошкар-Ола, 1994.
24. *Болховитинов Н.Н.* Россия и война за независимость США. – М., 1976.
25. *Брикнер А.* История Екатерины II. – СПб., 1885.
26. *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II 1727-1730 // Вестник Европы. – Пб., 1896. – № 2.
27. *Бутурлин М.Д.* Очерк жизни графа Бутурлина // Русский архив. – 1867. – №. 3.

28. *Валишевский К.Ф.* Сын Великой Екатерины, император Павел I. Спб., 1914. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269043167
29. Великая французская революция и Россия. – М., 1989.
30. *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. – Л., 1986.
31. *Волков Н.Е.* Двор российских императоров в его прошлом и настоящем. – СПб., 1900.
32. *Володина Т.В.* Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка П.И. Потемкина» и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – № 24.
33. *Волосюк О.В.* Развитие демократической тенденции в испанском Просвещении // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. – М., 1981.
34. *Волосюк О.В.* Экономические общества друзей отечества в Испании во второй половине XVIII века // Проблемы испанской истории 1987. – М., 1987.
35. *Волосюк О.В.* Испано-русские отношения в начале правления Карла III (1759-1763) // Проблемы испанской истории 1992. – М., 1992.
36. *Волосюк О.В.* Просвещенный абсолютизм Карла III в Испании и Испанской Америке // Вестник РУДН. Серия «История, философия». – 1993. – № 1.
37. *Волосюк О.В.* Испания и Европа в годы Великой французской революции. – М., 1994.
38. *Волосюк О.В.* Испано-русские отношения в годы Великой французской революции // Вестник РУДН. Серия «История, философия». – 1995. – № 2.
39. *Волосюк О.В.* Испания и российская дипломатия в XVIII веке. – М., 1997.
40. Всемирная Иллюстрация. – Т. 11. – 1874; Т. 13. – 1875.

41. *Гаврюшкин А.М.* Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. – М., 1989.
42. *Геллер М.Я.* История российской империи. – Т. II. – М., 1997.
43. *Гельбиг.* Случайные люди в России // Русский архив. – 1865. – № 1-12.
44. *Герасимова Г.И.* «Северный аккорд» графа Панина. Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. – М., 1992.
45. *Герреро Латорре А.* Карл IV // Испанские короли. 18 исторических портретов от средних веков до современности. – Р.-н-Д., 1998.
46. *Головачев Л.* Значение испанских архивов для русской истории // Русская мысль. – М., 1907. – № 7.
47. *Григорович Н.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. – СРЮ. – Т. 26. – 1879.
48. *Гризингер Т.* Иезуиты. Т. 2. – Спб.-М., 1869.
49. *Демкин А.В.* Британское купечество в России XVIII в. – М., 1998.
50. *Джеджула К.Е.* Великая французская буржуазная революция и Европа. – Киев, 1965.
51. Дипломаты России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
52. Дипломаты Российской империи (Соловов Виталий Геннадьевич – автор текста). URL: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/>
53. *Долгоруков П.* Родословная книга. – СПб., 1856.
54. *Евдокимова Н.П., Петрова А.А.* Проблемы новой истории Испании. – СПб., 1997.
55. *Елисеева О.И.* Вельможная Москва: из истории политической жизни России. – М., 1997.
56. *Ильин А.* Иезуиты и их влияние на историю человечества. – М., 1905.

57. *Искюль С.Н.* Отклики на поражение антифранцузской коалиции 1792 г.: (из материалов архива Воронцовых) // Великая французская революция и Россия. – М., 1989.
58. История дипломатии. – Т. 1. – М.-Л., 1941.
59. История Европы. Т. IV: Европа нового времени (XVII-XVIII века) / Под ред. М.А. Барга и др. – М., 1994.
60. *Казакова Н.А.* Статейные списки русских послов в Испанию XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. – М., 1986.
61. *Капустин М.* Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. – 1852.
62. *Карabanов П.Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях // Русская старина. – 1871. – Т. 3, 4.
63. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. – Т. III: История XVIII в. – СПб., 1913.
64. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. – СПб., 1874.
65. *Кессельбреннер Г.Л.* Российские дипломаты XVI-XVIII веков. – Т. 1-3. – М., 1996.
66. *Кессельбреннер Г.Л.* Известные дипломаты России: Министры иностранных дел Российской Империи. – М., 2007 .
67. *Клибанов А.И.* У истоков русско-испанских взаимосвязей (XV-XVI вв.) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. – М., 1987.
68. *Козловский И.П.* Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641-1717 г.). – СПб., 1911.
69. *Крузе Ф.* Об отношениях руссов, вторгнувшихся в 844 году в Испанию и опустошавших Севиллу, и о связях их с Россиею. – СПб., 1839.
70. *Крылова Т.К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. – М.-Л., 1940.

71. *Лабзин А.Ф., Фахрушев А.* История ордена святого Иоанна Иерусалимского. – СПб., 1799.

72. *Лависс Э. Рамбо А.* Всеобщая история с 4 века от РХ по современность: в 8 т. – Т. 1-8. – М., 1897-1903.

73. *Лавров А.С.* Россия при Анне Иоанновне глазами испанского дипломата // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). – СПб., 2001.

74. *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – СПб. 1859.

75. *Лебедев Д.М.* География в России петровского времени. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1950.

76. *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. – М.-Л., 1954.

77. *Лобанов-Ростовский А.* Русская родословная книга. – СПб., 1873.

78. *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. – М., 1867.

79. *Майский И.М.* Испания 1808-1914: Исторический очерк. – М., 1957.

80. *Манфред А.З.* Великая французская революция. – М., 1983.

81. *Манько А.В.* Выдающиеся дипломаты России. – М., 2005.

82. Маршалы Наполеона. Периньон Катарин-Доминик (1754-1818). URL: <http://history.scps.ru/fr-march/21.htm>

83. *Масальский К.* Русское посольство в Испанию и Францию в 1667 и 1668 годах // Библиотека для чтения. – Т. 31. – Отд. III. – 1838.

84. *Медников И.Ю.* Династический кризис в Испании в начале XIX в. и реакция России // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – Вып. 3. – М., 2004.

85. *Медников И.Ю.* Россия и Испания накануне августа 1914 г. // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – Вып. 4. – М., 2007.
86. *Маурер Э.* Филипп V // Испанские короли. 18 исторических портретов от средних веков до современности. – Р.-н-Д., 1998.
87. *Милютин В.* Обзор дипломатических сношений Древней Руси с Римской империей // Современник. – Т. XXVIII. – 1851. – № 7-8. – Отд. 2.
88. *Милютин Д.А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. – СПб., 1857. – Т. 1.
89. *Модестов В.* История падения иезуитов в XVIII столетии. – СПб., 1855.
90. *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра I. – М., 1986.
91. *Моралес О.* Флоридабланка и его политика в отношении Англии (1777-1789) // Вестник РУДН. Серия «История, философия». – 1995. – № 2.
92. *Нарочницкий А.А.* Международные отношения накануне и во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. (1763-1794). – М., 1946.
93. *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725-1739 гг. – М., 1976.
94. *Никифоров Л.А.* Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. – М., 1973.
95. Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (к. XV – нач. XVII в.) / Сост. и автор вступ. статьи Н.М. Рогожин. – М., 1990.
96. О вооруженном морском нейтралитете. – СПб., 1859.
97. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802-1902. – М.: Международные отношения, 2002.

98. Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 3. – М., 1960.
99. *Перминов П.* Под сенью восьмиконечного креста: (Мальтийский Орден и его связи с Россией). – М., 1991.
100. *Печникова Р.Ю.* Мальтийский орден в прошлом и настоящем. – М., 1990.
101. *Пипер Р.* Фердинанд VI // Испанские короли: 18 исторических портретов от средних веков до современности. – Р.-н-Д., 1998.
102. *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. – СПб., 1902.
103. *Питтиманн Х.* Карл III // Испанские короли: 18 исторических портретов от средних веков до современности. – Р.-н-Д., 1998.
104. *Погодин С.Н.* «Русская школа историков»: Кареев, Лучицкий, Ковалевский. – СПб., 1997.
105. *Пожарская С.П.* О признании Испанией независимости США // Новая и новейшая история. – 1975. – №. 1.
106. *Пожарская С.П. и др.* Союзники и противники // Война за независимость и образование США. – М., 1976.
107. *Пожарская С.П.* Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XIX в. (факторы интереса) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. – М., 1987.
108. *Пожарская С.П.* Испания глазами российских послов конца XVIII – начала XIX века // Россия и Европа. Дипломатия и культура. – М., 1995.
109. *Пожарская С.П.* Россия и Испания в годы наполеоновских войн // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – Вып. 2. – М., 2002.
110. *Пожарская С.П.* Образы Испании и России глазами испанских и российских послов // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – Вып. 3. – М., 2004.

111. *Пожарская С.П.* Испанские дипломаты о российском революционном движении в 70-80-е гг. XIX в. // Россия и Европа. Дипломатия и культура. – Вып. 4. – М., 2007.
112. *Полиевктов М.В.* Герцог де Лириа и его проект // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. – СПб., 1911.
113. *Полиевктов М.* Герцог де Лириа и его проект учреждения испанского консульства в России. – СПб., 1911.
114. *Полиевктов М.* Из переписки барона А.И. Остермана (письма к кн. Б.И. Куракину и гр. А.П. Головкину 1727-1729) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Моск. университете. – 1913. – Кн. 3. – Отд. 1.
115. Портреты российских дипломатов. – М., 1991.
116. *Пытин А.Н.* Масонство в России: XVIII и первая четверть XIX века. – М., 1997.
117. *Ратынский Н.А.* Двор и правительство России 100 лет назад // Русский архив. – 1886. – Т. 1. – № 2.
118. Род Голицыных в истории России: Материалы I Голицынских чтений. Большие Вяземы. 1994.
119. Российская дипломатия в портретах. – М., 1992.
120. *Рош Денис.* Русские типы в неизданных гуашах 1731 года к запискам дюка Лирийского // Старые годы. – СПб., 1911, июнь.
121. Русский биографический словарь. – Т. 14. Т. 16. Т. 24. – СПб., 1905-1913.
122. *Савельев А.И.* Первые кадетские смотры // Русская Старина. – 1890. – Т. 66. – № 5.
123. *Саплин А.И.* Россия и Испания против Французской революции // Великая французская революция и Россия. – М., 1989.
124. *Соловьев С.М.* История падения Польши // Сочинения. – Кн. XVI. – М., 1995.

125. *Соловьев С.М.* История России, 1766-1772 гг. Царствование Екатерины II Алексеевны. История России с древнейших времен. Т. 27-28 // Сочинения. – Кн. XIV. – М., 1998.
126. *Сорель А.* Европа и Французская революция. Т. I–IV / Пер. с фр. и предисл. Н.И. Кареева. – СПб., 1892.
127. *Спиридов М.Г.* Сокращенное описание служеб благородных российских дворян. – М., 1810.
128. *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья в 1798–1807 гг. – М., 1962.
129. *Тарле Е.В.* Екатерина II и ее дипломатия. – Ч. 1-2. – М., 1945.
130. *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774) // Собр. соч.: в 12 т. – М., 1959. – Т. 10.
131. *Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. – М., 1996.
132. *Трачевский А.* Испания девятнадцатого века. – М., 1872.
133. *Троицкий С.М.* Русские дипломаты в середине XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972.
134. *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. – Кн. 1-2. – М., 1899.
135. Французская буржуазная революция 1789-1794. – М.-Л., 1941.
136. *Фалкон Рамирес Х.* Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. – М., 1992.
137. *Фернандес Искьердо Ф.* Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667-1668 гг. // Проблемы испанской истории. – М., 1992.
138. *Фехнер М.В.* Испано-русская торговля XII века // История и культура Евразии по археологическим данным. – М., 1980.

139. Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. – М.-Л., 1941.
140. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений XV – начала XVI в. – М., 1980.
141. *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762-1774. – СПб., 1896.
142. *Черенков И.* История державного ордена святого Иоанна Иерусалимского. – Воронеж, 1803.
143. *Черкасов П.П.* Россия и «дипломатическая революция» 1756 г. в Европе // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М., 1994.
144. *Черкасов П.П.* Прерванный диалог: русско-французские отношения в первой половине XVIII в. // Россия и Франция XVIII–XX вв. – М., 1995.
145. *Чистякова Е.В.* Международные связи во второй половине XVII в.: (по материалам Статейного списка П.И. Потемкина) // Россия в мировом политическом процессе: Материалы 2-й международной научно-теоретической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
146. *Шайноха К.* Славяне в Андалузии. – М.: Унив. тип., 1874.
147. *Шмурло Е.* Значение Симанкского архива для русской истории // Сборник Академии Наук «Россия и Италия». Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. – Т. 3. – Вып. 2. – Пг., 1915. – С. 301-322.
148. *Шмурло Е.* Поиски, произведенные в Симанкском архиве // Сборник Академии Наук «Россия и Италия». Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. – Т. 3. – Вып. 2. – Пг., 1915. – С. 245-251.
149. *Шумигорский Е.С.* Император Павел I: Жизнь и царствование. – СПб., 1907.
150. *Эттингер Ф.* Министры, находившиеся при иностранных дворах в царствование Екатерины II. – СПб., 1848.

151. *Языков Д.* Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. 9. – Отд. III.
152. *Яковлев Н.Н.* Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации // Россия и Европа. Дипломатия и культура. – М., 1995.
153. *Яковлев Н.Н.* Европа накануне дипломатической революции. – М., 1997.
154. Actas del congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». V. 1. El Rey y la monarquía. V. 2. Economía y sociedad. V. 3. Educación y pensamiento. – Madrid, 1990.
155. *Aguilar Piñal F.* La biblioteca de Jovellanos (1778). – Madrid, 1984.
156. *Aguilar Piñal F.* Bibliografía de estudios sobre «Carlos III y su época». – Madrid, 1988.
157. *Albareda i Salvadó, J.* La Guerra de Sucesión de España (1700-1714). – Barcelona, 2010.
158. *Albiac Blanco M.-D.* El conde de Aranda: laberintos del poder. – Zaragoza, 1998.
159. *Alcázar Molina C.* El conde de Floridablanca. – Madrid, 1929.
160. *Alcázar Molina C.* El despotismo ilustrado en España. – Paris, 1932.
161. *Allendesalazar J. M.* Apuntes sobre la relación diplomática Hispano-Norteamericana, 1763-1895. – Madrid, 1996.
162. *Altamira y Crevea R.* Historia de España y de la civilización española. – Barcelona, 1929. – Т. 4.
163. *Alzina Aguilar J.P.* Embajadores de España en Londres: una guía de retratos de la embajada de España. – Madrid, 2001.
164. *Anderson M.S.* Europe in the Eighteenth Century. – London – New York, 1987.

165. *Anderson M.S.* The Rise of Modern Diplomacy, 1450-1919. – London – New York, 1993.
166. *Anderson M.S.* The War of the Austrian Succession, 1740-1748. – London – New York, 1995.
167. *Anderson M.S.* The Origins of the Modern European State System, 1494-1618. – London – New York, 1998.
168. *Andújar Castillo F.* Consejo y consejeros de guerra en el siglo XVIII. – Granada, 1996.
169. *Anes G.* La economía y la «ilustración» en la España del siglo XVIII. – Barcelona, 1969.
170. *Anes G.* El Antiguo Régimen. Los Borbones. – Madrid, 1975.
171. *Aymes J.R.* España en movimiento (1766-1814). Ensayo bibliográfico // La Revolución francesa y el mundo ibérico. – Madrid, 1989.
172. *Aymes J. R.(ed.)*. España y Revolución francesa. – Barcelona, 1989.
173. *Aymes J. R.* La guerra de España contra la revolución francesa. – Alicante, 1991.
174. *Badorrey Martín B.* Los orígenes del Ministerio de Asuntos Exteriores, 1714-1808. – Madrid, 1999.
175. *Barreca L.* El reino de Sicilia en los años 1734-1759 y Carlos de Borbon // Actas del Congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». – V. 1: El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990.
176. *Barrio Gonzalo M.* Carlos III y su actitud política a través de su correspondencia con Tanucci (1759-1783) // Actas del Congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». – V. 1: El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990.
177. *Baudrillat A.* Philippe V et la cour de France. – Vol. 1-5. – Paris, 1890-1901.
178. *Bédarida H.* Les premiers Bourbons de Parme et l'Espagne (1731-1802). – Paris, 1928.

179. *Beerman E.* España y la independencia de Estados Unidos. – Madrid, 1992.

180. *Beladiez E.* Dos españoles en Rusia. – Madrid, 1969.

181. *Bély L.* Casas soberanas y orden político en la Europa de la paz de Utrecht // Los Borbones: dinastía y memoria de nación en la España del siglo XVIII: actas del coloquio internacional celebrado en Madrid, mayo de 2000. – Madrid, 2001.

182. *Bemis S. F.* The Hussey-Cumberland Mission and American Independence: An Essay in the Diplomacy of the American Revolution. – Princeton, 1931.

183. *Bemis S. F.* The Diplomacy of the American Revolution. – Bloomington, 1957.

184. *Bernecker W.L., Pietschman H.* Geschichte Spaniens. – Studgardt, 1997.

185. Los Borbones: dinastía y memoria de nación en la España del siglo XVIII: actas del coloquio internacional celebrado en Madrid, mayo de 2000. – Madrid, 2001.

186. *Bottineau I.* Les Bourbons d'Espagne. – Paris, 1993.

187. *Bourgeois E.* Le Secret des Farnése: Philippe V et la politique d'Alberoni. – Paris, 1909.

188. *Bourguet A.* Le Duc de Choiseul et l'alliance espagnole. – 1906.

189. *Bourguet A.* Le duc de Choiseul et l'alliance espagnole, après le Pacte de Famille // Revue Historique. – 1907. – № 94.

190. *Brown V. L.* Anglo-Spanish relations in America in the Closing Years of the Colonial era // Hispano-American Historical Review. – Aug. 1922. – V. 5.

191. *Brown V.L.* Studies in the History of Spain in the Second Half of the Eighteenth Century. – Northampton, 1930.

192. *Busto M.* Carreño y Jovellanos: correspondencia con motivo de su nombramiento como embajador de España ante la corte de Rusia // Boletín del Instituto de Estudios Asturianos. – 1981. – V. 35.

193. *Calvo Poyato J.* Felipe V, el primer Bourbon. – Barcelona, 1992.
194. *Canella y Secades F.* Historia de la Universidad de Oviedo y noticias de los establecimientos de enseñanza de su distrito. – Oviedo, 1903.
195. *Capectigue M.* Diplomatie de la France et de l'Espagne depuis l'avenement de la maison de Bourbon. – Paris, 1846.
196. *Carpio M.J.* Relaciones de España con últimos Estuardos. – Madrid, 1952.
197. *Caso González J.* Jovellanos y la Inquisición (Un intento inquisitorial de prohibir el «Informe sobre la Ley Agraria» en 1797). *Archivum*. – 1957. – V. 7.
198. *Caso González J.* Rectificaciones y apostillas a mi artículo «Jovellanos y la Inquisición» // *Archivum*. – Oviedo, 1959. – V. 9.
199. *Caso González J.* Notas sobre la prisión de Jovellanos en 1801 // *Archivum*. – Oviedo, 1962. – V. 12.
200. *Caso González J.* Los procesos de Jovellanos y Urquijo // Historia de la Inquisición en España y América. – Madrid, 1984.
201. *Caso González J. M.* Alabanza y crítica en los elogios de Carlos III. Actas del Congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». V.1. El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990.
202. *Cava Mesa M.J.* Diego Maria de Gardoqui: un bilbaino en la diplomacia del siglo XVIII. – Bilbao, 1992.
203. *Centurión J.G.* Causas del destierro de Jovellanos // *Boletín de la Real Academia de Historia*. – 1914. – V. 64.
204. *Clement J.P.* Las lecturas de Jovellanos: (Ensayo de reconstrucción de su biblioteca. – Oviedo, 1980.
205. Coloquio Internacional Carlos III y su siglo: actas. – Madrid, 1990.
206. El Conde de Aranda y su tiempo / Dir. J.A. Ferrer Benimeli. – Zaragoza, 2000.

207. *Coniglio G.* I Borboni di Spagna. – Milano, 1970.
208. *Conn S.* Gibraltar in Spanish Diplomacy in the XVIII Century. – New Haven, 1942.
209. *Conrotte M.* España y los países musulmanes durante el ministerio de Floridablanca. – Madrid, 1909.
210. *Conrotte M.* La intervención de España en la independencia de los Estados Unidos. – Madrid, 1920.
211. *Corona C.* Revolución y Reacción en el reinado de Carlos IV. – Madrid, 1955.
212. La correspondencia entre Felipe V y Luis XIV: estudio histórico, informático y traductológico. Córdoba: Servicio de Publicaciones, Universidad de Córdoba: Caja Sur Publicaciones. – 2006.
213. *Cortada J.* Two Nations over Time: Spain and the United States, 1776-1977. – Westport, Conn, 1978.
214. *Costa Rego J. da.* A colonia do Sacramento (1680-1777). – Porto Alegre, 1937.
215. *Cummins L. T.* Spanish Observers and the American Revolution, 1775-1783. – Baton Rouge, Louis, 1991.
216. *Chadwick F.E.* The Relations of the U.S. and Spain. – N-Y., 1909.
217. *Chaumié J.* Les relations diplomatiques entre l'Espagne et la France de Varennes a la mort de Louis XVI. – Bordeaux, 1957.
218. *Chavez T.E.* Spain and the independence of the United States. Albuquerque. – USA, 2002.
219. *Danvila y Collado M.* Reinado de Carlos III. – Vol. 1-6. – Madrid, 1891.
220. *Delgado Barrado J.M.* El proyecto político de Carvajal; pensamiento y reforma en tiempos de Fernando VI. – Madrid, 2001.
221. *Derjavin C.* La primera embajada rusa en España // Boletín de la Real Academia de Historia. – 1930. – T. 96.

222. *Desdevises du Desert G.* L'Espagne de l'Ancien Régime. 1897-1904. – Vol. 1-3.

223. *Diego E.de, Gutiérrez S.J., Bullon de Mendoza A. y Contreras R. (coord.):* Las repercusiones de la Revolución francesa en España. – Madrid, 1990.

224. *Domínguez Ortíz A.* Sociedad y Estado en el siglo XVIII español. – Barcelona, 1984.

225. *Domínguez Ortíz A.* Carlos III y la España de la Ilustración. – Madrid, 1988.

226. *Domínguez Ortíz A.* Carlos III de Borbon. Balance de un reinado // Actas del Congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». – V. 1: El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990.

227. *Doniol H.* Histoire de la participation de France a l'établissement des États-Unis d'Amérique. Correspondance diplomatique et documents. – Paris, 1886-1892.

228. *Elliott J. H.* Spain, Europe and the wider world, 1500-1800. – New Haven; London, 2009.

229. *Enciso Recio L.M.* El influjo de la revolución francesa en España // Poder ilustrado y revolución. – Murcia, 1984.

230. *Enciso Recio L. M.* Las sociedades económicas en el Siglo de las Luces Madrid. Real Academia de la Historia. – 2010.

231. España y Revolución Francesa. – Madrid, 1989.

232. Estado Mayor Central del Ejercito. Campaña de los Pirineos a finales del siglo XVIII. – Madrid, 1949-1959. – Vol. 1-5.

233. *Fernández y Fernández E.* Spain's Contribution to the Independence of the United States. – Washington, 1985.

234. *Ferrer Benimeli J.* El Conde de Aranda y la independencia de América // Coloquio «Ilustración Española e Independencia de América». – Barcelona, 1979.

235. *Ferrer Benimeli J.* Carlos III y la extinción de los jesuitas // Actas del Congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». – V. 1: El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990.

236. *Ferrer del Rio A.* Historia del reinado de Carlos III. – Madrid, 1856. – Vol. 1-4.

237. *Franco J.L.* Las relaciones entre España y NorteAmérica, 1776-1789. – La Havana, 1983.

238. *Garcia Fernandez M.N.* Comerciando con el enemigo: el trafico mercantile anglo-espanol en el siglo XVIII (1700-1765). Prologo de A. Guimera Ravina. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Cientificas, 2006.

239. *Garrigues E.* Un desliz diplomático, la paz hispano-turca (La paz hispano-turca: un estudio de las relaciones diplomáticas españoles de 1779 a 1799). – Madrid, 1962.

240. Gibraltar, 300 anos. Alejandro del Valle Galvez, Inmaculada Gonzalez Garcia (editores). Cadiz : Universidad de Cadiz, Servicio de Publicaciones : Grupo Interuniversitario Andaluz de Investigacion «Estudios Juridicos Interanacionales y Europeos». – 2004.

241. *Gil Munilla O.* Malvinas. El conflicto anglo-español de 1770. – Sevilla, 1948.

242. *Gil Munilla O.* El Rio de la Plata en la política internacional. Genesis del Virreinato. – Sevilla, 1949.

243. *Gil Novales A.* (coord.): La Revolución francesa y la Península Ibérica // Historia Social. – 1987. – № 36-37.

244. *Goebel J.-Jr.* The Struggle for the Falkland Islands. A Study in Legal and Diplomatic History. – New Haven, 1927.

245. *Gómez Molleda M.D.* Gibraltar, una contienda histórica en el reinado de Fernando V. – Madrid, 1953.

246. *González Santos L.* Godoy, príncipe de la Paz, siervo de la guerra. – Madrid, 1985.

247. *Harcourt-Smith S.* Alberoni or the Spanish Conspiracy. – London, 1943.

248. *Hargreaves-Mawdsley W.N.* Eighteenth Century Spain, 1700-1788 // A Political, Diplomatic and Institutional History. – Totowa, 1979.

249. *Hernández Franco J.* La gestión política y el pensamiento reformista del conde de Floridablanca. – Murcia, 1984.

250. *Hernández Sánchez-Barba M.* La última expansión española en América. – Madrid, 1957.

251. *Herr R.* The Eighteenth Century Revolution in Spain. – Princeton, 1958.

252. *Herr R.* An Historical Essay of Modern Spain. – Berkeley, 1971.

253. *Hidalgo Nieto M.* La cuestión de Malvinas. Contribución al estudio de las relaciones hispano-inglesas en el siglo XVIII. – Madrid, 1947.

254. *Hilt D.* The Troubled Trinity: Godoy and the Spanish Monarchs. – Alabama, 1987.

255. Historia de España Menéndez Pidal. – T. XXXI: La época de la Ilustración, las Indias y política exterior. – Madrid 1988.

256. Historia de España (Dir. por Tuñon de Lara M.). – T. VII: Centralismo, ilustración y agonía del antiguo régimen (1715-1833). – Barcelona, 1987.

257. Historia de España, siglo XVIII: la España de los Borbones. (Dir. R. García Cárcel). – Madrid, 2002.

258. Historia general de España y América. – T. X: La España de las reformas. Hasta el final del reinado de Carlos IV. – Madrid, 1984.

259. *Hull A.* Charles III and the Revival of Spain. – Washington, 1980.

260. *Hurtado Rodríguez F.* Jovellanos, ministro de Carlos IV // Boletín del Instituto de Estudios Asturianos. – 1982. – V. 35.

261. *Jacquet J.-L.* Les Bourbons d'Espagne. – Lausanne, 1968.

262. José Moñino y Redondo, Conde de Floridablanca (1728-1808): estudios en el bicentenario de su muerte. – Gijón, 2009.

263. *Jover Zamora J.M., Hernández Sandoica E.* España y los tratados de Utrecht // Historia de España Menéndez Pidal. – T. XXIX:

La época de los primeros Borbones. – Vol. 1-2: La nueva monarquía y su posición en Europa. (1700-1759). – Madrid, 1985.

264. *Jover Zamora J.M.* España en la política internacional; siglos XVIII-XX. – Madrid, 1999.

265. *Kamen H.* The War of Sucession in Spain. 1700-1715. – London, 1969.

266. *Kamen H.* Golden Age, Spain. – London – New York, 1988.

267. *Kamen H.* Empire: how Spain became a world power, 1492-1763. – N.-Y., 2004.

268. *Kamen H.* Imagining Spain: historical myth & national identity. – New Haven (Conn.); London, 2009.

269. *Kratz G.* El tratado hispano-portugues de limites de 1750 y sus consecuencias. Estudio sobre la abolición de la compania de Jesus. – Roma, 1954.

270. *Lafuente M.* Historia general de España desde los tiempos mas remotos hasta nuestros días. – Madrid, 1850-1867. – T. 21.

271. *La Parra López E.* La alianza de Godoy con los revolucionarios: España y Francia a fines del siglo XVIII. – Madrid, 1992.

272. La proyección de la monarquía hispánica en Europa: política, guerra y diplomacia entre los siglos XVI y XVIII. – Bilbao, 2009.

273. *Loupès Ph.* L'Espagne de 1780 à 1802. – Paris, 1985.

274. *López de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // Cuadernos de historia de España. – 1946. – T. 5.

275. *Lynch J.* Bourbon Spain, 1700-1800. – Oxford, 1989.

276. *Maltby W.* The rise and fall of the Spanish empire. – N.Y., 2009.

277. *Maquart M.-F.* L'Espagne de Charles II et la France: 1665-1700. – Toulouse, 2000.

278. *Marcet A.* La paix de Bale, d'après les «Memoires» de Godoy // L'Espagne et la France de la révolution française (1793-1807). – Perpignan, 1994.

279. *March y Gelabert J.* Discurso leído ante el Claustro de la Universidad Central... en el acto de recibir la investidura de Doctor. – Madrid, 1866.

280. *Marcillac P. L. de.* Histoire de la guerre entre la France et l'Espagne pendant les années de la révolution française 1793, 1794 et partie de 1795. – Paris, 1808.

281. *Masones de Lima J.* Un español en la corte de Luis XV: cartas confidenciales del embajador Jaime Masones de Lima, 1752-1754. – Alicante, 2001.

282. *Masson Ch. F.* Memoirs secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. – T. 2. – Londres, 1802.

283. *Menéndez Pelayo M.* Historia de España. – Madrid, 1958.

284. *Menéndez Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. – Madrid, 1880-1882.

285. *McMichael F.A.* Atlantic loyalties: Americans in Spanish West Florida. – Athens, Ga.: University of Georgia Press, 2008.

286. *Mousset A.* Un témoin ignoré de la révolution: le comte de Fernan Nuñez, ambassadeur d'Espagne à Paris (1787-1791). – Paris, 1924.

287. *Mulhacén, marqués de.* Política mediterranea de España 1704-1951. – Madrid, 1951.

288. *Muriel A.* Historia de Carlos IV. – Madrid, 1893-1894.

289. *Naxonera L. de.* Felipe V. Fundador de una dinastía y dos veces rey de España. – Barcelona, 1956.

290. *Nocedal C.* Obras publicadas e inéditas de Don Gaspar Melchor de Jovellanos Madrid. – 1859.

291. *Ochoa Brun M.A.* Embajadas y embajadores en la historia de España. – Madrid, 2002.

292. *Olaechea R., Ferrer Benimeli J.* El conde de Aranda. – Vol. 1-2. – Zaragoza, 1978.

293. *Olivie F.* La herencia de un imperio roto: dos siglos de política exterior española. – Madrid, 1992.
294. *Oltra J., Pérez Samper M. A.* El Conde de Aranda y los Estados Unidos. – Barcelona, 1987.
295. *Ossorio y Gallardo A.* Historia del pensamiento catalan durante la guerra de España con Republica Francesa (1793-1795). – Madrid, 1971.
296. *Ozanam D.* La diplomacia de Fernando VI. – Madrid, 1975.
297. *Ozanam D.* La diplomacia de los primeros Borbones // Cuadernos de Investigación Histórica. – Madrid, 1982.
298. *Ozanam D.* Política y amistad: Choiseul y Grimaldi. Correspondencia particular entre ambos ministros (1763-1770) // Actas del Congreso internacional sobre «Carlos III y la Ilustración». V. 1. El Rey y la monarquía. – Madrid, 1990.
299. *Ozanam D.* Les diplomats espagnols du XVIIIe siècle: introduction et repertoire biographique, 1700-1808. – Madrid-Bordeaux, 1998.
300. *Ozanam D.* Dinastía, diplomacia y política exterior // Los Borbones: dinastía y memoria de nación en la España del siglo XVIII: actas del coloquio internacional celebrado en Madrid, mayo de 2000. – Madrid, 2001.
301. *Palacio Atard V.* El Tercer Pacto de Familia. – Madrid, 1945.
302. *Palacio Atard V.* La España del siglo XVIII. El siglo de las reformas. – Madrid, 1978.
303. *Pearce E.* Pitt the Elder: man of war. – London, 2010.
304. *Pérez Cristobal.* La Guerra de Sucesión en Velez-Malaga. – 1997.
305. *Pérez Samper M.A.* La España del siglo de las Luces. – Barcelona, 2000.
306. *Pocock T.* Battle for Empire: the Very First World War, 1756-1763. – London, 1998.

307. *Prieto R.* La revolución francesa vista por el embajador de España, conde de Fernan Nuñez. – Madrid, 1997.
308. *Raab J. W.* Spain, Britain, and the American Revolution in Florida, 1763-1783. – Jefferson, N.C., 2008.
309. La Revolución francesa y el Mundo Ibérico. – Madrid–Los Angeles–Bordeaux, 1989.
310. *Ringrose D.* Spain, Europe and the Spanish Miracle. – Cambridge, 1996.
311. *Rodríguez Casado V.* Primeros años de la dominación española en la Luisiana. – Madrid, 1942.
312. *Rodríguez Garraza R.* Tensiones de Navarra con la administración central (1778-1808). – Pamplona, 1974.
313. *Rodríguez Gonzalez R.* Trafalgar y el conflicto naval anglo-español del siglo XVIII San Sebastian de los Reyes: Actas Editorial. – 2005.
314. *Rodríguez L.* Reforma e Ilustración en la España del siglo XVIII. Pedro Rodríguez de Campomanes. – Madrid, 1975.
315. *Roura L.* La dernière phase de la grande guerre: entre la «guerre a mort» et les tentatives de paix // L'Espagne et la France de la révolution française (1793-1807). – Perpignan, 1994.
316. *Rumeu de Armas A.* El testamento político del conde Floridablanca. – Madrid, 1962.
317. *Sánchez-Blanco F.* El absolutismo y las luces en el reinado de Carlos III. – Madrid, 2002.
318. *Sánchez Diana J.M.* Relaciones diplomáticas entre España y Rusia en el siglo XVIII, 1780-1783 // HISPANIA. Revista española de historia. – 1952. – № 12.
319. *Sánchez Diana J.M.* Relaciones de España con Suecia en el siglo XVIII // HISPANIA. Revista española de historia. – 1962. – № 22.
320. *Sánchez Diana J.M.* España y el norte de Europa durante la revolución francesa, 1788-1803. – Valladolid, 1963.

321. *Sans Tapia A.* El final del Tratado de Tordesillas: la expedición del Virrey Cevallos al Rio de la Plata. – Valladolid, 1994.
322. *Sanz Camañes P.* Diplomacia hispano-inglesa en el siglo XVII: razón de estado y relaciones de poder durante la Guerra de los Treinta años, 1618-1648. – Almagro, 2002.
323. *Sanz Guitian P.* Viajeros españoles en Rusia. – Madrid, 1995.
324. *Sarrail J.* L'Espagne éclairée de la seconde moitié du XVIII siècle. – Paris, 1954.
325. *Schop Soler A.M.* Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. – Wiesbaden, 1970.
326. *Schop Soler A.M.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. – Barcelona, 1971.
327. *Schop Soler A.M.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733-1833. – Madrid, 1984.
328. *Schweizer K.* Frederick the Great, William Pitt and Lord Bute. – New York, 1991.
329. *Seco Serrano C.* Godoy, el hombre político. – Madrid, 1978.
330. *Soulange-Bodin A.* Diplomatie de Louis XV et le Pacte de Famille. – Paris, 1880.
331. *Syveton G.* Une cour et un aventurier au XVIIIe siècle, le baron de Ripperda. – Paris, 1896.
332. *Tarrago R.* Early U.S.-Hispanic Relations, 1776-1860. – Metuchen, N. J., 1994.
333. *Thomson B.P.* Spain, Forgotten Ally of the American Revolution. – Massachusetts, 1976.
334. El Tratado de Tordesillas y su proyección. – Valladolid, 1973-1974. – V. 1-2.
335. *Tratchevsky A.* L'Espagne a l'époque de la Révolution française // Revue Historique. – 1886. – V. XXXI.
336. *Vaca de Osma J.A.* Carlos III. – Madrid, 1997.

337. *Vilar J. B.* Relaciones entre España y el Magreb: siglos XVII y XVIII. – Madrid, 1994.

338. *Volosiuk O.V.* Jovellanos y Rusia // HISPANIA. Revista española de historia. – Madrid, 1988. – № 168.

339. *Volosiuk O.* España y la Gran Revolución francesa evaluadas por diplomáticos de Rusia // España y el mundo. – Moscú, 1990.

340. *Volosiuk O.* La correspondencia de Catalina II y Floridablanca relacionada con la Revolución francesa, septiembre de 1791 – febrero de 1792 // HISPANIA. Revista española de historia. № 174. Madrid. – Vol. L/1 1990. Enero-Abril.

341. *Volosiuk O.* La política exterior de España (1789-1793) según los diplomáticos rusos // Investigaciones históricas 18. – Valladolid, 1998.

342. *Volosiuk O.* España en la guerra de la independencia de los EEUU vista por el Ministro plenipotenciario ruso en Madrid Stepan Zinoviev // La presencia hispanica en los EEUU. Saint Jones University. – New York, 2003.

343. *Volosiuk O.* España en la guerra de la independencia de los EEUU vista por el Ministro plenipotenciario ruso en Madrid Stepan Zinoviev // Hispanos en los Estados Unidos: tercer pilar de la Hispanidad. Columbia University. – New York, 2004.

344. *Voltes Bou P.* El archiduque Carlos de Austria, rey de los catalanes. – Barcelona, 1952.

345. *Voltes Bou P.* Russia, Turguia y la política de Floridablanca en 1779. – BRAH, 1960. – № 147.

346. *Voltes Bou P.* La tradición jurídica del «Consolat de Mar» y la Neutralidad Armada de Catalina II de Rusia // Documentos y Estudios. Instituto Municipal de Historia. – Barcelona, 1961.

347. *Voltes Bou P.* Carlos III y su tiempo. – Barcelona, 1964.

348. *Voltes Bou P.* La Guerra de Sucesión. – Barcelona, 1990.

349. *Voltes Bou P.* Felipe V: fundador de España contemporánea. – Madrid, 1991.

350. *Voltes Bou P.* La vida y la época de Ferdinando VI. – Barcelona, 1996.

351. *Walch A.* Les monarchies française et espagnole du siècle d'or au grand siècle. – Paris, 2000.

352. *Wertheim B.* The Lost British Policy: Britain and Spain since 1700. – London, 1938.

353. *Woodfine Ph.* Britannia's Glories: the Walpole Ministry and 1739 War with Spain. – London, 1998.

354. *Yela Utrilla J. F.* España ante la independencia de los Estados Unidos. – Lerida, 1925.

355. *Young R.A.* La influencia de Godoy en el desarrollo de los Estados Unidos a costa de Nueva España. – Mexico, 1968.

356. *Zabala y Lera P.* El marqués de Argenson y el Pacto de Familia de 1743. – Madrid, 1928.

357. *Zabala y Lera P.* España bajo los Borbones. – Zaragoza, 2009.

Научное издание

Волосюк Ольга Виленовна

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ
В XVIII ВЕКЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ ИСПАНО-РУССКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Монография

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Л.А. Горовенко*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикина*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Тематический план 2011 г.

Подписано в печать 03.02.11 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,5. Тираж 1000 экз. Заказ 1384

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Царь Алексей Михайлович

Петр Иванович Потёмкин

Яков Федорович Долгоруков

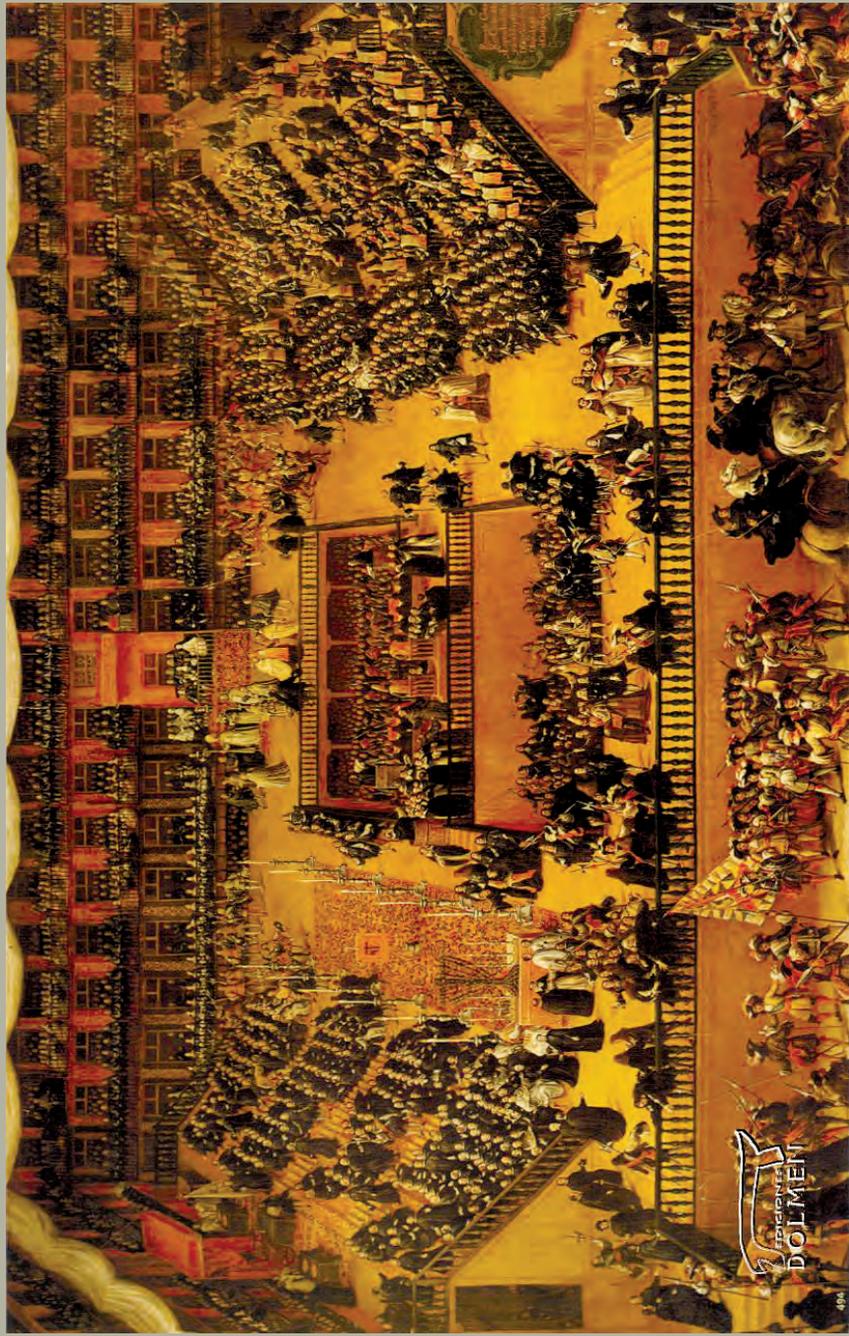
Царь Федор Алексеевич

Царь Иван Алексеевич

Король Карл II и его жена Мария-Луиза Орлеанская

Картина «Аутодафе», проходившего на Пласа Майор в Мадриде в 1680 г. в присутствии короля Карла II, королевы Марии-Луизы Орлеанской и королевы-матери Марианны Австрийской

Король Людовик XIV

Людовик XIV 16 ноября 1700 г. в королевском дворце в Фонтенбло в присутствии испанского посла провозглашает своего внука Филиппа Анжуйского королем Испании

Король Филипп V
и королева Изабелла
Фарнезе

Королева Мария-Луиза
Савойская, первая жена
Филиппа V

Инфант Карл,
будущий король Карл III

Кардинал Альберони

Филипп V в награду за победу в сражении при Альмансе присваивает Джеймсу Фитц-Джеймсу титул герцога де Лириа

Джеймс Фитц-Джеймс Стюарт, I герцог Бервик, герцог де Лириа

Герцог де Лириа-и-Херика сын герцога Бервика

Император Петр I

Император Петр II

Барон Андрей Иванович Остерман

Яков Матвеевич Евреинов

Князь Сергей Дмитриевич Голицын

Король Луис I

Королева Луиза-Изабелла Орлеанская

Король Фердинанд VI

Королева Барбара де Браганса

Императрица Анна
Иоанновна

Императрица Елизавета
Петровна

Император Петр III

Великая княгиня Екатерина,
будущая императрица
Екатерина II

Граф Алексей Петрович
Бестужев-Рюмин

Граф Александр
Борисович Бутурлин

Граф Никита Иванович Панин

Граф Михаил
Илларионович
Воронцов

Графиня Мария
Романовна Воронцова
(Бутурлина)

Граф Александр Романович Воронцов

Король Карл III

Королева Мария-Амалия Саксонская

Гаспар Мельчор де Ховельянос

Мигель де Асанса

Граф Отто Магнус Штакельберг

Маркиз Херонимо де Гримальди

Рикардо Вал

Граф Педро-Родригес де Кампоманес

Граф Педро де Аранда

Хосе Моньино, будущий граф де Флоридабланка
(портрет написан ок. 1776 г.)

Граф де Флоридабланка в 90-е гг. XVIII в.

Мария-Луиза Пармская, будущая королева Мария-Луиза (портрет написан в 1765 г.)

Инфант Карл, будущий король Карл IV

Королева Мария-Луиза и король Карл IV в 90-е гг. XVIII в.

Мануэль Годой в молодости

Мануэль Годой, герцог де Алькудия, Принц де ла Пас

Граф Иван Андреевич Остерман

Граф Александр Андреевич Безбородко

Императрица Екатерина II

Император Павел I в регалиях Мальтийского Ордена